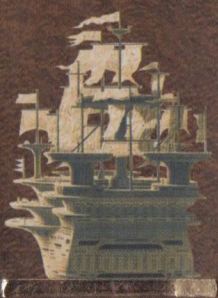

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Весь
ГАРРИСОН

ПРОПАВШИЙ
ЛАЙНЕР

ЭКМО

Весь

ГАРРИСОН

ПРОПАВШИЙ
ЛАЙНЕР

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

Весь
ГАРРИСОН

Весь

ГАРРИСОН

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

СТАЛЬНАЯ КРЫСА: РОЖДЕНИЕ

СТАЛЬНАЯ КРЫСА: ЗОЛОТЫЕ ГОДЫ

ВИЛЛ - ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ

ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

ЭДЕМ

ЗВЕЗДЫ И ПОЛОСЫ НАВСЕГДА!

ВРЕМЯ ДЛЯ МЯТЕЖНИКА

К ЗВЕЗДАМ!

ПУТЬ КОРОЛЯ. Том 1

ПУТЬ КОРОЛЯ. Том 2

ПЛЕНЕННАЯ ВСЕЛЕННАЯ

ЧУМА ИЗ КОСМОСА

ОДИН ШАГ ОТ ЗЕМЛИ

ЗВЕЗДНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ

ГАЛАКТИЧЕСКИХ РЕЙНДЖЕРОВ

ПРОПАВШИЙ ЛАЙНЕР

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Гарри

ГАРРИСОН

ПРОПАВШИЙ ЛАЙНЕР

ОТНЕСИ-ОСНОВАТЕЛЬ

ЭКМО
Москва
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 21

Harry Harrison

QE2 IS MISSING

Copyright © 1980 by Harry Harrison

THE MAN FROM P.I.G. AND R.O.B.O.T.

Copyright © 1974 by Harry Harrison

PLANET STORY

Copyright © 1979 by Harry Harrison

50 IN 50

Copyright © 2001 by Harry Harrison

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и Агентства
Александра Корженевского (Россия)

Составитель серии *Д. Байкалов*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2008 году

Гаррисон Г.

Г 21

Пропавший лайнер : фантастические произведения / Гарри Гаррисон ; пер. с англ. — М. : Эксмо, 2010. — 704 с. — (Весь Гаррисон).

ISBN 978-5-699-38890-5

В эту книгу вошел роман «Пропавший лайнер» — политико-фантастический триллер, в котором повествуется о неожиданной и загадочной пропаже океанского лайнера «Королева Элизабет II». Когда спасатели во многих милях от морских трасс обнаруживают корабль, он оказывается абсолютно пустым. Все пассажиры и команда бесследно исчезли!

Также в том вошли две известные юмористические повести знаменитого фантаста — «Парни из С.В.И.Н.Т.У.С.А. и Р.О.Б.О.Т.А.» и «Обычная история», а также два десятка рассказов.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. В. Бабенко, С. Багрянская,
В. Баканов, В. Вебер, А. Волнов,
А. Гришин, Д. Громов, И. Зивьева,
А. Корженевский, О. Лядыженский,
А. Мельников, Н. Михайлов,
И. Почталин, 2009

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-38890-5

Пропавший лайнер

*Посвящается Энтони Читэму, который
запустил двигатель корабля*

ГЛАВА 1

«Ястребиный глаз», самолет военно-морской авиации США, вынырнул из низких облаков буквально в сотне футов над ревущими водами Тихого океана. Тропический ливень заливал лобовое стекло кабины пилотов так сильно, что дворники не справлялись. Гигантские волны поднимались все выше и выше, стремясь дотянуться до широких крыльев и громадного фюзеляжа самолета и утянуть его в пучину. Костяшки пальцев второго пилота побелели, так сильно сжимал он ручки кресла.

— Господи, лейтенант, — выдохнул он. — Ты хочешь, чтобы мы плавали, а не летали? Эти облака ползут по самой воде. Можно и по-другому: волны достают до облаков. И смотреть здесь не на что, абсолютно не на что.

Лейтенант Лерой Палмер согласно кивнул: видимость практически нулевая, и существует реальная опасность, что резкий порыв ветра сбросит их в воду. Он потянул ручку на себя, и большие турбовинтовые двигатели увели самолет в облака. Как и у Коркера, второго пилота, у Палмера сразу полегчало на душе, пусть он и старался не подавать вида.

— На минуту мне показалось, что с нами все кончено. — Коркер чувствовал, что у него на лбу выступил пот, но не собирався винить в этом тропическую жару. — Да и делать нам внизу нечего. Что тут ничего не видно, что там. Нам остается полагаться только на радар.

— Только не надо винить меня за то, что на экране одни помехи, — откликнулся оператор радиолокационной станции, и не пытаясь скрыть воинственности тона. Его выдернули из теплого гнездышка в Сан-Диего, из-под бока жены, послали на юг, усадили в самолет, и ему это было явно не по вкусу. — Эта чертова «Ка-Е-Вторая» может быть под нами, но я не смогу ее разглядеть.

— Еще как разглядишь, — рявкнул второй пилот, едва сдерживая злость: он летал уже два дня с короткими перерывами на сон, — потому что она должна быть где-то здесь. Иначе чего нам описывать круг за кругом...

— Тихо, — вмешался Палмер, — выпуск новостей из Англии. — Как и положено хорошему командиру, он пытался подавить ссору в зародыше. — Лайми¹ хотят нас чем-то порадовать. То ли Би-би-си, то ли кто-то еще. Давайте послушаем.

Сквозь треск электростатических помех в шлемофонах раздался хорошо поставленный голос диктора:

«...поиски продолжаются. Корабли и самолеты более чем двадцати стран так или иначе вовлечены в поисковую операцию, и район исчезновения лайнера просматривается как минимум двумя спутниками. Известно, что американские военные спутники могут отыскивать объекты размером в два метра, но тропический шторм, бушующий в зоне поиска, свел на нет уникальные технические возможности спутников. Уже три дня лайнер «Королева Елизавета Вторая» не выходит на связь, и столько же времени ведутся его поиски. И хотя океан безбрежен, невозможно даже представить себе, что поисковикам до сих пор не удалось обнаружить «Ка-Е-Вторую», на сегодняшний день самый большой в мире лайнер. Даже если огромный корабль затонул, нельзя скидывать со счетов и этот самый ужасный, наихудший вариант, от него остались бы обломки, шлюпки, спасательные плоты, хоть что-то. Но не обнаружено ничего. Словно лайнер исчез с лица земли. Экипаж ничего не сообщил о возникшей опасности. Радиосвязь просто оборвалась. После чего «Ка-Е-Вторая» более не выходила в эфир».

— Очень содержательная информация, — хмыкнул Коркер, и первый пилот, согласно кивнув, выключил радио. — Та же история, повторенная в очередной раз. Давайте проверим курс.

«Ястребиный глаз», самолет раннего обнаружения ракетной угрозы, легко определялся по гигантскому радару в форме зонтика, установленного над крыльями. Напичканный всевозможным электронным оборудованием, он мог контролировать огромные территории и координировать действия остальных участников поисковой операции, к чему, собственно, и сводилось его участие в поисках лайнера. Они следовали заранее установленным маршрутом, поддерживая постоянную связь с

¹ Л а й м и — прозвище англичан.

другими самолетами, большая часть которых базировалась на авианосце «Китти Хок». Часть Тихого океана, которую они обследовали в тот момент, лежала в стороне от обычных торговых маршрутов и так далеко от берега, что туда не заходили даже рыбаки. Однако при таких масштабных поисках и этот регион требовал тщательного осмотра.

— Думаю, я что-то вижу, — подал голос оператор РЛК. — Трудно, конечно, выделить сигнал среди этих помех, но... ага, вот он опять!

Второй пилот расстегнул ремни безопасности, поднялся, встал за спиной оператора, всмотрелся в белесые «черточки», покрывавшие экран. Оператор постукал по экрану пальцем.

— Вот он.

Коркер кивнул.

— Что-то там определенно есть, лейтенант. Сигнал появляется и исчезает, но это что-то больших размеров и остается на одном месте. Для призрака сигнал слишком сильный.

— Спускаемся, — принял решение Палмер. — Пристегнись.

Самолет сильно трясло. Оба пилота мрачно всматривались в лобовое стекло. Они спускались все ниже и ниже, но никак не могли выйти из облаков.

— Источник сигнала прямо по курсу, — объявил оператор. — В десяти милях.

Они продолжали снижение. И, наконец, вырвались из серого тумана. От воды их отделяли добрых триста футов, и они уже не боялись, что их захлестнет высокой волной.

— Там! — крикнул второй пилот. — По-моему, корабль. И большой.

— Наверное, она, — предположил Палмер. Полной уверенности, конечно, не было, но он крепче взялся за штурвал. — Мы летим поперек расчетного курса, которым должна была следовать «Ка-Е-Вторая». Она могла добраться и до этих мест...

Они летели сквозь дождь, приближаясь к кораблю, пока наконец не увидели его во всей красе.

Громадный супертанкер сидел в воде чуть ли не по самую палубу, волны то и дело перекачивались через стальные бока нефтяных емкостей.

— Ухожу вверх. — В голосе первого пилота слышалась безмерная усталость. Остальные не произнесли ни слова. Подъем продолжался в гробовой тишине. Второй пилот внес в бортовой журнал координаты танкера, затем прикинул, как обстоят

дела с топливом. Дважды проверил расчеты, прежде чем заговорить.

— Когда отработаем этот отрезок, нам лучше возвращаться на базу. Лететь придется против ветра, так что необходим резервный запас.

— Что могло с ней произойти? — спросил первый пилот. Собственно, этот вопрос они задавали и себе, и друг другу уже не один день.

— Бог знает, — ответил Коркер, потирая покрасневшие от усталости глаза. — А я — точно нет. Обычный круиз...

— А потом... полная тишина. Нелогично.

— Кто-то говорил о внезапной приливной волне.

— Нет, Коркер. Ничего такого никто и нигде не зафиксировал. Ни приливных волн, ни извержений подводных вулканов, ни столкновений, хотя кораблей вокруг хватало. Но с них сообщали лишь о дожде и шторме. Отсутствие радиосвязи — вот что самое странное. Да, на маленьких кораблях радио может выйти из строя, они могут затонуть, и никто этого не заметит. Но только не лайнер, тем более самый большой лайнер в мире. Он оснащен и люками безопасности, и многочисленными системами сигнализации, и системой автоматического пожаротушения, множеством шлюпок и спасательных плотов. Конечно, может затонуть и «Ка-Е-Вторая», но весь мир знал бы, что лайнер поврежден и идет ко дну. У нас же полное отсутствие новостей. Корабль словно растаял в воздухе...

— Бермудский треугольник? — спросил второй пилот. Палмер пренебрежительно фыркнул, искоса глянул на Коркера. Тот улыбался. — Знаю, знаю. Все это чушь собачья. Выдуманная бумагомараками, которые решили разбогатеть, пописывая книжки о тайнах семи морей. Но тем не менее, лейтенант, лайнер, похоже, исчез, во всяком случае, найти его никто не может. А мы очень стараемся...

— Еще сигнал! — воскликнул оператор РЛК. — Не такой сильный, но постоянный. Внизу что-то есть.

— Наверное, еще один танкер, — буркнул первый пилот. — Мы как раз над зоной маршрутов север — юг. Поглядим.

Вновь они нырнули под облака. Дождь прекратился — и теперь они летели меж двух серых масс: море — внизу, облака — над ними. Черная точка появилась на поверхности океана, и Палмер направил на нее «Ястребиный глаз». Вдруг полил ли-

вень, прохудилась какая-то туча, плывшая впереди. Они пробили пелену дождя и...

— Господи... — выдохнул Палмер.

Перед ними недвижимой скалой застыла «КЕ-2».

Они прошли низко, над самыми мачтами лайнера, наполняя грохотом палубы, потом, после широкого разворота, вновь пролетели над лайнером.

— Ни одной шлюпки, — констатировал первый пилот. — И никого на палубах. Никого нет и в рубке.

Он встретился взглядом со вторым пилотом и увидел на его лице тот же ужас, что секунду назад появился на его собственном. Включил радио.

ГЛАВА 2

«Уаскаран», корабль Перуанской береговой службы, храбро резал громадные волны, чуть ли не до рубки погружаясь в зеленую воду, которая потом белой пеной скатывалась с палубы. Прошло много лет с тех пор, как он в последний раз подвергался таким испытаниям, давным-давно «Уаскаран» был британским минным тральщиком, и его древние стальные плиты обшивки и шпангоуты возмущенно стонали. Но командира корабля сие несколько не волновало. Капитан Боррас верил в свой корабль. Пока насосы работали, а турбины вертелись, он не собирался отступать. Он получил подарок, возможно, от самого господина, капитан перекрестился, а от подарков, как известно, отказываться не принято.

Восемьдесят три градуса западной долготы, пятнадцать с половиной градусов южной широты — вот что сообщил голос по радио на аварийной частоте. Этого сообщения весь мир ожидал последние три дня. Точка напротив побережья Перу, у самой границы территориальных вод. Мысленным взором капитан Боррас уже видел это место, знал, на каком расстоянии оно находится, знал до минуты, сколько им потребуется времени, чтобы добраться туда. Он приказал машинному отделению выйти на максимальную мощность двигателей, как только услышал координаты.

«Уаскаран» должен быть там первым, сказал он себе и поклялся богом, что так и будет. Чем мог помочь гигантскому лайнеру его маленький корабль, с чем он мог там столкнуться, Борраса не волновало. Но он прекрасно понимал, что о нем уз-

нает весь мир, если они первыми доберутся до «КЕ-2». Поэтому и гнал тральщик на полной скорости сквозь вздымающиеся волны. Вода иной раз даже била в стекло рубки. Рулевому с огромным трудом удавалось удерживать корабль на курсе, капитан же спокойно смотрел вперед, не обращая никакого внимания на то, что волна, случалось, и поднималась выше мачты его маленького корабля.

— Местоположение, — бросил он через плечо штурману, который, борясь с жуткой качкой, прижимался спиной к стене крохотной штурманской рубки.

— Четыре, пять километров, не дальше. Мы вышли в точку, указанную самолетом. Радар не поможет, антенну с мачты сорвало...

Его заглушил рев двигателя, черная тень громадного самолета накрыла корабль, словно хищная птица, бросившаяся на добычу. Самолет, зависнув над ними на мгновение, пролетел мимо. Над его крыльями торчал странный куполообразный нарост. Летел он со стороны кормы, под углом к их курсу. Тут же из радиоприемника донесся мужской голос:

— Спасательный корабль, говорит «Ястребиный глаз». На этом курсе вы разминетесь с «КЕ-2». Следуйте за мной. Я выведу вас на цель. Вы от нее в одной миле. Повторяю, до цели одна миля.

— Курс сто два градуса, — приказал капитан, затем взял микрофон и приказал радисту молчать. Капитан Боррас гордился знанием английского.

— «Уаскаран» — американскому самолету. Меняю курс согласно вашим указаниям. Есть ли поблизости другие корабли? Прием.

— Мы ни одного не видим. Но многие уже движутся сюда. Прием.

— Пожалуйста, сообщите им, что корабль Перуанской береговой службы «Уаскаран»...

— Вон она, капитан, впереди! Я ее вижу! Как остров в океане, — закричал рулевой, одновременно меняя курс.

— «Уаскаран» находится в пределах видимости лайнера «Кэ-Е-Вторая» и идет на сближение. Свяжусь с вами по получении новой информации. Конец связи.

Капитан Боррас от радости шмякнул кулаком по деревянной перегородке. Они пришли первыми! Дождь заметно ослабел.

Еще одна волна разбилась о рубку, а когда стекла очистились, гигантский лайнер предстал перед ними во всей красе.

— Уменьшить обороты, — приказал капитан. Ему не хотелось, чтобы в самый последний момент корабль не выдержал напряжения гонки. С уменьшением скорости тральщик уже не зарывался в волны, а спокойно перекатывался по ним, с каждой минутой приближаясь к цели.

Мало того, что прекратился дождь, так в разрывах между облаками появилось синее небо, несколько последних дней недоступное взгляду с земли. Словно шторм, спрятавший лайнер от людей, наконец-то смилоствивился и решил отпустить свою добычу. Синие островки расширялись, сливались, и, наконец, золотые лучи солнца осветили молчаливую громаду лайнера.

— Матьерь божья... — выдохнул кто-то из матросов, выразив всеобщее потрясение.

Судя по всему, целая и невредимая, «КЕ-2» дрейфовала посреди океана. С убранными наружными трапами, с закрытыми дверцами для сходен, без единого человека в рубке, которую капитан разглядел во всех подробностях через сильный бинокль. Единственным признаком того, что на лайнере что-то произошло, являлось отсутствие шлюпок и спасательных плотов. Однако шлюпбалки, металлические арки, которые отбрасывались от корпуса при спуске шлюпок, находились в вертикальном положении. В неподвижности лайнера, царящей на нем тишине чувствовалось что-то зловещее.

— Я попытаюсь связаться с ней, капитан? — спросил радист осипшим от волнения голосом.

— Да, но не по радио. За три дня это никому не удалось. Посвети лампой. Посмотри, есть кто-нибудь на мостике.

Влажный горячий воздух ворвался в рубку, когда радист распахнул дверь. Он вышел на мостик с сигнальной лампой в руке и замахал ею из стороны в сторону, вверх и вниз. Створки открывались и закрывались. На лайнере не отреагировали.

— Обойдем ее с кормы, — решил капитан. — Поглядим, нет ли чего интересного по левому борту.

Малым ходом «Уаскаран» двинулся к корме лайнера, черный борт возвышался над ним как крепостная стена, с бесчисленными рядами бойниц-иллюминаторов. Ни одного открытого они не увидели. Во многих горел свет, но не наблюдалось никакого движения. Никто не подходил к краю палубы, чтобы приветственно помахать рукой маленькому кораблю.

Они добрались до кормы, прошли под нависающим над ними ахтерштевнем. Винт левого двигателя показался из-под пенящейся воды, глубоководное чудовище, по каким-то, только ему ведомым причинам, вынырнувшее на поверхность. Мгновение, другое, и бронзовые лопасти, неподвижные, застывшие, вновь ушли под воду.

Левый борт «КЕ-2» ничем не отличался от правого. Ни одной шлюпки, ни одного спасательного плота, трапы убраны, дверцы для сходен закрыты, шлюпбалки подняты. Металлическая стена корпуса лайнера поднималась над тральщиком на добрую сотню футов. Матросы, высыпавшие на палубу, задирали головы, чтобы увидеть палубные поручни ограждения.

— Мы должны подняться на борт, — отчеканил капитан Боррас. — Подготовить швартовочную пушку.

Матросы работали быстро и слаженно. Каждый знал свой маневр до автоматизма, так что боцман мог и не выкрикивать приказы. Но выкрикивал, и знакомый голос успокаивал: уж очень нервировал всех высившийся под боком тихий, как могила, лайнер. Бухту линя уложили под дулом пушки, стальной наконечник с крюком скользнул в ствол. Снаряд с взрывчатым веществом, выделяемая энергия которого и придавала наконечнику требуемую скорость, загнали в казенник, зафиксировали замком.

— Слишком близко, — заявил боцман. Именно он нацеливал пушку и стрелял из нее. — Не могу так высоко задрать ствол.

Действительно, боцман поднял ствол на максимальный угол, но он смотрел в корпус лайнера, гораздо ниже палубы. Пушку конструировали с тем, чтобы забрасывать линь на другой корабль, а не на плавающий остров.

— Мы отойдем, — кивнул капитан. — Выстрелишь, когда будем на волне.

Они ждали, пока боцман нацеливал пушку на кормовую палубу, самую нижнюю из всех. Ждали затаив дыхание. Расстояние между кораблями росло, но медленно. Боцман убрал руки с рукояток, поплевал на ладони, вновь схватился за них. Бывший тральщик все отступал. Внезапно его высоко подбросило волной, и тут же грянул выстрел.

Наконечник с крюком летел по дуге, таща за собой тонкий, но прочный линь. Перемахнул через поручень ограждения и скрылся из виду.

— Натянуть линь, — приказал капитан.

Матросы выбрали лишнее, линь натянулся, как струна.

Капитан, вскинув голову, смотрел, как линь поднимается высоко-высоко, чуть ли не исчезает из виду там, где ложится на поручень. Тут капитан понял, что перед ним неожиданно возникло серьезное препятствие. Обычно легкий линь использовался для того, чтобы соединить два корабля, обеспечить первый контакт. Потом что-то более прочное, канат, кабель или веревочная лестница, привязывалось к линю и перетягивалось на второй корабль. Матросами, которые находились на борту. Здесь же этот вариант не проходил. На лайнере не было ни души. Крюк, однако, зацепился надежно. И каков следующий ход?

Ответ пришел одновременно с вопросом: один человек сможет разрешить возникшую проблему.

— Базилио на палубу, — распорядился капитан. — Быстро.

Теперь оставалось только ждать. Капитан смотрел на высокий борт лайнера. «Уаскаран» сильно качало. Рулевой мастерски управлял судном, не допуская столкновения с лайнером и не уводя тральщик слишком далеко, что могло привести к обрыву линя. Базилио потребовалось две минуты, чтобы подняться на палубу: он служил кочегаром и соответственно находился в машинном отделении. Выйдя на палубу, он сощурился от яркого света, а потом его челюсть медленно отвисла.

— Сможешь забраться туда по этой веревке? — спросил капитан. — Сможешь?

Базилио нахмурился, обдумывая ответ, нахмурился еще сильнее, проследив взглядом за уходящим в вышину линем. Поднял руку, схватился за линь, повис на нем, чтобы убедиться, что он не будет скользить. Кивнул, сжал и разжал пальцы, поиграл бицепсами. Умом он не отличался, зато силой превосходил любого члена команды. Если кто и мог забраться по веревке на палубу «КЕ-2», так только он. Подняв руки, Базилио схватился за линь, подождал, пока очередная волна не увела палубу у него из-под ног, и начал подъем.

Перехватывал линь руками, даже не пытаясь зацепиться за него ногами и таким образом уменьшить нагрузку на руки. Крепко зажав линь в ладони одной руки, разжимал вторую и хватался за линь чуть повыше. Поднимался все выше и выше, не ускоряя, но и не замедляя скорости, словно машина, настроенная на один режим. Наконец, он добрался до борта, на

мгновение застыл, чтобы передохнуть, потом схватился одной рукой за деревянный поручень ограждения. Потом второй, оттолкнулся от борта и перекинул через ограждение ноги. Радостные крики матросов оборвал приказ капитана:

— Привяжите к линю веревочную лестницу. Пусть он закрепит ее на борту.

Пока матросы возились с лестницей, капитан Боррас спустился в свою каюту и надел кожаные перчатки. Проходя мимо письменного стола, остановился и после короткого колебания выдвинул ящик и достал кобуру с револьвером 38-го калибра. Зачем? Этот вопрос он задавал себе, уже пристегивая кобуру к ремню. Простого ответа не было. Возможно, из страха перед неизвестностью. Он понятия не имел, с чем мог столкнуться на борту лайнера. Разумеется, эта пукалка едва ли могла произвести впечатление на те силы, которые сумели на три дня скрыть лайнер от тех, кто старался его отыскать. И все-таки с револьвером он чувствовал себя увереннее.

Когда капитан вернулся на палубу, Базилио уже крепил лестницу к поручню ограждения. Минуту спустя он замахал руками, показывая, что справился с заданием. Капитан Боррас направился к лестнице, когда рев двигателя заставил его остановиться и поднять голову.

Над ними кружил вертолет с белой звездой. Должно быть, американский авианосец оказался достаточно близко и поймал сообщение «Ястребиного глаза».

— Немедленно послать ему радиограмму, — приказал капитан, прыгнув на лестницу. — Известите американцев, что осмотр лайнера берет на себя Перуанская береговая служба. Скажите им, что я поднимаюсь на борт и в самое ближайшее время сообщу об увиденном, — и полез по лестнице. От волнения перехватывало дыхание, но он не снижал скорости подъема. Он будет первым на борту лайнера. Все информационные агентства, все газеты сообщат об этом. Первым.

— Здесь никого нет, капитан. Я никого не видел, — этими словами встретил его Базилио.

— Заткнись... и помоги... мне, — говорил капитан Боррас с трудом, обычно он не утруждал себя физическими упражнениями.

Базилио наклонился, легко перенес капитана через поручень. Боррас оттолкнул руки матроса, одернул китель.

— Следуй за мной, — приказал он, повернулся, направился вдоль палубы.

Как и говорил матрос, они не обнаружили ни одной живой души. Встречались им разве что аккуратно сложенные и закрепленные линиями складные стулья и шезлонги. Иллюминаторы черными дырами смотрели на него, и он почувствовал, как по спине пробегает холодок. Где же люди? Но вряд ли он мог что узнать на кормовой палубе.

Слыша за спиной тяжелую поступь матроса, Боррас достал револьвер и открыл дверь, переступил порог и оказался в одном из баров лайнера.

Бутылки стройными рядами стояли за стойкой, подсвеченные матовыми лампами, готовые к употреблению. Под ними поблескивали чистые стаканы. Работал кондиционер, так что в зале было прохладно и уютно. Негромко играла музыка: музыкальный автомат не удосужились выключить. Стулья у столиков, в центре каждого — пепельница, на ближайшем — пустая сигаретная пачка. Таким, собственно, капитан Боррас и представлял себе бар лайнера.

Да только этот пустовал.

— Никого нет, — просипел за его спиной Базилио. Капитан уже хотел отругать матроса за то, что тот подал голос без приказа, но передумал. Звук человеческого голоса успокоил натянутые нервы. Капитан направился к дальнему концу стойки. На одном из столиков заметил в пепельнице сигарету. Длинную, дорогую. Только что закуренную, а потом торопливо потушенную, сломанную. С темно-красной помадой на фильтре. Сие что-то означало? Как знать?

Никого они не нашли и в комнате отдыха, примыкавшей к бару. Глянцевые журналы на столиках, удобные кресла. И никого.

— Спасательные жилеты, капитан. Их нет. — Матрос указал на пустые рундуки.

— Очевидно, — кивнул Боррас и направился к трапу. Он хотел попасть в рубку: возможно, только там он мог найти разгадку тайны. Поднявшись по ступеням, он открыл дверь на следующую палубу, вышел на нее.

И лицом к лицу столкнулся с человеком в огромных очках и комбинезоне.

— Боже! — ахнул он, схватился за револьвер. Мужчина отступил на шаг, замахал руками.

— Ради бога, не стреляйте! Я — летчик военно-морской авиации США!

Одновременно со словами капитан услышал и стрекот лопастей. Ну, конечно, вертолет. Он оставил револьвер в кобуре, убрал руку.

— Капитан Боррас. Перуанская береговая служба.

— Лейтенант Николас. Мы получили сообщение о том, что «Королева» найдена. Я только что спустился на борт. Направлялся в рубку.

— Как и я, лейтенант. Так не пойти ли нам туда?

— С удовольствием. Вы кого-нибудь видели?

— Нет. Ни души. Нет и спасательных жилетов.

— Шлюпок тоже. Это все, что я видел.

В молчании они прошли до трапа, поднялись на мостиковую палубу. После короткого колебания капитан Боррас распахнул дверь в рубку.

— Никого, — едва слышно прошептал Николас. — Лайнер посреди моря, без экипажа и пассажиров. Это же невозможно...

Капитан Боррас мог только согласно кивнуть. Да, невозможно. Но вот случилось. В рубке горел свет, работали все навигационные приборы. Это означало, что генератор по-прежнему вырабатывал электроэнергию. Вахтенный журнал... вот что следовало посмотреть в первую очередь.

Он его нашел, взглянул на последнюю запись.

— Тринадцатое июня.

— День, когда она исчезла, — добавил Николас. — И посмотрите сюда, на карту.

Аккуратно проложенный курс. Местоположение лайнера в полночь 13 июня. А чуть позже оборвалась радиосвязь.

— Что же здесь произошло, черт побери? — От недоумения и страха Николас буквально выкрикнул эти слова. — Такого просто не может быть. Во всяком случае, не сегодня, с радио и спутниками, контролирующими морской транспорт. Это вам не парусник, вроде гребаной «Марии-Селесты». Это самый большой в мире лайнер с двумя тысячами пассажиров и членов экипажа на борту. Они не могут испариться, как...

— *Capitano! Ven' aqui!*...¹

Лишь когда распахнулась соседняя дверь, до капитана Борраса дошло, что его матрос, Базилио, не последовал за ними в

¹ *Capitano! Ven' aqui!*. — Капитан! Все залито... вода!.. (исп.)

рубку. А теперь вот вбежал, тяжело дыша, с побледневшим лицом. От страха? Не в силах произнести ни слова, он указывал куда-то в глубину коридора.

— Он что-то нашел, — пояснил капитан. — Пойдемте.

Они поспешили за матросом, спустились по трапу на одну палубу, наткнулись на выгоревший круг в ковре. Почему? Как? Но матрос уже звал их за собой. Теперь они ощущали сильный запах гари. На лайнере что-то произошло. Что-то очень, очень плохое.

Матрос привел их на сигнальную палубу, на которой находились самые роскошные каюты. Они заглянули в распахнутую дверь одной.

Кошмар. Все сожжено, разрушено, уничтожено. Огонь пожрал ковры, мебель, закоптил потолок. В перегородках зияли проломы с рваными краями. Распылители автоматической системы пожаротушения залили все, что не сгорело, водой.

— Что произошло... что, черт побери, произошло на этом корабле?! — прокричал лейтенант Николас. Прокричал, не надеясь услышать ответ.

Так что же случилось с «КЕ-2»?

ГЛАВА 3

Сильный ветер гнал на берег влажный атлантический воздух, небо скрылось за тяжелыми серыми тучами. Так что вторая половина дня выдалась темной, как вечер, и первая молния фотовспышкой осветила мокрые от дождя улицы и обшарпанные дома Саутгемптона. Несколько мгновений спустя громовой раскат обрушился на город, сердитым эхом прокатившись по мостовым. И тут же вновь полил дождь, мгновенно наполнив сливные канавы.

Рафаэль Виар пониже надвинул фуражку. Он пересекал Городской причал, стараясь обходить наиболее глубокие лужи, едва увернулся от тяжелого грузовика, спешащего в доки. Легкий плащ сразу промок на плечах, вода уже хлюпала в башмаках. Этот день определенно не годился для осмотра английских достопримечательностей.

Но и на борту оставаться ой как не хотелось. Потому что сухогруз «Полярная звезда» давно уже отслужил свое. Его передегивало от одной только мысли об этой грязной, ржавой посудине. Сухогруз ходил под либерийским флагом, и командо-

вал им грек-педераст. Первый помощник и главный механик, законченные алкоголики, большую часть времени проводили в своих каютах в компании с ящиками дешевого джина. С таким командным составом матросы, которым платили по минимуму, да еще и не всегда, мало что делали, зато много жаловались и ругались. Поскольку Рафаэль работал на камбузе, большая часть оскорблений доставалась ему. Он никого не винил, еда и впрямь была ужасная, но ему не доставляло удовольствия выслушивать всю эту ругань. И теперь он соглашался даже на английский дождь, лишь бы покинуть вонь и грязь камбуза. Но он знал, что вонь эта вьелась в его одежду, так что отделаться от нее не было никакой возможности. Однако не мог не уйти, пусть и на несколько часов. Даже если он не мог найти приличного вина в этой мрачной стране, даже если не любил пива. Не мог он оставаться на борту «Полярной звезды». Обрыдла ему эта посуда.

Он вышел на большую, зеленую площадь, на противоположной стороне виднелись магазины и большие дома. В одном располагалось кафе, призывно поблескивая ярко освещенными окнами. «Отлично, — подумал Рафаэль. — Самое время выпить чашку горячего чая. А заодно и поесть, к примеру, заказать знаменитую английскую яичницу с беконом». Яиц на «Полярной звезде» не было, как, естественно, и бекона. Он дождался просвета в плотном потоке машин, перебежал улицу с односторонним движением, ступив на тротуар перед большим административным зданием. К дверям вели ступеньки, на которых мужчина укрывался от дождя, хорошо одетый мужчина в темном пальто и черной шляпе. Рафаэль как раз смотрел в его сторону, когда очередная молния прорезала небо. И без труда разглядел его лицо, благо разделяли их какие-то два метра.

Громыкнул гром, и Рафаэль прижался к каменной стене здания, уткнувшись носом в грубую, влажную поверхность.

Это лицо! Он знал это лицо... хорошо знал. Но не по Англии, не по Саутгемптону. Рафаэль видел его по другую сторону Атлантики, в теплой латиноамериканской стране. Неужели это мог быть он?

Рафаэль медленно повернул голову, по-прежнему прижимаясь к стене, словно боялся, что ноги подломятся и он упадет на мокрый асфальт. Мужчина по-прежнему стоял у дверей, глядя на улицу, не обращая ни малейшего внимания на матроса.

Нет, сомнений быть не могло. Такой профиль забыть невоз-

можно. Крючковатый нос, под ним узкая полоска усов. Он, безусловно он.

Рафаэль оторвался от стены, лишь когда мужчина тронулся с места. Быстрым шагом спустился по ступенькам, чтобы как можно скорее преодолеть короткую дистанцию до открытой дверцы черного лимузина. Дверца тут же за ним и захлопнулась, и какие-то мгновения Рафаэль таращился на мокрое стекло, за которым в тепле и уюте кожаного салона сидел майор Хосе де Лайглесия и просматривал какой-то буклет в красно-желтой обложке.

А потом он уехал. Лимузин плавно тронулся с места и растворился в транспортном потоке. Рафаэль тупо смотрел вслед, не замечая дождя, не видя ничего, кроме лица человека, которого люто ненавидел.

Что он тут делал? Куда направился? Почему более не занимается грязными делишками в Парагвае? О, как же ему хотелось знать ответы на эти вопросы.

Выходил де Лайглесия из этого здания? Скорее всего, потому что он стоял под козырьком, дожидаясь своего автомобиля. Рафаэль взгляделся в надпись над дверью. «САУТ ВЕСТЕРН ХАУЗ», чуть ниже — «КУНАРД». Мореходная компания? Разумеется, Саутгемптон — морской порт, возможно, здесь эта компания и зарегистрирована. Он поднялся по ступеням, вошел в холл. В глаза сразу бросился рекламный щит с огромной цветной фотографией океанского лайнера «КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА ВТОРАЯ».

Рядом со щитом на стойке лежали рекламные буклеты
Один из них — красно-желтый.

Распространялись буклеты бесплатно. Рафаэль медленно подошел к стойке, мокрый, продрогший, с бешено бьющимся сердцем. Последнее не радовало. Врач в Барселоне сказал, что сердце у него больное, ему нельзя перенапрягаться, следует избегать стрессовых ситуаций. Сильное сердцебиение пугало, он шел, осторожно, едва передвигая ноги, словно ступал по льду. Взял один из красно-желтых буклетов, сунул в карман, повернулся и еще медленнее направился к двери.

Рядом находился паб. Рафаэль потащился к нему, прижимая руку к груди, словно стараясь удержать сердце на положенном ему месте. Бармен налил пинту пива, Рафаэль положил монеты на деревянную стойку и отнес кружку на пустой столик у камина. Вытащил из внутреннего кармана пузырек с таблетками,

вытряхнул три на ладонь, сунул в рот, запил пивом. Откинулся на спинку, закрыл глаза, дожидаясь, пока сердце утихомирится и вернется к привычному ритму.

Только после этого достал буклет из кармана и положил перед собой.

«МИРОВОЙ КРУИЗ «КЕ-2», — прочитал он на обложке. Внутри он нашел фотографии далеких мест. Текст был на английском, поэтому Рафаэль и не пытался его прочесть. Что это значит? Лайглесия, этот кусок дерьма, решил отправиться в кругосветное путешествие? Невозможно. Он всего лишь наемник, шакал, выполняющий чьи-то указания. Значит, его сюда послали? Если так, то кто? Рафаэлю очень хотелось это узнать. Ему вообще хотелось знать как можно больше о майоре Хосе де Лайглесии, который в сопровождении солдат темной ночью ворвался в дом его отца. Ударом приклада отца уложили на пол, следующий достался Рафаэлю, который попытался остановить их, потом выдернули из кровати кричащую мать, вытащили на улицу и бросили в кузов грузовика. Это все, что помнил Рафаэль, потому что потом он отключился.

Родителей он больше не увидел. Они ушли, исчезли, словно их никогда и не было. Его отец был известным адвокатом в Вильяррике, поэтому, собственно, за ним и пришли. Рафаэль их совершенно не интересовал. Разве что майору де Лайглесии нравилось бить его тяжелой палкой. И он лично прихватывал яйца Рафаэля «крокодилчиками», включал электрический ток и смеялся до слез, глядя, как тот бьется в мучениях. Через несколько месяцев эти забавы майору наскучили, и Рафаэля освободили, потому что он не представлял угрозы для государства.

Возможно, этим они допустили ошибку. Возможно, теперь он мог им отомстить. Нарушить планы Лайглесии и его хозяев. Он не мог знать этого наверняка, но не сомневался в том, что кое-кого заинтересуют имеющиеся у него сведения. Хотя бы человека, которого он встретил на митинге в Лондоне, который пообещал что-то узнать о родителях Рафаэля. До сих пор узнать ничего не удалось, но человек этот говорил Рафаэлю, что он не теряет надежды. Звали этого человека Леандро Диас, и листок с его телефонным номером лежал в бумажнике. Рафаэль выгреб из кармана всю мелочь и подошел к телефону-автомату, расположенному рядом с туалетом. Возможно, появление майора в Саутгемптоне ничего не значило, но он полагал, что Диас должен об этом знать.

Сообщение Диаса, похоже, заинтересовало, но он куда-то торопился и пообещал перезвонить. Рафаэль продиктовал ему телефонный номер бара и вернулся к своему столику. Допил первую кружку, потом вторую. Съел холодную сосиску, потому что проголодался, пожалел об этом, как только она оказалась в желудке. Странная какая-то еда у этих англичан. Телефон зазвонил только через час. Бармен взял трубку, послушал, потом положил ее на стойку, оглядел зал.

— Попросят подойти к телефону Рафаэля Виара.

— Это меня, спасибо, благодарю вас.

Леандро Диас затараторил на испанском:

— Вы сможете приехать в Лондон? Сейчас, этим вечером?

— Разумеется, поэтому я вам и позвонил. Куда я должен приехать?

— В паб «Синие столбы». Его очень легко найти. Свернете с Шафтесбюри-авеню на Руперт-стрит и сразу увидите маленький переулок, который называется Руперт-корт. Все понятно?

— Да. Нет проблем. Выеду ближайшим поездом.

— Отлично. Буду вас ждать.

Оказавшись в теплом купе поезда, Рафаэль сразу же задремал от усталости и напряжения последних часов. Но отдохнуть не удалось. Ему снилось, что он в тюрьме Эмбоскада и сержант бьет его девятихвостой плеткой со свинцовыми шариками на конце. Его этой плеткой никогда не стегали, но он видел результат такой порки на других. И больше всего на свете боялся этой экзекуции. И уже на свободе, особенно, если он уставал, ему снилось, как его безжалостно секут. И когда поезд подошел к перрону вокзала Виктории, Рафаэль взмок от пота. Из вагона он вышел последним.

Очередь на стоянке такси выстроилась короткая, поездка не заняла много времени. Они миновали Букингемский дворец, проехали через парк, с площади Пиккадилли водитель свернул на Шафтесбюри-авеню и, остановившись на углу, указал паб, который искал Рафаэль.

Последний расплатился по счетчику, добавил десять процентов, потому что со стороны водителя видел вежливость и желание помочь. Вылез из такси и через минуту уже входил в «Синие столбы». Леандро Диас ждал его в кабинке у дальней стены.

Они обменялись рукопожатием, Диас оглядел Рафаэля с головы до ног.

— Вы неважно выглядите, друг мой.

— К сожалению, самочувствие у меня под стать внешнему виду.

— Тогда вам надо выпить кофе по-ирландски, фирменный напиток этого заведения. Очень горячий и насыщающий, опять же со спиртным.

Разговор они начали после того, как официант принес заказанные напитки.

— Пожалуйста, в точности расскажите мне, что вы видели, — попросил Диас.

Леандро Диас маленькими глотками пил кофе, внимательно слушая Рафаэля, взбитые сливки оставляли на смуглой коже над верхней губой белую полоску, которую он тщательно слизывал. Диас, интересный мужчина лет тридцати пяти, ростом был выше большинства своих соотечественников, спасибо испанским предкам, а вот смуглая кожа и сила достались ему с индейской кровью. Именно сила и позволила Диасу выдержать четыре года заключения в печально знаменитой тюрьме в Такумбе. Четыре года он копил ненависть к генералу Альфредо Стресснеру и его прихлебателям. Волосы он отращивал, чтобы скрыть шрамы на шее. Другие шрамы, невидимые, скрывались бесстрастной маской, которая никогда не покидала его лицо. Слушая Рафаэля, он время от времени молчаливо кивал, но ни разу не прервал его. Когда матрос закончил свой рассказ, глубоко задумался, и Рафаэль воспользовался моментом, чтобы залпом выпить кофе.

— В машине вы больше никого не видели? — спросил Диас.

— На заднем сиденье де Лайглесия сидел один. Шофер, конечно, был. Я заметил форменную фуражку.

— Майор что-нибудь нес в руках?

— Да, разумеется. Хорошо, что вы спросили. Брифкейс, темно-коричневый или черный.

— Все это очень интересно. — Диас достал из кармана пачку тонких, темных сигар, вытащил одну. Рафаэль замахал руками, отказываясь от предложенной сигары. Диас чиркнул спичкой, дождался, пока прогорит сера, только потом поднес спичку к кончику сигары. Заговорил, лишь раскурив ее.

— Мы пристально следим за вашим садистом-майором, который за свои заслуги получил пост военного атташе парагвайского посольства в Великобритании. Он — мальчик на побегушках, «шестерка», выполняющая приказы хозяев. Мелкая рыбешка, но за мелкой рыбешкой легче и следить. Он много пьет,

играет в карты, ездит к испанским проституткам в Сохо, оплакивает мать, когда они хлещут его плетью. Отвратительный тип этот ваш майор.

— Я хотел бы его убить, — яростно отчеканил Рафаэль.

— Как и многие другие. Но на данный момент живым он нам полезнее. Что-то происходит в Парагвае, что-то очень серьезное. Мы получаем информацию из Асунсьона. В посольство постоянно приезжают курьеры. У нас мало людей, поэтому мы упустили из виду сегодняшнюю поездку де Лайглессии. Мы очень признательны вам за то, что вы известили нас о ней. Я наводил справки, и мне сказали, что в полдень его видели выходящим из посольства. Значит, он съездил в Саутгемптон и тут же вернулся обратно. Зачем?

— Чтобы что-то сделать подальше от лишних глаз, которых в Лондоне великое множество, — осторожно предположил Рафаэль.

— И я того же мнения. Они знают, что за ними следят. Не полные же они идиоты. Отсюда и эта быстрая поездка в офис «Кунарда» в Саутгемптон, с брифкейсом, в котором могли лежать документы, деньги...

— Или билеты.

— Вполне возможно. Но в любом случае они не хотят, чтобы мы знали об этом... следовательно, содержимое брифкейса очень нас интересует. Для них оно более чем важно.

— Буклет о кругосветном круизе на лайнере «Ка-Е-Вторая». Есть ли здесь какая-то связь?

— Не знаю... но я знаю, как мы собираемся это выяснить. Спасибо вам, Рафаэль, вы нам очень помогли.

Рафаэль закашлялся, сильно, надрывно, и Диас коснулся его руки. Так малым он мог помочь как ему, так и другим жертвам режима.

— Мы пока ничего не смогли узнать о ваших родителях.

Рафаэль кивнул, вытер губы тыльной стороной ладони.

— Я знаю... если б вам что-то стало известно, вы бы сразу сказали.

— Есть надежда...

— Едва ли. Я уже перестал надеяться. Нет смысла. У меня нет семьи. Я с этим смирился. Я — вонючий посудомойщик на грязной посудине. Если будет на то воля господина, придет день, когда я вновь ступлю на родную землю. Вы и ваши люди, Диас,

сможете осуществить мою мечту. Возможно, я вернусь в университет. Не знаю. А пока я живу...

— Дружище, вам нужны деньги? Мы можем вам чем-нибудь помочь?

Рафаэль покачал головой.

— Мне не на что тратить деньги. У меня все в порядке. Продолжайте то, что делаете. А теперь я допью кофе и вернусь на вокзал. Успею вернуться последним поездом и проведу ночь на корабле. Так проще.

Они пожали друг другу руки, и Рафаэль отбыл. Диас проводил его взглядом, словно и не замечая мужчину, который вошел через боковую дверь паба и сел рядом.

— Он ушел на весь вечер, — сообщил мужчина. — Вероятно, к своим шлюхам. Викторιο следит за ним.

— И у Викторιο есть радио?

— Да.

— Отлично. Тогда он сможет предупредить нас, если свинья вернется в свое логово. Нам нужен его брифкейс, в котором может найтись много интересного. Пошли, Луис. По дороге я все расскажу.

Чарльз-стрит расположена неподалеку от Парк Лейн и самых дорогих отелей Лондона. Район ухоженный, охраняемый полицией, благоухающий аристократизмом и деньгами. Парагвайцы припарковали свой автомобиль на Беркли-сквер и прогулочным шагом двинулись к парку. Если их кто и заметил, то принял за своих: хорошо одетые, аккуратные, а в тонком «дипломате», который нес Диас, могли лежать исключительно бумаги, а не воровской инструмент.

Не замедляя шага и не оглядываясь, они вошли в подъезд дома, где проживал де Лайглесия. Некоторые квартиры в подъезде сдавались, и несколько месяцев назад Диас воспользовался этой ситуацией, чтобы сделать слепок с ключа риэлтера, взяв его под предлогом, что хочет поселиться в этом районе и подбирает подходящую квартиру. Им никто не встретился, когда они открывали входную дверь и поднимались на второй этаж. Подходя к двери квартиры де Лайглесии, Диас уже держал отмычку наготове. Но вместо того, чтобы вставить в замочную скважину, постучал. Выждал несколько секунд, постучал вновь.

— Его нет, — напомнил Луис, — и ты это знаешь.

— Разумеется, знаю. Но, возможно, в квартире остался его

гость, о котором нам ничего не известно. Осторожность никогда не повредит.

Луис выразительно пожал плечами, показывая тем самым свое несогласие. После того, как и второй стук остался без ответа, Диас вставил отмычку в замок.

— Что вы здесь делаете? — спросил женский голос.

Диас вновь постучал в дверь, одновременно вынимая отмычку.

— Вы меня не слышите? Что вам здесь нужно?

Луис окаменел, не зная, что предпринять. А Диас спокойно повернулся, увидел женщину с резкими, неприятными чертами лица, выглядывающую из двери одной из квартир дальше по холлу, и вежливо приподнял шляпу.

— Извините, мадам. Я не подумал, что вы обращаетесь к нам.

— А к кому еще мне обращаться в этом холле? Ну?

— Как хорошо, что вы спросили, мадам. — Диас обворожительно улыбнулся. — Мы стучимся в дверь нашего друга мистера Пеннинка, который, нажав кнопку домофона, открыл замок входной двери, чтобы мы могли войти в подъезд. Я ответил на ваш вопрос, мадам?

Женщина недовольно фыркнула, мотнула головой, а потом вдруг заулыбалась.

— Это очень хороший, полный ответ. За исключением того, что вы пришли на другой этаж. Мистер Пеннинк живет этажом выше. — И с торжествующим стуком захлопнула дверь.

— Какой пассаж! — воскликнул Диас, подмигнув остолбеневшему Луису.

Они вышли из холла на лестницу. Диас наклонился к своему спутнику.

— Теперь ты видишь, что осторожность не вредит?

— Да... Но кто этот Пеннинк?

— Понятия не имею. Но я не счел за труд запомнить эту фамилию, когда побывал здесь прошлый раз. На случай, что мне придется объяснять свое присутствие в этом доме.

Предусмотрительность Диаса произвела впечатление на Луиса. Так же, как и его последующие действия. Диас постучал в дверь, выводящую на пожарную лестницу, открыл ее. «А, привет, заходите». — Эти слова он произнес басом, так не похожим на его собственный голос. Потом захлопнул дверь и приложил палец к губам.

Они услышали, как закрылась дверь и этажом ниже.

— Для адвоката ты очень неплохой вор, — прошептал Луис.

— Такое можно сказать о многих. Мы подождем несколько минут, потом тихонько спустимся. Если она увидит нас вновь, нам придется уйти.

Диас заставил себя выждать три долгие минуты. Потом они спустились по лестнице и на цыпочках подошли к двери квартиры Лайглесии. Диас держал отмычку наготове, вставил, быстренько повернул. Бросив тревожный взгляд в сторону квартиры женщины, толкнул дверь. Они вошли и тут же закрыли ее за собой.

Луис включил маленький карманный фонарик, направив его в пол. Тонкий луч света позволил ему добраться до окон, ни обо что не споткнувшись, и задернуть шторы.

Диас включил свет, огляделся.

— Вот и брифкейс, — он потер руки.

— А над ним, похоже, стенной сейф. Очень бы хотелось ошибиться.

— К сожалению, ты прав, — сразу помрачнел Диас, обнаружив в брифкейсе пустоту. — Если он и привез какие-то документы, то спрятал их в сейфе.

— Ты сможешь его открыть?

— Я все-таки сначала адвокат, а потом вор, Луис, новой профессии я только учусь. Мы можем найти человека, который вскрыет сейф, не оставив следов, но не этой ночью. А до следующей майор вернется от проституток и переправит то, что привез в брифкейсе, в посольство.

Диас говорил и оглядывал комнату, безвкусную мебель, вульгарные картины на стенах. На сервировочном столике стояли бутылки с дорогими напитками и дешевой *aguardiente*¹. Вкус майора оставлял желать лучшего. На полу у сервировочного столика стояла мусорная корзина, по форме напоминающая барабан. Диас подошел к ней, присел, достал из корзины смятый буклет с желто-красной обложкой.

— Следы от капелек воды, — отметил он. — Словно он побывал под дождем. — Рекламный буклет с описанием кругосветного путешествия на знаменитом лайнере «Ка-Е-Вторая» он положил на стол, разглядел, открыл. Увидел перечень цен на самые разные каюты, от «люкса» с одной спальней и отдельной верандой» и «суперлюкса» с двумя спальнями, ванной, ду-

¹ *Aguardiente* — водка (исп.).

шем и туалетом до «четырёхместной каюты с двухэтажными койками».

Кто-то провел немало времени над прайс-листом, делая пометки красным фломастером. Возможно, чтобы скоротать время, добираясь до Лондона в транспортном потоке на заднем сиденье лимузина.

• Особое внимание Диаса привлекли два жирных кружка. Он вскинул глаза на Луиса.

— Нашел что-то важное? — спросил тот.

— Возможно. Думаю, мы еще это выясним.

Кругами майор де Лайглесия обвел два «суперлюкса» с двумя спальнями.

«Трафальгар» и «Королева Анна». Два самых дорогих «суперлюкса» на самом роскошном в мире лайнере.

ГЛАВА 4

Двое мужчин коротко пожали друг другу руки и разошлись у угла дома, в котором находилась билетная касса «Кунарда». Диас задержался на минутку, наблюдая, как второй мужчина открыл дверь «Кунарда» и скрылся за ней.

Когда мужчина вошел в помещение билетной кассы, клерк поднял голову, затем легонько ткнул локтем сидевшую рядом девушку.

— Ну-ка, посмотри на этого господина, который только что почтил нас своим присутствием. Посмотри внимательно, Хитер, и скажи, что ты о нем думаешь.

Хитер ждала работа в центральном офисе «Кунарда», но по началу ее отправили на практику в низовые подразделения, чтобы потом она со знанием дела могла решать те или иные вопросы. Так что в данный момент она исполняла обязанности помощника менеджера лондонской билетной кассы. Уилли Мейхон был ее наставником, и после первых нескольких недель Хитер наконец-то начала ценить его деловые качества. Не личные, разумеется, с этим вопрос решился гораздо быстрее. Чуть ли не в первый день Уилли прихватил ее за зад и тут же схлопотал оплеуху, после чего держался на пристойном расстоянии. Восхищало ее его умение налаживать контакт с покупателями, ибо она достаточно быстро убедилась, что благополучие компании прежде всего зависит от таланта продавцов убедить потенциального клиента расстаться с суммой, несколько

превышающей его финансовые возможности. Поэтому она прислушивалась к его советам и указаниям, вот и теперь внимательно всмотрелась в мужчину, разглядывающего стеллажи с рекламными буклетами, пытаюсь понять, с кем имеет дело.

— Молодой, не старше тридцати, не слишком хорошо одет, возможно, не может позволить себе круиз и, наверное, спросит, не сможем ли продать ему билет на какой-нибудь дешевый пароходик. Так?

— Все не так, милая, за исключением возраста. Этот господин — джентльмен и, возможно, наследник миллионов. Обрати внимание, как туго закатан зонтик. Это верный признак. Да, одежда старая, но лишь с тем, чтобы показать, что деньги его совершенно не волнуют. Так что не заблуждайся. Лучше взгляни на пиджак. Твид соткан вручную, так что он станет тебе под тысячу фунтов, если ты захочешь купить такой же. Ботинки не блестят, то есть начищены специальным кремом, и сшиты на заказ на Джермин-стрит. Он бы носил монокль, если бы они не вышли из моды. И заметь, что рука у него в кармане пиджака. Это показывает, что ему без разницы, украдут у него кошелек или нет: он знает, где взять другой, и не пустой.

— Господи, да ты у нас Шерлок Холмс.

— Знаешь, любовь моя, я мог бы кой-чему научить старого наркомана... Да, сэр, могу я вам чем-нибудь помочь?

— Да... э, пожалуй. Круиз, вот о чем хотелось бы поговорить.

Вслушиваясь в оксбриджский выговор, Уилли бросил торжествующий взгляд на Хитер. Последняя признала его правоту кивком, показала под прилавком кулак с поднятым вверх большим пальцем и отошла, чтобы не мешать менеджеру заловить еще одну рыбку.

— Вас интересует кругосветный круиз, сэр? Увидев буклет в вашей руке, я подумал...

— В общем-то... — Покупатель взглянул на желто-красную обложку буклета, который держал в руке, словно увидел впервые, затем положил на прилавок. — «Ка-Е-Вторая». Довольно красивый лайнер...

— Красивый, сэр? Мы же не называем «Мону Лизу» довольно хорошей картиной, сэр. Это флагман британского флота, сэр, образно говоря, королева океанов. Ни один корабль не может сравниться с ней, ни один! — С этими словами Уилли положил на прилавок большую глянцевую фотографию «КЕ-2», плывущей по этому самому океану. — Такого лайнера вы нико-

гда не видели, сэр, и, наверное, не увидите. Я не хочу утруждать вас подробностями, но на лайнере пятьсот сорок одна каюта, из них триста двадцать класса «люкс», каждая с ванной и туалетом. Двадцать «люксов» с несколькими комнатами и отдельными верандами....

— Я знаю. Я на ней плавал. — В голосе покупателя слышалась безмерная усталость. — Стилтон¹ был недостаточно выдержанный.

Уилли только радовался, если победа доставалась ему в трудном поединке. Широко улыбнувшись, он выложил на прилавок еще один буклет.

— Разумеется, сэр, вы знаете корабль, поэтому позвольте сосредоточиться собственно на кругосветном круизе, первом подобного уровня, гарантирующем прекрасный отдых и незабываемые впечатления. Мы отплываем из Саутгемптона пятого апреля и напрямик отправляемся под теплое солнышко в Кейптаун. Оттуда в Австралию, на Гавайи и...

— Да, маршрут мне известен. Меня больше интересует каюта.

— Разумеется, сэр, — шелест бумаги. — Вот палубный план. Как вы видите, каюты есть и на сигнальной, и на спортивной палубах.

Покупатель без ошибки ткнул пальцем в самую дорогую каюту, и Уилли от радости чуть не выпрыгнул из штанов: на такую удачу он и не рассчитывал.

— Это, как я понимаю, «суперлюкс» с несколькими комнатами? Меня он устроит.

— Разумеется, сэр. «Королева Анна». Напротив точно такой же «суперлюкс» — «Трафальгар».

— Свободен?

— Очень возможно, сэр. Сейчас проверю. Цена...

— Неважно.

— Разумеется, сэр. Одну минуту.

Что-то напевая себе под нос, на седьмом небе от счастья, Уилли направился к компьютеру, по пути весело подмигнув Хитер. Сделал заказ, а потом в ужасе вытаращился на дисплей. Стер ответ, несомненно, ошибочный, повторил заказ, но увидел на дисплее те же слова. Пальцы его забегали по клавишам, он затребовал более подробную информацию. Получив ее, что-

¹ Стилтон — сорт сыра.

то торопливо записал в блокноте. Вернулся к прилавку, от радости, с которой он уходил, не осталось и следа.

— Я очень сожалею, мистер...

— Хант-Полмер.

— К моему огромному сожалению, мистер Хант-Полмер, вынужден сообщить вам, что оба эти «суперлюкса» выкуплены одним лицом.

— Оба?! Я его знаю?

— Вполне возможно, мистер Хант-Полмер. Некий Ван дер Лейден. Но на борт лайнера он поднимется только в Кейптауне. Круиз оплачен полностью, но есть пометка, что от Саутгемптона до Кейптауна «суперлюксы» свободны. Если вас это интересует...

— Разумеется, нет. Есть аналогичные каюты?

— К сожалению, нет. Но я могу предложить вам «люкс» с отдельной верандой...

— Позвольте поблагодарить вас за то, что уделите мне столько времени. До свидания.

Хант-Полмер вежливо кивнул, повернулся и ушел, прежде чем Уилли успел что-то ответить.

— Наши предложения его не заинтересовали? — очень уж сладенько осведомилась Хитер.

— Еще как заинтересовали, и он бы отправился в круиз! Да только кто-то уже продал эти «суперлюксы» какому-то паршивому африканеру. Надо ввести правило, по которому лондонские кассы должны получить право продавать билеты первыми.

Уилли стукнул кулаком по столу, пожал плечами. Аккуратно сложил буклеты, убрал. Жизнь не может складываться из одних только побед. На мгновение билеты и круизы забылись, мысли его вернулись к более насущной проблеме, разрешению которой он уделял чуть ли не все время: как забраться под юбку к сладкой маленькой Хитер.

* * *

Хант-Полмер, очевидно, никуда не спешил. Покинув билетную кассу «Кунарда», он прогулочным шагом двинулся по залитой солнцем улице. На углу остановился, оглядываясь в поисках такси. Несколько проехали мимо, уже с пассажирами, наконец, показалось свободное, с зажженной надписью «Такси». Будучи джентльменом, он не стал свистеть или размахивать рукой.

вать руками, любимое занятие туристов, а просто протянул руку с зонтиком в направлении мостовой, под углом порядка двадцати двух градусов. Такси свернуло к тротуару, остановилось.

— Станция подземки «Эрлс-корт», — сказал он в переднее окно, открыл заднюю дверцу, залез в салон, сел.

Припаркованная серая «Кортина» отъехала от тротуара, когда они проезжали мимо, и влилась в транспортный поток. «Возможно, совпадение, — решил Хант-Полмер. — Пока волноваться нет нужды». И расслабился, бренча мелочью в кармане пиджака.

По прибытии расплатился с водителем и спустился на станцию. Монеты он приготовил заранее и бросил в щель автомата. Последний звякнул и выдал билетик. Хант-Полмер сунул его в паз автоматического турникета, который тоже звякнул и возвратил билет. Хант-Полмер быстро миновал турникет, а потом остановился у карты подземки. Наверное, нашел на ней много интересного, потому что изучал карту добрых пять минут. Получив при этом прекрасную возможность видеть всех, кто входил на станцию. Свой пост он оставил, лишь когда доносящийся из тоннеля рокот возвестил о приближении поезда, следующего в западном направлении. Но по лестнице он сбежал в самый последний момент, чтобы успеть к закрытию дверей.

На поезд не сел. Подождал, пока сошедшие с него пассажиры покинут платформу, последовал за ними в одиночестве, протянул билет контролеру. Тот чуть приподнял брови, не каждый день человек покупал билет, чтобы доехать от станции «Эрлс-корт» до станции «Эрлс-корт», но не произнес ни слова.

Насколько мог сказать Хант-Полмер, никто не следил за ним и когда он пересекал площадь, и когда звонил в подъезд многоквартирного дома на южной стороне. Зажужжал электрический замок, Хант-Полмер толкнул дверь, переступил порог, лифтом не воспользовался, по лестнице взбежал на третий этаж. Открылась дверь, он вошел в квартиру, дверь тут же закрылась.

— За тобой не следили? — на испанском спросил Леандро Диас.

— Нет. Я в этом уверен. Я принял необходимые меры, — ответил Хант-Полмер тоже на испанском, чистом и быстром.

— Каковы результаты?

— Я буду счастлив рассказать обо всем после того, как сяду и выпью стакан вина из этой столь манящей бутылки «Sangre de Togo», которую я вижу на столе.

За столом сидели еще четверо мужчин. Похоже, все друг друга знали, так что никому представляться не пришлось. Один из них наполнил стакан, протянул Хант-Полмеру. Тот осторожно пригубил вино, удовлетворенно кивнул.

— Подозрений не возникло? — спросил Диас. — Тебя приняли за англичанина?

— Разве могло быть иначе, дорогой мой? Все эти ужасные школьные обеды, годы, проведенные в этом жутком холоде, деньги, потраченные отцом на мое обучение в Итоне... Напрасные усилия, если бы я не смог сойти за одного из избранных. Так что «Кунард» познакомился с джентльменом по фамилии Хант-Полмер...

— Как печенье! — воскликнул Диас.

— Не совсем, друг мой, но близко. Если бы менеджер, который обслуживал меня, узнал, что моя фамилия Ривельес, едва ли я столкнулся бы с таким желанием угодить. Только истинный джентльмен имеет право получать четкие ответы на заданные им вопросы. Поэтому никому и в голову не придет, что они имеют отношение к вашей группе. Насчет «суперлюксов» я все выяснил. Они выкуплены на весь круиз неким Ван дер Лейденом.

— Оба?

— Да. Есть интересная деталь. Хотя «люксы» полностью оплачены, пассажиры появятся в них только в Кейптауне.

— Кейптаун! — Диас не скрывал изумления. — Какое отношение Южная Африка имеет к Южной Америке... особенно к Парагваю?

— Я могу только высказать догадку, друг мой. И догадка моя следующая: африканеры, которые поднимутся на борт в Кейптауне, могут говорить на испанском.

Диас, нахмурившись, кивнул.

— Полагаю, что твоя догадка соответствует истине. Если майор де Лайглесия выкупил эти билеты, тогда круиз «Ка-Е-Второй» каким-то образом связан с тем, что сейчас происходит в нашей стране.

— Есть идеи, что происходит? — спросил Ривельес.

— Нет, ничего определенного. Но готовится что-то серьезное. У нас есть человек, который близок к центру событий, но ему сложно передавать информацию. Со временем мы все узнаем, можешь не волноваться. Но пока мы не можем позволить себе сидеть сложа руки, мы должны выяснить все, что воз-

можно, об этих загадочных пассажирах. Ты бывал в Южной Африке, Ривельес?

— Только не надо просить меня об этом! — Ривельес преждевременно поднял свободную руку. — Мой бизнес — экспортно-импортные операции, и я могу выкроить несколько свободных часов, но мой дядя лично перережет мне глотку, если я уеду из Англии...

— Ривельес, — мягко, но решительно продолжил Диас, — ты найдешь способ. Скажешься больным, сошлешься на усталость, что-нибудь придумаешь. Но все, кто сидит в этой комнате, хорошо известны этим бандитам из «Колорадо». Если они нас заметят, то поймут, что мы идем по их следу. Тогда как ты — респектабельный аргентинский бизнесмен. Они, возможно, не подозревают о том, что произошло с твоим кузеном, не знают, что ты сам нашел нас и предложил свою помощь. Кроме того, организация наша бедная, а билет на самолет до Кейптауна наверняка стоит дорого.

— Забросить работу, прикинуться больным, лететь за убийцами в Кейптаун... да еще самому оплачивать дорогу! — Ривельес вздохнул. — Не слишком ли много вы просите, а?

— Мы просим немало, — согласился Диас.

Ривельес уже хотел запротестовать... но вдруг улыбнулся.

— Разумеется, вы просите многого. И, разумеется, я вам помогу. В общем-то, невелик труд.

— Мы ценим твою помощь. А теперь допивай вино, пока Антонио позвонит в туристическое агентство и узнает насчет билета. Дай ему номер твоей кредитной карточки. Так будет проще.

ГЛАВА 5

Ривельес ужасно себя чувствовал. Большую часть последних суток он провел на борту «Боинга-747», принадлежащего южноафриканской авиакомпании, прежде чем они приземлились в Йоганнесбурге. Вылет задержался из-за забастовки в аэропорте Хитроу, а потому Ривельес опоздал на самолет до Кейптауна. Дожидаясь следующего рейса, думал о том, что сидит не в аэропорту, а в пыточной камере: только утонченный садист мог придумать столь неудобные кресла, да и сам полет до Кейптауна, продолжавшийся два часа и сорок минут, не доставил ему никакого удовольствия. Хорошо хоть в отеле «Маунт Нельсон» за ним, несмотря на задержку, оставили зарезервиро-

ванный номер. Горячая ванна в компании с холодным душем заметно улучшили его настроение. Да и Столовая гора, как ему и обещали, являла собой удивительное зрелище. Умытый, побритый, переодевшийся, он плюхнулся в кресло и залюбовался открывшимся видом. И все равно он ужасно себя чувствовал.

Бросив в рот таблетку дексадрина, запил большим глотком виски с содовой, надеясь, что в комплекте они добавят ему сил. А пока следовало немного отдохнуть...

Ривельес проснулся, как от удара, потряхнул головой. Это же надо, заснул. Взглянул на часы. Спал он только десять минут. Но эти десять минут он растратил попусту. До прибытия «КЕ-2» оставались считанные часы, поэтому он не мог терять даже десяти минут. Со стоном он поднялся, взял справочник, который лежал на прикроватном столике. Посмотрел оглавление, раскрыл на списке фотографов. В основном английские и голландские фамилии, которые его совершенно не устраивали. Они наверняка лучше, чем он, разбирались в местных делах, и его легенда могла вызвать подозрение. Но в конце списка он вроде бы нашел нужного человека. Нино Россино. Подчеркнул номер и направился к телефонному аппарату.

Нино работал по договорам, и ему случалось выполнять заказы периодических изданий. То есть он с удовольствием, но не сегодня. У него портретная съемка, отменить которую совершенно невозможно. Но вопрос решился положительно после того, как Ривельес предложил аванс в двести рандов. Россино заверил его, что через час всене непременно будет в представительстве «Кунарда».

«Кунард» даже не пришлось уговаривать. Кто-то из организации Леандро Диаса прочитал о том, что «Ньюсуик» готовит большую статью о круизных лайнерах. Ривельес практически не сомневался, что имеющиеся у него репортерское удостоверение «Ньюсуик» и рекомендательное письмо на редакционном бланке поддельные, но менеджер кейптаунского представительства «Кунарда» нисколько не усомнился в их подлинности. Да, разумеется, он окажет всяческую помощь, подняться на борт — не проблема, да, всемирно известная писательница Шейла Конрад путешествует на «КЕ-2» и с радостью даст интервью. Менеджер тут же выписал пропуска Ривельесу и фотографу, полюбопытствовал, не желают ли уважаемые представители прессы после интервью выпить с капитаном. Ривельес, вновь ставший Хант-Полмером, вежливо отказался, сослав-

шись на недостаток времени, и позволил проводить себя до двери. В приемной смуглолицый мужчина, увешанный фотоаппаратурой, задумчиво грыз и без того обгрызенный ноготь.

— Мистер Россино?

Фотограф вскочил, вытер пальцы о штанину, прежде чем протянуть Ривельесу руку.

— Нино, если не возражаете. Вы — Хант-Полмер из «Ньюсуик». Рад познакомиться. Никогда не работал с вашим еженедельником, но гарантирую, что снимки будут классные.

— Так вы не итальянец? Это вам. — Он передал фотографу конверт с двумястами рандов.

Нино быстренько глянул в конверт, сунул в карман.

— Американец итальянского происхождения. Вы, наверное, и сами догадались. Я много работал в Штатах, будьте уверены. Но здесь, можно сказать, возможностей больше.

Ривельес вслушивался скорее в интонации, чем в слова, и внезапно пришел к неожиданному выводу. Возможно, и ошибся, но он ничего не терял, проверяя свою догадку.

— Вы не работали с частными детективными агентствами, Нино? С теми, что специализируются на разводах?

Глаза Нино превратились в щелочки, голос изменился. Стал холодным, подозрительным.

— Я много с кем работал, и там, и здесь. Почему вы спрашиваете?

Догадка правильная, подумал Ривельес. Нино — третий калач.

И заговорил уже шепотом:

— Видите ли, помимо «Ньюсуик» у меня есть и другие интересы. Вопрос деликатный, речь идет о фотографиях людей, которые, возможно, не хотят, чтобы их фотографировали. Разумеется, оплата пойдет по особому тарифу.

С лицом Нино вновь произошла перемена: подозрительность уступила место широкой улыбке.

— Хант-Полмер, — он похлопал по футляру фотоаппарата. — Вы, возможно, этого не знаете, но обратились по адресу. В Нью-Йорке я был номером один, абсолютно лучшим. Слишком хорошим. Пара фотографий попала не в те руки, и теперь я отсиживаюсь в этой глуши, дожидаясь, пока не остынут страсти. Что вам нужно?

— Мы поговорим об этом в такси, если не возражаете. Ко-

рабль скоро ошвартуется, а я хотел бы подняться на борт до пассажиров.

С Нино Ривельесу действительно повезло. Легенда даже не потребовалась. Подробности Нино не интересовали. Ему лишь хотелось знать, кого и где надо фотографировать и сколько за это заплатят.

— Сначала я должен познакомиться с обстановкой, — заявил он. — Я не говорю, что ваша идея плоха, но просто стоять и снимать всех подряд все-таки не лучший вариант. Нам нужно прикрытие. Для всех мы вроде бы будем делать одно, а на самом деле — совсем другое. Кто эта телка, с которой вы хотите поговорить? Она сейчас на корабле?

— Шейла Конрад? Да, плывет от Саутгемптона. Но я не собираюсь с ней разговаривать.

— А я настаиваю на том, чтобы поговорили, мистер Хант-Полмер...

— Джон.

— Хорошо, Джон. Позвольте мне определиться на местности, а потом мы решим, что надо делать. Для меня это просто подарок! Куда интереснее, чем свадьбы этих чертовых итальяшек!

Когда автомобиль выехал на пристань, Ривельес испытал шок, взбодривший его посильнее дексадрина: «КЕ-2» уже отшвартовалась.

Неужели столько времени и усилий потрачены зря? Краска стыда залила лицо: как после этого он сможет посмотреть в глаза парагвайцам? Такси остановилось, он коротко глянул на счетчик, сунул купюры в протянутую руку водителя. Быстрым шагом направился к причалу. Там уже собралась толпа, и поверх голов он видел, что главные трапы спущены.

— Извините, сэр. Вход разрешен только пассажирам. У вас есть билет?

Охранник решительно преградил путь Ривельесу.

— Пресса, — ответил тот, роясь в карманах. — Пассажиров еще не пускают?

— Не волнуйтесь, сэр. На борт только что поднялись сотрудники санитарной и таможенной служб. Пройдет немало времени, прежде чем начнется посадка. Сюда, сэр, в эту дверь. Этот господин с вами?

— Да, разумеется.

— Сюда, пожалуйста.

Они присоединились к маленькой группе репортеров и чи-

новников, которые уже находились в зале ожидания, где им предложили по чашечке кофе. Ривельес предпочел бы что-нибудь покрепче, но взял кофе и выпил его маленькими глоточками. Ждать пришлось лишь несколько минут. Один из офицеров лайнера пригласил их на корабль.

Ривельес никогда не был на борту «КЕ-2», пусть и в лондонской билетной кассе «Кунарда» утверждал обратное. Он всегда куда-то торопился и терпеть не мог ездить на поездах, не говоря уже о кораблях. Для него единственным средством передвижения на большие расстояния являлся самолет. Однажды его убедили, разумеется, женщина, отправиться в круиз. Только однажды. Дневная скука, несмотря на страстные ночи, быстро вывела его из себя. На первой же стоянке он удрал, бросив и лайнер, и женщину, и вернулся домой с привычной ему скоростью в шестьсот миль в час. Так что увиденное на «КЕ-2» стало для него сюрпризом.

Поначалу у него не возникло ощущения, что он на корабле. Куда больше «КЕ-2» напоминала первоклассный отель, каким он всегда отдавал предпочтение. Но, поднявшись на палубу, заметил и отличия: поручни, шлюпки, иллюминаторы. Все-таки не отель — корабль. Но вот ощущения, что находишься на корабле, не было. Из-за размеров. Палуба уходила вдаль, как городская улица. Масштаб поражал воображение. Память услужливо подсказывала, что он находится на борту самого большого в мире лайнера. Но он и представить себе не мог, что корабль может быть таким огромным. Ривельес редко чему удивлялся, но «КЕ-2» потрясла его до глубины души. Он тряхнул головой: пора за работу, все-таки он пришел сюда по делу, а не для того, чтобы любоваться достопримечательностями. Он нырнул в ближайшую дверь и оказался в мире толстых ковров, мягкого освещения, вежливого обслуживания. Первый же стюард, которого он остановил, вызвался проводить их к каюте мисс Конрад. Ее предупредили загодя, и она уже ждала репортера и фотографа.

— Однако кучеряво, — пробормотал Нино, когда, следуя за гидом, они вошли в лифт.

— Я бы, наверное, использовал другой термин, но подмечено точно.

— Вы поговорите с этой дамочкой один. Я хочу осмотреться. Много времени это не займет. Скажите ей, какая она прекрас-

ная писательница, как хороша собой, что-то в этом роде, но интервью не начинайте до моего возвращения.

— По правде говоря, я никогда о ней не слышал, пока не получил это задание. Может, вы знаете, о чем она пишет?

Нино изумленно вскинул брови, покачал головой, словно не верил своим ушам.

— Где вы живете, Джон? В бочке? Эта мадам заработала на своих книгах больше миллиона баксов. Даже я их читал, хотя редко беру в руки книгу. Крутой секс. Может, вам удастся перепихнуться.

— Откровенно говоря, такого желания я не испытываю.

— Вот нужная вам каюта, сэр, — стюард указал на дверь и удалился с честно заработанными чаевыми. Нино исчез, как только Ривельес постучал в дверь.

— Открыто. Заходите, — раздался женский голос.

Он повернул ручку, вошел и впервые увидел знаменитую Шейлу Конрад. Она, конечно же, подготовилась к визиту. Сидела спиной к иллюминатору, купаясь в теплом, идущем с пола свете. Ривельес подумал, что перед ним красавица, выставившая напоказ главные свои достоинства. Дорогое черное платье, бриллианты, рука, лежащая на спинке дивана, нога, заброшенная на ногу так, что короткое платье скрывало меньшую часть бедер.

— Вы из «Ньюсуик», так?

— Совершенно верно. Рад познакомиться с вами, мисс Конрад.

— Зовите меня Шейла. Так называл меня ваш паршивый рецензент, когда разносил мой последний роман. Просто Шейла. Словно забыл, что у меня есть и фамилия. И в рецензии сплошные грязные намеки и оскорбления. Подонок. Высокочеловеческим никогда не нравились мои книги. Я надеюсь, что вы не такой.

— Я восхищаюсь вашими книгами... Шейла. — Восхищался он и глубоким декольте, особенно розовым великолепием, которое поднималось отсюда ему навстречу. — И с огромным нетерпением ждал возможности взять у вас интервью. Для меня это просто подарок судьбы.

— Я надеюсь, что интервью доставит удовольствие и мне... — Она заглянула в бумажку, которую держала в руке. — ...Джон. Я бы не приняла вас, если бы не пообещала моему агенту давать интервью любому периодическому изданию с тиражом

больше миллиона экземпляров. Каков тираж вашего последнего номера?

Ривельес не имел об этом ни малейшего понятия, но его спас стук в дверь.

— Вы кого-то ждете? — спросила она.

— Моего фотографа.

— Это прекрасно. Пусть войдет.

— Привет, босс. — Нино вкатился в каюту. — Рад познакомиться с вами, мисс Конрад. Я считаю, что ваша последняя книга, «Приди ко мне, любовь моя», лучшая из всех, которые я прочитал за последние сто лет.

— Ээби, мне нравится не только твой литературный вкус, но и изящество фразы. У тебя есть имя?

— Нино Россино.

— И, разумеется, ты из Бруклина!

— Вы видите нас насквозь.

— Должна, дорогой, выросла в Гринпойнт.

— Пожалуйста, — вмешался Ривельес, глянув на часы. — Я хочу взять интервью у мисс Конрад, сделать фотографии...

— Не волнуйтесь, босс. На борт еще никого не пускают, поэтому время у нас есть. Если не возражаете, я бы хотел сделать несколько снимков в холле. Роскошная обстановка, которая как нельзя лучше подходит роскошной женщине.

— Нино, дорогой, ты — просто глоток свежего воздуха. — Шейла послала ему воздушный поцелуй сверкающими, ярко накрашенными губами. — Давай сделаем фотографии, а потом вернемся сюда и откроем шампанское. Вы и представить себе не можете, до чего же скучно на этой посудине.

Коридорами Нино провел их в выбранный им для съемки холл, действительно дышащий роскошью: мягкий свет, зеркала, кожаная мебель, свежие цветы на столиках. Нино указал, куда им надо сесть.

— Вы — сюда, мисс Конрад. Босс, начинайте интервью, а я пока расставлю аппаратуру. Я хочу, чтобы все выглядело естественно. Пару раз сниму вас вдвоем, потом одну даму, если вы не возражаете. Подержите, пожалуйста, пока я установлю треногу.

Передавая фотоаппарат Ривельесу, Нино успел шепнуть ему на ухо пару слов:

— В коридоре за вами двери тех самых «суперлюксов», которые вас интересуют. Тем, кто захочет в них войти, придется пройти мимо меня или с другой стороны коридора. Я их за-

фиксирую. Света достаточно, пленка высокочувствительная, объектив широкоугольный. Все будет выглядеть так, будто я фотографирую королеву секса, но двери тоже попадут в кадр.

— Вы — гений, Нино.

— Знаю. А теперь — за работу. Пошли первые пассажиры.

— Присаживайтесь сюда, Джон. — Шейла хлопнула по диванной подушке.

— Если я сяду так близко, то помну ваше платье.

— Шелк. Он не мнется. Подсаживайтесь.

На близком расстоянии Ривельес увидел, что Шейла не так молода, как показалось ему с первого взгляда: морщинки у глаз выдавали возраст. Но у нее оставалось немало достоинств. Грудь, так те просто раздувались, зазывая его в ложбину между ними. Ривельес достал из кармана диктофон, включил.

— Интервью с Шейлой Конрад, — она ослепительно улыбнулась, а у Ривельеса все мысли вылетели из головы. Он никогда не брал интервью, понятия не имел, какие положено задавать вопросы. Лихорадочно думал, с чего начать и, конечно же, начал с банальности:

— Что побудило вас взяться за перо, Шейла?

— Господи! Ну почему меня всегда спрашивают об одном и том же! Неужели никто не может придумать новые вопросы? Отвечаю для миллионов ваших читателей. За пишущей машинкой я смогла зарабатывать больше денег, чем лежа на спине.

Пожилая и элегантная пара, господин с тростью и дама в норковом манто, как раз проходила мимо. Их брови аж подскочили. Дама даже позволила себе искоса глянуть на Шейлу.

— Следующий вопрос, пожалуйста, — самодовольно бросила Шейла.

— Вас не затруднит посмотреть на меня? — вмешался Нино. — Пожалуйста.

35-миллиметровый фотоаппарат уже стоял на треноге. От него тянулся длинный шнур. Пленка после каждого снимка перематывалась автоматически.

— Отличные будут фотографии, отличные. Босс, если можно, отойдите на секунду, я хочу сфотографировать одну мисс Конрад. Улыбнитесь, моя красавица. Вот так. Великолепно. Теперь чуть поднимите голову.

Все новые и новые пассажиры проходили мимо, многие с интересом поглядывали на происходящее в холле. Нино уже достал второй фотоаппарат, внезапно полыхнула вспышка.

Ривельес воспользовался паузой и попытался вспомнить ток-шоу, которые ему доводилось видеть по телевизору. Некоторые вопросы торопливо записал на клочке бумаги. Шейле нравилось слышать собственный голос, так что на каждый вопрос следовал более чем пространственный ответ. Ривельес слушал вполуха, изредка кивал, случалось, что и невпопад, стараясь не оставить без внимания проходящих мимо пассажиров. Их поток заметно поредел. Да и Шейла, похоже, выговорилась.

— Если мои ответы не удовлетворят вашего редактора, его ничто не удовлетворит, — заявила она. И бруклинец, похоже, отщелкал двадцать пленок.

— Еще пара кадров и закругляюсь, — взмолился Нино. — Для меня лично, Шейла. Не возражаете, босс?

— Отнюдь.

Дважды шелкнул затвор фотоаппарата.

— Очень кстати. — Шейла встала, одернула платье. — Шампанское уже остыло.

Уйти они смогли только через полчаса. Ривельес пил шампанское и поддерживал разговор, Нино налегал на сэндвичи, которые официант принес со второй бутылкой. Большую часть шампанского выпила Шейла. Чувствовалось, что она знает толк в этом напитке. Наконец, Нино вытер губы и встал.

— Должен отвезти пленки в лабораторию, босс. Светская жизнь мешает работе.

— Вы уж извините, Шейла, но нам пора.

— Жаль, что вы не плывете со мной. — Она сжала ему руку. — На этом корабле одни старые пердуны. А мы бы смогли неплохо провести время.

— И еще сможем, я в этом уверен. Я так рад встрече с вами.

Ему удалось высвободить влажную ладонь и ретироваться.

— Клевая телка, — заметил Нино, когда они шли по коридору.

— Это точно. Но меня больше волнуют фотографии. Как все вышло? Я ничего не видел.

— Я видел, а это главное, и сделал нужные фотографии. В «люксы» вошли пятеро мужчин, никаких баб. Двое стариков, трое громил. Тяжеловесы. На фотографиях все увидите сами.

— С нетерпением жду этого торжественного момента.

Под лабораторию Нино приспособил ванную своей квартиры. Жил он далеко не в лучшем районе. Первым делом открыл бутылку южноафриканского бренди, очень сладкого и резкого, как понял Ривельес, отпив глоток, и принялся за работу.

Проявил пленки, просушил, потом просмотрел на фотоувеличителе, довольно бормоча себе под нос:

— Отлично, просто отлично, по-другому и не скажешь. Я сейчас сделаю фотографию с этого кадра, и вы поймете, о чем я.

Ривельеса и Шейлу, находящихся на переднем плане, Нино вывел за рамку, сосредоточившись на фигурах за их спиной, в коридоре.

Вытащив фотографию из сушителя, прошел в гостиную, гордо прикрепил ее к стене.

— Те парни, которыми вы интересовались? — спросил он.

— Да, если они вошли в «люксы».

— Вошли и более не выходили.

Ривельес пристально всмотрелся в фотографию, потом еще пристальнее изучил ее через увеличительное стекло. Лица ему ничего не говорили. Пятеро абсолютно незнакомых мужчин. Трое молодых, двое старых, как и говорил Нино. Ни одного латиноамериканца, среди молодых точно ни одного. Тайна оставалась тайной. Разве что кто-нибудь в Лондоне мог опознать этих людей.

— Нормально? — спросил Нино.

— Более чем. Вы — мастер, Нино, как вы и говорили. Мой самолет через три часа. К тому времени все фотографии будут готовы?

— Конечно. Заказывайте билет, а я займусь фотографиями. Пейте бренди, оно куплено на ваши деньги.

ГЛАВА 6

Трое мужчин сидели за обеденным столом. Скатертью служили старые газеты, в пятнах, чернильных разводах, местами рваные. Диас пил черный кофе, остальные двое смотрели в стены. Квартира была большая, старая, с обшарпанной мебелью. Чувствовалось, что мужчины остановились здесь временно, можно сказать, проездом. Однако они провели в ней уже много лет, и возможно, проживать здесь им предстояло еще очень долго. Однако их сердца, их помыслы, их надежды находились далеко-далеко, в маленькой стране по другую сторону Атлантического океана, о которой многие англичане даже не слышали. Эти холодные комнаты, этот гулкий коридор, эту неудобную кухню они действительно воспринимали как временное жилище. Их дом находился совсем в другом месте.

В дверь тихонько постучали, но никто из мужчин на слух не жаловался, поэтому все повернулись на звук. Один начал доставать из кармана пистолет, но Диас покачал головой. Поднялся, вышел в коридор, встал рядом с дверью.

— Кто там?

— Возвратившийся странник, — ответил голос. — И я упаду, если ты еще минуту продержишь меня у двери.

Диас быстро отодвинул засов, открыл замок, распахнул дверь, вопросительно посмотрел на стоящего на пороге мужчину.

— Знаешь, друг мой, — сказал он, привалившись к стене, пока дверь закрывалась и запиралась, — бывали времена, когда я чувствовал себя гораздо лучше. Из трех последних дней два я провел в самолетах. Не только не спал, но и испортил себе желудок той замороженной дрянью, которую выдают за еду.

— На кухне есть черная фасоль и рис.

— Я продам душу человеку, который принесет мне тарелку черной фасоли и риса. Вот фотографии.

Он передал конверт, который тут же схватили и открыли.

— Ты знаешь, кто они? Люди на фотографиях?

— К сожалению, нет. Я надеялся, что вы знаете.

Ривельес с радостным вздохом набросился на еду, тогда как Диас и двое других разложили фотографии на столе и пристально их разглядывали. Мужчины спорили, один даже принес увеличительное стекло, тогда как Ривельес спокойно ел, запивая фасоль и рис испанским вином, а насытившись, с довольным видом отвалился от стола. Не прошло и нескольких минут, как его дрему прервал голос Диаса:

— К сожалению, мы никого не знаем. Ты говорил с ними, слышал, как они говорят?

— Нет. Все это время я провел в компании этой удивительной женщины. Я даже не видел, как они входили в свои апартаменты. А что?

— Есть одна догадка. Увидеть это можно только через увеличительное стекло. На этой фотографии, где мужчина смотрит прямо в объектив.

— Фотограф — мастер своего дела. Он включил фотовспышку, чтобы привлечь их внимание и сфотографировать не только в профиль, но и анфас. Я его вижу, отвратительный урод. Что вы нашли в нем интересного?

— Посмотри на щеку, вот сюда. Вроде бы шрам, не так ли?

Ривельес присмотрелся, согласно кивнул.

— Возможно. И что из этого?

— Он может быть немцем. Это сабельный шрам. Мужчина достаточно стар, чтобы учиться в двадцатых годах, а тогда без сабельных шрамов диплома, можно сказать, не выдавали. При всех университетах были сабельные клубы. Они пользовались клинками с заостренным концом и масками, которые закрывали только часть лица. Вероятно, с тем, чтобы уметь ранить соперника и научиться терпеть боль.

— Глупость какая-то. И что это доказывало?

— Что они — настоящие мужчины.

— Понятно. Глупые идеи распространяются быстро. Глядя на него, да и на остальных, можно сказать, что они — немцы. Но что это доказывает?

— Если речь о молодых, то ничего. А вот старики, со шрамами, вполне могли участвовать во Второй мировой...

— Нацисты!

Диас кивнул.

— Вполне возможно. Но как это выяснить?

— В Аргентине они есть, но их мало и в основном мелкая рыбешка. А в Парагвае их хватает?

— Пожалуй. Они зовутся военными советниками. И тоже, как ты говоришь, мелкая рыбешка. Но вот за рекой...

— Уругвай! Там их полным-полно. Начальники концентрационных лагерей, эсэсовские шишки, убийцы. Там они везде, и среди чиновников, и рядом с ними, копошатся, как тараканы.

— И совсем близко от Парагвая, — задумчиво продолжил Диас. — Возможно, это и есть связующее звено, которое мы ищем. Но прежде всего надо выяснить, кто эти люди.

— Тупамарос могут знать. Ты поддерживаешь с ними контакты?

Диас покачал головой.

— Скорее нет, чем да. Большинство из них убили в 1974 году, потом движение распалось. Но я могу навести справки. Правда, на это потребуется время. «Ка-Е-Вторая» уже покинула Кейптаун и через несколько дней будет в Австралии. Мы должны как можно скорее выяснить, кто эти люди. У кого же спросить?

— У евреев! — ответил Ривельес. — Израильтянам многое известно об уцелевших нацистах. Скорее всего они смогут опознать этих стариков. Но как выйти на них. Не можешь же ты просто пойти в израильское посольство и попросить о помощи.

— Почему нет? — Диас убрал фотографии в конверт. — Если у нас есть важная информация, они захотят с нами поговорить. А мы ничего не потеряем, обратившись к ним.

— Идея бредовая, но, возможно, сработает. Ради бога, вызови такси, чтобы потом я смог добраться до дома и рухнуть в постель. А ведь утром мне еще предстоит встреча с дядюшкой.

— Ты сказал ему, что заболел?

— Нет, он не поверит. Он очень подозрительный, потребует справку от врача. Я скажу ему, что влюбился и уезжал с женщиной в Брайтон.

— А почему он в это поверит?

— Я скажу, что это замужняя женщина. Он жутко боится скандала и будет тревожиться о том, как бы наша связь не раскрылась, а не о моем отсутствии на работе. Думаю, я смогу воспользоваться этим предлогом и в другой раз, если мне вновь потребуется срочно уехать.

— Такси я вызову. Сможет кто-нибудь заглянуть в справочник и найти мне адрес израильского посольства?

* * *

Диас вышел из такси на Бейсуотер-роуд и зашагал по Кенсингтон-Палас-Гарденс, одной из последних частных улиц Лондона, с охранником в начале и конце. Тихое, спокойное место, полностью устраивающее израильтян. Арабские террористы не могли незаметно подобраться к посольству. Полицейский у входной двери пристально оглядел его, а едва он переступил порог, дорогу ему загородил высокий, крепкого сложения молодой человек.

— Вас не затруднит расстегнуть пальто, это чистая формальность. — Он быстро обыскал его. — Благодарю вас. Приемная там.

Трудности у Диаса возникли, едва он подошел к столу, за которым сидела молодая женщина с суровым взглядом.

— Так с кем вы хотели бы встретиться?

— Точно не знаю. Наверное, с военным атташе.

— Скажите, пожалуйста, по какому вопросу.

— Я бы хотел все рассказать непосредственно ему.

— Боюсь, у нас нет военного атташе. Если вы объясните мне, что вам нужно, я, безусловно, найду человека, который сможет вам помочь.

Посетителей в приемной хватало, и Диас буквально чувствовал, как их уши жадно ловят каждое сказанное им слово. Он понял, что попал в дурацкое положение.

— Я с радостью расскажу обо всем тому, кто мне поможет.

Она одарила его взглядом, который без труда прожег бы стальную плиту.

— Вице-консул сейчас свободен. Возможно, он сможет оказать вам необходимую помощь.

— Вы очень добры. — Диас поднялся из-за стола.

Она не хотела его понять. С тем же отношением он столкнулся и в кабинете вице-консула, который если и был старше женщины, то на год-другой.

— Мистер Диас, я понимаю, о чем вы просите, но, боюсь, ничем не смогу вам помочь.

— Если бы я смог поговорить с кем-нибудь из ваших военных... или с представителем разведки...

— Мистер Диас! Вы понимаете, что говорите? Мы — официальные представители нашей страны в Великобритании. Дружественном нам государстве. Разумеется, наших разведчиков тут нет и в помине.

О международной политике Диас знал достаточно много и не сомневался, что израильские разведчики здесь есть. Как и в любом посольстве, аккредитованном в Лондоне. Но, само собой, вице-консул не мог этого признать. Диаса он видел впервые и опасался, что имеет дело со шпионом или провокатором. Поэтому выход у Диаса оставался только один. Он положил на стол конверт с фотографиями, написал на нем свой номер телефона.

— Вы, разумеется, правы, и я сожалею, что отнял у вас время. У меня есть несколько фотографий, которые, по моему разумению, заинтересуют вашу разведку. Я надеюсь, что там смогут опознать запечатленных на них людей. Фотографии сделаны вчера. Нет, пожалуйста, ничего не говорите. Я оставляю фотографии у вас и заберу их завтра в это же время. Если кто-то захочет связаться со мной раньше, меня всегда можно найти по этому телефону. Спасибо, что приняли меня.

— Боюсь, мы ничем не сможем вам помочь, — твердил свое вице-консул вслед уходящему Диасу. — У нас так не принято, мы ничего не сможем сделать.

Но при этом не прикоснулся к конверту и не стал настаивать на том, чтобы Диас забрал его с собой.

Небо затянуло облаками, в воздухе запахло дождем. Диас направился к автобусной обстановке, такую роскошь, как такси, они могли позволить себе в самом крайнем случае, встал в конец очереди. Опять же в автобусе легче заметить слезку. О безопасности приходилось думать в первую очередь: слишком много друзей за беспечность заплатили жизнью.

В квартиру он вошел только через час.

— Ты где был? — спросил Альваро.

— А что?

— Последние полчаса телефон звонит каждые пять минут. Один и тот же голос спрашивает тебя. Кладет трубку, как только выясняет, что тебя нет...

Его прервал телефонный звонок.

— Должно быть, опять он. Возьми трубку.

— Леандро Диас слушает.

— Вы сегодня оставили в одном месте конверт с фотографиями и написали на нем свои имя, фамилию и телефон? — спросил мужской голос.

— Фотографии я оставлял, да.

— Будьте так любезны, скажите, где они сделаны?

— Не могу. Я хочу встретиться с компетентным специалистом и с радостью сообщу ему все подробности. Понимаете?

— Понимаю. Можете вы в течение часа приехать на Оксфорд-стрит?

— Да.

— Войдите в Сентрпойнт-билдинг на углу с Черринг-Кросс-роуд. Вам нужен двадцать первый этаж, комната 2135. Понимаете?

— Разумеется...

Он еще не договорил этого слова, как в трубке раздались гудки отбоя. Диас положил ее на рычаг, улыбнулся.

— Они заинтересовались, очень заинтересовались. Альваро, открой сейф с деньгами и, пожалуйста, на этот раз никаких жалоб. Наш автомобиль в ремонте, а туда я могу успеть вовремя только на такси.

Веселый плеск фонтанчиков перед фасадом Сентрпойнт-билдинг тонул в мерном гуле транспорта. Но за дверьми его встретила кондиционированная прохлада и ненавязчивая музыка. Успокаивающая мелодия играла и в лифте, который поднял его на двадцать первый этаж, и в коридоре. В комнату 2135 вела внушительных размеров двойная дверь из красного дере-

ва. На одной половинке двери желтели скромные бронзовые буквочки, складывающиеся в название фирмы: «Кэбот, Лоуэлл, Смит и Гринстайн». Диас вошел в большую, обставленную дорогой мебелью приемную, где регистратор, ослепительно красивая блондинка, улыбнулась ему во все тридцать два зуба, как в рекламном ролике зубной пасты.

— Могу я вам помочь, сэр? — осведомилась она на безупречном английском.

— Да, пожалуйста. Моя фамилия Диас и...

— Спасибо, мистер Диас. Вас ждут. Если вас не затруднит, пройдите по коридору направо. Вам нужна третья дверь слева.

Диас двинулся в указанном направлении. Мягкий ковер, рассеянный свет, одна стена, с пола до потолка уставленная стеллажами с юридической литературой. Оно и понятно, подумал Диас, адвокатская контора. Он тихонько постучал в дверь, открыл ее, вошел.

— Мистер Диас, — мужчина поднялся из-за большого стола.

— Я — Хэнк Гринстайн.

Пожимая руки, оба мерили друг друга взглядами. Диас решил, что загорелый, ростом за шесть футов, со светло-синими глазами, двадцатишести- или двадцатисемилетний Гринстайн то ли спортсмен, то ли недавно покончил со спортом, и мышцы еще не успели зарости жиром.

— Пожалуйста, присядьте. — Гринстайн указал гостю на кресло. — Там вам будет удобно. — Сам сел на стул, забросил ногу на край стола. — А теперь, прежде чем мы начнем наш разговор, я хочу кое-что прояснить. Во-первых, вы действительно находитесь в помещении уважаемой международной адвокатской фирмы с отделениями во многих странах мира. Она не имеет никаких отношений с израильским правительством. Более того, мой отец или любой из партнеров фирмы освежал бы меня живым, если б узнал, чем я сейчас занимаюсь. Я помогаю израильтянам исключительно по собственной инициативе.

— Вы работаете на них?

— Считайте меня добровольцем, мистер Диас. Я — еврей, и для меня существование национального государства имеет огромную важность. Так что шантажировать или угрожать мне вам не удастся. Извините, что использую такие слова. Меры предосторожности необходимы.

— Я — не араб, мистер Гринстайн.

— Как и японец, который взорвал аэропорт Лод. Поймите меня правильно. Я хочу поговорить об этих фотографиях. — Он постучал пальцем по лежащему на столе конверту. — Возможно, мы сможем помочь друг другу. Пожалуйста, постарайтесь это понять.

— Я стараюсь. И ничуть не в обиде. Вы знаете, что за мужчины на фотографиях?

— Двое уже опознаны. Где и когда сделаны фотографии?

— В Южной Африке, менее чем сорок восемь часов назад.

— Вы знаете, где сейчас эти мужчины? — Небрежный тон не смог скрыть напряжения, мгновенно повисшего в кабинете.

— Да. Мы точно знаем, где они сейчас и где будут находиться в ближайшие несколько недель.

Гринстайн убрал ногу со стола, наклонился вперед, руки сжались в кулаки.

— Это отлично, просто великолепно! Не знаю, как мы сможем отблагодарить вас, мистер Диас.

— Сможете без труда. Скажите мне, кто эти люди. Мы предполагаем, что они — немцы.

— Вы правы, во всяком случае, в отношении стариков. Молодые еще не опознаны. Но первые двое — нацисты, два очень важных сукиных сына, которые как сквозь землю провалились несколько лет назад. А теперь, пожалуйста, скажите, кто вы и почему сочли необходимым сфотографировать их?

Диас пожал плечами.

— Боюсь, ничего другого мне не остается. Вы записываете наш разговор?

— Нет. А вы?

— Нет. Но оба могли бы, не так ли? Я вынужден довериться вам, мистер Гринстайн. Но, пожалуйста, поймите, сказанное мною может отразиться на судьбе многих людей. Что вы знаете о Парагвае?

— К сожалению, должен признать, что очень мало. Южная Америка, насколько я помню, около Бразилии, стабильное государство. Правильно?

— К сожалению, именно таким и воспринимают Парагвай в мире. Мы — Золушка Южной Америки и наслаждаемся благами самой жесткой диктатуры на континенте. Взяв власть в 1954 году, армия правит железной рукой. Наш пожизненный президент Альфредо Стресснер не верит в конкуренцию. В шестидесятых годах международное давление, особенно со сторо-

ны США, заставило его допустить в политику оппозиционные партии. Но, как только они начали получать голоса, всех лидеров он отправил в тюрьму. Он умеет побеждать, наш президент. Объявил чрезвычайное положение и отменил все права граждан. Разумеется, на срок в три месяца. Не такое уж большое дело. Да только за первым сроком последовал второй, третий, четвертый...

— Не самое веселое место для жизни.

— Не самое. Но с чего миру думать о проблемах маленькой страны с населением в несколько миллионов человек? Тем более что особых утечек информации военные не допускают. Иначе и быть не могло, потому что их обучали уцелевшие во Второй мировой и сбежавшие в Южную Америку нацисты. В итоге вся оппозиция или покинула страну, или сидит в тюрьме. В эмиграции находятся шестьсот тысяч человек, более пятой части населения.

— На фотографиях, которые вы мне дали, парагвайские нацисты?

— Нет, мы в этом уверены. Большинство наших нацистов уже умерли. Их место заняло ЦРУ и обучило наших военных более изощренным пыткам, с использованием психологического давления и психотропных препаратов...

— Это правда? — резко спросил Гринстайн. — Или вы просто повторяете стандартные обвинения, которые кто только не выдвигает против Америки.

Диас широко раскинул руки.

— Я ничего не имею против вашей страны, пожалуйста, поймите меня. Я всего лишь говорю правду. Именно американцы рассказали об участии ЦРУ в парагвайских делах.

— Мне очень жаль.

— Не будем больше об этом. Мы встретились не для того, чтобы оскорблять друг друга, а для обмена информацией, возможно, с пользой для каждого. Лично я — друг вашей страны. Я — бизнесмен, вернее, был им до того, как пошел в политику. Я участвовал в парламентских выборах по спискам ЛРП, либерально-радикальной партии. Партии очень консервативной, уверяю вас. Моя ошибка заключалась в том, что я выиграл выборы и, разумеется, отправился в тюрьму. Потом сумел добраться до Лондона и стал членом группы сопротивления, объединяющей парагвайцев, находящихся в ссылке. Конечно, мы мало что можем. Помогаем другим изгнанникам, пишем письма

протеста в газеты. А главным образом ждем того знаменательного дня, когда сможем вернуться на родину. Среди тех, кто вынужден жить за пределами Парагвая, мы достаточно хорошо известны, поэтому люди делятся с нами имеющимися у них сведениями. Если говорить о текущих событиях, то в высших эшелонах власти Парагвая что-то происходит, что-то очень серьезное, но мы не знаем, что именно. В посольство постоянно прибывают курьеры, в самом Парагвае замечены передвижения воинских частей. Недавно мы связали всю эту активность с круизом лайнера «Ка-Е-Вторая» и определенными каютами на нем. Двумя самыми большими и соответственно дорогими «люксами». Эти «люксы» пустовали, пока лайнер не прибыл в Кейптаун, где их заняли пятеро мужчин.

— Пятеро на фотографиях!

— Точно! Теперь вы знаете столько же, сколько и мы. Мы уткнулись в стену. Единственная наша догадка заключается в том, что один из этих мужчин — немец. Поэтому мы обратились к израильтянам. В надежде, что они смогут опознать тех, кого мы сфотографировали.

— Они их опознали, можете не волноваться. — Хэнк Гринстайн достал из конверта фотографии и разложил по столу.

— Это полковник Манфред Хартиг, бывший начальник польского концентрационного лагеря. Он исчез сразу после войны. Поляки судили его заочно и приговорили к смерти через повешение. Он объявился в Аргентине, а несколько лет назад снова исчез. Одновременно с другим человеком, также запечатленным на фотографии. Карлом-Хейнцем Эйтманном. Эйтманн занимал более высокий пост. Координировал отношения между заводами и концентрационными лагерями. Следил за тем, чтобы заводы не испытывали недостатка в дешевой рабочей силе.

— Какие милые люди.

— Да. Само собой. Но самое интересное еще впереди. Прямых улик, конечно, нет, но есть немало косвенных, указывающих на существование центра, объединяющего сбежавших нацистов. Через этот центр проходят крупные суммы денег. Немцы — очень организованная нация. Даже в массовые убийства они внесли элементы упорядоченности. И помните, из захваченных стран вывозились огромные богатства. На миллионы, скорее, на миллиарды долларов. Такие деньги не хранят закопанными на заднем дворе. Разумеется, многие нацисты при-

хватили с собой крупные суммы. Но я сейчас говорю о действительно больших деньгах. И эти двое, Хартиг и Эйтманн, вроде бы находятся среди тех, кто ими распоряжается. По слухам, они получают приказы непосредственно от небезызвестного доктора Иоахима Вилгуса.

— Вилгуса? Не слышал такой фамилии.

— Мало кто о нем знает. Вилгус был правой рукой Альбрехта Шпеера, экономического гения, который обеспечил финансирование Третьего рейха. Вначале все было довольно просто, потому что большие корпорации, вроде «Круппа», интересовало лишь получение максимальной прибыли. Поэтому они словно и не замечали, откуда бралась рабочая сила, необходимая для нормального функционирования заводов и фабрик. Но война продолжалась, денег требовалось все больше, потому что авиация союзников планомерно уничтожала немецкую промышленность. Вот тут на сцену и вышел герр Вилгус. Он отвечал за новые, неординарные источники финансирования. По его приказам в концентрационных лагерях из голов трупов вышибались золотые зубы, волосы с этих же голов шли на набивку матрацев, из человеческого жира изготавливалось мыло, в дело пускалось все, и с хорошей прибылью.

— Это... отвратительно. — Диаса передернуло. — Я не знал, что люди могут так низко пасть. В моей стране пытки и убийства — обычное дело... но это... это коммерциализация зла.

— Люди забывают. — Хэнк помрачнел. — Или они слишком молоды, родились после войны. Она для них — история, как Чингисхан и Наполеон. Но забывают не все. Еще живы те, у кого на руках вытатуированы номера, которым снится ужас концентрационных лагерей. И миллионы умерших были бы живы, если бы немцы с такой решительностью не создавали тысячелетний рейх. Ваши южноамериканские диктаторы известны пытками и экзекуциями, но, слава богу, по масштабам убийств они никогда не сравнятся с нацистами.

В кабинете повисло долгое молчание, которое нарушил Диас:

— Расскажите мне о нацистах, которые выжили.

— Как я и говорил, немцы — высокоорганизованная нация, — продолжил Хэнк, изо всех сил стараясь изгнать эмоции из голоса. — Поэтому многое, если не все, стало известно широкой общественности в ходе судов над военными преступниками. Но к тому времени Вилгус испарился. Он всегда старался держаться в тени. У нас есть только одна его фотография, и

очень старая. Поскольку работал он во многих странах, потребовались годы, чтобы получить представление о его финансовых операциях. После крушения Третьего рейха в его руках оказались огромные средства. Когда исход войны стал ясен даже слепым, многие высшие чины режима, вроде Геринга, начали искать способы спасения награбленного. Вилгус стал их посредником. Через него открывались счета в швейцарских банках, продавались произведения искусства, вывозились из Германии золото и драгоценности. Вот почему этим человеком так интересуются. Война давно закончилась, многие преступники умерли от старости или третичного сифилиса. Но украденные ценности по-прежнему существуют. Их поиски продолжаются, и всякий раз ниточка рано или поздно приводит к Вилгусу. А Хартиг и Эйтманн, как вы поняли, непосредственно с ним связаны. За ними необходимо организовать постоянное наблюдение, слежку...

— В надежде, что они выведут вас на самую крупную рыбу?

— Именно так.

— Но эти люди и сами могут оказаться неплохой добычей. Есть вероятность, что они перевозят большие ценности?

— Да. И я знаю, что кое-кто очень интересуется этими людьми. Вы что-нибудь знаете об израильской разведке?

— Ничего.

— То, что я вам скажу, не является секретом, эти сведения — достояние широкой общественности. Организация, которая называется «Аман», в основном занимается сбором информации, анализирует сведения, стекающиеся из всех источников. Результаты ее работы используют в «Шин Бет», это контрразведчики, так же как и в «Моссаде», наиболее мощном компоненте израильской разведывательной структуры. Именно сотрудники «Амана» опознали этих двух немцев, хотя о трех молодых они пока ничего не нашли. Как только это произошло, в дело вступила «Моссад». Они не говорят, чем это вызвано, но мы можем догадаться. Пошла крупная игра. Хотя лично я не знаю, кто в ней участвует.

Диас сухо улыбнулся.

— Вы уж извините меня, мистер Гринстайн; но если вы этого не знаете, то кто знает? Вы позвонили мне, да так скоро, что я не успел доехать до дома.

— По настоянию других. Я упомянул вам лишь несколько разведывательных организаций. Некоторые очень заинтересо-

вались этими нацистами. Меня убедительно попросили получить у вас дополнительную информацию.

— Вы ее получили.

Хэнк Гринстайн потер подбородок, вздохнул.

— Получил, но это не означает, что я могу выдвинуть логичную версию. Южноамериканский диктатор, пара престарелых нацистов, которые в Южной Африке садятся на английский корабль...

— И американский адвокат еврейского происхождения в паре с находящимся в изгнании парагвайским политиком. Любопытная комбинация.

— Прямо-таки ирландское рагу! — Хэнк Гринстайн засмеялся собственной шутке. Леандро Диасу пришлось улыбнуться.

— Боюсь, я не очень знаком с английской кухней, мистер Гринстайн.

— Хэнк, пожалуйста. Такого блюда, конечно, нет. Это термин, использующийся, когда намешано так много всего, что ничего невозможно понять.

— Это точно. Для того чтобы разобраться, нам потребуется дополнительная информация. Нам бы очень хотелось знать, где находится сейчас майор Хосе де Лайглесия. Он покупал билеты на «Ка-Е-Вторую». Он знает ответы на некоторые вопросы, которые ставят нас в тупик.

— Я передам вашу просьбу, и его поищут. Если найдут, я дам вам знать.

— Пожалуйста, и мы не останемся в долгу. Позвоните мне завтра в это же время, и мы договоримся о новой встрече. Постоянные контакты нам не мешают.

— Безусловно. Тогда до завтра. Я обязательно позвоню.

На прощание они обменялись рукопожатием, и Диас отбыл. Хэнк выждал минуту, потом подошел к двери, чуть приоткрыл ее. Убедившись, что коридор пуст, закрыл дверь, запер на ключ, вернулся к столу, сел.

— Он ушел, — возвестил он.

Дверь в соседний кабинет открылась, вошел тощий, смуглолицый мужчина с черными волосами и крючковатым носом. Выглядел он, как араб, прекрасно говорил на арабском и часто выдавал себя за араба. Большинство знакомых знали его как Узи Дрезнера. Эти имя и фамилия могли быть такими же вымышленными, как и все другие, которыми он пользовался. При том, что он старался не светиться, а его фотографии нико-

гда не публиковались в газетах, в определенных кругах он был личностью известной. Узи работал в тесном контакте с Симоном Визенталем и, по слухам, спланировал операцию по доставке Эйхмана в Израиль. Его последним достижением стало успешное завершение поисков оберштурмбаннфюрера Рауффа, обнаруженного в чилийском городе Пунта-Аренас. Рауфф нес ответственность за уничтожение ста тысяч евреев, и искать его начали сразу после войны. Присутствие Узи в кабинете Хэнка наглядно показывало, какое внимание уделяется фотографиям.

— И что вы думаете об этом Диасе? — спросил Хэнк.

— Он тот, за кого себя выдает. Мы знаем о его группе и даже встречались с некоторыми ее членами, чтобы получить сведения о парагвайских нацистах. С тех пор прошел не один год, но, думаю, мы можем возобновить наши контакты. Я уверен, что он говорит правду. Из этого мы и будем исходить, пока не получим доказательств обратного.

— И что мы теперь предпримем?

— На текущий момент, я говорю про нашу организацию, сделаем все возможное, чтобы получить дополнительную информацию о людях, участвующих в этом деле. На это может уйти много времени, поэтому мы займемся этим незамедлительно. У нас нет официального статуса, поэтому придется работать через наших друзей в других государственных учреждениях.

— Что значит нет «официального статуса»? Все, с кем я говорил, очень высоко отзываются о том, что вы делаете.

— Все так. Но на бумаге вы ничего не найдете. И не услышите название нашей организации.

Хэнк пожевал нижнюю губу, стараясь вспомнить все, что ему говорили. Наконец кивнул.

— Вы правы, мне рекомендовали встретиться с Узи, он решит все вопросы, его организация знает, что следует предпринять в такой ситуации. Но ни фамилий, ни названий не упоминалось.

— Так и должно быть. Моя группа базируется в Вене и использует частные источники финансирования. Официально мы не существуем и, уж конечно, никоим образом не связаны с государственными структурами Израиля. Потому что все наши действия противозаконны.

— На то есть веские причины, — заметил Хэнк.

— Есть, — кивнул Узи. — Наш информационный отдел находится в постоянном контакте с «Аман», потому что сбор ин-

формации преступлением не является. «Аман», в свою очередь, снабжает полученными сведениями правительства других государств. Теми сведениями, которые не являются совсем уж кошерными.

— А если..?

— Мы находим нацистов? Принимаем меры к тому, чтобы их депортировали в Европу или Израиль, где они предстают перед судом. Много раз нам приходилось тайком вывозить их из страны, где они легализовались и получили гражданство. Нам это не нравится. К таким мерам мы прибегаем, если абсолютно уверены, что этот человек — военный преступник, обычно военный преступник, уже приговоренный судом. Вы можете сказать, что наша группа — последний резерв. Мы включаемся в процесс, лишь когда остальные средства исчерпаны и не принесли результата. Действуем неофициально и зачастую, повторяюсь, противозаконно. Восстанавливаем справедливость без оглядки на государственные границы.

— Зря вы мне это все рассказали.

— Отнюдь. Вам только показалось, что вы все это услышали. Вы будете совершенно законно помогать нам в сборе информации о разыскиваемых военных преступниках.

— Что значит я буду помогать? Что еще я могу сделать?

— Войдете в игру, пока мы будем вести расследование. Нет у нас возможности сначала ждать результатов, а уж потом приступать к действиям. Потому что времени в обрез. Нам нужно как можно быстрее внедрить нашего человека на «Ка-Е-Вторую». Не желаете отправиться в круиз, Хэнк?

— Даже не думайте! Не могу, особенно сейчас, моя невеста убьет меня, если мы вновь отложим свадьбу! Да и потом, едва ли это осуществимо практически.

Узи вскинул руки, улыбнулся.

— Не надо паниковать. Я же не говорю, что вы должны ехать прямо сейчас. Возможно, такой необходимости и не возникнет. Это по-прежнему один из вариантов. Я дам вам знать, как только мы проверим, кто находится на борту лайнера. И одновременно я возьму под наблюдение майора де Лайглесию. Он непосредственный участник этой интриги, и мы должны знать, где он находится, с кем общается. Глядишь, он и поможет нам понять, что же происходит.

ГЛАВА 7

Майор Хосе де Лайглесия выглянул в иллюминатор «Лиры» и зевнул в кулак. Самолет, поворачивая, лег на крыло, открыв ему великолепную панораму зеленых джунглей со сверкающими на заднем плане белоснежными вершинами гор. Майора красоты природы не впечатляли, его вяло ползущие мысли сосредоточились на другом: пропустить еще стаканчик рома или воздержаться? Вгонит он его в сон или, наоборот, разбудит? Кто знает? Но его глубокомысленные размышления прервались, когда женщина, сидевшая впереди, повернулась к нему.

— Там, внизу, широкая река. Вы не знаете, как она называется?

Майор взглянул на реку, на горы, пытаясь сообразить, где они находятся.

— Думаю, это Парана. По ней проходит граница между Парагваем и Аргентиной.

— Так мы почти прилетели?

— Почти. Скоро приземлимся в Асунсьоне. Вы там бывали?

— Никогда. Красивый город?

— Очень. Я уверен, что пребывание в нем доставит вам удовольствие.

— Это деловая поездка. Я лечу не за удовольствиями, — холодно ответила она и отвернулась.

«Сука ты, Аурелия Мария Ортикела, — думал майор. — А каким только ветром тебя занесло в этот бизнес. Лет тридцати пяти, еще достаточно молодая, чтобы выглядеть привлекательной, с большой грудью, широкими бедрами. В Латинской Америке такие женщины, с ягодицами, что две налитые дыни, в почете! Но фригидна до безобразия. Великолепная внешность скрывала отвратительный характер маленького человечка, бухгалтеря или налогового инспектора». Майора это раздражало. Так раздражало, что он решил-таки выпить. Мысль о сладкой, крепкой жидкости, стекающей в желудок, вызвала бурное слюноотделение. Майор расстегнул ремень безопасности и направился в хвостовую часть самолета. Пришлось пройти мимо толстого чеха. Такого толстого, что он едва вмещался в двух креслах. Подлокотники, само собой, пришлось убрать. Он вскинул на майора маленькие холодные черные глаза, когда тот поравнялся с ним.

— Принести вам что-нибудь выпить, мистер Хвоста? — спро-

сил Лайглесия по-английски. Если Либор Хвоста и знал испанский, то очень искусно это скрывал.

— Да. Шампанского. — Писклявый, пронзительный голос совершенно не вязался с габаритами чеха. Как у евнуха. Впрочем, майор де Лайглесия сомневался в том, что чех — евнух. Что-то в нем было пугающее. Вот уж кто вполне соответствовал сложившемуся у майора образу торговца оружием.

Майор достал из холодильника бутылку «Вдовы Клико» урожая 1973 года, поставил на серебряный поднос вместе с бокалом, который нашел в буфете, затем бросил в высокий стакан три кубика льда. Чех может подождать еще несколько минут. Залил кубики ромом, поболтал лед в стакане, затем залпом осушил содержимое. Хороший ром, просто отличный.

Майор вытащил пробку из бутылки, наполнил бокал шампанским, не пролив ни капли. Хвоста взял бокал, пробурчал что-то неразборчивое, выпил одним глотком. «Свинья», — подумал майор и вновь наполнил бокал.

Дверь в рубку открылась, высунулась голова второго пилота.

— Садимся через три минуты, майор. Пожалуйста, пристегнитесь.

Майор кивнул, отнес поднос с опустевшим бокалом в хвостовую часть самолета, поставил в раковину, закрыл дверцы буфета. Трое охранников в штатском уже застегнули ремни. Так же, как и женщина. Хвосте пришлось воспользоваться ремнем от одного сиденья и пряжкой от другого. Майор занял свое кресло, пристегнулся. Услышал, как под ним из люка вышло шасси, потом послышался щелчок фиксатора. Мимо побежала посадочная полоса, и через нескольких мгновений они коснулись бетона.

Повернув на рулежную дорожку, пилот увеличил мощность двигателей, и самолет мимо здания аэровокзала покатил к ангарам. Въехал в один из самых больших, в котором без труда разместился бы «Боинг-707». В ангаре пилот выключил двигатели, позади захлопнулись громадные ворота. Яркий дневной свет сменился темнотой. Глаза пассажиров не успели к ней привыкнуть, как зажглись фонари. Люк самолета открылся, вошел полковник авиации, отдал честь.

— Мистер Хвоста, сеньора Ортикела, добро пожаловать в Парагвай. Пожалуйста, пройдите со мной. Автомобиль ждет.

Волна влажного, горячего воздуха захлестнула его, и майор вновь убедился в том, что он дома.

Полковник вел всех к дальней стене ангара. Там он открыл маленькую дверь, в которую тут же брызнул яркий солнечный свет. Аурелия Ортикела порылась в большой сумке, достала солнцезащитные очки, надела. Потом повернулась к майору и указала на самолет.

— Наш багаж и образцы продукции... что с ними?

— Уже разгружаются и будут доставлены в президентский дворец.

— Надеюсь, нам не придется стоять на этой жаре, не так ли?

— Разумеется, нет. Сюда, пожалуйста, в лимузине работает кондиционер. Дорога займет лишь несколько минут.

Выйдя из ангара, они оказались в центре военного лагеря. Со всех сторон их окружали вооруженные до зубов десантники. По периметру стояли джипы с пулеметами калибра 50 мм. На крыше ангара расположились снайперы. Подкатил невероятно длинный, черный «Кадиллак» с тонированными стеклами. По флангам его прикрывали четыре броневика, сзади — армейский шестиколесный грузовик.

— Система безопасности у вас на высшем уровне, — прокомментировал Хвоста.

— Благодарю вас, сеньор, — ответил полковник. — Стараемся создать гостям все условия. В лимузине не будет и жары. Сюда, пожалуйста. — Он открыл дверцу.

Хвоста полез в салон первым, уселся на заднее сиденье. За ним последовали женщина и полковник. Лайглесия закрыл за ними дверцу, вернулся к самолету, чтобы проследить за разгрузкой. Мундир уже начал пропитываться потом.

— Уронишь — пристрелю, — предупредил он солдата, который вытаскивал из грузового отсека тяжелый ящик. Солдат замер, со страхом посмотрел на майора, прекрасно понимая, что это не пустая угроза. Майора хорошо знали за его вспыльчивость и привычку сразу хвататься за пистолет. Он расстреливал своих с той же легкостью, что и революционеров. Солдат, дрожа, застыл на выходе из грузового отсека, пока второй не поспешил ему на помощь. Вдвоем они без труда опустили ящик на землю.

Один за другим все ящики перенесли в кузов грузовика.

Сверху поставили два чемодана, и сержант, командовавший солдатами-грузчиками, подошел к де Лайглесии, отдал честь.

— Разгрузка закончена, майор. Отдадите конвою приказ трогаться?

— Да. Сажай своих людей в грузовик.

Мотоциклисты с ревушими сиренами ехали в авангарде, разгоняя транспорт по обочинам. На каждом перекрестке стояли полицейские, не пропуская транспорт с боковых улиц. Они вытягивались в струнку, когда конвой пронесился мимо. На скорости шестьдесят миль они въехали в Асунсьон, тормозя только на поворотах. Аурелия смотрела на грязные, обшарпанные дома за окном, но ничего не говорила. Хвоста открыл бар, встроенный в спинку сиденья перед ним, и налил себе большой стакан воды из хрустального графина. Тут же наполовину наполнил другой стакан виски и выпил с той же легкостью, что и воду. После короткой прогулки по солнцу его прошиб обильный пот, так что даже де Лайглесия, не отличавшийся особой чувствительностью, недовольно морщился от неприятного запаха.

Конвой продолжал свой путь по раскаленным, грязным улицам. Мимо парка с засохшими деревьями. Наконец, они миновали железные ворота президентского дворца и остановились у лестницы. Охранник не открыл дверцы лимузина, пока тяжелые ворота не захлопнулись и один из броневиков не встал между ними и лимузином.

Полковник повел гостей по мраморным ступеням.

По величественному холлу прошли к высоким дверям, которые охраняли двое вооруженных часовых, стоявших по стойке «смирно».

— Вы готовы войти? — спросил он.

— Естественно. — Хвоста вытирал с лица пот носовым платком. — Я заехал так далеко не для того, чтобы стоять в коридоре. Давайте доведем дело до конца.

— Это самый важный и серьезный момент...

— Только для вас, — прервала его Аурелия. — Для нас — это обычная сделка. Так что не будем терять времени.

Полковник отвернулся, чтобы скрыть засверкавшую в глазах злость. Майор де Лайглесия с трудом подавил улыбку. Щелкнул пальцами.

— Открывайте, — приказал он солдатам.

Они вошли в огромный бальный зал, ярко освещенный люстрами и украшенный развешанными по стенам аляповатыми картинами. В дальнем конце стояла группа военных. Один из них повернулся, когда они вошли. Полноватый мужчина с бледной

кожей, увешанный орденскими ленточками и медалями, улыбнулся и шагнул к ним.

— Вам оказана большая честь, — прошептал де Лайглесия. — Его превосходительство решил лично поприветствовать вас.

Тяжело ступая по паркету, президент Парагвая, генерал Альфредо Стресснер приближался к ним. На его губах играла теплая улыбка. Однако, несмотря на роскошный, расшитый золотом мундир, несмотря на крайнюю самоуверенность, выглядел он как лысеющий и пухлый сын баварского эмигранта. Каковым и был на самом деле.

В своей стране он обладал абсолютной властью, распоряжался жизнью четырех миллионов подданных. Похоже, направляясь к дорогим гостям, он пребывал в прекрасном расположении духа. Имел право.

— Señor Chvosta, Señorita Hortiguela, bienvenidosal Paraguay.

— Он говорит: добро пожаловать в нашу страну, — перевела Аурелия своему партнеру. Хвоста кивнул, но на этот раз ничего не пробурчал. Он продолжал потеть, как и на ступенях, ведущих во дворец.

А Стресснер тем временем повернулся к группе военных и подозвал седовласого офицера в морской форме. С короткой стрижкой и морщинистым лицом. Без левой руки. С закрепленным на плече рукавом мундира.

— Это адмирал военно-морского флота Уругвая Маркес, — представил его Стресснер. — К сожалению, доктор Мендес не смог приехать, но счел необходимым прислать вместо себя адмирала.

Все согласно кивнули, словно никто не знал, что престарелый адвокат Мендес служил ширмой для правящей в Уругвае хунты генералов и адмиралов. После очередной политической разборки Маркес оказался на самом верху, власти в своей стране у него было ничуть не меньше, чем у Стресснера в Парагвае.

Но общество абсолютных правителей не произвело на Хвосту никакого впечатления, словно он постоянно общался с диктаторами и пожизненными президентами. Он в очередной раз промакнул носовым платком лицо и шею, прежде чем заговорить:

— Раз уж мы все собрались, давайте перейдем к делу. Если ящики вскрыты, я продемонстрирую вам, что вы получите.

— Они в другом зале, — тихим голосом сказал Хвосте майор

де Лайглесия, пока Аурелия переводила остальным слова толстяка.

— Так отведите нас туда, — приказал Хвоста.

Майор де Лайглесия прошептал несколько слов на ухо полковнику авиации. Тот кивнул. Короткая дискуссия между помощниками, которые ведали вопросами протокола, быстро разрешилась, когда Стресснер и адмирал Маркес, вежливо поклонившись друг другу, решили возглавить процессию. Охранники раскрыли двойные двери и отступили назад.

Просторное помещение словно специально построили для этой цели. Окна от пола до потолка закрывали стальные пластины, скрытые портьерами. Во всю длину зала тянулся мраморный стол на золоченых ножках. По центру стола, с одной его стороны, стояли два кресла. По другую сторону лежали ящики, привезенные на самолете. Металлические стяжки срезади, крышки откинули. Хвоста прошел к ящикам, чтобы осмотреть их содержимое, Стресснер и Маркес сели в кресла. Свита несколькими рядами выстроилась позади. Аурелия встала у торца стола, вытащила из сумки блокнот с листами, соединенными металлической спиралью. Солнцезащитные очки сменили очки для чтения. Она сосредоточенно пролистывала блокнот и покусывала губы. Царящее напряжение заметно усилилось, когда Хвоста закончил осмотр, отряхнул пыль с рук и повернулся к хозяевам. Заговорил, медленно и отчетливо, на английском, часто прерываясь, чтобы Аурелия могла перевести его слова.

— Мы привезли образцы, взятые из общей партии. В некоторых случаях марки не совпадают с полученным от вас перечнем. Вы должны понимать, что мы не производители, а посредники. Мы находим необходимый продукт, который кто-то хочет продать. Однако случается, что ситуация меняется в период между заказом и поставкой. Но «Глобал трейдерс» известна тем, что заменители равны или превосходят по качеству первоначально выбранный продукт. Первый пункт перечня.

Аурелия нашла нужную строку.

— Противопехотная осколочная граната. Вес — пятьсот семьдесят шесть грамм. Замедление — три с половиной секунды. Зона максимального поражения — шесть метров...

Пока она говорила, Хвоста достал из ящика черную, с металлической оболочкой гранату. Когда он поднял ее в руке, помощники напряглись, некоторые даже схватились за пистолеты.

ты. Но торговца оружием интересовала исключительно прибыль, а не убийство политических лидеров. Подержав гранату в руке, пока Аурелия перечисляла ее характеристики, Хвоста положил ее на стол перед военными диктаторами. Те одновременно наклонились вперед, словно два студента-теолога, изучающих Библию.

Аурелия Ортикела продолжала бубнить: скорострельность, калибр патрона, радиус поражения, убойная сила, возможность установки подствольного гранатомета... стол медленно, но верно заполнялся орудиями смерти.

Штурмовые винтовки «армалайт», гранаты со слезоточивым газом, русские автоматы, американские пулеметы — все выкладывалось на мраморную поверхность, пока преобладающими цветами не стали воронено-черный и грязно-оливковый.

Стресснер и адмирал одобрительно кивали, когда видели наиболее интересные образцы, помощники тихими голосами обменивались комментариями, сверяясь с имеющимся у них перечнем. Когда последний образец лег на стол, Хвоста вытер масло и пыль носовым платком и бросил его в ближайший ящик.

— Вопросы?

После короткой паузы подал голос один из помощников:

— Патроны для автоматов от другого производителя и...

Хвоста остановил его взмахом руки.

— Патроны того же калибра, а по качеству превосходят заказанные первоначально. Мы выяснили, что заказанные патроны больше двух лет хранились на складе и, следовательно, могли подвести при стрельбе очередями. Новые патроны вы можете проверить сами. Для этого их более чем достаточно. Поскольку замена произведена после получения заказа, двадцатипроцентное увеличение стоимости мы покрываем сами. Следующий вопрос.

— Боевые машины пехоты и легкие танки. В каком они состоянии? — спросил Стресснер.

— Можно сказать, в идеальном. Полностью отремонтированные, с минимальным пробегом, укомплектованы запасными частями, которых хватит как минимум на год эксплуатации. Полагаю, мы можем перейти к следующему этапу наших переговоров. Мы выполнили свою часть соглашения. Пойдя на значительные финансовые потери, «Глобал трейдерс»...

— Вы получили миллионы долларов, — сердито прервал его

Маркес. — Как минимум три с половиной. Это большие деньги.

Хвоста не стал ждать, пока Аурелия переведет ответ адмирала. Испанский язык он знал лучше, чем могло показаться на первый взгляд.

— Для международной торговли оружием это совсем небольшие деньги, адмирал. Вернее, мизерная сумма. «Глобал трейдерс» заплатила гораздо больше, чтобы приобрести товар, необходимый двум вашим странам. Если бы вы не были первыми лицами своих государств, мы бы никогда не пошли на такие расходы. И теперь пришло время реализовать наши договоренности.

Холодный голос, едва ли не оскорбительный тон. Шея адмирала Маркеса побавровела, он тряхнул головой, дернулся пустой рукав. Стресснер стукнул двумя кулаками по столу.

— Не надо наглеть, Хвоста. Когда вы услышали, что наши страны хотят приобрести оружие, вы сами обратились к нам с предложением.

Если Хвоста разозлился или испугался, то окружающие этого не заметили. Голос остался спокойным и холодным.

— Сейчас не время для оскорблений. Торгуя оружием, мы должны прежде всего быть реалистами. Ни для Уругвая, ни для Парагвая внешней угрозы не существует. Вас волнуют исключительно «внутренние проблемы». Ваши сограждане, которые хотят скинуть действующие правительства...

— С помощью коммунистов! — воскликнул адмирал.

— Возможно, какая-то помощь и есть, но она не является основным фактором. Буду с вами откровенен, тем более, все, что я скажу, не является секретом. Правозащитные группы вроде «Международной амнистии» недовольны методами, которыми вы пользуетесь...

— Коммунистическая пропаганда!

Хвоста пристально посмотрел на адмирала, и тот, что-то пробормотав себе под нос, замолчал.

— Международное сообщество закрыло перед вами легальные каналы поставки вооружений. Именно поэтому я и обратился к вам с предложением. Мы подумали, что две ваши страны могли бы объединить усилия. У ваших стран есть свои плюсы и минусы. Парагвай обладает необходимыми финансовыми ресурсами. Но эта страна лишена выхода к морю. Международный контроль воздушного пространства исключает доставку

оружия на самолетах. Уругвай располагает глубоководным портом Монтевидео, куда оружие может поступить по морю. А уж над территорией ваших стран на самолетах можно перевозить, что угодно. Отсюда и мое предложение, то самое, которое вы приняли. Залог мы получили, необходимые закупки произвели и теперь готовы поставить товар. Готовы ли вы проплатить поставки?

— Где груз? — спросил Стресснер.

— В море, как мы и договаривались. Бриллианты у вас?

— Будут в самое ближайшее время. Где ваш эксперт?

— Сегодня прилетает из Голландии. Таким образом, свою часть договоренностей мы полностью выполнили. Оружие на корабле, который находится в Тихом океане, неподалеку от южноамериканского побережья, как вы и просили. Требуемые образцы представлены...

— Их еще не проверили в деле, — вмешался адмирал.

Хвоста недовольно скривил губы, отмел это замечание, как совершенно неуместное.

— Образцы здесь, эксперт по алмазам прибывает сегодня. Как пройдет оплата и поставка?

— Это очень деликатные вопросы, — мягко заметил Стресснер.

— Позвольте с вами не согласиться, господин президент. Вопросы эти не деликатные, но опасные. Одни не любят платить, другие — поставлять оплаченный товар. Этих опасностей следует избегать. Попросту говоря, господин президент, господин адмирал, мы доверяем вам не больше, чем вы — нам. Так как вы намерены расплатиться и получить оружие?

— Адмирал, не желаете выпить со мной бокал вина? — Стресснер отодвинул кресло и встал. Помощники поспешили отодвинуть кресло адмирала, помогли ему подняться. Оба диктатора вышли, более не сказав ни слова торговцам оружием.

— Наглецы! — Аурелия бросила блокнот на стол, заваленный оружием. — Это же оскорбительно!

Хвоста холодно улыбался в спины военных.

— Оскорбления меня не трогают. Только оплата. И им нужен этот товар. Ты принимаешь все слишком близко к сердцу.

Только один человек остался с ними — майор де Лайглесия.

— Я участвовал во всех переговорах, связанных с этой сделкой. Позвольте объяснить, но не здесь. Я трое суток не спал, готова ваш визит и доставку этих ящиков. Давайте найдем ка-

кое-нибудь местечко, где мы можем посидеть, выпить, и я расскажу вам, что уже сделано.

— Хорошо бы не только выпить, но и закусить, — пробурчал Хвоста. — Но я должен все знать. Этот бизнес стоит больших денег, и задержка повышает цену.

— Пожалуйста, мистер Хвоста, не волнуйтесь. Я в курсе всех подробностей. Некоторые, возможно, вам очень даже понравятся.

— Это вы о чем? — подозрительно спросил он.

— О том, что вам предстоит насладиться морским круизом на лайнере «Ка-Е-Вторая». А теперь, пожалуйста, сюда.

* * *

Сержант Прадера с презрением наблюдал за сменой часовых у президентского дворца. Какие они расхлябанные, неорганизованные. Хороша нынче элитная гвардия! Ботинки не чищены, пуговицы не драены, да и многим следовало бы постричься. Даже у офицеров внешний вид оставлял желать лучшего.

Высокий, крепкого сложения, смуглый, с коротко стриженными жесткими волосами сержант стоял в воротах и мрачно смотрел на марширующих мимо солдат. «Одна неделя, — думал Прадера, — и я привел бы их в норму. Одна неделя, которую они не забыли бы до конца своих дней, даже если б прожили сто лет. Эти люди — позор армии». Его взгляд прожигал насквозь, и даже офицеры предпочитали смотреть прямо перед собой, чтобы, упаси бог, не встретиться с ним глазами. В армии все знали сержанта Прадера. Никто не чувствовал себя спокойно в его присутствии.

Сержант являл собой символ старой армии. Он был старше многих генералов, но никто не решился спросить, сколько ему лет, или заглянуть в архивы. Все знали, что сержант останется на службе, пока не умрет. Если такое вообще могло случиться. О нем чего только не рассказывали. Многие солдаты облегченно вздохнули, когда он получил повышение по службе. Теперь он занимался обеспечением безопасности дворца, и его железную руку чувствовали только те, кто непосредственно ему подчинялся. Он организовал утренний конвой из аэропорта во дворец, хотя кто-то из офицеров и считал, что это его заслуга. В парагвайской армии все делалось тремя способами, правильно, неправильно и как считал нужным сержант Прадера.

Сержант подождал, пока сменяются часовые, его холодный взгляд не отпускал сдавших вахту, пока за ними не закрылась дверь караульного помещения. Новые часовые с каменными лицами стояли навтыжку и молились святой Деве и святому Фоме, покровителю Парагвая, чтобы их миновал леденящий взгляд сержанта Прадеры. И все вздохнули с облегчением, когда он повернулся и направился к западному крылу складского здания.

С суровым лицом, тяжелым шагом сержант поднялся по лестнице. Если кто-то и был в этой части здания, то они удрали, слышав его приближение. Но он знал, что, кроме него, никого нет. Не мог не знать, поскольку так организовал работу, что мало кому находилось здесь дело и только в его присутствии. В западном крыле хранились важные армейские архивы. Соблюдение режима секретности стояло на первом месте.

Сержант верил в режим секретности и порядок, зачитывал приказы так часто, что его подчиненные заучили их наизусть. Никто не мог появиться на этом этаже после того, как прошлым вечером сержант покинул его. Тонкая черная нитка, натянутая на уровне лодыжек на плохо освещенной лестнице, подтверждала, что приказа никто не ослушался. Как и две другие, также натянутые сержантом на стратегических позициях. Другого сержант и не ожидал, но полагал, что дополнительные меры предосторожности никогда не повредят. Он прошел в конец коридора, к дальней двери, отпер все четыре замка. Открыл дверь, закрыл за собой, запер на все замки и направился в следующую комнату, окна которой выходили на президентскую площадь. У дальней стены стояло электронное оборудование. Сержант посмотрел на него и удовлетворенно кивнул.

Наиболее важной частью обстановки был лазерный микрофон, установленный напротив окна. Последнее было открыто, в отличие от ставен из горизонтальных деревянных реек. Одна рейка сломалась и повисла вертикально, требуя замены. Но в президентском дворце ремонтникам и без нее хватало работы. Однако в ставне образовалась щель, в которую и нацелился лазер. Сержант, как всегда, посмотрел в прицел и, как всегда, убедился, что лазер наведен правильно. По другую сторону площади находились окна конференц-зала, в котором проводились самые секретные совещания.

Сержант лично руководил установкой стальных листов внутри окон, с тем чтобы работу сделали, как должно. Но в процессе

кто-то разбил одно стекло. Поскольку сержант не приказал солдатам заменить разбитую панель, никто этого и не сделал. И луч когерентного света, посылаемый лазером через всю площадь, упирался в стальной лист, не прикрытый стеклом.

Сержант до сих пор с благоговением смотрел на чудо-машины, которыми его снабдили. Ему сказали, что лазерный луч возвращался назад и принимался тем же устройством. Что голоса в конференц-зале вызывали вибрации в стальном листе и эти вибрации воспринимались лучом и машинами в этой комнате. Он восторгался ими и, естественно, не имел ни малейшего понятия о принципах их работы. Его это не интересовало, поскольку машины функционировали. Он настроил их, как ему и сказали, и работали они, как положено. И слава богу.

Он сел перед машинами, перемотал назад пленку. Ему сказали, что машины включались автоматически, на звук голоса. Если в конференц-зале кто-то говорил, слова тут же записывались. Так что сержанту оставалось только удивляться этому маленькому чуду, сотворенному человеческим гением. Он прокрутил пленку до отметки, фиксирующей первую запись этого дня, и надел наушники. Ему хотелось послушать, о чем говорят в конференц-зале.

Пленка крутилась, сержант слушал. И пока он слушал, глаза у него чуть раскрылись. Любой солдат знал, что сие является у Прадера признаком крайнего удивления. Нормальный человек наверняка бы вскрикнул, чтобы выразить свои чувства, но едва ли кто мог считать сержанта Прадера нормальным человеком. Он символизировал собой армию.

Действительно, командиры и думать забыли, что сержант имеет хоть какое-то отношение к человеческим существам. Он не женился, у него не было никаких родственников.

Никто понятия не имел, что у него все-таки была сестра, которая вышла замуж и уехала на маленькое ранчо на север, в далекую провинцию Амамбей. Как-то на Рождество, когда его особенно достали казармы, мужские голоса и ругань, сержант решил съездить к ней. С подарками для детей, потому что после ее свадьбы прошло много лет.

Вернулся он под Новый год, без подарков и в свойственном ему мрачном расположении духа. Даже визит к единственной родственнице никак не повлиял на его поведение и отношения с окружающими.

На самом же деле поездка кардинально изменила сержанта. Вернулся он совершенно другим человеком.

Поначалу, из-за военной формы, в маленькой деревеньке никто не хотел с ним разговаривать. Но сержант умел убеждать людей в том, что они должны открыть ему свои сердца, и какой-то несчастный однажды ночью на собственном опыте убедился, что у него нет оснований сомневаться в способностях сержанта. Вот так тот и узнал, что муж его сестры присоединился к профсоюзу сельскохозяйственных рабочих, более того, помогал его расширению, уговаривал других вступать в профсоюз.

Кавалеристы появились ночью. Дом сожгли дотла. Его сестру, ее мужа, шестерых детей и всю скотину перебили.

Вот тогда-то сержант вдруг начал задумываться о политике своей страны. Он давно уже понимал, что дела ведутся не лучшим образом. Существовали специальные армейские подразделения, которые жестоко расправлялись с враждебными правительству элементами: террористическими группами или коммунистами. Сержант не имел ничего общего с этими подразделениями, поэтому никогда о них не думал. Но теперь их деятельность очень его заинтересовала. Информацию он получил без труда, и ему очень не понравилось то, что он узнал. Вот когда в голову полезли мысли о его сестре... и о нем самом.

Мысли эти и привели его в комнату с лазерным микрофоном, к пленке, которую он только что прослушал. Он скопировал запись на маленькую кассету, убедился, что копия получилась хорошая, положил кассету в карман, зарядил лазерный микрофон новой пленкой, проверил, включены ли все машины, и покинул здание, тщательно заперев все замки и заново натянув нитки.

Городская площадь со сценой, на которой иногда устраивались концерты, находилась в нескольких минутах ходьбы от президентского дворца. Встречавшиеся ему солдаты отдавали честь. Солнце уже село, и легкий ветерок чуть разгонял дневную жару. Сержант купил вечернюю газету, сел на площади под уличным фонарем. Мальчишка, чистильщик обуви, подзуживаемый приятелями, нашел в себе смелость приблизиться к сержанту и спросить, не нужно ли почистить ботинки. Короткий взгляд поверх газеты обратил мальчишку в бегство.

После того, как сержант прочитал репортажи о последнем туре национального футбольного чемпионата, он-таки глянул на свои ботинки. Должно быть, обнаружил на их начищенной

поверхности несколько пылинок: день выдался сухим. Огляделся, увидел мальчишку с ящиком для чистки обуви на плече. Встретился с ним взглядом, щелкнул пальцами. Мальчишка подлетел пулей и принялся за работу, тогда как сержант вновь уткнулся в газету. И заметил, что его ботинки начищены, минут через десять после того, как мальчишка опустил щетки. Мельком глянул на них, выудил из кармана монету, отдал мальчишке. Тот тут же убежал.

В темноте никто не мог увидеть, что вместе с монетой мальчишка получил и кассету.

ГЛАВА 8

— Знаешь, Хэнк, мне было бы куда спокойнее, если бы ты рассказал, что, собственно, происходит. — Френсис лежала на большой двуспальной кровати, укрывшись простыней до подбородка, изящно держа кусок гренка пальцами с длинными ногтями.

Хэнк Гринстайн, в одном тонком халате, стоял у окна и наблюдал, как по стеклу хлещет дождь.

— Дорогая, дело чрезвычайно важное и срочное, иначе мы сюда бы не приехали. Не забывай, что наша транснациональная адвокатская фирма — одна из крупнейших в мире. И я в ближайшем будущем должен стать младшим партнером. Поэтому, когда речь заходит о дальней командировке, посылают, естественно, меня.

— За два дня до нашей свадьбы? — Брови Френсис удивленно изогнулись. — Когда наши семьи наконец-то согласились устроить большой прием и обо всем договорились? А вместо этого мы прыгаем в самолет и оказываемся на другом конце света, в Австралии. Я все еще не могу понять, как тебе удалось убедить моего отца в правильности своего решения. Более того, я крайне изумлена, что тебе удалось убедить меня. Ты не адвокат, Хэнк Гринстайн, ты отъявленный мошенник. — Она впилась зубками в гренок, Хэнк повернулся, чтобы полюбоваться ею.

А полюбоваться было на что. Медные волосы, персиковая кожа, зеленые глаза, от взгляда которых таяло сердце. И фигура, заставлявшая мужчин оглядываться на Френсис на улице. Так случилось и с Хэнком, когда он увидел ее впервые в холле ресторана и мгновенно избавился от черных мыслей, обуревав-

ших его в тот самый момент. Еще через несколько минут он обрадовался, как ребенок, узнав, что они оба — гости какой-то занудной презентации. А уж когда она откликнулась на предложение уйти вместе с ним, чтобы выпить что-нибудь более приличное, чем разбавленный водой пунш, которым обносили гостей, пришел в полный восторг. Он млея несколько недель, когда она согласилась выйти за него замуж. И чуть не умер от счастья, познав ни с чем не сравнимое блаженство, когда его допустили к телу.

— Не смотри на меня так, старый развратник, я знаю, о чем ты сейчас думаешь, — воскликнула она, когда Хэнк, улыбаясь, подошел к кровати и сел на краешек.

— Ты, значит, читаешь мысли... и ты абсолютно права.

— Так вот, тебе не удастся коснуться своими гиперсексуальными пальцами моего белоснежного тела, пока ты не ответишь на мой вопрос. Что заставило нас все бросить и мчаться черт знает куда? И превратило меня в бесчестную женщину... Мистер и миссис Гринстайн, я видела, что ты записал в регистрационной книге отеля.

— Пожалуйста, имей терпение. Мы поженимся через несколько дней, все будет по закону...

— Отвечай на вопрос, хватит увиливать.

— Я отвечу сегодня. Обещаю. — Он взял ее руку в свою, нежно поцеловал ладонь, пробежался на ней кончиком языка. По ее телу пробежала дрожь, она попыталась вырвать руку, но Хэнк крепко ее держал.

— Перестань! Ты по-прежнему не ответил на мой вопрос!

Она дернулась сильнее, и при этом простыня соскользнула, открыв коническую, идеальной формы грудь. Тут уж Хэнк отпустил пальцы Френсис и наклонился, чтобы обхватить губами розовый сосок. Френсис задрожала еще сильнее, обхватила его голову руками.

— Господи, ты знаешь, как сменить тему разговора, — хрипло прошептала она, пока он стягивал с нее простыню. Они оба рассмеялись, когда поднос с завтраком упал на пол, но не прекратили любовных ласк.

Телефон на прикроватном столике зазвонил, когда они уже спокойно лежали, чуть соприкасаясь разгоряченными телами.

— По крайней мере им хватило такта подождать, пока мы закончим, — хохотнула Френсис.

Хэнк перегнулся через нее, взял трубку.

Гринстайн несколько минут слушал, изредка кивая.

— Хорошо. Увидимся в одиннадцать часов.

— Ты собираешься мне сказать, по какому поводу тебе звонили? — Френсис встала с кровати.

— Насчет того дела, которое привело нас в Австралию. Я вернусь быстро. Почему бы тебе не походить по магазинам? Встретимся в отеле.

— Нет.

— Говорят, в Сиднее прекрасные магазины. Одежда из шкур кенгуру, маски и статуэтки, которые аборигены вырезают из дерева...

— Заткнись. Я иду с тобой.

— Игрушечные медведи-коала, овечьи шкуры, опалы...

— Ты меня не слышишь, коварный соблазнитель беспомощных женщин? Ты не заставишь меня сидеть одной в этой вонючей дыре.

— «Шеврон» — лучший отель города!

— Ты знаешь, о чем я. Где ты должен быть в одиннадцать часов?

— Я же говорил тебе, это деловая встреча...

— Нет, ты не говорил. Поэтому я иду с тобой.

Времени спорить у Хэнка не было, и он уже понял, что на этот раз переубедить Френсис ему не удастся.

— Хорошо, можешь пойти, но с одним условием: ты будешь только слушать. Мы встретимся с незнакомыми тебе людьми, с которыми я должен поговорить. Надо уладить кое-какие проблемы. Если ты не будешь вмешиваться в наш разговор, обещаю все тебе рассказать, как только будут достигнуты взаимоприемлемые договоренности. До конца этого дня. Ты согласна?

— Значит, ты признаешь, что у тебя есть секреты?

— Я адвокат, и меня учили ничего не признавать, нигде и никогда.

— Негодяй. Куда мы идем?

— В отличный ресторан, который называется «Рейнкастл бистро», славящийся прекрасным австралийским вином и отменной кухней.

— Понятно. Дешевый розовый портвейн и жесткие стейки. Сначала я приму душ.

— Вы, британцы, очень уж строги к своим колонистам.

— Отведав еду, ты поймешь, почему мы отправляли их сюда в кандалах.

* * *

Таксист высадил их напротив дверей ресторана, но дождь лил с такой силой, что они промокли, пока добежали до двери.

— Я думала, что Австралия — страна вечного солнца, — пожаловалась Френсис.

— Не в это время года. У них сезоны противоположны нашим. Скоро будет зима.

— Тогда пусть они наслаждаются ее прелестями без меня. Дорогой, я должна привести в порядок волосы. Где я тебя найду?

— В баре. Я закажу самый экзотический австралийский коктейль, какой только у них есть.

— Я не пью пива. Вернусь через минуту.

Хэнк постоял у входа в бар, оглядывая зал ресторана.

Заметил Узи, когда тот поднялся из-за столика у дальней стены.

Охотник за нацистами направился к нему, протягивая руку.

— Добро пожаловать в Австралию, Хэнк. Рад видеть вас здесь. — Они обменялись рукопожатием.

— Я бы хотел разделить вашу радость. Но в любом случае я здесь и готов двигаться дальше. Где наш объект?

— За столом у крайнего окна, видите? С обширной лысиной в обрамлении венчика седых волос. Стол на четверых, но два места пустуют. Я позаботился о том, чтобы к нему и его жене никого не подсаживали.

— Хорошо. Письмо прибыло?

— Только-только. Курьер принес его этим утром.

Узи достал из кармана белый конверт, протянул Хэнку, который тут же его вскрыл. Внутри лежал один листок. Хэнк развернул его, прочитал письмо, кивнул.

— Думаю, проблем не будет. — Он убрал письмо в карман. — Начинаю действовать.

— Я подожду в баре, посмотрю, как все пройдет.

— Как по маслу. Ему ничего не останется, как сказать: «Да».

— Почему вы так уверены? У нас есть определенные сомнения. Я даже подготовил альтернативный план, на случай...

— Узи, пожалуйста. Приберегите ваш альтернативный план для будущих времен. Я говорил с ньюйоркцами, а с некоторыми даже работал. Не волнуйтесь. Дело в шляпе. Вам остается только сидеть и восхищаться моей виртуозностью.

— Надеюсь, что вы окажетесь правы, Хэнк. Действительно,

это ваша игра, и вы знаете, как довести ее до требуемого результата.

Узи вернулся за свой столик, а Хэнк поспешил к стойке и заказал два экстрасухих мартини, на американский манер. Бармен позволил ему самолично добавить традиционные капли вермута. Едва полные стаканы заняли свое место на стойке, как появилась Френсис. Пригубив свой, одобрительно кивнула.

— Беру назад все, что я сказала о пиве.

— Это взятка за хорошее поведение, — ответил Хэнк. — Нам предстоит встреча с одной семейной парой, и у тебя, несомненно, округлятся глаза от того, что ты услышишь, но, умоляю тебя, не раскрывай рта. Я тебе все объясню в самое ближайшее время. И послушай, дорогая. — Он наклонился и поцеловал ее в щеку. — Я невероятно рад, что ты со мной, здесь и сейчас. Я давно хотел тебе кое-что сказать. По всему выходит, что время пришло.

— Звучит зловеще.

— Отнюдь. Ты увидишь.

И Хэнк повел ее через ресторан к столику, за которым сидел лысый полный мужчина в светло-синем спортивного покроя пиджаке и женщина, седые волосы которой отливали синевой, в тон пиджаку ее мужа. Она маленькими глотками пила вино.

— Ресторан переполнен. — В голосе Хэнка слышались извиняющиеся нотки. — Вы не будете возражать, если мы сядем за ваш столик?

— Будьте любезны, — пробасил мужчина с явным нью-йоркским акцентом. — Всегда готов помочь соотечественнику. Всю последнюю неделю мы ели с лайми.

Френсис нахмурилась и уже хотела что-то резко ответить... но передумала. Хэнк одобрительно подмигнул ей, потом отодвинул стул, чтобы она могла сесть.

— Моя жена — лайми, — улыбнулся он.

— Вот здорово. Они — прекрасные люди, правда, красотой им до нее далеко. — Тут улыбнулась и Френсис, лесть легко находит тропку к сердцу женщины, и грациозно села. Хэнк занял место рядом и сразу приступил к делу.

— Меня зовут Хэнк Гринстайн, это моя жена, Френсис. А вы — мистер и миссис Вундербаум.

— У нас есть общие друзья в пошиве shmotok или как? — спросил Вундербаум.

— К сожалению, нет. Вас мне показали. Вы только что прибыли в Сидней на лайнере «Ка-Е-Вторая»?

— Сегодня у нас экскурсионный тур по городу, — ответила миссис Вундербаум. — Все включено в стоимость круиза, включая ленч в этом ресторане. Они, правда, не сказали, что все время будет идти дождь.

— О дождях в рекламных буклетах пишут редко, — покивал Хэнк. — Путешествием вы довольны?

— Да, все очень мило...

— Еда — говно, — буркнул Вундербаум.

— Но зато какие большие порции, — одернула его жена. — Доктор сказал — круиз, вот ты и получил круиз.

— Я собираюсь взять нового доктора, который скажет — Майами. По крайней мере, если оттуда я звоню по делам, в Нью-Йорке тот же час.

— У меня есть причина задать вам один вопрос. Он покажется вам странным, но, пожалуйста, хорошенько подумайте, прежде чем ответить. Не согласитесь ли вы отказаться от круиза, разумеется, с возмещением всех затрат и вернуться в Штаты? Конечно же, первым классом.

— Что-то случилось с моим бизнесом, а от меня все скрывают! — вскричал Вундербаум. — Я это знал. Стоит уехать на неделю, так эти idioty порушат весь бизнес. Уплыть в кругосветный круиз и остаться без бизнеса...

— Пожалуйста, не волнуйтесь, — прервал его Хэнк. — Моя просьба никак не связана с вашим бизнесом. Речь идет совсем о другом. Просто я и моя жена хотели бы воспользоваться вашей каютой на оставшуюся часть круиза.

От Хэнка, конечно, не укрылись отвисшая челюсть Френсис и ее округлившиеся глаза, однако он не позволил себе встретиться с ней взглядом. Вундербаум подозрительно прищурился.

— Что это вы затеяли? В чем, собственно, дело?

— Вы лично знакомы с мистером Дейвидом Рабино?

— Как можно заниматься пошивом одежды и не знать его? Мы вместе выступаем в поддержку Израиля.

— Вы знаете его подпись?

— Мою он знает лучше. Я передал ему немало чеков.

— Я серьезно. Вы узнаете его подпись и почерк?

— Узнаю? Я могу ее подделать. Дэв и я много лет работали рука об руку, пока он полностью не переключился на сбор средств для Израиля.

Хэнк достал из кармана конверт, вынул из него письмо, передал Вундербауму. Тот развернул листок, положил на стол, достал из нагрудного кармана очки, водрузил их на кончик носа. Читал медленно, в один момент пробормотал: «Chort», — и вскинул глаза на Хэнка. Дочитал письмо, вернул.

— Между прочим, подпись Рабино очень легко подделать.

— Возможно. И я не хочу, чтобы вы принимали решение исключительно на основе этого письма. У вас есть номер его телефона? Он ждет вашего звонка.

— Разумеется, я знаю номер его телефона. Но, мистер, в Австралии время отстает от Нью-Йорка на двадцать один час. Там — раннее воскресное утро и, возможно, он еще сладко спит.

— Он сказал, что вы можете позвонить ему в любое время дня и ночи. Дело очень важное.

— Я позвоню ему прямо сейчас. — Вундербаум тяжело поднялся.

— Еда, она остынет, — крикнула вслед жена.

— Скажи им, пусть поставят в печку. Как и на корабле, хуже она не станет.

— Не следовало вам обращаться к нему с такими просьбами, — печально сказала она Хэнку, оторвав взгляд от удаляющейся спины мужа.

— Я действительно очень сожалею, — ответил тот. — Поверьте мне, если бы был другой вариант, я бы им обязательно воспользовался. Но его нет.

— Но почему? Что происходит?

— Я уверен, ваш муж все вам расскажет.

— Если он не такой, как мой муж, — вмешалась Френсис, более не в силах молчать. — Гора Рошмор говорит мне больше, чем он.

— Ничего! — Миссис Вундербаум наклонилась, успокаивающе похлопала ее по руке. — Они все одинаковые. Постоянно тревожатся из-за бизнеса и не говорят, почему, поэтому ты тоже начинаешь тревожиться, а какой от этого прок? Да никакого. Так уж устроен этот мир.

Появление официанта пришлось очень кстати. Хэнк с головой ушел в изучение меню. Они сделали заказ, после чего женщины всласть поговорили о вероломстве мужчин, найдя полное взаимопонимание. Хэнк облегченно вздохнул, когда Вундербаум наконец вернулся, отодвинул стул, плюхнулся на него.

— Молодой человек, вы своего добились.

— Но... почему? — взвыла его жена.

— Я скажу тебе позже.

— Я так и знала. — Она смиренно кивнула. — Позже — значит, никогда. Ты же сказал, мы объедем весь свет, у нас будет кругосветное путешествие. Хорошенькое получилось путешествие. Если ты не жаловался на качество еды, то звонил по телефону в Нью-Йорк. Может, нам действительно лучше вернуться домой, ты хотя бы избавишься от изжоги.

— Мистер Гринстайн, — неожиданно Вундербаум одарил Хэнка счастливой улыбкой, — я думаю, что вы спасли меня от неминуемой смерти от несварения желудка, возможно, вы даже спасли мой бизнес, поскольку я знаю, что вытворяют менеджеры, как только я поворачиваюсь к ним спиной. Давайте выпьем вина.

Вот тут и завязался оживленный разговор. Вундербаум знал фирму Гринстайна, даже пользовался ее услугами и несколько раз встречался с отцом Хэнка. Когда все съели, а вино осталось только в бокалах, Вундербаум озабоченно посмотрел на часы.

— Пошли, тата, нам пора паковать.

— Для вас снят номер в отеле «Уэнтуорт», — сказал Хэнк. — Вы можете провести в нем несколько дней, если хотите, или сразу вернуться в Штаты. И я очень признателен вам за понимание и помощь. Просто не знаю, что бы мы без вас делали.

— Всегда к вашим услугам. Насладитесь круизом за нас. Только будьте осторожны со стейком и блюдами из печени. Они вас доконают.

Френсис с теплой улыбкой попрощалась с Вундербаумами, проводила их взглядом, помахала рукой, когда у двери они обернулись. Потом выпила вина, забарабанила наманикюренными пальчиками по столу и очень уж сладко улыбнулась Хэнку.

— А теперь, говорливый сукин ты сын, тебе придется рассказать мне все, именно все, от начала и до конца. Что тут происходит и почему нас занесло сюда. Это же надо, «Ка-Е-Вторая»!

— А может, я расскажу, когда мы поднимемся на борт? У нас есть только пара часов, чтобы собрать вещи...

— Нет! Говори. Что было в письме?

— Вот. — Он смиренно протянул листок. — Прочитай сама.

Она прочитала с все возрастающим изумлением, прочитала второй раз, прежде чем вернуть письмо.

— Получается, что я многого о тебе не знаю.

— Извини. Но не сердись на меня за то, что я ничего не говорил тебе раньше. Когда мы впервые с тобой встретились, об этом, разумеется, не могло быть и речи. А когда мы решили пожениться, поезд уже ушел. Я же не мог запинаясь выпалить: «Дорогая, так уж вышло, что твой будущий муж не только адвокат, но и агент полулегальных еврейских организаций». Возможно, тебе бы это не понравилось. Может, ты не собиралась замуж за человека...

— Плохо ты обо мне думаешь, если можешь в это поверить.

— Я очень хорошо о тебе думаю, в этом и беда. Я так сильно люблю тебя, что сама мысль о том, что я могу тебя потерять, повергает меня в ужас. Может, я боялся рассказать тебе об этой стороне моей жизни. Может, оно и к лучшему, что все открылось до того, как мы действительно поженились. Теперь у тебя есть возможность передумать.

И такая печаль отразилась на его лице, что у Френсис просто растаяло сердце.

— Никогда мне не доводилось встречать более глупого человека. Теперь я еще больше хочу выйти за тебя замуж. Возможно, капитан корабля сможет зарегистрировать наш брак. Так романтично. Они это еще...

— Дорогая! Послушай меня. И подумай, прежде чем ответить. Вполне возможно, что твоя семья не считает, что я — подходящая для тебя пара.

— Я выхожу за тебя замуж, а не моя семья. Мой отец — старый тори, настроенный и против евреев, и против американцев, но он переменится в одночасье, как только увидит своего первого внука.

— Ты — удивительная женщина, самая честная на свете! Но эта миссия чревата опасностью...

— На лайнере «Ка-Е-Вторая»? Во время роскошного круиза? Чушь!

— На борту могут оказаться очень необычные пассажиры. Бандиты, убийцы.

— Там также будут очень крепкие английские матросы и старшины или как там они называются, если я знаю наш «Кунард». Они не допустят никаких инцидентов. У тебя будет пистолет? Что ты будешь делать?

— Ничего авантюрного и героического. Приглядывать за этими людьми, чтобы выяснить, кто они и что замышляют. Ес-

ли начнется какая-то заварушка, я останусь в стороне. Надеюсь на это.

— Я тоже надеюсь, но не думаю, что нам надо волноваться по этому поводу. Если я правильно помню историю того маленького рейда в Энтеббе, израильтяне знают, как позаботиться о себе. А теперь оплачивай счет, и мы отправляемся в круиз.

ГЛАВА 9

Как обычно, Леандро Диас испытывал к Мехико сложные чувства, возможно, потому, что долго жил в Лондоне. Лондон — прекрасный город, если у тебя есть деньги, возможно, лучший в мире, но как раз с деньгами у парагвайских политических эмигрантов было туго. Да еще эта английская погода, просто беда для тех, кто родился в тропиках. В Мехико его многое устраивало: и климат, и знакомая еда, и удовольствие говорить на испанском.

К недостаткам относился смог. И толпы. За последние семнадцать лет население Мехико удвоилось, и город буквально задыхался от такого количества людей. И Диас никак не мог привыкнуть к окружающей его невероятной бедности. Нищие осаждали его со всех сторон. Оборванные, грязные дети тянули к нему свои ладошки. Диас старался их игнорировать. Он бы не пришел на эту трущобную улицу, если бы не указания голоса в телефонной трубке. По многим причинам встречу приходилось обставлять с предельной осторожностью. Диас протолкался сквозь толпу и наконец увидел нужное ему здание. Выглядело оно в полном соответствии с описанием.

В середине длинного ряда лавчонок, выкрашенных в самые разные цвета, от розового до зеленого, стояла *Pulqueria La Providencia*¹. Даже на расстоянии до него доносился резкий запах *pulque*². Перебродивший сок агавы, сладкий и липкий, да еще со столь неприятным запахом, что Диас всегда удивлялся, как его можно пить. Но стоил он гроши, содержал алкоголь и в смеси с ананасовым соком становился очень даже ничего.

Диас распахнул сетчатую дверь, предназначавшуюся, по его

¹ *Pulqueria La Providencia* — таверна (торгующая пульке) «Провидение» (исп.).

² *pulque* — пульке (исп.).

разумению, исключительно для того, чтобы не выпускать на улицу мириады мух. Единственный посетитель крепко спал, положив голову на руки. Бармен мыл стаканы в эмалированной раковине. С трехдневной щетиной на щеках, «фонарем» под глазом, он холодно наблюдал за приближающимся Диасом.

— Добрый день, — поздоровался тот. Мужчина отреагировал едва заметным кивком. — Меня попросили прийти сюда. Вы должны мне что-то сказать.

— Ты кто?

— Леандро Диас.

— Тогда с тебя двадцать песо.

Диас знал, что платить не нужно, что это форменный грабеж, но решил, что проще согласиться, чем спорить. Слишком много он потратил усилий, чтобы устроить эту встречу. Протянул деньги, которые тут же исчезли в руке бармена. Он мотнул головой в сторону двери.

— Повернешь налево. Пройдешь три квартала, снова повернешь. Увидишь ресторан *Parador*¹.

— Через три квартала мне поворачивать направо или налево?

Бармен буркнул что-то невразумительное. Свои двадцать песо он уже отработал. Найти ресторан — не проблема.

Шагая, Диас отмечал, что район становится богаче. Трещины исчезли, уступив место фабричным зданиям. Потом появилась улица с маленькими, ухоженными магазинчиками. И ресторан он нашел без труда: над дверью ярко сияло двухметровое неоновое сомбреро, накрывающее название. Он вошел в зал, на несколько мгновений ослеп, попав с солнечного света в полумрак. Время обеда еще не наступило, поэтому только пара американских старичков-туристов сидела за столиком у окна. К нему поспешил официант с меню в руке.

— Добрый день, сэр. — И протянул Диасу меню. Тот покачал головой.

— Я должен встретиться здесь с одним человеком. Вам ничего не передавали?

— Нет, ничего.

— Он, возможно, задерживается. Принесите мне пиво, «Монтесуму».

Диас расположился за столиком у дальней стены, откуда он мог видеть входную дверь. Ему не оставалось ничего другого,

¹ *Parador* — Турист (исп.).

как ждать. Хосеп значился в списке разыскиваемых преступников. Полиция нескольких стран, а в особенности ЦРУ с удовольствием заплатили бы большие деньги, лишь бы выйти на него. И сложный путь, которым Диас добирался до ресторана, понадобился для того, чтобы убедиться, что он пришел один. Диас нисколько не сомневался, что за ним следят, но его это нисколько не волновало. Ему требовалась новая встреча с Хосепом. Они виделись лишь однажды, мельком, многие годы назад, так что Хосеп знал, какую организацию он представляет и чем они занимаются. Однако у него не было уверенности, что за прошедшее время Диас не стал полицейским осведомителем. Отсюда и принятые меры предосторожности. Диас потягивал ледяное пиво, а потом подпрыгнул от неожиданности: рядом с ним кто-то сел.

— Черный ход. Поэтому мы встречаемся здесь, — пояснил мужчина. — Что тебе нужно, Диас?

— Повидаться с тобой, чтобы поговорить об одном важном для нас обоих деле. Ты же получил мое...

Он замолчал, потому что к столику подошел официант. Хосеп тоже заказал пиво. Он изменился с тех пор, как Диас видел его последний раз. Заметно похудел, нос стал более крючковатым, кожа обтянула выступающие скулы. И он уже не носил знакомую повязку на правом глазу: слишком уж известная примета. Ее заменил искусственный глаз. Они сидели молча, пока официант не принес пиво и не оставил их одних.

— Ты сохранил организацию, с которой мы можем работать? — спросил Диас.

Хосеп кивнул.

— Мы по-прежнему в деле. Нас не так много, как до резни в 1974-м, но тупамаросы будут сражаться, пока последний из нас не ляжет в землю.

И они сражались, напомнил себе Диас. Уругвайские тупамаросы считались самой сильной городской партизанской группой. Главным их оружием являлся террор. Государство сумело сокрушить их, но лишь после нескольких лет упорной борьбы. И хотя в Уругвае движение уже не существовало, его остатки действовали в изгнании, точно так же, как организация Диаса. В этом они ничем не отличались друг от друга: и первых, и вторых военные диктатуры вышвырнули на чужбину. В остальном у них не было ничего общего. Диас выступал за мирное освобождение страны демократическими средствами. «Тупамаро»

ставило во главу угла насильственную революцию. Их связывали ссылка... и ненависть.

— Мы должны объединить усилия, — предложил Диас.

— Почему?

— Потому что мы выяснили, что правители наших стран проводят совместную операцию.

— О какой операции ты говоришь? Что может быть общего у этих двух говнюков?

— Стремление удержаться у власти... при том, что их презирают все цивилизованные страны. Для этого им нужно оружие, легальные каналы поставки которого перекрыты. Но они нашли выход. Заключили соглашение с компанией, которая называется «Глобал трейдерс». Слышал о них?

— Да. Один из крупнейших торговцев оружием. Продают что угодно и кому угодно, если он платит. Именно они поставили плутоний израильтянам, когда те создавали свою атомную бомбу.

— Теперь они продают оружие Парагваю и Уругваю. Сделка тянет на двести пятьдесят миллионов долларов. У меня есть распечатка недавнего совещания, которое они провели с «Глобал». С перечислением видов оружия и их характеристик. Очень скоро они должны провести еще одну встречу, чтобы заплатить за товар. Бриллиантами. Я не знаю, сможем ли мы перехватить груз оружия... но, если мы сможем помешать передаче бриллиантов, сделка сорвется.

Оставшийся глаз Хосепа хищно блеснул.

— Помешать? А может, захватить бриллианты?

— Как раз об этом я и думал. Мы занимаемся сбором информации...

— И вам нужны люди, которые смогут отбить бриллианты у их нынешних хозяев. Знающие, как пользоваться оружием и умеющие сражаться. Так?

— Совершенно верно. Если мы сможем расстроить сделку, то уже поможем нашим народам. А если захватим бриллианты, хотя бы их часть, то получим средства для продолжения нашей борьбы.

— Согласен. — Хосеп протянул руку. — А теперь позволь взглянуть на распечатку.

— Еще один момент. Вернее, два. Никаких убийств без разбора. Ваша организация перебила множество людей, которые не имели никакого отношения к армии.

— Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц.

— На этот раз можно... или мы разбегаемся в разные стороны. Договорились?

— Договорились. — В голосе Хосепа слышалось отвращение. — Какие еще условия?

— Раздел. Все, что мы добудем, делится пополам. Поровну.

— Да, конечно, тут нет вопросов. Вы их подставляете, мы вышибаем им мозги. А теперь давай распечатку.

Диас передал ему несколько листков и спокойно пил пиво, пока лидер «Тунамаро» читал распечатку магнитофонной записи, сделанной в президентском дворце в Асунсьоне несколькими днями раньше.

Когда Хосеп все прочитал, листки выпали из его пальцев на стол, а он сам надолго задумался.

— Бриллианты, — наконец заговорил он. — Бриллианты. Не хуже золота, лучше золота... их можно продать где угодно. А почему в конце упоминается «Ка-Е-Вторая»? Тебе известно, какое отношение имеет лайнер к обмену оружия на бриллианты?

— Кое-что известно. Мы как раз работаем в этом направлении. Собственно, с лайнера все и началось. Мы обратились за помощью к людям, с которыми имели дело раньше. Они обязательно нам помогут и не попросят своей доли. Им нужны только участвующие в этой сделке нацисты.

— Израильтяне. — Хосеп холодно улыбнулся. — Я их обожаю. Моя страна наводнена нацистскими паразитами. Мы делились информацией с подпольными еврейскими группами, через нас они выходили на крупную рыбу. И всякий раз лишали военное правительство еще одного советника. Чем они помогают?

— Они опознали некоторых пассажиров, находящихся на борту «Ка-Е-Вторая». Выяснилось, что это нацисты, которых они давно разыскивают. Их агенты уже на лайнере, другие в каждом порту прибытия. Мы еще не знаем, каким боком «Ка-Е-Вторая» связана с оплатой груза оружия, но будем знать, как только об этом узнают они.

— Это, конечно, хорошо, но недостаточно. Наши люди должны как можно быстрее попасть на лайнер. Мы не можем ждать, пока нам сообщат, что происходит. Если бриллианты перейдут из рук в руки на борту лайнера, мы должны быть там. Если они покинут корабль, мы уйдем вместе с ними и ничего не потеряем.

— Я того же мнения. — Диас допил пиво и дал знак официанту принести еще две бутылки. — Я сразу подумал о том, чтобы обратиться за помощью к тебе, потому что успех операции выгоден нам обоим. А когда я узнал, где тебя можно найти, почувствовал, что господь бог улыбнулся нам обоим.

— Пожалуйста, оставь религию священникам и старухам и поясни, о чем ты толкуешь.

— Разумеется, о Мексике. «Ка-Е-Вторая» сейчас идет из Австралии на Гавайи. Там мы ничего сделать не сможем. Далеко и мало времени. Опять же американцы будут счастливы, если мы посетим их острова. Нет, нас интересует следующая точка маршрута лайнера. Акапулько.

— Черт побери! — Хосеп с такой силой стукнул кулаком по столу, что пустая бутылка упала и разбилась об пол. Потом бил кулаком в раскрытую ладонь другой руки, пока официант не убрал осколки и не принес две полные бутылки. А как только они остались одни, наклонился к Диасу и заговорил хриплым шепотом:

— Мы их возьмем. Мы сделаем с ними все, что захотим. У меня есть люди в порту, хорошие, надежные люди. И другие, кого я могу использовать, находятся в Мексике.

— Оружие у вас есть?

— Сколько хочешь! Я начинаю верить в твое Провидение. Неделию назад мы взяли армейский форт в горах. Шли за взрывчаткой, а попали на целый склад. Гранаты, винтовки, автоматы, даже один огнемет. У меня есть люди, есть оружие, есть воля к победе. Твое дело — выяснить, где и когда мы должны ударить.

— Это предоставь мне. Уже сегодня я получу новую информацию. Что нам нужно, так это база в Акапулько. Сможешь ты это устроить?

— На побережье есть большой дом. Сейчас он пустует. Сто-рожа можно подкупить. Я уезжаю сегодня, чтобы все подгото-вить. Ты сможешь приехать завтра?

— Да, как только налажу канал связи.

— Хорошо. Значит, нас ждет захватывающий круиз.

— Это точно. За успех нашего предприятия надо выпить те-килу. За успех!

Диас выпил, а потом вспомнил девиз тупамарос, который они выкрикивали на своих митингах:

Nabra patria para todos, o no patria para nadie.

«У нас будет родина на всех или не будет родины ни у кого».

Смерть и разрушение. Он связал свою судьбу со львом... потому что у него не было выбора.

Но не обернется ли для него этот выбор смертью?

ГЛАВА 10

— Очень жаль, что вашему дяде пришлось так внезапно уехать, в самом начале круиза, — говорил стюард, ставя чемоданы под вешалку. — Но всегда есть и светлая сторона, не так ли, сэр? Вы поплывете дальше вместо него, и, я надеюсь, вам у нас понравится.

Стюард вернулся в коридор, чтобы занести к каюту оставшийся багаж, потом прошел в ванную, включил свет, чтобы посмотреть, все ли в порядке, шагнул к двери на веранду, раздвинул шторы и закрепил их. Хэнк Гринстайн с интересом наблюдал за ним и восторгался быстротой, с которой новости разносились по кораблю. Эту «легенду» предложил ему Узи.

— Вы не можете просто подняться на борт такого лайнера и занять одну из лучших кают. Ваше появление вызовет определенный интерес, массу сплетен. Поэтому вы должны иметь внятное объяснение. Надо обязательно бросить им кость. Пусть обсасывают. Вот что я сказал, когда переоформлял билеты на вас. Вундербаум — ваш дядя. Его внезапно вызвали домой по срочному делу. Ни один человек, который перекинулся с ним хотя бы парой слов, не усомнится в том, что это чистая правда. Поэтому оставшуюся часть круиза он отдал вам в качестве свадебного подарка, потому что совершенно случайно вы проводили медовый месяц в Австралии, гостили у родственников жены. Это ясная и понятная версия, ее и держитесь.

Хэнк определенно не собирался отступать от нее ни на шаг, и на корабле еще раз мысленно поблагодарил агента за удачное решение. В спальне стюард поправил в вазе свежесрезанные цветы и убедился, что графин наполнен ледяной водой.

— Хотите, чтобы я распаковал ваши вещи, сэр? — спросил он.

— Нет, благодарю. — Хэнк коротко глянул на тяжелый кожаный чемодан. — Я понятия не имею, куда жена хочет что положить. Лучше дождусь ее.

— Женщины в этом разбираются лучше всех, сэр, вы абсолютно правы. Меня зовут Роберт, сэр. Если вам что-то понадобится, в любое время нажмите на эту кнопку.

— Спасибо, Роберт. Хорошо, что сказали, как вас найти.

После ухода стюарда Хэнк запер каюту на замок. Задался вопросом, куда запропастилась Френсис. Едва поднявшись на борт, они наткнулись на целый ряд магазинов.

— Зарегистрируй наши билеты, дорогой, или найди нашу каюту. Я отлучусь на полсекунды.

И исчезла, прежде чем он успел раскрыть рот. Он не знал, сколько длится полсекунды Френсис, потому что по его часам прошло добрых тридцать пять минут. Ждать дальше не имело смысла.

Чемодан был старинный, из толстой, добротной кожи, весь в наклейках давно закрывшихся отелей, отправленных на металллом кораблей. Представитель другого века, когда вес не имел значения. Его современники практически исчезли с появлением самолетов, и Хэнку оставалось только гадать, где израильтяне умудрились его раскопать. Почему — сомнений не возникало. Требовалась электрическая дисковая пила, чтобы справиться с металлической гарнитурой и толстенной кожей. Двойные замки он открыл ключом безо всякого труда, но прочностью и надежностью они заметно превосходили обычные чемоданные замки. Откинув крышку, Хэнк оглядел сложное электронное оборудование, лежащее в гнездах пенопластового наполнителя.

Он надеялся, что вспомнит, как оно работает. Должен вспомнить! Когда ему демонстрировали работу этих устройств, все казалось очень просто. И собрал он их с первой попытки. Осталось только повторить прежнее достижение.

Прежде всего он достал схему спортивной палубы «КЕ-2». Две соседние каюты покрасили красным. Одну назвали «Ваша», вторую — «Их». Стену между их «люксом» и соседним «суперлюксом» поместили черной полосой. Хэнк без труда сориентировался и нашел нужную стену. Стена как стена. Картина в рамке, под ней — кушетка. «Начало положено», — подумал он. Заглянул за картину, увидел, что она прикручена к перегородке винтами. Никаких проблем.

Помимо электронного оборудования в чемодане лежали и все необходимые инструменты. Отверткой Хэнк освободил винты с одной стороны, чтобы отогнуть картину от стены. Липкой лентой закрепил на стене за картиной миниатюрный микрофон. Позаботился о том, чтобы шнур не вылезал из-под рамы. Закрутил винты, остался доволен результатами своей работы.

Крохотный переходник мог увидеть лишь тот, кто не счел бы за труд наклониться и заглянуть под раму.

Следом из чемодана появился кассетный магнитофон с радиоприемником. Японский, большой и дорогой. По внешнему виду ничем не отличающийся от миллионов своих собратьев, продающихся по всему миру. Однако начинка у него была совсем иная. Хэнк одновременно нажал две клавиши, и передняя стенка откинулась вперед. Внутри стояла кассета. Хэнк убедился, что пленка на месте, и закрыл переднюю стенку. Затем развернул магнитофон к себе задней панелью, достал из паза шнур, вставил его в розетку, предварительно вынув из нее штепсель настольной лампы. Еще один шнур, очень тонкий, Хэнк подсоединил к переходнику микрофона, позади настольной лампы. Отлично. Все готово к работе. Но заработает ли?

Включая магнитофон, Хэнк подумал, что это занятие все-таки не для него. Сердце гулко билось, пальцы тряслись. Такому в Колумбийской юридической школе его не учили. Из динамика донесся треск статических помех. В панике он прибавил громкости... и едва не оглох от голоса, заполнившего каюту:

— Was ist los? Was tust du da...¹

Перепугавшись еще больше, он выключил магнитофон и встал. Колени подгибались, ладони стали мокрыми от пота. В соседней каюте услышали этот громовой голос? Трудно сказать. Перегородки вроде бы звуконепроницаемые. Но как знать? Когда он вновь потянулся к магнитофону, чтобы вновь его включить, раздался громкий стук в дверь.

Стараясь не торопиться и не повредить тоненькие проводки, он отсоединил шнур к микрофону и убрал его в паз на задней панели.

— Хэнк? Ты здесь? — донесся из-за двери голос Френсис.

Он открыл дверь, впустил ее и тут же плюхнулся на ближайший стул.

— Увидел призрака или что? — озабоченно спросила она.

— Нет. Всего лишь вхожу в роль секретного агента. Не уверен, что эта работа по мне. Я устанавливал электронное оборудование, которое они мне дали, и весь облился потом. Где ты была?

— Тратила деньги, — радостно ответила Френсис. — Здесь с

¹ Was ist los? Was tust du da... — Что случилось? Что ты здесь делаешь?.. (нем.)

этим так просто. В магазинах все такие обходительные. Дают подписать чек, пусть я и не знаю, какая у нас каюта.

— Деваться-то тебе некуда. — Он тяжело вздохнул. — Разве что сигануть за борт. И что тебе вдруг понадобилось купить?

— Вот это... просто необходимая вещь.

Френсис подняла левую руку, шевельнула пальцами. Он не сразу понял, что смотреть надо на широкое золотое кольцо на среднем пальце.

— Очень красивое. — Голосу недоставало убедительности.

— Мог бы хоть сделать вид, что тебе нравится. Пока я ходила с тем кольцом, что ты подарил мне при помолвке, повернув его камнем вниз, но долго так продолжаться не могло, ты понимаешь. Теперь я хоть выгляжу, как честная женщина, хотя ты навеки скомпрометировал меня. Когда мы поженимся?

— Господи, — выдохнул Хэнк. Неужели она опять будет обсасывать этот сейчас далеко не самый важный вопрос? Он вспомнил, как стюард со словом «Бар» указал на один из шкафчиков. Подошел, открыл и обнаружил на полках не только стаканы и ведро со льдом, но и бутылки со спиртным. Помянул «Кунард» добрым словом. Налил себе большую порцию шотландского, но вовремя вспомнил, что в каюте он не один и, прежде чем выпить, через плечо посмотрел на Френсис.

— Посмотри, дорогая, тут отличный бар. Как насчет того, чтобы выпить?

— А за что мне пить? За то, что я стала падшей женщиной? Налей мне розового джина. Давай, Гринстайн. Назначай дату нашей свадьбы.

— Завтра. На борту корабля, — в отчаянии откликнулся он.

— Нет, тут все думают, что мы уже женаты. Даю тебе вторую попытку. Спасибо. За твое здоровье.

Они подняли стаканы, выпили — и тут дверь приоткрылась.

У Хэнка вновь бешено заколотилось сердце. Господи... он забыл запереть дверь! А на кровати целая выставка!

— Надеюсь, я вам не помешаю. — Молодой человек постучал в уже открытую дверь, всунулся в каюту.

— Мы всего лишь выпиваем, — ответила Френсис с тем присутствием духа, которого явно не хватало Хэнку. Он в отчаянии взглянул на большой кожаный чемодан. Славу богу, закрыт. Мужчина вошел в каюту. Не такой молодой, как показалось Хэнку с первого взгляда, светловолосый, высокий. Он улыбался, но лицо оставалось закаменевшим и суровым.

— Добро пожаловать на борт лайнера. Меня зовут Фриц, и я из соседней каюты. Мы услышали, что вашему дяде пришлось внезапно уехать. Надеюсь, он не получил плохих новостей. У вас прекрасная каюта.

С застывшей на губах улыбкой он оглядывался, не упуская из виду ни одной мелочи. Взгляд Хэнка метнулся к картине на стене. Виден ли переходник? Убрал ли он второй шнур в магнитофон?

— Как приятно, что вы тревожитесь о нем, — ледяным голосом ответствовала Френсис. — Мы — мистер и миссис Гринстайн, Фриц. Мистер Вундербаум — дядя моего мужа. Все отлично. Мы передадим ему, что вы обеспокоились, не получил ли он дурных новостей. Надеюсь, это все?

Фриц не отреагировал на оскорбительный тон. Шагнул к кушетке.

— У вас отличный магнитофон. Готов спорить, обеспечивает высокое качество звука.

Злость переборолла в Хэнке страх. Этот сукин сын пришел, чтобы вынюхивать их секреты.

— Если вы видите магнитофон, Фриц, значит, вы сумеете разглядеть и дверь. Воспользуйтесь ею.

— Не слишком дружелюбный прием. — Улыбка сползла с лица блондина. — На борту корабля все должны держаться друг друга, жить дружно.

— Вон! — Хэнк шагнул к мужчине, руки которого тут же сжались в кулаки. Но мгновением позже Фриц передумал и разжал пальцы.

— Приятного вам путешествия. — Он направился к двери. Оглянулся, подмигнул, вышел в коридор. Хэнк захлопнул за ним дверь и на этот раз запер. Шумно выдохнул. Только тут заметил, что по-прежнему держит стакан в руке. Одним глотком ополовинил его.

— Чего хотел этот ужасный человек? — спросила Френсис.

— Взглянуть на нас. — Хэнк поставил стакан и двинулся к магнитофону. Продолжая говорить, подсоединил микрофон. — Готовится что-то серьезное, и эти парни подозревают всех и вся. И, конечно, с особой подозрительностью они восприняли смену пассажиров в соседней каюте. В данном случае их подозрения более чем оправданны.

Он включил звук и услышал, как закрылась дверь соседнего

«суперлюкса». Как только послышался немецкий язык, включил и запись.

— Интересно узнать, что они о нас думают.

Френсис отсалютовала ему стаканом.

— Все работает. Мой муж — гений. Он также говорит на немецком?

— Немецкий у меня на уровне школы, так что я пойму далеко не все. Но, будь уверена, у людей, к которым попадут пленки, проблем с переводом не возникнет.

— Разговор тебе понятен?

— В общих чертах. Тот, кто стоит ближе всех к микрофону, спрашивает, где бутылка шнапса. Наш приятель Фриц далеко... да, должно быть, он, его голос. «Scheissdreck juden». Да, это он, — зло повторил Хэнк, и Френсис пристально взглянула на него.

— Что это значит?

— Вольный перевод — грязные евреи. Это наши нацисты, можно не сомневаться. Знаешь, мне начинает нравиться эта работа.

Он подошел к ней, обнял, нежно поцеловал.

— Как только все закончится, у нас будет самая большая свадьба в мире. Я обещаю. Только сначала я должен довести это дело до конца. Я очень сожалею, что впутал тебя в эту историю, очень сожалею, что свадьбу пришлось отложить... клянусь! Но я чертовски рад, что с моей помощью эти люди окажутся в положенном им месте. Они уже не абстракция. Перед нами реальный враг. Их замыслы служат злу, и я собираюсь пристально следить за ними, чтобы сорвать их планы.

— Мой герой. — Френсис поцеловала его. Она хотела, чтобы ее слова воспринимались, как шутка. Но в них слышалась и нотка серьезности, которую уловил Хэнк.

— Я надеюсь, что героем мне становиться не придется, но после встречи с этим подонком, после того, как я услышал его мнение о нас, я готов им стать, если потребуется. — Вновь злость зазвучала в его голосе, и он так крепко сжал Френсис в объятиях, что та ахнула.

— Осторожнее, пещерный человек. Силу оставь для нацистов вроде Фрица.

— Он — не нацист в нашем понимании этого слова, разве что убеждения у него такие же. Можно сказать, второе поколение. Он слишком молод, скорее всего родился уже после завершения Второй мировой войны. Должно быть, один из тех оби-

тателей «суперлюксов», которых израильтяне не сумели опознать. По крайней мере теперь мы знаем его сущность, пусть имя и фамилия остаются нам неизвестны. Но куда больше меня интересуют старики, Хартиг и Эйтманн. Я надеюсь, они скажут что-то важное о самой большой рыбе, которую мы ловим, докторе Иоахиме Вилгусе.

— Ты о нем мне рассказывал. Казначей всех прячущихся нацистов.

— Он самый. Если антинацисты в Вене смогут захватить его, он выведет их на многих других. Или на источники финансирования. Хотя говорят, что он человек-камень. В любом случае один лишь его захват оправдывает проведение всей операции.

Хэнк с неохотой оторвался от Френсис, взял стакан, осушил до дна.

— Интересно, где он сейчас? — Он уставился в стену, разделяющую каюты, словно хотел проникнуть взглядом в головы мужчин по другую ее сторону. — Они-то точно знают, где можно найти Вилгуса.

ГЛАВА 11

— Парикмахер прибыл, герр доктор. — Штарке вышел на балкон, где на удобном шезлонге расположился Иоахим Вилгус.

— Тот же, что и в прошлый раз?

— Тот же. Член партии, майор, участвовал в боях на Восточном фронте в составе дивизии СС.

— Все это говорит в его пользу, мой генерал. Но при этом гомосексуалист как до, так и после войны.

— И парикмахер и гример как до, так и после войны... поэтому мы должны закрывать глаза на некоторые его недостатки. Он нам полезен.

— Разумеется, полезен, Штарке. Но ты должен оставлять за давним другом право поворчать. Ладно, давай пропустим по стопке «Шинкенхагера», чтобы я лучше подготовился к предстоящей экзекуции.

— Прекрасная идея.

Штарке достал из ведерка со льдом бутылку шнапса, наполнил два маленьких стаканчика, один протянул Вилгусу. Они отсалютовали друг другу и выпили залпом, почмокав от удовольствия губами. Два пожилых человека, греющихся под утренним солнцем в Куэрнаваки, любующихся мексиканскими

горами и бездонным синим небом. Вилгус глубоко вдохнул, решительно потер руки.

— За дело. — Он поднялся с шезлонга. — Держи шнапс холодным. Я вернусь, как только освобожусь.

Он сохранил походку прусского офицера, неподвластную возрасту: плечи расправлены, спина прямая, каждый шаг впечатывается в пол. Когда он открыл дверь в коридор, Клаус, охраняющий ее, вытянулся в струнку, терпеливо ожидая приказа, как и все последние тридцать шесть лет.

— Отведи меня к нему, — распорядился Вилгус, и Клаус пошел первым, открыл дверь, закрыл после того, как Вилгус переступил порог. Сондербар выглядел гораздо моложе своих лет, худощавый, расслабленный. Лишь приглядевшись, можно было заметить, что волосы у него крашенные, а щеки нарумянены. Ни в движениях, ни во внешности от бывшего майора СС ничего не осталось. Взмахом руки он пригласил Вилгуса в кресло перед большим зеркалом.

— Прекрасный день, герр доктор, но, разумеется, в Мексике всегда отличная погода. А теперь позвольте прикрыть вас этой накидкой. У вас есть фотография, которую мы сделали в прошлый раз? Это упростит дело. Благодарю.

Вилгус откинул накидку, достал из внутреннего кармана пиджака бумажник, вынул полароидный снимок. Сондербар поправил накидку, потом всмотрелся в фотографию.

— Да, отличная работа, пусть хвалить себя и не принято. Все сделано для того, чтобы как можно сильнее изменить черты вашего лица. С годами вы полысели, вам это, кстати, идет, у вас великолепный череп, который сейчас виден во всей красе. Очень не хочется прикрывать его, но... поверите ли, у меня сохранился парик, который я сделал для вас в прошлый раз... очень хороший, на вас он сидел идеально...

Сондербар говорил и говорил, но Вилгус уже его не слушал. Некоторые люди не могли хорошо работать молча, а от мастерства Сондербара зависело слишком многое. В зеркале он наблюдал за происходящими с ним переменами. Тронутый седой парик скрыл лысину. Тени вокруг глаз увеличили естественную глубину глазниц. Вставки из губчатого пластика над деснами изменили фому щек. С неприятным вкусом во рту пришлось смириться. Над верхней губой появились усы. Он их никогда не носил. К ним добавились очки. Из зеркала на него смотрел незнакомец. Близкие друзья, возможно, узнали бы

его, но этот человек не имел ничего общего с другим, с фотографии 1941 года, которая попала в руки врагам.

— Очень хорошо, майор Сондербар, действительно очень хорошо. Могу я забрать фотографию?

— Разумеется. Спасибо за похвалу. Теперь я редко выполняю такую работу, и приятно осознавать, что не растерял мастерства. Мне остаться... или приехать завтра?

Вилгус взглянул на часы.

— Я вернусь к вечеру. Подождете?

— Разумеется. У генерала Штарке прекрасный повар, я перекушу, выпью немного вина и подремлю, так что к вашему возвращению буду свежим, как огурчик.

Вилгус что-то неразборчиво пробурчал и отбыл. Болтовня Сондербара его утомила. Клаус вскочил со стула в коридоре, где дожидался, и затушил сигарету.

— И что ты думаешь? — спросил Вилгус.

— Прекрасная работа, герр доктор. Полное изменение внешности.

— Что и требовалось. Пошли. Банк закрывается в час. Я хочу попасть туда в половине первого плюс-минус пять минут. Сможешь это сделать?

— Транспортный поток в это время очень плотный, но проблем не будет, если только Хуан будет держаться за нами.

— Будет... иначе пожалеет.

Куэрнаваку отделяют от Мехико сто миль. По старой извилистой дороге путь туда занимал порядка трех часов, но проложенная автострада с тоннелями, пробитыми в горах, и мостами, перекинутыми через ущелья, существенно сократила это время. В городе, правда, из-за пробок пришлось двигаться медленнее, но Вилгус не обращал на это внимания, включив кондиционер и пролистывая «Уолл-стрит джорнэл». К зданию «Коммерческого банка» они подъехали в двенадцать двадцать пять. «Мерседес» остался перед парадным входом, где стоянка запрещалась, тогда как «Фольксваген» припарковался на другой стороне улицы, у пожарного гидранта. Вилгус взял большой брифкейс и вошел в банк.

Внутри подошел к одной из высоких стоек, поставил брифкейс между ног, взял бланк заявки на допуск к банковской ячейке. Быстро заполнил все графы, номер ячейки он знал на память, но замялся перед тем, как расписаться. Взял другой бланк, несколько раз расписался на обратной стороне, как

Германн Климт. Когда качество подписи его устроило, он сунул черновик в карман, расписался на бланке, направился к решетке, за которой находился депозитарий, и нажал на кнопку звонка. Через минуту, шаркая ногами, к решетке подошел старик-охранник.

— Buenos días, señor¹.

Вилгус ответил на приветствие на испанском практически без акцента и протянул через решетку бланк. Охранник внимательно прочитал заявку, держа ее на расстоянии вытянутой руки, кивнул, отомкнул замок.

— Распишитесь, пожалуйста, здесь... теперь здесь, сеньор. Благодарю вас. Сюда, пожалуйста.

Охранник был человеком бедным, но ощущал важность своей работы. Не каждому дано каждый день общаться с богачами. В депозитарии старик достал ключ, вставил его в левый замок ячейки 457903 и повернул. Вилгус проделал то же самое с правым замком. Охранник с трудом выдвинул тяжелый ящик.

— Тяжело, сеньор... но я справлюсь. Сюда, пожалуйста.

Ящик он поставил на стол в маленькой комнате. Вилгус подождал, пока за охранником закроется дверь. Потом запер ее изнутри, положил на стол брифкейс, открыл, достал несколько испианных листков. Только потом открыл ящик и заглянул в него.

Ящик заполняли маленькие мешочки из замши. Каждый перевязанный кожаной ленточкой, к которой крепились металлическая бирка с номером. Не теряя времени, Вилгус начал один за другим доставать мешочки из ящика, сверяясь со списком. Если номер совпадал, он откладывал мешочек в сторону. Много времени работа не заняла. Потом взял ручку и начал ставить галочки по списку. Убедившись, что все нужные мешочки в наличии, убрал остальные в ящик, а отложенные в два слоя уложил в брифкейс.

Уже собрался закрыть брифкейс, но передумал. Прошло много времени с тех пор, как он был здесь в последний раз, смотрел, что лежит в мешочках. Вилгус взглянул на часы: время есть. Взял мешочек из верхнего ряда уложенных в брифкейс, развязал кожаную ленточку, высыпал содержимое на ладонь.

— Прекрасно, высший класс, один лучше другого. — Он поводит рукой из стороны в сторону, наслаждаясь блеском брил-

¹ Buenos días, señor. — Добрый день, сеньор (исп.).

лиантов, переливающихся всеми цветами радуги. Компактные, изящные, красивые. Такими и должны быть дорогие вещи.

Улыбка исчезла так же быстро, как и появилась. Лицо вновь стало суровым. Вилгус ссыпал бриллианты в мешочек, завязал ленточку, положил мешочек в брिфкейс, опустил крышку, защелкнул замки. Потом нажал кнопку вызова охранника. Тот появился через несколько секунд.

— Уже закончили, сеньор Клинт? Да, вы не из тех, кто тратит время попусту. В последний раз... сейчас вспомню, да, пять лет назад, вы управлялись так же быстро. Вы и представить себе не можете, как много времени проводят некоторые в этой комнате. Заставляя ждать других.

Охранник взял ящик со стола и направился к двери, не чувствуя спиной ненавидящего взгляда Вилгуса. Ящик вставили в соответствующую ячейку, заперли на два замка. Когда они поднимались к двери-решетке, охранник продолжал говорить. На собственном опыте он убедился, что богатые любят слушать его болтовню. Чаевые от этого только увеличивались.

И на этот раз жизнь подтвердила его правоту. Вилгус сунул ему сотню песо и отмахнулся, когда охранник рассыпался в благодарностях. Пересек операционный зал, кивнул другому охраннику, который открыл входную дверь. Клаус уже держал дверцу «Мерседеса» открытой. Вилгус влез в салон вместе с брिфкейсом.

— Обогни угол и остановись, — приказал он, когда Клаус завел двигатель.

Клаус никогда не задавал вопросов. Повернул на первом же перекрестке и остановил «Мерседес», как только нашел место, где могли припарковаться оба автомобиля.

— На Хуана можно рассчитывать? — спросил Вилгус. — Ты с ним работал?

— Да, герр доктор. Хороший человек. Быстроты реакции не хватает, но он не болтает лишнего и не нервничает. Подходящий напарник.

— Хорошо, тогда он тебе поможет. Скажи ему, что он получит премию. Ты тоже. Но сделать это надо быстро. Охранник в банке, тот, что сидит в депозитарии. Вернись и взгляни на него, чтобы потом узнать. Поедешь с Хуаном на «Фольксвагене». Второй водитель поведет «Мерседес». Охранник узнал меня, даже сказал, когда я был в банке в последний раз.

— Он поступил недалековидно.

— Недальновидно. Разберись с ним, когда он пойдет домой на сиесту, чтобы он никому ничего обо мне не сказал.

— Необходимая мера предосторожности, герр доктор. Мы о нем позаботимся.

Клаус вышел из «Мерседеса», подошел к «Фольксвагену». Несмотря на жару, он не снял черный пиджак, даже не расстегнул его. Наклонился к окну со стороны водителя.

— Отвезешь герра доктора в Куэрнаваку, — приказал он. — Хуан и я вернемся на этом автомобиле. — Подождал, пока «Мерседес» отъедет, объяснил ситуацию Хуану: — Есть одна работенка. Ее оплатят отдельно.

— Отлично. Я в полном твоём распоряжении.

Хуан отогнал «Фольксваген» на ближайшую стоянку, а потом встретился с Клаусом на углу у здания банка. Последний уже успел глянуть на старика-охранника и не сомневался, что все пройдет как по маслу. Задача, поставленная герром доктором, ему очень нравилась. А то каждодневная рутина начала засасывать. Он даже начал что-то напевать себе под нос. Клаус был безмерно благодарен своему работодателю. Потому что лишь благодаря его участию остался в живых. Выздоровев после полученного ранения, он готовился к отправке на Восточный фронт. Где его ждала неминуемая смерть, потому что русские редко брали пленных. И никогда не оставляли в живых капралов эссовских частей. Так что капрал Клаус не надеялся на то, что ему удастся пережить войну. Но получил временное назначение: охранять какого-то важного гражданского чиновника. Временная работа плавно перетекла в постоянную. Ко взаимному удовольствию обоих.

Вскоре после возвращения Хуана в дверях банка появился и охранник. Прошел мимо двух мужчин, не заметив их хищных взглядов.

— Я его прикончу, — шепнул Клаус. — Ты просто держись сзади.

Хуан согласно кивнул.

Удобный случай представился через несколько минут, когда старик свернул в грязный проулок между двумя улицами, чтобы сократить путь.

— Пора, — бросил Клаус.

Хуан нырнул в проулок, Клаус двинулся следом, расстегивая пиджак. Серые ножны висели под мышкой. Он выхватил штык, длинный и острый, как бритва. Не очень удобное для ношения

оружие, но с ним Клаус чувствовал себя наиболее уверенно. Верный друг со времен восточного фронта.

— В чем... — только и успел сказать старик, когда чьи-то сильные руки схватили его сзади и развернули на сто восемьдесят градусов. На что-то еще времени не дали.

Одной рукой Клаус зажал старику рот, второй нанес точный удар. Проткнув одежду и кожу, штык вонзился в живот и под ребрами добрался до сердца.

Охранник дернулся и умер.

Хуан сорвал с его руки часы, из кармана вытащил кошелек. Клаус выдернул штык, вытер кровь об одежду старика. Еще одно ограбление с убийством. Их не расследовали. Каждый день в городе находили пять-шесть трупов с вывернутыми карманами. Обычное дело для мегаполисов.

* * *

Как только автомобилей стало меньше, «Мерседес» набрал скорость. Доктор Иоахим Вилгус, довольно улыбаясь, откусил кончик сигары. Да, врач разрешил ему только одну в день и после обеда, но этот день выбился из общего ряда. Так что лишняя сигара не могла причинить вреда.

ГЛАВА 12

— Действительно, прямо-таки медовый месяц. — Френсис аккуратно красила лаком ногти, потом дула на лак, чтобы он быстрее подсыхал. — Две недели в плавающем отеле. Долгие дни на солнцепеке, жаркие ночи в постели. Настоящий медовый месяц. Плохо, что мы не поженились.

— Мы можем сделать это сегодня, в Гонулулу. — Хэнк установил в магнитофон новую пленку. — Гавайи — часть Соединенных Штатов. Нас распишут без проблем.

— Ну, не знаю. Очень уж буднично все будет выглядеть. Все равно что сходить в парикмахерскую. Думаю, лучше подождать до возвращения в Лондон. Я уже скомпрометирована, так что еще несколько недель ничего не изменят.

— Твой выбор, любовь моя. Готово.

Хэнк все лучше осваивал шпионские премудрости. Пленка пошла. Он захлопнул переднюю стенку, поставил магнитофон на кушетку, подсоединил к микрофону. Надел наушники. По-

слышалась музыка, что-то перекатывалось на столе, никаких голосов. Хэнк перевел магнитофон в режим ожидания, с включением записи на звук голоса, снял наушники, убрал в чехол.

— Чем занимаются сегодня туземцы? — спросила Френсис.

— Молчат. Может, высыпали на палубу и любуются открывающимся видом.

— А не последовать ли нам их примеру? С нашей эксклюзивной и дорогой веранды видны только крыши складов.

— Почему бы тебе тогда не подняться на палубу. У меня есть кое-какие дела.

— Я тебя подожду. Могу наткнуться на соседей, от одного вида которых меня пробирает дрожь. Хорошо, что они нас полностью игнорируют, потому что так легко отвечать тем же. Я уверена, что сказала бы что-нибудь ужасно оскорбительное, если бы пришлось вновь заговорить с кем-то из них.

— Причина в этих пленках.

— Я не понимаю ни слова. Но пленки буквально излучают зло. И не надо смеяться. Я чувствую, что они — плохие люди, хотя ничего о них не знаю.

Хэнк подошел и осторожно, чтобы, не дай бог, не задеть накрашенные ногти, поцеловал Френсис в лоб.

— Могу себе представить. И я не смеюсь. Ничего смешного в этих сукиных детях нет. Я тоже не понимаю многое из того, что они говорят, школьный курс немецкого для этого не годится. Вроде бы существует какой-то план, который непосредственно связан с неким герром Доктором. Вроде бы мы знаем, о ком речь, хотя они ни разу не упоминали фамилии этого человека. Я не могу сказать, сколько часов разговоров этих краутов¹ записано на пленках, но мне хотелось бы как можно быстрее от них избавиться.

Хэнк уже складывал пленки с записями в пластиковый пакет, когда в дверь постучали. Они отреагировали мгновенно, по уже заведенному порядку. Хэнк закрыл чемодан с электронным оборудованием и убрал его в стенной шкаф вместе с пленками, Френсис отсоединила шнур от переходника, ведущего к микрофону, и нажала кнопку «Play». Каюту заполнил низкий голос Долли Партон.

— Одну минуту, — крикнула она в направлении двери. — Но мне не нравится стиль кантри, — прошептала она.

¹ Краут — пренебрежительное прозвище немцев.

— Притворяйся, что нравится. На корабле шесть радиоканалов, но кантри они игнорируют. Все понятно?

— Само собой.

Он открыл дверь и увидел стоящего на пороге стюарда Роберта.

— Только что получена почта, сэр. Вам письмо.

— Благодарю.

Хэнк закрыл дверь, долго смотрел на белый конверт, отправленный из Гонолулу днем раньше.

— Ради бога, вскрывай! Письмо внутри, а не снаружи, любовь моя. — Френсис выглянула из-за его плеча. В конверте лежал один-единственный листок с шапкой отеля «Королевский гаитянин» на Вайкики-Бич. Текст состоял из одного слова и четырех цифр, напечатанных мелким шрифтом посередине листа: «Номер 1125».

— Краткость — сестра таланта, — прокомментировала Френсис.

— Это все, что мне нужно. На последнем инструктаже мне сказали, что со мной свяжутся и скажут, куда отвезти пленки. Теперь я могу сойти с ними на берег.

— Не можешь. Мужчины уносят с корабля только фотоаппараты и видеокамеры. Носить посылки, особенно секретные, — удел женщин. Сейчас я найду прекрасную наплечную кожаную сумку с изображением сиднейского оперного театра. Туда ты и положишь пакет с пленками.

У трапа они получили гостевые карточки. Внизу их уже ждали вахینی, чтобы украсить гирляндами цветов.

— Ну разве не здорово?! — воскликнула Френсис, вдыхая нежные ароматы.

— Нет. Давай найдем мусорный контейнер и выбросим их, чтобы не выглядеть, как туристы. Они — отличительный знак для всех городских карманников и мошенников.

— Какой ты грубый. Я надена и твою гирлянду.

Они сели в такси, попросили отвезти в отель «Королевский гаитянин». Ехали в достаточно плотном транспортном потоке, поэтому Хэнк не мог сказать, следили за ними или нет.

— Наши соседи по кораблю очень подозрительны, — заметил он. — Возможно, они едут следом, чтобы знать, куда мы направляемся.

— И что ты предлагаешь? Уходить темными проулками, как показывают в кино?

— Не мой стиль. Мы должны от них оторваться, если они следят за нами, но так, чтобы у них не возникло и мысли о том, что мы заметили слежку. В поездке в отель нет ничего предосудительного. Возможно, мы условились встретиться там с друзьями. Поэтому мы позволим им довести нас до отеля. Там войдем в лифт и нажмем кнопку последнего этажа или любого другого из верхних, на котором никто не выйдет. Как только мы убедимся, что сбросили «хвост»...

— Ты говоришь, как истинный профессионал!

— Мы разделимся. Сумка останется у тебя, я же возьму пленки. Ты пройдешься по магазинам, купишь что-нибудь, чтобы положить в сумку, а часом позже мы встретимся в баре на первом этаже. Как тебе мой план?

— А на первом этаже есть бар?

— Покажи мне хоть один отель без бара на первом этаже.

— Ты, разумеется, прав. Если баров несколько, я буду ждать тебя в том, который ближе к центральному входу.

— Я вижу, что и ты не новичок в этой игре. Приехали.

Они пересекли холл, направляясь к лифтам. В один как раз входила толстуха в цветастом платье. Двери кабины закрылись. Она нажала на кнопку третьего этажа, повернулась к ним, любезно спросила: «А вам на какой этаж?»

— Пятнадцатый, пожалуйста, — ответил Хэнк.

Двери закрылись, выпустив толстуху на третьем этаже, и в кабине они остались одни.

— Может, сразу нажмем на одиннадцатый? — спросила Френсис.

— Нет, кто-нибудь может следить за индикатором. Будем следовать намеченному плану. Едем на пятнадцатый. — Он достал из сумки пластиковый пакет с пленками, быстро поцеловал Френсис, когда двери разошлись на четырнадцатом этаже. В коридоре не было ни души. Она улыбалась ему, когда двери кабины закрывались, но за улыбкой мелькала тревога.

Хэнк коридором дошел до двери на пожарную лестницу. Открыл ее, убедился, что, закрывшись, она не запирается автоматически. Ему определенно не хотелось спускаться на четырнадцать этажей. Точнее, на тринадцать, потому что двумя этажами ниже он увидел на двери табличку с цифрой 12. Миром правили суеверия. Он прислушался, прежде чем открыть дверь на одиннадцатом этаже. Убедился, что следом никто не спускается.

Узи Дрезнер открыл ему дверь и запер, едва Хэнк переступил порог.

— Вот пленки. — Хэнк протянул пакет.

— Отлично. Были проблемы?

— С записью — никаких. Наболтали они много чего. Но по началу наши соседи отнеслись к нам с подозрением и попытались прошупать нас. Боюсь, мы встретили их не очень вежливо. С тех пор мы не общались.

— Это хорошо. Познакомьтесь, пожалуйста, с мистером Гинзбергом.

С дивана поднялся невысокий, седовласый мужчина и пожал ему руку.

— Очень приятно, — говорил он с легким акцентом. Смотрел не на Хэнка, а на пакет.

— Мистер Гинзберг был профессором немецкого языка и литературы. До того, как попал в Бухенвальд. Теперь он работает с нами. Знает все региональные акценты и диалекты немецкого, может определить место, откуда говорящий родом, с точностью до двух миль.

Они проводили взглядом Гинзберга, выходящего из номера с пакетом в руке.

— Хотите выпить? — спросил Узи.

Хэнк взглянул на часы.

— Пожалуй, что да. Солнце уже высоко. Бурбон со льдом, пожалуйста.

Узи наполнил стаканы, себе — апельсиновым соком.

— За ваше здоровье. Устраивайтесь поудобнее и расскажите, что произошло после нашей последней встречи.

— С нами — ничего. Ничего важного, если не считать этих пленок. Новости должны быть у вас.

— Они есть. Мы больше узнали о людях, участвующих в этой афере, об их планах, о суммах, которые поставлены на кон. За оружие будут расплачиваться бриллиантами...

— Да, вы много чего узнали.

— Это так. Но нам по-прежнему неизвестно, где и когда будет произведен обмен.

— Всему свое время. Но мне хотелось бы услышать, что вы уже выяснили.

— Разумеется. — Узи глотнул апельсинового сока. — Похоже, у парагвайского подполья есть агент в высших эшелонах власти или человек, имеющий доступ туда, где проходят самые

секретные переговоры. Этот человек сделал запись встречи генерала Стресснера и адмирала Маркеса, который в настоящее время возглавляет хунту, правящую Уругваем. Этот правитель, если вы не в курсе, — такой же отвратительный тип, как и Стресснер. Объединяет их и лояльное отношение к бежавшим нацистам, для которых обе страны являются надежным убежищем. Ранее Парагвай и Уругвай не испытывали потребности в тесном сотрудничестве, но сейчас она возникла. Обе страны участвуют в сделке по закупке большой партии оружия. Бриллианты — средство платежа. Оружие доставят в Уругвай, оттуда его часть будет переправлена в Парагвай. Больше мы ничего не знаем. Не знаем, где находится сейчас корабль с грузом оружия, не знаем, когда и где будет произведена оплата.

— Но предположения у вас есть?

— Разумеется. Каким-то образом в этой сделке задействована «Ка-Е-Вторая». Возможно, бриллианты уже на борту и их охраняют живущие рядом с вами бандиты. В разговорах, которые вы записывали, мелькало слово *Diamant*?

— Не слышал ни разу. Но, возможно, мог и пропустить мимо ушей.

— Не волнуйтесь. Если оно произносилось, мистер Гинзберг его услышит.

— Вам известно, откуда взялись бриллианты?

— Нет. Но мы думаем, это вклад нацистов. Уж конечно, у этих карликовых диктаторов их быть не может. Но нам необходима новая информация, поскольку парагвайский источник временно пересох. Вот фамилии людей, которые нас интересуют. Запомните имена и фамилии и сожгите листок, прежде чем выйдете из этой комнаты. Эти двое, чех и женщина, представляют торговцев оружием. Остальные — военные обоих государств.

Хэнк смотрел на листок, запоминал фамилии и одновременно рассуждал вслух:

— Мы знаем, что в двух «суперлюксах» живут люди, участвующие в сделке. Но, возможно, на корабле есть и другие их сообщники?

— Хороший вопрос, один из тех, что не дает нам спать по ночам. Пришлось вскрыть кое-какие сейфы и залезть в компьютерные базы данных, но теперь у нас есть полный список пассажиров. Но он мало что нам говорит. Всего лишь фамилии. Любые могут быть вымышленными. Правда, мы знаем, кто за-

казывал и оплачивал каюты, сколько человек уже на борту и сколько еще прибудет. Для столь дорогого круиза пассажиров на удивление много. У нас возникли проблемы с покупкой билетов для наших людей, но мы их уладили. Они поднимутся на борт здесь, на Гавайях.

— Приятно слышать. Как мне с ними связаться?

— Никак. Они вас найдут. Все надо делать с крайней осторожностью. Тем более что наши парагвайские друзья нашли себе новых партнеров. Тупамарос.

— Я слышал о них. Городские партизаны, террористы в Уругвае. Но я думал, они уничтожены.

— Большая часть. Те, что остались живы, рассеяны по другим странам, но представляют собой значительную силу. Мы с ними сотрудничаем, но все реже и реже. Парагвайцам и тупамарос нужны бриллианты и, если удастся, оружие. По меньшей мере они хотят, чтобы оружие не попало в их страны. Они пообещали отдать нам нацистов, им они ни к чему, но ничего больше.

— Если бы мы знали больше...

— Мы знаем, — донесся с порога голос Гинзберга. Он вошел, держа в руке несколько листов. — Потрясающие записи, мистер Гринстайн. Великолепные. Я еще подготовлю их распечатку, но пока хочу поделиться с вами своим маленьким открытием.

Они шагнули к нему, а Гинзберг, улыбнувшись, победоносно потряс бумажками.

— Что-то очень важное произойдет в Акапулько. Там начнется завершающий этап сделки. Судя по всему, к ним присоединится Вилгус. Он и привезет бриллианты.

— На корабль? — спросил Узи.

— Этого я не знаю, прямо они этого не говорили. Но сказали другое. Бриллианты принадлежат нацистам, часть фонда взаимных сбережений, как они его называют. Их так много, потому что они должны приглядывать за своей собственностью. Для нас это большая удача. Эти люди могут вывести нас на всю подпольную нацистскую организацию, на источники их финансирования.

Гинзберг все с той же улыбкой наблюдал, как радостно сверкнули глаза Гринстайна и Дрезнера. Согласился выпить стаканчик виски, предложенный Узи.

— Будем надеяться, что ваши предположения окажутся вер-

ными, — воскликнул Узи. — И наши многолетние усилия приносят плоды.

Они подняли стаканы и выпили.

ГЛАВА 13

Город Акапулько купался в жарких лучах тропического солнца, повисшего в бездонном синем небе. Однако над Тихим океаном собирались тучи. Иной раз их пугающая чернота разрывалась молниями, но гроза бушевала так далеко от берега, что до него не долетали раскаты грома. Пассажиры двух автомобилей, стоящих на обочине прибрежного шоссе, по-разному относились к надвигающейся грозе. Охранники, изнывающие от зноя в «Фольксвагене», пусть они и опустили все окна, с нетерпением ждали дождя. В «Мерседесе» же работали и двигатель, и кондиционер, в салоне царил прохлада, поэтому пассажиры жара нисколько не донимала.

Клаус, сидевший за рулем, обернулся и сдвинул стеклянную перегородку.

— Я бы хотел, чтобы мы двинулись дальше, герр доктор.

— Мы еще едим, — ответил Вилгус с куриной ножкой в руке, губы блестели от жира.

— Я очень сожалею, но двигатель начинает перегреваться. Если мы проедем чуть вперед, воздух его охладит и мы сможем снова остановиться.

— Хорошо. Через несколько минут. — Он протянул стакан, и генерал Штарке наполнил его ледяным белым вином. — Не нравятся мне эти облака, Штарке. Они могут обернуться штормом, может быть, ураганом.

— Я так не думаю. Этим утром синоптики говорили про тропические ливни, сильный ветер.

— Ветер означает волны, а я терпеть не могу плавать по морю. А вон и наш корабль. Я уже чувствую, как мне выворачивает желудок. Пожалуйста, убери всю еду...

Он вытер губы льняной салфеткой, бросил ее в корзинку, которая стояла между ними. По океану величественно скользила «КЕ-2», держа курс на порт.

— На корабле таких размеров волноваться не о чем. — Штарке поставил корзинку на пол. Достал из кармана портсигар. — Я прочитал рекламный проспект, который находился в одном конверте с билетами. Водоизмещение шестьдесят семь

тысяч тонн. Стабилизаторы, управляемые компьютерами. Два ходовых винта. Двигатели мощностью в сто десять тысяч лошадиных сил, крейсерская скорость двадцать восемь с половиной узлов. Этот корабль выдержит любой шторм, а потом легко уйдет от него. Не волнуйся, дружище.

Штарке прочитал проспект только один раз, но цифры запомнил навсегда. Благодаря феноменальной памяти он плодотворно работал в генеральном штабе, пока не отправился на фронт командовать дивизией СС в наказание за то, что позволил себе не согласиться с одним из очень уж глупых тактических решений фюрера. История доказала правоту Штарке, но ему это не помогло: он попал в списки военных преступников за некоторые приказы, которые отдавал своим подчиненным.

— Мне приятно, что ты меня успокаиваешь, но я знаю свой желудок. Знаю, как он реагирует на море. — Вилгус выпил вино, положил бокал в корзинку с мусором. С кивком благодарности принял одну из гаванских сигар Штарке, аккуратно срезал кончик золотыми ножницами, которые достал из жилетного кармана. Выпустив первую струю ароматного дыма, заметно расслабился. Наклонившись вперед, сдвинул стеклянную перегородку. — Хорошо. Немного прокатимся, чтобы охладить двигатель. Потом в порт. Я хочу попасть на лайнер без задержки, когда схлынет поток пассажиров.

* * *

Либор Хвоста, родившийся в Пльзене, в Чехословакии, давно уже покинул эту социалистическую страну ради более богатого капиталистического мира. Он верил только в деньги, особенно в большие деньги, и его нисколько не волновал способ, которым они зарабатывались. Поэтому далеко не случайно он приложил немало усилий для того, чтобы стать гражданином Швейцарии.

Аурелия Мария Ортикела, испанка как по происхождению, так и по фамилии, после смерти генерала Франко обнаружила, что на родине к ней относятся, мягко говоря, прохладно. Впрочем, ее это не слишком тревожило. Она уже получила гражданство Аргентины и работала в процветающей корпорации, которая активно вела свой бизнес в Южной и Центральной Америке. В отличие от Хвосты она любила оружие и даже оборудовала тир в своем доме, расположенном неподалеку от Сантьяго-

дель-Эстеро, в предгорьях Анд. Она считала, что вечер выдался удачным, если ей удавалось расстрелять несколько сотен патронов, а потом, со звоном в ушах, счастливой и расслабленной, подняться на второй этаж с бутылкой хорошего вина. Там ее ждала Клара, с нежными руками и полной грудью, что только способствовало полноценному отдыху. Любовь к оружию Аурелия унаследовала от отца, артиллерийского капитана, который воспитывал ее на базах испанской армии, поскольку мать Аурелии умерла в родах. И сексуальной ориентацией она была обязана исключительно отцу, как только, став старше, выяснила, что все другие отцы ходят к проституткам, которых хватало около любой военной базы, а не к своим дочерям. Аурелия ненавидела мужчин по очень веской причине.

Едва таможенник вернул паспорт Хвосте, Аурелия положила перед ним свой. Скучающий мексиканский чиновник небрежно пролистал страницы, нашел ту, на которой стояла печать, проставленная утром в аэропорту, рядом поставил свою и протянул паспорт Аурелии. Она подошла к Хвосте, дожидаясь, пока к ним присоединится Де Грут.

Хендрик Де Грут относился к той категории людей, которые в любой ситуации сохраняют спокойствие. Он давно уже научился не выказывать эмоций на публике, что в полной мере соответствовало избранной им профессии. Таможенник нахмурился, долго изучал голландский паспорт, но, разумеется, не нашел ни одной зацепки. Де Грут не обращал на него ни малейшего внимания. Наконец, в паспорте появилась нужная печать, и Де Грут взял его, не кивнув и не улыбувшись.

Положил паспорт в брифкейс, захлопнул его, убрал со стойки, быстро, экономными движениями, словно выполняя некую работу. Именно в работе он проявлял себя с лучшей стороны. Вырос Де Грут на одной из старейших гранильных фабрик Амстердама, а сие означало, что практически все время его мысли занимали бриллианты. Пусть и молодой, ему еще не перевалило за тридцать, он был первоклассным экспертом и безошибочно, чуть ли не с одного взгляда определял огранку, качество и стоимость бриллианта. Он часто путешествовал: услуги независимого оценщика требовались многим. Гонорары брал высокие, но зато не интересовался происхождением камней и вообще отличался немногословием. Назначаемая им цена за услуги включала как плату за высокую точность оценки, так и за молчание.

— Добро пожаловать на борт, — приветствовал их стюард, как только они ступили с трапа на палубу. Проверил билеты и направил к ближайшему лифту. Хвоста и Аурелия заняли одноместные каюты на первой палубе с иллюминаторами в первом классе. Де Грут тоже получил одноместную каюту, но финансовый отдел «Глобал Трейдерс» не считал нужным тратить лишние деньги на оценщика, поэтому его каюта находилась на пятой палубе, глубоко в чреве корабля. Он не стал протестовать, когда по схеме определил местоположение каюты. Сумма гонорара компенсировала и некоторые неудобства.

С причала Хосеп, лидер «Тупамаро», наблюдал за посадкой пассажиров. Его взгляд мельком прошелся по тяжело дышащему, обильно потеющему толстяку, на несколько мгновений, чисто рефлекторно, задержался на великолепном заду женщины, идущей рядом, двинулся дальше. Он их не знал.

— Вас послал Чучу? — раздался голос у него за спиной.

Хосеп обернулся и увидел мужчину, стоящего в тени, докера с длинным багром на плече. Кивнул, шагнул к мужчине.

— Да, с ним связывался я. Все устроено?

— Почти. Провести ваших людей в моей бригаде не составит труда. Я могу нанимать, кого захочу. Но вот багаж — это другое дело, с этим сложнее...

— Нет, багаж — ерунда. Он сложен за углом. Тебе надо лишь проследить, чтобы он попал на борт вместе с чемоданами остальных туристов.

— Простите, сеньор, вы не понимаете. Другие чемоданы прошли таможенный досмотр, их проверяли. Ваши лежат там, куда ночью их привез грузовик. Я не знаю, что в них... мне без разницы, но, если меня поймают... Это же контрабанда, за нее полагается тюрьма...

— Так позаботься о том, чтобы тебя не поймали. Мне сказали, что ты лучший в порту бригадир. Тебе платят хорошие деньги. Сколько ты попросил плюс премия. И вот что еще. Ты живешь в Колония-дель-Флорес, не так ли?

— При чем здесь это?

— У тебя уютный маленький домик, утопающий в цветах. Мне его показали. Ты живешь там с женой и двумя дочерьми. Они живы и здоровы. Сейчас.

— Сукин сын, что ты такое говоришь!

Докер перехватил багор, угрожающе нацелил его на Хосепа. Тот и не думал защищаться, но его слова резали, как бритва.

— Ты безмозглый болван. Я же здесь не один. Тронь меня или не доставь наши чемоданы на борт, и завтра их найдут в кроватях с перерезанным горлом, от уха до уха. И ты будешь там сидеть, привязанный к стулу, с веками, пришитыми к бровям, чтобы все видеть. Ты мне веришь? Да? Да? Да?

С каждым «да» Хосеп отвечивал мускулисту докеру оплеуху. Бил наотмашь, в полную силу, голова докера моталась из стороны в сторону. Но он больше не поднимал багор, смиренно принимая наказание.

— Я верю, верю, — просипел докер, тыльной стороной ладони вытирая закапавшую из носа кровь. — Все будет сделано, как вы говорите.

— А вот теперь ты понял. Принимайся за работу.

Докер ушел, униженный, побежденный. Хосеп удовлетворенно кивнул. Цели он достиг: их багаж будет на борту лайнера. И двинулся вдоль причала, чтобы посмотреть, все ли идет по заранее разработанному плану.

Отклонений он не заметил. На корабль садилось не так уж много пассажиров, поэтому никто никуда не спешил, обычное дело в странах с тропическим климатом. Большинство пассажиров, приплывших на лайнере, сошли на берег. Им тоже торопиться было некуда, поскольку отплывал корабль лишь на следующее утро. Туристам, даже тем, кто отправился в кругосветное плавание, нравилось провести вечер в ночных клубах Акапулько. Местные власти с радостью шли навстречу пожеланиям богатых клиентов.

Один из грузовых кранов, установленных на баке «КЕ-2», высоко над причалом, повернулся, крюк завис над сетью. Некоторые чемоданы и большие сумки уже установили по центру сети. В этот самый момент один из докеров подкатил тележку, доверху нагруженную новыми чемоданами. Что-то сказал полицейскому, который с написанной на лице скукой наблюдал за подготовкой к погрузке багажа на корабль. Мгновением позже оба мужчины ушли в тень склада.

Тут же к сети подкатил электрический погрузчик, на вилах которого стоял поддон с большими чемоданами. Потребовалась минута, чтобы поддон остался на причале, а погрузчик укатил по своим делам. Два других докера быстро поставили большие чемоданы на сеть и ретировались. Когда полицейский вернулся, на месте погрузки вроде бы ничего не изменилось. Еще один докер закрепил углы сети на крюке, помахал рукой

кому-то на палубе. Тот ответил тем же, потом дал знак крановщику, которого с причала не было видно.

Трос натянулся, сеть с чемоданами оторвалась от причала, начала подниматься все выше и выше, перемахнула через борт и исчезла. Хосеп одобрительно кивнул и зашагал вдоль борта к корме, где на корабль грузили свежие продукты.

И здесь все шло гладко. Длинной вереницей докеры курсировали между кораблем и складом. Они сильно потели в этой влажной, душной жаре, перенося на борт грозди бананов, коробки, мешки, ящики с фруктами и овощами. Работа была тяжелая, выматывающая, и Хосеп сухо улыбнулся, когда один из докеров остановился неподалеку и вытер лицо большим, грязным носовым платком. Мужчина смотрел на Хосепа, но не подавал и вида, что знает его много лет. Хосеп же в этот момент внимательно изучал корму «КЕ-2». Достал сигарету, поднес к ней зажигалку, сделал одну затяжку, бросил на асфальт и растоптал. Докер повернулся и скрылся в здании склада. Обратный выход с корзиной на плече, полной сочных плодов гуавы. Присоединился к другим докерам, поднимающимся по сходням на корабль.

Никто, кроме Хосепа, не заметил, что мужчина на причале больше не появился. Как и еще трое тупамарос, работавших в бригаде докеров. Если остальные докеры что-то и заметили, то никак не отреагировали.

Убедившись, что его люди уже на корабле и там все тихо, Хосеп, не торопясь, направился к дальнему выходу с причала. Там дежурили солдат и гражданский охранник. Солдат холодно смотрел на приближающегося Хосепа, опираясь на тяжелую винтовку «маузер». Хосеп его словно и не заметил, протянул пропуск охраннику. Тот взял пропуск, глянул на него, кивнул, вернул. Хосеп двинулся дальше, на залитую солнцем улицу.

Ему очень нравилась Мексика, где повсеместно действовал один неписанный закон: «No hay reglas fijas»¹. То есть все решения принимались на месте конкретными людьми. Хосеп одобрял мексиканский образ жизни, где в любой ситуации взятки служили палочкой-выручалочкой. Много упрощалось.

Старенький грузовик стоял в двух кварталах, как с удовлетворением отметил Хосеп, в тени. Он открыл скрипящую дверцу, залез в кабину. Там, покуривая «косячок», его ждала Кон-

¹No hay reglas fijas — Нет упорядоченной системы (исп.).

сепсьон Вальверде. Она протянула «косяк» Хосепу, тот глубоко затынулся, надолго задержал дыхание, пока, наконец, не выпустил дым через нос.

— Никаких проблем. Сработало, как часы.

Она кивнула, но не произнесла ни слова. Смуглая, молчаливая красавица двадцати пяти лет от роду. Разыскиваемая в трех странах за убийства.

— Один из докеров, правда, подергался, но это мелочь. Я видел, что наши чемоданы и люди уже на корабле. Теперь наша очередь. Бумаги.

Она достала из сумки конверт, протянула ему. Он проверил билеты и мексиканские паспорта, оставил себе свои, конверт с ее документами вернул. На полке за сиденьем лежал пиджак. Хосеп захватил его с собой, вылезая из кабины. Солнце уже спряталось за грозовые облака, духота усилилась. Он смотрел на небо, когда Консепсьон, прыгнув на землю с другой стороны, подошла к нему.

— Надо поторопиться. Гроза уже совсем близко.

Поначалу на пыльную улицу тяжело упали несколько капель дождя. Их становилось все больше и больше, а потом небеса вдруг прохудились, и дождь хлынул как из ведра. Последний десяток ярдов до входа на причал они пробежали, но все равно вымокли насквозь. Однако сетовать на погоду не стали, просто кивнули клерку «Кунарда», который проверил их билеты. Парագваец Леандро Диас уже ждал их по другую сторону таможенного барьера, в одиночестве сидел на скамье у дальней стены. Хосеп и Консепсьон присоединились к нему. Леандро посмотрел на тупамарос, вопросительно изогнул бровь.

— У нас все в порядке, — ответил Хосеп на невысказанный вопрос. — Наши люди на борту. Твои парагвайцы?

— Там же. И, наконец, мы получили новую информацию от нашего агента. Новости невероятные, в них просто трудно поверить.

— В этой жизни нет ничего невероятного, — возразил Хосеп.

— Есть. Как мы и подозревали, окончательное оформление сделки получит на «Ка-Е-Второй». Так что мы окажемся в нужном месте и в нужный час.

— Бриллианты?

— Должно быть, на борту, потому что на корабль уже прибыли представители «Глобал трейдерс» со своим оценщиком. У него задача только одна — установить подлинность и стоимость

бриллиантов. Но важнее другое. Как нам стало известно, со стороны Парагвая документы подпишет сам Стресснер!

— Теперь я понимаю, что ты подразумевал под невероятным! Твой толстопузый генерал никогда не покидает свою страну. И я должен позаботиться о том, чтобы он туда не вернулся.

Леандро кивнул.

— Именно об этом я и думал. Но это еще не все новости. Мы также выяснили, что Уругвай будет представлять человек того же уровня...

— Уж не этот ли козел Маркес? — спросила Консепсьон.

Леандро кинул, и женщина от радости хлопнула в ладоши.

— Это прекрасно, прекрасно. — Она повернулась к Хосе-пу. — Ты позволишь мне перерезать ему горло? Позволишь?

— Я думаю, это можно устроить. — Хосеп коротко улыбнулся. — Такую возможность упускать нельзя. Это шанс освободить нашу страну.

— Обе наши страны, — поправил его Леандро Диас. — А теперь пошли на корабль.

ГЛАВА 14

Хэнк Гринстайн стоял на палубе неподалеку от трапа и наблюдал за людьми, поднимающимися на борт, пока не осознал, что выглядит все это уж больно подозрительно... тем более он понятия не имел, кого высматривает. Он ретировался на ют, откуда, облокотившись на поручень, мог видеть, как идет погрузка. Далеко впереди, ближе к носовой части, на корабль загружали багаж. Под ним длинной цепочкой докеры заносили продукты. Ему оставалось лишь гадать, как они могут работать в такую жару. Он запарился, лишь наблюдая за ними. Впрочем, надвигающиеся облака обещали значительно снизить температуру воздуха. Но пока, пусть солнце уже и скрылось за ними, прохладнее не становилось.

— Наконец-то я тебя нашла. — Френсис поднялась по трапу с первой палубы.

— Я думал, ты спишь.

— Я спала. Но проснулась от чувства клаустрофобии. Задернутые шторы, жужжание кондиционера. Мне снились кошмары.

— Тебе следовало раньше лечь спать. Не стоило сидеть до четырех утра, наблюдая, как я проигрываю в «блэк джек».

— Но ты выигрывал! Был в плюсе на двести фунтов. Мой герой!

— Вот тогда твоему безмозглому герою и следовало подняться из-за стола. В итоге я проиграл тридцать фунтов.

— Неважно, дорогой, зато у меня остались незабываемые впечатления. А особую радость мне доставили эти мерзкие наци, проигравшиеся в рулетку. Я словно смотрела старый фильм. Это бормотание себе под нос по-немецки, удары кулаком по столу. Уж не упала ли капля дождя?

— Упала. А вот и ее подружки. Их становится все больше и больше.

Они поспешили к двери, открыли и едва зашли под крышу, как небеса разверзлись, и вода с грохотом обрушилась на деревянную палубу. Бар «Лидо» пустовал. Лишь Син, бармен, сосредоточенно протирал стакан. Практически все пассажиры ушли в город.

— Льет как из ведра, — прокомментировал Син. — Желаете что-нибудь выпить, чтобы внести капельку радости в вашу жизнь.

— И капельку алкоголя в организм, чтобы успокоить нервы, — добавил Хэнк. — Почему нет?

За то время, что понадобилось «КЕ-2» для пересечения Тихого океана, они стали тут всегдашними, поэтому им не пришлось делать заказ. Син налил в стакан большую порцию джина «Гордон», добавил дольку лимона и лед, сверху налил тоник «Швепс» и поставил стакан перед Френсис. Хэнк, который рассеянно бросал в рот орешки, получил шотландское с содовой.

— День начался, — прокомментировал он, пригубив виски.

— Но еще не закончился, сэр, далеко не закончился.

— Премного тебе благодарен, Син. Я ценю в людях наблюдательность.

— Всегда рад услужить, сэр.

Они пили не спеша, наблюдая, как бармен режет лимоны, потом готовит большой графин с «Кривой Мэри». Син несколько лет проработал в Нью-Йорке, к радости пассажиров-американцев, которым не нравилось, когда в мартини наливают теплое белое вино или пиво подают с температурой человеческого тела. Эти радости Син приберегал исключительно для англичан, так что выполнение одинаковых заказов существенно разнилось в зависимости от акцента клиента.

— Знаешь, что я сейчас чувствую? — Френсис держала ста-

кан двумя руками, вглядываясь в его дно. — У меня такое ощущение, ужасное ощущение, будто кто-то ходит по моей могиле. — Хэнк накрыл ее руку своей, сжал. — Я знаю, звучит это глупо, и я никогда не верила в женскую интуицию и все такое. Но вот теперь, в этот самый момент, на меня накатывает жуткая депрессия... и вроде бы без всякой на то причины.

— Наоборот, причина есть, и очень веская. С этими нацистами на борту и теми, кто еще должен прибыть, только и жди какой-то заварушки, поэтому тебе не стоит себя корить. Это мне следует винить себя за то, что позволил тебе участвовать в этой аванюре.

Френсис покачала головой.

— Нет, мне было бы куда хуже, если бы сейчас я сидела дома и волновалась о тебе. Гораздо лучше, что ты рядом, а из депрессии я выйду. Давай вернемся в каюту и немного расслабимся.

— Ты права. Лучшего способа борьбы с депрессией не найти. — Он взглянул на часы. — Я должен встретиться с Гинзбергом через три часа и передать ему последние пленки.

— Значит, времени нам хватит. Пошли.

Хэнк встал, оставил на стойке какие-то деньги. Син помахал им вслед. Ближайший лифт находился в соседнем холле, так что им не пришлось выходить на палубу.

— Ты уже побывал в каюте Гинзберга? — спросила Френсис.

Хэнк покачал головой.

— Нет, мы встречаемся в одном и том же месте — в мужском туалете на шлюпочной палубе. Я знаю, это похоже на кино про шпионов, но срабатывает. Там никогда никого нет, я отдаю пленки, и мы выходим порознь. Если на пленках, полученных в прошлый раз, есть что-то новое, он мне рассказывает. Но пока мы вроде бы уже выяснили все. Думаю, новая информация появится, когда мы выйдем из Акапулько.

Хэнк держал ключ наготове и открыл дверь, как только они подошли к каюте. Отступил в сторону, пропуская вперед Френсис.

— Должно быть, Роберт перестилал постели, — сказала она. — Задернул шторы и погасил свет.

Она включила лампу и ахнула. Леандро Диас поднялся со стула, на котором сидел.

— Пожалуйста, не бойтесь. Я — партнер вашего мужа.

— Это правда. — Хэнк закрыл дверь, запер на ключ. — Но

мне бы очень хотелось, чтобы вы стучались, прежде чем войти. Незачем пугать Френсис.

— Я очень сожалею, пожалуйста, извините меня. — Диас поклонился Френсис. — Но я не хотел, чтобы меня видели. И вошел в каюту, когда убедился, что за мной никто не наблюдает.

— Так у вас есть ключ от нашей каюты! — сердито воскликнула Френсис.

— Нет. Но я умею открывать замки.

В этот самый момент открылась дверь спальни и из нее вышли Хосеп и Консепсьон.

— Все лучше и лучше. — Голос Френсис стал холоден, как лед. — Вам понравилась наша спальня? Двоим там очень удобно или вас было больше?

— Френсис, пожалуйста. Эти люди пришли сюда не за этим.

— Неужели? Пусть так, но я как-то привыкла к тому, что в спальню посторонние не заходят. Приличные люди так не поступают.

Тут она замолчала, увидев, что этим незнакомцам совершенно безразличны ее чувства. Пересекла комнату и выместила свою злость на шторах, с треском их раздвинув, а потом, глядя на ливень, забарабанила пальцами по стеклу.

— Ладно, Диас. Что вы тут делаете и кто эти люди? — спросил Хэнк, с трудом контролируя распирающую его злость.

— Это мои уругвайские партнеры...

— Тупамарос? — спросил Хэнк.

— Да, — ответил Хосеп, шагнул к столу, снял телефонную трубку. — Вы позволите воспользоваться телефоном? — Номер начал набирать, еще спрашивая. Хэнк промолчал. Хосеп произнес несколько слов на испанском и положил трубку. — Я рад, что у нас наконец-то появилась возможность встретиться. И обменяться информацией. У вас есть что сказать нам?

— В зависимости от того, что вы уже знаете. У вас есть распечатки пленок, переданных мною на Гавайях?

— Я получил их от ваших людей, — кивнул Хосеп.

— Тогда вам все известно. На записях, сделанных позже, ничего нового нет.

— Ладно, тогда у меня есть для вас новости. Передача бриллиантов произойдет здесь, и среди участников сделки будут генерал Стресснер и адмирал Маркес.

— Главы государств?

— Именно так. Для нас это уникальная возможность, как вы можете себе пред...

Его перебил стук в дверь.

— Впустите их, — приказал Хосеп. — Это мои люди.

Френсис кипела от ярости, но молчала. Хэнк открыл дверь, и в каюту проскользнули четверо мужчин. С первого взгляда культурные и хорошо одетые латиноамериканцы. Но с такими же суровыми лицами, как у Хосепа.

— Эти люди останутся в вашей каюте, — продолжил Хосеп. — Они проникли на корабль нелегально, и, естественно, билетов у них нет.

— С меня хватит. — Френсис покинула позицию у окна и направилась к наглому лидеру тупамарос. — Это уже чересчур. Так что забирай своих приятелей и выметайся отсюда к...

Консепсьон мгновенно оказалась за спиной Френсис, взяла за плечи, развернула лицом к себе и влепила ей пощечину. Френсис застонала от боли, и Хэнк рванулся к женщинам, схватил Консепсьон и швырнул на пол, одновременно подняв сжатую в кулак руку.

— Достаточно. — Хосеп перехватил руку Хэнка.

Все еще в ярости, тот вырвал руку и врезал тупамарос в челюсть.

Хосеп упал, откатился в сторону, мгновенно вскочил с длинным ножом в руке. Его лицо перекосило от ярости: человека, ударившего его, ждала смерть. Хэнк это понял, но отступить было некуда. Он чуть присел, выставив перед собой руки, осознавая, что его единственный шанс — перехватить руку с ножом. Хосеп изготовился к атаке, но тут раздался твердый голос Леандро:

— У меня револьвер сорок пятого калибра. — Он повел стволом большого револьвера из стороны в сторону, держа всех на прицеле. — Убери нож, Хосеп. С этого момента мы должны жить дружно. Скажи своей сучке, что я убью ее тут же, если она посмеет еще раз прикоснуться к миссис Гринстайн. Вы меня понимаете, не так ли? Или мне пристрелить одного из нас, чтобы вы убедились, что я не шучу? Мы должны работать рука об руку, а не цапаться. Соглашайтесь... или вон отсюда.

— Согласен. — Хосеп сложил нож, убрал в карман. Отвесил Консепсьон такую оплеуху, что та покатила по полу. — Вот так. Вы квиты, миссис Гринстайн. Отомщены. А теперь оста-

вим эти глупые игры и за дело. Нам нет нужды любить друг друга. Но мы должны работать вместе ради общей цели.

Леандро посмотрел на Хосепа, других тупамарос и понял, что ему надо определяться прямо сейчас. Говорил ли Хосеп искренне? Скорее всего. Они действительно нуждались друг в друге. Провести операцию позволили записи, сделанные на корабле, вкуче с информацией, переданной из Парагвая. Они все это знали. А тупамарос привлекли как ударную силу: воевать они умели. Какое-то время им предстояло работать бок о бок. Но потом, когда потребность в информации отпадет, как поведут себя тупамарос? Ответ сомнений не вызывал: как всегда, исходя из собственных задач, невзирая на цели и желания других. Но вариантов не было. Он перешел Рубикон, когда связался с ними. Так что на данный момент приходилось мириться с такими непредсказуемыми союзниками.

— Хорошо. Работаем вместе. — Он сунул револьвер за пояс. Спокойно и уверенно, но со спокойствием укротителя, входящего в клетку с тиграми. Выкажи он страх, его разорвали бы на куски.

Френсис еще не пришла в себя от шока. Она чувствовала обнимающую ее руку Хэнка, когда он усаживал ее в кресло. Любила его, безмерно радовалась, что он рядом. Но его присутствие не меняло осознания того, что мир, в котором она жила до сих пор, исчез. И она перенеслась в иной, куда более жестокий мир, где действовала совсем другая, непривычная ей шкала ценностей. Мир, о котором она читала в газетах, но, по правде говоря, не верила в его существование, как не существовал для нее мир, описываемый в захватывающем романе. Воображаемые люди, находящиеся далеко-далеко, делали что-то воображаемое. И вот, садясь в кресло, она поняла, что получила первый жизненный урок в этом новом для себя мире. Не раскрывай рта, забудь о правилах приличия, по которым жила раньше и в которые верила. И вдруг поняла, что ее это совершенно не унижает, скорее, наоборот. Ей преподали урок выживания. А она хотела выжить.

Хэнк тоже выучил свой урок. Стоя рядом с креслом Френсис, обнимая ее за плечи, он изо всех сил старался придать лицу бесстрастное выражение. Потому что его переполняла ярость, которой не было выхода. Пока. И он не хотел, чтобы кто-нибудь знал о его истинных чувствах. Они узнают, пообещал он себе, придет день, когда они узнают. О другом мире он знал гораздо

больше, чем Френсис, поэтому ему так не хотелось знакомить ее с ним. Он знал, что сейчас во Френсис умирала маленькая частичка счастья, и ненавидел людей, которые стали тому причиной. Но в данный момент он ничего не мог поделать. Они стремились уничтожить диктаторов своих стран, и ему приходилось им помогать, поскольку только так они могли добраться и до нацистских преступников и отдать их под суд. А вот после достижения главной цели наверняка придет черед личных разборок. Он не знал, во что это выльется. Но не сомневался, что без выяснения отношений не обойтись, и с нетерпением ждал этого момента.

Атмосфера оставалась напряженной, никто не хотел нарушить гнетущую тишину. От громкого стука в дверь все вздрогнули, потому что стук этот означал появление нового фактора, новых людей, которых никто не ждал. Тупамарос, поднаторевшие в искусстве выживания, отреагировали мгновенно. Они тут же переместились в тот угол, который не просматривался от двери. После короткого колебания Леандро присоединился к ним. Хосеп молча указал Хэнку на дверь.

— Посмотрите, кто там, — прошептал он. — Прогоните их. — И встал за дверью, поставив ногу так, чтобы открыться дверь могла лишь на несколько дюймов.

Хэнк отпер дверь, выглянул в щелку.

— Впустите меня, быстро, — приказал Узи Дрезнер. — Я не хочу, чтобы меня здесь видели.

Хэнк дал знак Хосепу убрать ногу. Тот отступил на шаг, одновременно выхватывая из наплечной кобуры пистолет с навинченным на ствол глушителем. Узи вошел, оглядел собравшихся в каюте людей, похоже, нисколько не удивился. Заговорил лишь после того, как Хэнк закрыл и запер дверь:

— Я вижу, все в сборе. Хорошо. То, что я сейчас скажу, касается всех. Ты можешь убрать пистолет, Хосеп... вот так. Ты меня помнишь, не так ли?

Тупамарос кивнул.

— Прошло много лет. Тебя рекомендовали достойные люди, и ты заинтересовал нас своим предложением. Тебе требовался человек, от которого мы и сами хотели избавиться.

— Мясник Шульц.

— Вот-вот. Толстый, красномордый мясник, который работал на государство. Делал то же самое. Только убивал не скот, а людей.

— Для него это не в диковинку. Тем же он занимался и раньше, в концентрационных лагерях. Мы хотели, чтобы он пошел под суд. Он и пошел. С твоей помощью.

— Ты хорошо заплатил за помощь. И сразу.

— Мы всегда хорошо платим за поставленный товар. Мы плодотворно сотрудничали в прошлом. Хочу, чтобы ничего не менялось и теперь. Предлагаю всем сесть и успокоиться. Кто хочет выпить? Хэнк, не считите за труд.

Узи не просто взял ситуацию под контроль, он в значительной степени упорядочил взаимоотношения столь непохожих людей, собравшихся в одной комнате. По существу, нацелил их на совместную работу. Хэнк с радостью взялся за порученное дело: какая ни на есть, а разрядка. Наполнил стаканы тем, кто хотел выпить.

— Я не знал, что вы на корабле, Узи, — сказал он, наливая себе виски.

— Я плыву с Гавайских островов, но не выходил из каюты. Я уверен, что кто-то из немцев знает меня, у них тоже есть разведка. Но я не сидел сложа руки. Один из стюардов — мальтиец, у которого большая семья. Он снабжал меня информацией. Вот почему я пришел сюда. Хочу послушать сегодняшнюю запись. Судя по всему, немцы больше не живут рядом с вами.

— Они сошли с корабля? — обеспокоился Хэнк.

— Нет, они на корабле, даже не поехали в город. Но, похоже, сегодня прибудут новые пассажиры, и утром они перебрались в каюты поменьше, на этой же палубе, которые пустовали с начала круиза. Само собой, багаж переносили стюарды, поэтому я знаю о переезде. И сейчас два «суперлюкса» пустуют.

— Слушать пленку нет нужды, — подал голос Леандро Диас. — Сегодня нам сообщили о том, что генерал Стресснер рано утром улетел из Асунсьона на самолете, взявшем курс на авиационную базу в Мальдонадо в Уругвае. Там он присоединится к адмиралу Маркесу, и вместе они прибудут сюда. «Суперлюксы» предназначены для них.

— Когда и где они поднимутся на корабль? Вы не знаете? Я не думаю, что правительство Мексики порадует их появление.

Диас пожал плечами и поднес к губам стакан.

— В Мексике они не появятся. Они не хотят, чтобы кто-то узнал об их отъезде из своих стран. И, уж конечно, им не нужно, чтобы кому-либо стало известно о том, что они покупают большую партию оружия. Наши источники не знают, где, ко-

гда и как они попадут на борт этого лайнера. Но им известно, что генерал Стресснер и адмирал Маркес придут на «Ка-Е-Вторую».

— Мы достаточно скоро узнаем об этом, — кивнул Узи. — А пока их нет, используем имеющееся у нас время, чтобы обсудить совместные действия. Прежде всего разберемся, какими мы располагаем силами. Леандро, сколько твоих парагвайцев на корабле?

— Трое, считая меня. Для остальных мы не смогли купить билеты. Да и проку от них не было бы. Оружием они не владеют.

— Хосеп... что у тебя?

Лидер «Тупамаро» обвел комнату рукой.

— Здесь, как ты видишь, шестеро. Еще трое в каюте. Как и говорит Леандро, билетов не было, поэтому эти четверо прошли на корабль под видом докеров, а потом переоделись в туалете команды. Все четверо — бывшие матросы. Много плавали, хорошо знакомы с самыми разными кораблями. Самый знающий — Эстебан Вальверде.

Серьезного вида, темноволосый молодой человек кивнул, когда все посмотрели в его сторону.

— Эстебан — брат Консепсьон. Никому не известно о том, что он связан с нами. Он не принимал непосредственного участия в наших операциях, хотя многократно оказывал нам неоценимые услуги. Он — капитан большого траулера. И теперь мы можем рассчитывать на его опыт. Вместе с тремя матросами он при необходимости возьмет управление кораблем на себя.

— И вы хотите, чтобы все четверо остались в моей каюте, не так ли, Хосеп? — Хэнк говорил, глядя на лидера «Тупамаро», потом повернулся к Узи.

— Правда? — Узи эта маленькая подробность не шокировала. — На короткий период на это можно пойти. Поговорим об этом позже, когда обсудим наши планы. — Он ободряюще кивнул Хэнку, как бы обещая что-нибудь придумать. Хэнк пожал плечами, выпил виски.

— У нас оружие на любой вкус. Оно тоже на борту, — продолжил Хосеп. — Мы готовы к любому развитию событий.

— И как, по-вашему, они будут развиваться? — спросил Узи.

— План у нас достаточно простой. Большой океанский траулер уже вышел в море. Капитан знает маршрут «Ка-Е-Второй» и будет ждать приблизительно в сутках пути от Акапулько. У них хороший радиопередатчик, и, если в наших планах что-то

изменится, мы дадим им знать по радио. А пока будем ждать, пока не появятся бриллианты и не будет завершена сделка. Потом мы узнаем, где находится корабль с грузом оружия и каким образом он будет передан из рук в руки. После этого начнем действовать. Захватим радиорубку, сообщим на траулер, где он должен нас встретить, выведем из строя все радиопередатчики. Члены команды останутся целыми и невредимыми, если будут выполнять приказы. Потом мы возьмем нацистов, Стресснера, Маркеса и их телохранителей. На этот раз некоторые будут убиты. Не думаю, что их смерть вызовет сожаление. В итоге нам достанутся бриллианты, ты, Узи, получишь своих военных преступников, мы покинем «Ка-Е-Вторую» на их самом быстром катере и переберемся на траулер. Затопим катер и на том поставим точку. Каждый из нас получит то, что хотел.

Узи заговорил после короткой паузы:

— Мне это нравится. Мы окажем вам максимальное содействие. А как насчет корабля с оружием?

— С ним будем решать по обстановке. Если мы не сможем его захватить и использовать для собственных нужд, мы известим «Глобал трейдерс» о том, что оплаты не будет. Что сделка сорвана. Ты согласен, Диас?

Два революционных лидера холодно переглянулись.

— Разумеется. Мои люди уплывут с твоими на катере. Мы разделим бриллианты до отплытия. Согласен?

— Конечно. Я вижу, у нас установилось полное взаимопонимание. Так что остается только сидеть и спокойно ждать их следующего шага.

«Спокойно», — повторила про себя Френсис. Она не знала, смеяться ей или плакать, так что предпочла промолчать. И все-таки не могла поверить в происходящее. Эти люди, которые сидели в одной с ней комнате, со стаканами в руке, кивающие с серьезным видом, говорили о пиратстве, убийстве, похищении людей. И ее Хэнк выглядел таким же серьезным, как и остальные.

Теперь она знала, почему он с такой неохотой рассказывал ей об этих людях. Реальный шпионский мир имел мало общего с тем, что описывалось в книгах. Эти люди плевать хотели на честную игру. Они исходили из принципа: цель оправдывает средства.

— Я тоже выпью. — Она повернулась к Хэнку. — И, если ты не возражаешь, чего-нибудь крепкого.

ГЛАВА 15

С мостика «КЕ-2», вознесенного над водой на добрую сотню футов, капитан Дейвид Рэпли видел и расстилающийся впереди океан. По левому борту все дальше и дальше уходили джунгли и горы Мексики, едва просматривающиеся сквозь пелену тропического ливня. Нос лайнера резал воду, гоня с каждой стороны пенную волну. Капитан Рэпли радовался всякий раз, когда выводил корабль в открытое море. На берегу он чувствовал себя не в своей тарелке.

— Кофе, сэр. — Стюард поставил перед ним серебряный поднос. Рэпли откинулся на спинку кресла и кивнул. Кофе поллился из серебряного кофейника в фарфоровую чашку. Крепкий, ароматный напиток, совсем не та отравка, которая выдавалась за кофе в военно-морском флоте и разливалась по фаянсовым кружкам. Размешав ложечку сахара и поднеся чашку ко рту, он на мгновение почувствовал ностальгию по тем давно ушедшим дням. Кружки чая и кофе и стаканы с джином, выпитые в офицерской компании, в окружении друзей, которые делали общее с тобой дело. Жизнь, в корне отличающаяся от нынешней, с кондиционером и прочими удобствами самого роскошного лайнера в мире водоизмещением больше шестидесяти семи тысяч тонн, с двигателями мощностью сто десять тысяч лошадиных сил. Это тебе не пятитрубные эсминцы, на которых он начинал службу. К черту ностальгию. То были хорошие дни, но они канули в Лету. Он выпил кофе. А вместе с ними ушли и тогдашние проблемы, о чем он совершенно не жалел. Нет, с тех пор жизнь стала легче и веселей.

Первый помощник капитана вошел и отдал честь. В другой руке он держал большой желтый конверт. Капитан Рэпли приложил руку к козырьку, мрачно глянул на конверт. Конечно, на корабле забот хватало, но иной раз приходилось сталкиваться с проблемами совершенно иного рода.

— Мы вышли из территориальных вод Мексики, — доложил первый помощник Флинт.

— Полагаю, что да, иначе ты не принес бы мне этот чертов конверт.

— Спокойствие, Дейв, главное, спокойствие. Наше дело — исполнять приказы, а не задаваться вопросом, а почему они отданы. Хочешь, чтобы я вскрыл конверт?

Работа первого помощника состояла в том, чтобы подставить плечо под ту ношу, которую нес на себе капитан. У Флин-

та был капитанский сертификат, и он командовал «КЕ-2», когда Рэпли уезжал в отпуск. В открытом море он в самом тесном контакте работал с менеджером отеля, с тем чтобы обеспечить пассажирам максимум удобств. Большинство вопросов они решали сами. Капитана беспокоили лишь по самым серьезным. Как в случае с желтым конвертом.

— Проследи, чтобы в вахтенном журнале осталась соответствующая запись. — Капитан смотрел на конверт так, словно в нем находилась ядовитая змея. — Не люблю я, когда руководство вмешивается в вопросы управления кораблем.

— Согласен с тобой, — весело ответил первый помощник. — Но ты должен признать, что нашу старушку содержат пассажиры... поэтому иной раз приходится идти им навстречу. — Он достал из конверта лист бумаги и передал капитану, даже мельком не взглянув на него. Рэпли быстро прочитал текст, брови его озабоченно сошлись у переносицы. Потом он пренебрежительно фыркнул, вернул бумагу первому помощнику и вновь уставился в океанскую гладь.

— Полный идиотизм. Уж не знаю, о чем они там думают.

— Как бы срубить лишний фунт, — ответил Флинт, читая письмо. — Раз замешана дипломатия, значит, можно требовать дополнительное вознаграждение за дополнительные услуги. Да еще получить хорошую прессу, а в долговременной перспективе новые заказы. — Дочитав письмо, он оценивающе оглядел океан, точно так же, как несколькими мгновениями раньше оглядывал его капитан.

— Тошнит меня от всех этих шпионских выкрутасов, — вздохнул капитан Рэпли. — Высокопоставленные государственные чиновники с дипломатическими паспортами... всемерное содействие... гидроплан уже в воздухе и ждет сигнала на приводнение в районе с оговоренными координатами, откуда пассажиров следует доставить на борт лайнера! Я никогда о таком не слышал.

— И хорошо. Остальным пассажирам это зрелище понравится.

Они сделают фотографии, будут показывать их родственникам и знакомым. Пассажиры падки на новые развлечения.

— Ерунда. А вдруг что-то случится? Посадка в такую погоду чревата опасностью. Ты же это понимаешь.

Первый помощник улыбнулся.

— Да перестань, Дейв. Очень уж близко к сердцу ты прини-

маешь безопасность пассажиров. Во время войны ты бы воспринял посадку гидросамолета в таких погодных условиях как само собой разумеющееся. Ветер семь узлов, длинные волны, сесть между ними — пара пустяков, видимость как минимум миля. Все, как надо. Так что скажешь?

Капитан Рэпли надолго задумался, а потом улыбнулся.

— Посылай сигнал. Пока они не поднялись на борт — я за них не отвечаю. А если какой-то недоумок-пилот разобьет свой самолет при посадке в том районе, где находится мой корабль, я тут ни при чем.

— Вот это разговор! Пусть садятся, и мы посмотрим, кого к нам занесло на этот раз.

— Только проследи, чтобы в вахтенный журнал занесли все мелочи. Время посылки сигнала, время прибытия, погодные условия — все. И с погодными условиями соблюдай максимальную точность, чтобы комар носа не подточил. Прикажи остановить двигатели. Я хочу, чтобы к их прибытию мы мягко покачивались на волнах.

Он барабанил пальцами по спинке кресла, пока не вернулся первый помощник.

— Они летят, — доложил он.

— Опусти на воду бортовой трап и пошли за ними катер номер один. Проследи за всем сам, чтобы не было накладок.

Капитан умыл руки. С этого момента превратился в зрителя, как и многие пассажиры, прилипшие к иллюминаторам или, несмотря на дождь, высыпавшие на палубы, чтобы понаблюдать за необычным зрелищем. Из облаков появился большой четырехмоторный гидроплан, прошел над кораблем, возможно, по флагам хотел определить направление ветра. Мерно гудели двигатели, на белой обшивке виднелись темные пятна. Потом развернулся по широкой дуге, опускаясь все ниже.

И, наконец, приводнился, в фонтанах белой пены. К гидроплану уже несся катер. В сильный бинокль капитан наблюдал, как в корпусе гидроплана открылся люк и шесть человек один за другим осторожно спустились на катер. Капитан тут же приказал изолировать от других пассажиров ближайший к трапу лифт, чтобы вновь прибывшие могли без задержки подняться в свои каюты. Он не знал, что это за люди, но резонно полагал, что они не жаждут общения с посторонними. Капитан понимал, что, скорее всего, имеет дело с политическими деятелями Южной или Центральной Америки. И ничего хорошего сие не

сулило. Как и все, связанное с политикой. Капитан, бывший военный моряк, с давних пор недолюбливал политиков, которые видели смысл своего существования в том, чтобы помешать флоту выполнить поставленные перед ним задачи.

Их столик на двоих находился у иллюминатора, поэтому Хэнк и Френсис видели, как приводнился гидроплан, как капитан принял на борт шесть пассажиров и, вернувшись к лайнеру, исчез из виду, причалив к расположенному ниже трапу.

— Даже не надо гадать, кто к нам пожаловал, — усмехнулся Хэнк.

Френсис согласно кивнула.

— Главы суверенных государств. Итак, все участники на сцене. Мне все еще трудно поверить, что я тоже попала в эту пьесу. Несколько недель назад я думала, что Парагвай и Уругвай — пара комиков, а нацисты — персонажи старых черно-белых фильмов, которые иногда показывают по телевизору. С тех пор я узнала много нового для себя.

— Если б ты знала, как я об этом сожалею. Не следовало мне втягивать тебя в эту...

— Нет, нет. — Она наклонилась вперед, взяла его руку в свои.

— Я не жалею. Просто для меня все это внове, и требуется время, чтобы привыкнуть. Я только сейчас начинаю осознавать, в каком изолированном мирке я жила. Я еще не готова благодарить тебя за то, что ты вывел меня из этого мирка... До сих пор мурашки бегут по коже, когда я думаю об этих тупамарос...

— Я их всех убью. Голыми руками.

Холодное спокойствие голоса Хэнка испугало ее больше, чем злость. Она понимала, что говорит он на полном серьезе. Она еще сильнее сжала его руку.

— Дорогой, я же не об этом. Не хочу, чтобы из-за меня у тебя появились новые проблемы. Их и так хватает. Как я и сказала, я еще не готова благодарить за то, что мне пришлось так быстро взрослеть, окунувшись в реальную жизнь. Столь внезапный переход дается болезненно. Но я это переживу... если ты будешь рядом. У меня такое ощущение, что потом я смогу куда острее ощущать радости жизни. Чай в «Фортнаме» в пять вечера позволит скоренько забыть всех этих людей.

— Вы уже покушали, мадам? — Рядом с ней возник официант. Хэнк полностью съел мексиканский винегрет с авокадо, она же отправила в рот разве что пару кусочков.

— Да, благодарю, сегодня мне не хочется есть. Пожалуйста, отмените заказ на горячее и принесите мне зеленый салат.

— Ты заморишь себя голодом, — покачал головой Хэнк, когда официант унес тарелки.

— Это вряд ли, любовь моя. В этом круизе мы слишком много ели. — Она похлопала себя по округлившемуся животу. — Я боюсь даже думать о том, сколько я набрала лишних фунтов.

— Я люблю каждую входящую в них унцию!

— Только на расстоянии, милый, до тех пор, пока эти головорезы не покинут наш номер. Мы должны их терпеть?

— Боюсь, что да. Но недолго. Мы можем оставаться в спальне и запира́ть дверь в гостиную. Пусть спят на диване, ковре, где угодно. Мне как-то без разницы.

— Только вспомни о них, а они уже тут как тут. Не моя ли подружка плывет между столиками?

Концепсьон Вальверде, войдя в «Королевский гриль», огляделась, увидела Хэнка и Френсис и направилась к их столику. Подойдя, выдавила из себя улыбку и кивнула.

— Вас ждут в каюте. Немедленно, — холодно сказала она.

Френсис ослепительно ей улыбнулась.

— Оставь нас в покое, сука... puta.

— В соседней каюте совещание. Вы нужны, чтобы включить подслушивающее устройство. — Она обращалась к Хэнку, полностью игнорируя Френсис. Повернулась и ушла, как только последнее слово слетело с губ.

— Как ты ее назвала? — спросил Хэнк.

— Puta. Проститутка. Самое худшее ругательство, которое я смогла вспомнить. Сегодня же возьму в библиотеке испанский словарь, чтобы получше подготовиться к нашей следующей встрече.

— Мне надо идти...

— Разумеется. И ты поймешь, если я засижусь над салатом и приду не скоро.

— Да. Поверь, я очень сожалею, что все так вышло. Я вернусь, как только смогу. Подожди меня за столиком, а если доешь салат раньше, за стойкой.

— Только не в «Королевском гриле». Здесь все очень уж чинно. Я буду в «Лидо».

— Хорошо. Постараюсь не задержаться.

«Обратного пути нет, — думал Хэнк, медленно шагая к своей каюте. — Просто нет. Мне-то что, я знал, на что шел. Но я соз-

нательно обманывал себя, полагая, что смогу взять в это путешествие Френсис и не допустить ее участия в этой истории. Должно быть, опять сработало подсознание: мне хотелось рассказать ей обо всем, но я боялся. Вот подсознательно я и выстроил ситуацию, когда ей пришлось самой выяснять, а чем я, собственно, занимаюсь. Или я зря валю все на Фрейда? Да и черт с ним, сделанного не вернешь». Он громко постучал в дверь собственной каюты, разозлился из-за того, что открыли ему не сразу. Наконец, между дверью и косяком появилась узкая щель, настороженный черный глаз оглядел его с головы до ног, прежде чем дверь распахнулась.

Хосеп, в наушниках, сидел рядом с магнитофоном. Узи, девушка и Леандро Диас сгрудились рядом. Остальные четверо тупамарос сидели вдоль стены. В воздухе висел табачный дым. Узи взглянул на вошедшего Хэнка, подозвал его взмахом руки.

— У них там вроде бы совещание. Пленка заканчивается. Надо быстро вставить новую.

— Как только лишние люди уйдут отсюда. Эти четверо здесь не нужны. Женщина тоже.

Хосеп, снявший один наушник, согласно кивнул, не обращая ни малейшего внимания на злость в голосе Хэнка. Отдал короткий приказ, тупамарос поднялись и гуськом прошли в спальню. Дисциплина в организации царила железная. Как только за ними закрылась дверь, Хэнк подошел к комоду, выдвинул нижний ящик, достал из-под лежащих там вещей кассету с чистой пленкой.

— Заменить ее сейчас? До того, как они доберутся до главного?

— Да, дельная мысль, — кивнул Узи. — Стресснер и двое его помощников заняли соседнюю каюту. Адмирал Маркес и его люди расположились в «суперлюксе» напротив. Пока все говорили на испанском. В основном жаловались на болтанку в воздухе. Им пришлось преодолевать грозовой фронт. У Стресснера морская болезнь, и он все жалеет себя. Сейчас пьет чистый джин, чтобы хоть как-то поправить здоровье.

— Никогда не слышал о таком лекарстве, — усмехнулся Хэнк.

— Заливает его баварским пивом. Такой вот тевтонский «ерш». Телефон звонил лишь однажды, и Стресснер отвечал на немецком. Говорил очень вежливо, обращаясь к собеседнику «герр доктор»...

— Так Вилгус на борту?

— Очень на это надеюсь. Мы, конечно, следили за посадкой в каждом порту, но они могли проскочить незамеченными. У нас есть только один фотоснимок Вилгуса, сделанный тридцать лет назад. Но, если доктор Иоахим Вилгус здесь, дело движется к развязке...

— Тихо, — подал голос Хосеп. — Он кому-то звонит. Говорит на английском. Просит торговцев оружием прийти немедленно и привести с собой эксперта.

— Отлично! — воскликнул Хэнк. — Они у нас в руках.

Даже суровый Хосеп позволил себе улыбнуться, согласно кивая.

До открытия совещания за перегородкой оставались считанные минуты.

ГЛАВА 16

— Еще стакан пива, Хосе, немедленно, ради бога, еще стакан пива. — Стресснер застонал, похлопал себя по круглому животу, рыгнул. Майор де Лайглесия щелкнул пальцами в сторону сержанта Прадера, который стоял около бара.

— Будет исполнено, генерал. — Майор передал приказ по инстанциям.

Прадера открыл бутылку, достал из морозилки пустую кружку, наполнил, на подносе подал Стресснеру. Генерал схватил ее, разом ополовинил, снова застонал.

— Придет ли когда-нибудь конец этому шторму?

Майор де Лайглесия изо всех сил старался успокоить своего главнокомандующего.

— Шторм, безусловно, скоро закончится. А корабль очень большой, на нем установлены огромные стабилизаторы, вы не почувствуете никакой качки.

— Заткнись. Налей джина.

Раздался резкий стук в дверь. Сержант Прадера отошел от бара, так, чтобы дверь оказалась у него на виду, достал американский армейский пистолет сорок пятого калибра. Это надежное, не раз проверенное в деле оружие дважды принесло ему титул чемпиона Парагвая по стрельбе.

— Кто там? — спросил де Лайглесия, взявшись за ручку двери.

— Хвоста.

Стресснер кивнул, и де Лайглесия открыл дверь. Сержант

Прадера убрал пистолет лишь после того, как убедился, что пришел именно чех. Торговцу оружием пришлось развернуться боком, чтобы втиснуться в дверь. Следом вошли Аурелия Ор-тикела и Хендрик Де Грут. Заговорил Хвоста лишь после того, как майор закрыл дверь:

— Это наш эксперт, Де Грут. Где камни?

Генерал Стресснер со стоном поднялся, повернулся спиной к Хвосте и ушел в спальню. Остановился у двери лишь для того, чтобы отдать приказ де Лайглесии.

— Скажи им, что следует делать. — И с треском захлопнул за собой дверь.

— Ваш генерал — свинья, — вырвалось у Аурелии. Хвоста взмахом руки остановил дальнейший поток слов.

— Где бриллианты? — повторил он.

— Есть определенные условия, — ответил де Лайглесия. — Ваш эксперт останется здесь, вы — нет. Он осмотрит камни и оценит их по текущей рыночной стоимости. Потом он уйдет. Вас вызовут, чтобы подписать документы.

— Больше задержек быть не должно. Мы и так ждали достаточно долго.

— Мы хотим завершить сделку как можно скорее. Но вы должны понимать, что получение такой крупной суммы сопряжено со сложными дипломатическими переговорами.

— Мне плевать на ваши переговоры, — ледяным тоном отрезал Хвоста. — На ваши игры у вас был почти год. Больше вы времени не получите. Скажите вашим начальникам, что у вас есть ровно двадцать четыре часа на подписание документов и оплату. Потом цена возрастет на пять процентов и будет возрастать на пять процентов за каждый день просрочки. Это понятно?

— Вы на такое не пойдете!

— Уже пошел. Вы знаете номер моей каюты. Де Грут, когда оцените все камни, зайдите ко мне с общей суммой. Я буду вас ждать.

— Да, мистер Хвоста. — Эксперт сохранял спокойствие. Он привык к тому, что эмоции начинали бить через край, когда дело касалось больших денег. Его общая сумма несколько не волновала, гонорар оставался неизменным. Он сел на стул у стены, тяжелый брифкейс поставил на пол рядом.

Как только торговцы оружием отбыли, де Лайглесия поспешил с докладом к генералу, закрыв за собой дверь, чтобы ни-

кто не подслушал их разговор. Сержант Прадера, как и голландец, сохранял полное спокойствие. Оба привыкли ждать. Ни один не двинулся с места до возвращения де Лайглесии.

— Бриллианты принесут с минуты на минуту. — Он нервно потер руки. Генерал воспринял новости без восторга. На кону стояли слишком большие деньги. Но де Лайглесия не решился выпить в одиночестве.

— Мистер Де Грут, не желаете что-нибудь выпить?

— Я не пью спиртное, когда работаю, — с сильным акцентом ответил голландец на английском. — Однако не отказался бы от стакана минеральной воды.

Сержант Прадера прекрасно понимал, чего хочется де Лайглесии, но и не подумал прийти к нему на помощь. Майор открыл бар, нашел бутылку «Перрье», наполнил стакан. Налил себе рома, выпил залпом, торопливо убрал стакан, потому что внезапно открылась дверь спальни и в гостиную всунулась голова Стресснера.

— Они идут. Отоприте дверь, но не открывайте ее. Никаких вопросов. Делайте все, что они скажут. Я подожду здесь, дайте мне знать, когда они уйдут. — И он скрылся за дверью.

Майор забыл про минеральную воду, поспешил к входной двери, повернул ключ в замке. Де Грут не успел напомнить ему про минералку. Процесс пошел. Едва Лайглесия повернулся спиной к двери, как позади него возник Фриц, проскользнувший в каюту из коридора. Что-то твердое уперлось де Лайглесии в бок. Молодой немец жил в «суперлюксе» не одну неделю и хорошо его знал. Прежде всего его взгляд остановился на Прадере.

— Сержант, кончиками пальцев выньте оружие и осторожно положите на пол.

— Он не понимает английского, — промямлил де Лайглесия и повторил приказ на испанском.

Сержант долго смотрел на незнакомца, прежде чем выполнил приказ. Медленно вынул пистолет из кобуры, осторожно положил на ковер. Убедившись, что других угроз в комнате нет, Фриц подтолкнул де Лайглесию вперед, а сам, обернувшись, бросил: «Порядок».

Вошел доктор Вилгус, в сопровождении своего телохранителя, Клауса, за ними — еще два немца помоложе, которые жили в «суперлюксе». Вилгус держал в руке черный кожаный чемоданчик. Холодно посмотрел на Де Грута, подождал, пока не закроют дверь.

— Вы будете оценивать стоимость бриллиантов?

— Да.

— Тогда приступайте.

Пятеро немцев в молчании наблюдали, как Де Грут, являя собой само спокойствие, подошел к столу, поставил на него свой брифкейс. Первым делом снял пиджак и аккуратно повесил на спинку стула. Потом открыл замки брифкейса, откинул крышку, достал кварцевые весы с электронной шкалой, сильную лампу с фокусирующими линзами, кусок белой материи, который осторожно развернул, лупу ювелира, пинцет, калькулятор с печатающим устройством и разложил их в удобном для него порядке. Покончив с этим, повернулся к Вилгусу.

— Показывайте камни.

Вилгус подошел к столу.

— Они здесь. — Он указал на чемоданчик. — В отдельных мешочках. У нас есть перечень бриллиантов, лежащих в каждом. Вы будете осматривать и оценивать каждый камень и вести учет по номерам мешочков. Понятно?

— Разумеется. Если вам так угодно.

Только Фриц не следил за происходящим у стола. Он поднял с ковра пистолет Прадеры, сел у стены, положив его на колени, и наблюдал за дверью и латиноамериканцами, которые находились в комнате.

Де Грут поставил открытый чемоданчик на пол, наклонился и взял первый замшевый мешочек. И немцы, кроме Фрица, и латиноамериканцы пристально следили за каждым его движением. Он поставил мешочек на белую материю, посмотрел на бирку.

— Номер 178-Джи, — объявил он.

Вилгус достал из кармана маленький блокнот с отрывными листками, раскрыл его. Поставил галочку ручкой с золотым пером.

— Очень хорошо. Продолжайте.

Де Грут развязал кожаную тесемку и осторожно высыпал камни на материю. Под ярким светом лампы они заискрились всеми цветами радуги.

— Семнадцать камней.

Вилгус согласно кивнул и поставил еще одну галочку.

Как выяснилось, работа у Де Грута медленная и монотонная. Каждый камень протирался, потом тщательно взвешивался и заносился в список, который вел Де Грут. После этого он

осматривал камень через лупу и, лишь всесторонне оценив цвет, качество и огранку бриллианта, набирал на калькуляторе соответствующее число. Потом убирал камень в мешочек и переходил к следующему.

Только раз Де Грут отклонился от заведенного им же порядка. В одном из камней ему что-то не понравилось, поэтому он достал из своего объемистого брifleйса микроскоп и через него осмотрел бриллиант. Развевая возникшие сомнения, он удовлетворенно кивнул и ввел в калькулятор стоимость камня.

— Что не так? — спросил Вилгус.

— Все так. Просто у этого камня есть дефект. Маленький, но дефект.

— Укажите его в моем списке. — Вилгус положил блокнот на стол, ткнув пальцем в раскрытую страницу. Де Грут медленно прошелся взглядом по странице, указал.

— Вот этот.

— И сколько стоит этот камень? — спросил Вилгус.

— Максимальная цена, при одиночной продаже, три тысячи долларов. Не больше.

— Такого просто не может быть. Несколько лет назад я заплатил за него десять тысяч, приобрел камень у известного дилера.

— Вас обманули. — Де Грут взял следующий камень, посмотрел его на просвет. — Я не ошибаюсь. Поэтому мне платят такие высокие гонорары.

Прошел час, два, Де Грут продолжал свои манипуляции. Теперь за ними следил только Вилгус, помечая и мешочки, и камни. По прошествии третьего часа Де Грут положил лупу на белую материю, встал.

— Я прервусь на пять минут. Буду очень признателен, если мне дадут стакан холодной минеральной воды.

Он встал, потянулся, со стаканом в руке, изредка поднося его ко рту, прошелся по комнате. Вилгус по-прежнему сидел за столом. Ровно через пять минут Де Грут вернулся к работе.

К вечеру он проверил последний камень, с той же обстоятельностью и неторопливостью, как и любой другой, убрал в замшевый мешочек. Завязал его и положил к остальным. Ввел в калькулятор последнее число.

— Подведите итог и дайте мне сумму, — приказал Вилгус. — Вслух не произносите, запишите вот на этом листке. Потом все

распечатайте и сотрите эти сведения из памяти калькулятора. Это понятно?

— Разумеется.

Де Грут в точности выполнил указания, не упомянув, правда, о том, что, вернувшись в свою каюту, собирался записать и общую сумму, и стоимость каждого камня в каждом из замшевых мешочков. Память на деньги и бриллианты у него была феноменальная. Он также оставлял у себя описание самых необычных камней. И с интересом ждал новой встречи с ними.

Вилгус убрал блокнот, долго изучал распечатку.

— Какова точность вашей оценки?

— Это те деньги, которые я бы получил, если бы выставил эти камни на продажу. Но это средняя цена. Если бы я продавал их по одному, на это ушло бы несколько месяцев, но я бы взял более высокую цену. Если продавать их быстро и оптом, цена будет ниже. Я даю среднюю цену.

Ответ устроил Вилгуса. Он согласно кивнул.

— Хорошо. Можете идти. И повторите вашему руководству то же, что сказали мне. Полагаю, вы сможете описать им и качество, и стоимость камней. — Он давно занимался покупкой бриллиантов, поэтому способности оценщиков не были для него тайной.

Де Грут кивнул, не спеша убрал выложенные на стол вещи в брифкейс. Надел пиджак и молча вышел. Вилгус подождал, пока за ним запрут дверь.

— Майор, позовите генерала, — приказал он. — Солдат, откройте шампанское.

Парагвайцы торопливо повиновались. Несколько минут спустя появился Стресснер, с опухшими глазами, должно быть, спал, но уже без признаков морской болезни.

— Герр доктор Вилгус, как я рад новой встрече с вами, — говорил он по-немецки с сильным баварским акцентом. Пospешил к нему, взял его руку в свои. — Я вижу, шампанское уже открыли, прекрасная идея. Как я понимаю, нам есть что отпраздновать?

— У нас деловое совещание, генерал, а не праздник. Мне захотелось пить. Вот стоимость всех бриллиантов.

Стресснер поставил стакан, достал из нагрудного кармана очки, поднес к глазам, чтобы разглядеть число.

— Однако. Мы же уговаривались на меньшую сумму.

— Все так. Но рыночная стоимость бриллиантов росла быст-

рее, чем я рассчитывал. Поэтому лишние камни останутся у меня.

— Значит, наши планы будут реализованы?

— Да, при условии, что мы подпишем все необходимые документы. Пока мы имели дело лишь с вашими представителями. Теперь необходимо утрясти последние детали, убедиться, что достигнуто полное взаимопонимание. Не забывайте, это долговременный проект, рассчитанный на десятилетия, в котором задействовано много людей. Мы должны учесть все. В документах, под которыми будут стоять наши подписи.

— Разумеется, я понимаю. Сейчас пошлю за адмиралом Маркесом. Документы готовы? Хорошо. Мы придем к общему мнению, подпишем их, а потом выпьем шампанского, чтобы отпраздновать светлое будущее наших стран.

— Давайте его сюда. День выдался длинным.

ГЛАВА 17

Доктор Иоахим Вилгус оглядывал людей, собравшихся за столом, маленькими глотками пил шампанское и думал о том, что впервые за долгое время его переполняет ощущение безграничной власти, которое так грело ему душу. Для него это было ни с чем не сравнимое чувство. Он иной раз еще просил привести ему женщину, но мимолетные плотские удовольствия, сравнимые с хорошим обедом и доброй выпивкой, не могли идти ни в какое сравнение с тем чувством глубокого удовлетворения, которое приносила ему работа. Он забывал про усталость, мог не есть и не пить, но оставался бодрым и энергичным. Такое случалось с ним лишь во время войны. Тогда под его началом сосредоточились сотни заводов и лагерей, судьбы многих тысяч рабочих определялись принятыми им решениями. Заводы продолжали работать, военная машина Великой Германии функционировала, и заслуга в этом принадлежала Иоахиму Вилгусу.

А теперь он сотворил еще одно экономическое и военное чудо. Судьбы его товарищей стояли на карте, не говоря уже о судьбах и будущем двух независимых государств с миллионами их жителей. Больше года он претворял свои планы в жизнь, больше года работал не покладая рук, наслаждаясь каждым днем, часом, минутой. И теперь вышел на финишную прямую.

Осталось лишь скрепить подписями сделку, венчающую его карьеру.

Они ждали, пока он заговорит, ждали, не произнося ни слова, понимая, кто в доме хозяин. Он растягивал момент славы, купаясь в ее лучах. Сначала отпил шампанского, потом из серебряного футляра достал длинную гаванскую сигару. Ножничками, висевшими на цепочке для часов, аккуратно срезал кончик. Майор поспешил с зажигалкой. Какая там у него фамилия? Де Лайглесия. Единственный присутствующий слуга. Полностью контролируемый и управляемый.

Кроме него, за столом сидели четверо. Эйтманн и Хартиг, верные друзья и помощники. Хорошие, многократно проверенные люди, готовые без вопросов выполнить любой приказ. Они служили ему много лет, и их всех еще ждали великие дела.

И двое карикатурных диктаторов. С какой швалью ему приходилось работать! Стресснер, потомок пивовара, вечно потеющий, пьющий чистый джин, словно крестьянин, каким он, собственно, и был. Но при этом абсолютный правитель Парагвая. Однако никудышный человеческий материал. Оставалось разве что опираться на высказывание этого еврея-президента Рузвельта. Как-то раз ему пожаловались, что один из южноамериканских диктаторов форменный сукин сын. Согласен, ответил он, но это наш сукин сын. Как точно подмечено. Должно быть, президент где-то подслушал эту фразу.

Рядом со Стресснером сидел еще один принадлежащий ему сукин сын. Садист и язвенник, однорукий адмирал Маркес, лидер военной хунты, которая правила Уругваем. Тоже слизняк... но знал, как выполнять приказы.

А время отдавать приказы пришло. Вилгус выпустил струю ароматного дыма, произнес громко и отчетливо: «Совещание считаю открытым». Остальные едва не вскочили, вытянувшись по стойке «смирно». Другого Вилгус от них и не ожидал.

— Это знаменательный день, господа, действительно знаменательный. День, который даст гарантии того, что в обозримом будущем военная власть в Парагвае и Уругвае останется несокрушимой, а мои товарищи по Брундербунду смогут, наконец, обрести счастье и личную безопасность. Я хочу, чтобы лидеры этих двух стран абсолютно точно знали, откуда взялись средства на покупку столь необходимого им оружия.

Я известен вам как международный финансист, интересы которого охватывают весь мир, и это правда. Но я управляю не

только своими деньгами. Значительная часть средств, которые я инвестирую и контролирую, доверена мне моими немецкими товарищами. Преданный евреями дома и за рубежом, получив вероломный удар ножом в спину от коммунистов, Третий рейх был поставлен на колени. Он не сдался, победить его не удалось, у него осталась надежда на возрождение, но тем не менее на тот момент он потерпел серьезное поражение. Несмотря на все, и тогда нашлись люди, которые смогли заглянуть далеко вперед, поняли, что будущее Германии можно обеспечить только одним путем: уберечь от разграбления богатства страны. И я счастлив тем, что именно мне поручили сохранение большей части национального богатства. Мне пришлось нелегко, но я справился с порученным делом. Не буду утруждать вас подробностями, но скажу, задача передо мной стояла архисложная, и, наверное, я бы не справился, если бы мне не помогали двое моих верных друзей. Следовало распродать, не вызывая подозрений, дорогие картины, драгоценности, золото, редкие книги. Все это заняло много времени, но мы довели дело до конца. Часть средств пошла на каждодневную поддержку нашего движения. Вновь не буду углубляться в детали. На значительную часть денег мы приобрели бриллианты. Товар, который только растет в цене. И сегодня правильность моих действий подтверждается тем, что мы сидим за этим столом.

Все взгляды скрестились на чемоданчике с бриллиантами. Вилгус глубоко затынулся, прежде чем продолжить.

— В чемоданчике бриллианты стоимостью в миллионы и миллионы долларов. Их более чем достаточно для того, чтобы купить груз оружия, которое обеспечит безопасность двух ваших стран на следующее десятилетие. Вы оба знаете условия получения этого займа, но я хочу повторить их в присутствии вас обоих, а потом выслушать замечания, если они имеются. Потом мы подпишем подготовленное мною соглашение и завершим сделку с торговцами оружием.

Условия следующие. Одна десятая часть общей суммы будет выплачиваться вашими государствами каждый год. В национальной валюте, по текущему на тот момент курсу, гуарани в Парагвае и песо в Уругвае. Вы понимаете, что только это условие имеет первостепенное значение для экономики ваших стран, потому что, во-первых, заем получается беспроцентный, а во-вторых, вам не придется аккумулировать для выплат твердую валюту. —

Вилгус отпил шампанского под благодарные реплики национальных лидеров.

— Итак, понятно, что получают ваши страны. Для нас соглашение выгодно тем, что многим нашим товарищам будет обеспечена гораздо большая безопасность. По нашей рекомендации они будут незамедлительно получать гражданство ваших стран и паспорт на любую выбранную ими фамилию. Все их расходы будут оплачиваться из тех денег, которые ваши министерства финансов будут выделять на выплаты по выделенному нами займу на закупку оружия. Простая и взаимовыгодная процедура. Новые граждане также смогут принести немало пользы своими опытом и советами в управлении государством. Они многое знают и умеют. В Уругвае, где часть наших товарищей работает в государственных учреждениях, уже по достоинству оценили их потенциал. При этом, войдя в состав административного аппарата, эти добропорядочные немцы возьмут на себя все хлопоты, связанные с выплатой долга. Можно гарантировать, что они не упустят ни одной мелочи. Для того чтобы руководить выплатами новым гражданам, я направляю к вам моих лучших специалистов. Полковник Манфред Хартиг отправится с вами, адмирал, в Уругвай. С вашего согласия он получит пост заместителя министра финансов и будет заниматься выплатами. Герр Карл-Хейнц Эйтманн получит ту же должность в Парагвае. Вот, пожалуй, и все. Есть вопросы?

Адмиралу Маркесу условия не нравились, но он так и не смог найти способа выторговать лучшие.

— Ваши люди... в наших учреждениях. Могут возникнуть трудности. К примеру, языковой барьер...

— Это не проблема, адмирал, — отмахнулся Вилгус. — Назначенные мною люди последние тридцать лет жили в Центральной и Южной Америке. Заверяю вас, они прекрасно говорят на испанском.

— Дело не только в языке, но и в должностях. Чиновники будут роптать, если начнутся увольнения.

— Вы меня утомляете, адмирал. Новые структуры будут создаваться в параллель с вашими уже действующими департаментами и оплачиваться из другого фонда. Об этом все написано в соглашении.

— Принесите мне выпить. Вина, — приказал адмирал Маркес де Лайглесии. Все это он, конечно, знал. Но уж больно не хотелось отдавать новую частицу власти этим нацистам. Да,

они помогали ему удержаться на вершине... но все равно не хотелось. Он выпил вина, чтобы заглушить горечь пилюли, которую предстояло принять.

А вот генерала Стресснера подобные мелочи не беспокоили. Немец по происхождению, он с распростертыми объятиями приглашал к себе братьев по крови. Половина бюджета Парагвая уже шла на нужды военных, которые полностью контролировали деятельность государства. Мятежники сидели в тюрьмах, лежали на кладбищах или бежали за границу, профсоюзы он раздавил, прессу контролировал. Ему ничего не грозило... при условии, что армия не будет испытывать недостатка в оружии и деньгах. Соглашение с Вилгусом гарантировало, что в ближайшие десять лет дефицита ни первого, ни второго не возникнет. Но его прекрасное настроение внезапно омрачил резкий крен корабля. Правда, лайнер тут же выровнялся.

— Вы почувствовали? — спросил он. — Вроде бы корабль снабжен какими-то штуками, которые не должны такого допускать. Я думал, нас не будет качать.

— Стабилизаторы, — уточнил полковник Хартиг. — Пластины, которые выдвигаются из корпуса ниже ватерлинии. Эффективны только при незначительном волнении. Синоптики же обещают тропический шторм.

— Есть еще замечания? — спросил Вилгус.

Не нашлось. Детали соглашения утрясали несколько последних месяцев и учли все, что могли. Стресснер пожал плечами. Маркес молча пил вино.

— Тогда, если налицо полное единодушие, пора подписываться. Полковник Хартиг, будьте любезны.

Хартиг поднял с пола тонкий брифкейс, который стоял у его стула, положил на стол, открыл. Достал три папки.

— У меня три идентичные копии соглашения, — начал он. — Одну я даю вам, генерал Стресснер, вторую вам, адмирал Маркес. Будьте так любезны, откройте их на первой странице. Я зачитаю свой текст, чтобы мы все были абсолютно уверены в том, что разночтений нет.

Полковник начал зачитывать пункт за пунктом, генерал и адмирал согласно кивали. Много времени это не заняло. Закончив, Хартиг посмотрел на генерала, адмирала. Оба молчали.

— Как я понимаю, вы со всем согласны, господа. Будьте так любезны, отнесите ваши экземпляры на письменный стол, где мы их все и подпишем. Как вы видите, я взял на себя смелость

поставить на всех трех копиях сегодняшнее число. Доктор Вилгус, вас не затруднит расписаться первым?

— Отнюдь.

Перо его ручки скрипнуло раз, другой, третий, и он отступил от стола. Следом расписались Стресснер и Маркес, и каждый получил по подписанному экземпляру. Стресснер покачал головой, восхищенно поцокал языком.

— Отлично! Отлично! Теперь остается лишь обменять бриллианты на корабль с оружием.

— Да, — кивнул Вилгус, — но завтра. Уже первый час ночи, и с берегом сложно связаться по радио. Утром продолжим. Я сообщу чеху, что мы ждем его здесь ровно в десять. — Он снял телефонную трубку, набрал номер, отдал короткий приказ и положил трубку на рычаг. Через минуту в дверь постучали. — Мои телохранители прибыли. Спокойной вам ночи.

Подхватив чемоданчик с бриллиантами, Вилгус открыл дверь и вышел.

* * *

Громыкнула дверь соседнего «суперлюкса», и в каюте Гринстайнов повисла тишина. Четверо мужчин сидели, наклонившись к магнитофону, жадно ловили каждое слово. Удар двери о косяк положил конец совещанию за стеной и где-то снял напряжение.

Израильтянин Узи Дрезнер тряхнул головой, словно вынул ее из-под струи холодной воды. Хэнк Гринстайн протянул руку, выключил звук, но оставил запись.

— Грязные, грязные мерзавцы, — пробормотал он, возможно, и не подозревая, что озвучивает свои мысли.

— В самую точку. — Леандро Диас задумчиво потер подбородок. — Это же надо. Вот так просто отдать мою страну этой свинье. Никогда бы не поверил, если б не слышал собственными ушами.

Только лидера «Тупамаро», похоже, не тронуло случившееся. Выражение его лица нисколько не изменилось. Он достал сигарету, закурил. Он уже посвятил жизнь борьбе с продажным режимом. И соглашение, подписанное адмиралом Маркесом, ни на йоту не увеличило его решимости довести начатое дело до конца. Нельзя нарисовать дьявола более черным, чем он есть.

— Они отдали себя в наши руки. — Хосеп выпустил струю дыма. — Они подписали себе приговор.

— Хосеп прав. — Узи встал, потянулся, прошелся по комнате, разминая затекшие мускулы. — Мы всегда знали, с кем имеем дело. Прочтите «Мою борьбу» Гитлера, написанную более сорока лет назад, и вы найдете в ней ту же антисемитскую мерзость, которую сейчас распространяет Вилгус. Но теперь они у нас в руках, все до единого. Они зашли слишком далеко. Вы понимаете, что за всем этим стоят куда более честолюбивые, далеко идущие планы, чем покупка оружия, которое продлит существование двум диктаторам?

Теперь они все смотрели на него. Даже Хосеп. Для него и Диаса конечной целью являлось освобождение их стран от диктатуры. Дальше они не заглядывали. Вопрос Узи поставил в тупик и Хэнка.

— Какие планы? — переспросил он. — Вроде бы налицо довольно-таки простая сделка: деньги в обмен на безопасное убежище. Разве не так?

— Отнюдь, — покачал головой Узи. — Несколько минут назад нам рассказали о попытке создания надежной базы, опираясь на которую будет построен Четвертый рейх.

— Это безумие, — выдохнул Хэнк.

— Возможно. Но кто сказал, что они откажутся от такой попытки. Единственный враг этих начальников концентрационных лагерей и эсэсовских шишек — возраст. Денег у них немаловато, они в безопасности. Вилгус и Брундербунд об этом заботятся. Но они умирают, один за другим. Старческий маразм, смерть и скука — вот их главные враги. Более тридцати лет прошло со времени их славы. Если они хотят, чтобы эти дни вернулись, им необходима надежная база для построения Четвертого рейха, о чем они всегда говорили. Теперь они получили эту базу. Уругвай и Парагвай. Они придут в эти страны как советники, но через десять лет будут полностью их контролировать. Наконец-то у них появится родина. Они богаты, умны, злопамятны... и мы живем в век атомной бомбы. Если их планы осуществляются, через десять лет в Южной Америке возникнет Четвертый рейх. Который будет добиваться своего, шантажируя весь мир атомной угрозой. И нам придется подчиниться его требованиям, любым требованиям, чтобы избежать ядерной катастрофы.

Хэнк и Диас в ужасе взирали на Узи, Хосеп согласно кивнул.

— Думаю, ты прав. А если так, мы тем более должны объединить наши усилия, чтобы ликвидировать угрозу. Покончить с их планом до того, как он начнет реализовываться. Мы заберем у них бриллианты и постараемся захватить корабль с оружием. Беремся за это?

Он обвел взглядом мужчин, которые молча, один за другим кивнули.

— Очень хорошо. Встретимся здесь утром, чтобы послушать детали обмена. Потом нанесем удар. Убьем всех, кто окажет сопротивление. Я надеюсь, на этот счет вас не будет мучить совесть?

Дверь открылась, в каюту, покачиваясь, вошла Френсис.

— Господи, я прождала в этом чертовом баре весь вечер. Должно быть, ты про меня совсем забыл.

Хэнк вскочил, захлопнул дверь, потянулся к Френсис, но она оттолкнула его руки.

— Я просто не мог уйти, — пролепетал он. — Не было возможности...

— Да ладно, — опираясь о стену, она двинулась к двери в спальню. — Нашла очень милого мужчину. Покупал мне выпивку. Был гораздо любезнее, чем ты. И говорил не об оружии и убийствах. — Она открыла дверь спальни, заглянула. — Господи! Да тут у нас целое общежитие! Кто-нибудь вышвырнет этих бродяг и перестелет кровать, чтобы я могла поспать?

— Ваши люди проведут ночь в гостиной, — сказал Хэнк Хосепу.

— Я бы отлупил ее, чтобы впредь она не напивалась и не говорила с мужем в таком тоне, — ответил тупамарос.

— Вас не затруднит заниматься своими гребаными делами и увести из спальни своих людей, а потом убраться самому до завтрашнего утра? Уж больно длинным выдался день.

Он стоял перед Хосепом, сжав кулаки, в надежде, что тот попытается ударить его. Но уругваец повернулся и вышел из каюты. Остальные последовали за ним. Хэнк смотрел в их спины и горько сожалел о том дне, когда впутался в эту историю.

ГЛАВА 18

С мостика «КЕ-2» Тихий океан выглядел каким угодно, но только не тихим. Волны размером с горы с завидным постоянством накатывали с правого борта, обрушивались на громад-

ный лайнер, разбивались о его носовую часть. Зеленая вода бежала по баку, скапливалась у планширей, через шпигаты стекала обратно. Тропический ливень смешивался с морской водой. Сильнейший ветер взбивал в пену гребни волн. Корабль поднимался, встречая каждую подходящую к нему волну, покачивался, подрагивал и вновь падал вниз. Стабилизаторы ничем не могли помочь в этой неравной битве.

Капитан Рэпли смотрел на разбушевавшийся океан, и зрелище это совершенно его не радовало. Кофе остыл, но он этого не замечал, продолжал пить маленькими глотками. Здесь, на самой верхней палубе судна, качало особенно сильно. Капитан не замечал и этого. Он относился к той редкой категории моряков, которые могли честно сказать, что никогда не испытывали морской болезни. Он сочувствовал людям, которые страдали от этой напасти, но не до конца осознавал, каким они подвергались мучениям. Нет, шторм капитана несколько не беспокоил, он не представлял никакой угрозы его кораблю. Да, на камбузе несколько кастрюль могли свалиться с плиты на пол, да, с какой-то полки могли упасть и разбиться тарелки и стаканы, но шторм, каким бы грозным он ни казался, не мог взять верх над огромным лайнером. Он попадал и не в такие передряги.

Кому доставалось от шторма, так это пассажирам. Капитан, выйдя в отставку, достаточно долго прослужил в торговом флоте, чтобы несколько перестроить сложившуюся у него шкалу приоритетов. В военно-морском флоте на первом месте всегда стояла сложная боевая машина, которой он командовал. Все ее технические компоненты следовало содержать в постоянной боеготовности. Двигатели, электронное оборудование, пушки, торпеды, мины — капитан стремился отладить этот механизм, чтобы напрочь исключить сбой. К сожалению, в дело вмешивался человеческий фактор. Люди заболевали, напивались, опаздывали из увольнительных, в общем, всячески мешали идеальному функционированию вверенного ему корабля. По-другому быть не могло, и со временем он к этому приспособился.

Здесь, на «КЕ-2», приоритеты пришлось сменить. Да, экипаж выполнял его команды, и капитан мог рассчитывать на то, что они обеспечат работу всех систем лайнера. Но теперь его миссия состояла не в том, чтобы участвовать в сражениях и выигрывать войны. Задача перед ним ставилась иная: обеспечить райскую жизнь тысяче шестистам пассажирам. Возможно, не такая благородная, как уничтожение врага, но не менее важная

для достижения успеха в его нынешней жизни. И пассажиры имели право на эту самую райскую жизнь. Они заплатили большие деньги за кругосветный круиз. Круиз продолжался, да только из рая их вышвырнули в ад, где им и предстояло пребывать до окончания шторма.

Нижние палубы окутали печаль и тоска. За завтраком рестораны пустовали. Лишь несколько человек сидели за столиками, с аппетитом уплетая принесенные яства. Большинство пассажиров оставались в каютах. Есть хотелось немногим, да и те просили стюардов принести чай и гренки.

В «Королевском гриле» Хэнк и Френсис в гордом одиночестве сидели за своим столиком у иллюминатора. Хэнк залпом выпил стакан апельсинового сока, потом пригубил кофе. Все это время он думал, как начать разговор. Утро выдалось очень уж молчаливым. Из-за качки оба спали плохо, а когда свет нового дня начал пробиваться сквозь шторы, окончательно проснулись и больше уже не смогли заснуть. О тупамарос они не говорили, но остро чувствовали их присутствие в соседней комнате. Наконец, Френсис откинула одеяло, поднялась, начала громыхать ящиками, доставая одежду. Взяв все необходимое, скрылась в ванной, с треском захлопнув за собой дверь. Вернувшись в спальню в слаксах и легком свитере, с повязанным на голове шарфом, она ничего не сказала Хэнку, более того, вела себя так, словно он стал невидимым. Хэнк прошел в ванную, с удовольствием постоял под горячим душем, потом на несколько секунд включил холодный... В спальне Френсис он уже не застал.

Быстро оделся и отправился на ее поиски. В гостиной трое тупамарос спали, но четвертый сидел на диване, не сводя с него глаз. На коленях лежал большой пистолет. Хэнк молча открыл входную дверь и выскользнул в коридор.

Потеряться на корабле невозможно, даже на таком большом лайнере, как «КЕ-2». Хэнк нашел Френсис с первой попытки, за их столиком в «Королевском гриле». Она завтракала большим стаканом минералки с привкусом лимона.

Его радостное: «С добрым утром» — вызвало лишь легкое подрагивание ноздрей, словно она внезапно ощутила какой-то крайне неприятный запах. Зная, что без плотного завтрака он сам не свой, Хэнк не стал продолжать столь неудачно начавшийся разговор до еды. Его желудок урчал от голода, и только

тут он вспомнил, сколь давно ел в последний раз. Официант записал заказ, торопливо отошел.

Вновь они сидели молча. Тишину нарушало лишь звяканье посуды и столовых приборов, вызванное качкой. Наконец, к радости Хэнка, принесли еду, и он с аппетитом набросился на яичницу с двойной порцией бекона, маленький стейк, оладьи, гренки и рогалики. Френсис допила минералку, посмотрела на его тарелку и побледнела. Хэнк так энергично работал челюстями, что она больше не могла сдерживаться, хотя и зареклась разговаривать с ним.

— Господи... Как ты можешь? Корабль тонет, все лежат пластом или блюют, а ты поглощаешь еду в таком количестве, что вьетнамской семье ее хватило бы на год. Неужели такое возможно?

— Я проголодался, — со всей серьезностью ответил Хэнк.

У Френсис отвисла челюсть... и распиравшая ее злость бесследно исчезла. Она рассмеялась. Взяла его руку в свои. Свободную, левую. Потому что правой он по-прежнему отправлял содержимое тарелки в рот.

— Я ужасно себя чувствую. И мне стыдно за вчерашнее.

— Тебе надо что-нибудь съесть.

— Да. А потом мгновенно умереть. Лучше выпью еще стакан минералки со льдом. Причина не в качке. Я плаваю с детства и не помню, чтобы страдала морской болезнью. Все дело в «александерах» с коньяком. Не следовало мне болтать со шведом, который покупал «александеры» с коньяком. Он-то думал только об одном. Он много говорил о своей работе, вроде бы он большая шишка в издательском мире, но на самом деле ему хотелось уложить меня в постель. Он даже перешел от намеков к делу, ущипнув меня за зад. У него не руки, а клешни. Возможно, он сам не знает, какой он сильный, синяк останется. Зато я мгновенно протрезвела. Притащилась в каюту и устроила представление. Извини.

— Тебе не за что извиняться. И ты имеешь полное право на плохое самочувствие. Но при случае ты укажи своему скандинаву, что сначала я изобью его в кровь, а потом вышвырну за борт.

— Мой герой! Нет, я сама виновата в том, что позволила ему угощать меня. Мне хотелось отвлечься от того, что творилось в нашей каюте. Но я знала, что не получится. Извини... и на этом мы перестанем извиняться друг перед другом. Ты — за то, что

втянул меня в эту историю. Я — за свое поведение. На извинениях поставлена точка. Случилось что-нибудь важное?

Хэнк вытер губы, откинулся на спинку стула, довольным взглядом окинул пустую тарелку.

— Не просто важное — практически невероятное.

— Так расскажи. После нескольких последних дней я повею чему угодно.

Френсис молчала, пока Хэнк рассказывал ей о деталях заключенного союза. Разве что глаза ее раскрывались все шире и шире, а однажды она даже ахнула. Хэнк ничего не оставил за кадром рассказа и о конечной цели нацистов, предугаданной Узи. Когда он закончил, она замотала головой, как после нокдауна. Слова Хэнка били, словно кулаки.

— И у тебя нет ни малейших сомнений, что все это — не чья-то злая шутка? — спросила она.

— Хотелось, чтобы были. Но мы все слышали собственными ушами... есть и запись. Мы поехали в круиз с тем, чтобы выслеживать военных преступников, но сами попали в зону боевых действий. Этих людей надо остановить прямо сейчас, до того, как они начнут реализовывать свои планы. Если мы потерпим неудачу и оружие попадет по назначению, через десять лет может начаться атомная война.

— Это невозможно.

— К сожалению, возможно. Мы читали о нацистах в наших учебниках по истории, но думали, что они канули в Лету, как Чингисхан и монгольские орды. И в этом ошибались. Мой отец воевал с ними, так же как и твой. И победа далась ой как нелегко. Если бы несколько сражений закончились иным исходом, немцы могли бы взять верх. У них было достаточно ресурсов и воли к победе. И сейчас мы плыли бы на «Адольфе Гитлере», а не на «Королеве Елизавете».

— Вот теперь ты мелешь чушь.

— Отнюдь, поверь мне. К счастью, история распорядилась иначе. Но пока многие из нацистских функционеров все еще живы. Они остались такими же злыми и честолюбивыми. Это тебе не горстка немощных стариков. Их отличает целеустремленность и решимость. Ради выполнения своих замыслов они перебили миллионы людей. Не только на фронтах, но и в концентрационных лагерях. А после того, как беспомощные узники умирали, они вышибали им зубы, чтобы снять золотые коронки, и продавали волосы, чтобы ими набивали матрасы.

Если ты мне не веришь, можешь спросить человека, который находится на борту нашего корабля. Герра доктора Иоахима Вилгуса. Он знает. Именно он организовывал сбор золотых коронок и волос...

Хэнк замолчал, поняв, что зашел слишком далеко. Френсис побледнела, как полотно, ее глаза наполнились слезами. Он взял ее руки в свои, поднес к губам, поцеловал.

— Я не хотел тебя расстраивать, но так уж вышло. Теперь ты знаешь, с кем мы имеем дело.

— Они слишком легко отдаются, если их просто убить...

— Нет, — мрачно возразил Хэнк. — Они заслуживают смерти. Их надо остановить, их просто необходимо убить. Без этих паразитов мир станет лучше. Извини, зря я так говорю. Со всем, как они. Но их надо остановить. — Он посмотрел на часы, быстро допил кофе. — Я должен возвращаться. Как только бриллианты перейдут из рук в руки, действовать придется быстро, и мы должны узнать, где находится корабль с оружием и как на него попасть. И еще. Ты должна пообещать, что сегодня не будешь заходить в нашу каюту.

— Не многого ли ты просишь?

— Нет, если ты будешь думать, что наша каюта — поле битвы. У тебя есть пистолет? Ты убивала из него людей?

— Если ты думаешь, что тебе удалась шутка, то напрасно. — Френсис снова рассердилась, попыталась вырвать руку, но Хэнк держал ее крепко.

— Я не шучу. Я предельно серьезен. Если ты будешь там и начнется какая-то заварушка, я буду тревожиться о тебе, вместо того чтобы заниматься нужным делом. Ты понимаешь?

— Да. Но не можешь ли и ты остаться в стороне?

Хэнк покачал головой.

— Могу, но не хочу. Слишком много тупамарос участвуют в этом деле, а нас — мало. Боюсь, если они воспользуются привычными им методами, ситуация выйдет из-под контроля. О себе я позабочусь. Если буду знать, что ты в безопасности. Ты выполнишь мою просьбу?

Френсис улыбнулась.

— Дама с неохотой соглашается. Я пойду в сауну, чтобы выпарить алкоголь из моего организма, потом в парикмахерскую, днем — в кино. Дел мне хватит.

— Хорошо. Время от времени заглядывай в бар «Лидо». Я тоже буду туда заходить или звонить Сину. Договорились?

— Да. Удачи тебе, любовь моя.

В каюту Хэнк вернулся в девять утра, но остальные уже собрались. Они заказали кофе, Хэнку оставалось только гадать, что думает по этому поводу Роберт, стюард, воздух загустел от табачного дыма. В каюте остались только Хосеп, Диас и Узи, остальные тупамарос ушли.

— Мы начали действовать, — объяснил Узи. — Парагвайцам и тупамарос поручено следить за теми, кого не будет в соседнем «суперлюксе». Немцев, включая Вилгуса, шестеро. Их каюты под присмотром. У Стресснера и адмирала по два помощника, они же телохранители. Поскольку все они здесь, и мы должны держать главные силы неподалеку. Толстяк, Хвоста, также может представлять угрозу, как и сопровождающая его женщина. Мы думаем, что оценщик бриллиантов в боевых действиях принимать участия не будет.

Леандро Диас счел необходимым вмешаться:

— Есть еще один фактор, о котором вы должны знать. Я думаю, нам с этим повезло. Раньше я вам ничего не говорил, потому что малейшая утечка информации грозила этому человеку смертью. Вы знаете, что Стресснера сопровождает сержант, сержант Прадера. Так вот, он — наш агент.

— Ты в этом уверен? — спросил Хосеп.

— У меня нет ни малейших сомнений. Он поставлял нам всю информацию о готовящейся сделке. Его не подозревают, иначе он не попал бы на корабль.

— Это очень хорошая новость, — кивнул Узи.

— Не просто хорошая, отличная. — Хосеп прошелся по комнате. — Первый вопрос: он — боец?

— Лучший в армии.

— Прекрасно. Тогда его присутствие в стане врага стоит десяти наших людей. Второе, с ним необходимо связаться и передать, что он должен делать.

— Нет, — твердо возразил Диас. — Мы не можем подставлять его под удар. Малейшее подозрение, и его убьют. Мы можем лишь рассчитывать, что в решающий момент он правильно ориентируется. Твои люди должны знать о том, что он с нами. Чтобы его случайно не убили.

— Мне это не нравится, — рассердился Хосеп. — В такой операции все должны знать свой маневр. Если с ним не свяжутся, мои люди будут воспринимать его как врага...

— Достаточно, — оборвал его Узи. — Ты скажешь о нем сво-

им людям, Хосеп, ничего больше. Это понятно? Леандро, сержант знает, что мы здесь?

— Да, я попался ему на глаза, когда рядом не было других парагвайцев. Он кивнул. Он будет сражаться на нашей стороне, я уверен. Но мы не должны раскрывать его без крайней на то необходимости.

— Если мы сможем дать ему знать о том, что необходимо сделать, он сделает?

— Да, если будет уверен, что просьба исходит от нас. Для этого на контакт должен идти я.

— Хорошо. Будем держать этот вариант в запасе. Ты доволен, Хосеп? Скажешь своим людям, чтобы они не стреляли в сержанта Прадериу.

Хосеп закурил, коротко кивнул.

— Пусть будет так. Но мне это не нравится. Если будет подстава, если погибнут мои люди, умрет не только он.

— Это угроза? — теперь рассердился и Диас.

— Нет. Констатация факта. Мы не привыкли работать с кем-то еще. Нас слишком часто предавали, многие из нас погибли по вине других. Мы научились уничтожать тех, кто угрожает нашему движению, до того, как они могли бы уничтожить нас.

— Тогда с этим все ясно, — спокойно заявил Узи, пытаясь разрядить обстановку. — Вы оба правы. Мы найдем компромисс. Сержант будет считаться нашим человеком — на текущий момент. Но Диас воспользуется первой же представившейся возможностью, чтобы связаться с ним и ввести в курс дела. Договорились?

Хэнк с любопытством наблюдал, как Узи налаживает отношения между недоверчивыми союзниками, как держит их в узде. Но, должно быть, по этой части у него имелся колоссальный опыт. И Хэнка радовало, что такой человек по их сторону баррикад. В дверь громко постучали.

— Посмотрите, кто пришел, — приказал Хосеп, встав за дверью с пистолетом в руке.

Хэнк открыл дверь и выпустил Консепсьон Вальверде и троих тупамарос. Она несла большую коробку для шляп, один мужчина — чемодан, двое других — по футляру для виолончели. «Прямо как в гангстерском фильме», — подумал Хэнк. Его догадка о том, что принесли с собой тупамарос, быстро подтвердилась. Консепсьон вывалила содержимое коробки для шляп на диван. Автоматные рожки.

Конечно, они не рискнули бы пронести такое количество оружия в своем багаже. И только заставив акапулькского докера помочь им, теперь не знали недостатка ни в самом оружии, ни в боеприпасах.

— Есть шевеление? — спросил Хосеп.

— Не так, чтобы очень. Между каютами немцев шныряют Фриц и остальные «шестерки». Несколько минут назад Ортикела зашла в каюту Хвосты.

— У них скоро начнется совещание, — напомнил Узи. — Мы готовы?

В готовности тупамарос сомневаться не приходилось. Из футляров для виолончелей появились автоматы китайского производства. У каждого был пистолет, Хосеп набил карманы гранатами.

— В помещениях их поражающее действие значительно усиливается, — заметил Узи.

— Я знаю, — кивнул Хосеп. — Поэтому и беру их. Возможно, они нам не понадобятся. — Он повернулся к Хэнку. — Вы вооружены?

— Нет.

— Вот пистолет...

— Нет. — Хэнк знал, что этот момент обязательно наступит, и загодя продумал ответ. — Он мне ни к чему.

— Да на чьей вы стороне? — рявкнул Хосеп, и Узи тут же возник между ними.

— Сядь, Хосеп. Я тебе говорил, мы должны жить дружно. Хэнк в моей команде, поэтому я с ним поговорю. Хэнк? — он вопросительно изогнул бровь.

— Все знают, на чьей я стороне. Я уже не говорю о том, что иду на большие личные жертвы, чем вы, но я сделал то, о чем меня просили. Я с давних пор помогаю израильтянам собирать информацию. Буду собирать ее и в дальнейшем. Но нынешняя ситуация развивается лавинообразно, и вся моя жизнь и карьера будут порушены, если станет известно, что я принимал участие в этих событиях. Если хоть один пассажир увидит меня размахивающим пистолетом, мне конец. Я буду с вами до конца и буду всячески вам помогать. Но не участвовать в перестрелках. Если только Узи не прикажет мне взяться за оружие.

Хэнк повернулся к Узи, на губах которого играла ироническая улыбка.

— Вам бы быть рабби. Вы объясняете свою моральную пози-

цию, а потом перекладываете решение на других. Что ж, если вопрос будет стоять ребром: жизнь или смерть, я, возможно, обращусь к вам за помощью. А пока вы собираете информацию, ничего больше. Господа согласны?

Диас и Хосеп пожалы плечами с истинным или деланным безразличием. Хэнк всматривался в их бесстрастные лица и спрашивал себя, не в первый раз, а правильно ли он поступает. Все-таки это не его борьба. Когда он впервые приехал в Лондон, к нему обратился дальний приятель, который теперь жил и работал в Израиле. Ранее Хэнк не входил ни в какие еврейские ассоциации, даже не прошел обряда бар митцва¹. Еврейского в нем была одна фамилия. Но он без малейшего колебания откликнулся на просьбу оказывать израильтянам некоторые услуги. И вот к чему это привело.

В самом начале сотрудничества с ними его заверили, что он не будет делать ничего противозаконного или ставящего под удар его карьеру и американское гражданство. Это обещание выполнялось, и в отношениях с израильтянами его все устраивало. От него не требовали ничего обременительного, и он гордился тем, что делает в этой жизни что-то полезное, а не просто ждет, пока кто-то из пожилых партнеров семейной юридической фирмы, в которой он работал, отдаст богу душу и его посадят на место покойного.

Фотографии парагвайцев все изменили. Поначалу от него попросили лишь связаться с людьми, контакты с которыми могли бы скомпрометировать израильское посольство, но, к сожалению, этим дело не ограничилось. По мере развития событий от него требовали все больше и больше. И он понял, что должен провести черту, через которую нельзя переступать. И провел. Если бы он принял участие в вооруженном нападении на руководителей двух суверенных государств, какими бы продажными они ни были, то поставил бы под удар не только свою жизнь, но и будущее. Он не отличался агрессивностью, ему никогда не хотелось ни участвовать в боевых действиях, ни состязаться за черный пояс в карате. И в шпионы он не рвался. Он верил в закон и в главенство закона и собирался следовать закону до конца своих дней. Да, он переступил через себя, помогая Израилю, со всех сторон окруженному врагами. Конечно, он с радостью внес свою лепту в благородное дело выслежива-

¹ Бар митцва — обряд посвящения мальчика в мужчину.

ния военных преступников. И никто не имел права требовать от него большего.

Внезапный стук в дверь привлек их внимание. Стучали не в их каюте, а в соседнем «суперлюксе». И стук этот шел из динамиков магнитофона. Инстинктивно они наклонились ближе, чтобы не пропустить ни слова.

* * *

— Сержант, открой дверь, — слабым голосом приказал Стресснер. Он выпил джина и застонал. Неужели этот корабль никогда не перестанет качать? Ему едва удавалось подавлять морскую болезнь с помощью драмина и джина. Это помогло, но очень уж негативно отражалось на пищеварении.

Один за другим вошли главные действующие лица. Завершающее совещание началось.

Доктор Вилгус прибыл первым, с чемоданчиком, в котором лежали бриллианты, и телохранителем Клаусом, которому надлежало следить за их сохранностью. За ним вошел адмирал Маркес, они столкнулись в коридоре. Аурелия Ортикела появилась несколькими минутами позже. Одна.

— Где Хвоста? — Вилгус недовольно нахмурился. Совещание должно начаться в назначенный час.

Аурелия окинула его холодным взглядом, выдержала долгую паузу.

— Мистер Хвоста плохо себя чувствует. Он очень сожалеет, но не может присутствовать на совещании.

— Что? — взорвался Вилгус. — Скажите этой толстой чешской свинье, что я хочу видеть его здесь, слышите? Немедленно!

В улыбке Аурелии не было ни грама тепла.

— А почему бы вам самому не сказать ему об этом, доктор Вилгус? В последний раз, когда я разговаривала с толстым чехом, его выворачивало наизнанку. Морская болезнь. Mareado. Как там на немецком? Seekrank. Он даже не открыл мне дверь. Прокричал, что умирает и я должна уйти и оставить его в покое.

— Мне он нужен здесь, немедленно, даже если придется тащить его волоком.

— У меня есть предложение, — вмешался адмирал Маркес. — Страдающий морской болезнью Хвоста нам ни к чему. Но у меня в каюте находится мой личный врач, доктор Люсера. У него есть все необходимые средства для излечения морской

болезни. Он лечит не только таблетками, но и инъекциями. Помогает. Я это знаю по себе.

— Дельная мысль, адмирал, — оживился Стресснер. — Я бы не возражал, чтобы он сделал такую инъекцию и мне. Доктор говорит на английском?

— Разумеется, нет.

— Тогда мой помощник, майор де Лайглесия, пойдет с ним и будет переводить. Майор, сначала позвоните стюарду, чтобы он открыл дверь своим ключом. — Голос его стал жестче. — И возьмите сержанта Прадери, на случай, что Хвосту придется нести. Потому что его место здесь. Совещание должно начаться.

Аурелия Ортикела хотела пойти с двумя мужчинами, но Вилгус схватил ее за руку и удержал в комнате.

— Вы останетесь здесь. — И отвернулся, проигнорировав ее полный холодной ярости взгляд.

Доктор Люсера, маленький, важный толстячок, вышагивал по коридору следом за майором де Лайглесия, расправив плечи и выставив вперед черную бородку. Сержант Прадера замыкал колонну, широкоплечий, плотный, в непривычном для него гражданском костюме. Стюард, предупрежденный де Лайглесией, ждал у двери каюты с ключом наготове.

— После вашего звонка я связался с госпиталем, сэр. У них просто эпидемия случаев морской болезни. Оба врача и даже три медицинские сестры заняты.

— Я знаю, сам говорил с ними, — легко солгал де Лайглесия. — К счастью, у нас есть врач, который согласился нам помочь. А теперь, будьте так любезны.

Стюард открыл дверь, и его передернуло от ударившего в нос запаха блевотины.

— Тяжелый там запах, сэр. Я вас оставляю. Захлопните, пожалуйста, дверь, когда будете уходить. Замок закрывается автоматически.

Задернутые шторы практически не пропускали света, поэтому де Лайглесия нащупал на стене выключатель, нажал на него. Им открылось малоприятное зрелище. Валяющиеся повсюду одежда, полотенца, лужи блевотины. Хвоста распростерся на кровати. В пижаме, замаранной все той же блевотиной. Чуть повернул голову в их направлении. Лицо его посерело, на лбу блестели капли пота.

— Я умираю... оставьте меня... — едва слышно простонал он. — Nemocny... bolezny...

Доктор Люсера, лавируя между дурно пахнущими лужами, добрался до кровати, взялся за пухлое запястье, сосчитал пульс. Надул губы, покивал, потом приподнял веки, чтобы взглянуть на налитые кровью глаза.

— Он придет в норму, как только мы сможем взять под контроль рвотный рефлекс, введем в организм достаточно жидкости и сделаем инъекцию морфия, чтобы нейтрализовать боль и улучшить самочувствие. — Доктора не тревожило, что у пациента могла развиться наркотическая зависимость. Он ставил перед собой одну цель: излечить от конкретной болезни. — Помогите мне, сержант. Переверните его и освободите от этих грязных тряпок.

Сержант, которому в свое время приходилось и таскать трупы, и помогать пьяным товарищам добираться до казармы, воспринял просьбу доктора как само собой разумеющееся. Снял пиджак, закатал рукава рубашки и принялся за работу. А вот лицо де Лайглессии стремительно меняло цвет, становилось серым, как у чеха. Ранее он не поддавался морской болезни, но вонючая атмосфера каюты Хвосты стала последней каплей, и он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

— Я пойду доложить... остальным, что тут происходит. Вернусь и помогу вам.

Он открыл дверь и убежал, не дожидаясь ответа. Сначала метнулся на палубу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Потом поспешил в «суперлюкс» Стресснера, в надежде, что к его возвращению Хвосту приведут в порядок.

Обнаженное тело чеха напоминало бледного, раздувшегося кита. Ягодицы вздымались, как горы. Живот выпирал с обеих сторон. Сержант протер кожу влажными полотенцами, брезгливо морщась: никогда он не видел более отвратительного мужчины.

— Очень уж он толстый, доктор, — вырвалось у него.

Люсера кивнул, проткнув иглой одноразового шприца резиновую пробку маленького пузырька.

— Полагаю, его артерии так же забиты жиром, как и его задница.

— Я готов спорить, если ему вставить в зад фитиль и поджечь, он будет гореть год.

Доктор улыбнулся, как и все медики, он ценил хорошую, грубую шутку, а потом глубоко всадил иглу в колышущуюся

желеобразную плоть. Хвоста застонал, задрожал, жир заколыхался еще сильнее. Зазвонил телефон.

— Снимите трубку, — попросил Люсера, нажимая на поршень шприца. — Я занят.

Сержант вытер руки о полотенце, взял трубку.

— Каюта сеньора Хвоста, говорит сержант Прадера.

Ему ответил мужской голос, тоже на испанском.

— Говорит Леандро Диас. Последний раз мы встречались в баре «Тампико», а вашу сестру звали Мария. Отвечайте так, словно я говорю по-английски.

— Извините, я не понимаю английского.

— Нам помогают тупамарос, и мы близко. Мы собираемся захватить бриллианты. Никто стрелять в вас не будет. Вы можете нам, когда начнется бой?

— Да. Я знаю, что вы говорите по-английски, но, к сожалению, не понимаю ни слова.

— Хорошо. Мы рассчитываем на вас. Доложите об этом звонке, скажите, что вроде бы звонил голландец-оценщик. — И в трубке раздались гудки отбоя.

— Послушайте, я занят. Не могу вам помочь, потому что не понимаю ни слова. — И Прадера положил трубку.

— Держите. — Доктор достал из своего саквояжа пластиковый мешок и трубку. — Я введу ему пятьсот миллилитров физиологического раствора и глюкозы. Повесьте мешок на лампу. После того, как раствор перетечет ему в вену, он вновь станет человеком и даже сможет одеться. Мне бы брать на себя такой труд не хотелось.

— Полностью с вами согласен, доктор. Такой высоты хватит?

К тому времени, как вернулся Лайглесия, каюту проветрили, блевотину вытерли, а Хвоста уже сидел в кресле. Наполовину одетый, бледный как смерть, но приведенный в чувство.

— Буду готов через несколько минут, майор, — злобно просипел он. — И я хочу, чтобы вы знали, что я достаточно хорошо знаю испанский и понял некоторые из шуточек, которые отпускали эти два преступника, как нельзя грубо обращавшиеся со мной.

— Мистер Хвоста, я уверен, что вы ошибаетесь. Возможно, вам что-то привиделось. У вас был сильнейший приступ морской болезни, и мы делали все, чтобы помочь вам.

— Не пытайтесь спустить все на тормозах, майор. Я знаю значение слова *gorgo* и некоторых других слов.

Майор изо всех сил боролся с улыбкой.

— Я проведу расследование. Если обвинения подтвердятся, будут приняты самые серьезные меры.

— Попрошу сообщить мне о них. — Хвоста встал, потянулся за пиджаком. Сержант шагнул к нему, чтобы помочь.

— В ваше отсутствие в каюту позвонили, майор, — доложил сержант. — Я взял трубку, потому что сеньор Хвоста в тот момент не мог поднять руку. Скажите ему об этом. Говорил этот человек по-английски, но я думаю, что звонил голландец.

— Хорошо, я ему скажу.

Холодная ненависть витала в «суперлюксе», когда наконец туда прибыл Хвоста. Он почувствовал ее, едва переступив порог. Слабость еще донимала его, но болезнь отступила, и он уже никого и ничего не боялся. Инъекция морфия сотворила чудо. Больше всех злились Вилгус и адмирал: они не привыкли ждать. Стресснера долгое ожидание совершенно не трогало, потому что добрый доктор сделал укол и ему. Аурелия тихонько сидела в углу.

— Что ж, я думаю, теперь мы можем начать. — Хвоста заговорил первым, до того, как кто-либо успел раскрыть рот. Хоть чуть-чуть, но отомстил за вынесенные унижения. Адмирал побагровел и уже собрался обругать Хвосту последними словами, но Вилгус остановил его взмахом руки.

— Да, можем начать. — Дело было слишком серьезное, чтобы давать волю эмоциям. — Вы получили отчет по бриллиантам?

— Да. Общая стоимость камней превосходит оговоренную сумму. Я полагаю, переплачивать вы не собираетесь.

— Вы правы. Два мешочка с бриллиантами я оставляю себе, стоимость оставшихся будет адекватна запрашиваемой вами цене.

— Я соглашусь лишь после того, как Де Грут подтвердит стоимость бриллиантов в этих двух мешочках и проведет выборочную оценку камней в других мешочках. Вы согласны?

— Да, разумеется. Пошлите за ним.

— Сходи за ним, — приказал Хвоста Аурелии. Она вышла.

— Мы же можем продолжить. — Вилгус достал блокнот, ручку с золотым пером, положил на стол перед собой. — Вы говорили, что корабль с оружием сегодня будет в порту Вальпараисо.

Хвоста кивнул, тяжело плюхнулся в кресло.

— Или у причала, или на рейде.

— У нас есть подготовленная команда, которая может под-

няться на борт по завершении сделки. Как называется корабль?

Хвоста молча смотрел на Вилгуса, на его сером лице не отражалось никаких эмоций. Секунды тянулись, Вилгус едва сдерживал нетерпение.

— Говорите, мистер Хвоста, мы и так потеряли массу времени из-за вашего недомогания. Как называется корабль, вы можете мне доверять...

— Я никому не доверяю, доктор Вилгус. В нашем бизнесе все, без единого исключения, стараются обмануть, рано или поздно. Всегда проще украсть оружие, чем заплатить за него. А нынешний высокий пост в «Глобал трейдинг» я занимаю лишь потому, что меня никому не удавалось провести. Никому и никогда. Когда я получу бриллианты, вы все узнаете.

— Ты обвиняешь меня в том, что я пытаюсь обмануть тебя, чех? — Голос Вилгуса вибрировал от едва сдерживаемой ярости. — За это я мог бы тебя убить в этот самый момент.

Хвоста ответил не менее ледяным тоном:

— Нисколько в этом не сомневаюсь, доктор. Вы перебили много чехов, евреев и представителей других неарийских национальностей. Тем не менее мы подождем, пока бриллианты не перейдут из рук в руки. Я думаю, вы предпочтете получить оружие, а не труп одного толстого чеха.

Словесную перепалку прервало появление Аурелии и голландца. Вилгус указал ему на мешочки с бриллиантами.

— Положите их на стол. Вот составленный вами перечень. Я изымаю два мешочка, этот и этот. Сделайте случайную выборку по остальным. Приступайте.

Де Грут тут же принялся за дело. На этот раз ему не требовалось специальное оборудование и работал он гораздо быстрее. Под пристальными взглядами достал мешочки с бриллиантами из чемодана, выложил на стол. Пересчитал их, сравнил номера на бирках со своим перечнем. Отодвинул мешочки, за исключением двух, указанных Вилгусом. Высыпал содержимое одного на кусок белой материи. Не стал считать, осматривать, просто провел по ним пальцем, ссыпал обратно. Повторил процедуру со вторым. Потом взял три мешочка из оставшихся. Прodelал знакомые манипуляции. Стряхнул пыль с подушечек пальцев. Вернул перечень Вилгусу.

— Все правильно. В проверенных мешочках те же бриллианты. Хвоста кивнул.

— Положи мешочки в чемодан. Возьми ключ. Закрой чемодан на замок. Дай мне ключ. Потом уходи.

Вилгус передал ключ, и Де Грут выполнил все указания Хвосты. Собравшиеся за столом молча ждали, пока за ним закроется дверь. Хвоста задумчиво смотрел на ключ, лежащий на его пухлой ладони.

— Очень хочется пить. Если можно, налейте мне пива.

Де Лайглесия торопливо принес ему полную кружку. Хвоста осушил ее одним глотком, удовлетворенно рыгнул, вздохнул.

— Теперь начинается самый сложный этап. — Он посмотрел сначала на Вилгуса, потом на Стресснера и Маркеса. — Я хочу сохранить бриллианты и остаться в живых. Вы хотите получить корабль с оружием в обмен на бриллианты. Вот что мы сделаем. Корабль называется «Лингби Кро», ранее голландский сухогруз, теперь ходит под либерийским флагом. Этой ночью он прибыл в Вальпараисо. Капитану даны указания, что два человека, только два, могут подняться на борт, осмотреть груз и ознакомиться с сопроводительными документами. Ваши люди уже в Вальпараисо, не так ли?

— Да.

— Тогда звоним в радиорубку и посылаем радиограмму.

* * *

По другую сторону перегородки, разделявшей обе каюты, менее чем в двадцати футах от стола, за которым велись переговоры, Хосеп встал, пристально посмотрел на троих мужчин, которые, как и он, жадно ловили каждое слово, доносящееся из «суперлюкса».

— Это все, что нам нужно знать. Мы возьмем и бриллианты, и оружие! Пока они играют в свои глупые игры, страшась друг друга, мы сметем их всех.

ГЛАВА 19

— Нет, — твердо заявил Узи. — Мы не можем на это пойти. Захват корабля в порту — это преступление особой тяжести, в море — пиратство. Я в этом участвовать не буду.

— Ты не можешь нас предать. — Хосеп уже держал в руке

пистолет, нацелив его на Узи. — Если ты не с нами, то против нас и предаешь революцию. Расплата за это одна.

В мгновение ока остальные тупамарос разобрали оружие, взяв Узи на прицел. Диас и Хэнк тоже почувствовали себя не очень уютно. Малейший поворот стволов, и пули прошли бы их. Предстояло определяться, чью взять сторону.

— Я не понимаю, чем вызвано твое удивление, — пожал плечами Узи. — Я с самого начала выразился более чем ясно. У меня только одна цель — захватить нацистов. Они — военные преступники и должны предстать перед судом. Я верю в закон, а не в право сильного. Но я также понимаю твою позицию и не собираюсь вставать у вас на пути. Я не буду мешать вам, никому не расскажу о ваших планах и действиях. Но я оставляю за собой право высказать свое мнение, чтобы предотвратить трагедию, которая может произойти. А вот пытаться мешать тебе я не стану. Так что ты, Хосеп, не прав. Есть и третий вариант — нейтралитет: ни за вас, ни против.

Узи говорил ровным, спокойным голосом, словно и не замечал нацеленных на него пистолета и автоматов. Хэнку оставалось только удивляться такому хладнокровию. У него самого ладони стали мокрыми от пота, и он боялся, что сорвется на фальцет, если попытается заговорить.

— Этого недостаточно, — отрезал Хосеп. — Если ты играешь в эту игру, то должен идти до конца. — Он развернулся, нацелив пистолет на Леандро Диаса, который шагнул к нему.

— Более чем достаточно, — возразил Диас. — Ты здесь благодаря нам. Мы узнали о сделке с оружием, привлекли тебя, дали возможность выйти на бриллианты. Если мы сможем их добыть да еще схватим Маркеса и Стресснера, как планировали, мы достигнем всех поставленных целей. Груз оружия нам даже не понадобится. Ты хочешь слишком многого. Мы сможем сбросить диктаторов, не захватывая других кораблей. Я буду делать все, что необходимо на этом лайнере, потому что другого пути нет. На короткое время мы возьмем его под контроль, чтобы добраться до двух этих преступников. «Ка-Е-Вторая» останется в целости и сохранности, мы ничего не украдем. Я тоже уважаю закон. И иду на его нарушение лишь для того, чтобы добраться до самого мерзкого преступника моей страны. Этого достаточно. Если они попадут к нам в руки, сделка по обмену бриллиантов на оружие не состоится. А у нас появится возможность окончательно сбросить их режимы. Я и

мой люди готовы только на это — ни на что другое мы не пойдем.

— Опять предательство! — прорычал Хосеп, переводя пистолет с одного на другого.

К своему изумлению, Хэнк выступил вперед. И с голосом проблем не возникло.

— Думаю, тут необходимо мнение юриста. Я хотел бы высказаться в защиту Хосепа и тупамарос. Вы меня выслушаете?

За этими словами последовало изумленное молчание, нарушаемое только шепотом одного из тупамарос, который переводил на испанский реплику Хэнка своим товарищам.

— Нам не нужно ничье заступничество, — пробурчал Хосеп, но ствол его пистолета чуть опустился, а напряжение заметно спало.

— Я и не собираюсь заступаться. Вы сказали, что мы должны быть или за вас, или против. Так вот, я — за вас. Мы все по одну сторону баррикады. И если мы оставим в стороне корабль с оружием, думаю, мы быстро сможем прийти к общему мнению. Второй раз такого случая не представится. Мы должны действовать сообща, а не бросаться друг на друга. — Он повернулся к Узи и Диасу. — Вы это понимаете?

Хэнк надеялся, что его усилия не пропадут даром, что ситуация выправится, но не знал, сможет ли снова взглянуть в дула автоматов. Тем более что не мог рассчитать, куда все вырулит. Он действовал импульсивно, по наитию, этому приему научился в суде, с тем чтобы отвлечь внимание от свидетеля и дать тому время собраться с мыслями и отразить наскоки адвоката противной стороны. Похоже, прием сработал и здесь.

— Мы вас выслушаем, — ответил Узи, и Хэнк мгновенно понял, что тот раскусил его замысел и теперь старается подыграть. Кивнул и Диас. Хэнк обернулся, и, к своему облегчению, обнаружил, что автоматы опущены.

— Я должен вернуться к исходным позициям. Тупамарос привлекли к участию в операции на определенных условиях. Диас... что это были за условия?

— Мы нуждались в их помощи. Без них мы не смогли бы провести операцию. На нас лежало информационное обеспечение с вашим, конечно, участием. Мы знали, что готовится крупная сделка, и привлекли тупамарос с тем, чтобы захватить бриллианты, а потом разделить поровну. Мы также хотели добраться до двух этих свиней. А потом помочь с арестом нацистов.

— Это все?

— Да.

— Вы уверены? О захвате корабля с оружием речь не шла?

— Этот аспект обсуждался, но решение не приняли до получения более точной информации.

— Хосеп, это так? — спросил Хэнк.

— В общих чертах.

— Понятно. Диас, ваши люди будут участвовать в захвате корабля с оружием?

— Не знаю. Мы должны понять, что для этого нужно сделать. Но оружие — не главное. Нужно захватить бриллианты. Этому мы будем всесторонне содействовать.

— Это обещание?

— Да.

— Тогда я подвожу итог. Моя группа поставляет всю необходимую информацию в обмен на военных преступников. Для этого мы делаем все, что в наших силах, но никак не участвуем в захвате корабля с оружием. Узи, вы согласны на эти условия?

— Да.

— Теперь вы, Диас. Ваши люди помогают взять бриллианты, диктаторов и военных преступников и участвуют в захвате корабля с оружием, если для этого будут силы и возможности.

— Согласен.

— Обратного хода быть не должно. Вы связаны словом... иначе вам придется пенять на себя. — Хэнк повернулся к Хосепу. — Вот и все. Вы победили. Здесь они будут следовать вашим приказам. В дальнейшем не будут вмешиваться. Мою группу оружие совершенно не интересует, поэтому мы не будем ни помогать, ни мешать. Парагвайцы окажут посильную помощь, если возникнет такая необходимость. Значит, теперь мы можем переходить к следующему этапу. Захвату бриллиантов. Что для этого надо сделать?

Хосеп сунул пистолет за пояс, отошел к иллюминатору. Постоял, глядя на громадные волны, на хлещущий по стеклу дождь. Чувствовалось, что ситуация для него новая. Он не привык командовать другими людьми, которые соглашались помочь тупамарос. Много лет тупамарос боролись против всех и в каждом видели врага. Чтобы переосмыслить устоявшиеся принципы, требовалось время. Но повернулся он, уже приняв решение.

— В захвате бриллиантов и пленников мы будем действовать

сообща. На оговоренных ранее условиях. Любой, кто выступит против, будет убит. Что же касается корабля с оружием, тупамарос не нужны ни слабая помощь, ни пассивное сотрудничество. Эту часть операции мы проведем сами. Несогласные есть? — Он выдержал короткую паузу, потом кивнул. — Хорошо. Теперь о текущих делах. Я думаю, надо прямо сейчас атаковать, более не теряя времени. Мы знаем название корабля с оружием, поэтому новая информация нам уже не нужна. Все люди, которых мы хотим захватить, и бриллианты находятся в соседней каюте. Я предлагаю нанести удар прямо сейчас всеми имеющимися у нас силами.

Остальные тупамарос согласно закивали, но Узи покачал головой.

— Выслушай меня, прежде чем принимать поспешное решение. Ты не прав в двух моментах. Во-первых, легче сначала взять бриллианты, а потом, по отдельности, нужных нам людей. Тогда мы сможем последовательно концентрировать наши силы на различных направлениях. И потом, мне бы не хотелось атаковать группу вооруженных и решительных людей через единственную дверь. Ты согласен?

Хосеп глубоко задумался, потом кивнул.

— Ты прав, и я ценю твой опыт в подобных делах. Что ты предлагаешь?

— Сейчас надо выждать. Потом исходить из принципа разделяй и властвуй. В данный момент сделка по обмену бриллиантов на оружие завершается. Мы в идеальном положении, потому что слышим каждое их слово. Как только оружие перейдет к покупателям, Хвоста получит бриллианты. И уйдет из «суперлюкса». Вот тогда мы нападём на него и захватим камни. В этом случае нам будут противостоять только толстяк, женщина и, возможно, голландец. Немцы на время выйдут из игры. Вы согласны с таким вариантом?

Узи дождался кивков Хосепа и Диаса, потом продолжил:

— Мы захватим бриллианты и поместим их в безопасное место. Даже если об этом станет известно, бриллиантов не найдут, потому что наши «друзья» не знают, какие мы занимаем каюты. Потом мы будем брать их одного за другим. Сначала Стресснера, тут нам будет легче всего, поскольку мы знаем, что происходит в его апартаментах. После Стресснера придет черед адмирала. Доктор Люсера не причинит нам хлопот, так что ос-

таются только сам адмирал и его помощник. Следующий этап — нацисты...

— Нет, — прервал его Хосеп. — Их мы оставим напоследок. Сначала мы должны взять корабль под контроль. Наш траулер на расстоянии одного дня пути впереди «Ка-Е-Второй». Или находился на таком расстоянии, когда лайнер вышел из Акапулько. Его скорость в два раза меньше, чем у «Ка-Е-Второй». Мы захватим лайнер и сразу свяжемся с траулером, чтобы договориться о встрече. А потом уйдем из эфира. И сразу займемся немцами. К тому времени мы совсем близко подойдем к траулеру. Сядем на катер, возьмем с собой наших пленников и отбудем. На том эта операция и закончится.

Узи, подумав, кивнул.

— Да, ты прав. Так и сделаем. У тебя есть план по захвату лайнера?

Хосеп расстелил на столе схему «КЕ-2», и они склонились над ней. Постучал пальцем по трем местам, обведенным красным.

— Удары мы нанесем здесь. И полностью установим контроль над кораблем. Прежде всего, конечно, мостик. И капитанские апартаменты, они расположены рядом. Одновременно нападём на радиорубку на шлюпочной палубе. Эта важно, поскольку все приказы идут или через мостик, или через капитана и офицеров. Захватив офицеров, несущих вахту, остальных мы вызовем к капитану.

— Есть еще одна цель. — Узи ее и указал. — Касса на второй палубе, за трапом G. Там установлено оборудование для отправки радиogramм, и, судя по имеющейся у меня информации, оно автономно и может передавать и принимать сообщения, минуя радиорубку. Ты должен перекрыть и этот канал связи.

— Мы об этом ничего не знали, — обескураженно выпалил Хосеп: в его планах обнаружился серьезный прокол. Он повернулся к Консепсьон: — Как такое могло случиться?

Она пожала плечами.

— Мы сделали все, что могли. Сама я этим не занималась, а люди, которых мы послали, не сумели так глубоко копнуть.

— Это не повод...

Узи вмешался до того, как Хосеп успел дать волю эмоциям.

— Не вини свою разведку, Хосеп. Вспомни, что у наших агентов куда больше опыта и работаем мы много лет. У нас есть

доступ к информации, закрытой для остальных. Поэтому просто пользуйся нашими знаниями. У тебя есть люди, чтобы взять и кассу?

— Да... я просто перегруппирую наши силы. — Он на мгновение задумался. — Мы разделимся на три ударные группы. Я возглавлю атаку на мостик, ты, Диас, займешься радиорубкой. Консепсьон, ты с одним человеком останешься в резерве. Если ты нам не понадобишься, разберешься с кассиром. Напасть мы должны неожиданно. Никакой стрельбы, но вышибем дух из каждого, кто попытается оказать сопротивление или поднять тревогу. Детали обсудим позже, перед самой атакой. Сначала бриллианты, потом эти две свиньи и, наконец, корабль. В такой вот последовательности. Наш первый шаг — ожидание.

Они ждали, сначала — выказывая нетерпение, потом — с возрастающей тревогой, которую вызывала все усиливающаяся качка. Час проходил за часом, тропический шторм набирал силу. Через пару часов после полудня даже Хэнку, обычно нечувствительному к морской болезни, стало плохо. К тому времени все сосали дромамин, как леденцы. Хэнк время от времени звонил в бар «Лидо», пока, наконец, бармен не соединил его с Френсис.

— Закажи мне выпивку, и я сейчас подойду, — сказал он и положил трубку. Остальные вопросительно смотрели на него. — Я вам сейчас не нужен и хочу повидаться с женой. Если возникнет необходимость, позвоните в бар «Лидо», и через две минуты я буду с вами.

— Хорошо, — ответил Узи, предвзято возможные протесты. — Только не задерживайся.

— Не буду.

Шагая по коридору к корме, Хэнк в очередной раз отметил, как разбушевался океан. Вдоль стен заблаговременно натянули линии, и иной раз ему приходилось хвататься за них, чтобы удержаться на ногах. В какой-то момент он прижался к стене, чтобы пропустить Роберта, спешащего мимо с прикрытым салфеткой подносом.

— Благодарю вас, сэр. Ужасная погода.

— Такое случалось часто?

— К счастью, только два раза за те семь лет, которые я здесь работаю. Кораблю такой шторм не повредит, чего нельзя сказать о пассажирах. Многие думают, что мы тонем. Некоторые лежат на кроватях, полностью одетые, вы не поверите, в спаса-

тельных жилетах. А сколько мучает морская болезнь! Вы, сэр, будете крепче многих. Иногда просто диву даешься, сколько блевотины может быть в одном человеке. Не хочу жаловаться, но вы понимаете, кому приходится все это подчищать. И никто не ходит в ресторан. Вот я и ношусь с чаем и гренками, просто все ноги сбил. Через два года уйду на пенсию, сэр, если, конечно, доживу.

Он тяжело вздохнул, перебросил поднос на другое плечо и пошел дальше. Хэнк же на лифте спустился на первую палубу. Френсис сидела в баре одна, задумчиво смотрела на ревуший океан. Вскрикнула, когда он коснулся ее плеча, потом крепко обняла и поцеловала, когда увидела, кто пришел.

— Океан совсем уж разошелся! — воскликнула она и вновь поцеловала Хэнка. — Я вот сижу одна и вгоняю себя в глубокую депрессию. Всякий раз, когда мы проваливаемся во впадину между волнами, я думаю, что мы тонем.

Зрелище пустого бассейна и кормы производило впечатление. Когда гигантская волна била в борт корабля, ее верхушка доставала до палубы, а сильный ветер срывал пену и забрасывал в бассейн. Из-за своей длины «КЕ-2» одновременно «резала» две, а то и три волны, и, как только одна уходила, корма лайнера вздымалась все выше. И море оставалось далеко внизу, в долине глубиной в добрую сотню футов. Потом накатывала следующая волна, и корма опускалась все ниже и ниже, действительно создавая ощущение, что они тонут. Волны вновь и вновь захлестывали палубу, Френсис вцепилась в руку Хэнка.

— На самом деле все не так страшно, — попытался он успокоить ее и повернулся к стойке, утягивая ее за собой. — Я вижу, перед тобой большой полный стакан, и это правильно. Но почему ты пьешь одна? Где Син?

— Бедный Син несколько минут назад позеленел у меня на глазах. Сказал, что я могу наливать себе все, что пожелаю, потому что «Кунард» передо мной в долгу, загнав меня в такой шторм. А потом исчез.

— Как сказал старина Роберт, ты и представить себе не можешь, сколько блевотины может быть в одном человеке. А сегодня блюют чуть ли не все. Ладно, перейду на самообслуживание.

— Да, конечно. Я добиралась сюда из кинотеатра, лавируя между аккуратными островками опилок.

— Фильм понравился? — разглядывая ряды бутылок, Хэнк

решил, что сейчас самое время выпить текилы с ломтиком лайма.

— Даже не знаю, что и сказать. Показывали научно-фантастический космический триллер с роботами, украденными звездолетами и злодеем, который на самом деле оказался героем. Забавный фильм, но куда забавнее был кренящийся, поднимающийся и опускающийся кинозал. В общем, я получила уникальные впечатления. Но, может, довольно светской болтовни? Рассказывай, что происходит.

Хэнк слизнул с руки крупицу соли, выпил текилу, вцепился зубами в лайм.

— Все прекрасно. Ничего не происходит, а длительное ожидание действует на нервы. Сможешь продержаться еще несколько часов?

— Мне же ничего другого не остается, не так ли? И это все, что ты можешь мне рассказать? Дорогой, ну почему ты выглядишь таким несчастным? Все у меня будет хорошо. Я наконец-то проголодалась, поэтому пойду в «Королевский гриль», закажу ленч со стейком, а потом вернусь сюда. Несколько часов пролетят, как одна минута.

— Ты у меня прелесть. — Он поцеловал ее в губы, и поцелуй не остался без ответа. — Все может начаться в любой момент...

Зазвонил телефон. Хэнк взглянул на Френсис, перегнулся через стойку, взял трубку.

— Гринстайн слушает.

— Хорошо, — ответил он после короткой паузы. — Две минуты. — И положил трубку.

Молча покинул бар, не зная, что сказать.

ГЛАВА 20

— Да, спасибо, что сразу позвонили. Но копия радиограммы нужна мне для архива. Да, доставьте ее в мою каюту.

Вилгус положил трубку и удовлетворенно потер руки, прежде чем повернулся к сидящим за столом.

— Радиограмма от нашего представителя в Вальпараисо. Он осмотрел груз и ознакомился с сопроводительными документами. Колесные и гусеничные средства передвижения соответствуют перечню, так же как взятые наугад образцы оружия. Похоже, мистер Хвоста, ваши люди поставили то, что и обещали.

— «Глобал трейдерс» — официально зарегистрированная

компания, и мы дорожим своей репутацией. Проблемы возникают у нас исключительно с покупателями.

— Да, возможно, но в данном случае все они решены. — Вилгус чуть ли не напевал, закрывая брифкейс. — Капитан «Лингби Кро» получил указание распустить нынешнюю команду и заменить ее нашей?

— Да, конечно. Он — наш сотрудник, а корабль арендован нами у владельцев. Он будет выполнять приказы вашего капитана, который будет числиться первым помощником. Корабль пойдет в указанный вами порт. После разгрузки прежняя команда вернется на корабль. Капитан распустит нынешнюю команду и заменит ее вашей по получении моего распоряжения.

— Так отправьте его по радио.

— Отправлю, как только бриллианты окажутся у меня.

— А почему вы не можете получить бриллианты после того, как отправите распоряжение? — выкрикнул Стресснер. — Вдруг вы — вор!

— Только тот, кто сам — прирожденный вор, может обвинять в этом других, — холодно ответил Хвоста и повернулся спиной к разъяренному диктатору. Вроде бы и не замечал, что тот брызжет слюной и пытается выхватить пистолет. Вилгус несколько мгновений с отвращением наблюдал за ним, прежде чем заговорить.

— Генерал... держите себя в руках! Дело слишком важное, чтобы вести себя, как безумец.

Стресснер что-то пробурчал, но руку с кобуры убрал. Не вызвало сомнений, что в этом доме хозяин не он. Хвоста кивнул, посмотрел на Вилгуса.

— У меня есть следующее предложение по обмену, которое, надеюсь, вас устроит. Пошлите за двумя вашими телохранителями. Когда они придут, я продиктую текст кодированной радиограммы для капитана. Пока мы будем ждать ответа, я пойду в мою каюту с бриллиантами в сопровождении ваших людей. Вам и вашим немцам я доверяю больше, чем этой южноамериканской швали, с которой вы ведете дела. Я предпочитаю быть от них подальше, под вашей охраной. Как только ваши представители сообщат, что находятся на корабле, телохранители уйдут. Я получаю оплату за груз, вы — корабль с оружием. Согласны?

Вилгус шелкнул пальцами, одобритительно кивнул.

— Хвоста, я недооценил ваш ум. Да, мы, немцы, не воры, и

наше единственное желание — завершить эту законную сделку. Я вызову своих людей, чтобы они охраняли вас в вашей каюте. Они останутся с вами, пока мы не получим радиограмму о передаче корабля с оружием нашей команде. А теперь текст.

— Фамилия капитана Бартовски. Сообщите ему, что сделка успешно завершена и он может передать командование кораблем вам. В точности передавать мои слова не обязательно. Главное, сохранить смысл.

— И это все? Как он поймет, что радиограмма от вас?

— Нет. Он спросит у вашего человека некое число. Записывайте. 93121-91087. Когда он его услышит, корабль ваш. — Хвоста улыбнулся. — Число это он знает прекрасно. Все-таки номер его счета в швейцарском банке.

— Очень хорошо. Просто прекрасно. Так бы и всегда.

* * *

— Мы возьмем их, как только они спустятся на другую палубу. — Хосеп вытащил пистолет. Если немцы будут возражать, мы их успокоим.

— Нет, — решительно возразил Узи. — Слишком велик риск, да и необходимости в этом нет. Диас может открыть любой замок. Войдите в каюту Хвоста раньше его. Спрячьтесь в ванной. Вы застигнете их врасплох, когда они запрут за собой дверь. Если они окажут сопротивление, об этом никто не узнает.

— Да. Ты опять прав. Я возьму его сам, с двумя своими людьми. Пошли!

* * *

— Фриц, Хейнрих, заходите. — Вилгус взмахом руки подозвал двоих молодых людей к столу. — Вы вооружены?

Оба кивнули, Фриц улыбнулся и похлопал себя по бугру на талии.

— Это не жир, герр доктор. «Р-38» в идеальном состоянии.

— Отлично. Мистер Хвоста должен отнести в свою каюту чемоданчик с большими ценностями. Вы оба будете охранять его по пути. Останетесь в его каюте и будете по-прежнему охранять, пока я вам не позвоню и скажу, что вы можете уйти. Это понятно?

— Да, герр доктор.

Хвоста поднялся, взял со стола чемоданчик с бриллиантами,

кивнул Аурелии. Та наклонилась, чтобы взять сумку, и взгляды присутствующих, южноамериканские и тевтонские, одобрительно прошлись по внушительных размеров ягодицам, обтянутым платьем.

— Я буду ждать вашего звонка, — на прощание сказал Хвоста Вилгусу, затем взмахом руки предложил немцам первыми выйти в коридор. Аурелия последовала за Хвостой. Как только за ними закрылась дверь, генерал Стресснер расхохотался.

— Я рад, что он доверяет вам, герр доктор Вилгус. Вы отберете у него бриллианты.

— Об этом стоит подумать. Но, возможно, нам еще придется иметь дело с «Глобал трейдерс».

— С такими деньгами мы найдем и других продавцов, а этих нахалов следует проучить, — подал голос адмирал. — Когда корабль с оружием станет нашим, отберите у них бриллианты и отправьте их к праотцам. Они слишком много знают о внутренних делах наших стран.

Я тоже об этом думаю, — согласился Вилгус. Я, разумеется, честный человек и готов выполнять все деловые обязательства. За исключением тех случаев, когда на первый план выходит безопасность.

— Тот самый случай. — Стресснер все смеялся. — Убейте этих мерзавцев.

Хвоста медленно шел по качающемуся коридору, словно и не понимая, в какое опасное положение он себя поставил. Двое молодых нацистов шагали по бокам, Аурелия держалась сзади. Высокие каблуки создавали для нее дополнительные трудности.

Хвоста подошел к лифту и нажал кнопку вызова. Аурелия, которая отставала на несколько футов, должно быть, не ожидала, что корабль резко накренится, и упала, распластавшись на ковре. Фриц оглянулся на нее и рассмеялся. А потом придвинулся к чемоданчику с бриллиантами.

— Шаг назад! — приказала Аурелия на чистом немецком. — Отойдите и не дергайтесь, и тогда никому не будет больно.

Мужчины одновременно обернулись и вытаращились на Аурелию. Она сидела на полу, подняв колени и раздвинув ноги, юбка задралась до талии, обнажив молочные бедра и черные

кружевные трусики. Однако любоваться ее прелестями мешали руки. Уперевшись локтями в колени, она сжимала в ладонях пистолет большого калибра с накрученным на ствол длинным глушителем. Раскрытая сумка лежала рядом.

Хейнрих по-прежнему стоял с отвисшей челюстью, тогда как более проворный Фриц нырнул за спину Хвосте, одновременно выхватывая из-за ремня оружие.

Большой пистолет чуть подпрыгнул в руках Аурелии и словно кашлянул. Фриц завопил от боли: пуля чуть не оторвала ему руку, видневшуюся из-за широкой спины Хвосты, и сшибла с ног. Хейнрих наполовину вытащил свой пистолет, когда вдруг осознал, что дымящееся дуло смотрит ему в глаз.

— Ты не успеешь его поднять, — предупредила Аурелия, и он знал, что она говорит правду. Краем глаза увидел, как открылись двери лифта, Хвоста вошел в кабину, двери закрылись. Хейнрих понимал, что смотрит в глаза своей смерти. Медленно вытащил пистолет из-за пояса, разжал пальцы. Пистолет упал на ковер.

— Очень хорошо, — кивнула Аурелия. — А теперь откинь его в сторону и займись раненым напарником. Я бы рекомендовала наложить на руку жгут. С такой кровопотерей он долго не протянет.

Держа Хейнриха на мушке, Аурелия медленно поднялась, свободной рукой оправила платье. Хейнрих более не представлял угрозы, потому что Хвосте удалось уйти. Однако рисковать она не собиралась, а потому пристально наблюдала, как он перетягивает руку стонущему Фрицу. Раненый находился в полубессознательном состоянии, когда Хейнрих поднял его на ноги и потащил по коридору к «суперлюксу». Аурелия одобрительно кивнула, огляделась. Ни души. Все действие заняло не больше шестидесяти секунд. Как только мужчины ушли, она убрала пистолет в сумку и отправилась на поиски ведра с опилками. Высыпала их на пятна крови, разровняла ногой. Идеально. Обслуга позаботилась еще о нескольких лужах блевотины. Ни у кого и мысли не возникнет, что под опилками кровь. Она знала, что у немцев есть свой врач, который окажет Фрицу необходимую помощь. Ни одна из сторон не хотела, чтобы о случившемся узнал кто-то еще. Напевая себе под нос что-то веселенькое, Аурелия вызвала лифт.

«Эти немцы такие идиоты, так падки на лесть, — думала она. — Ничего себе высшая раса! Неужели они убедили себя, что

они — честные люди, а не убийцы? Должно быть, иначе не поверили бы лжи Хвосты. Наверное, они всех держат за дураков. Будь они таковыми, разве «Глобал трейдерс» осталась бы в бизнесе, имея дело далеко не с законопослушными клиентами? Толстяк и глупая женщина. Они составляли хорошую пару. И куда приятнее стрелять по настоящей цели, а не бумажной мишени в тире». Все получилось, как они и планировали. И теперь ее ждала крупная премия.

Аурелия вышла из лифта на нужной палубе, шагая по коридору, достала из сумки, из-под пистолета, дубликат ключа от каюты Хвосты. Шторм и не думал утихать. Двое матросов прошествовали мимо со швабрами и ведрами, и она знала, чем им предстоит заниматься. Ей повстречался пассажир с посеребрившим лицом, и она замедлила шаг, дожидаясь, пока он не скроется из виду. Потом вставила ключ в замочную скважину двери каюты Хвосты, повернула его, вошла. Шторы Хвоста задернул, поэтому в каюте царил темнота. Аурелия заперла дверь, на случай, что нацисты захотят нанести Хвосте неожиданный визит, и лишь после этого включила свет.

Хвоста с удовольствием пил за чужой счет, но сам не любил тратить деньги на спиртное. Поэтому она нашла только бутылку польской «Сливовицы», которая пахла, как политура. Но ей очень хотелось выпить. Она положила сумку на стул, налила полстакана, взялась за графин, чтобы добавить воды. Увидела, что он пуст. «Хвоста, конечно, хороший напарник, но по большому счету — свинья», — подумала она, направляясь к ванной со стаканом в руке.

Но не дошла до нее пары шагов, когда дверь распахнулась ей навстречу.

Из ванной вышел высокий, смуглый мужчина, наставил на нее пистолет. За его спиной виднелись еще двое.

— Где Хвоста? — спросил Хосеп. — Быстро говори.

— Очевидно, не здесь, — с деланным спокойствием ответила она. Такого поворота она не ожидала. Повернувшись, шагнула к столу, поставила стакан на поднос, потянулась к сумке.

— Двинешь рукой еще на сантиметр, Аурелия Ортикела, и получишь пулю в позвоночник. Мне хорошо известны твои способности.

Она опустила руку. Должно быть, один из людей адмирала, уругвайский акцент. Она уже совсем ничего не могла понять.

Если он знал о том, как метко она стреляет, почему не поставил в известность немцев?

— А теперь медленно повернись. Так-то лучше. Так где Хвоста?

— Я не знаю. Я же не его телохранитель...

— Быстро, женщина, и не лги, иначе тебе не поздоровится. Несколько минут назад ты шла сюда с Хвостой и двумя немцами. Говори, где они сейчас, а не то я вышибу тебе зубы рукояткой вот этого пистолета. Говори...

Раздался телефонный звонок, второй. Хосеп вдавил дуло пистолета ей в бок.

— Отвечай. И твоя жизнь зависит от того, что ты скажешь.

Она кивнула, взяла трубку.

— Аурелия Ортикела слу... — у нее округлились глаза. — Да, здесь, передаю трубку. — Она протянула трубку Хосепу. — Кто-то спрашивает, нацелен ли на меня пистолет. Хочет поговорить с человеком, который держит меня на мушке.

Хосеп схватил трубку рукояткой пистолета оттолкнул ее в сторону.

— Кто это?

— Узи. Что у вас произошло? Два немца вернулись, один с огнестрельным ранением. Где бриллианты?

— Я не знаю. Женщина пришла одна. Подожди...

В замочной скважине зашебуршал ключ, Хосеп бросил трубку, схватил Аурелию, зажал ей рот рукой, потянул на себя, одновременно вновь с силой вдавив дуло пистолета в бок. Боль подавила всякую способность к сопротивлению. Хосеп оттащил ее в сторону, чтобы их не увидели в открывшуюся дверь. Двое тупамарос ретировались в ванную.

Вошел Хвоста и увидел Хосепа и Аурелию, лишь когда повернулся, чтобы закрыть дверь. Брови взлетели вверх.

— Закройте дверь и запирайте.

Хосеп нацелил на Хвосту пистолет, а второй рукой едва не свернул шею Аурелии. Хвоста повиновался. Кроме ключа, в его руках ничего не было.

Хосеп отшвырнул Аурелию на кровать, сумку бросил тупамарос, вернувшимся из ванной.

— Где чемоданчик?

Хвоста глянул на Аурелию, на ее окровавленный рот: Хосеп буквально размазал ее губы по зубам. А потом широко улыбнулся, разве что не рассмеялся.

— Не здесь, как ты можешь видеть, Хосеп, не здесь. Я удивлен нашей встрече, хотя следовало догадаться, что с обеспечением секретности у наших уругвайских друзей просто беда. Я рад, что приготовился к любым неожиданностям.

— Чемоданчик с бриллиантами, где он? На ответ у тебя ровно десять секунд.

— Но я и пытаюсь ответить. Я не сомневался, что наши деловые партнеры предпримут попытку вернуть бриллианты, и сразу же, быстрее, чем они предполагали, положил их в безопасное место.

— Куда именно?

— В корабельный сейф. Более безопасного места здесь не найти.

ГЛАВА 21

Лицо Хосепа побелело от ярости, четыре пальца с силой сжали рукоятку пистолета, пятый, указательный, напружинен спусковым крючке.

— Не делай этого, — вкрадчиво сказал Хвоста. — Бриллианты в сейфе, расписка у меня в кармане. Убив меня, ты ничего не добьешься, а может, потеряешь бриллианты. Подумай об этом, Хосеп. В прошлом ты всегда убивал по веской причине. Не меняй этого принципа.

— Держите их на прицеле, — приказал Хосеп и вновь взял трубку. — Чех здесь, но без бриллиантов. Говорит, что они в корабельном сейфе.

— Я ни на секунду в этом не сомневаюсь. Он — хитрый лис. Ладно, мы что-нибудь придумаем. Оставайся в его каюте до моего прихода. И скажи Хвосте, чтобы он позвонил немцам до того, как те пошлют карательную экспедицию.

Хосеп положил трубку на рычаг, потом протянул телефон Хвосте.

— Звони Вилгусу. Скажи ему, где бриллианты, и положи трубку. Ни слова о нас, понятно?

— Разумеется, понятно. Я и сам хотел позвонить, на случай, что они поведут себя глупо. — Он взял телефон, набрал номер. — Доктора Вилгуса, пожалуйста, говорит Либор Хвоста. Да, я подожду. Это вы, доктор? Разумеется. Бриллианты? В корабельном сейфе, где они в полной безопасности. Что за выражения, доктор! До свидания, — улыбаясь, он положил трубку. — Они

очень расстроены, Аурелия. Очень уж невежливо ты обошлась с их красавчиком. Он может потерять руку.

— И хорошо, — она прижимала салфетку к кровоточащим губам. — В следующий раз я буду стрелять ему между ног, и посмотрим, что он тогда потеряет. Кто эти люди? Ты вроде бы их знаешь.

— Да. Этот господин известен как Хосеп. Он — лидер тупамарос. Мы вели с ними дела. До того, как ты начала работать в нашей компании.

— Заткнись и сядь рядом с ней, — приказал Хосеп. — Мне надо подумать.

— Мы думаем, перед тем как действуем, — говорил Узи. — Но думаем быстро. Ситуация кардинально изменилась. Как будем добывать бриллианты из сейфа?

По моему, дело простое, заметил Хэнк. — У Хвосты есть расписка, мы ею воспользуемся. Или заставим его взять бриллианты.

— Едва ли все так просто, иначе немцы попытались бы сделать то же самое. Хвоста наверняка это предусмотрел. Хэнк, позвоните в кассу, номер восемь-четыре-два, и скажите, что мы хотели бы воспользоваться их сейфом.

Хэнк набрал номер, задал вопрос кому-то из кассиров. Выслушал внимательно, поблагодарил, положил трубку.

— Вы правы. Сегодня суббота, уже вечер, дневная смена ушла. Сейф закрыт таймерным замком и откроется только в понедельник утром.

— Тогда мы должны захватить кассу, — подала голос Консенсьон, и все повернулись к ней. — Захватим кассу и вскроем сейф. Это не проблема. В машинном отделении наверняка есть ацетиленовые резаки.

— Чтобы захватить кассу, нам надо взять под контроль весь корабль, — сказал Узи. — Значит, мы должны поменять последовательность наших действий. Сначала захватываем корабль, чтобы добраться до бриллиантов. Как только бриллианты попадают к нам в руки, идем за теми, кто нам нужен. — Он хищно улыбнулся. — В конце концов... деться им некуда, не так ли? Но прежде всего нужно нейтрализовать Хвосту и женщину. Они могут сообщить немцам и остальным о нашем присутствии.

вии. Диас, позвони Хосепу и скажи, что я уже иду к нему. Моя каюта располагается неподалеку. Мы переведем их туда, оставим под охраной и вернемся. Наши планы изменились, поэтому действовать мы должны быстрее.

Диас позвонил в каюту Хвосте и только положил трубку, как раздался звонок. На этот раз трубку взял Хэнк.

— Алле? — Он улыбнулся, прикрыл микрофон рукой. — Это моя жена, — убрал руку. — Как дела?

— Странно, что ты спрашиваешь. Я не сомневалась, что ты уже про меня забыл.

— Никогда. Ты постоянно в моих мыслях... и я сожалею, что не в объятьях. Где ты?

— В «Лидо». Помогаю Сину напиться. Вроде бы алкоголь лечит его морскую болезнь. У стойки мы вдвоем, но мой шведский друг рыщет по окрестностям и, я полагаю, скоро присоединится к нам.

— Хорошо. Задержи его до моего прихода, чтобы я смог размазать его по стенке. Буду через несколько минут.

— Мой пещерный герой! Жду тебя.

— Тебе нельзя уходить, — вырвалось у Консепсьон, когда Хэнк надел пиджак и направился к двери.

— Отвали, — добродушно ответил он. — Приказывать будешь своим. Когда Узи и Хосеп вернутся, скажешь им, где меня найти.

Пол под ногами кренился из стороны в сторону, так что до лифта он добрался не без труда. Лифт жалобно скрипел, опускаясь вниз. Остановился на одной из палуб, в кабину вошла пожилая пара. Мужчина поддерживал женщину, кожа которой приобрела зеленоватый оттенок.

— Первый раз за день поднялись с кровати и вышли из каюты. И Маме стало нехорошо, как только она почувствовала запах еды. Это называется роскошным круизом. Отныне мы будем только летать.

— Нельзя же винить лайнер за шторм, — заметил Хэнк.

— Очень даже можно. На каждой фотографии этого чертова корабля он плывет по гладкому, как зеркало, морю. Стабилизаторы, черт бы их всех подрал!

— Мне хочется умереть... — простонала Мама, когда открылись двери кабины и старики вышли.

Через пустующий холл Хэнк прошел в бар «Лидо». Френсис

сидела у стойки, рядом стоял высокий, светловолосый мужчина, что-то ей говорил.

— Привет, Хэнк. — Она помахала ему рукой.

Мужчина повел себя как-то странно. Отступил на шаг, выронил книгу, которую держал под мышкой. Начал наклоняться, чтобы поднять, передумал, стремглав бросился к другой двери и исчез.

— Твой шведский друг думает, что у меня проказа? — с улыбкой спросил Хэнк.

— Дело в другом. Ему сказали, что ты только что вышел из тюрьмы, отсидев пять лет за убийство. А убил ты человека, который попытался подкатиться ко мне в баре.

— И кто же его просветил?

— Вроде бы Син.

Бармен кивнул, его качнуло. Глаза уже остекленели.

— Прочитал об этом в газете. Нью-йоркской «Дейли ньюс». Все ему рассказал. Ура! — Он налил в стакан три унции ирландского виски и выпил, не добавляя воды.

— Когда ты пришел, бедняга пытался извиниться, — добавила Френсис. — Теперь придется возвращать ему книгу.

Хэнк наклонился, поднял книгу, взглянул на корешок.

— «Преступление и наказание». Наверное, он думает, что я буду гоняться за ним с топором. Отлично, Син. Ты присмотришь за книгой до его следующего появления в баре?

— Непременно! — Бармен вновь налил себе виски. И плюхнулся на стул.

Хэнк положил книгу на стойку.

— Как прошел ленч? Наелась?

— Скорее нет, чем да. Аппетит пропал, его место заняла депрессия. Есть новости с фронта?

— Сейчас рассказывать не посмею. — Он взглянул на часы. — Господи, уже семь. А я ничего не ел после завтрака.

— Я помню этот завтрак. Этих калорий тебе должно хватить на два, а то и на три дня.

— Пойдем обедать. Там я тебе все и расскажу. — Хэнк перегнулся через Сина, который что-то радостно напевал себе под нос и все протирали один и тот же стакан, подвинул к себе телефонный аппарат. Набрал номер их каюты. Трубку снял Узи.

— Это Хэнк. Веду жену обедать. Если понадобится, мы будем в «Королевском гриле». Возражений нет?

— Очень хорошая идея. Я набрался смелости и заказал кофе и сэндвичи. Приятного вам аппетита. К девяти вернетесь?

— Нет проблем. Можете сказать, что происходит?

— Не сейчас. Жду к девяти.

Пока они шли по коридорам, Хэнк рассказал о том, что уже произошло. О планах захвата корабля не упомянул. Сообщение о стрельбе несколько не опечалило Френсис.

— С ворами нечего цацкаться. И очень хорошо, что пуля досталась Фрицу. Лучшего кандидата не найти. Я помню, с какой «теплотой» он отзывался о евреях.

В «Королевском гриле» на столиках уютно горели свечи. Но вот пол поднимался, опускался, кренился из стороны в сторону. Один-единственный человек сидел за дальним столиком. Ел суп, держа тарелку свободной рукой, чтобы она не соскользнула ему на колени. Старший официант поспешил к ним, широко улыбаясь.

— Миссис Гринстайн, мистер Гринстайн... как мы рады вас видеть. В такой вечер поход сюда требует немалого мужества! Прошу вас.

Он проводил их к столику, не заикнувшись о том, что они в повседневной одежде, а не в вечерних нарядах. Два официанта уже стояли у стульев, рядом кружил *sommelier*¹. Подскочил к ним, как только они разложили на колени салфетки.

— Мадам, мсье, добрый вечер. Всех храбрецов, которые решились сегодня пообедать, капитан угощает бутылкой вина. — Он наклонился, перешел на заговорщический тон. — Поскольку капитан — человек занятой, а с такой погодой забот у него только прибавилось, он не упомянул, каким именно вином хочет вас угостить. Я рекомендую «Шате Марго» урожая 1969 года, лучшее за последние двадцать лет. И совершенно бесплатно. Фантастика! Я не буду показывать вам карту вин, чтобы ваш взгляд случайно не наткнулся на нужную строчку и вы бы не узнали, какими потерями для «Кунарда» обернется щедрость капитана.

— Предложение интересное, — улыбнулся Хэнк. — Что скажешь, Френсис.

— Ну... если только это не испанская *rioja*².

¹ *Sommelier* — официант, подающий спиртные напитки (фр.).

² *Rioja* — сухое вино (исп.).

Глаза *sommelier* вылезли из орбит, он ахнул... наконец, рассмеялся.

— Это, разумеется, шутка! Мадам — просто чудо, шутить в такую жуткую погоду!

Он ретировался, по пути оперся на спинку стула, чтобы не упасть, а у столика его уже сменил старший официант.

— К сожалению, сегодня, в силу обстоятельств, меню ограничено. Но шеф-повар приготовил *ecrevisse*¹ в особом соусе. Не желаете отведать?

— Желаем, — Френсис намазывала масло на половину рогалика. — Во всяком случае, я.

— И я тоже не откажусь, — кивнул Хэнк.

— К вашему вину идеально подойдет бефвеллингтон.

— Мы полностью доверяем вашему вкусу.

Старший официант отбыл, и его место тут же занял *sommelier* с пыльной бутылкой в руках. Вино он расхваливал, как мать — своего первенца.

— Вы только посмотрите, какой цвет! И букет бесполобный. А к ракам я бы рекомендовал мозельское. Оно как раз охладилось до нужной температуры.

— Мы не возражаем. — Хэнк подождал, пока он отойдет, и повернулся к Френсис. — Сегодня обслуживание на высшем уровне.

— Этим мы обязаны крепости наших желудков, а не личным качествам, любовь моя.

Им понравились и внимание персонала, и качество блюд. А вино действительно было выше всяких похвал. Хэнк хотел закончить обед стилтоном, но старший официант очень уж расхваливал «королевские блины», и они уступили. Осоловев от плотной еды и маленькими глотками потягивая арманьяк пятилетней выдержки, Хэнк умиротворенно взирал на окружающий его мир. Пока его взгляд не упал на часы. Без четверти девять.

— У тебя так изменилось лицо, словно ты увидел призрака, — прокомментировала Френсис.

— Извини. Но обед так удался, что я обо всем позабыл, в том числе и о гостях, пребывающих в нашей каюте. Я должен вернуться туда через несколько минут.

— И ты больше ничего не хочешь мне рассказать?

— Пока нет, они только обсуждали дальнейшие планы. Я до-

¹ *Ecrevisse* — раки (фр.).

гадываюсь, что они замышляют, но если скажу об этом вслух, то не поверю самому себе. Что ты собираешься делать?

— Во всяком случае, возвращаться в каюту не собираюсь. Пойду в казино, проиграю немного денег в «блэк джек».

— Дай мне час, — решительно заявил Хэнк. — К десяти я их всех вышвырну. Надо знать меру.

— Я надеюсь, тебе это удастся. Но сначала я позвоню. Пожалуйста, береги себя.

— Не волнуйся. — Он наклонился, тепло поцеловал ее, ушел.

К своему удивлению, Хэнк обнаружил в каюте одного Узи с чашкой остывшего кофе. В пепельницах горкой лежали окурки, на подносе — остатки сэндвичей. Но народ разошелся.

— Не выношу одиночества, — воскликнул Хэнк. — Где остальные?

— Мы уточнили планы. Садитесь, я вам все расскажу.

— Они готовятся захватить корабль?

Да.

— Тогда позвольте мне налить чего-нибудь покрепче, а уж потом продолжайте.

Хэнк глотнул бурбона с водой, сел в кресло.

— Когда это произойдет?

— В полночь. Через несколько часов. Самое спокойное время на корабле, и у них будет два часа до заступления на вахту новой смены. Как только они захватят радиорубку, на траулер уйдет закодированная радиограмма о месте и времени встречи. Они должны быть в восьми часах хода, может, и ближе. Поэтому у них будет ночь, чтобы прожечь стенку сейфа и взять бриллианты. А потом они возьмут в плен Стресснера, Маркеса и немцев, входя в каюты под видом официантов, которые принесли завтрак.

— Я думаю, это сработает.

Узи поднялся, прошел к бару. Никогда раньше Хэнк не видел, чтобы израильтянин прикладывался к спиртному. Узи плеснул в широкий бокал коньяка, вернулся на свое место.

— Это чертовски опасно, можно сказать, самоубийственно. С дюжиной бойцов захватить и контролировать такой огромный корабль. Все-таки на борту две с половиной тысячи людей, если считать пассажиров и команду. Если только кому-то что-то станет известно, паники не избежать. Может, они и захватят жизненные центры корабля, но смогут ли удержать их?

— А как, по-вашему? Смогут?

Узи задумался, потом улыбнулся.

— Во всяком случае, попытаются. Я помню, когда англичане ушли из Палестины, арабы со всех сторон вторглись в Израиль. Чаша весов колебалась, но мы победили.

— Один раз такое случилось, может и повториться. Вы будете участвовать?

— Пожалуйста, не спрашивайте. Чего вы не знаете, о том не сможете дать показания. Как адвокат, вы должны меня понять.

— Я понимаю. Спасибо. Что я должен сейчас делать?

— Отдайте мне свой ключ, найдите жену и укладывайтесь спать. Если кто-то будет приходить и уходить, не обращайтесь внимания. Если звонит телефон, пусть трубку берет кто-то еще. Отсыпайтесь.

Хэнк рассмеялся.

— Не знаю, как это у меня получится, когда вокруг одни пираты.

— Это плохое слово.

— Но правильное. Потому что захват судна — это пиратство. Да, ради благородных целей, но все равно пиратство.

Узи кивнул.

— Согласен с вами, но другого пути нет. Последствия будут ужасные. Я, конечно, принял меры предосторожности. Билет покупал по парагвайскому паспорту, можно сказать, настоящему. Поэтому, если что-то пойдет не так, меня примут за участника группы сопротивления.

— Они смогут заставить вас говорить.

— С мертвым такое не проходит. Только так я смогу обезопасить своих людей, если наши планы дадут осечку.

Хэнк пил молча, не зная, что и сказать, при этом понимая, что израильтянин ничего не драматизирует. Просто говорит правду. Попытка выследить нескольких нацистов переросла в подготовку серьезного преступления, и они оба попали в категорию соучастников.

— Надо отдать им должное, — нарушил затянувшуюся паузу Узи. — Нервы у них крепкие. Далеко не каждый решится на захват «Ка-Е-Второй» с горсткой людей.

— Так мы пьем за их успех?

— Не знаю. Давайте лучше выпьем за арест и суд над доктором Вилгусом и его помощниками.

— С превеликим удовольствием. — Они выпили, и Хэнк пе-

редал Узи ключ от каюты. — Пойду немного поиграю в «блэк джек» — и спать. День выдался долгим. С нетерпением буду ждать утренней корабельной газеты.

ГЛАВА 22

— Сразу и не поймешь, что хуже, погода или пассажиры, — философствовал второй помощник.

— Не мне судить, сэр, — ответил рулевой. Он сорок лет прослужил во флоте, но акцент сразу выдавал коренного лондонца. — А пассажиров я не вижу.

— Счастливчик. Иногда попадаетея красotka, с которой можно поболтать за обеденным столом, заглядывая в декольте, а то и закрутить классический корабельный роман. Но обычно они старые, уродливые, занудные и к тому же американки.

— Янки — хорошие парни. Плавал с ними во время войны. Эсминец янки вытащил меня из воды после того, как мы получили в борт немецкую торпеду.

— Я больше полагаюсь на защиту небес, а не наших доблестных союзников. Они, судя по всему, самые здоровые люди в мире, потому что живут вечно и копят деньги, чтобы потом отправиться в круиз на таком корабле.

Штурвал шелкнул три раза: рулевой вернул лайнер на заданный курс. Волны продолжали бить в правый борт, и от рулевого требовалось немалое мастерство, чтобы не позволять кораблю сильно отклоняться от курса. Но рулевой «КЕ-2» прекрасно знал свое дело и много раз чуть разворачивал лайнер носом к огромной волне, чтобы удержать корму от глубокого падения. Волны появлялись из темноты, пенной шапкой вздымались над бортом и исчезали. Болтовня офицера рулевому только мешала. Но он понимал, что того мучает скука. Даже в такой шторм всю работу выполняла электроника. А ему оставалось только смотреть на показания приборов.

Второй помощник действительно скучал. А поболтать любил, все равно с кем, даже со старушками. За его спиной открылась дверь, и он порадовался тому, что у него может появиться новый собеседник. Если только капитан не нагрнулся с проверкой. Он повернулся, и у него отвисла челюсть. Перед ним стоял человек в резиновой маске обезьяны. Еще двое прошли на мостик.

— Эй, послушайте! Сюда посторонним вход...

Яркая вспышка, боль, и в себя второй помощник пришел уже на полу. Он прижимал руку к лицу, а когда оторвал, увидел, что она вся в крови.

— Вставай. — Незнакомец взмахнул пистолетом. Второй помощник понял, что им его и ударили. Он встал и увидел, что все, кто нес вахту, стоят с поднятыми руками.

— Очень хорошо, — кивнул один из знакомцев. — А теперь отойди туда, по-английски он говорил чисто, но с каким-то акцентом. Второй помощник предположил, что родной язык этого человека — испанский. «Неужели это кубинцы? — подумал он. — Но что здесь делают вооруженные кубинцы? Похищают лайнер?» Такого просто не могло быть, но вот случилось. Второй помощник краем глаза ухватил телефон, висевший на перегородке. Задался вопросом, сможет ли добраться до него. Чтобы предупредить капитана.

* * *

— Вы что, сошли с ума? Кто дал вам право заходить в мою каюту?

Капитан проснулся, едва вспыхнул свет, и теперь грозно смотрел на стоящего у кровати и дрожащего всем телом стюарда.

— Что происходит? Говорите!

Только тут капитан увидел другого мужчину, который стоял позади стюарда, вдавливая дуло автомата в его спину. Мужчину в дешевом костюме и франкенштейновской маске на лице.

— Одевайтесь, — приказал мужчина. — Быстро.

— Плотный сегодня поток, — заметил третий радист, наблюдая за трескотней телекса. — А казалось бы, с закрытием биржи на уик-энд брокеры наших пассажиров могли бы и отдохнуть.

Монотонная трескотня вгоняла в сон. Глаза его начали слипаться, он резко дернул головой. И даже пожалел о прежней работе, когда приходилось корпеть долгие часы, расшифровывая кодированные послания. Тяжелая работа, но интересная. Теперь же, со спутниками связи и компьютерами, многое упростилось. Сообщения автоматически кодировались при отправлении и декодировались при приеме. Тут стрекотание телетайпа заглушил глухой удар и вроде бы стон.

— Нельзя засыпать на работе. — Он повернулся и обмер.

Второй радист лежал, уткнувшись лицом в стол, над ним склонился мужчина в маске. Другой мужчина молча наставил на него автомат.

— Будь я проклят, — пробормотал третий радист и медленно поднял руки над головой.

— Мостик, капитанская каюта и радиорубка захвачены, — сообщил Хосеп по телефону. — Ты и Хорхе нам не нужны. Берите кассу.

Концепсьон долгих двадцать минут ждала у телефонного аппарата в нише под трапом G. В кассе остался один ночной клерк, вот они и оставили этот объект напоследок. Концепсьон и еще один тупамарос стояли у телефона на случай, что они срочно понадобятся в другом месте. Все прошло как по писаному.

Очень хорошо -- ответила она — Мы с Хорхе уже идем.

— Помощь не нужна?

— Двое на одного. Неплохие шансы. — Она повесила трубку и махнула рукой Хорхе. Тот осторожно поднялся со стула и наклонился, чтобы поднять футляр для виолончели. Дромамин держал морскую болезнь под контролем, но все же Хорхе чувствовал себя не в своей тарелке.

Они молча поднялись по трапу, остановились у дверей кассы. В коридоре не было ни души. Подобные операции они проводили не один раз, так что слова не требовались. Хорхе открыл футляр, достал два автомата, футляр положил на пол. Они переглянулись, сняв автоматы с предохранителя и передернув затвор, чтобы дослать патрон в патронник. Потом Хорхе достал из кармана резиновую маску вампира, натянул на лицо. Концепсьон взялась за ручку двери и кивнула. Хорхе поднял автомат.

— Пора. — И она распахнула дверь.

Хорхе ворвался в кассу с криком: «Все руки вверх! Быстро!»

И действительно, все произошло быстро. За столом сидел седовласый клерк с большими, ухоженными усами. Он читал журнал и оторвался от него, вскинув глаза на Хорхе с автоматом в руках. Под журналом клерк держал наготове пистолет.

Хорхе так и не понял, что произошло. Дуло пистолета появилось из-под журнала, прогремел выстрел, пуля попала ему

прямо в сердце. По инерции он продолжал двигаться вперед и рухнул лицом на стол.

У Консепсьон не было времени вспомнить о приказе не стрелять, и только отменная реакция спасла ей жизнь. Она переступила порог чуть позже Хорхе, и пистолетному стволу пришлось повернуться, чтобы взять ее на мушку. Этого мгновения хватило, чтобы нажать на спусковой крючок и выпустить двухсекундную очередь. Клерка отбросило на спинку стула, Консепсьон подскочила и прикладом вышибла пистолет из слабеющих пальцев. Он так и остался сидеть, не отрывая от нее взгляда. Две пули попали в клерка, одна — в грудь, вторая — в бок, остальные — в перегородку за его спиной. Одежда начала набухать кровью, но клерк не обращал на это внимания, как и на сломанные пальцы руки.

— Я не знаю, что за глупую игру вы затеяли, — прорычал он, — но с рук это вам не сойдет.

Консепсьон, держа его на прицеле, подтянула второй рукой телефонный аппарат, быстро набрала номер.

— Да? — ответил Хосеп.

— Касса наша. Один человек, кретин, оказал сопротивление. Хорхе мертв. Мне пришлось стрелять.

— Клерк тоже мертв?

— Нет. Ранен. Надеюсь, что тяжело. Прикончить его?

— Пока не надо. Не спускай с него глаз. Запри дверь. Я кого-нибудь пришлю.

Хосеп пришел сам, через несколько минут постучался в дверь. Консепсьон впустила его, следом тупамарос закатил инвалидное кресло. Тупамарос был в маске, Хосеп, как и Консепсьон, — без. Он сурово посмотрел на раненого.

— Герой войны. Ты только взгляни на орденские ленточки на его пиджаке. Даже Крест Виктории. Да, ему не повезло. Ладно, начнем с Хорхе. Он мертв?

— Да.

— Еще один мученик. Займитесь им. Посадите в инвалидное кресло, укройте одеялами. Я буду охранять этого недоумка, а вы вывезите Хорхе на палубу и сбросьте за борт.

Раненый следил взглядом за Консепсьон и тупамарос, пока те не выкатили инвалидное кресло за дверь.

— Собираетесь отправить меня туда же? — спросил он Хосепа.

— Ты говоришь на испанском?

— Более-менее. За тридцать лет службы в гвардии пришлось

побывать в разных местах. Стреляю без промаха, как убедился твой дружок. Я последую за ним?

— Нет. Мы не преступники. Тебя отведут к доктору.

— Это хорошо. Сними трубку и набери ноль. Телефонистка пришлет санитаров с носилками.

— Я говорю о другом докторе.

— Я это уже понял. — Голос старого гвардейца не менялся, хотя кровь уже начала капать на плитки пола. — Тебе это не сойдет с рук, за пиратство придется отвечать.

— Береги силы и заткнись, — бросил Хосеп. Выходка старика привела к некоторым изменениям в намеченном плане, но не слишком серьезным. Предстояло убрать его отсюда, замить кровь, привести все в порядок. Хосеп решил, что оставит здесь одного человека. А потом они перейдут к следующему этапу. До половины первого еще оставалось несколько минут. Пока все шло очень даже хорошо. А без потерь на войне не обойтись.

Когда Концепсьон и тупамарос вернулись с пустым креслом, Хосеп нашел в соседнем кабинете аптечку первой помощи взял оттуда бинты. Гвардеец не протестовал, когда Хосеп разорвал на нем одежду и перевязал раны.

— А ты у нас самаритянин, — прокомментировал гвардеец, его лицо заметно побледнело.

— Нет, — покачал головой Хосеп. — Просто не хочу, чтобы в коридорах остались следы крови. — Он выпрямился, огляделся. — Наведи тут порядок, Концепсьон. Замой кровь, завесь пулевые отверстия какими-нибудь картами или заставь книгами. Дверь не отпирай, пока тебя не сменяют. Я не думаю, что в эту ночь сюда заявится кто-нибудь из пассажиров.

Когда раненого усаживали на кресло-каталку, с его губ против воли сорвался стон. Ни в коридорах, ни в лифте им никто не встретился, и они незамеченными добрались до каюты Хосела. Она находилась внизу, на третьей палубе, без окна или иллюминатора, близко к корме. Небольшая по размерам, она напоминала номер мотеля, обладая всем необходимым для длительного проживания. А поскольку располагалась ниже верхних палуб, качка в ней ощущалась гораздо слабее. Однако близость мощных двигателей вызывала вибрацию стен и постоянный гул.

— Он ранен, но опасен, — предупредил Хосеп. — Будь настороже. И он понимает испанский.

Оставив тупамарос в каюте, Хосеп поспешил к лифту, под-

нялся на шлюпочную палубу и направился в капитанские апартаменты. Войдя, сразу почувствовал повисшую в воздухе напряженность. Капитан Рэпли сидел на диване, полностью одетый. Он встретил Хосепа мрачным взглядом. Испуганный стюард находился рядом с одним из офицеров корабля. По его лбу стекала кровь, один глаз быстро заплывал.

— Третий помощник, — доложил вооруженный тупамарос в маске. — Неожиданно пришел на мостик. Его привели сюда, как ты и приказывал.

— Хорошо, мы сможем его использовать. — Хосеп повернулся к капитану. — Я хочу, чтобы вы по телефону отдали несколько приказов, нормальным голосом, чтобы никто ничего не заметил.

— Идите к черту.

— Я не собираюсь применять к вам силу, капитан, потому что мне известен ваш послужной список, и я знаю, что вы — очень сильный человек. Но я также знаю, что вам безразлична судьба ваших подчиненных. Вы меня узнаете?

— Я лишь вижу, что вы — урод и в отличие от ваших сообщников вполне можете обойтись без обезьяньей маски.

— Не выводите меня из себя, капитан, я начинаю терять терпение. — Он повернулся к двум членам команды. — Кто-нибудь знает меня? Говорите, я слушаю.

Стюард со страхом взглянул на него, на капитана, отвел глаза. От Хосепа это не укрылось.

— Ты, — указал он на стюарда. — Ты меня узнал?

— Возможно, сэр, но я не уверен. Мог ваш фотоснимок быть в «Мировых новостях»? Вместе со статьей?

— Возможно. Как меня зовут?

— Джосеп, сэр, что-то вроде этого. Вы имеете отношение к тапше... маррос.

— Ты прав. Я — Хосеп. Мы — тупамарос. И что про нас говорилось в статье?

— Много чего, сэр, вы уж извините, я повторяю то, что прочитал. Вы — партизаны, только действовали в городах, коммунисты. Вы убивали, взрывали, грабили банки, все такое...

— Близко к истине. Если убрать пропагандистские ярлыки, все остальное — правда. Теперь вы понимаете, капитан? Вы хотите, чтобы я подтвердил свою репутацию? Вас я не трону, но с радостью изувечу, а может, и убью нескольких членов вашего экипажа. Вы мне верите?

— Да, — холодно ответил капитан. — Я читаю журналы, вызывающие больше доверия, чем «Мировые новости», и знаю о вас достаточно много. Что вы хотите?

— Отлично. Я хочу, чтобы вы позвонили в машинное отделение, главному механику или кому-то еще, вам виднее. Придумайте некую ситуацию на второй палубе, требующую присутствия там одного человека с ацетиленовым резаком. Не говорите ничего такого, что может вызвать подозрения. Вы прикажете этому человеку встретиться вот с этим офицером, и мы пройдем в нужное нам место. Понятно?

— Более чем.

— Вот и хорошо. Вы позвоните отсюда, а я буду слушать по параллельному аппарату в вашей спальне. И, пожалуйста, без глупостей, капитан.

Все прошло гладко. Капитан показал себя здравомыслящим человеком. Десять минут спустя Хосеп и офицер встретили в условленном месте матроса из машинного отделения, который поднялся на вторую палубу с ацетиленовым резаком. Матрос и офицер пришли в ужас, узнав, что вскрывать придется сейф, но оружие быстро убедило их, что другого пути нет. Матрос надвинул на лицо защитную маску, зажег факел и принялся за работу. Хосеп оставил Консепсьон за главную и вместе с офицером вернулся в капитанские апартаменты. Все шло по заранее намеченному плану, и его сие очень даже радовало. Радиорубка, захваченная Диасом и его парагвайцами, находилась неподалеку от капитанской каюты. Его встретил сам Диас, закрыл за ним дверь, лишь после этого снял резиновую маску.

— Эта штукавина ужасно вонючая, и вспотел я в ней, как мышь.

— Мы носим их по веской причине. Меняем людей, меняем маски, и им и в голову не придет, что нас очень мало. Мы с Консепсьон ходим без масок для устрашения. Им хорошо известна наша репутация.

— Я все это знаю... но ужасно неудобно. Как идут дела?

— Лучше не придумаешь. Только один убитый, а корабль наш. Сейчас свяжемся с траулером и договоримся о месте и времени встречи. Я пошлю радиограмму в Акапулько, где станция принимает их круглые сутки. Оттуда мой человек свяжется с траулером. Код у нас простой, текст радиограммы обговорен заранее.

— Тогда посылай ее, и скорее поставим точку.

Радист с готовностью выполнял все приказы. На установление контакта с Акапулько у него ушло несколько минут, потом он отправил радиограмму. Должно быть, человек Хосепа ждал на станции, потому что ответ пришел сразу. Как только печатающее устройство выдало текст, радист оторвал ленту и передал Хосепу. Тот ушел в соседнюю комнату, чтобы расшифровать послание. На это ему потребовалась пара минут. Потом он открыл дверь и знаком позвал Диаса. Лицо его стало белым, как полотно, словно он только что увидел собственную смерть.

— Черт побери, черт побери! — Его кулак вновь и вновь опускался на стол.

— Что не так? — спросил Диас.

— Все... вот что так. — Он смял ленту в комок. — Беда! Из-за шторма. На траулере, который должен был взять нас на борт, технические неполадки. И теперь они нас совсем не ждут! Направляются в ближайший порт для ремонта.

ГЛАВА 23

Хэнк засыпал легко, как и Френсис. Поначалу они даже не думали о том, чтобы заняться любовью: за стеной, в гостиной, толпились люди, постоянно кто-то приходил или уходил. Но близость тел и тепло постели диктовали свои условия. От одного прикосновения его руки к обнаженной груди Френсис по ее телу пробежала дрожь, которая разбудила в нем страсть. Они кончили вместе, изумившись остроте своих ощущений, а потом тут же заснули. Френсис еще спала, когда голоса в гостиной вырвали Хэнка из глубокого, но тревожного сна. Он не мог вспомнить, какие именно мучили его кошмары, но порадовался тому, что вернулся из них в реальный мир.

В голосах за стеной звучала злость, но Хэнк не мог разобрать ни слова. Очевидно, что-то случилось, непредвиденное и малоприятное. Он попытался не обращать внимания на голоса, снова заснуть, но, придя к выводу, что это, во всяком случае сейчас, не удастся, он осторожно, чтобы не разбудить Френсис, поднялся с кровати, собрал одежду и на цыпочках прошел в ванную, где и оделся. Часы показывали начало четвертого. Теперь предстояло выяснить, что же произошло.

В гостиной он застал троих, двух мужчин и женщину. Консепсьон наставила на него пистолет, когда он открыл дверь. Хэнк не удостоил ее и взгляда, направился к Хосепу и Узи.

— Что случилось? — спросил он.

Хосеп сплюнул на пол кусочек табачного листа и повернулся к столу, чтобы взять одну из своих черных сигар. Ответил Хэнку Узи:

— Это знаменательная ночь. Силы сопротивления Уругвая и Парагвая установили контроль над «Ка-Е-Второй». Об этом известно лишь нескольким членам экипажа и никому из пассажиров. В настоящее время прорезается дверь сейфа с тем, чтобы забрать нацистские бриллианты. Оба представителя «Глобал трейдерс», привязанные спина к спине, лежат в одной кровати и, судя по последней информации, забылись сном, пусть и не в самой удобной позе. Все заговорщики спят, включая раненого Фрица. Его накачали морфием, и он ничего не чувствует. Доктор Люсера считает, что руку удастся спасти. По здравом размышлении нацисты смирились с потерей бриллиантов, поскольку заполучили корабль с оружием.

— Тогда в чем проблема?

— Маленькая помеха. Наши планы строились на том, чтобы нанести быстрый удар, захватить бриллианты, взять пленников и перевезти их на мексиканский траулер «Tigre Amarillo». К несчастью для нас, «Желтый тигр» поджал хвост. Его сильно потрепал шторм, и он направился в порт для ремонта.

— Господи! И что же вы собираетесь делать?

Узи сухо улыбнулся.

— Как вы можете себе представить, это и является предметом нашей дискуссии. Выбор у нас небогатый, поскольку «Tigre Amarillo» простоит в порту от двадцати четырех до тридцати часов. Сломанный руль и погнутый главный вал.

— Есть возможность воспользоваться другим судном?

— Абсолютно никакой. Альтернативы нет. Или «Желтый тигр», или ничего. Но сможем ли мы удерживать лайнер под контролем на необходимое для ремонта время? А если и сможем, сколько еще понадобится времени, чтобы сблизиться с траулером?

— Ответ очевиден. — Хэнка осенило. — Вы встретитесь с траулером через несколько часов после завершения ремонта.

— О чем вы? — удивился Хосеп. — Как они смогут так быстро нас догнать?

— Позвольте сначала задать вопрос. Каким мы идем курсом? Хосеп пожал плечами.

— Не вижу смысла в этом вопросе. Естественно, расчетным.

Мы не вносили никаких изменений. У нас нет людей, чтобы контролировать еще и курс...

— Ну, конечно! — воскликнул Узи. — Хэнк указал нам, что мы ведем себя, как глупцы. «Ка-Е-Вторая» должна исчезнуть!

— Что ты несешь? — раздраженно бросил Хосеп.

— Посмотрите сюда. — Хэнк порывлся в лежащих на столе бумагах и нашел нужную. — Вот рекламный буклет с маршрутом круиза. Из Акапулько мы идем на юг вдоль побережья Мексики, потом мимо Центральной Америки, в районе интенсивного судоходства. Но зачем нам это нужно? С каждой минутой расстояние между нами и траулером увеличивается. Нас он никогда не догонит.

— Все понятно! — воскликнул Хосеп. — Мы должны повернуть назад!

— Нет, — покачал головой Хэнк. — В этом необходимости нет, пока. И мы не хотим, чтобы наш корабль кто-нибудь видел. Поэтому мы должны уходить от берега половину времени, требуемого на ремонт, а потом столько же возвращаться к берегу. В этом случае мы сможем очень быстро встретиться с траулером.

— Есть даже лучший вариант. — Узи ткнул пальцем в карту. — Мы пойдем в том направлении, которое станет для всех сюрпризом. Курсом, обратным тому, каким «Ка-Е-Вторая» пришла в Акапулько. Углубимся в Тихий океан. И полностью оборвем радиосвязь. Ни донесений о нашем местоположении, ни радиограмм. Лишь одно короткое кодированное сообщение вашему человеку в Мексике о дальнейшем обмене информацией, возможно, через радиопередатчик другого корабля. Пока бушует шторм, никто не сможет нас найти. Все будут думать, что «Ка-Е-Вторая» исчезла с лица земли.

— Это вряд ли, — засомневался Хэнк. — Американские военные спутники, да и гражданские, ведущие постоянный мониторинг состояния атмосферы, который необходим для прогнозирования погоды, легко заметят такой большой корабль.

— При таком шторме — нет. — Узи чуть не прыгал от радости. — Слишком велики атмосферные помехи. При отключенных радиопередатчиках и комплекса спутниковой навигации мы станем невидимыми. И никаких пометок на картах. Никто не должен знать, где мы находимся и куда направляемся.

— Да, логика тут есть. — Хосеп повернулся к Консепсьон. — Поднимись на мостик. Там нашими командует Эстебан. Он —

моряк, капитан корабля, знает, что надо сделать, чтобы поменять курс. Объясни ему, куда надо плыть. Быстро!

— А мы сможем удержать корабль в течение двадцати четырех часов? — спросил Узи, настроение у него резко упало.

— Почему нет? Новую вахту мы возьмем в плен и отправим к капитану и остальным. Долго мы, наверное, не протянем, но двадцать четыре часа точно выдержим. У старшего механика возникли подозрения, но капитан вызвал его к себе. Теперь он — наш пленник и отдает необходимые приказы. Нет, двадцать четыре часа мы точно продержимся.

— А как насчет пассажиров? — спросил Хэнк.

Хосеп рассмеялся.

— Они в полном неведении. Большинство лежит пластом, им ни до чего.

— Насчет курса мы решили, и если не допустим ошибок, то корабль останется нашим, пока мы не встретимся с траулером. Так что теперь можно вернуться к вопросу, который мы обсуждали до прихода Хэнка.

— Я больше не хочу об этом говорить.

— Но придется. Мы договорились о том, что постараемся обойтись без насилия и убийств. Ты дал слово Диасу.

— Дал. Но это ничего не меняет.

— Меняет. Если мы ничего не предпримем, человек умрет. И что это, как не сознательное убийство?

— Вы о чем? — спросил Хэнк. Ответил ему Узи:

— При захвате кассы один член экипажа получил ранения. Две пули. Если ему не поможет врач, он умрет. Хосеп не хочет доставлять его в лазарет лайнера. Пулевое ранение вызовет слишком много вопросов. Он считает, что лучше подождать до утра, когда мы возьмем уругвайцев. Тогда мы сможем использовать их врача. Я хочу, чтобы мы взяли их немедленно, без дальнейших задержек.

— Нет. Мы должны действовать по плану. Иначе риск слишком возрастает.

В замке повернулся ключ, в каюту вошел Диас.

— Консепсьон заменила меня на мостике. Я пришел, чтобы спросить, что вы решили насчет врача для раненого.

— Планы остаются прежними, — отрезал Хосеп. — Я не буду их менять ради этого горе-стрелка, который убил одного из моих людей.

— Мы же заключили соглашение. Договорились обойтись без лишнего кровопролития.

— Ситуация изменилась.

— Отнюдь. Если ты не собираешься ничего делать, я позову своих людей, и мы захватим «суперлюкс» уругвайцев. Врач нам необходим.

— Ты готов рисковать всем ради жизни незнакомца, которого ты знать не знаешь? — Хосеп не злился — изумлялся. Такого он просто не мог себе представить.

— Разумеется. Я — политик и, надеюсь, честный человек. Я стремлюсь освободить страну от Стресснера и его головорезов. Но если при этом я потеряю человеческий облик, то стану таким же, как они.

— Он прав, — поддержал Диаса Узи. — Врач нам нужен немедленно.

Хосеп мрачно переводил взгляд с одного на другого.

— Вас двое, я — один. Как я понимаю, если я не соглашусь, вы отказываетесь от сотрудничества в этой операции?

— Совершенно верно, — кивнул Диас.

— Тогда мы их возьмем. Но не немцев. У них возникнут подозрения, если мы вдруг захотим войти в их каюты ночью. Они, как мы и договаривались, получают наши автоматы на завтрак. Диас, ты и я сделаем это вместе. Сначала адмирал Маркес, потом Стресснер. Я с нетерпением жду этого мига. Узи, оставайся у телефона. Много времени у нас это не займет.

Они вышли в пустой коридор. От двери «суперлюкса» их отделяло лишь несколько футов. Хосеп постучал, раз, другой. Изнутри донесся сонный голос. Хосеп ответил на испанском:

— Срочно нужен врач. Раненому немцу совсем плохо.

Повернулся ключ в замке, дверь начала открываться. Хосеп тут же навалился на нее всем весом. Дверь распахнулась, Хосеп ворвался в каюту.

— Я тебя знаю, капитан, — прорычал он мужчине в халате и ударил рукояткой пистолета в висок. Не стал ждать, пока мужчина упадет, а сразу подбежал к доктору Люсере, который, зевая, выходил из спальни. Отпихнул доктора, переступил порог, зажег свет. Услышал, как за спиной Диас закрывает и запирает дверь, понял, что тылы надежно прикрыты. Адмирал Маркес, моргая, сидел на кровати.

— Кто ты? Что, черт побери, происходит? — прохрипел он. Контактные линзы лежали в контейнере с очищающим раство-

ром, и адмирал потянулся к старомодным очкам. Хосеп терпеливо ждал, пока тот нацепит их на нос.

— Помнишь меня? — спросил Хосеп.

Адмирал помнил. Хосеп усмехнулся, увидев, как тот побледнел от ужаса.

— Да, вижу, что помнишь. Боишься, что я тебя убью, адмирал? Могу и убить, но еще не время. Поэтому не задавай вопросов, а делай, что я говорю. Лучше выпей воды и прими таблетки, если они у тебя есть. Я не хочу, чтобы ты сдох от сердечного приступа. — Он обернулся. — Доктор, притащите сюда капитана и положите рядом с адмиралом.

— Это неслыханно, неслыханно. — Люсера тяжело дышал, затаскивая в спальню потерявшего сознание капитана. — У этого человека, возможно, сотрясение мозга, его нельзя трогать, я протестую... — Тут он разглядел лицо нападавшего и, как адмирал, смертельно побледнел. — Хосеп... — выдохнул он.

— Я рад, что не стал чужаком в своей стране. Одевайтесь, доктор. и берите ваш черный саквояж. Сейчас вас проведут к страждущему.

Диас ушел с врачом и вернулся лишь через полчаса. Все это время Хосеп просидел в кресле, с пистолетом на коленях, плотно глядя на адмирала.

— Врача я оставил там. Охранник присмотрит за обоими. Врач говорит, что состояние раненого стабильное, но пули надо вынуть в самое ближайшее время. Одна пуля в брюшной полости, к счастью, важные органы не задеты, но возможен перитонит.

— Так быстро он не начинается. Позвони на мостик Консепсьон и скажи, чтобы она прислала сюда человека. Ненадолго. Как только мы возьмем Стресснера, оставим их в одном номере под охраной твоих людей, Диас. Ты пойдешь первым, это твоя добыча.

— Безусловно. Это прекрасно, просто прекрасно. Я человек не мстительный, но это особый случай.

Однако первым делом они заглянули в каюту Хэнка, чтобы проверить запись. В соседнем «суперлюксе» царил тишина. Все спали.

Диас подошел к двери, Хосеп прижался к стене, чтобы его не увидел тот, кто ее откроет. Диас постучал.

— Кто там? — после долгой паузы спросил голос.

— Телеграмма.

Дверь приоткрылась и Диас оказался лицом к лицу с сержантом Прадерой. Одними губами шепнул: «Сейчас». Сержант кивнул, но выражение его лица не изменилось. Он обернулся.

— Стюард с телеграммой для вас, майор.

Сержант отступил в сторону, и майор де Лайглесия занял его место. Диас ничего не сказал. Просто наблюдал, как ужас растекается по лицу майора. Он уже открыл рот, чтобы закричать, и повалился на пол. Сержант рубанул его по шее твердым, как камень, ребром ладони.

Вдвоем они оттащили бездыханного майора, и в каюту вошел Хосеп. Сержант беззвучно указал на дверь спальни. Диас кивнул. Хосеп наклонился к нему и прошептал: я приведу сюда адмирала и его помощника. За ними будет проще приглядывать. Но сначала пообщайся со Стресснером. Я знаю, что он с нетерпением ждет встречи с тобой.

Диас медленно открыл дверь и вдруг осознал, что его всего трясет. Он этому крайне удивился, тем более что трясло его не от страха, а от ненависти. Всесокрушающей ненависти к этому мерзкому маленькому человечку, столь много лет убивающему и терроризирующему Парагвай. Он схватился за пистолет, готовый расстрелять, уничтожить эту тварь. Его уже не волновало, законны его действия или нет. Впервые он понял, откуда берется та ярость, которой руководствовались тупамарос. Теперь он полностью одобрял их действия. Выхватив пистолет из-за пояса, Диас шагнул вперед и увидел пустую кровать.

Этого он никак не мог ожидать, и его рассудок несколько мгновений пытался ответить на вопрос, что бы это значило. А вот инстинкт самосохранения сработал сразу, потому что мышцы напряглись, и Диас отпрыгнул назад. Поэтому пуля попала не в его голову, а в металлический дверной косяк и отлетела обратно в спальню.

Слепую ярость сняло как рукой. Должно быть, Стресснер что-то услышал и заподозрил неладное. Старый лис прожил так долго именно потому, что превыше всего ставил собственную безопасность. И пока в руках у него был пистолет, он мог сорвать всю операцию. Следовало его обезвредить, и быстро.

— Брось оружие, Стресснер, — крикнул Диас, — и мы сохраним тебе жизнь.

Еще две пули влетели в открытую дверь, за ними последовало громкое ругательство.

— Так его не достать, — прошептал сержант Прадера на ухо Диасу. — Ведите меня перед собой, и я с ним разберусь.

— Он же вас застрелит!

— Возможно. Но иногда приходится рисковать. Пошли.

— Передо мной твой сержант, Стресснер. Если выстрелишь, ты убьешь его, а не меня.

На этот раз, когда Диас открыл дверь, выстрелов не последовало. Он медленно двинулся в спальню, толкая перед собой сержанта. Прадера уже миновал порог, когда Диаса ждал очередной сюрприз. Его рука с пистолетом взлетела вверх. Он произвольно нажал на спусковой крючок, и пуля вонзилась в стену. Одновременно сержант сильно пнул его, свалив на пол. А дверь тут же захлопнулась.

Диас сел, прислушался. За дверью больше не стреляли. Должно быть, хитрость сработала. Диас встал, вскинул пистолет, когда вновь открылась дверь. В гостиную, улыбаясь, вышел сержант Прадера, засовывая за пояс хромированный, с рукояткой из слоновой кости автоматический пистолет.

— Мне это понравилось, — поделился он своими впечатлениями. — Я его свяжу, но пройдет несколько часов, прежде чем он очнется.

— Прекрасно! — От избытка чувств Диас не просто пожал руку сержанту, но крепко его обнял. — Все идет по плану. Похоже, мы сорвали крупный куш.

В это время Хосеп и тупамарос приволокли в «суперлюкс» Стресснера, по-прежнему не пришедшего в себя помощника адмирала и самого Маркеса. Маркес потерял контроль над собой, начал орать благим матом, когда его привязывали к стулу, поэтому Хосеп заткнул ему рот полотенцем.

— Я и не знал, как все поворачивается, — протянул сержант.

— На объяснения уйдет слишком много времени, — ответил Диас. — Мы заключили союз с «Тупамаро»... нам нужны их боевые навыки. Пока жаловаться грех. Корабль под нашим контролем, и теперь мы захватили два «суперлюкса». На немцев нападём за завтраком. Бриллианты в сейфе, но его вскоре вскроют, и они будут нашими. Теперь нам важно дождаться, когда приплывет корабль, на котором мы сможем уйти вместе с нашими пленниками. Если что-то пойдет не так...

— Тогда нам всем крышка. Но и эта сладкая парочка отправится к праотцам. Я с большим удовольствием расстреляю их сам.

— Хорошо. Вы сможете остаться с ними? У нас очень мало людей, слишком мало, чтобы держать под контролем такой большой корабль. Мы будем благодарны вам за помощь.

— Помощь? Да это же счастье. Оставьте меня здесь и ни о чем не волнуйтесь. Больше я не буду выполнять приказы этой швали.

— Хорошо. На заре мы вас сменим. Вы нам понадобится, когда мы будем брать немцев. Они — следующие на очереди.

ГЛАВА 24

Клаусу не нравилось, когда в его товарищей стреляли. Он этого навидался на Восточном фронте, который по ходу войны все больше превращался в кровавую скотобойню. Он не испытывал жалости к врагам, этим славянам-недочеловекам, и сам убил их немало. На Восточном фронте пленных не брали. Ни те, ни другие. Быстрой победы не получилось, и после второй, а особенно третьей зимы пошла война на истребление. Из тех, кто начинал войну, в роте Клауса осталось лишь несколько человек, потом ранили и его, отправили в тыл, госпиталь. По выздоровлении поручили охрану доктора Вилгуса, что в итоге и спасло ему жизнь. И поныне он охранял доктора...

Но ему не нравилось, когда в его товарищей стреляли. Если бы он остался один и смог заснуть, все, наверное, вышло бы иначе. Но его поместили в маленькую каюту вместе с раненым Фрицем, и сон не шел. Раненый, которого накачали морфием, громко стонал во сне. Вот эти стоны плюс тяжелое дыхание и не давали Клаусу заснуть. И теперь он лежал, заложив одну руку под голову, с очередной сигаретой в другой. Корабль по-прежнему кренился, опускался и поднимался на волнах, и качка определенно не способствовала сну. Клаус собрался приложиться к бутылке, но передумал. Решение не из лучших.

Этот чертов чех и его толстомытая лесбиянка. Они подстрелили славного немецкого парня, чуть не оставили его одноруким и теперь думают, что им за это не придется расплачиваться. Клаус на своем веку повидал достаточно ран, чтобы знать, что полностью рука уже не восстановится. Может, этот толстяк-врач и сохранит ее, но она или не будет гнуться, или просто повиснет, как плеть. Бедняга Фриц будет стыдиться своего увечья, а девушки будут над ним смеяться. Эти двое искалечили жизнь

хорошему, доброму немцу. И им нельзя отомстить. Вилгус запретил. Сказал, что главное — это корабль с оружием.

Что ж, теперь кораблю с оружием ничего не угрожает. Клаус затушил сигарету и перекинул ноги через край кровати. За оружие заплачено бриллиантами. А теперь пора заплатить и за рану Фрица. Бизнесу это не помешает. Чеху хватит ума никому ничего не говорить. Но первой получит свое женщина, потому что стреляла именно она. Клаус завязал шнурки, надел пиджак. Отделать такую суку — одно удовольствие. И опять же никто ничего не узнает, потому что не будет ни синяков, ни крови. Но ей будет больно, очень больно. Он широко улыбнулся при этой мысли и открыл чемодан. Часть металлического каркаса осталась у него в руках, когда он оторвал обшивку. Металлический стержень с заостренным концом. Он сделал его сам. Вещь удобная и как оружие, и как фомка, если возникала необходимость открыть запертую дверь. Сучка свое получит, это точно. Он сунул стержень под пиджак, открыл дверь каюты.

— Я отомщу за тебя, Фриц, — пообещал он раненому.

Коридоры пустовали, о пассажирах, запершихся в своих каютах, напоминал только слабый запах блевотины. Огибая угол, он чуть не столкнулся со стюардом, спешащим с подносом в руках.

— Извините, сэр.

— Все нормально.

— Я бы не советовал выходить на палубу, сэр. Там мокро и ветрено. Опасное место.

— Я и не собираюсь. Уснуть не получилось, вот и подумал, а не выпить ли мне. Какие-нибудь бары еще работают?

— Скорее всего «На траверзе», это на юте. Полуночники обычно собираются там.

— Благодарю вас. Дорогу я найду.

Клаус вызвал лифт, который долгое время не спускался. Клаус терпеливо ждал, это он умел. Но поднялся не на ту палубу, где находился бар: ехал не за выпивкой.

Еще один пустой коридор. Он остановился перед дверью каюты Аурелии Ортикелы, достал из-под пиджака стальной стержень. Посмотрел направо, налево. Никого. Остальное заняло лишь секунду. Прежде чем выйти из своей каюты, он внимательно осмотрел замок, резонно полагая, что они одинаковые по всему кораблю. Нашел слабое место: на три дюйма ниже ручки. Оставалось только вставить в зазор заостренный конец стержня и нажать.

Действительно, с замком проблем не возникло. Клаус быстро проскользнул в дверь и закрыл ее за собой. Он помнил, что Фриц и Хейнрих отметили, что женщина блестяще владеет оружием. Оставалось только надеяться, что она не спит с пистолетом в обнимку. Тем не менее одной рукой он поднял стержень над головой, а второй нащупал выключатель. Если бы она держала пистолет в руке, то нажала бы на спусковой крючок в тот самый момент, когда стержень опустился бы ей на голову. Риск, конечно, но Клаус любил рисковать, без этого жизнь становилась очень уж скучной.

Свет вспыхнул, Клаус отпрыгнул в сторону, а рука со стержнем начала опускаться по широкой дуге. Но удара он не нанес: кровать пустовала. Не нашел он Аурелию и в ванной.

И что сие могло означать? Она сидит в баре? Верилось с трудом, все-таки глубокая ночь. Тогда где она? В каюте чеха, ответ напрашивался сам собой. Может, они решили держаться вместе: легче отбиться в случае нападения. А может, лежат в постели и трахаются. Вот уж незабываемое зрелище улыбнулся Клаус.

На столике у кровати лежала Библия. Он взял ее, оторвал плотную обложку. Наконец-то эта книга на что-то сгодилась! Закрывая дверь, сунул обложку между ней и косяком, с силой потянул дверь. Обложка держала не хуже сломанного замка. Для постороннего глаза каюта была закрыта, как и остальные: ему не хотелось привлекать внимания к пустой каюте с распахнутой дверью до того, как он не закончил свои дела.

Конечно, Клаус понимал, что с двумя справиться будет сложнее, но его это не пугало. Подойдя к двери, прислушался, но в каюте царил тишина. Решил, что сломает замок, ворвется в каюту, на ходу зажжет свет и, бросившись на пол, откатится в сторону, чтобы не получить пулю, если Ортикела успеет схватиться за пистолет.

В точности выполнил задуманное и, уже падая на пол, увидел, что на кровати никого нет, более того, она даже не расстелена.

— Какого черта?.. — вырвалось у него.

Он не знал, что и думать. Закрыв дверь, прошелся по пустой каюте. Что тут происходило? На столе стояла бутылка «Сливовицы». Он открыл ее, глотнул из горлышка, скривился. Какая гадость! Так где Хвоста и женщина? Их нет ни в ее, ни в его каютах. Да, все это очень подозрительно. Клаус это чувствовал, об этом говорила ему интуиция. По его спине вдруг пробежал холодок. Надо немедленно поставить в известность доктора

Вилгуса! Дверь каюты Хвосты он также закрыл за обложку от Библии и поспешил к лифту. Нажал на кнопку вызова и, пока ждал кабину, решил сделать еще одну остановку, прежде чем идти к доктору. Заглянуть к уругвайцам и попросить врача спуститься к раненому Фрицу. Порухенный сон уругвайцев его нисколько не волновал. Он-то бодрствует, нечего спать и им.

Но на стук Клауса дверь никто не открыл. Он постучал второй раз и вот тут окончательно понял: на корабле что-то происходит, что-то очень уж нехорошее. Стучать он больше не стал. Вставил стержень в зазор и надавил. Дверь медленно открылась. В пустой каюте горели все лампы. Он переступил порог, подняв стержень над головой, закрыл за собой дверь, огляделся. Ничего. Никаких следов борьбы. Все на месте. И никого. Три человека как сквозь землю провалились. Клаус схватил телефонный аппарат, быстро набрал номер. После второго гудка в трубке раздался сонный голос Вилгуса.

— Происходит что-то непонятное, герр доктор, что-то очень нехорошее. Я заходил в каюты чеха и женщины, их там не оказалось.

— Что ты несешь, Клаус? Ты знаешь, который час? — раздраженно бросил Вилгус. Не любил он, когда ему мешали спать.

— Да, герр доктор. Начало пятого. Но, что самое важное, никого нет и в «суперлюксе» уругвайцев. Ни единой души.

Вот тут Вилгус разом проснулся. Опять предательство и обман. Бриллианты он отдал, корабль с оружием на пути к Монтевидео, неужели эти паршивые диктаторы решили обвести его вокруг пальца? Такое возможно, но он этого не допустит. Пусть играют в свои паршивые игры друг с другом, но не с ним.

— Жди меня, — приказал он. — «Суперлюкс» парагвайцев напротив. Погаси свет, смотри и слушай, что там происходит. Если эти свиньи попытаются продинамить нас, их ждет неприятный сюрприз. Должно быть, все они заодно, вместе с чехом и женщиной. Возможно, корабля с оружием не существует, и все эти радиogramмы — подделка! Черт бы их побрал! Я разбужу остальных и приведу их. Мы должны ударить до того, как они поймут, что их заговор раскрыт.

Клаус выключил свет и улыбнулся. После этой ночи доктор будет еще больше ценить его. Он раскрыл какой-то заговор и помог принять надлежащие меры. За это его ждали не только благодарность и приличное денежное вознаграждение. Воз-

можно, достаточное для того, чтобы купить дом, амбар, нескольких лошадей, женщин. Будущее рисовалось ему в розовом, очень розовом свете.

Он чуть приоткрыл дверь, выглянул в коридор. Пусто. Дверь Клаус закрывать не стал, приготовившись к долгому ожиданию. Вахту предстояло нести до появления герра доктора или его телефонного звонка. Он стоял на страже, защищая товарищей. Совсем как на войне...

Послышались приближающиеся шаги, мужские голоса. Он закрыл дверь, пока мужчины не прошли мимо, вновь приоткрыл. Двое остановились у «суперлюкса» парагвайцев, ключом открыли дверь. Внутри провели лишь несколько минут. Когда выходили, Клаус ясно разглядел их лица. И поспешил к телефонному аппарату. Вилгус снял трубку на первом же гудке.

— Двое мужчин, — доложил Клаус. — Вошли в другой «суперлюкс», потом вышли. Южноамериканцы. Это очень интересно, герр доктор...

Ты о чем? Выкладывай

Клаус улыбнулся, довольный собой.

— Одного я не узнал, но уверен, что он не имеет отношения ни к Стресснеру, ни к адмиралу Маркесу. А вот фотоснимок второго часто видел в Уругвае. Его зовут Хосеп, и он лидер революционной организации «Тупамаро».

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно. Клянусь жизнью.

— Это может означать только одно. — От злости Вилгус закрипел зубами. — Об операции узнали силы сопротивления. Они следили за нами и теперь захватили этих горе-политиков. Кто знает, на что еще они нацелились, на бриллианты, корабль с оружием... возможно, они хотят хапнуть все. Ничего у них не выйдет, Клаус. Если они что и получают, так это пулю. Оставайся на месте. Оружие при тебе?

— К сожалению, нет...

— Пистолет мы тебе принесем. Ударим незамедлительно, прежде чем они поймут, что нам известны их планы. Жди.

Несколько минут спустя в щелку Клаус увидел приближающихся товарищей. Вышел в коридор.

— Никаких изменений, — доложил он.

— Хорошо, — кивнул Вилгус, протягивая Клаусу пистолет. Все пришедшие с ним нацисты были мрачнее тучи. — Я продумал наши действия. Я постучу и скажу, что мне надо немедлен-

но поговорить со Стресснером о корабле с оружием. Они откроют дверь. Ты, Клаус, займешься тем, кто окажется за порогом.

— Это опасно, — запротестовал Клаус. — Ваше место должен занять кто-то еще.

— Нет. Ответственность лежит на мне. Быстро! Пока не пропал элемент внезапности.

Клаус встал так, чтобы его не увидел человек, открывающий дверь, и Вилгус громко и требовательно застучал. Наконец, из-за двери на испанском спросили: «Кто там?»

— Доктор Вилгус. Я должен немедленно повидаться с генералом.

— Боюсь, он спит.

— Мне без разницы. Открывайте! Немедленно!

После короткой паузы щелкнул замок, дверь чуть приоткрылась. В комнате было темно. Сержант, прибывший со Стресснером, посмотрел на них.

— Извините, доктор, но все спят. Я получил приказ...

Он замолчал, потому что дуло пистолета Клауса, появившееся над плечом Вилгуса, нацелилось ему в лицо.

— Руки за голову, — приказал Вилгус. — Шаг назад. Одно неверное движение, и ты мертв!

Они зашли в каюту. Остальные немцы ворвались следом, кто-то включил свет. Адмирал Маркес таращился на них, привязанный к стулу, с кляпом в руке. Его помощник, так и не пришедший в себя, лежал у его ног.

— Как интересно, — прокомментировал Вилгус, оглядываясь. — Не спускать глаз с этого человека. Дверь охранять, никого не впускать. Пойдем, Клаус, заглянем в другую комнату. Я уверен, что там нас ждут новые сюрпризы.

ГЛАВА 25

Рев пламени стих, как только матрос из машинного отделения выключил резак.

— Готово. Чисто и аккуратно. Может, когда придем в порт, мне сменить профессию? Грабить сейфы не опаснее, чем попасть в такой шторм.

— Отойди в сторону, — приказал Хосеп, плечом оттолкнув матроса. Дверь сейфа еще краснела раскаленным металлом, но прорезанная ацетиленом неровная щель-дуга уже отделила от нее замковый механизм.

Диас, в резиновой маске, рылся в ящике с инструментами. Достал длинную отвертку.

— Воспользуйся ею, — предложил он Хосепу.

Тот вставил отвертку в щель, навалился на нее всем весом. Дверь не сдвинулась с места. Корабль качнуло, Хосеп вновь навалился на отвертку, дверь сдвинулась на пару миллиметров. Хосеп повернулся к вооруженному тупамарос.

— Отведи матроса в капитанскую каюту к остальным пленникам. Поможешь их охранять.

Хосеп подождал, пока они с Диасом остались в касе вдвоем. Едва за тупамарос закрылась дверь, Диас с облегчением снял маску.

— Свидетели нам не нужны, — пояснил Хосеп. — Давай открывать сейф.

Отверткой он расширил зазор между дверью и стальным косяком, после чего они вдвоем ухватились пальцами за край тяжелой, стальной двери и откатали ее.

На металлическом полу, перед рядами закрытых банковских ячеек, стоял чемоданчик с бриллиантами.

Диас наклонился, поднял его, перенес на стол.

— Ты взял у чека ключ? — спросил он.

Хосеп кивнул, выудил из кармана ключ, вставил в замок, повернул, откинул крышку.

— Важный исторический момент, — прокомментировал Диас, беря один из замшевых мешочков. — Возможно, в этом чемоданчике лежит свобода наших стран. — Он высыпал на ладонь сверкающие камни. Хосеп согласно кивнул. Диас ссыпал бриллианты в мешочек, положил на место, запер чемодан. — Чемодан будет у тебя, ключ — у меня, пока мы не разделим бриллианты поровну.

— Хорошо. А теперь давай вскроем банковские ячейки и посмотрим, что приготовили для нас эти капиталисты.

— Нет. Этого мы делать не будем. Мы не воры.

Хосеп невесело хохотнул.

— Ты меня удивляешь, маленький буржуазный революционер. Ты захватываешь самый большой в мире лайнер, берешь в плен руководителей двух государств, вскрываешь корабельный сейф, чтобы похитить бриллианты стоимостью в сотни миллионов долларов, а потом останавливаешься перед тем, чтобы взять малую толику богатств, которую эти паразиты-капиталисты взяли с собой в круиз. Это же нелепо!

— У нас нет времени на споры, Хосеп. Я делаю то, что должен, ради обретения моей страной свободы. За нее я готов умереть. Но воров не стану.

— Думай, что говоришь. — Хосеп разозлился, схватился за пистолет. Диас ответил тем же. Оба стояли, сверля друг друга взглядом. Напряжение нарастало.

Распахнулась дверь, и они оба резко повернулись, выхватив оружие. На пороге, тяжело дыша, стояла Консепсьон. Впервые Диас увидел, что на ее лице отражаются человеческие эмоции.

— Идите... немедленно. — Голос ее срывался. — Что-то случилось. Ужасное. В соседней каюте слышатся немецкие голоса. Должно быть, они освободили пленников.

Хосеп схватил чемоданчик и побежал. Диас задержался на несколько секунд, чтобы повесить на дверь табличку «ЗАКРЫТО», прежде чем захлопнуть ее за собой.

Вскоре они сгрудились вокруг магнитофона в каюте Хэнка, вслушиваясь в каждое слово.

* * *

Руки сержанту Прадере связали за спиной, самого бросили на пол. Лицо покрывали царапины: адмирал Маркес, как только его развязали, набросился на сержанта и единственной рукой вырвал бы ему глаза, если бы немцы не оттащили разъяренного старика. В остальном сержант остался целым и невредимым, но знал, что скоро все изменится. Немцам требовалась информация, и они умели ее добывать. Поэтому он прекрасно понимал, что его ждет. Но его чувства не отражались на лице, которое более всего напоминало каменную маску. Разве что чуть блеснули глаза, когда генерал Стресснер влетел в комнату, кипя от ярости.

— Меня предали! — проорал он. — Те самые люди, которым я доверял, как себе! Меня унизили! Сейчас ты за это ответишь...

Он попытался вырвать пистолет из руки Клауса, но тот выставил вторую руку и до пистолета Стресснер не добрался. Из второй спальни вышел Вилгус, встал над лежащим на полу сержантом. Холодно посмотрел на него, потом отвесил оплеуху визжащему Стресснеру.

— Заткнись, баварская жаба! — приказал он. — Я получу от

этого человека нужную мне информацию, а потом ты сможешь его убить. Не раньше. А теперь сядь.

Стресснер в шоке повиновался. Его никогда не били по лицу, он и представить себе не мог, что такое возможно. На этом корабле вообще творилось что-то невероятное. Он горько сожалел о том, что впутался в эту историю. Подошел к дивану, плюхнулся на него, даже не заметив сидящего рядом Маркеса. Майор де Лайглессия уже отирался у бара.

— Джин, — бросил ему Стресснер. — Быстро. Большой стакан.

— Посадите его на стул, — приказал Вилгус. Клаус и полковник Хартиг подхватили сержанта Прадера под руки, усадили на стоящий у стены стул. Вилгус вновь смерил его холодным взглядом.

— А теперь ты скажешь мне все, что я хочу знать. Хосепа видели, поэтому нам известно, что здесь замешаны тупамарос. Кто еще? Должно быть, парагвайская шваль, вроде тебя. Сколько их? Какие у них планы? Что они знают? В доле ли чех? Где наши бриллианты? Ты меня понимаешь, сержант? Вопросов у меня много. И ответы мне нужны на все. Ты сильный человек и думаешь, что сможешь устоять передо мной, поэтому я буду лишать тебя силы.

С этими словами он вытащил пистолет, взвел, наклонился, приставил дуло к правой коленной чашечке сержанта и нажал на спусковой крючок.

В замкнутом пространстве комнаты оглушающе громыхнул выстрел, нога подпрыгнула, коленная чашечка разлетелась на множество осколков. Несмотря на все усилия, с губ сержанта сорвался стон.

Вилгус улыбнулся.

— Ты почувствовал боль, не так ли, сержант? Травмы коленной чашечки очень болезненны. И у тебя есть другая коленная чашечка, не так ли? И много других не менее чувствительных частей тела. Может, мне отрезать тебе яйца и детородный орган? Ты этого хочешь? Подумай о том, что я могу с тобой сделать, сержант, и, будь уверен, я все это сделаю. Я еще долго не убью тебя, сержант, и, возможно, ты еще будешь просить меня о смерти, потому что боль станет непереносимой. А теперь отвечай на вопросы, и без задержки.

Прадера вскинул глаза на Вилгуса, лицо его вновь превратилось в маску. Но он зажал нижнюю губу зубами, и по подбородку потекла струйка крови.

* * *

Когда двое тупамарос затащили большую сумку в каюту Хэнка, за их спинами в дверях материализовался стюард Роберт.

— Что здесь происходит? Я очень извиняюсь, но... — У него перехватило дыхание, потому что подскочившая Консепсьон врезала ему по почкам, втолкнула в каюту и закрыла дверь. Роберт, с отвисшей челюстью, тарашился на вооруженных людей. Узи мгновенно оценил ситуацию и наставил пистолет на Хэнка.

— Кто этот человек? Вы его знаете?

Хэнк тут же ему подыграл.

— Это стюард Роберт... не причиняйте ему вреда.

— Вот это зависит от вас, мистер Гринстайн. — Он поманил Роберта пистолетом. — Мы захватили эту каюту. Ты — пленник, как мистер и миссис Гринстайн. Будешь делать то, что тебе говорят, останешься в живых. А теперь — в спальню.

Как и Хэнка, Френсис разбудила суета в гостиной. И хотя еще не занялась заря, она знала, что больше не заснет. Она оделась и сидела на краешке кровати, когда Узи открыл дверь и втолкнул в спальню Роберта и Хэнка.

— Делайте то, что вам говорят, и с вами ничего не случится. Стюарда запирайте в туалете. Жизнь вашего мужа будет зависеть от его поведения, как и от вашего. Сидите тихо. — Он оборвал шнур, ведущий к телефонному аппарату, затолкал трясущегося Роберта в ванную и закрыл дверь.

— Спасибо, Узи, — прошептал Хэнк. Тот кивнул и убрал пистолет.

— Господи! — вырвалось у Френсис. — Славно начинается день. — Она вновь села на кровать.

— Ваш муж останется с нами, миссис Гринстайн, — громко сказал Узи. — И его жизнь зависит от вас.

— Да, конечно. Никто не будет возражать, если я лягу, закрою глаза и заставлю себя поверить, что все это — сон? Потому что я представить себе не могу, что такое происходит наяву.

Гостиная тем временем превратилась в вооруженный склад. Из патронных ящиков доставали рожки, из сумки появился непонятный агрегат с двумя металлическими баллонами, кожаными ляжками и наконечником, напоминающим ствол зенитного пулемета. Один тупамарос поднял его и повесил Хосепу на плечи.

— Огнемет! — догадался Хэнк.

Хосеп сердито зыркнул на него.

— А теперь тихо! Слушайте меня. Мы возьмем этих немцев прямо сейчас, до того, как они узнают о наших планах и им станет известно, что мы их прослушиваем. Понимаете? Если мы нападём сразу же, потерь у нас не будет и вся борьба на этом закончится. Бриллианты уже у нас, в этом чемодане. — Он бросил чемодан Хэнку. — Приглядывай за ними до нашего возвращения. И без глупостей.

— Не волнуйтесь, — холодно ответил Хэнк. — Они будут в целости и сохранности.

— Вот и хорошо. — Хосеп повернулся к остальным тупамарос, и теперь тишину нарушали только голоса, доносящиеся из соседнего «суперлюкса». А потом раздался одиночный выстрел. Диас, склонившийся к магнитофону, выпрямился.

— Сержант Прадера. Ему прострелили коленные чашечки.

— Тогда не будем терять времени, — заявил Хосеп. — Нас — шестеро. Остальные охраняют пленных. Этого хватит. Их столько же. И они не знают, что у нас огнемёт. К сожалению, из-за шторма мы не можем зайти со стороны веранды. С палубы волны и ветер снесут любого. Что ж, пойдем на штурм через дверь. Просто счастье, что мы добыли этот огнемёт. — Он поднял наконецник повыше. — Для них это будет неприятный сюрприз. Я лягу на пол у двери. Консепсьон и Эстебан встанут у стены слева. Она выстрелом вышибет замок, он ногой распахнет дверь. Я пушу двухсекундную струю. Буду целиться вверх и влево, поскольку сержант Прадера, по нашим расчетам, в правой части комнаты. Он выигрывает нам время. Мы должны его спасти, если сумеем. Когда я отключу пламя, вы ворветесь в каюту. Стреляйте во все, что движется. Если они окажутся рядом, сшибайте с ног, пускайте в ход ножи. Нам нужны пленники, но гораздо важнее для нас победа. Все поняли, что надо делать? Вопросы есть?

— Только один, — подал голос Узи. — Ты знаешь, как пользоваться огнеметом?

— Конечно. Тренировался не один час, после того как мы захватили его. Я поджарю этих немцев, как свиной. Они и есть свины. Пошли.

Тупамарос вышли в коридор.

— Свет, — прошептал Хосеп, и они быстро вывернули лампы. Теперь коридор освещала только полоса света, падающая из открытой двери в каюту Хэнка.

Как только все заняли исходные позиции, Хосеп махнул Хэнку рукой. Тот закрыл дверь.

Мгновением позже темноту и тишину коридора разорвал голос Хосепа:

— ДАВАЙ!

Тут же прогремела автоматная очередь, удар каблука распахнул дверь.

Они увидели повернувшиеся к ним изумленные лица мужчин... Которые тут же исчезли в ярком пламени. А мгновением позже раздался жуткий вопль. Его, правда, тут же заглушили выстрелы. Атакующие ворвались в дверь сквозь струи воды: отреагировав на пламя, автоматически включилась система пожаротушения.

То была битва в аду. В клубах дыма, среди тлеющих обшивки стен и мебели. Мелькали тени, гремели выстрелы.

Узи вошел в «суперлюкс» последним, переступив через Хосепа, который высвобождал плечи из лямок, двинулся вдоль стены, наткнулся на Вилгуса, который стрелял, стрелял и стрелял. Сам стрелять не стал, метнул свой пистолет, угодил нацисту в челюсть. Тот пошатнулся, и в следующее мгновение Узи одной рукой перехватил руку Вилгуса, сжимавшую пистолет, а второй врезал ему в солнечное сплетение. Вилгус, как мешок, повалился на сержанта Прадери, по-прежнему привязанного к стулу.

— Что вас задержало? — только и спросил сержант.

Короткая битва завершилась. Струи превратились в тоненькие струйки, иссякли и они, огня больше не было. Большинство ламп разбили, но кто-то догадался раскрыть шторы. В гостиную проник серый рассвет.

— Мы их взяли, — радостно воскликнул Хосеп. Диас посмотрел на лежащего у его ног обгорелого мужчину, отвернулся, его вырвало.

Они действительно победили. Но комплект пленников оказался неполным. Адмирал Маркес получил пулю в лоб.

— Невелика потеря. — Хосеп пнул тело адмирала, потом поставил пистолет на Стресснера, оставшегося невредимым. Стресснер бросил на пол разряженный пистолет и попятился.

Под струю огня угодил майор де Лайглесия. Он оказался напротив двери, когда ее распахнул пинок Эстебана. Майор отпытал свою последнюю жертву, сам став жертвой ужасной пытки. Леандро Диас не мог заставить себя вновь взглянуть на

безглазого, безлищевого, обугленного, но еще живого человека, из безгубого рта которого слышался монотонный вой. Потом заставил себя наклониться, приставил пистолет к обгоревшей голове. Раздался выстрел.

Вилгус извивался на полу, держась обеими руками за живот, не замечая, что рядом, уставившись в никуда, лежит полковник Манфред Хартиг. Это зрелище очень порадовало бы тех немногих, кто чудом остался жив в польских концентрационных лагерях. Необходимость судить полковника отпала.

Карл-Хейнц Эйтманн вжимался спиной в стену. Он всегда боялся оружия, по существу не знал, как им пользоваться. Пистолет отбросил, едва началась стрельба.

А рядом стоял Клаус, опустив голову, сжигаемый горечью и стыдом. Более тридцати лет он прослужил телохранителем доктора Вилгуса, а когда пришла настоящая беда, не смог ему помочь. Потому что не мог удержать пистолет в руке. Инстинктивно он поднял руки, чтобы закрыть лицо, когда на него пошел вал огня. Лицо чуть обгорело, ему подпалило волосы, в общем, ерунда. А вот руки сожгло до костей, кожа висела лохмотьями. Он пытался взяться за пистолет, но пальцы ему не повиновались.

Других немцев в живых не осталось. Понесли потери и нападавшие. Трое погибли, Консепсьон лежала на полу, изо рта и раны на шее текла кровь.

— Где врач? — крикнул Хосеп.

Ему ответил сержант Прадера:

— В спальне с раненым уругвайцем. — Прадера повернулся, стараясь не обращать внимания на боль в ноге, оглядел комнату. — Вижу, пациентов у него будет немного.

— Диас, приведи его, — приказал Хосеп. Диас нырнул в спальню, чтобы мгновением позже вернуться с доктором Люсерой. Тот громко возмущался, прижимая к груди черный саквояж.

— Этот человек ранен, у него сотрясение мозга, я не могу оставить его... Боже мой! — Глаза доктора широко раскрылись при виде трупов, обгорелых, залитых водой стен и мебели. — Это ужасно, ужасно.

— Займись этой женщиной, — рявкнул Хосеп.

Доктор опустился на колени рядом с Консепсьон, увидел, что ее глаза открыты и она смотрит на него.

— Не пытайтесь говорить, — предупредил он. — Вас ранило

в шею. — Он подsunул руку ей под голову. — Ничего страшного. Позвонки целы, основные кровеносные сосуды тоже. Лежите тихо. Я перевяжу рану, дам вам обезболивающее.

Из коридора донеслись торопливые шаги, в «суперлюкс» ворвались трое мужчин в защитных костюмах, противогазах, с огнетушителями и топорами. Увидев царящий в гостиной разгром, остановились как вкопанные. Хосеп приглашающе взмахнул рукой.

— Убедитесь, что огня нигде нет. Не пытайтесь покинуть каюту. — Он подошел к сброшенному на пол телефонному аппарату, поднял его. По гудку понял, что телефон уцелел. Быстро набрал номер. — Дайте мне капитана. Да... я знаю насчет пожара. Заткнитесь и слушайте. Отзовите тех, кто отвечает за пожарную безопасность или как там у вас это называется. Скажите им, что все в порядке. Заставьте их поверить! Что значит, вы сами мне не верите? Вашему кораблю ничего не угрожает. Сейчас передам трубку одному из ваших людей. — Он подозвал ближайшего из матросов, который уже снял противогаз.

— Что тут происходит?

В дверях стояли пассажиры, многие в халатах, некоторые в спасательных жилетах.

— Всех в каюту, — распорядился Хосеп. — Мы должны найти им место.

Все рушилось, их было слишком мало, чтобы контролировать весь корабль. Вот и теперь предстояло посадить под замок всех пассажиров, которые оказались поблизости.

— Извините, это вы, мистер Хосеп? — Матрос протягивал телефонную трубку. — Капитан просит передать вам трубку. Говорит, что дело очень срочное.

Хосеп послушал, начал было протестовать, замолчал.

— Уже иду. — Он положил трубку на рычаг, нашел взглядом Диаса. — Остаешься за старшего. Постараюсь кого-нибудь тебе прислать. Размести их по спальням, оборви телефонные шнуры. Я вернусь, как только смогу. Ты пойдешь со мной, — бросил он Узи.

— В чем дело? — спросил Узи, когда они вышли в коридор.

— Капитан говорит, что не может нести ответственность за офицеров, если те не будут повиноваться его приказам. Речь идет о безопасности корабля. Я сказал, что поднимусь на мостик.

На мостике они застали безрадостную картину. Испуганный

матрос стоял у штурвала. Остальные сбились в угол под прицелом автомата охраняющего их боевика. Третий помощник обратился к ним, как только они переступили порог:

— Сделайте что-нибудь. Этот кретин не говорит по-английски, и я не могу объяснить ему, в чем опасность.

— Какая опасность? Подойди сюда. Только ты.

Офицер поспешил к штурманскому столику, сопровождаемый Хосепом и Узи. Указал на расстеленную на нем карту Тихого океана, возбужденно начал объяснять. С каждым словом Узи улыбался все шире, наконец рассмеялся, перебил офицера:

— Это отлично. Прекрасно. Будут приняты все необходимые меры, не волнуйтесь. — Повернулся к недоумевающему Хосепу и ткнул пальцем в карту.

— Видишь это? Видишь? Вот ответ на все наши вопросы! Решение, которое мы искали. Мы не просто победим, но и еще останемся в живых.

ГЛАВА 26

Когда корабль Перуанской береговой охраны прибыл к «КЕ-2», огромный лайнер дрейфовал посреди пустынного океана. Теперь, двадцать четыре часа спустя, ситуация изменилась кардинально. «Уаскаран» по-прежнему находился рядом, и его командир, капитан Боррас, не давал приказ отцепить линь, дабы ни у кого не возникло сомнений в том, кто первым поднялся на борт найденного лайнера. Речь шла не только о славе, но и букве морского закона. Раз на «КЕ-2» никого не было, первый человек, поднявшийся на борт, мог объявить лайнер своей собственностью. Капитан, конечно, сомневался в том, что лайнер останется в его владении, но мысль эта приятно грела. На всякий случай он позаботился о том, чтобы на «КЕ-2» постоянно несли вахту матросы «Уаскарана».

Но перуанцы уже не пребывали там в гордом одиночестве. Американский авианосец «Китти Хок» застыл в четверти мили от лайнера, и между двумя кораблями сновали катера и летали вертолеты.

Разумеется, хватало и зевак. Голландский танкер перекачивался на волнах в миле от лайнера, компанию ему составляли две океанские яхты. Другие корабли, сухогрузы и один круизный лайнер, конечно, поменьше «КЕ-2», отклонились от привычных маршрутов, чтобы поглазеть на невиданное зрелище.

Происходило все это вне территориальных вод, поэтому никто не имел права отогнать любопытных.

В это время закипела жизнь на борту авианосца. Ранее двигатели работали на малой мощности, чтобы держать «Китти Хок» носом к волнам, а тут за кормой вскипела вода. Авианосец набрал скорость. А несколько минут спустя на горизонте появилась черная точка, быстро выросшая в двухместный реактивный штурмовик дальнего радиуса действия. Он с ревом прошел над авианосцем, развернулся и со второго захода приземлился на палубу.

Коммодор Фрит смотрел на бушующий под крылом океан, на быстро приближающийся крохотный прямоугольник палубы авианосца и не в первый раз порадовался тому, что служил на флоте и при малейшей возможности избегал самолетов. Правда, в этот день он, наверное, налетался на всю оставшуюся жизнь.

Все началось в Саутгемптоне, после долгожданного телефонного звонка: «Королеву» нашли. Он руководил этим маршрутом, и в «Кунарде» ожидали, что он незамедлительно прибудет на место событий. Фрит, разумеется, не подумал увильнуть при всей его неприязни к воздушному транспорту. С уже собранным чемоданчиком и паспортом в кармане он поехал в аэропорт Портсмаута, где приземлился самолет компании. Не успели они набрать высоту, как пошли на посадку в Хитроу. В здание аэропорта Фрит даже не попал, потому что специально для него задержали вылет «Конкорда». Таможенная служба Ее Величества проявила максимум любезности, и один из офицеров уже ждал Фрита у трапа «Конкорда», где и поставил в паспорт коммодора выездную визу. Получив разрешение покинуть страну, он быстренько поднялся по ступенькам и еще не успел застегнуть ремень безопасности, когда люк захлопнулся и «Конкорд» покатил к началу взлетной полосы.

Конечно же, «Конкорды» являлись гордостью «Бритиш эрлайнз», пусть ежегодно они и приносили миллионы фунтов убытка, но Фрита самолет не впечатлил. Возможно, потому, что каждый пассажир, пересекающий Атлантику по воздуху, лишал «Кунарда» возможности доставить его в Америку и обратно со всеми удобствами. Короче, национальную авиакомпанию Фрит недолюбливал. И стейк, шампанское и черная икра не могли компенсировать стоящие впритирку кресла, низкий потолок, постоянные шум и вибрацию. Конечно, свои наблю-

дения он держал при себе, после стакана посредственного виски сумел задремать, а проснувшись, обнаружил, что они уже приземляются в аэропорту Кеннеди. Коммодор Фрит оставался на борту, нервно барабанил пальцами по подлокотнику, пока они вновь не взлетели, взяв курс на аэропорт Далласа.

Там в дело вступила военно-морская авиация. О паспорте и визе речи не было. К трапу подкатил длиннющий черный «Кадиллак» с не менее черным водителем, который отдал честь, открыл для Фрита дверцу салона, вернулся за руль, нажал на педаль газа и погнал лимузин к стоящему на взлетной полосе штурмовику. Пилот ждал его, привалившись к крылу, лениво пожевывая пластинку жевательной резинки. Раскрыл папку и протянул Фриту, едва тот вылез из «Кадиллака».

— Привет, коммодор, — поздоровался он с привычной американцам непочтительностью к старшим по званию и возрасту. — Я — ваш пилот, Чак. Распишитесь, пожалуйста, здесь и здесь, чтобы ваши родственники не предъявляли претензий ко флоту, если я окуну вас в океан, а потом можем отправляться. Вот так, считайте, что вы взяли автомобиль напрокат у «Хертца». Качество обслуживания гарантировано.

Покончив с бумагами, Чак передал папку водителю, потом помог коммодору забраться в кабину, закрепил парашют, показал, как застегнуть ремни безопасности, занял свое место.

Полет проходил спокойно, под конец Фрит даже задремал, но разом проснулся, когда пилот заложил крутой вираж и под ногами что-то натужно загудело.

Зато сели они на удивление гладко. Только что авианосец был перед ними, а в следующее мгновение штурмовик уже стоял на палубе и кто-то поднимал фонарь кабины.

Далее Фрит пересел на вертолет, но провел в кабине совсем ничего. Едва поднявшись, они уже опустились на кормовую палубу «КЕ-2». Коммодор с удовлетворением отметил, что кто-то аккуратно убрал шезлонги, которые обычно на ней стояли.

Американский матрос открыл дверцу кабины, молодой лейтенант, стоявший за его спиной, отдал честь, потом взял чемоданчик коммодора, прежде чем тот спустился по лесенке.

— Добро пожаловать на борт, сэр. Вас ждут на мостике. — Коммодор вдруг понял, что сказать ему нечего, и просто кивнул офицеру. Его раздирали противоречивые чувства. Облегчение, вызванное тем, что лайнер нашли целым и невредимым. Недоумение по поводу его внезапного исчезновения. И злость,

обусловленная всей этой историей. Не могло такого случиться с кораблем, принадлежащим компании «Кунард», и тем более с «Королевой». А откуда-то изнутри рвался страх за судьбу пассажиров и экипажа. Две тысячи шестьсот человек не могли растаять, как снеговик по весне. Если, конечно, но уж эти мысли он решительно гнал от себя, они не мертвы. Океан не раз и не два становился братской могилой.

На мостике его ждали американские морские офицеры, которые, как один, повернулись к нему, когда он вошел в дверь. Седовласый офицер, такого же роста и телосложения, как и сам коммодор, направился к нему, протягивая руку.

— Рад видеть вас, коммодор. Я — адмирал Мидленд, руководжу этой операцией.

— Весьма признателен вам, адмирал. Благодарю за все, что военный флот сделал для нас. Можете вы рассказать о том, что вам удалось обнаружить?

— Разумеется. Прошу сюда. Я пошлю кого-нибудь за кофе. Почему бы вам не сесть в капитанское кресло...

— Мне не положено, — сухо ответил коммодор. К счастью, в этот момент принесли кофе, оборвав неловкую паузу. Адмирал наполнил две чашки.

— Позвольте сначала рассказать вам, что мы обнаружили на корабле, а потом вы сами сможете его осмотреть. Главные двигатели застопорили, резервный — нет, и он продолжал обеспечивать выработку электроэнергии. Все инструменты на мостике функционировали нормально. Как и радиопередатчики. После того как с лайнером оборвалась радиосвязь, четыре дня назад, ни одной записи не появилось в вахтенном журнале, ни одной черточке — на штурманской карте.

— И исчезновение команды и пассажиров?

— Да, разумеется. Но мы обнаружили отсутствие шлюпок и спасательных плотов, а также признаки быстрой эвакуации.

— Какие признаки?

— Рундуки со спасательными жилетами открыты, самих жилетов нет. В каютах разбросаны вещи. Неожиданности на этом не закончились.

— С чем еще вы столкнулись?

— На коврах — прожженные круги, на каждой из пассажирских палуб. Слово огонь внезапно вспыхивал, а потом его удавалось локализовать.

— Надеюсь, вы не говорите о летающих тарелках? Они вроде бы всегда оставляют выжженные пятачки.

— Нет, не говорю. — Адмирал с трудом сдерживал раздражение. — Я просто описываю наши неординарные находки. К примеру, в одном из ресторанов первого класса к обеду накрыли все столы, но люди поели лишь за несколькими и на них осталась грязная посуда. Я не знаю, что это значит. Лишь сообщаю о том, что мы увидели. А самое худшее — свидетельства того, что на корабле шло нешуточное сражение.

— Вы о чем? — Коммодор допил кофе и пожалел о том, что ему не налили чего-нибудь покрепче.

— Я про один из «суперлюксов». Там все сожжено, действительно сожжено, пол, потолок, стены, а потом залито водой из системы пожаротушения. Это еще не все. В стенах — отметины от пуль, мы даже выковыряли парочку, на негоревших кусках ковра — пятна, скорее всего, крови. Я отдал образцы на анализ, так наши врачи уверены, что это кровь — человеческая.

Пожар, кровь, пули. Самые худшие подозрения коммодора стали явью. Покойники! Неужели они все умерли? От ужаса он зажмурился, сам того не ведая, озвучил свои мысли.

— Я не могу поверить, что все они мертвы, убиты, я просто не могу в это поверить. Невозможно.

— Невозможно и случившееся с лайнером. Где он был эти три дня?

— Вот это, адмирал, самый главный вопрос. — Коммодор Фрит вскинул голову, злость изгнала страх. — И, клянусь богом, мы их найдем. Но прежде всего я должен выпить... поездка выдалась долгой и утомительной.

— Извините, коммодор, на американском флоте действует «сухой» закон.

— Слава богу, у англичан он не действует, во всяком случае на этом корабле. И по собственному опыту знаю, что спиртного здесь хоть залейся.

— Все опечатано согласно одному из моих первых приказов.

— Вы поступили абсолютно правильно. Но с моим прибытием этот корабль вновь плавает под флагом «Кунарда». Мы пойдем в капитанскую каюту. Рэпли всегда держал полный бар.

Когда они прибыли в капитанскую каюту, у Фрита возникли сомнения, а осталась ли в баре хоть одна полная бутылка. Везде стояли грязные стаканы, в пепельницах горкой лежали окурки, на полу валялись смятые пачки из-под сигарет.

— В таком виде вы все и нашли, адмирал? — спросил он, оглядывая каюту, а потому не заметив, как недовольно поморщился Мидленд.

— Совершенно верно, мои люди ни к чему не притрагивались. Только опечатали бар.

Коммодор заметил металлическую ленту, которая опоясывала бар. Ее стягивала свинцовая печать. Кивнул.

— Очень хорошо. А теперь вас не затруднит снять печать? Благодарю.

В баре нашлись чистые стаканы и среди пустых бутылок одна ополовиненная с виски. Похоже, веселье в каюте капитана шло на все катушку. Фрит протянул стакан адмиралу.

— Составите мне компанию, сэр?

— Я при исполнении. — Лед в голосе Мидленда многим заморозил бы кровь, но не коммодору. По правде сказать, он даже не заметил, что адмирал выражает недовольство. Выпил виски, удовлетворенно выдохнул.

— Что еще вы заметили необычного?

— Один важный момент. Сейф в кассе вскрыли ацетиленовым резаком, но ничего не тронули. Все банковские ячейки на месте и заперты.

— Мы должны найти людей! — Коммодор вскочил, заходил взад-вперед. — Я просто не могу, не могу поверить, что все они мертвы. Это ужасная мысль, и я буду гнать ее от себя, пока не получу неопровержимых доказательств их смерти. Есть хоть какие-то зацепки? Записки, письменные свидетельства?

— Я тоже подумал об этом, и мои люди пытались хоть что-то найти. На стене в кубрике команды они нашли слово, написанное на стене у одной из коек. «ВОГИ»¹.

— Меня это не удивляет. Английский моряк смотрит свысока на всех, кто не родился на наших островах.

— Там была и вторая строчка, ниже, прикрытая матрасом. «САВТОМАТАМИ».

— Воги с автоматами. Маловато для выводов. Мы знаем, что автоматы стреляли, а «вогами» могли назвать кого угодно, от французов до китайцев и всех тех, кто живет по соседству. Эти улики ничего нам не дадут, пока мы не найдем экипаж и пассажиров, и это необходимо сделать немедленно!

¹ Воги — от английского wogs, презрительные прозвища индийцев и арабов.

— Мы этим и занимаемся последние четыре дня, коммодор. Я ценю вашу озабоченность, но все, что только возможно, уже сделано...

— Нет, не все. Раз «Ка-Е-Вторая» найдена, теперь мы знаем, где искать тех, кто находился на борту.

— Неужели, коммодор? Возможно, я где-то и туповат, но определенно понятия не имею, где же их искать.

И вот тут до коммодора Фрита дошло, что своей заикленностью лишь на одном аспекте проблемы он рассердил адмирала. То есть повел себя самым глупым образом. Он поставил стакан, шагнул к американскому офицеру.

— Адмирал Мидленд, прошу великодушно принять мои извинения. Моей грубости и попыткам понукать вами нет оправданий, я могу объяснить их только терзающим меня страхом за судьбы тех, кто нам доверился. У вас под началом много людей, вы знаете, что я сейчас чувствую.

— Разумеется, сэр... и в оправданиях нет нужды. — Он протянул руку, которую коммодор крепко пожал.

— Мы все устали, — продолжил коммодор, — последние дни выдались совершенно безумными, и я должен поблагодарить вас, а в вашем лице и всех остальных, все страны, кто помогал нам в поисках. Но теперь хочу попросить сделать последний рывок.

— О чем вы?

— Если мы поднимемся на мостик, я вам все покажу по карте.

Карта Тихого океана по-прежнему лежала на штурманском столе, с курсом лайнера, проложенным до последнего, рокового дня. Коммодор постучал пальцем по той точке, где линия обрывалась.

— Мы знаем, что лайнер был здесь в момент разрыва радиосвязи. Часом раньше «КЕ-2» заметил вахтенный сухогруза и зафиксировал встречу в бортовом журнале. Координаты точно ложились на проложенный на карте курс. А здесь, — он перенес палец в другую точку, — вы нашли нашу «Королеву». Я буду вам очень признателен, если вы пришлете лучшего штурмана вашего авианосца, и я покажу ему, какие нужно выполнить расчеты.

— Боюсь, я вас не понимаю.

— Из того, что нам известно, мы можем определить зону поисков. Мы знаем время и место, где в последний раз видели лайнер. Мы знаем время и место, где его нашли. Ваш офицер, с

учетом крейсерской скорости лайнера, двадцать восемь с половиной узлов, очертит ту зону, в которой могут находиться пассажиры. Зону, границы которой мог бы достичь лайнер и вернуться в ту точку, где его нашли. Возможно, где-то в пределах этой зоны пассажиров и экипаж перегрузили на другой корабль. Таких больших кораблей не так уж и много, и определить, какие именно использовались, не составит труда.

Адмирал потер подбородок, пробежался пальцем по карте.

— Логично. Они могли сделать это в открытом море, а потом вернуться назад. Или могли высадить всех на побережье Калифорнийского залива, Центральной Америки...

— К примеру здесь, в Гватемале. Джунгли подступают к берегу, никакой связи. Возможно, они там, на берегу... а может, где-то еще. Нам придется обыскать каждый квадратный фут суши и океана. Где-то они должны быть!

Адмирал Мидленд кивнул.

— Вы абсолютно правы. Где-то они должны быть, в этом нет ни малейших сомнений. — И не стал добавлять, что они могли утонуть, их могли убить, а теперь их трупы покоились на дне океана. Для таких мыслей время еще не пришло. — Весь мир, все страны приложили немало усилий, чтобы найти этот корабль. Мы продолжим работу, включив в зону поисков и сушу. Сделаем все, что только возможно. Говорю вам, сэр, мы их найдем.

ГЛАВА 27

Капитан Эрни Буш давно работал в «Уэстерн эрлайнз» и до этого успел налетать немало. Он хорошо помнил и «Б-29», и «С-47», и первые реактивные пассажирские самолеты. И появление лучшего из них, «Боинга-747». Самолета, на котором он любил летать. Когда «Уэстерн» только подумывала о покупке этих «птичек», он, как только мог, проталкивал эту идею. Даже в свой отпуск, на собственные деньги побывал на заводе, где они строились, чтобы поговорить с инженерами и проектировщиками и подняться в воздух на одном из них. Все получилось, как он и надеялся, и теперь Эрни Буш был капитаном и пилотом одного из этих красавцев и полагал, что голубая мечта его жизни стала реальностью.

До взлета оставалось несколько часов. Он уже принес чемоданчик со своими вещами на борт, в очередной раз восхитился

громадными размерами салона. Теперь оставалось лишь утвердить маршрутный лист. Прогноз погоды радовал. Шторм в Тихом океане, бушевавший последнюю неделю, полностью выдохся. Так что никаких неожиданностей от очередного полета он не ждал.

Первый намек на то, что неожиданности все-таки будут, он получил, когда его вдруг вызвали к главному диспетчеру.

— Что не так? — спросил он от двери, высокий, крепкий, с чуть тронутыми сединой висками. Кулаки его непроизвольно сжались, словно он собрался ринуться в бой.

— Все нормально, капитан. Пожалуйста, проходите. Я не уверен, что вы знакомы с этим господином. Капитан Буш, «Уэстерн эрлайнз», командер Гимелли, военно-морской флот США.

— Рад встрече, капитан. — Гимелли взмахом руки предложил ему сесть с другой стороны длинного стола, за которым главный диспетчер обычно проводил совещания. Подозрительность Буша только возросла. Он не питал особой любви к флоту, сам служил в авиации, а уж особенно ему не нравился нью-йоркский акцент командера.

— Я изучил ваш маршрутный лист, капитан, — продолжил Гимелли, — и подумал, не согласитесь ли вы внести в него некоторые изменения.

— Не вижу причин, — холодно ответил Буш.

— Наверное, не стоило мне сразу просить об этом. Вы знаете, что я здесь делаю?

— Нет. — В голосе слышались и слова, которые остались за кадром: и знать не хочу.

— Я — один из координаторов поисковой операции, которая ведется в связи с исчезновением лайнера «Ка-Е-Вторая».

— Лайнер нашли, так что вы остались без работы. Если я вам больше не нужен, позвольте откланяться.

— Капитан Буш, вы по натуре такой сукин сын или только прикидываетесь им? — рявкнул Гимелли, и Буш вскочил, его лицо побагровело от злости.

— И что вы хотели этим сказать?!

— То, что сказал! Неужели вы не знаете, что корабль найден, а вот экипаж и пассажиры — нет?

— Нет, я этого не знал. — Буш снова сел. — Оторвался от жизни.

И действительно оторвался, проведя три дня со стюардес-

сой, давнишней подругой, в мотеле Энсинатаса на берегу Калифорнийского залива. Он слышал короткое сообщение на испанском о том, что лайнер найден, и больше об этом не думал. Новости его никогда не интересовали.

— Тогда позвольте мне ввести вас в курс дела. Четыре последних дня проводилась одна из крупнейших розыскных операций на воде и в воздухе. По весьма веской причине, поскольку исчез крупнейший в мире лайнер с пассажирами и командой. «Ка-Е-Вторая» наконец-то нашлась, но на борту мы не обнаружили никого. Пропали более двух тысяч людей, на корабле найдены следы стрельбы и насилия. Поэтому теперь идет поиск тех, кто находился на лайнере, когда он вышел из Акапулько. Взгляните на эту карту, на ней помечена зона поиска. Особенно нас интересуют большие корабли, которые находятся в этой зоне или в непосредственной близости от нее. Мы просим, чтобы об увиденном нам докладывали экипажи всех самолетов и кораблей. Увидев ваш маршрутный лист, я сразу подумал о том, что вы можете нам помочь.

— Что я должен сделать?

— Позвольте сразу поблагодарить за содействие. Прежде всего хочу сообщить, что руководство вашей компании уже одобрило предложенные мною изменения маршрута, хотя расход топлива возрастет на несколько тысяч фунтов. Как вы сами видите, капитан, весь мир озабочен судьбой этих людей.

Буш кивнул, ничего не ответив. Он, безусловно, заслужил порицания. Но три дня в мотеле того стоили.

— Вы выполняете чартерный рейс в Боготу, Колумбия, а потом летите в Перу. Я прав?

— Да. Компания подумывает об освоении Южной Америки. Пока полной уверенности в том, что рейс станет регулярным, нет. Сейчас загрузка достигает пятидесяти процентов, но постепенно растет.

— Мы это тоже учитывали, когда рассматривали изменения маршрута. Пожалуйста, еще раз взгляните на карту. Мы бы хотели, чтобы вы увели самолет дальше на запад, вот сюда.

Буш провел пальцем по нанесенной на карте линии.

— Значит, мне придется делать большой крюк над Тихим океаном.

— Совершенно верно. Полетное время увеличится примерно на час, но топлива вам вполне хватит, даже с учетом резервных запасов.

— Так вы говорите, что начальство согласно?

— Безоговорочно.

— Тогда все будет, как вы хотите. Можете вы сказать, а почему это так важно?

— Разумеется. В этом секторе у нас нет кораблей, сюда не могут долететь самолеты с авианосца. Если вы отметите на карте местоположение крупных кораблей, которые, возможно, увидите, то окажете нам неоценимую помощь.

— И это все, что вам нужно?

— Да. Разве что мы просим вас держать глаза открытыми и замечать все необычное. Я не могу конкретизировать мои слова... ситуация экстраординарная, никто понятия не имеет, где пропавшие могут обнаружиться.

— Сделаю все, что в моих силах.

— Спасибо вам.

Двумя часами позже «747-й» оторвался от взлетной полосы.

Буш сам сидел за штурвалом. Из-за увеличенного запаса топлива разгон оказался более долгим, но, пробив висящий над Лос-Анджелесом смог, они увидели над собой синее небо. Набирая высоту, он направил самолет по широкой дуге над побережьем Южной Калифорнии. В чистом небе ярко светило солнце, внизу они видели и Сан-Диего, и фермы на южной границе Соединенных Штатов. Где-то там лежал и Эсенадас. «Ах, мотель моих грез», — с улыбкой подумал Буш. И, забыв о приятных воспоминаниях, сосредоточился на настоящем.

— В этом полете я без работы не останусь, — пробурчал Труби, второй пилот, на котором лежали и обязанности штурмана.

Он следил за курсом и прислушивался к пиканью радиомаяка в Сан-Диего. Когда самолет оказался над Тихим океаном, переключился на частоту радиомаяка в Ла-Пасе.

— У нас долго не будет возможности определить наше местоположение по данным радиомаяка. К счастью, на самолете есть навигационный блок.

— Не волнуйся, мой мальчик, все будет хорошо. Не забывай, что во время войны «Б-17-е» и «24-е» летали через Атлантику безо всяких радиомаяков и навигационных блоков, руководствуясь только картами и секстантами, какими пользуются на кораблях.

— Давай обойдемся без лекций, босс. Я тоже читал учебники по истории. Просто приятнее в любой момент знать, где ты есть и куда направляешься. А когда нас никто не ведет, на ум

почему-то приходит печально известный рейс новозеландской компании в Антарктиду...

— Прикуси язык! У нас ничего такого не будет и в помине. Мы летим днем, на высоте тридцать одна тысяча футов и, как только завершим поиск, напрямик направимся в Боготу. Волноваться не о чем. — Он включил громкую связь. — Доброе утро. Говорит командир экипажа вашего самолета. Мы только что вышли на расчетную высоту нашего полета, тридцать одну тысячу футов. Температура за бортом — минус пятьдесят градусов, но в Боготе погода гораздо лучше. Плюс двадцать по Цельсию, около семидесяти по Фаренгейту. Прибудем мы туда чуть позже, потому что наш самолет, как и многие другие, привлечен к поискам пассажиров лайнера «Ка-Е-Вторая». Поэтому мы пролетим чуть западнее, чем планировалось, и будем сообщать в координационный центр обо всех замеченных внизу кораблях. Я говорю вам это на случай, если вы сами захотите взглянуть в иллюминатор. Кто знает, вдруг кто-то из вас и найдет пропавших пассажиров и экипаж лайнера. Приятного вам полета, благодарю за то, что вы воспользовались услугами «Уэстерн».

— Да ты у нас первоклассный психолог, — прокомментировал Труби.

— Само собой. Если мы прибываем в Боготу позже намеченного, они должны знать, в чем причина. И им будет чем заняться во время полета.

Стюардессы собирали грязную посуду после ленча, когда вновь ожила громкая связь:

— К вам вновь обращается командир экипажа капитан Буш. Мы пролетаем над невидимой границей, за которой начинается зона поисков. Мы заносим в бортовой журнал все увиденные нами корабли, и эти сведения по приземлении будут переданы в компетентные органы. Благодарю вас.

— Вижу много пустого океана, — заметил Труби. — И ни одного корабля.

— Мы вне зоны активного судоходства, в этом все дело. Но видимость отличная, поэтому одному богу известно, что мы еще сможем увидеть. Позвони на кухню, пусть принесут кофе.

Следующие полчаса под крылом они видели только гладь океана. Редкие облака не мешали обзору. Труби, наклонившись вперед, всмотрелся в темное пятно на горизонте.

— Похоже, опять собирается грозовой фронт.

Буш сверился с показаниями компаса, картой.

— Это не облака — остров. Клиппертон. Единственный клочок суши, который мы увидим, пока не доберемся до Центральной Америки.

— Клиппертон? Правда? — Труби склонился над картой. — Точно. Я прочитал статью об этом острове в «Кротче».

— Прекрасно. И что интересного мог написать об этом крошечном островке женский журнал?

— Между прочим, статья была очень даже серьезная. Я и название запомнил. «Безумная белая королева острова каннибалов».

— Действительно. Такое название может быть только у серьезной статьи.

— Нет, правда. Может, автор придумал такое название, чтобы продать статью журналу, но факты в ней приводились истинные. Я это знаю, потому что потом заглянул в «Британскую энциклопедию». Даже поспорил насчет этого с одним парнем в отеле.

— О священный кладезь мудрости, кто посмел поставить под сомнение незапятнанность ложью твоих белых страниц?!

— Это правда, Эрни, честное слово. Остров раньше принадлежал Мексике. Сплошные скалы, на которых ничего не растет. Нет и воды. Зато его толстым слоем покрывало гуано...

— Я так и знал! Не могла эта статья обойтись без дерьма!

— Но в этом же все дело! В Южной Америке птичий помет используют как удобрение. В прошлом столетии мексиканцы добывали гуано на Клиппертоне, кораблями доставляли его на материк. Работа, конечно, не из лучших...

— Вот тут я полностью с тобой согласен!

— Но желающие находились, потому что платили неплохо. На остров корабль привозил еду и питье, а возвращался, груженный гуано. И все шло нормально, но произошла революция, потом началась гражданская война, в общем, про колонию на Клиппертоне забыли. И к тому времени, когда на остров все-таки прибыл корабль, немногие оставшиеся в живых стали людоедами. Другого способа выжить у них не было.

— Ты серьезно? — Буш вглядывался в торчащую из океана скалу. Чуть повернул штурвал, чтобы пролететь прямо над ней. — Должно быть, так и было. Такого не выдумаешь. Больно уж грустная история.

— Еще бы. Вокруг на сотни миль океан, деваться некуда, еды нет... и ожидание корабля, который не приходит.

Клиппертон серым зубом торчал среди синевы океана. Труби поднес к глазам бинокль и внимательно разглядывал остров.

— Да, местечко не из лучших. Никаких следов зелени, ни кустика, ни деревца, ни клочка травы. Скалы в белых разводах, должно быть, гуано. Естественная бухта. В ней много скал. Рядком поднимаются вдоль берега.

Он опустил бинокль, потер уставшие глаза. «747-й» пронесся над островом со скоростью шестьсот пятьдесят миль в час.

— Не может такого быть, — покачал головой Буш. — Просто не может... а с другой стороны, почему нет?

— Ты о чем? — спросил Труби.

— Безумная идея. Действительно, безумная. Эти скалы, которые ты видел. А вдруг это шлюпки?

— Мне показалось, скалы...

— Слушай. Говорят, что «Ка-Е-Вторая» могла быть в этом районе. На корабле не осталось ни шлюпок, ни спасательных плотов. Я знаю, возможно, звучит, как бред, но вдруг они там, на необитаемом острове?

— Господи... — только и выдохнул Труби, осознав, что такое возможно.

Капитан Буш выключил автопилот, взял управление на себя и начал разворачивать самолет.

— Свяжись по радио с Мехико и сообщи им наши координаты. Передай, что я опускаюсь до шести тысяч футов, чтобы еще раз осмотреть остров. Оставайся на связи и скажи, что будем сообщать им об увиденном. Потом по громкой связи объясни пассажирам, что происходит.

Развернувшись и сбрасывая высоту, гигантский самолет вновь взял курс на остров. Солнце светило им в хвост, поэтому они отчетливо видели приближающийся берег.

— Шлюпки! Клянусь богом, шлюпки! — воскликнул Труби, когда они проносились над сверкающей бухтой. — Весь берег покрыт шлюпками!

Теперь они видели не только шлюпки, но и взлетающие в воздух сигнальные ракеты. И сотни, сотни людей на берегу, которые махали, махали, махали руками...

— А побыстрее нельзя? — рявкнул Хосеп. — Сейчас не время для игр. Почему эта маленькая точка на карте — решение наших проблем? Офицеры как раз говорят, что мы можем о нее разбиться.

— Они правы, — кивнул Узи. — Курс, которым мы идем, выведет нас прямо на остров Клиппертон. А в такой сильный шторм столь большому кораблю следует держаться открытого моря. Но я предлагаю не менять курс. Наоборот, идти к острову с максимальной скоростью. Сколько времени потребуется нам, чтобы добраться до него?

Третий помощник взял в руки циркуль.

— Мы будем там через шесть часов. Поэтому я и говорю об изменении курса.

— Курс менять не будем, — отрезал Узи. — У вас есть радар, не так ли? Вы увидите остров за многие мили.

— Да, но...

— Никаких но. Идет этим курсом. Я попрошу капитана подтвердить мое решение. Поэтому ведите себя спокойно, понятно?

Узи увлек ничего не понимающего Хосепа в коридор.

— Это наш шанс завершить операцию и выйти сухими из воды. Наша задача — удержать контроль над кораблем еще на несколько часов.

— А потом?

— Потом мы окажемся у острова Клиппертон. Включим пожарные сирены и заставим всех покинуть корабль. Капитан сделает соответствующее объявление по громкой связи. Все должны сесть в шлюпки. Оставаться на корабле опасно для жизни.

— Ну конечно! Мы выгрузим их на остров! Великолепно! «Ка-Е-Вторая» полностью компьютеризирована. Несколько человек хватит, чтобы направить ее к месту нашей встречи с траулером. Там мы и оставим лайнер пустым. Пусть те, кто его найдет, решают эту шараду. К тому времени, как решат, мы уже будем далеко. Но как насчет населения острова? У них наверняка есть радиоприемники, они сообщат о нас.

— Не волнуйся. Я разговаривал с одним из офицеров, когда мы проходили мимо острова на пути в Акапулько. Он необычайный, из живности только птицы. На шлюпках достаточно

продуктов и воды. Ни с пассажирами, ни с экипажем ничего не случится....

— Сюда. Тут что-то не так!

Один из тупамарос вышел в коридор из капитанской каюты и призывно замахал им рукой. Хосеп глубоко вдохнул и направился к нему.

Капитан Рэпли держал у уха телефонную трубку, внимательно слушал.

— Да, я им передам. — Он положил трубку на рычаг, поднял голову, увидел Хосепа. — Ситуация изменилась. Главный инженер узнал, что корабль захвачен вашими людьми. Он захватил машинное отделение и забаррикадировался там. Передал ультиматум. У вас есть полчаса, чтобы вернуть корабль под мое начало. Если вы этого не сделаете, он застопорит двигатели и выведет их из строя. Я сказал, что этим он подвергнет опасности корабль и жизни пассажиров и экипажа, но он тверд, как скала, — капитан взглянул на часы. — Осталось приблизительно двадцать пять минут.

— Идиот! — Хосеп выхватил пистолет, потряс им перед лицом капитана. — Люди могут пострадать из-за глупости этого кретина. Перезвоните ему, немедленно. Скажите, что вам не жить, если он будет упорствовать.

Лицо капитана закаменело.

— Я же сказал, он тверд, как скала. Я больше ничего не могу сделать. Предлагаю положить конец этому безобразию. Я возьму этот пистолет.

— Держи. — Хосеп ударил его стволом по шее, мушка оставила кровавую царапину. — Ваши люди, похоже, ничему не учатся. Возьмите двоих и пойдем со мной... шевелитесь!

Они шевелились. Никто не сомневался, что Хосеп не шутит, что ему не составит труда нажать на спусковой крючок. Хосеп пригнал их палубой ниже, в сожженный «суперлюкс». Пассажиры, томившиеся там, увидев капитана, устремились к нему, но Хосеп дважды выстрелил в потолок, и они с криками отпрянули.

— Вы, капитан, и ваши люди. Я хочу, чтобы вы взяли и отнесли к машинному отделению эти тела, если, конечно, не желаете, чтобы я заменил их вашими. Обгорелого заверните в одеяло, чтобы он не развалился по пути. Выполняйте!

Им этого не хотелось, но они подчинились. Матрос, который нес обгорелый труп де Лайглесии, дрожал от ужаса. Капи-

тан сгибался под телом адмирала Маркеса, но молчал. Полковника Хартига, толстого, как в жизни, так и в смерти, пришлось тащить волоком. Хосеп поменял пистолет на автомат. Загнал всех в лифт. Они спустились к машинному отделению. Под дулом автомата капитан и матросы подтащили тела к задренной двери машинного отделения.

— Бросьте тела здесь, — скомандовал Хосеп. — Матросы остаются на месте. Вы, капитан, подойдите вон к тому телефону. Позвоните вашему инженеру. Скажите ему, что стоите у двери с двумя своими людьми. Скажите ему о трупах. Предложите открыть дверь и лично взглянуть на них, если у него будет такое желание. Заверьте его, что меня рядом нет, что я стою в ста метрах по коридору. Так и будет. А потом скажите ему, что я убью вас, двух ваших матросов и всех остальных членов экипажа, если он не прекратит это безумие. Так и будет. Вы в этом сомневаетесь?

— Нет, — ответил капитан.

— Хорошо. Скажите ему, чтобы он поменьше верил тому что писали обо мне газеты. Скажите ему, чтобы он открыл дверь и посмотрел, что я могу сделать. Я его не пристрелю. В этом нет необходимости. А теперь действуйте.

Хосеп развернулся на каблуках и зашагал к дальнему концу коридора. Привалился к стене, наблюдая, как капитан снимает трубку. Дураки. Он чертовски устал. Глаза жгло, все мышцы болели. А спать нельзя, по крайней мере до завершения кризиса. Смогут они продержаться еще шесть часов? Да! Потому что должны.

Капитан повесил трубку и повернулся к двери. Несколько мгновений спустя она приоткрылась, и из-за нее осторожно выглянул инженер. Переговорил с капитаном, взглянул на трупы, потом на Хосепа, стоявшего с автоматом на изготовку. Плечи инженера поникли, и Хосеп понял, что этот раунд остался за ним. Но сколько еще ждало его впереди.

Они удерживали контроль над кораблем, но на пределе.

Однако каждая минута приближала их к цели.

Пассажиры начали сообщать, что к чему. Разумеется, не все. Тех, кто узнавал лишнее, загоняли в спортивный зал и заперали. Но при этом расплылись и без того незначительные силы. Если бы не шторм, им бы не удалось добиться своего. Но большинство пассажиров оставались в своих каютах. В крайнем случае решались дойти до ресторана. Поэтому они не зада-

вались вопросом, почему закрыта касса, почему заперт спортивный зал, почему капитан никого не приглашает на вечеринку. Они лишь молились о том, чтобы шторм прекратился, и укладывались на койку.

Два судовых врача под дулом пистолета узнали о происходящем. Одного охранника пришлось держать в лазарете, пока они оперировали раненого кассира, делали все что могли с раздробленными коленными чашечками сержанта Прадеры, зашивали рану на шее Консепсьон, перевязывали руки Клаусу.

По всему кораблю отчаявшиеся, безумно уставшие люди держали на прицеле других людей, числом превосходивших их в десять, двадцать раз. Большинство матросов знали, что происходит, но выполняли приказ ничего не предпринимать. Они знали о том, что случилось в машинном отделении.

Проведя два часа в полном одиночестве, Хэнк передал Диасу просьбу немедленно прийти к нему. Диас пришел, без сил рухнул на диван.

— В чем дело?

— Мне надоело охранять эти камушки. Моя жена по-прежнему в спальне, она хочет есть, говорит мне об этом. Бедный стюард по-прежнему заперт в ванной. Что вы собираетесь делать?

— Сейчас вызову Хосепа. Я не решусь притронуться к чемоданчику в его отсутствие. Воспользуюсь вашим телефоном.

При всей своей занятости лидер «Тупамаро» сумел выкроить время, едва услышал о бриллиантах. Вошел, плюхнулся в кресло, как и Диас. Молча выслушал тираду Хэнка о том, что тот хочет снять с себя ответственность за чемоданчик и его драгоценное содержимое.

— Вы правы, — кивнул Хосеп. — Бриллианты хранились у вас временно. — Он достал из кармана ключ, открыл чемодан, оглядел мешочки.

— Учет и контроль, — съязвил Хэнк.

— Когда на кону такие деньги, доверять нельзя никому, — отрезал Хосеп. — Вроде бы все на месте. Как, по-твоему, Диас?

Парагваец, не поднимаясь, пожал плечами. Он слишком устал, чтобы думать. Хосеп — нет. Глаза его покраснели от недосыпания, но мозг работал, как часы.

— У меня есть предложение. Мы не можем выделить человека, чтобы он охранял чемоданчик. И я никому не доверяю, во

всяком случае, если этот человек останется наедине с бриллиантами.

— Согласен, — кивнул Диас.

— Мы отнесем чемоданчик в лазарет. Там твой сержант Прадера и Консепсьон. Мы разместим их в одной комнате. Снабдим оружием. Принесем чемоданчик и оставим там. С такими охранниками он будет в большей безопасности, чем в сейфе.

— Согласен. Ты здорово все продумал, Хосеп. По одному человеку с твоей и моей стороны. Согласен. Бриллианты будут под охраной, и нам не придется отвлекать наших людей.

— Так давай прямо сейчас это и сделаем, потому что очень скоро нам надо выходить на связь. В последней радиограмме указывалось, что уже через несколько часов траулер сможет выйти в море.

— Подождите, — подал голос Хэнк. — Стюард по-прежнему заперт в ванной. Он не должен знать о том, что я замешан в этой истории.

— Я его выпущу. — Диас достал пистолет. — И предупрежу, что ему следует держать язык за зубами... хотя не сомневаюсь в том, что большинству экипажа уже известно, что корабль захвачен нами. Идите передо мной, чтобы я мог держать вас на прицеле.

Испуганного стюарда освободили, как и разъяренную Френсис. Гринстайны отправились в ресторан, чтобы утолить голод и обменяться несколькими словами. Хосеп и Диас понесли чемоданчик с бриллиантами в лазарет.

Две больничные кровати удалось поставить только в смотровой, которая располагалась по левому борту второй палубы. Санитары вынесли из нее письменный стол, кушетки, стулья, стол для осмотра пациентов, заменив все двумя кроватями. Чемоданчик поставили на стеллаж с медицинскими книгами и журналами, который занимал целую стену. Консепсьон сидела на краю кровати и наблюдала.

— У тебя есть оружие? — спросил Хосеп.

— Разумеется, — прохрипела она. От потери крови она заметно побледнела, а шею закрывала широкая повязка.

— Хорошо. Ложись, набирайся сил. К бриллиантам никого не подпускай.

Она лишь улыбнулась в ответ и упала на подушку.

Сержанта Прадера привезли на каталке, двое санитаров и

врач с трудом переложили его на кровать. Обе ноги были в гипсе. Когда медики отбыли, Диас протянул сержанту пистолет.

— Бриллианты в этом чемоданчике. Чемоданчик останется здесь, и никто не должен к нему приближаться.

Прадера кивнул, убрал оружие под простыню.

— Понятно. Проследи за тем, чтобы здесь всегда горел свет. Эта женщина тоже не должна подходить к чемоданчику?

— Позвольте мне вас познакомить. Сержант Прадера. Консепсьон Вальверде. Она представляет тупамарос. Чемоданчик вы охраняете вместе. Ни один из вас не должен к нему подходить.

— Не моя проблема, не так ли? — ответил сержант. — Ее. — И повернулся к Консепсьон. На лице не отражалось никаких эмоций. — Прикоснись к чемоданчику, и ты мертва, женщина. Запомни.

Консепсьон от злости сплюнула и отвернулась.

— Отдыхайте. — Диас кивнул и вышел вслед за Хосепом. Едва за ними закрылась дверь, Консепсьон перебросила ноги через край кровати, встала, подошла к сержанту.

— Ты был их тайным агентом, не так ли? Работал с ними изо дня в день? — сержант кивнул. — Для этого требуется немалое мужество. И ты молчал, когда они прострелили тебе ноги.

— Для того, чтобы войти в тюрьму Ла Либертад и взорвать начальника тюрьмы и его охранников, тоже требуется мужество. Я слышал о тебе, Консепсьон.

Она улыбнулась, что случалось крайне редко, и сразу превратилась в очаровательную молодую женщину. Но лишь на мгновение.

— Мы поладим, сержант. Пригляди за чемоданчиком, пока я схожу в туалет. Я быстро.

— Если меня побеспокоят, тебе придется перешагнуть через тело, ничего больше.

В течение нескольких последующих часов отдыхали только Консепсьон и Прадера. Только угрозой насилия и насилием тупамарос Хосепа и парагвайцы Диаса могли удержать контроль над громадным кораблем. Эмоции то и дело выплескивались через край, и врачи не успевали зашивать и перевязывать рваные раны и давать обезболивающие таблетки избитым людям. К счастью, пока обходилось без пулевых ранений.

Прошло четыре часа. Четыре часа растущего напряжения,

которое могло разрядиться лишь стрельбой и трупам. Хосеп, уединившись с капитаном в его спальне, прямо сказал об этом.

— Я больше не контролирую мою команду, — ответил капитан. — Мои приказы не действуют, когда на них нацелены автоматы.

— Вы сохраняете моральный контроль, капитан, — возразил Хосеп. — Вы можете приказать им сотрудничать, прекратить скрытое противодействие. Мои люди устали, палец на спусковом крючке может дрогнуть.

— Извините, но уж так все сложилось. Я больше ничего не могу сделать.

— А сделали бы, если бы я вновь передал вам контроль над судном?

— Что вы хотите этим сказать? — Капитан вскинул голову. — Вы сдаетесь?

— Отнюдь. Мы в скором времени покидаем корабль. Все поставленные нами цели достигнуты. — Он протянул капитану лист бумаги. — Ваша радиорубка закрыта и охраняется, но ваш старший радист здесь, и мы посылаем и отправляем радиogramмы, разумеется, не называя себя. Я получил ответ, которого ждал. Другой корабль встретит нас в точке вот с этими координатами. Если вы согласитесь проложить курс, следуя которым мы прибудем в условленное место в нужный час, а также удержите экипаж от лишних телодвижений, мы сможем обойтись без насилия.

— Есть у меня выбор?

— Нет. И кто-то наверняка отправится к праотцам, если вы будете медлить с решением.

— Я, конечно, все сделаю. Но обещаю, что, вновь став капитаном этого корабля, приму все меры к тому, чтобы вы понесли заслуженное наказание.

— Разумеется. Другого я от вас и не жду.

— Тогда мы обо всем договорились. Я хочу немедленно отдать экипажу соответствующий приказ, а потом мы пойдем на мостик, и я сам проложу курс.

Зазвонил телефон. После кивка Хосепа капитан снял трубку.

— Что это значит? — спросил он лидера «Тупамаро», прикрыв трубку рукой. — Радар показывает, что мы находимся рядом с островом Клиппертон.

— Положите трубку. Пошли на мостик. Клиппертон — всего

лишь контрольная точка, где мы должны развернуться и лечь на обратный курс. Вам пора брать управление на себя.

Капитан Рэпли шагал впереди Хосепа, поэтому не видел победной улыбки на его лице, свидетельства того, что операция успешно вступила в завершающую фазу.

ГЛАВА 29

Пронзительный вопль корабельной сирены вырвал Энгуса Макраханиша из приятной полудремы. Он лежал на кровати с книгой, изредка прикладываясь к стакану виски. Лучшего способа скоротать шторм он придумать не мог. Его жена, на соседней кровати, легонько похрапывала: отменный ленч в сочетании с большой дозой дромамина вогнали ее в глубокий сон. На сирену она не отреагировала.

— Что бы это значило? — недовольно пробурчал Энгус, отложил книгу, поднялся с кровати. И только встав, понял, что качка практически сошла на нет, впервые за последние двигатели если и работают, то на самых малых оборотах. Он подошел к иллюминатору, вытер со стекла влагу. Увидел огромную скалу, смутно различимую за пеленой дождя.

— Просыпайся. — Он тряхнул Марту. — Что-то случилось. — Энгус не в первый раз жалел о том, что не сидит за рабочим столом в Абердине, а отправился отдыхать. Хорошенький получился отпуск.

Динамик на стене затрещал.

— Говорит капитан Рэпли. Вы только что слышали сигнал пожарной тревоги. Все, находящиеся на борту, должны немедленно прибыть к шлюпкам. На учебных занятиях вы все отрабатывали этот маневр, так что, пожалуйста, не забудьте надеть спасательные жилеты. Я буду с вами предельно откровенен. Кораблю ничего не угрожает. Вероятность того, что он затонет, равна нулю. На судне пожар, который в настоящий момент тушат. Пока он не локализован, я хочу, чтобы вы собрались у шлюпок, к которым вы приписаны. Прошу вас не терять времени даром. Если у кого-то возникли какие-то сомнения, пожалуйста, обратитесь к стюардам, и они вас подробно проинструктируют. Повторяю, кораблю ничего не угрожает, абсолютно ничего. Однако ядовитый дым от пожара опасен, и я прошу вас покинуть каюты и собраться у шлюпок.

— Черт побери! — Энгус вновь энергично тряхнул жену. —

Просыпайся, девочка, да побыстрее. Они проводят учебную тревогу, чтобы хоть немного позабавить нас.

Он достал из рундука спасательные жилеты, открыл дверь в коридор, тут же захлопнул.

— Черт побери, — пробормотал он, подавляя приступ кашля. В коридоре полно дыма. Действительно, лучше выйти на палубу.

— Мои драгоценности! — воскликнула Марта. — Я не могу оставить их здесь. Украдут!

Она вытащила шкатулку с драгоценностями из ящика туалетного столика. Энгус взял у нее шкатулку, положил в маленький чемодан. Вместе с двумя бутылками виски. Кто знает, насколько затянется эта учебная тревога.

* * *

Шейла Конрад надеялась, что происходящее с ней будет длиться, длиться и длиться... не прерываясь ни на миг. То была страсть, которую она испытала впервые, нарастающее и нарастающее наслаждение, волна которого поднималась, поднималась и поднималась... без остановки и устали, до заоблачных высот. Господи, ну до чего же хорошо... не просто хорошо — изумительно!

Она стонала, потом начала кричать, испытывая оргазм за оргазмом, обхватив ногами его спину, со всей силы прижимаясь к нему, вонзая в плечи ногти.

Ее крики слились с воем сирены. Но все хорошее когда-нибудь да заканчивается. Энергичным движением бедер Хендрик вознес их обоих на самую вершину блаженства. Воздух с шумом вырвался из легких Шейлы, она обмякла, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, не в силах произнести хоть слово. Хендрику это нравилось, и в благодарность он нежно поглаживал пышную грудь.

— Хендрик... — она, наконец, обрела дар речи. — Хендрик, ты опять совершил нечто. Клянусь тебе, если бы кончила еще раз, то просто бы взорвалась. Господи!..

— Это очень хорошо. Я рад, что ты получила удовольствие, потому что этим ты доставила удовольствие мне.

— Удовольствие! Милый, ты в постели — чистый бриллиант.

— Забавно. Между прочим, по профессии я — оценщик бриллиантов.

— Как я завидую бриллиантам, которых касаются твои нежные пальцы! Я могу написать о тебе книгу... да что там, я обязательно напишу о тебе книгу. А подготовительный этап мы проведем вместе.

— Я с удовольствием. Такая женщина, с роскошным телом, зрелая и тонко чувствующая...

— Очень точно подмечено, Хендрик, тонко чувствующая. В этом вся я. Слушай, а почему бы тебе не составить мне компанию в Нью-Йорке? У тебя будет полностью оплаченный отпуск. А я в это время соберу весь необходимый для книги материал.

— Ты очень добра. Но моя работа в Амстердаме...

— Ладно, будем собирать материал для книги в Амстердаме. Кровать, она везде кровать... слушай, уж не сирена ли это?

— Да. Она означает, что нас ждут у шлюпок. Она ревет уже несколько минут.

— А я ничего не слышала! Полностью отключилась!

— Мы должны идти.

— При условии, что ты обещаешь вернуться. Наконец-то я начала получать положительные эмоции от этого кризиса.

Они быстро оделись, и Хендрик Де Грут закрепил на ней спасательный жилет: у нее слишком тряслись руки. Сирена звучала все громче, а когда он открыл дверь, в нос ударил едкий запах дыма. Взяв Шейлу за руку, он повел ее по коридору, заполненному кашляющими пассажирами. Два стюарда пытались направить их на шлюпочную палубу.

— Сюда, пожалуйста. Я очень сожалею, но лифтами лучше не пользоваться. Лестница впереди. Очень хорошо, благодарю вас, пожалуйста, проходите, не загораживайте проход.

Сирены вдруг замолчали, и из динамиков вновь донесся голос капитана:

— Пожалуйста, без паники. Я знаю, что у дыма неприятный запах, но он не представляет никакой опасности, совершенно никакой. Спокойно проходите к шлюпкам и ожидайте там дальнейших распоряжений. С вами говорит капитан Рэпли, и через несколько минут я вновь выйду на связь...

— ... через несколько минут, — произнес в микрофон управляющий отелем. Хосеп наклонился и отключил громкую связь.

На рукаве блестели четыре нашивки, как и у капитана Рэпли, только золотом по белому, а не синему фону. Управляющий решал все вопросы, прямо связанные с функционирова-

нием лайнера «КЕ-2». Ровесник капитана Рэнли, он нес на своих плечах не меньший груз обязанностей. Голос его тоже где-то напоминал голос капитана, но Рэнли не назначил его на свое место.

Он говорил в микрофон только потому, что стоявший рядом мужчина упирал дуло пистолета ему в бок. Тогда как капитан лежал без сознания у его ног. Получил удар рукояткой того же пистолета по голове, когда несколько минут назад отказался зачитать этот текст. Все это произошло на глазах управляющего, и он решил, что оптимальный вариант — подчиниться. Прикинулся капитаном и зачитал текст, который отказался озвучить Рэнли.

— Очень хорошо. — Хосеп переступил через тело капитана. — Команда, возможно, поймет, что говорил не капитан, но они уже ничего не могут сделать. Мы все держим под контролем. Не так ли, Диас?

Диас, привалившийся к окну, устало кивнул.

Все необходимые меры приняты. Мы напали на них неожиданно и решительно. Из машинного отделения выгнали всех до того, как они успели остановить двигатели, не говоря уже о том, чтобы вывести их из строя. Радиорубка, штурманская... — все в наших руках. Двери заперты, один наш человек, хорошо вооруженный, внутри.

— Отлично. А теперь позвоните кому-нибудь и узнайте, как идут дела. Я хочу знать, когда все пассажиры соберутся у шлюпок. — Он передал телефонный аппарат управляющему, не отходя от него ни на шаг.

Диас дернулся и проснулся. Осознал, что на какие-то мгновения отключился, привалившись к стене. Голова у него шла кругом. Почему нет? Он уже забыл, когда в последний раз спал. Последние дни и ночи смешались в какую-то кашу, и он уже опасался, что умрет до того, как все закончится.

— Вроде бы все пассажиры уже собрались, но члены команды на всякий случай проверяют каюты, — доложил управляющий отелем.

— Хорошо. — Хосеп подозревал Диаса. — По другому телефону дай команду нашим людям затушить костры, которые мы разожгли на каждой палубе. Я хочу, чтобы коридоры проветрились до того, как мы сами все проверим. Сюрпризы нам ни к чему.

Эвакуацию пассажиров с корабля экипаж отработывал мно-

гократно, поэтому несколько минут спустя управляющему отелем доложили, что все пассажиры и члены экипажа собрались у шлюпок и спасательных плотов.

— Этого я и ждал. — Хосеп достал из кармана сложенный лист бумаги, протянул управляющему. Хосеп гордился собой: идея принадлежала ему, а текст, следуя его указаниям, составил Хэнк Гринстайн. Когда управляющий прочитал последнее предложение, на его лице отразилось отчаяние.

— Я... я не могу это зачитать. Нет, я отказываюсь! Вы не сможете меня заставить... — Он в ужасе вскрикнул, когда Хосеп передернул затвор автомата и патрон выскочил на пол. Хосеп поднял его, сунул под нос управляющего. Блестящую латунную гильзу с торчащей из нее свинцовой пулей.

— Приглядитесь внимательно. Видите пулю? Она рвет и мышцы, и кости, а выходное отверстие оставляет больше входного благодаря полому наконечнику. Если я приставлю дуло вот этого автомата к вашему глазу и нажму на спусковой крючок, вы умрете раньше, чем услышите выстрел. Смелый человек может пойти на такую жертву. Но...

Он отвел ствол от искаженного ужасом лица управляющего и носком ботинка перевернул тело лежащего без сознания капитана. А потом приставил автомат к его голове.

— Я не собираюсь убивать вас, если вы откажетесь зачитать текст. Вместо этого я убью капитана. А потом прикажу по одному приводить сюда офицеров и буду их расстреливать, пока не получу вашего согласия. Так сколько людей должно умереть, прежде чем вы поймете, что другого вам не дано? В конце концов вы согласитесь. Но сколько для этого должно погибнуть людей?

Управляющий отелем пытался выбрать из двух зол меньшее, когда раздался голос Диаса:

— Не дурите. Он действительно это сделает. Потому что уже делал, даже на этом судне. Для доказательства вам нужны трупы? Если вы не подчинитесь, капитан Рэпли через десять секунд станет первым.

Лежащий на палубе капитан, не приходя в сознание, застонал от боли.

— Да... я все сделаю, — просипел управляющий. Поднял листок с текстом, Хосеп включил микрофон.

— Говорит капитан Рэпли. Мне только что сообщили, что все пассажиры собрались у шлюпок. Команда продолжает ту-

шение пожара, поэтому по кораблю по-прежнему распространяется ядовитый дым. Мною принято решение эвакуировать всех пассажиров, чтобы избежать отравления. Как вы заметили, мы находимся у острова Клиппертон, который гасит волны, позволяя тем самым спустить шлюпки на воду. Во время этого круиза шлюпки часто доставляли вас на берег, поэтому ничего нового вас не ожидает...

Управляющий замолчал, потому что капитан Рэпли перекашлялся к нему и, кривясь от боли, дернул за штанину. Управляющий отелем в ужасе взглянул на него.

Хосеп отреагировал мгновенно, пнув капитана сначала в ребра, потом в голову. Потом ствол автомата с силой уперся в бок управляющего. Действия Хосепа не требовали пояснений. С трудом изгнав дрожь из голоса, управляющий продолжил:

— Вам предстоит короткий визит на остров. Население предупреждено по радио и ожидает вас с распростертыми объятиями. Поскольку на этот раз на берег отправляются все пассажиры, мы задействуем не только шлюпки, но и все спасательные плоты и катера. Наслаждайтесь пребыванием на берегу. Я сожалею, что не могу составить вам компанию. Уверен, что вы с радостью воспользуетесь возможностью вновь ощутить под ногами твердую землю, пусть и на очень короткое время. Благодарю вас.

Всем членам команды. Покинуть корабль!

Последние слова подействовали на пассажиров, как холодный душ. Капитан лгал? Они в опасности? Огонь распространяется по кораблю? «Покинуть корабль» — эти слова они слышали так же ясно, как и экипаж. Матросы и офицеры повиновались, начали рассаживать пассажиров по шлюпкам. Те не сопротивлялись, крепко держась за сумочки и маленькие чемоданы, которые захватили с собой. Заскрипели блоки шлюпбалок, когда первые шлюпки начали спуск. Матросы отталкивали их от бортов, потому что волны хоть немного, но качали огромный корабль. С мостика Хосеп смотрел на шлюпки, которые плюхались в воду и освобождались от канатов, и довольно кивал. «Все идет как по писаному», — сказал он себе. На воде уже покачивались и спасательные плоты, и катера, на которые перебрасывались забортные трапы.

— Хосеп, — позвал его Диас. — Звонят из лазарета, хотят поговорить с тобой.

Хосеп схватил трубку, послушал, потом заговорил сам:

— Мне плевать на то, что говорят врачи. Пациентов необходимо отправить на берег. Всех. Многим всаживали пулю в живот, оперировали, а потом они жили долго и счастливо. Перенесите его на катер вместе с остальными. На тот же катер посадите и врачей. Концепсьон вам поможет. Да. Она остается с нами. Сержант Прадера? Подожди... я спрошу у Диаса. — Он повернулся, вопросительно изогнул бровь.

— Сержанта надо отправить с остальными. С нами его оставлять нельзя, ему нужна квалифицированная медицинская помощь. Я спущусь в лазарет. И принесу сюда чемоданчик. Разумеется, с помощью Концепсьон.

— Отправляйся.

Врачи ждали у кровати сержанта Прадера. Ждали уже несколько минут, потому что сержант попросил их подождать. Концепсьон вскинула голову, когда Диас открыл и закрыл за собой дверь.

— Мы ждали тебя. Сержант не хотел, чтобы его унесли до твоего прихода. Она мотнула головой в сторону стоящего на стеллаже чемоданчика.

— Мудрое решение, — согласился Диас, повернулся к Прадере.

— Я пришел, сержант. Зачем я вам понадобился?

— Возьмите этот пистолет. — Прадера бросил Диасу оружие. — Я — честный парагваец и держал его при себе, чтобы защищаться от этой революционерки, которую вы положили рядом со мной. Я полагаюсь на вашу честь, надеюсь, что вы не убьете меня, хотя мы и по разные стороны баррикады. Я доверяю вам, но не этой тупамарос. Я сражался с вами и получил ранение, защищая генерала Стресснера, руководителя моей страны, от вас, грязные революционеры. Да здравствует Парагвай! Да здравствует генерал Стресснер!

— Унесите его отсюда, — приказал Диас. Когда в палате они остались вдвоем, повернулся к Концепсьон. — Что все это значило?

— Маленький спектакль, разыгранный ради высокого врача. Он хорошо говорит на испанском. И потом даст показания, что сержант не участвовал в захвате корабля.

— Мне следовало подумать об этом самому. Но я слишком устал. Даже не попрощался.

— Вы еще увидите. А теперь давай отнесем бриллианты на мостик.

— Надеюсь, мы еще встретимся. — Узи Дрезнер пожал руку Хэнку Гринстайну. — Без вас нам бы не удалось все это провернуть.

— Я думаю, удалось бы, — ответил Хэнк. — Я скорее наблюдал, чем участвовал.

— И хотелось бы, чтобы дальше ты только наблюдал. — Френсис запихнула свои последние вещи в чемодан и захлопнула его. — Мы отправляемся на берег с остальными пассажирами, потому что мы от них ничем не отличаемся. Такие же пассажиры. Вливаемся в общий поток. — Она сердито глянула на Узи. — Я никогда не прошу вас за то, что вы втянули Хэнка в эту историю, в преступную деятельность, которой вы занимаетесь.

— Я очень об этом сожалею, — ответил Узи. — Поверьте мне, миссис Гринстайн, я говорю совершенно искренне, мы хотели использовать его исключительно для сбора информации...

— Но вы его использовали, не так ли. Использовали — правильный термин?

— Боюсь, что да. Но буду с вами откровенен. Я бы сделал то же самое, если б пришлось. Я готов использовать кого угодно, чтобы добраться до этих нацистских преступников. В этом моя жизнь, и я не считаю, что она тратится зря. Хотя, как и говорил, сожалею, когда невинных людей втягивают в такие безумные авантюры. Я надеюсь, вы будете помнить о том, что захваченные нацисты предстанут перед судом, если мы успешно завершим начатое. Подумайте об этом. Тут есть чем гордиться. До свидания.

Узи повернулся и быстро вышел. Хэнк поднял запакованный чемодан с вещами.

— Я надеюсь, он прав. Если Вилгус и Эйтманн предстанут перед судом, значит, наши усилия чего-то да стоили.

— Не знаю, чего стоят убийства и похищение людей, — устало выдохнула Френсис. Она обняла Хэнка, поцеловала. — Пошли на берег. Ужасно хочется встать на что-то твердое, не качающееся из стороны в сторону. Для разнообразия.

Капитан Рэпли наконец-то пришел в сознание. Еще не открыв глаз, он понял, что находится в маленькой лодке. Болели голова, шея, бок. Память возвращалась медленно, а вспомнив

недавние события, он раскрыл глаза и попытался сесть. Но чьи-то крепкие руки удержали его. Моргнув, он увидел сидящего перед ним управляющего отелем.

— Все закончилось? — спросил он, удивившись слабости собственного голоса.

Управляющий кивнул, на лице отражалась безмерная печаль.

— Нам пришлось покинуть корабль. Другого выхода не было.

— Они меня провели. Уговорили сотрудничать с ними. Убедили в том, что собираются уплыть, оставив нам корабль. Тогда как с самого начала намеревались высадить нас и угнать «Королеву». — Издалека донесся такой знакомый корабельный гудок. — Помогите мне сесть.

Ему помогли. И он увидел, как его корабль, самый большой лайнер в мире, величественно уходит все дальше и дальше от него.

— Слава богу, стрельбы больше не было, — сообщил ему управляющий. — Все пассажиры на берегу, как и команда. Мы — последние. Они держали нас в заложниках, пока обыскивали все помещения, предупреждая по громкой связи, что расстреляют любого члена экипажа, который попытается остаться на борту. Некоторых отловили. Избили в кровь и швырнули в этот катер. Врач их уже осмотрел. Ничего серьезного.

— Бандитов поймают, — уверенно заявил капитан. — Им не удастся выйти сухими из воды. Не удастся. — Он посмотрел на облака, потемневшие с приближением вечера. — Небо скоро очистится. Шторм выдыхается. Их увидят и поймают. Им не удастся выйти сухими из воды.

Управляющий не ответил. Сидел и смотрел, как их корабль становится все меньше и меньше. Покачал головой и повернулся к носу катера, к мрачному острову, на который они направлялись. Скоро ночь, а там более чем две с половиной тысячи человек. Некоторые ранены. Ответственность за них лежала на нем. Они нуждались в еде, крыше над головой. Ему следует думать об этом и забыть о «КЕ-2», исчезающей в океанской дали.

ГЛАВА 30

— Еще шампанского? — спросил Хосеп. Узи кивнул и протянул стакан. — И ты, Диас. Выпей. Есть за что, не так ли? Похоже, победа остается за нами. Хотя и казалось, что такое не-

возможно. Даже шторм на нашей стороне. Облака такие же плотные, как и в тот день, когда мы выходили из Акапулько. Когда это было? Миллион лет назад. Трое суток. Всего лишь трое суток.

Он откинулся на спинку стула, большая часть стейка так и осталась на тарелке. Ощущение успеха насыщало гораздо больше, чем еда, питье, женщины. Они своего добились. Победили.

— За успех. — И Хосеп осушил стакан. Узи и Диас последовали его примеру. Они сидели втроем в огромном зале ресторана. Ели то, что нашли в холодильнике. На соседних столах стояла грязная посуда. Убирать ее никто и не собирался: накрытых столов хватало с лихвой.

— Когда ты последний раз выходил на связь? — спросил Узи.

— Час назад. Говорил с «Tigre Amarillo». После ремонта никаких проблем. До места встречи осталось совсем ничего.

— Будем надеяться, что капитан проложил правильный курс, вставил Диас.

— Эстебан все проверил, — ответил Хосеп. — У него есть капитанский сертификат. Рыболовецкие суда. Но теория-то одна. Он говорит, что в порядке. Техника работает как часы. Благодаря чудесам компьютеризации. Если что-то сломается, починить нам ничего не удастся. Но пока турбины вертятся, а навигационное оборудование функционирует нормально, волноваться нам не о чем. Можно выпить, расслабиться. Эстебан и еще двое приглядывают за двигателями. Там все спокойно.

— Я нашел еще одну записку, — заметил Узи. — Спрятанную за радиопередатчиком.

— Наверное, теперь мы собрали все. По крайней мере те, поиски которых не могли вызвать затруднений. — Диас отодвинул тарелку. — Когда они обнаружат корабль, они не должны найти никаких зацепок, никаких. Если они не смогут понять, что произошло, то мы доберемся до порта до того, как они начнут нас искать.

— Не менее важным является продолжение дела революции. Эти соглашения, которые диктаторы подписали с нацистами. Вы понимаете, какая это политическая бомба? Если мы все сделаем правильно, это будет тот рычаг, который скovyрнет правящие режимы. Но тут очень важно правильно рассчитать последовательность наших действий. Сначала слухи о том, что Маркес и Стресснер были на борту «Ка-Е-Второй» и пропали

вместе со всеми. В Парагвае и Уругвае достаточно много людей знают, что это правда, поэтому слухи эти будут быстро распространяться. А потом, когда волнения достигнут максимума, мы представим широкой общественности эти документы. Сразу по всему миру. Каждая газета и телестанция получит копию. Возмущение и негодование в наших странах достигнут максимума. Вот тогда мы и нанесем удар по деморализованной власти. Она рассыплется. Как это произошло в Иране. Никто не будет защищать правительство, полностью потерявшее доверие населения. Таковы мои планы, Диас, и я настоятельно советую тебе действовать в том же ключе и в Парагвае. Продумать, организовать, ударить. Свобода уже на расстоянии вытянутой руки.

— Да, — кивнул Диас, — я полностью с тобой согласен. Свобода совсем рядом, и за это надо выпить. — Он наполнил стакан, поднял. — За свободу наших стран. — Осушил стакан, встал. — Я должен подняться на мостик и сменить моего человека.

По обоюдному согласию бриллианты оставили на мостике, около штурвала, у всех на виду. Вахту несли как минимум двое, один тупамарос и один парагваец. Возможно, Хосеп по-прежнему собирался захватить корабль с оружием, но речь об этом больше не заходила. А бриллианты они уже захватили. Чтобы разделить поровну. Бриллианты стоимостью в двести пятьдесят миллионов долларов.

Узи камни не волновали. Его добыча томилась в двух каютах внизу. Он прошел на кухню, чтобы положить еду на две тарелки. По мере завершения операции его все меньше интересовала южноамериканская политика. Пришел черед решать другие вопросы: как вывезти нацистов из Мексики. Особых проблем он не ожидал, но понимал, что потребуются тщательная подготовка. Узи поставил полные тарелки на поднос и направился к лифту.

Едва ли заключенные могли попытаться расправиться со своим тюремщиком, но Узи предпочитал избегать и минимального риска. Поставив поднос на пол, он вытащил пистолет, прежде чем открыть дверь каюты. Внутри царили тишина и темнота: иллюминатор задернули шторами, свет не включили.

— Выйди и возьми еду, Эйтманн, — крикнул Узи. Ответа не последовало. Осторожно, держа пистолет наготове, Узи нащупал выключатель, зажег свет и тут же отпрыгнул назад.

И напрасно. Карл-Хейнц Эйтманн лежал на полу, жадно

хватая ртом воздух. На лбу — кровь. На шее — петля из брючного ремня. Свободный конец привязан к крюку для люстры, который валялся на ковре рядом с Эйтманном. Узи усмехнулся, покачал головой.

— Теряете хватку, Эйтманн. Покончить с собой — это же сущий пустяк для человека, который в Третьем рейхе мог организовать труд сотен тысяч рабов. — Он легонько ткнул нациста мыском. — Поднимайтесь, очень уж глупо вы выглядите на полу. И верните ремень на положенное ему место.

Когда Узи возвратился в каюту с подносом, Эйтманн уже поднялся и снял ремень с шеи. Поставил на ножки перевернутый стул, с которого он прыгнул, чтобы повиснуть на крюке.

— Я заплачу вам очень большие деньги, — прохрипел он. — Они у меня есть, никто об этом не узнает. Пожалуйста, возьмите деньги и отпустите меня. Обещаю не иметь ничего общего с Брудербундом, никогда больше. Это была ошибка...

— Вся ваша жизнь — сплошная ошибка. Заткнитесь и поешьте.

Уходя, Узи с треском захлопнул дверь. Ему не доставляли удовольствия бесконечные мольбы этого человека, обещания все больших и больших сумм за свое освобождение. О мщении он не думал, лишь хотел, чтобы преступник получил по заслугам.

С Вилгусом все было проще. Этот враг оставался врагом. Не произнес ни слова после того, как оказался в его власти, но ненависть, горящая в глазах, была красноречивее любых слов. Съедал все, что ему приносили, крепко спал, изыскивал малейшую возможность для побега. Но Узи скорее бы умер, чем упустил бы такого пленника. Когда он запирали дверь каюты, до него донеслись чьи-то быстрые шаги. К нему бежал тупамарос, размахивая автоматом.

— Они здесь! Мы их видим! — прокричал он. — Траулер прибыл. Выводи немецких свиней на палубу. Я тебе помогу.

Когда они вышли на шлюпочную палубу, вокруг раздавались радостные крики. Один из тупамарос от избытка чувств выпустил в воздух автоматную очередь.

К ним направлялся побитый временем, проржавевший мексиканский траулер. Но для них он являл собой самый прекрасный в мире корабль.

— Все отлично. — Хосеп потер руки. — Теперь давайте убе-

димся, что здесь мы сделали все, что смогли. Эстебан, что скажешь?

— Главные двигатели остановлены. Резервный работает, обеспечивает подачу электроэнергии. Все радиопередатчики отключены, но не обесточены. Подключено к источнику электропитания и навигационное оборудование мостика. Последний катер, который мы оставили себе, спущен на воду и привязан к забортному трапу. Я подниму трап, как только мы все перейдем на катер.

— Тогда в путь. Позвони тем двоим, что на мостике, и скажи, чтобы они спускались к катеру, прихватив с собой чемоданчик. Пока все шло идеально. Так давайте покинем лайнер, пока удача улыбается нам. — Он ткнул Вилгуса в бок стволом пистолета и погнал его к лифту.

На катер они перешли без происшествий. Горстка тупамарос, парагвайцы со что-то лепечущим генералом Стресснером, Узи с пленниками-нацистами — все осторожно спустились по трапу на откидывающуюся платформу, у которой покачивался на волнах катер. Его двигатель мерно гудел на холостых оборотах.

— Сложи их на корме, — сказал Эстебан одному из тупамарос, бросая ему швартовочные канаты. Взбежал по трапу, дернул за рычаг, и трап поднялся, прижался к борту.

Катер медленно огибал корму лайнера, дожидаясь Эстебана. Он появился на кормовой палубе, помахал всем рукой и прыгнул в воду. Как только он оказался на борту катера, мотор взревел, набирая обороты, и они понеслись к траулеру.

Узи, сидевший на корме с двумя мрачными немцами, без всякого интереса наблюдал, как Хосеп наклонился, поднял чемоданчик с бриллиантами и понес в носовую часть катера, по пути пнув трясущегося от страха Стресснера.

— Что ты собираешься с ними делать? — спросил Диас, поднимаясь, чтобы последовать за ним, и в это мгновение все переменялось.

Все тупамарос сидели в средней или носовой части. Повернувшись, Хосеп держал в руке пистолет. И остальные тупамарос выхватили оружие.

Диас потянулся за своим, но передумал. Даже Консепсьон, улыбаясь, взяла его на мушку. Рука Диаса медленно опустилась.

— Не пытайтесь что-нибудь предпринять, — приказал он двум потрясенным парагвайцам. — Держите руки на виду.

— Дельная мысль, — покивал Хосеп. — Тебя это тоже касается, Узи. Сохраняй нейтралитет, к тебе это отношения не имеет.

— Значит, имеет ко мне, — процедил Диас сквозь сцепленные зубы, слишком поздно осознав, что ему следовало ожидать от тупамарос какого-то подвоха.

— Совершенно верно. Сдайте оружие. Вреда вам не причинят. Но тебе, возможно, не понравятся новые условия раздела бриллиантов.

— Мы поделим их поровну.

— То была первоначальная договоренность. Однако с тех пор мы понесли некоторые потери, которые требуют компенсации. Так что условия я меняю. Мы забираем все!

При этих словах Хосеп улыбнулся, а тупамарос расхохотались, думая, что это блестящая шутка. Узи не смеялся.

Я думал, ты человек чести, Хосеп...

— Выбирай выражения! — зло бросил Хосеп, вскинул пистолет. — Я делаю то, что должно. Будь счастлив, что ты жив и у тебя в руках эта свинья Стресснер. Пожалей нас, мы-то Маркса потеряли. Лишние бриллианты компенсируют эту потерю.

Диас кивнул.

— Я согласен. Вы понесли потери, у вас были большие расходы. Две трети вам, одну — нам, меня это устроит.

— Мне без разницы, что тебя устроит, а что — нет. Но я проявлю щедрость, хотя необходимости в этом нет. Отдам вам один мешочек с бриллиантами. Самый большой. Если согласятся мои товарищи по революционной борьбе.

Тупамарос рассмеялись и покивали, наслаждаясь и этой шуткой. Хосеп выудил из кармана ключ и открыл чемоданчик. Глаза у него вылезли из орбит, челюсть отвисла.

Он схватил чемоданчик и перевернул, вывалив содержимое на палубу.

Книги и журналы.

Все застыли, окаменев, пока тишину не прорезал смех Вилгуса. Ближайший парагваец с силой врезал немцу в бок, и смех прекратился. Хосеп наклонился, поднял одну из книг.

— «Медицинская энциклопедия» Дорланда, — прочитал он на корешке. — Медицинские книги и журналы. — Он повернулся к Консепсьон. — Ты это сделала. Ты. Больше никто не

мог. В комнате были только ты и сержант. А медицинские книги стояли на стеллаже. Никто, кроме вас, не мог подойти к чемоданчику.

— Нет! — воскликнула она. — Клянусь! Я ничего не знаю. Как я могла?

— У сержанта ноги в гипсе, так что он точно не мог добраться до чемоданчика! — в дикой ярости прокричал Хосеп. Схватил чемоданчик, осмотрел дно. — Прорезано, а потом аккуратно зашито. Прекрасные стежки. Женская рука...

— НЕТ...

Ее крик оборвала автоматная очередь. Пули подняли ее с планширя и бросили в воду. Хосеп перегнулся через борт и стрелял, стрелял, стрелял в уже бездыханное тело. Потом повернулся к тем, кто остался в катере, обвел лица безумным взглядом.

— У кого бриллианты? Одна секунда, и я стреляю. Диас, ты все это устроил? Вместе с ней? Где они? Так они тебе не достанутся!

— У меня их нет, клянусь...

И его слова утонули в грохоте выстрелов. Диас инстинктивно подался назад, но пули предназначались не ему. Генералу Стресснеру.

Низенький толстяк закричал, как маленькая девочка, попытался подняться, в недоумении глядя, как кровь начала хлестать из дыр, пробитых пулями в его теле.

— Если Хосеп не победит, проиграют все! — проорал лидер «Тупамаро», брызжа слюной. Схватил смертельно раненного диктатора и вышвырнул за борт. Вновь поднял автомат, нажал на спусковой крючок, раздался лишь легкий шелчок: в рожке закончились патроны.

Пока он менял пустой рожок на полный, Узи поднялся, шагнул к нему.

— Обыщи всех, обыщи катер, — предложил он. — Если бриллианты на борту, ты их найдешь без труда. Но в любом случае я могу предложить тебе следующее. Эти наци стоят больших денег. Не причиняй им вреда. Если мои люди получают их живыми, мы заплатим тебе сто тысяч долларов за Вилгуса и пятьдесят тысяч — за второго. На эти деньги ты сможешь продолжить революционную борьбу, даже если и не найдешь бриллиантов.

Слова Узи успокоили Хосепа, идея обменять нацистов на

твердую валюту пришлось ему по душе. Но пальцы действовали сами по себе. Пустой рожок упал на палубу, его место занял полный.

— Ты можешь заплатить и больше.

— В этом нет необходимости, — подал голос Вилгус, переключив внимание на себя. — Эти бриллианты составляли часть фонда, которым я управляю. Малую часть. Освободи меня, Хосеп, и у тебя больше не будет недостатка в деньгах. Мы начнем с миллиона долларов. Ты бы хотел получить миллион, не так ли...

— Заткнись! — приказал Узи, сжав кулаки и двинувшись на нациста. Но Хосеп повел стволом автомата, предлагая ему сесть. На его лице заиграла улыбка.

— Разговор принимает интересный оборот. Извини, Узи, но я думаю, что мне целесообразнее вести дела с доктором и его партнерами. Поскольку бриллиантов нет, он — единственный источник прибыли.

— Мы заключили соглашение, — напомнил Узи. — Нацисты — мои.

— Уже нет. Патроны в моем автомате — тому гарантия. Мне нравится шелест их денег.

— Может, тебе нравится и их политика? — вмешался Диас, холодным, как лед, голосом. — Я думал, мы боролись для того, чтобы избавиться от этих паразитов. Ты их освободишь, объединишься с ними?

— Разумеется, — кивнул Хосеп. — В политике партнеры меняются часто. Главное в том, что Уругвай обретет свободу.

— Но у тебя есть для этого все необходимое. Договор, который руководитель твоего государства подписал с нацистами. Этой бумаги достаточно, чтобы началась революция... та самая революция, о который ты так страстно мечтал. Взяв нацистов в союзники, ты опорочишь саму идею революции!

— Хватит! — Хосеп взмахнул автоматом. — Дискуссия закончена. Я принял решение. Предложение немца полностью меня устраивает. Он обеспечит нас необходимыми средствами, так что о пропавших бриллиантах можно больше не думать. Тот, кто попытается возражать, получит пулю. Я не шучу. Доктор Вилгус, подойдите сюда, чтобы мы смогли развязать вам руки.

Вилгус встал, улыбнулся сидящим на корме.

— Как видите, евреи опять остались с носом. Мы вновь обретем силу, и придет день, когда мир узнает, что рейх не погиб.

— Красиво сказано, доктор, — согласился Хосеп. — Помимо денег мы, возможно, воспользуемся и вашими советами при построении нового Уруг...

Грохнул выстрел, Хосеп замер, не договорив последнего слова. А потом автомат выпал у него из рук, а он сам покачнулся, наклонился вперед и распростерся на палубе.

За его спиной сидел Эстебан, держа в руке пистолет. Никто не шевельнулся. Тупамарос остолбенели, как и остальные.

— Он хотел предать нас, — едва слышно произнес Эстебан. — Предать революцию. Я шел за ним, я верил ему, верил, что он — лидер, который приведет нас к победе. Я даже не поднял руки, когда он убивал мою сестру. Верность, от нас требовалась верность. Но только не в том случае, когда он вознамерился взять в союзники эту нацистскую нечисть. Если бы мы это сделали, революция окончательно проиграла бы, мы стали бы ничуть не лучше тех, кого хотим заменить.

И он бросил пистолет рядом с телом Хосепа.

В наступившей тишине голос Узи прогремел, как выстрел:

— Всем опустить оружие. Довольно убийств. Я не хочу стрелять. — Дуло его пистолета смотрело на тупамарос. — Но выстрелю, если придется. Хватит нам убивать друг друга...

— Миллионы! — кричал Вилгус. — Не слушайте этого грязного еврея с его жалкими шекелями! Я дам вам миллионы...

Крик прекратился, когда ближайший к нему тупамарос сунул пистолет за пояс, наклонился и двумя пальцами сжал немцу кадык. Тот побагровел, глаза вылезли из орбит. Только после этого тупамарос убрал руку, и Вилгус, жадно хватая ртом воздух, плюхнулся на палубу.

— Мое предложение остается в силе, — сказал Узи. — Мы платим наличными за этих нацистов. С деньгами и подписанными экземплярами соглашения вы сможете осуществить ваши революции. Не имея дела с этой швалью.

— Мы так и поступим, — кивнул Диас.

— Это единственный путь, — согласился с ним Эстебан, и никто из тупамарос не возразил. Со смертью Хосепа они словно лишились стержня. Хосеп был их лидером, он указывал путь. А теперь он ушел. Сначала на их глазах убил Консепсьон, и, возможно, справедливость только восторжествовала, когда

он получил пулю от Эстебана. В голове у них все перепуталось, и лишь его смерть оставалась неопровержимым фактом.

Один из тупамарос накрыл тело Хосепа брезентом. Потом рев двигателя стих, и они услышали голоса, а подняв головы, увидели, что вплотную подошли к «Tigre Amarillo». Знаменательные, едва не повернувшие судьбы мира события заняли лишь несколько минут.

Тупамарос поднялись на борт траулера, толкая перед собой немцев. Эстебан остался на катере, глядя на человека, которого он убил, который был лидером их движения, который полностью контролировал их жизнь. Принял решение и обратился к другим тупамарос:

— Мы должны затопить катер. Сначала пробьем пулями воздушные цистерны, потом пустим в ход гранаты. Труп этого человека останется на борту. Могилой ему станет море. Хосеп попросил меня об этом перед тем, как уйти. Хосеп всегда будет возглавлять нашу революцию, только теперь нас будет вести не его тело, а душа.

Другие понимающе кивнули. Великие лидеры не умирают. Барбаросса по-прежнему сидит в своей пещере в горах и ждет, когда его позовут. Хольгер обязательно вернется. Где-то в горах Морелос Запаата все еще скачет на своем белом коне, в ожидании, когда он снова понадобится людям.

Загremели автоматные очереди, в бортах появились ряды пробоин. Катер загорелся, начал оседать кормой. Эстебан выдернул чеки из двух гранат и бросил их на тонущий катер. Люди на борту «Tigre Amarillo» упали на палубу, осколки просвистели над их головами.

Вскоре лишь несколько обломков кружило по воде в том месте, где катер пошел ко дну. Узи наклонился к Вилгусу и тихо заговорил с ним по-немецки:

— Смотрите внимательно. С этим катером утонул и ваш четвертый рейх. Вы в наших руках, и со временем мы доберемся до ваших кровавых денег, а если и не доберемся, вашему движению конец. Как и вам, герр доктор Иоахим Вилгус.

Вилгус не запротестовал, даже не поднял головы. Внезапно он превратился в старика, с прошлым, но без будущего, абсолютно без будущего. Он попытался выброситься через поручень в море, но сильная рука Узи удержала его.

— Такой легкой смерти вы не заслужили. Миллион мертвых евреев требуют, чтобы сначала вы предстали перед судом.

Громко затарахтел двигатель траулера. Набирая ход, он двинулся к побережью Мексики и вскоре исчез за горизонтом.

В безбрежном океане волны покачивали «КЕ-2», оставшуюся в полном одиночестве.

ГЛАВА 31

Сквозь разрыв в облаках прорвался первый луч солнца, золотыми зайчиками заскакав по волнам, набегавшим на грубый, крупнозернистый песок. На скальных склонах, как заблудшие души, кричали чайки.

Либор Хвоста провел малоприятную ночь на каменном берегу, заснуть ему удалось только перед самым восходом. Разбудило его солнце, и первым делом он попытался натянуть одеяло на глаза, чтобы укрыться от ярких лучей. Лишь потом понял, что наступил день, сел, сладко зевнув.

Последние облака уплывали за горизонт. Шторм наконец-то закончился. Среди тысяч спящих на берегу то тут, то там поднимались люди, уходили за скалы, в места, отведенные под туалеты. Шлюпки ровными рядами лежали на берегу, куда их вынес высокий прилив. Команда лайнера быстро и эффективно организовала быт. Хвоста видел, что персонал кухни и стюарды уже на ногах и готовят что-то горячее из запасов, имеющих на шлюпках. Хвоста оближал губы, ощутив неприятный привкус во рту. За время, проведенное в одной каюте с Аурелией, он ничего не ел, только выпил немного воды. В общем-то, и не хотел есть после того, как действие укола доктора Люсеры прекратилось и вновь вернулась морская болезнь. Но теперь он стоял на твердой земле и просто умирал от голода. Он отбросил одеяла со своего огромного тела, встал, потянулся. Аурелия спала рядом, на животе, выпятив круглый полный зад. Хвоста медленно наклонился.

— Сука, — пробормотал он, вновь и вновь тыкая большим пальцем в ягодицы. Она что-то пискнула и проснулась. Когда они лежали связанными на одной кровати и он опять начал страдать от морской болезни, она много чего наговорила ему из того, что невозможно забыть. И теперь пришла пора расплачиваться.

— Я собираюсь найти что-нибудь из еды. Для себя. А ты тем временем найди бумаги и начинай составлять радиограмму капитану Бартовски на «Лингби Кро». Я принял меры на случай,

если бриллианты попадут не по назначению. Эти уругвайские матросы не доплывут до порта назначения с нашим оружием.

— А как я пошлю эту радиограмму? — Ее голос сочился ядом. Она потирала ягодицы, которым досталось от пальца Хвоста. — На шлюпках и катерах рации разбиты, ты об этом знаешь.

— На острове мы пробудем недолго, нас же ищут. Так что в самое ближайшее время мы покинем эту скалу. Вот я и хочу, чтобы текст был наготове. Займись этим.

И зашагал к импровизированным кухням, жадно принюхиваясь. «Сделка, конечно, сложилась не так, как они планировали, — думал Хвоста. — Но кто знал, что в нее вмешается третья сила. И теперь бриллиантов нет, как, наверное, и тех, кто заключал сделку, и южноамериканских диктаторов, и финансировавших их немцев. Но «Глобал трейдерс» ничего не потеряет, если удастся вернуть груз. Даже останется в плюсе, потому что задаток с лихвой перекрыл расходы. А оружие они продадут другим клиентам. И ему даже могут выдать премию. Если такое случится, он, приняв извинения, возможно, не будет поднимать вопрос об увольнении Аурелии. Уж больно здорово она стреляет».

В общем, все могло обернуться к лучшему. Тем более что, по словам охранников, половину нацистов перебили, а остальные предстанут перед судом. Чудесно! Он, Хвоста, мог вести дела с нацистами, мог вести дела хоть с самим дьяволом, если тому потребуется оружие, но это не означало, что он их любил. Он знал, что они вытворяли в Чехословакии во время войны. Так что убийство одних и грядущий суд над другими только радовали. День обещал быть теплым, еда, судя по запахам, вкусной. Хвоста что-то напевал себе под нос, направляясь к импровизированной кухне. Ему пришлось обогнуть сидящего на земле мужчину в измятой форме стюарда, который маленькими глотками пил чай.

Роберт допил чай и вернул чашку. Особых дел не предвиделось. На суше — не на корабле. Тут обслуживать пассажиров помогали и персонал кухни, и матросы. В этот момент к нему подошел другой стюард, размахивая сложенным листком плотной бумаги.

— Эй, Роберт, этот парень не из твоих?

Роберт взял лист, прошитый по краям, прочитал: «МИСТА-

РУ ГРИНСТАЙНУ — ПЕРВЫ КЛАС — СРОЧНА». Отметил и большие печатные буквы, и ошибки.

— В первом классе есть один Гринстайн, — кивнул Роберт. — Попытаюсь его найти.

«Бедные мистер и миссис Гринстайн, — думал он, шагая по песку, глядя на лица расположившихся на нем людей. — Ничего себе медовый месяц! Так хорошо начался, подарок от дядюшки и все такое. И тут эти налетчики! Мало того, что использовали их «люкс» как свою оперативную базу, так и его самого чуть ли не на всю ночь заперли в туалете. А теперь вот этот остров. По крайней мере они целы и невредимы... и им будет что рассказать внукам».

Женщина повернулась к нему. Да, решил он, скорее всего, это она. И поспешил к ней.

— Миссис Гринстайн? Надеюсь, этим утром вы хорошо себя чувствуете?

— Никак Роберт? Что я вижу, вы не принесли нам поднос с завтраком! А где утренняя газета?

— Я бы с удовольствием, мадам, честное слово, с удовольствием. Более того, раз уж я знаю, где вы, то могу принести чай и галеты. И мармелад. Лучше, чем ничего.

— Ну что вы, Роберт, я же шучу.

— Это я понимаю, мадам. Но человек, который может шутить в таких условиях, заслуживает того, чтобы его обслужили по первому разряду, — он уже повернулся, чтобы уйти, потом вспомнил, зачем пришел, сунул руку в карман. — Чуть не забыл. Я же искал вас, чтобы передать записку вашему мужу.

— Благодарю вас, вы очень добры.

Френсис наблюдала, как небритый, в помятой униформе стюард решительно направляется к кухне. Наконец-то ему представилась возможность вернуться к своим прямым обязанностям. Правь, Британия. Долг выполнялся до последнего, даже после того, как корабль утонул. Она нашла взглядом Хэнка, помахала ему рукой.

— Можешь себе представить? Прибыла утренняя почта и с минуты на минуту подадут завтрак.

— Это прекрасно! Как тебе это удалось? — Хэнк подошел к ней, легонько поцеловал в щеку, чтобы не поцарапать щетинной. Покрутил в руках сложенный и прошитый листок.

— Кто же его мог послать?

— Есть очень простой способ это узнать. Прочитать.

— Это правда. — Хэнк выудил из кармана перочинный нож, перерезал аккуратные стежки, развернул листок. Прочитал короткую записку, нахмурился, перечитал вновь. Протянул Френсис.

«ОКАЖИТИ УСЛУГУ — ЗАЙДИТИ КО МНЕ В ГОСПИТАЛ — САРЖАНД ПРАДЕРА».

— И что сие означает? — спросила она.

— Сие означает, что наша эпопея еще не закончилась. Ты была в спальне и ничего не слышала. К сожалению, я слышал все. Он — тайный агент парагвайского движения сопротивления. Его схватили нацисты. Прострелили сначала одну, а потом вторую коленные чашечки. Потом началась большая стрельба. Ради его спасения.

— А теперь по каким-то причинам ему понадобился ты, — ледяным голосом отчеканила Френсис. — Они не хотят оставить тебя в покое. Я тебе скажу, что ты должен сделать. Выбросить эту записку.

Хэнк смял листок крепко сжат в руке

— Я не могу повернуться к нему спиной. Нет ничего плохого в том, что я повидаюсь с ним, узнаю, чего он хочет.

— Напрасно ты так думаешь, Хэнк Гринстайн. Мы еще не женаты, пусть кто-то и уверен в обратном. Если ты пойдешь к этому красному революционеру, то можешь не возвращаться. Я этой кашей наелась на всю жизнь. — Она повернулась и уселась на песок, спиной к нему. Он протянул руку, но не решился прикоснуться к ней.

— Извини, но я должен узнать, в чем дело. Пожалуйста, Френсис. Я тебя люблю. Никогда об этом не забывай. Но выбора у меня нет.

Он ушел и не увидел, как по ее щекам покатались слезы.

Импровизированный госпиталь он нашел без труда. Под него приспособили одну из шлюпок, потолок соорудили из парусины, натянутой на веслах. Другого «дома» на берегу не было. Но дождь прекратился еще вечером, так что остальные от отсутствия крыши не пострадали. Врач в белом халате сидел на ящичке у борта шлюпки и пил чай из фаянсовой кружки.

— Сержант Прадера здесь? — спросил Хэнк.

— Внутри. Первая кровать. Он посылал за вами? — Хэнк кивнул, не зная, что и сказать. — Можете с ним поговорить, ему это не повредит. Он говорит, что узнал вас на корабле. Видел, когда вы гостили в Парагвае.

— Прекрасная страна Парагвай.

— Не знаю. А те парагвайцы, которых я видел на корабле, мне определенно не понравились. Заходите.

Сержант лежал на носилках, на которых его и вынесли с лайнера. Ручки поставили на ящики, получилась вполне сносная кровать.

— Sen'or Greenstein? Habla Ud Espan'ol?¹

— Si. Poquitito².

— Очень хорошо. Рад вас видеть. Мы должны говорить очень тихо, потому что врач, который сидит на улице, знает испанский. Он думает, что вы здесь, потому что мы знакомы по Парагваю.

— Да. Он мне говорил.

— Хорошо. Пусть и дальше так думает. Но я знаю вас через Леандро Диаса и вашего друга, Узи Дрезнера. Мне вас показали.

— Тогда окажите мне услугу. Никому не говорите об этом. Никто не должен знать о моем участии в этой операции.

Так и будет. Как вам известно, я умею хранить секреты. — Хэнк мрачно глянул на ноги сержанта, прикрытые одеялом, и кивнул.

— Известно.

— Хорошо. Вы должны передать от меня послание вашему другу Узи. Чтобы он передал его Диасу. Они не должны доверять тупамарос. Это плохие люди, которые предадут нас при первой возможности.

— Согласен. Но не поздно ли для послания?

— Только для послания — да. Но я уже начал действовать.

Он откинул одеяло, открыв ноги, перевязанные, загипсованные от середины голени до середины бедра. Бинты, выступающие из-под гипса, побурели от крови. Между ногами лежала наволочка, завязанная узлом и заполненная какими-то комками.

— Возьмите это с собой, когда будете уходить. Врача и сестер я отвлеку. Это бриллианты, за которыми все так гонялись. — Он улыбнулся, увидев изумление, отразившееся на лице Хэнка. — Тут они все. Эти тупамарос никогда не получат своей доли, никогда. Девушка думала, что я не могу встать с

¹ Sen'or Greenstein? Habla Ud Espan'ol? — Вы говорите на испанском? (*исп.*).

² Si. Poquitito — Да. Немножко (*исп.*).

кровати, потому что меня принесли на руках. Глупость! У меня достаточно сильные руки. Добраться до чемоданчика было не легко, но я добрался.

Нелегко! Хэнк видел пятна крови на бинтах, и ему оставалось только гадать, какой же надо обладать нечеловеческой силой воли, чтобы в таком состоянии выбираться из кровати.

— Всякий раз, когда она уходила из комнаты на несколько минут, я этим пользовался. Разрезал дно армейским ножом¹, заменил мешочки с бриллиантами медицинскими книгами и журналами с полок, разодрал одеяло на нитки. Она ни о чем не догадалась. Остальное за вами. Вынесите отсюда бриллианты.

— Я не могу!

— Только вы и сможете. Я — военный, раненый, меня будут обыскивать, за мной постоянно наблюдают. Я этого сделать не смогу. А вы — обычный пассажир. Ваши чемоданы никто не откроет. Свяжитесь с Узи. Он подскажет, что надо сделать. Как он разделит бриллианты — это его дело. Они принадлежали нацистам, а следовательно, куплены на деньги евреев. Пусть они к нему и вернуться. Скажите ему, что их выкрал я. Скажите ему, что наше движение должно получить свою долю. Парагвай надо освобождать.

Хэнк смотрел на наволочку. Миллионы долларов. Столько людей умерло ради них. Теперь они будут у него. Он мог оставить их себе, возникни у него такое желание. Мысль эта вызвала у Хэнка улыбку. Сержант, конечно же, понимал, с кем имеет дело. Ни на мгновение не сомневался, что бриллианты попадут к Узи. Бриллианты были военным трофеем, который Прадера добыл, одержав победу над тупамарос.

— Хорошо, сержант. Я сделаю все, как вы просите. И передам Узи ваши слова. Спасибо за доверие.

— Благодарить меня не за что. В этом мире мы должны бороться не только со стресснерами и нацистами. Тупамарос — тоже наши враги. Это борьба добра со злом.

— И в ней мы союзники, сержант.

Прадера приподнялся, прищурился, глянув через плечо, лицо его превратилось в каменную маску.

— Я думал отвлечь врачей и медсестер другим способом. Но этот даже лучше. Дайте мне что-нибудь тяжелое. Да, эти камни

¹ Рукоятка армейского ножа полая. В ней хранится многое из необходимого солдату, в том числе и иголки.

очень даже подойдут. А теперь возьмите наволочку и встаньте чуть в стороне. Уходите быстро, вас просто не заметят.

Сидевший на ящике с медикаментами врач встал.

— Вы сказали, что хотите видеть сегодня этого человека, доктор. — Боцман, здоровяк с могучими бицепсами, подвел к врачу Клауса. Немец не поднимал головы, глядя на свои перевязанные, пульсирующие болью руки.

— Спасибо, боцман. Ему надо сделать перевязку.

— Да, да, сэр. Мы не хотим, чтобы этот нацистский сукин сын получил заражение крови или что-то еще до того, как его отправят под суд за стрельбу на корабле.

— Не следует осуждать человека до суда.

— Разумеется, сэр. — Но по голосу чувствовалось, что боцман остался при своем мнении.

Клаус завопил от ужаса, когда камень ударил его в скулу. Следующий угодил в ребра.

— Сволочь! Убийца! — кричал сержант. — Это они прострелили мне колени, а он меня держал. Подойди ближе, чтобы я смог вот этими руками сломать тебе шею!

Никто и не заметил ухода Хэнка.

Френсис уже приняла решение, задолго до того, как узнала, что находится в завязанной узлом грязной наволочке, которую Хэнк, вернувшись, положил рядом с их чемоданом.

— Ты — мерзавец, и я тебя люблю, — твердо заявила она до того, как он успел раскрыть рот. — Ты по-прежнему будешь заниматься этими делами, а я буду тебя за это пилить. Но жить без тебя я не собираюсь. Это понятно?

— Понятно. Могу я теперь тебя поцеловать?

— Нет. Только после того, как побреешься. И ты женишься на мне быстро, до того как случится что-то еще. Я тебя знаю. Что в этой наволочке? Грязное белье сержанта?

— Что-то в этом роде. Позволь сначала положить ее в чемодан, а потом я тебе все расскажу.

— Не волнуйся, твои драгоценности здесь, в полной безопасности, — говорил Энгус Макраханиш, ощупывая шкатулку с кольцами, сережками, браслетами и нитками жемчуга и свои две бутылки виски. А не пропустить ли стаканчик для здоровья? У него болело все тело после ночи, проведенной на же-

стком песке под аккомпанемент похрапывания Марты. Он открыл полупустую бутылку, глотнул бодрящего напитка. Великолепно! Опустил бутылку, удовлетворенно выдохнул... и тут его взгляд упал на другого мужчину, лежащего рядом на песке.

Для бессонницы у него была еще одна причина. Не только храп своей супруги, но и вскрики этой женщины. Мартовская кошка! Сейчас она расчесывала свои красивые волосы и радостно улыбалась: похоже, не считала эту ночь потерянной для жизни.

— Эй, не хотите выпить?

— Да, спасибо. Вы очень добры.

Хендрик трясущейся рукой схватился за горлышко бутылки. Виски обжигало, но явно шло на пользу. Участие в подготовке новой книги Шейлы и ее предстоящий визит в Голландию уже не вызывали у него прежнего восторга. Впервые в жизни он понял, что и хорошего может быть слишком много. Шейла наклонилась, нежно похлопала его по руке. Он постарался не отпрянуть. Слишком много, действительно слишком.

* * *

Со стороны могло показаться, что празднуют Четвертое июля, День победы или выигрыш суперкубка национального первенства по бейсболу. Все кричали, махали руками, в воздух взлетали ракеты, а над головами ревел гигантский «Боинг-747», пронесшийся курсом, параллельным берегу. На борту четко выделялись слова «ЭЙР УЭСТЕРН».

Хэнк указал на звездно-полосатый флаг, нарисованный на хвосте самолета, обнял Френсис, поцеловал, забыв о том, что может поцарапать ее щетиной.

— Смотри, дорогая. Теперь все будет хорошо.

В этом уже не могло быть никаких сомнений.

Парни из
С.В.И.Н.Т.У.С.А. и
Р.О.Б.О.Т.А.

ВЫПУСК

Одиннадцать тысяч человек идеально ровными рядами выстроились в зале. Волевые подбородки, широкие плечи, твердые взгляды — лучшие юноши всех населенных людьми планет. И теперь, после нескольких лет напряженной учебы, они стали выпускниками. Через несколько минут кадеты превратятся в полноправных членов Патруля!

— ПАТРУЛЬНЫЕ! Солдаты и полиция Космоса, отважные люди, стоящие между цивилизованными планетами и хаосом Галактики! Ни на одной из планет нет мужчин сильнее вас!

Командор вглядывался в их лица и улыбался, что было весьма необычно для его строгого характера. Но рядом пробежал гул одобрения. Когда он заговорил, в зале воцарилась абсолютная тишина.

— Патрульные, я поздравляю вас! Когда вы уйдете отсюда — вы станете членами Патруля. Носите гордо свою форму и будьте достойны этого звания. Некоторые из вас вольются в экипажи боевых кораблей, охраняющих наши планеты от вторжения. Другие будут дежурить в одиночку на кораблях-разведчиках. Те, кто имеет склонность к технике, станут заниматься связью, установкой радаров, конструированием и обслуживанием машин.

А те, кто особенно любит приключения, могут вступить в наши специальные службы. Вы еще о них мало знаете, так как это один из самых больших секретов Патруля. Теперь настало для вас время познакомиться с ними поближе. Я расскажу вам о событиях на планете Тробрери, и вы узнаете, как была решена возникшая там проблема.

ГЛАВА 1

— Это, несомненно, конец нашим неприятностям, губернатор! — радостно заорал фермер. Несколько крестьян за его спиной согласно кивнули, сняли шляпы, несколько раз крикнули — «ура!» и снова водрузили шляпы на место.

— Сейчас я не могу обещать ничего конкретного, — заявил губернатор Хейдин, но сделал это весьма многозначительно и с необычайной экстравагантностью подкрутил вверх усы. — Я радировал Патрулю, и они обещали помочь...

— А теперь на орбите вокруг нашей планеты вращается крейсер, и его посадочная капсула уже опускается! — закончил за губернатора фермер. — Для нас этого вполне достаточно. Помощь идет!

Небо загудело в ответ, полоса белого пламени прорезала низкие тучи, и в поле зрения людей появилась посадочная капсула. Толпа на краю поля — почти все население Тробрис-Сити — взорвалась радостными криками.

Корабль опустился и застыл в облаке пыли. Как только исчезли струи огня, люди бросились к месту посадки и окружили капсулу.

— Кто там, губернатор? — спросили сзади. — Отряд космических командос или что-нибудь подобное?

— В сообщении об этом ничего не сказано. Они только попросили освободить место для посадки.

Наступила тишина, пока из отверстия в борту шлюпки выползал и опускался вниз, в грязь, трап. Наружный люк распахнулся под душераздирающий рев электропривода. Затем появился молодой мужчина и посмотрел на толпу.

— Привет, — сказал он и обернулся к кому-то внутри. — Вылезайте. — Он засунул пальцы в рот и пронзительно свистнул. Это вызвало хор воплей и громкого визга. А потом из отверстия люка по трапу ринулось стадо ревуших свиней. Их розовые, черно-белые и серые зады подпрыгивали вверх-вниз, а копыта звонко грохотали по металлу.

— Свиньи! — гневно закричал губернатор. Его голос с трудом перекрыл хор поросячьего визга. — Чьи это свиньи на корабле?!

— Мои, сэр, — ответил мужчина, останавливаясь перед губернатором. — Моя фамилия Эрбер. Эрбер Брон, а это мои животные. Я очень рад встретиться с вами.

Брови губернатора Хейдина поднялись вверх. Он медленно пожирал взглядом каждый дюйм стоящего перед ним — резиновые сапоги, мятые брюки из грубого материала, красную рубашу, широкое улыбающееся лицо и чистые глаза фермера-свиновода.

Губернатор скривился, увидев несколько соломинок в его волосах, и полностью проигнорировал протянутую руку Брона.

— Зачем вы прибыли сюда? — потребовал ответа губернатор Хейдин.

— Я прибыл сюда... я хочу создать ферму. Свиное ранчо. Это будет единственное свиное ранчо в радиусе пятнадцати световых лет, и, не хвастаясь, скажу, что и это слишком много. — Брон вытер правую ладонь о куртку и снова медленно протянул ее губернатору. — Моя фамилия — Эрбер. Большинство знакомых называют меня Брон. Надеюсь, я вас не задерживаю?

— Хейдин, — сказал губернатор, рефлекторно протянув руку. — Я — здешний губернатор.

Он испуганно взглянул на визжащие тела, сгрудившиеся вокруг него.

— Я рад встретиться с вами, губернатор. Надеюсь, что здесь у меня будет много работы, — Брон радостно помахал руками.

Зрители уже покидали место событий, когда один из них дал пинка поросенку и был тут же сбит с ног огромной рыжей свиньей. Эрбер обернулся и постучал по стальному борту шлюпки. Его пронзительный свист прорезал воздух, как раскаленный нож — масло.

— Все сюда! — приказал Брон своим подопечным. Разгневанный крестьянин, отставший от остальных, лишь потряс кулаком и двинулся вслед за толпой.

— Очистите место! — заревел голос из шлюпки. — Старт через одну минуту. Повторяю: старт через одну минуту.

Брон снова свистнул и указал свиньям на рожицу у края поля. Те завизжали в ответ и двинулись в указанном направлении.

Машины и телеги устремились прочь, и, когда хрюкающее стадо с Броном во главе и губернатором в центре достигло края поля, там осталась лишь машина губернатора. Брон хотел что-то сказать, но его слова заглушил рев взлетающего корабля и хрюканье стада.

Когда все стихло, он наконец произнес:

— Если вы направляетесь в город, сэр, то я хотел бы поехать вместе с вами. Мне надо зарегистрировать заявку на участок земли и оформить некоторые другие бумаги.

— Вы не должны этого делать, — сказал губернатор, подыскивая извинения поведению своих земляков. — Это стадо, несомненно, представляет собой большую ценность, и вы не можете оставить его без присмотра...

— Вы хотите сказать, что в вашем городе есть воры и другие преступники?

— Я этого не говорил, — живо ответил Хейдин. — Наши жители скромны и законопослушны, как никакие другие. Но... В нашем рационе мало мяса, а при таком количестве свежей свинины...

— В этом-то и заключается преступление, губернатор! Это специальная порода, стоившая огромных денег, и ни одна из этих свиней не должна попасть под нож! Вы понимаете, что сейчас каждый кабан, при известных обстоятельствах, может стать родоначальником огромных стад...

— Не читайте мне лекции по животноводству. Я спешу в город.

— Не смею вас задерживать, — заявил Брон с приятной улыбкой. — Я поеду с вами, а обратно доберусь своим ходом. Я уверен, что мои свињи здесь в достаточной безопасности. В этом клочке леса они найдут уйму корней и смогут сами о себе позаботиться.

— Хорошо, это ваше личное дело или, возможно, их, — пробормотал Хейдин, садясь в свой электрокар и хлопывая дверцу. Внезапно он задумчиво взглянул на садящегося с другой стороны Брона. — А где ваш багаж? Вы забыли его на корабле?

— Как приятно, что вы беспокоитесь обо мне, — и Брон указал на свиней, рассыпавшихся по роше и радостно роющих в земле. У одного огромного борова на спине висели два длинных ящика, а к боку небольшой хрюшки был приторочен плоский чемодан. — Люди не понимают, насколько ценны эти животные. На земле их использовали многие тысячи лет. В Древнем Египте ими пользовались для посадки семян. Их копыта очень тверды и могут вдавливать семена глубоко в землю.

Губернатор Хейдин до отказа выжал реостат и направил машину в город. В его голове гудело эхо свинологической лекции.

ГЛАВА 2

— Это ваш муниципалитет? — спросил Брон. — У него красивые колонны.

Губернатор притормозил перед зданием, подняв тучу пыли, и бросил на Брона подозрительный взгляд.

— Не острите, — резко сказал он. — Это одно из самых кра-

сивых зданий, построенных нами на планете. И оно оправдывает свое название, даже если... Если его архитектура устарела.

По-новому взглянув на дом, губернатор понял, что он не просто устарел. Он обветшал. Стены здания были сделаны из спрессованных панелей, и древесина во многих местах разрушилась и торчала клочьями. Отдельные части были слегка подремонтрованы. На углах дома пластик облупился, и наружу выступали потрескавшиеся коричневые доски.

— Я не смеюсь над вашим зданием. — Брон вылез из машины. — На других планетах я видал и похуже — кривые или просто готовые рухнуть. Ваши люди построили хороший, крепкий дом. За прошедшие годы он немножко обветшал, — Брон дружелюбно похлопал губернатора по спине и посмотрел на свою ладонь, — но его следовало бы, конечно, подстричь и побрить.

Губернатор Хейдин потопал ко входу, ворча себе под нос, и Брон последовал за ним, удовлетворенно улыбаясь. Коридор проходил через все здание — Брон увидел выход в дальнем конце. Двери находились по обе стороны коридора. Губернатор толкнул одну из внутренних дверей с надписью «Не входить», и Брон пошел следом.

— Не сюда, дружище, — возмутился губернатор. — Это мои личные апартаменты. Вам надо в следующую дверь.

— Прощу меня извинить, — произнес Брон, пятась под нажимом ладони, упертой ему в грудь. Комната губернатора была скудно обставленным офисом, с жилой комнатой за ним, видной сквозь открытую дверь в задней стене. Единственным интересным объектом здесь являлась девушка, сидевшая в кресле. У нее были ярко-рыжие волосы, она была изящной и очень юной. Брон ничего больше не мог сказать о ней, так как она уткнулась лицом в подлокотник кресла и, видимо, плакала. Дверь захлопнулась перед самым его носом.

Следующая дверь вела в большой офис, разделенный посередине деревянной перегородкой. Брон прислонился к некрашеному дереву и с некоторым интересом начал читать надписи, пока дверь не открылась снова и в нее не вошла девушка. Она была юной, изящной, с рыжими волосами и красными глазами. Несомненно, ее и видел Брон в комнате губернатора.

— Извините, что я видел вас в слезах, мисс, — сказал он. — Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

— Я не плакала, — твердо ответила девушка и шмыгнула носом. — Это только... аллергия, вот и все.

— Вам следует обратиться к врачу, и он выпишет вам...

— Если проявление доброты — ваш бизнес, то я охотно приму в нем участие.

— Я ни в коем случае не хочу вас беспокоить — ни аллергии, ни другими вещами. Есть тут у вас кто-нибудь еще?

— Никого. Только я и эти компьютеры — вот и все правительство. Что вы хотите?

— Я хотел бы зарегистрировать заявку на земельный участок. Меня зовут Брон Эрбер.

Она подала ему руку и тут же отдернула, как будто обожглась, а затем взяла пачку бумаг.

— Леа Дэвис. Заполните эти бланки. Если возникнут вопросы, спросите у меня, прежде чем писать. Кстати, вы умеете писать? — спросила она, заметив его удивленную гримасу, построенную при виде бланков.

— Я умею писать, мисс, не беспокойтесь. — Брон вытащил из кармана куртки огрызок карандаша, провел им несколько раз по бумаге и стал писать.

Когда он закончил, девушка взяла бумаги, откорректировала их и протянула Брону связку карт.

— Здесь обозначены все ближайшие города, где разрешено селиться, они отмечены красным цветом. Земля везде хорошая, вы получите на ней отличный урожай.

— У меня свиньи, — довольно улыбнулся он, но не получил ответа на свою улыбку. — Я просто похожу вокруг и посмотрю участки, а потом сообщу вам, что выбрал. Благодарю вас, мисс Дэвис.

Брон сложил бумаги толстой пачкой и засунул их в карман. Чтобы вернуться к своему стаду, ожидающему его у космопорта, он зашагал обратно через центр Тробрри-Сити, который был городом только по названию. Облака пыли вылетали у него из-под ног, когда он шагал по единственной улице города — неуклюжий и смешной в своих башмаках. Дома выглядели так, как будто их воздвигали на скорую руку и никогда не ремонтировали, поскольку город постоянно нуждался в постройке все новых и новых зданий. Дома, собранные из готовых прессованных блоков, чередовались с деревянными домами и землянками. Последних было довольно много, а между ними живописно располагались кучи глины, земли, мусора и рваной бумаги. Потом землянки исчезли, на стенах все чаще стал появляться пластик. Дома стали приземистыми, словно постепенно по-

гружались в почву. Брон проходил мимо небольших гаражей, магазинов и фабрик. Впереди появилась парикмахерская с профессиональным символом на красно-белом поле. У ее стен стояла кучка мужчин.

— Эй, свинопас! — крикнул один из мужчин. — Предлагаю сделать из тебя отбивную в обмен на пару свиных отбивных!

Остальные бездельники громко рассмеялись, считая шутку чрезвычайно остроумной. Брон остановился.

— Мне кажется, — сказал он, — ваш город недолго протянет, если будет позволять молодым мужчинам слоняться без дела.

Ответ вызвал сердитое ворчание. Вожак вышел вперед и крикнул:

— Ты думаешь, что очень силен?

Брон не ответил, только стукнул кулаком правой руки по левой ладони и холодно улыбнулся. Звук получился громкий и резкий, а кулак получился большой и жесткий. Мужчина отошел к стене и стал в чем-то оправдываться перед друзьями, которые теперь полностью игнорировали Брона.

— Он неприятный тип, парни, и вам следовало бы проучить его, — раздался голос из парикмахерской.

Брон шагнул в открытую дверь. В кресле сидел человек, пнувший одну из его свиней в аэропорту, и вокруг него суетился робот-парикмахер.

— Не говори так, друг, ты же ничего обо мне не знаешь, — произнес Брон.

— И знать не хочу, — сердито заявил мужчина. — Можешь забирать своих свиней, и...

Брон, продолжая улыбаться, наклонился и нажал кнопку «горячее полотенце» на грудной панели робота. Исходящее паром полотенце заглушило дальнейшие слова мужчины. Робот отстриг полоску материи, прежде чем у него зажглась аварийная лампочка, и, громко жужжа, остановился. Брон вышел. Никто не загородил ему дорогу.

— Не очень гостеприимный город, — сказал он себе. — Почему так?

Увидев вывеску «ЕДА», он завернул в маленькое кафе.

— Мясо кончилось, — сказал буфетчик.

— Кофе, больше мне ничего не надо, — сказал Брон и сел на табурет. — У вас приятный город, — добавил он, получив кофе.

Буфетчик что-то невнятно пробурчал и взял у Брона деньги. Брон снова попытался завести разговор.

— Я хочу сказать, здесь хорошие условия для ведения сельского хозяйства и большие запасы полезных ископаемых. Колониальная комиссия выдала мне разрешение на владение земельным участком на вашей приятной планете.

— Мистер, — сказал буфетчик, — я не хочу разговаривать с вами, а вы не разговаривайте со мной. О'кей? — Он повернулся, не дожидаясь ответа, и стал протирать панель автоматического повара.

— Ничего себе дружелюбие, — удивился Брон, выходя на улицу. — У них здесь есть все, но никто, кажется, не переполнен счастьем. Что происходит на этой планете?

Засунув руки в карманы и тихонько насвистывая, он зашагал дальше, оглядываясь по сторонам. Он находился уже недалеко от космопорта — тот был вблизи от города и состоял из чистого поля и контрольной башни.

Когда он приблизился к рошице, где оставил стадо, до него донеслись хрюканье и сердитый визг. Брон ускорил шаг, а потом побежал, когда к визгу присоединился целый хор. Некоторые свиньи беззаботно рылись в земле, но большинство сгрудились вокруг высокого дерева, оплетенного вьюнками и усеянного короткими ветвями. Один кабан пытался повалить дерево, сдирая кору у самого основания широкими полосками длиной в один ярд. Высоко вверху хриплый голос звал на помощь.

Брон засвистел, принялся дергать свиней за хвосты, пинать их в жирные бока и, наконец, отогнал всех от дерева. Когда стадо снова начало рыться в земле и обгладывать кору кустарника, он крикнул:

— Эй, вы там, можете спускаться!

Дерево закачалось, вниз полетели сучья, и высокий худой человек начал медленно спускаться вниз. Он задержался над головой Брона, крепко ухватившись за ствол. Брюки человека порвались, а на ногах был лишь один ботинок.

— Кто вы? — спросил Брон.

— Это ваши свиньи? — сердито заорал в ответ человек. — Их всех мало перестрелять! Они напали на меня и убили бы, если бы я не влез на дерево...

— Кто вы? — повторил Брон.

— Если вы сами, мистер, не можете позаботиться о них, то у нас на Труубри существуют законы...

— Если вы не хотите слезть и сказать, кто вы такой, мистер, то можете оставаться там, пока не сгниете, — спокойно прервал его Брон. Он указал на огромного кабана, лежащего в десяти футах от дерева и не сводившего с человека маленьких красных глазок. — Мне не нужно ничего делать. Эти свиньи сами могут позаботиться о себе. Это у них в крови. Пекари в Мексике загоняют человека на дерево и не уходят до тех пор, пока он не умрет или не свалится вниз. Мои животные не нападают ни на кого без причины. Вы, очевидно, захотели утащить одного из поросят, так как стосковались по жареной свинине. Кто вы такой?

— Вы оскорбляете меня! — возмутился человек.

— Да. Кто вы такой?

Кабан встал, подошел ближе к дереву и громко фыркнул. Мужчина, вскарабкавшись повыше, вцепился в ствол обеими руками.

— Я Раймон, радист. Я был в башне во время посадки бота. Закончив свои дела, я взял велосипед и отправился в город. Тут я увидел свиней и остановился, хотел только на них посмотреть, а они напали на меня безо всякой причины...

— Стрим, Стрим, — сказал Брон, толкнув борова носком сапога, и провел по его ребрам вверх и вниз. Боров закрыл глаза от удовольствия и радостно захрюкал. — Вам, очевидно, очень понравилось это дерево, мистер Раймон.

— Я наклонился, чтобы погладить поросенка, и тут они на меня внезапно напали.

— Это уже более правдоподобно, и я не буду задавать вам глупые и неприятные вопросы, с чего бы это вдруг вы воспылали страстной любовью к поросятам. Наверное, это ваши самые любимые животные. Теперь вы можете слезать и убираться отсюда.

Кабан завертел хвостом и исчез в подлеске. Раймон торопливо спрыгнул на землю и отряхнул одежду. Его красивое лицо портила злая гримаса, перекосившая рот.

— Вы еще услышите обо мне, — бросил он через плечо и зашагал прочь.

— Не сомневаюсь в этом, — сказал ему вслед Брон, выходя на дорогу и следя за электрокаром, пока тот не исчез в городе. Только тогда он вернулся назад к свиньям и свистом созвал свое стадо.

ГЛАВА 3

Тонкий металлический звон в ухе Брона становился все громче. Поначалу Брон игнорировал его, но в конце концов, зевнув, поднял руку и нажатием пальца выключил единственную сигнальную серьгу. Затем протер глаза, отгоняя сон. Над головой сияли незнакомые созвездия. Прошло уже несколько часов местной ночи, в лесу было темно и тихо, лишь изредка раздавалось редкое сопение и сонное похрюкивание свиней.

Брон спал не раздеваясь, сняв только ботинки, которые всегда старался держать сухими, и оставив сумку открытой. Он обулся и наклонился к Квини. Восьмисотфунтовая свинья, чьи очертания смутно угадывались в темноте, подняла голову и вопросительно хрюкнула. Брон откинул кончик ее уха, чтобы ему удобней было шептать в него.

— Я сейчас уйду и вернусь на рассвете. Возьму с собой Жасмин. Ты следи за остальными.

Квини хрюкнула, весьма разумно выразив согласие, и снова улеглась. Брон тихо свистнул, зашуршали листья, и перед ним возникла малышка Жасмин.

— Пойдем со мной, — сказал он ей. Она пристроилась сзади и следовала за ним по пятам через весь лагерь. Они двигались бесшумно, как привидения.

Ночь была лунная, и спящий Трорубри-Сити был ярко освещен. Никто не выглянул из окон, чтобы узнать, кто это прошел по городу и проскользнул в здание муниципалитета. Никто не услышал, как открылось окно и две тени исчезли в здании.

Губернатор Хейдин сидел на кровати, когда его комнату залил свет. Первое, что он увидел, была маленькая розовая свинка, сидевшая на коврикке возле его кровати. Она повернула голову и... подмигнула. У нее были очень большие глаза.

— Извините, что я потревожил вас в такой поздний час, — Брон отошел от окна, убедившись сначала, что шторы плотно закрыты, — но я не хотел, чтобы кто-то увидел нашу встречу.

— Убирайся отсюда, пока я не вышвырнул тебя вон, сумасшедший свинопас! — рявкнул губернатор.

— Не так громко, сэр, — предостерег его Брон, — вас могут слышать. Вот моя карточка... — он протянул пластмассовый прямоугольник.

— Меня не интересуют ваши дурацкие бумаги...

— Но вы не видели ЭТО удостоверение. Разве вы не обращались в Патруль за помощью?

— Откуда вы знаете? — глаза губернатора широко раскрылись. — Вы хотите сказать, что имеете к нему какое-то отношение?!

— Вот мое удостоверение, — сказал Брон, протягивая карточку, которую держал в руке.

Губернатор обеими руками схватил карточку.

— С.В.И.Н.Т.У.С., — прочитал он и поперхнулся. — Что это? Какая-то шутка?

— Нет, губернатор. Наше подразделение создано совсем недавно. До сих пор его деятельность была совершенно секретной. О ней знал только высший командный состав.

— Значит, вы не свиной фермер?

— Я свиной фермер, губернатор. У меня звание животновода, я доктор галактической дипломатии и имею черный пояс дзюдо. Я — сотрудник Службы Внешней Инспекции Населенных Территорий, Укомплектованной Свињьями.

— Значит, это вас прислали в ответ на нашу просьбу?

— Правильно. Я не могу сообщить вам некоторые детали, но хочу, чтоб вы знали — у Патруля сейчас не хватает сил на решение всех проблем, и так будет продолжаться еще несколько лет. Когда открывают новую планету, она входит в сферу земного влияния на каком-то определенном расстоянии, и нам надо контролировать космос в кубе этого расстояния.

— Вы не могли бы объяснить попонятнее?

— Тут нет ничего сложного. Если говорить примитивно, то суть нашей проблемы состоит в том, что Патруль должен действовать между всеми колонизируемыми планетами, и этот объем пространства невозможно себе представить. Мы надеемся, что когда-нибудь у нас хватит кораблей для заполнения всего этого пространства, чтобы по любому вызову можно было послать крейсер. Но сейчас другое положение, и необходимы иные методы для оказания планетам помощи. Было создано несколько проектов, С.В.И.Н.Т.У.С. — один из первых. Вы видели мое подразделение. Мы прибыли в космическом корабле, не прибегая к помощи Патруля. У нас есть пайки, в случае необходимости мы можем перейти на самообеспечение. И способны успешно действовать во всех тактических ситуациях.

Хейдин пытался понять, но информация была слишком необычной для него.

— Я слышу, что вы говорите. И все же... — он запнулся. — У вас всего лишь стадо свињей?

Брон уяснил характер вопроса губернатора, и глаза его напряженно сузились.

— Вы думаете, было бы лучше, если бы я прибыл сюда со стадом волков? Тогда вы бы чувствовали себя в большей безопасности?

— Да, мне кажется, что так было бы лучше. По крайней мере, надежнее...

— Надежнее? Вы так думаете, потому что волк — хищник и потому что волки в природе нападают на диких кабанов? У меня есть боров-мутант. При встрече с шестью волками он спустит с них шкуры за несколько минут. Вы сомневаетесь в этом?

— Теперь поздно сомневаться. Но вы уверяете, что... не знаю... Нелепо: Патруль — и стадо свиней.

— Это мнение не особенно оригинально, — холодно заметил Брон. — Вот почему я взял целое стадо свиней, а не одних кабанов, и притворился глупым фермером. Люди не заметят странностей в поведении свиней, и это поможет расследованию. Поэтому я решил встретиться с вами сегодня ночью. Я не хочу раскрываться преждевременно.

— Вы зря беспокоитесь. Наши люди не имеют никакого отношения к насущной проблеме. — Губернатор Хейдин чувствовал себя не в своей тарелке. Он заколебался, затем снова попросил удостоверение у Брона. — Я хочу еще раз проверить, прежде чем рассказывать что-нибудь.

— Пожалуйста.

На столе стоял рентгеноскоп, и губернатор долго сравнивал невидимые надписи на удостоверении с шифровальной книгой, которую он достал из сейфа. Наконец он разочарованно кивнул Брону и вернул карточку.

— Подлинное, — сказал Хейдин.

Брон засунул удостоверение в карман.

— Итак, что у вас за неприятности? — спросил он.

Губернатор взглянул на маленькую свинку, которая разлеглась на коврик и сладко дремала.

— Привидения, — внятно произнес он.

— А вы еще смеетесь над свиньями, — иронически усмехнулся Брон.

— Не старайтесь оскорбить меня, — горячо продолжал губернатор. — Я понимаю, как это звучит, но это так. Мы называем этот феномен «привидениями», так как нам ничего не известно о них: сверхъестественное это явление или нет, но оно

какое-то нереальное. — Он повернулся к карте на стене и показал на желто-коричневое пятно среди зеленого цвета. — Вот плато привидений, от него исходят все неприятности и все беспокойство.

— Какие неприятности?

— Трудно сказать. В основном — ощущения. После колонизации этой планеты прошло уже пятнадцать лет, но люди не любят проезжать мимо этого плато. Вроде бы никто ничего не чувствует, но даже животные обходят его. А люди, осмелившиеся пересечь плато, исчезали.

Брон посмотрел на карту и обвел взглядом желтое пятно.

— А исследования там не проводились? — спросил он.

— Конечно, проводились. При первом же осмотре планеты. И вертолеты до сих пор пролетают над плато, но с них ничего не замечали. Правда, летают они только днем. Никто из тех, кто пролетал, проезжал или проходил по плато ночью, не вернулся рассказать, что там происходит. Ни одного тела не было найдено, — в голосе губернатора звучало глубокое горе; он, несомненно, говорил правду.

— Вы предпринимали что-нибудь еще?

— Мы стали избегать плато. Это не Земля, мистер Эрбер, так что не ищите аналогий. Это чужая планета с чужой жизнью, и человеческие поселения — только угри на ее коже. Разве мы знаем, какие создания бродят здесь ночью? Мы поселенцы, а не искатели приключений. Мы научились избегать плато — по крайней мере, ночью — и никогда больше не встречаемся с подобными феноменами.

— Поэтому вы и вызвали Патруль?

— Мы вызвали Патруль, потому что совершили ошибку. Старые колонисты мало рассказывают о плато, и новички подумали, что это просто сказка. Некоторые из них стали сомневаться в памяти старожилов. Однажды отряд исследователей решил подыскать место для поселения шахтеров, и единственная свободная площадь вблизи города оказалась на плато. Туда ушел отряд под руководством Хэна Дэвиса, несмотря на все наши дурные предчувствия.

— Он имеет какое-то отношение к вашей помощнице?

— Он ее брат.

— Это объясняет ее волнение. Что же произошло?

Взгляд Хейдина стал рассеянным.

— Это ужасно, — сказал он. — Мы провели всестороннее об-

следование местности и днем следовали за ними на вертолетах, но вскоре остановились. У группы Дэвиса была радиостанция, и она непрерывно работала. Ночь прошла спокойно. Потом, перед самым рассветом, радиостанция без всякого предупреждения замолкла. Мы подождали минуту и двинулись вперед, но было уже поздно.

Страшно описывать то, что мы обнаружили. Оборудование, палатки, запасы — все разбито и уничтожено. Везде была кровь, забрызгавшая сломанные деревья и землю, но люди исчезли. Никаких следов ни людей, ни машин, ни животных — ничего.

— Да, это потрясает, — кивнул Брон. — И вы там больше ничего не обнаружили?

— Мы тоже не дураки. У нас есть техника и ученые. Там не было никаких следов, и радары тоже ничего не заметили. Я повторяю — ничего.

— После этого вы послали нам вызов?

— Да. Наше терпение лопнуло.

— Вы были абсолютно правы, губернатор. Я займусь вашим делом. У меня уже есть кое-какие идеи по этому поводу.

Хейдин вскочил на ноги.

— Неужели? Какие же?!

— Я убежден, что ваши страхи преувеличены. Утром я пойду и осмотрю место гибели ваших людей. Вы можете указать мне на карте точные координаты? И пожалуйста, никому обо мне не говорите.

— Конечно, — сказал Хейдин, глядя на свинку. Она встала, потянулась и громко хрюкнула, заметив на столе блюдо с фруктами.

— Жасмин очень любит фрукты, — улыбнулся Брон. — Так вы никому не скажете?

— Нет.

— Отлично.

— Идите и помогайте себе сами, — сказал губернатор и закрыл окно за удалившимся Броном, записанными координатами и свиной лакомкой.

ГЛАВА 4

Брон торопился исчезнуть из роши до рассвета. Когда он вернулся в лагерь, небо на востоке уже светлело, животные проснулись и разбрелись по роше.

— Я думаю, вы останетесь здесь до завтра, — сказал Брон, раздав из ящика витаминизированные пайки. Квини и восьмисотфунтовая свинья Полли радостно захрюкали в ответ и стали подбрасывать в воздух листья.

— Здесь удобно искать пищу, особенно после путешествия на космическом корабле. А я сейчас отправлюсь на небольшую экскурсию, Квини, и вернусь, когда стемнеет. Ты пока следи за остальными.

Он повысил голос:

— Карли! Мэй!

Не успело стихнуть эхо его крика, как по подлеску пронеслись два длинных серо-черных тела — тонны костей, мускулов и копыт. Ветвь толщиной три дюйма оказалась на пути Карли, но он не пригнулся и не свернул. Раздался короткий треск, и он очутился рядом с Броном со сломанной веткой на спине. Брон снял ветку и оглядел своих бойцов. Это были боровы-близнецы по тысяче фунтов каждый.

Обыкновенный дикий кабан весит семьсот пятьдесят фунтов и представляет собой упрямое, очень опасное и раздражительное создание. Карли и Мэй были мутантами, весили на треть больше, чем их дикие предки, и были много умнее. Но остального в них не меняли — они оставались сильными, опасными и имели скверный характер. На их десятидюймовые клыки были надеты стальные коронки, предохраняющие кость от стирания.

— Мэй, ты останешься с Квини и будешь помогать ей управлять стадом.

Мэй сердито взвизгнул и замотал огромной головой. Брон схватил в пригоршню его шкуру в любимом месте для чесания и стал тискать. Мэй счастливо захрюкал. Он был гением среди свиней, его разум достигал разума слабоумного человека — только он не был человеком. Мэй понимал простые приказы и исполнял их в пределе своих возможностей.

— Оставайся и охраняй, Мэй, оставайся и охраняй, смотри на Квини, она знает, что делать. Охраняй, но не убивай. Здесь много пищи, и ты после моего возвращения получишь конфету. Карли пойдет со мной, а все остальные потом тоже получают конфеты. — Со всех сторон раздалось радостное хрюканье, а Квини потерлась жирным боком о ногу Брона. — Иди и приведи Мейзи Мулафут, ей тоже не мешает размяться. И Жасмин.

Жасмин представляла собой проблему. Хотя по размерам

она походила на поросенка, она была совершенно взрослой особью из группы необычайно маленьких свиней, выведенных специально для лабораторных экспериментов. У них развился разум, и Жасмин имела самый высокий коэффициент интеллекта из всех свиней, когда-либо вышедших из лаборатории. Но из-за этого возникали трудности: ее разум был нестабилен, происходили припадки, почти человеческие припадки, словно ее рассудок балансировал на лезвии ножа. Когда ее оставляли в стаде, она начинала дразнить и задира́ть остальных свиней, поэтому Брон предпочитал брать ее с собой.

Мейзи была совсем другой — типичная круглая свинья, выращенная для обычных целей. Разум был неразвит, на уровне простых свиней, а плодовитость высока. Бессердечные люди сказали бы, что она годится только для бекона. Но она была хороша сама по себе, будучи при этом хорошей матерью. Сейчас ее разлучили с последним пометом. Брон хотел прогулкой отвлечь свинью от горя и хотел также, чтобы она хоть немного избавилась от жира, накопившегося во время космического путешествия.

Брон развернул карту и обнаружил старую дорогу, ведущую почти к самому плато. Он со свиньями мог с достаточной легкостью идти вообще без дороги, но она сэкономила время. Брон достал из кармана гирокомпас и установил на нем направление. Затем он разработал маршрут, по которому они должны были идти до дороги. Он показал рукой направление, и Карли, опустив голову, рванулся вперед, как камень из пращи. Только треск шел, когда он прокладывал себе путь через кустарник — прекрасный следопыт и отличный первопроходчик.

Легко было шагать по пути, выложенному дерном. Лагерь лесорубов оказался покинут и, видимо, давно, так как на дороге не было колеи от колес. Свиньи сопели в сочном дерне, хватывая наиболее вкусные травинки, хотя Мейзи тяжело дышала от непривычных усилий. Вдоль дороги росли деревья, но большая часть равнины была очищена от леса и засеяна пшеницей. Вдруг Карли завертелся на месте, кинулся в сторону небольшой рощицы, остановился и вопросительно захрюкал. Жасмин и Мейзи остановились рядом с ним и посмотрели в том же направлении, вытянув головы и прислушиваясь.

— Что? Что там? — спросил Брон.

Все казалось спокойным. Но Карли не замедлил бы скорость, не имея к тому веских оснований. Более чуткие, чем лю-

ди, свиньи слышали что-то, что не испугало их, но заинтересовало.

— Пошли, — сказал Брон. — Здесь так приятно идти. — Он толкнул Карли в бок, но с таким же успехом он мог толкать каменную стену. Карли, не двигаясь, вытянул переднее копыто и указал на деревья.

— Ладно, если ты настаиваешь. Я никогда не спору с боровами весом в полтонны. Пойдем посмотрим, что там такое. — Он ухватился за шетину на спине Карли, и тот двинулся между деревьями.

Они не прошли и пяти ярдов, как Брон сам услышал пронзительный крик птицы или маленького зверька. Но почему это заинтересовало свиней? Внезапно Брон понял, кто кричит.

— Ребенок! Карли, вперед!

Получив приказ, Карли быстро устремился вперед, не обращая внимания на кусты, а Брон устремился за ним по тропинке. Вскоре они выбежали на крутой грязный берег черного озера. Крик стал громче и перешел в отчаянное всхлипывание. В воде стояла девочка не старше двух лет, мокрая и несчастная.

— Сейчас я вытащу тебя! — крикнул Брон. Рыдания перешли в визг. Карли остановился на краю скользкого дерева, а Брон наклонился вниз, держась за его крепкую ногу. Девочка бросилась к нему, он схватил ее свободной рукой и вытащил на безопасное место. Она вся вымокла, но сразу перестала плакать и крепко ухватила его за руку.

— Что нам теперь делать? — спросил Брон и тут же услышал ответ — далекий, непрекращающийся звон колокольчика. Брон указал свиньям направление и зашагал по проложенной ими тропе.

За лесом открылся луг. На холме стоял красный фермерский дом, перед которым женщина звонила в небольшой колокол. Она сразу же заметила Брона, когда он неожиданно появился из-за деревьев, и кинулась ему навстречу.

— Эм? — закричала она. — С тобой все в порядке? — Она обняла ребенка, не обращая внимания на черные пятна грязи, появившиеся у нее на фартуке.

— Я нашел ее в пруду, мадам. Она поскользнулась на берегу и не могла выбраться из воды. Пожалуй, она только перепугалась.

— Не знаю, как вас и благодарить! Я думала, она спит, и пошла за молоком. А она, наверное, выбежала... — Тут фермерша обратила внимание на животных.

— Не меня благодарите, мадам, а моих свиней. Они услышали ее плач, и я последовал за ними.

— Какое прекрасное животное, — сказала фермерша, рассматривая Мейзи. — До переселения на эту планету мы держали свиней, а теперь у нас только молочная ферма. Я очень жалею. Позвольте мне дать вам свежего молока. Это не займет много времени.

— Благодарю вас, но мы должны идти. Присматривайте за дочерью, а мы хотим подняться на плато и вернуться до наступления вечера.

— Нет! Не ходите туда!

— Почему? Судя по карте, там хорошая земля.

— Там... происходят всякие вещи. Мы обычно не говорим об этом. Вещи, которые нельзя увидеть, но они есть. Мы пасли коров поблизости от плато, а потом перестали. И знаете почему? Они хуже стали давать молоко — в два раза меньше, чем остальные. Там есть что-то нехорошее. **ОЧЕНЬ** нехорошее. Можете сходить туда, если хотите, но только возвращайтесь до темноты. Вы поймете, что я хочу сказать, и очень скоро.

— Признателен вам за предупреждение. Поскольку с вашей дочерью все в порядке, я, пожалуй, пойду. — Он свистнул свиньям, попрощался с фермершей и снова вышел на дорогу. Плато все больше интересовало его. Они шли, несмотря на тяжелое дыхание Мейзи и ее несчастный вид. Через час они миновали большой лагерь лесорубов, покинутый из-за странных вещей, происходящих на плато, и подошли к лесу. Это был край плато.

Они переправились через реку, где Брон позволил свиньям немного напиться, пока он вырезал палку, чтобы легче было подниматься в гору. Разгоряченная Мейзи с ужасным плеском рухнула в воду. Жасмин, свинья привередливая, яростно завизжала, прокатилась по траве и стала искать себе другое место для купания. Карли, грузно пыхтя, словно локомотив, толкнул носом гнилое дерево, откатил его и стал с удовольствием пожирать прятавшихся под ним насекомых. Потом они двинулись дальше.

Подъем на плато оказался недолгим, и вскоре они очутились на равнине, поросшей редким лесом. Брон вытащил компас и указал Карли направление. Тот фыркнул и стал тщательно осматривать борозды на земле, прежде чем поставить копыто. Жасмин прижималась к ноге Брона и скулила.

У него также возникло гнетущее чувство, и по телу пробежа-

ла невольная дрожь. В этом месте было что-то... как бы это сказать? — плохое это было место. Брон не смог понять, откуда взялось это чувство, но оно не исчезало. Хуже всего было то, что здесь не было птиц, хотя ниже плато холмы были усеяны ими. И не появлялось ни одно животное. Даже если бы сам Брон не заметил отсутствия зверей и птиц, то свиньи, несомненно, привлекли бы его внимание к такому явлению.

Он подавил неприятное ощущение и пошел вслед за Карли, а две другие свиньи, молча протестуя, потрусили вслед за ним, прижимаясь к его ногам. Было ясно, что они тоже ощущали опасность и боялись ее. Только у Карли это ощущение лишь обостряло его дикий характер, так что он двигался вперед с сердитым бормотанием.

Попавшаяся им на пути лужайка, несомненно, и была тем местом, которое они искали. Ветви на деревьях вокруг поляны были скручены, а несколько молодых деревьев сломано. Земля была усеяна обрывками палаток, разбитым оборудованием и снаряжением. Брон поднял радиоперелатчик и увидел, что ящичек сплюснут как бы ударом гигантского кулака.

Все время, пока он осматривал поляну, его не покидало чувство тревоги.

— Сюда, Жасмин, — позвал он. — Нюхай. Я знаю, прошла уже неделя и недавно был дождь, но, может быть, остался какой-нибудь запах.

Жасмин задрожала и, отрицательно замотав головой, прижалась к его ноге. Брон чувствовал ее дрожь и хорошо понимал состояние свиньи. Он дал понюхать ящичек Карли, и тот стал усиленно принюхиваться и фыркать, но было видно, что его внимание отвлечено чем-то другим. Нюхая, он рыскал глазами по сторонам, а потом обследовал всю поляну, перерывая носом мусор и недоуменно хрюкая. Брон подумал было, что Карли что-то нашел, когда тот стал рыть землю клыками, но это оказался всего лишь сочный корень. Карли начал его жевать, но вдруг поднял голову и насторожился, позабыв о корне.

— Что там? — спросил Брон, видя, что остальные животные тоже повернулись в сторону, в которую смотрел Карли, и стали прислушиваться. Их уши подергивались. Внезапно раздался шум. Какой-то большой зверь продирался сквозь кустарник.

Треск послышался снова, и из-за деревьев показался баундер, протянув длинную когтистую лапу чуть ли не к самым верхушкам. Брон видел фотографию этого гигантского сумчатого

животного, уроженца данной планеты, но еще никогда не встречался с ним. Зверь стоял на задних лапах — двадцать футов в высоту, — и нельзя было не испытать страха, даже зная, что он не хищник и питается только болотными растениями. Все-таки он являлся грозным противником, особенно сейчас, когда был, кажется, чем-то раздражен. Чудовище качнулось и нависло сверху, как гора, его когтистые лапы устремились к человеку и свиньям.

Карли, яростно взвывая, ударил зверя в бок. Даже двадцатифутовый коричнево-красный баундер не смог устоять против тысячи фунтов веса разъяренного кабана и отлетел назад. Когда баундер остановился, Карли метнулся вперед, злобно пригнув голову, зацепил и разорвал ногу животного. Развернувшись, боров на мгновение остановился, а затем повторил атаку. Второй баундер большего размера — это был самец, появившийся чуть позже, — мгновенно оценил ситуацию, и она ему не понравилась. Его самка испытывала боль, громко кричала, и, без сомнения, за это несло ответственность мечущееся круглое создание. Без единого звука баундеры развернулись и исчезли в противоположном направлении. Жасмин, в начале этих событий бросившаяся помогать, очевидно, находилась на грани истерики. Мейзи, никогда не отличавшаяся быстрой реакцией, оставалась на месте, хлопая ушами и изумленно хрюкая.

Когда Брон полез в карман за успокаивающей таблеткой для Жасмин, в траве скользнула длинная змеиная голова почти рядом с его пяткой. Он застыл с поднятой рукой, зная, что видит сейчас перед собой смерть. Это был «поцелуй ангела» — самая ядовитая змея Тробрри, более смертоносная, чем все ядовитые змеи Земли. Она питалась мясом, как удав, но у нее еще имелись ядовитые зубы и мешочки, полные яда. А сейчас она была раздражена и раскачивалась, готовясь нападать.

Было очевидно, что солидная розовая Мейзи — хорошая свинья и мать — не имела достаточного темперамента и нужных рефлексов, чтобы напасть на огромного баундера, но змея — совсем другое дело. Мейзи завизжала и прыгнула вперед, передвигаясь с тяжеловесной грацией.

Змея увидела надвигающуюся гору мяса, ударила, мгновенно отдернула голову и снова ударила. Мейзи, пронесшись мимо, фыркнула, снова завизжала и прыгнула на балансирующую в воздухе змею. Та громко зашипела и ударила еще раз, удивляясь каким-то уголком своего мозга, почему это появившийся

здесь обед не падает, чтобы она могла спокойно съесть его. Если бы она знала побольше о свиньях, она бы действовала иначе. Но она снова ударила, и большая часть ее яда уже была истрачена.

Род Мейзи был очень плодовит, и самки накапливали много жира. Ну а Мейзи была самой толстой из всех. Ее заднюю часть, которую самые алчные из плотоядных называют окороком, покрывал толстый слой жира, в котором не циркулировала кровь. Яд попал в сало и оттуда уже не мог попасть в кровь и причинить вред Мейзи. В конце концов он будет нейтрализован организмом.

Тем временем Мейзи снова развернулась, и «поцелуй ангела» в очередной раз ужалил ее — апатично, так как яд уже кончился. Мейзи мелькнула рядом с врагом, и на змею обрушились копыта — острое и опасное оружие. Если змеи любят есть свиней, то свиньям змеи тоже нравятся. Визжа и подпрыгивая, Мейзи топталась на спине змеи, аккуратно ампутировав ее голову. Тело продолжало извиваться, и Мейзи не останавливалась до тех пор, пока оно не превратилось в несколько неподвижных обрывков. Только тогда Мейзи перестала его топтать и принялась с удовольствием есть. Змея оказалась большая, и Мейзи позвала на помощь Карли и Жасмин.

Брон подождал, пока они закончат, так как пиршество вернуло им спокойствие. Только после исчезновения последнего куска они повернулись и направились обратно в лагерь. Брон кинул взгляд через плечо и почувствовал огромное облегчение из-за того, что они покидают плато Привидений.

ГЛАВА 5

В лагере их встретил хор радостного хрюканья. Большинство этих умных животных помнило про обещанные конфеты и теперь окружило Брона. Он открыл ящик с минерализованными и витаминизированными деликатесами. Раздавая их, он услышал звонок своего видеофона — совсем тихий, так как он еще не распаковал ящик с аппаратурой.

Заполняя в муниципалитете карточки, Брон, конечно, указал номер видеофона напротив своей фамилии. Этот номер давался при рождении и на всю жизнь. С помощью компьютера любой человек на любой планете мог связаться с ним. Но кто мог вызвать его здесь? Насколько он знал, его номер мог быть

только у Леи Дэвис. Он вытащил карманный видеофон — размером не больше его ладони, с атомной батареей — и щелкнул выключателем у маленького экрана. Видеофон включился, и из маленького динамика раздалось тихое жужжание, пока на экране не возникло цветное изображение.

— Я как раз думал о вас, мисс Дэвис. Какое совпадение.

— Очень приятно, — сказала она, словно подыскивая нужные слова. Она была привлекательной девушкой, но сейчас выглядела измученной. Смерть брата подкосила ее. — Мне нужно увидеться с вами, мистер Эрбер, и как можно скорее.

— Это очень приятно, мисс Леа. Я сейчас приду.

— Мне нужна ваша помощь, но нас не должны видеть вместе. Вы можете прийти сразу же, как только стемнеет, к черному входу муниципалитета? Мы встретимся там.

— Можете на меня положиться...

Что бы это значило? Неужели девушке стало что-то известно? Возможно, губернатор рассказал ей о С.В.И.Н.Т.У.С.е. Вполне возможно, ведь она его первая помощница. И очень привлекательна, когда плачет. Накормив стадо, он сразу же достанет чистый костюм и бритву...

Брон покинул лагерь в сумерках. Квини, подняв голову, провожала его взглядом. Она должна была руководить стадом до его возвращения — все свиньи знали это и не возражали, а Карли и Мэй должны были защищать стадо от всяческих неприятностей. Карли спал после дневного похода, посапывая носом, возле его бока примостилась маленькая Жасмин. Все вокруг дышало спокойствием.

Подойти к неосвещенному входу муниципалитета не было для Брона проблемой, так как он уже был здесь один раз. Сонная тишина вокруг успокаивала его.

— Мисс Леа, вы здесь? — тихо позвал он, осторожно толкая незапертую дверь. В холле было темно, и он заколебался.

— Да, я здесь, — раздался голос. — Зайдите, пожалуйста.

Брон шире открыл дверь и шагнул вперед. В его голове взорвалась грохочущая боль, ослепив его вспышкой света. Он попытался загородиться, но следующий удар обрушился на его предплечье. Рука и плечо окаменели. Третий удар ему нанесли сзади по шее, отправив его в глубокую темноту.

— Что случилось? — спросило раскачивающееся розовое пятно.

Поморгав, Брон сумел сфокусировать глаза и разглядел озбоченное лицо губернатора Хейдина.

— Это вы мне скажите, что случилось? — хрипло ответил Брон, ощутив боль в голове и с трудом подавив приступ тошноты. Что-то влажное и холодное сопело возле его головы. Подняв руку, он нащупал ухо Жасмин.

— Мне кажется, свинью надо убрать отсюда, — сказал кто-то.

— Оставьте ее, — с трудом выговорил Брон. — И расскажите мне, что произошло.

Он осторожно повернул голову и увидел, что лежит на кушетке в офисе губернатора. Рядом стоял доктор со строгим лицом и блестящим стетоскопом. В дверях торчало еще несколько человек.

— Мы только что нашли вас, — сказал губернатор, — и больше ничего не знаем. Я работал в своем кабинете, когда раздался ужасный крик, похожий на женский. Некоторые из этих людей услышали его с улицы, и мы сразу прибежали. Мы нашли вас у заднего входа в холле с разбитой головой, а возле вас стояло и визжало это животное. Никогда бы не подумал, что свинья может издавать такие звуки! Она никого не подпускала к вам, угрожающе скалилась и щелкала зубами. И успокоилась только после прихода доктора, позволив ему подойти к вам.

Брон принялся обдумывать ситуацию настолько быстро, насколько это было в его силах.

— Тогда вам известно больше, чем мне, — сказал он. — Я пришел насчет своих бумаг на владение землей. Парадный вход был закрыт, и я подумал, что смогу пройти через черный вход. Я вошел, и меня что-то ударило по голове. Я очнулся здесь. За это мне надо благодарить Жасмин. Она пошла за мной и увидела, как меня ударили. Тогда она завизжала и, наверное, стала кусать за ноги того, кто напал на меня. У свиней очень хорошие зубы. Видимо, она испугала злоумышленника, кто бы он ни был, — Брон застонал, ему это было нетрудно. — Доктор, не могли бы вы дать мне что-нибудь от головной боли?

— Возможно, у вас сотрясение мозга, — сказал доктор.

— Слава богу! Лучше небольшое сотрясение мозга, чем проломленная голова.

К тому времени, как врач закончил свою работу, толпа рассеялась, боль в голове Брона немного утихла и стала пульсирующей. Он потрогал руку синяк, подождал, пока губернатор закроет дверь, и произнес:

— Я не все сказал.

— Я так и думал. Что все-таки произошло?

— Это была аккуратно расставленная ловушка, и я прямо-хонько в нее угодил.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, что в этом деле замешана Леа Дэвис. Она вызвала меня, и мы договорились встретиться здесь. Она должна была меня ждать.

— Вы хотите сказать...

— То, что я сказал. А теперь зовите ее сюда, и мы ее выслушаем.

Когда губернатор пошел к видеофону, Брон обнаружил, что не может встать. Это было неприятно. Он вновь лег на спину. Комната кружилась и вертелась, а пол качался, как палуба корабля во время шторма.

Жасмин потерлась о его ногу и сочувственно застонала. Через некоторое время, когда вращение комнаты прекратилось, он с трудом встал и, спотыкаясь, направился на кухню.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил его автоповар. — Может, вы хотели бы перекусить?

— Кофе.

— Сию минуту, сэр. Но диетологи говорят, что кофе раздражает вкусовые сосочки языка. Может, вы хотите сэндвичи, или...

— Тихо! — Голова Брона снова заболела. — Не люблю этих новомодных болтливых поваров. То ли дело старые образцы, на которых загоралась надпись «Готово» и больше ничего.

— Ваш кофе, сэр, — чрезвычайно сердито сказал повар. В углу кухни, щелкнув, открылась дверца, и из нее появился дымящийся кофейник.

— А где чашка? Или я должен пить из кофейника?!

— Сию минуту, сэр. Но вы не заказывали чашку, — в машине послышался приглушенный звон, и на стол вылетела треснутая чашка.

«Только этого мне и не хватало сейчас: темпераментного робота-повара, — подумал Брон. — Лучше сейчас с ним не ссориться, а то будут неприятности с губернатором, когда тот придет».

К нему подошла Жасмин, стуча копытами по твердому полу.

— Благодарю вас, повар, — сказал Брон. — Я много слышал о вашей чудесной кухне и не буду удивлен, если вы сумеете мне сделать яйца по-бенедиктински.

— Одну секунду, сэр, — радостно сказал повар, и действительно, через секунду на столе появилась дымящаяся тарелка, вилка и нож.

— Удивительно, — сказал Брон, ставя тарелку перед Жасмин. — Лучшее из всего, что я ел.

Кухня наполнилась громким чавканьем.

— Вы и в самом деле хороший едок, сэр, — благостно прожужжал робот. — На здоровье, на здоровье...

Брон отнес кофе в другую комнату и осторожно присел на кушетку. Губернатор оторвался от видеофона и озабоченно намурился.

— Ее нет дома, — сказал он. — Она, видимо, у кого-то из своих друзей. Патруль обыскивает город, а я послал вызов по всем частным видеофонам. Ее никто не видел и нигде никаких следов. Этого не может быть. Я попытаюсь связаться с рудниками.

Через час губернатор Хейдин убедился, что Леа Дэвис исчезла. Обжитая территория на Троубри была невелика, и со всеми поселенцами можно было связаться по видеофону. Девушку никто не видел и не знал, где она находится. Она исчезла. Брон знал об этом еще до всяких звонков.

— Она исчезла, — наконец сказал Хейдин, закончив последний телефонный звонок. — Как странно! Она не могла иметь никакого отношения к нападению на вас.

— Она могла иметь к этому отношение, если ее к этому вынудили. Предположим, ее брат жив...

— Не может быть! Откуда вы это знаете?

— Я только предполагаю. Но это выглядит правдоподобно.

— Что вы говорите?

— Дайте мне договорить. Предположим, что ее брат уцелел и находится в смертельной опасности. И ради его спасения она сделает все, что ей прикажут. Поверим девушке — я не хочу сказать, что она знает злоумышленников и желает мне смерти. Она видела нападение, и поэтому ее забрали с собой.

— Что вам стало известно, Эрбер? — воскликнул губернатор. — Расскажите мне все!

— Вы узнаете все, когда в моих руках будут не предположения, а факты. Это нападение и похищение девушки говорят о том, что кого-то явно беспокоит мое присутствие. Это значит, что я приблизился к раскрытию тайны. Я ускорил события, стремясь разгадать природу этих «привидений».

— Вы думаете, что существует связь между всем этим и плато Привидений?

— Я не думаю, я знаю! Вот почему надо, чтобы завтра в городе возникли слухи, что я пойду столбить себе участок. Будьте уверены, все будут знать, куда я пойду.

— Куда? На...

— На плато Привидений, куда же еще?

— Это самоубийство.

— Не совсем так. У меня есть предположение, что там происходит на самом деле, и есть защита. Во всяком случае, надеюсь, что есть. У меня своя команда, и она уже дважды за этот день показала себя. И мне хочется надеяться, что у нас еще есть шанс увидеть Лею живой.

Хейдин оперся кулаком о крышку стола и задумался.

— Я могу остановить вас, если захочу, но я не сделаю этого, потому что сам пойду с вами. Радиостанции, вооруженные люди, вертолеты...

— Нет, сэр, очень благодарен вам за заботу, но вспомните, что случилось с вашей первой экспедицией.

— Тогда я один пойду с вами. Я ответствен за Лею. Либо вы берете меня, либо сами никуда не пойдете.

Брон улыбнулся.

— Сделка заключена, губернатор. Мне может понадобится рука друга и, возможно, свидетеля. Сегодня на плато будет очень беспокойная работа. Но приходите без оружия.

— Это же самоубийство!

— Вспомните предыдущую экспедицию. Я тоже оставлю большую часть своего снаряжения. Я полагаю, вы сможете сохранить его на складе до нашего возвращения. Мне кажется, потом вы поймете, что у меня для этого есть серьезные основания.

ГЛАВА 6

Брон сумел оправиться от последствий нападения после десяти часов крепкого сна и теперь чувствовал себя вполне сносно.

В полдень все было закончено, и маленький отряд выступил. Губернатор Хейдин, отправляясь в экспедицию, надел высокие ботинки и теплую одежду — теперь он шел впереди. Но продвигались они медленно — со скоростью поросят, и со всех сторон дороги раздавался треск, когда свиньи позволяли себе подкрепиться змеями.

Они шли по следам первой экспедиции. Извилистая дорога, ведущая на плато, большей частью проходила вдоль быстрой реки с мутной водой. Брон указал на нее.

— Эта река вытекает с плато? — спросил он.

Хейдин кивнул.

— Только эта. Она течет с гор, находящихся на плато.

Брон кивнул и бросился на помощь визжащему поросенку, который ухитрился застрять между камней. Потом они снова двинулись вперед.

С заходом солнца они разбили лагерь на поляне, где нашла свой конец предыдущая экспедиция.

— Это удачная идея? — спросил Хейдин.

— Конечно, — ответил ему Брон. — Это как раз то место, которое мне нужно. — Он оглянулся на солнце, низко нависшее над горизонтом. — Давайте поужинаем, я хочу до темноты управиться со всеми хозяйственными делами.

Брон установил огромную палатку, но обставил ее весьма скудно — два складных стула и фонарь.

— Вы предпочитаете спартанский стиль? — спросил губернатор.

— Не вижу причин тащить за сорок пять световых лет кучу вещей только для того, чтобы их здесь уничтожили. Мы, несомненно, должны были разбить лагерь, и тут есть все необходимое. Остальное снаряжение здесь, — он похлопал по небольшому пластиковому мешочку, висевшему у него на плече. — А теперь ешьте.

Столom им послужил ящик, в котором Брон хранил рацион для свиней. Хороший офицер всегда прежде всего заботится о своих солдатах, так что все животные были уже накормлены. Брон поставил на ящик два саморазогревающихся пакета, разорвал на них упаковку и протянул губернатору пластиковую вилку. Когда они покончили с ужином, наступила почти полная темнота. Брон высунулся из палатки и свистом подозвал Карли и Мэя. Оба кабана появились в полной готовности действовать, покинув лужи, куда улеглись на отдых.

— Хорошие парни. — Брон потрепал их щетинистые головы, и кабаны довольно захрюкали и усталились на него. — Вы знаете, они считают меня своей матерью... Это звучит несколько смешно, но это так. Их взяли от матерей сразу после рождения, и я вырастил их, так что я «впечатался» в их мозг как родитель.

— Их родители были свиньями, а вы на них похожи, но не слишком...

— Это не важно. Все знают, что если котенка воспитала собака, то он всю жизнь будет считать себя собакой. Новорожденный детеныш считает своим родителем то животное, которое он увидел, только открыв глаза. В природе так и бывает. Котенок думает, что его мать — собака, эти два огромных кабана думают, что их мать — я, не размышляя над нашими физическими различиями. Я полностью убедился в этом, прежде чем решил работать с ними. Я рассказал вам это для того, чтобы вы не пытались предпринять безрассудные действия. А теперь отдайте мне ваш пистолет, который вы так любезно согласились не брать с собой.

Рука Хейдина дернулась к карману и остановилась на полпути — оба кабана мгновенно повернулись к нему.

— Но мне нужно оружие для самозащиты, — запротестовал он.

— Вас прекрасно защитят. Доставайте пистолет, и немедленно.

Хейдин осторожно вытащил небольшой лучевой пистолет и протянул его Брону. Тот взял оружие и повесил на крючок рядом с фонарем.

— А теперь очищайте карманы, — приказал Брон. — Выгрузите оттуда все металлические предметы.

— Что вы хотите?

— Я скажу вам об этом позже. Сейчас у нас нет времени. Вытаскивайте все.

Хейдин взглянул на кабанов и стал опустошать карманы. На ящике возникла целая коллекция монет, ножей, ключей и мелких инструментов.

— У нас нет больше ничего металлического, кроме петелек для шнурков на ваших ботинках, но я не думаю, что они могут доставить нам много неприятностей. Сам я предусмотрительно надел резиновую обувь.

Теперь стало совсем темно. Брон оттащил весь металл в лес и рассыпал между деревьями в доброй сотне ярдов от поляны. Возле поляны осталась лишь Квини.

— Я требую объяснений, — сказал губернатор.

— Не мешайте мне, Хейдин, я действую в соответствии со своими предположениями. Если до утра ничего не произойдет, то я дам вам свои объяснения и принесу извинения.

— Я убежден, что мог бы применить и свои методы.

— Не кричите, Квини хорошо понимает английский язык, и я не хочу, чтобы она рассердилась.

— Все это какое-то недоразумение.

Квини неожиданно подняла голову и хрюкнула.

— Ты что-то слышишь? — спросил Брон.

Свинья снова хрюкнула, и кивок тяжелой головы был очень похож на человеческое «да».

— В лес, под деревья! — закричал Брон, хватая губернатора за руку. — Или вы очень скоро станете трупом!..

Они помчались сломя голову и очутились под деревьями, когда до них донесся отдаленный, но все нарастающий вой. Хейдин хотел что-то спросить, но его швырнули лицом вниз, а на поляну впереди опустился темный воющий силуэт, заслонив собою звезды. Вокруг Брона и губернатора взлетел вихрь листьев и обломанных сучьев. Хейдин ощутил, как что-то тянет его за ногу. Он снова попытался заговорить, но тут Брон поднес ко рту пластмассовый свисток, свистнул и закричал: «Карли, Мэй, атакуйте!»

Одновременно он вытащил из сумки какой-то предмет, похожий на палку, и швырнул его на поляну. Палка хлопнула и брызнула пламенем — это была разновидность осветительной ракеты.

Темный силуэт, несомненно, был машиной — круглой и шумной, по меньшей мере десяти футов в диаметре, плавающей в воздухе на высоте фута от земли. По ее краям было установлено несколько дисков. Один из них развернулся в сторону палатки. Раздалось несколько хлопков, палатка, казалось, взорвалась изнутри и упала на землю.

Все это произошло до того, как с противоположной стороны поляны появились атакующие кабаны. Скорость их была невероятной, головы опущены, ноги мелькали, как поршни. Они обрушились прямо на поляну, где висела машина. Раздался металлический звон, скрежет, и машина, наклонившись, чуть не перевернулась.

Второй кабан мгновенно оценил преимущества своего положения. Его разум был быстрее его реакции. Кабан без единого звука подпрыгнул к открытому верху машины. Хейдин с ужасом смотрел на эту сцену. Теперь машина стояла на земле, видимо, поврежденная или прижатая весом кабана. Разгневанное первое животное взобралось с другой стороны и тоже исчезло внутри. Сквозь шум двигателя слышался скрежет раздираемого

металла и пронзительные вопли. Что-то загремело, и двигатель с затихающим стоном прекратил свою работу. Когда наступила тишина, послышался приближающийся гул второй машины.

— Еще одна! — крикнул Брон и, вскочив на ноги, дунул в свой свисток. Один кабан спрыгнул на землю из обломков машины. Второй продолжал свою работу. Первый кабан метнулся навстречу звуку и оказался на месте, когда машина появилась на краю поляны. Кабан подпрыгнул и вонзил в нее клыки. Что-то заскрежетало. Большая черная полоса, оторвавшись от машины, упала на землю. Машина накренилась. Ее водитель, вероятно, увидел остатки первого аппарата, потому что рейдер сделал крутой вираж и исчез там, откуда появился.

Первая ракета догорала. Брон зажег новую. Ракеты светили по две минуты, а все сражение — от начала и до конца — заняло не так уж много времени. Брон зашагал к поверженной машине, и губернатор поспешил за ним. Кабан выпрыгнул наружу, тяжело дыша, и стал чистить клыки о землю.

— Что это за машина? — спросил губернатор, удивленно рассматривая машину.

— Ховер, — ответил Брон. — Сейчас их редко увидишь. Эти машины передвигаются на открытой местности и над водой, не оставляя следов, но они не могут двигаться, например над лесом.

— Я никогда о них не слышал.

— Немудрено. После изобретения лучевых электробатарей были изобретены более совершенные транспортные средства. Одно время строились ховеры, огромные, как дом. Они представляли собой нечто среднее между наземным и воздушным транспортом. Они движутся на воздушной подушке.

— Так вы знали, что они появятся, и поэтому тащили меня в лес?

— Я предполагал это. И по очень веским причинам подозревал их. — Брон указал на сбитый ховер, и Хейдин заглянул туда.

— Я стал забывчив, я думал, что предусмотрел все, — сказал губернатор. — Я видел инопланетян только на фотографии, и поэтому они были для меня почти нереальными. Но эти создания... зеленая кровь... кажется, все — мертвецы... Они очень похожи на...

— Сульбани. Одна из трех разумных рас, встреченных нами. И только они освоили межзвездные перелеты до нашего появления в Галактике. Они даже имеют свои колонии и не всегда признают наши права. Мы избегаем их и стараемся убедить, что не имеем территориальных претензий к их планетам. Но и

некоторых людей трудно убедить, а чужаков — тем более. Сульбани — наихудшие в этом отношении. Недоверие у них в крови.

На их присутствие на Тробрри указывало все, но я не мог быть абсолютно уверенным, пока не встретился с ними лицом к лицу. Использование высокочастотного оружия характерно для сульбани. Вы, наверное, знаете, что если поднимать частоту звука, то для человека он станет неслышным, а животные его слышат. Поднимите его еще выше, и животные тоже перестанут слышать, однако, как и мы, будут ощущать. Ультразвук может творить удивительные вещи. — Брон постучал по одному из изогнутых дисков, похожих на микроволновую антенну. — Это первый ключ. Они установили в лесу на краю плато ультразвуковые прожекторы, которые излучали звуковые волны на длине, не слышной, но вызывающей чувство внутреннего беспокойства у людей и большинства животных. Их излучение удерживало людей вдали от плато большую часть времени, — он свистом подал стаду сигнал сбора. — Животные, как и люди, стремились прочь от источников ультразвука. Когда же это средство не помогало и люди проникали на плато, сульбани прибегали к более действенным методам. Взгляните на свои ботинки и на этот фонарь.

Хейдин наклонился. Металлические петельки с его башмаков исчезли, а оборванные концы шнурков свисали из рваных отверстий. Фонарь же, как и металлические предметы из снаряжения первой экспедиции, был смят и расплющен.

— Магнострипция, — сказал Брон. — Они используют ее для обработки металла на своих заводах. Ультразвуковые излучатели лишь завершают картину. Даже обыкновенный радар может обжечь вас, если вы окажетесь прямо перед ним, а ультразвуковые колебания превращают воду в пар и разрушают органические вещества. Именно это они и сделали с нашими людьми, разбившими здесь лагерь. Они неожиданно напали в тот момент, когда люди находились в палатках рядом с оборудованием. Оно взорвалось и помогло уничтожить всех. А теперь пойдем.

— Я не понял, что все это означает. Я...

— Потом. Сейчас мы непременно должны догнать их.

На противоположной стороне поляны, там, где исчезла машина, они наткнулись на полосу черного пластика.

— Кусок обшивки ковера, — сказал Брон. — Теперь они долго в воздухе не продержатся. Мы последуем за ними, — он протянул пластик свиньям, толкавшимся вокруг. — Как вы знаете,

собаки обладают хорошим обонянием, но и у свиней носы не хуже. Вперед!

Хрюкая и визжа, стадо устремилось в темноту. Два человека, спотыкаясь, последовали за ним. Пробежав ярдов пять, Хейдин остановился, чтобы перевязать ботинки полоской от носового платка, прежде чем двигаться дальше. Он ухватился за ремень Брона, тот уцепился за короткую щетину на спине Карли, и они побежали за свиньями.

Когда впереди смутно зачернела темная масса гор, Брон свистнул.

— Стойте здесь, — приказал он свиньям. — Вместе с Квини. А Карли, Мэй, Жасмин — за мной.

Теперь они замедлили скорость — местность была труднопроходимой, очень часто попадались отвесные утесы. Слева тянулось ущелье, на дне которого бурлила река.

— Вы же говорили, что эта штука не может летать, — прохрипел Хейдин.

— А она и не летает. Жасмин, иди по следу.

Маленькая свинка фыркнула и рысью припустила по обломкам камней к широкому утесу.

ГЛАВА 7

— Может быть, здесь есть потайной ход? — предположил Хейдин, ошупывая твердую поверхность камня.

— Он несомненно есть, но у нас нет времени для поисков. Полезайте и спрячьтесь за тем камнем, — приказал Брон, — пока я попробую открыть эту штуку.

Он вытащил из своего мешка кубик похожего на глину вещества — пластиковую взрывчатку — и прилепил ее на камень в тех местах, где указывала Жасмин. Потом он подсоединил взрыватель, установил запал и бросился бежать.

Только он успел залечь, как задрожала земля и в небо взметнулся фонтан огня. Во все стороны полетели осколки камней.

Они вскочили и увидели свет, струящийся сквозь большую трещину в стене. Кабаны протиснулись в нее, и трещина стала еще шире. Последовав за животными, Брон и губернатор увидели металлическую дверь, вмонтированную в камень. Распахнув ее, они оказались в большой пещере, где и остановились. Брон заглянул в туннель, ведущий из пещеры в сердце горы.

— Что дальше? — спросил губернатор.

— Я сейчас как раз над этим думаю. Сегодня ночью я натра-

вил своих кабанов на сульбани, и это увенчалось успехом. Но этот туннель смертельно опасен для моих бойцов, даже скорость не спасет их от лучей и пуль, но... зато у нас есть преимущество внезапного нападения.

Осторожно, с двумя кабанамися по бокам, Брон двигался по хорошо освещенной пещере, а Хейдин, не отставая, шел за ними. Опасность возникла у первого пересечения туннелей. Люди были в двадцати ярдах от перекрестка, когда появился сульбани с оружием в руках. Брон, не целясь, выстрелил с бедра и противник повалился, забрызгав кровью пол туннеля.

— Вперед! — крикнул Брон, и кабаны один за другим исчезли в сумраке туннелей. Брон выстрелил им вслед, целясь по верх голов, и стрелял до тех пор, пока лазер не раскалился. Мужчины рванулись за животными, но, когда они прибежали, бой был уже давно закончен. У Мэя был обожжен бок, что не замедлило его скорости, но значительно ухудшило его и без того дурной характер. Пыхтя, как паровая машина, он уничтожил баррикаду, расплывывая головой ящики.

— Вот вам оружие, — сказал Брон, поднимая уцелевший лазер. — Я поставлю его на одиночный разряд. Надо только прицелиться и нажать на спуск. Сульбани уже знают о нашем появлении, но, к счастью, они не подготовлены к сражению внутри своего дома.

Они побежали, наращивая скорость и останавливаясь, лишь встречая сопротивление. Пересекая один из туннелей, они слышали отдаленный шум. Брон резко замер и подозревал всех остальных.

— Стойте. Этот шум похож на человеческие голоса.

Металлическая дверь была прочно вделана в камень, но лазерный луч превратил замок в лужицу расплавленного металла, и Брон распахнул дверь.

— Я была уверена, что нас здесь никогда не найдут и мы так и умрем, — сказала Леа Дэвис, выходя из камеры. Она опиралась на руку высокого человека с такими же рыжими волосами.

— Хэн Дэвис? — спросил Брон.

— Да, но давайте отложим представление друг другу до лучших времен. Когда меня везли сюда, я кое-что заметил. Самое важное — их центральный пост, откуда ведется энергоснабжение. Кроме того, там аппаратура связи.

— Я с вами, — сказал Брон. — Если мы захватим пульт, то оставим их без энергии и в полной темноте. Моим кабанам это

понравится. Они будут совершать рейды до прибытия основной силы, а мы вызовем город.

Хэн Дэвис указал на лазер в руках губернатора.

— Я был бы очень рад, если бы вы доверили его мне. У меня большой счет с этими тварями.

— Он ваш. Показывайте дорогу.

Бой у пульта управления закончился за несколько минут — основную работу сделали кабаны.

Большинство мебели оказалось разбитой, но аппаратура работала.

— Станьте у входа, Хэн, — попросил Брон, — пока я буду разбираться в этих надписях сульбани, чего вы, вероятно, не сможете сделать, — он забубнил текст чужих надписей и, наконец, удовлетворенно улыбнулся. — Осветительные цепи, вот что это должно означать.

Брон нажал на кнопку, и свет погас.

— Я надеюсь, темно стало везде, а не только здесь, — слабо донесся из темноты голос Леа.

— Везде, — заверил ее Брон. — Аварийный выключатель освещения этой комнаты, кажется, вот здесь.

Синие лампочки, усеивающие потолок, замигали и ожили. Леа радостно вздохнула.

— Я очень волнуюсь, — сказала она.

Два кабана выжидающе смотрели на Брона. В их глазах горел красный огонь.

— Идите, парни, — сказал он. — Только будьте осторожнее.

Губернатор Хейдин оглядел приборы на пульте.

— А теперь, — сказал он, — пока нам ничего не угрожает, пожалуйста, скажите, что здесь происходит и что все это означает?

— Это рудник, — сказал Хэн, указывая на стену комнаты, где висела схема туннелей. — Урановый рудник. Засекреченный и разрабатываемый уже много лет. Я не знаю, как они вывозят металл, но здесь добывается и обогащается много руды. Пустая же порода выбрасывается в реку.

— Я расскажу вам, что происходит потом, — сказал Брон. — За грузом сюда прибывают из космоса. Сульбани имеют отличные космические корабли и контролируют большую часть пространства. Но у них мало атомного сырья. Земля тоже нуждается в нем. Вот почему эта планета, находящаяся недалеко от сектора сульбани, была заселена нами. И хотя нам сейчас не нужен здешний уран, мы не хотим, чтобы он попал в их руки.

Патрулю стало известно, что откуда-то, возможно с Тробрри, к сульбани поступает уран. Мы не знали этого точно, но предполагали. Когда губернатор послал просьбу о помощи, эти подозрения усилились.

— Мне до сих пор непонятно вот что, — сказал Хейдин. — Мы должны были заметить чужие корабли возле нашей планеты. Наши радары хорошо работают.

— Я уверен, что они работают прекрасно, но эти создания имеют среди людей по меньшей мере одного помощника, скрывающего появление кораблей.

— Человек?! — загремел Хейдин, потом задумчиво сказал:— Это возможно. Предательство свойственно человеческой расе. Но кто это может быть?

— Это стало очевидным после того, как я исключил вас.

— МЕНЯ?!

— Раньше вы были основным объектом для подозрений. Но вы ничего не знали о ховере и погибли бы, если бы я не потащил вас к деревьям. После этого я исключил вас из списка подозреваемых. Остался только один человек — Раймон-радиет.

— Правильно, — сказала Леа. — Он дал мне поговорить по видеофону с Хэном, а потом заставил вызвать вас, пригрозив, что убьет его, если я откажусь. Он не сказал, зачем хочет видеть вас, и я не знала...

— Вы и не могли знать, — улыбнулся Брон. — Он неопытный убийца и, должно быть, выполнял требование сульбани убрать меня. Он зарабатывал свои деньги, не давая нашим радарам засечь их корабли. И я уверен, что именно он заглушил передатчики Хэна, когда на его отряд напали сульбани. А теперь, губернатор, я надеюсь, вы в своем рапорте положительно отзоветесь об операции «С.В.И.Н.Т.У.С.».

— Дам самый лестный отзыв. — Губернатор посмотрел на Жасмин, которая нашла бар сульбани и теперь поглощала его содержимое. — Я даже готов заречься есть свинину на всю оставшуюся жизнь.

ВЫПУСК

Когда командор закончил рассказ, несколько минут стояла тишина, прерванная неистовыми криками кадетов и громкими аплодисментами. Шум мгновенно стих, как только командор поднял руку:

— Я понимаю ваш энтузиазм. Такие операции делают назва-

ние «С.В.И.Н.Т.У.С.» весьма популярным в Галактике. Это хорошие ребята. Но от патрульного С.В.И.Н.Т.У.С.а требуется большое мастерство. Плюс любовь к свиньям.

В нашей индустриализованной Галактике многие люди и близко не видели ни одного поросенка. И я думаю, что число добровольцев, которые захотят заняться этой работой, будет значительно меньше вашего энтузиазма. Я говорю — не надо торопиться. Спецслужбам нужны только добровольцы. Если для вас машины ближе, чем животные, то и здесь вам найдется работа.

Когда я сказал «машины», перед моими глазами немедленно промелькнули разнообразные картины, и я вспомнил о планете под названием Слагтер и о том, что там случилось не так давно.

ГЛАВА 1

Корпус помятого корабля все еще вибрировал от удара при посадке, когда с визгом открылся грузовой люк. Из него высунулась стрела крана и стала выбрасывать на землю, запекшуюся от жары, ящики разных размеров, а затем из люка вылетел и распластался на ящиках пестрый, в разноцветных заплатках балдахин. Продолжая торопливо работать, стрела вынесла наружу стулья, ящики, роботов, охладитель воды, ящик для денег, плевательницу и другие предметы первой необходимости.

В разгар этой лихорадочной деятельности из люка чуть в стороне упала металлическая лестница, и по ней, уклоняясь от взмахов стрелы, спустился человек в клетчатом плаще и поношенном, ярко раскрашенном старомодном шлеме, известном под названием «дерби». Не успев сойти на землю, человек уже сильно вспотел. Его звали Генри Винн, но друзья называли его Хенк.

Сухая пыль летела из-под ног Генри. Он утомленно, дотащившись до длинного ящика, упал на стул, щелкнул выключателем, и из ящика полилась громкая музыка духового оркестра. Когда он достал из охладителя стаканчик с водой, музыка сменилась громкой записью его голоса.

— Приходите, приходите купить ИХ! Хватайте, пока они горячие, холодные или теплые! Вы никогда в жизни не видели таких машин, домашних приспособлений или роботов, подобных этим! ПОКУПАЙТЕ! ПОКУПАЙТЕ! ПОКУПАЙТЕ! Пока они не кончились!

Вся эта деловая активность около корабля торговца казалась неуместной среди бесплодного ландшафта. Палило оранжевое солнце, низко висящее над горизонтом, и клубилось жаркое марево. Корабль приземлился в дальнем конце космопорта, представляющего собой огромное чистое поле, в одном конце которого была видна сторожевая башня. Ничего вокруг не двигалось, и почва была потрескавшейся и иссохшей.

Генри снял шлем, вытер ладонью пот, а затем водрузил шлем на место. Льющаяся музыка и слова всасывались горячей нескончаемой тишиной.

В другом конце поля возникло какое-то движение. Облако пыли помчалось к кораблю, сквозь него было видно черное пятно. Нарастал звенящий рев, и Генри прикрыл глаза. Когда он снова открыл их, то увидел, что черное пятно превратилось в крупного мужчину, слезшего с машины. Мужчина заговорил очень внятно, и в смысле его слов можно было не сомневаться.

— Лезьте обратно в ваш корабль и убирайтесь отсюда.

— Был бы счастлив сделать это одолжение, — сказал Генри дружелюбно улыбаясь, — но боюсь, что не смогу. Повреждены дюзы...

Наступила напряженная тишина. Стороны изучали друг друга. Они представляли собой резкий контраст. Мужчина, возвышающийся на трицикле — разновидности мотоцикла, но с гидростабилизатором и мощными гусеницами вместо колес, — был высоким человеком с обветренным лицом. Он смотрел на Генри из-под полей шляпы, держа правую руку на рукояти пистолета, находящегося на его бедре в потертой кобуре. Мужчина выглядел очень эффектно.

Генри Винн, напротив, выглядел совсем неэффектно. Его широкое лицо расплывалось в улыбке. Злые люди называли его толстяком. Он всегда падал там, где другие люди просто садились, и теперь был весь в поту. Белая холеная рука его сильно дрожала, когда он протянул незнакомцу стакан холодной воды.

— Хотите пить? — спросил он. — Хорошая ледяная вода. Моя фамилия Винн. Генри Винн, а друзья называют меня Хенк. Убежден, что не задержу вас надолго, шериф... — добавил он, разглядев золотой значок, приколотый к широкой груди незнакомца.

— Грузите ваш утиль обратно в корабль и убирайтесь отсюда. Я даю вам две минуты, а затем стану стрелять.

— Я люблю делать одолжения, поверьте мне, но поломанные дюзы...

— Одна минута прошла. Выметайтесь...

— Пощадите меня, не могу. Вы случайно не знаете, есть ли кто-нибудь в космопорту?

— Выметайтесь, — повторил шериф, но уже не так напористо. Можно было заметить, что он задумался о поврежденных дюзах и о том, что можно сделать, чтобы вышвырнуть корабль с планеты. Генри воспользовался временным затишьем и нажал коленом на выключатель в задней стенке своего ящика.

— Настоящий старый ратткатский виски — лучший в Галактике! — пронзительно закричал маленький робот, выпрыгивая из ящика. Он, казалось, был сделан из гнутых труб, и на челюстях его были огромные плоскогубцы. В своих клещеобразных манипуляторах он держал янтарную бутылку, протягивая ее шерифу.

Тот немедленно среагировал, выхватив длинноствольный пистолет. Раздался громкий треск — и бутылка разлетелась вдребезги.

— Вы пытались убить меня, да?! — заорал шериф, навел пистолет на Генри и нажал на спуск.

Генри не пошевелился и продолжал улыбаться. Пистолет бессмысленно щелкнул, потом еще раз. Не сводя с Генри испуганного взгляда, шериф засунул пистолет в кобуру, завел двигатель и в туче пыли унесся прочь.

— Что все это значит? — спросил Генри у пустоты. И пустота ответила — чуть хрипловатый голос прошептал ему на ухо:

— Человек с огнестрельным оружием намеревался причинить вам вред. Оружие сделано из ферросплавов. Поэтому я выработал узконаправленное поле огромной напряженности, чтобы внутренние части оружия перестали работать, и оно не сработало.

— Шериф был очень удивлен?

— Не думаю. Такое оружие склонно к неисправностям. Это называется осечкой.

— Я помню. — Генри сделал глоток воды.

— Что вы помните? — спросил тонкий голос из-за ящика. Совсем другой голос.

— Я помню, что вы — мой первый покупатель на этой планете. Поэтому вам причитается специальный Приз Первого Покупателя. — Он быстро провел пальцами по клавиатуре, ус-

тановленной перед ним, и в крышке ящика открылась дверца. Из нее показался робот с укороченными конечностями и извлек из себя огромный леденец. Генри протянул его мальчику, который вылез из укрытия и стал подозрительно разглядывать угощение.

— Что это?

— Разновидность сладостей. Возьми рукой за деревянную часть, а остальное засунь в рот.

Мальчик нерешительно взял леденец и захрустел им.

— Ты знаешь человека, который только что уехал отсюда? — спросил Генри.

— Шериф, — прочавкал мальчик.

— Это его единственное имя?

— Шериф Мордит. Дети его не любят.

— Я не стал бы их упрекать за это...

— Что он ест? — раздался голос. Еще один голос.

Генри повернулся и увидел ребенка постарше, который тоже появился совершенно бесшумно.

— Конфету. Ты любишь конфеты? Первая — даром.

Подумав, мальчик кивнул. Генри наклонился над выдвижным ящиком, так что лицо его полностью скрылось, пока он что-то шептал. Дети не слышали его, на корабле же было слышно хорошо.

— Что происходит? Вы что, спите? Откуда взялись эти пацаны?

— Компьютеры не спят, — ответил голос в его ухе. — Мальчики не вооружены. С разных сторон приближаются еще пять мальчиков.

Они подходили к ящику один за другим, и каждый получал бесплатно леденец. Генри нажал клавишу денежного регистратора: звякнул колокольчик. Открылся небольшой ящичек, и в окошке появилась надпись: «Не для продажи».

— Конфеты даром, — объяснил он ребятам. — Не хотите ли еще что-нибудь? Игрушки, книги... Идите домой, ломайте копилки, и вы получите все. Даже роботов с памятью, самоуправляемых.

— А ружье? — с надеждой спросил один подросток. — Я думаю, оно мне пригодится.

— Робби уже большой, и ему вскоре может понадобится ружье, — подтвердил маленький мальчик, и все остальные кивнули.

— Когда мне надо будет ружье, — сказал Робби с мрачной свирепостью, — я возьму его у дяди.

— Приятная планета, — сказал Генри, подталкивая к Робби пачку звуковых комиксов. Раздалось несколько микровзрывов, обрывки диалогов и рев ракетных двигателей, когда тот перелистывал страницы.

— Вашу планету часто посещают другие люди?

— Никто и никогда. Мы на Слагтере не любим чужаков.

— Некоторые к вам должны были прилетать. По крайней мере один человек. Мне известно, что Галактическая Перепись посещала эту систему. Руководил экспедицией командор Сергеев.

— Вот он! — раздался душераздирающий вопль с открытой страницы звукокнижки. — Он только что совершил посадку и теперь уходит вправо!..

Робби захлопнул книжку и к чему-то прислушался. Потом положил на ящик монету и побежал прочь. Остальные мальчики тоже исчезли со своими покупками. Через мгновение вокруг снова было пусто.

ГЛАВА 2

— Что там такое? — громко спросил Генри.

— Со стороны космопорта приближается машина, — ответил компьютер. — У детей тонкий слух, и они слышали шум раньше вас.

— Они молоды и поэтому слышат более высокие частоты, — проворчал Генри. — Теперь я тоже слышу.

— Я просто констатирую факт, — ответил компьютер безжизненным голосом.

Новая машина оказалась полугусеничным грузовым автомобилем, который оглушительно ревел, приближаясь к кораблю, и затормозил с душераздирающим скрежетом. На Генри вновь налетело облако пыли. Неужели все люди на Слагтере передвигаются так стремительно?

Мужчина, выпрыгнувший из машины, казался родным братом шерифа. Та же широкополая шляпа, дубленая кожа и оружие под рукой.

— Здравствуйте, — сказал Генри, разглядывая черный зрачок дула. — Мое имя Генри Винн, но друзья называют меня Хенком. А ваше имя?

Единственным ответом на дружелюбный вопрос Хенка был хмурый взгляд. Генри ответил на него улыбкой и попытался заговорить снова:

— Ну хорошо, тогда перейдем к сути дела. Могу ли я что-нибудь предложить вам? Например, маленький летающий транзистор? Он может все время следовать за вами и услаждать ваш слух днем и ночью...

— Для вашего корабля подойдет тридцатисантиметровая труба? — спросил мужчина.

— Конечно, — живо ответил Генри. — Вы не скажете, где я могу ее достать?

— Здесь, — ответил вновь прибывший, вытаскивая из автомобиля длинную трубу и подкатывая ее к ящику. — Она стоит 457 кредиток.

Генри кивнул и раскрыл денежный регистратор.

— Я могу вам дать 325 кредиток, а на остальную сумму написать чек.

— Только наличными.

— Тогда прошу вас немного подождать, пока я не продам свои превосходные товары.

Глаза мужчины сузились, а палец лег на спусковой крючок пистолета.

— Тогда вот что — давайте меняться. В обмен на трубу — оружие: автоматы, винтовки, гранаты, ammo...

— Извините, но я не торгую оружием, однако у меня есть прекрасные роботы на любой вкус.

— Боевые роботы? Убийцы?

— Нет. Я могу снабдить вас роботом-телохранителем, который защитит вас от кого угодно и от чего угодно. Ну как?

— Если он работает, то сделка состоится. Покажите его.

Генри набрал код на панели. Робот был общего назначения, но теперь его реакции были запрограммированы именно на такую работу. Генри проинструктировал компьютер о том, что он хотел. Менее чем через десять секунд открылся люк, и по лестнице стремительно сбежал сверкающий робот. Оказавшись на земле, он энергично отсалютовал Генри.

— К какому виду роботов ты относишься? — спросил Генри.

— Я робот-телохранитель. Я всегда должен охранять «его», или «ее», или то, что мне поручат охранять.

— Это «он». Охраняй его, — Генри указал на мужчину.

Робот несколько раз обежал вокруг своего нового хозяина и, не обнаружив опасности, остановился, настороженно жужжа.

Мужчина подозрительно осмотрел машину. Робот не выглядел убедительно.

— А как я узнаю, что он работает?

— Я сейчас продемонстрирую вам это.

Генри извлек из выдвижного ящика охотничий нож и неожиданно прыгнул вперед с криком «Убью!». Ответное действие робота последовало быстрее, чем мужчина успел выхватить оружие. Робот прыгнул навстречу Генри и схватил его. Нож полетел в пыль, а Генри оказался на земле: нога робота стояла у него на шее.

— Сделка заключена, — сказал мужчина, засовывая револьвер в кобуру. — Забирайте эту трубу и взлетайте раньше, чем взойдет солнце, иначе до рассвета вы не доживете.

— Очень приятно, что вы предупредили меня. Осталась последняя формальность. Мне нужна ваша фамилия, чтобы выписать счет и зарегистрировать продажу робота, — сказал Генри, изящно покачивая на ладони платежную книжку. Мужчина проявил все признаки сильного раздражения: нахмурил брови, бросил сердитый взгляд, сжал губы и зашевелил пальцами.

— Зачем вам моя фамилия? — спросил он. Слова его так и сочились недоверием.

— Все совершенно законно, сэр. Без вашей подписи счет будет недействительным, и вы не станете владельцем этого прекрасного робота, охраняющего вас каждой молекулой своего стального тела. Его могут отнять, а вас подвергнуть насилию.

— Сайлас Эндерби, — хрипло прошептал мужчина. Слово пристыженный этим признанием, он стремительно уехал вместе со своей покупкой.

— Странно, очень странно, — сказал Генри, отряхиваясь от пыли, поднятой полугусеничным автомобилем. — Бедняга Сайлас вел себя так, словно громко произнесенное имя — табу. Что у них за странные обычаи? — Он задумался, но в голове не возникло нужных мыслей, и потому он обратился к компьютеру: — Ты поверил мальчику, что Сергеева нет на этой планете?

— Сомнительно, — ответил компьютер. — 97,345 шанса из ста против этого. Командир Галактической Переписи не мог покинуть планету без своего корабля. Корабль находится в пятнадцати футах под поверхностью планеты и на расстоянии

135 футов и шести дюймов на северо-востоке от вашей правой ноги. Перед посадкой я точно установил его местонахождение и связался с его компьютером. Я подозревал, что нас сразу же атакуют, если мы сядем возле места захоронения.

— Правильное решение. Как дела с туннелем?

— Он закончен. Буровая машина достигла люка другого корабля около 3,85 минуты тому назад. Теперь машина роет другой туннель — в вашу сторону.

— Сообщи мне, когда она закончит. Я искренне надеюсь, что на этот раз ты укрепил стенки туннеля.

Прошла минута, прежде чем компьютер подыскал нужное выражение в бездонных кладовых своей памяти.

— По моему заключению, из-за происшествия на Гильгаме-3, где туннель был меньше, вы наводите справку с издевкой в голосе. Я уже объяснял вам, что обвал произошел совершенно случайно...

— Я слышал твои объяснения и хотел бы только, чтобы подобное не повторилось.

— Сделано все необходимое, — ответил компьютер, и в его голосе не было никакого раздражения. Генри выпил второй стаканчик воды и постучал по трубке. Та мелодично зазвенела. Роботы могли установить ее за час, но если он возьмет ледбедку и попытается сделать это сам, то провозится до темноты. Следовательно, у него появится повод пробыть на планете побольше.

— Туннель закончен, — прошептал в его ухе голос робота.

— Хорошо. Будь начеку. Я пошел.

Подозревая, что за ним наблюдают, Генри продолжал играть свою роль. Он снова глотнул и поставил стаканчик на край ящика. Сладко потянулся, зевнул и похлопал ладонью по губам, широко раскрыв рот. Опуская руку, он нечаянно сбил стаканчик на землю, наклонился и оказался за ящиком, невидимый для наблюдателя с противоположного края поля. Задняя сторона ящика распахнулась, Генри пролез в отверстие и вполз внутрь.

Почти тотчас же его фигура снова возникла из-за ящика, но теперь это был человекоподобный робот, чья пластиковая плоть точно копировала черты лица Генри, вплоть до двойного подбородка и родинки.

Держа в руке стаканчик, робот выпрямился и лег на стул.

Посторонний наблюдатель решил бы, что это Генри ожидает окончания ремонта.

А Генри тем временем уже пробирался по туннелю в двадцати футах под поверхностью планеты.

ГЛАВА 3

— Этот туннель выглядит намного лучше предыдущего, — сказал Генри.

— Верно, — ответил корабль через переговорное устройство небольшого многоцелевого робота, держащего в клешне фонарь. На стене были нанесены стрелки с надписью «Захороненный корабль». Генри двинулся в указанном направлении.

Конечно, невероятно, чтобы корабельный компьютер мог чувствовать вину, но, видимо, он все-таки чувствовал, что раньше не уделял туннелю достаточного внимания. Теперь туннель был облицован стальными плитками. Высота его была достаточной, чтобы Генри мог идти не сгибаясь, а вставленные в стены лампы освещали ему путь. Из скрытых динамиков лилась музыка.

Туннель круто повернул и закончился у главного коридора, идущего от корабля Генри к кораблю Сергеева. Робот-сварщик прервал свою работу, чтобы дать ему пройти, и указал направление своей рукой-горелкой.

— Неплохо, — заявил Генри, особенно восхитившись фотографией зимнего леса, покрывшей одну из стен.

Туннель закончился у металлического бока захороненного корабля, в центре виднелся люк шлюзовой камеры. Высокий робот, склонившийся над электродрелью, просверливал в люке корабля отверстие.

— Ты, кажется, говорил, что все уже сделано, — сказал Генри.

— Вы забыли спросить о входе, — ответил корабль через робота-сварщика. — Компьютер этого корабля — очень низко организованная система, не способная рационально мыслить. Он может выдавать навигационные данные, поскольку запрограммирован на это, но открыть люк он отказался, поскольку нам неизвестна кодовая фраза. Следовательно, его надо отключить от управления.

В это время дрель закончила работу. Робот немного расчистил проход и отошел в сторону. По туннелю со стороны корабля Генри, жужжа, пробежал маленький робот. Он был не боль-

ше человеческого пальца. Из-за множества ног он походил на механическое насекомое. За ним тянулся провод. Когда робот взбежал на борт, Генри увидел похожий на драгоценный камень телеобъектив, установленный над злобно выглядевшим носом, — кусачками робота. Робот двинулся прямо в отверстие и исчез в нем, таща за собой провод.

— Для чего он предназначен?

— Для моего прямого управления кораблем, — ответил корабль через робота-сварщика, уже направляющегося в глубь туннеля, обратно к кораблю Генри. — Я отключу корабельный компьютер и возьму управление на себя.

Так и вышло. Через минуту ожили моторы и распахнулся люк двойного шлюза. Генри нашел провод, проходивший через прожженное отверстие, и двинулся по нему в рубку управления. Тонкий кабель вел к открытой двери смотрового люка компьютера, и Генри мельком заметил внутри перерезанные провода и многоногого робота, висевшего, как механический вампир, на голых проводах. Воздух в корабле был чистым, и не было заметно никаких признаков существования человека.

— Что ты обнаружил? — поинтересовался Генри.

Корабль Сергеева ответил, хотя Генри знал, что говорит его собственный корабль:

— Последняя запись в журнале сделана около года назад. Записано: «Совершил посадку в 16.45».

— Не очень-то разговорчив наш командор Сергеев. Он, должно быть, приземлился, сделал запись и вышел наружу, но не вернулся. В памяти есть еще что-нибудь?

— Только серия радиопредупреждений кораблю не вмешиваться в дела местного правительства. Они поступили через три дня после посадки. Мы можем предположить, что это произошло уже после захоронения корабля.

— Легко догадаться, что с командором приключилось что-то плохое, чего вполне можно было ожидать от этой мирной планеты. Злоумышленники, имеющие отношение к этому, не смогли прорваться на корабль и потому зарыли его, чтобы скрыть улики. Что будем теперь делать?

— Я предложил бы вам вернуться. К кораблю приближается машина.

Загорелся один из навигационных экранов. На нем была видна туча пыли, быстро приближающаяся к кораблю.

— Я не смогу вернуться до прибытия машины, так что оставь робота на месте, — приказал Генри.

— Но он запрограммирован только на несколько простых движений и слов!..

— Переключи его на меня. Это, наверное, несложно.

Компьютер задерживал слова Генри на одну сотую секунды для программирования челюстей робота. Обман, очевидно, сработал, так как хмурые слагтерийцы подошли к ящику и остановились возле сидящей фигуры. Один из них был шериф, остальные — вооружены и одеты так же как и он.

— Вы тут задавали какие-то вопросы? — спросил шериф.

— Кто? Я? — спросил Генри, и робот послушно ткнул себя в грудь.

— Да, вы. Спрашивали о командоре Сергееве?

Когда шериф произнес эти слова — на экране перед Генри появилась бегущая слева-направо надпись: «Один мужчина обходит ящик. В его руках тяжелый предмет».

— Не помню этого имени, — сказал Генри, а затем прикрыл микрофон ладонью. — Если они хотят убить меня, то пусть сделают все необходимое. Этим путем мы добьемся большего.

— А я полагаю, что вы все же спрашивали о нем, — шериф наклонился к роботу. — Я уверен, что спрашивали.

«Вам нанесли удар сзади по голове», — пробежала надпись, а экран показал робота-Генри, падающего на землю.

— О-о-о-х! — простонал Генри и затих.

— Теперь вы отключены, — сказал компьютер.

— Установи в их машине несколько датчиков и настрой их на большой радиус действия.

Двое мужчин взяли робота-Генри под мышки и перебросили его через борт машины. Третий схватил его за ноги, втащил в кузов и бросил на пол. Шериф уже сидел за рулем и, как только последний мужчина запрыгнул в кузов, резко нажал на педаль газа.

Прошло лишь несколько секунд после удара дубинкой и похищения. Слагтерийцы действовали быстро.

Еще быстрее действовали роботы. Нервные импульсы передаются со скоростью триста футов в секунду, а электрические сигналы со скоростью света, которая, по последним данным, составляет 186,325 мили в секунду. Так что пока мужчины наклонялись к упавшему телу, электронные импульсы достигли хранилища корабля. Мужчины еще сгибались под тяжестью

своей ноши, а сотни роботов уже стремительно выполняли команды.

Большинство их работало под землей, и размерами они были не больше муравья — ими управлял корабельный компьютер. Роботы текли рекой по туннелю и лезли из-под ящика. Они забирались на грузовик и разбегались по нему стремительной толпой. Некоторые залезали в траки гусениц, прыгали внутрь машины, пока другие проникали в сопла и прочие рабочие части. К моменту появления машины слагтерийцев все роботы уже находились на своих местах, невидимые людям.

— Показывайте мне то, что находится перед машиной, — приказал Генри, откидываясь в пилотское кресло и собираясь как можно комфортабельнее провести свое собственное похищение. Экран перед ним мигнул и показал клубящуюся пыль.

— Слишком низко. Нельзя ли задействовать объектив на крыше кабины?

Сцена переместилась. Теперь хорошо стали видны приближающиеся здания космопорта. Они промелькнули мимо, когда грузовик повернул и помчался по выбоинам главной дороги.

— Куда они направляются? Ведь город, кажется, в другой стороне? — заметил Брон.

— Да.

Дорога повернула и стала извилистой.

Внезапно впереди сквозь пыль что-то мелькнуло. Не снижая скорости, шериф свернул с дороги и стал продираться по кустам, объезжая препятствие. Пересеченная местность оказалась ровнее дороги, и скоро впереди стало видно сбившееся в кучу стадо животных. Машина стала объезжать их. Генри с удивлением разглядывал вращающиеся глаза, вздымающиеся бока и острые рога животных.

— Как называется этот странный зверь? — спросил Генри.

Корабельный компьютер порылся в памяти и через несколько миллисекунд выдал ответ:

— На Земле они относятся к роду «вос доместикус». Эти животные выведены из обычных короткорогих коров в одной из крупных стран Земли — Соединенных Штатах и предназначались для развлечений. Есть данные, что такие развлечения родились в Испании.

— Вероятно, великолепное зрелище. Только не вдавайся в детали, а то это вызовет у меня головную боль. Очевидно, эти животные составляют основу экономики Слагтера. Очень ин-

тересно. Не поставишь ли «жука» на ногу вон того человека в стаде?

— Слово «стадо» обозначает группу животных, человека при этом следует называть «пастухом».

— Ты что-нибудь делаешь или нет? Зачем ты читаешь мне лекцию?

— Указанные вами операции завершены...

Внезапно раздалась стрельба и сильный взрыв. Экран заполнился клубами пыли, дыма, а затем потух.

ГЛАВА 4

— Не думаю, что ты сможешь сообщить мне, что произошло, — сказал Генри, вложив в эти слова весь свой сарказм.

— Я буду счастлив проинформировать вас, — ответил корабль, игнорируя тон Генри. — Полугусеничная машина сначала вспыхнула, затем подорвалась на mine. Сейчас я дам изображение.

На экране вспыхнула картина полнейшей неразберихи. Машина перевернулась, но никто из пассажиров, казалось, серьезно не пострадал. Они укрылись за машиной и теперь вели огонь по другой группе людей, сопровождавших стадо рогатых животных. Последние покинули своих подопечных и, прячась за кочками, палили по грузовику. Трещали выстрелы, ревели животные — полный кавардак. Генри-робот лежал в пыли, съжившись, как выброшенная кукла.

В перестрелке наступила временная пауза — возможно, стрелки перезаряжали оружие, — из-за перевернутого грузовика замахали белым флагом. Несколько пуль пробиты ткань, прежде чем стрельба прекратилась. Один из пастухов крикнул:

— Бросайте оружие, воры! Иначе мы вздернем вас еще до захода солнца!

— Какие воры? — раздраженно спросили из-за машины. — Здесь шериф. Ваш шериф, избранный в этом месяце. Почему вы обстреляли нас и взорвали нашу машину?

— Вы пытались украсть наших коров.

— Нам не нужны ваши коровы. Мы захватили человека из внешнего мира.

— Покажите нам его.

Генри увидел своего робота, поднятого над грузовиком, и задрожал, ожидая, что в него вонзятся пули. Но ничего не произошло.

— Так и есть. Можете ехать дальше, шериф. Но больше не пытайтесь красть скот, слышите?

— Как мы можем уехать? Вы испортили нашу машину.

После долгих препирательств обе группы появились из укрытий, не выпуская из рук оружия, и осмотрели повреждения. Их оказалось немного: очевидно, при постройке машины ее создатели учитывали подобные ситуации. Обвязав машину веревками, пастухи дернули ее своими трициклами и поставили на гусеницы. Спутники шерифа вновь забралась в кузов, и обе группы расстались, обменявшись хмурыми взглядами.

— Их не упрекнешь в избытке дружелюбия, — заметил Генри, когда путешествие возобновилось.

Грузовик проехал мимо загонов с бесчисленными стадами. Дорога шла между загонами и закончилась у большого здания с несколькими окнами. Грузовик резко затормозил, и когда пыль рассеялась, приехавшие собрались у закрытой двери.

Эта дверь была самой запертой дверью из всех запертых дверей, которые Генри встречал за свою жизнь, и он смотрел на нее с мистическим страхом. На ней была дюжина или более всяких засовов, со всех сторон свисали висячие замки всех форм и размеров. Причина возникновения такой конструкции стала совершенно ясна, когда к прибывшим подошли еще несколько человек и вступили с ними в оживленный спор. Они не стояли тесной группой, а слегка рассредоточились, образовав кольцо, внутри которого оказались приезжие, удобно положив руки на пояс с оружием. Соглашение было достигнуто довольно быстро. Генри не следил за разговором, так как компьютер записывал его, и при необходимости с этой записью можно было ознакомиться позднее.

Каждый человек отпер свой замок, и все бочком, один за другим, стали протискиваться в дверь.

— Не очень-то доверчивые люди, — заметил Генри. — Очевидно, у каждого из них свой ключ, и, чтобы открыть дверь, им надо собраться всем вместе. Что же за секреты таятся в здании?

— После локации помещения совершенно ясно, что в нем...

— Хватит. Оставь мне маленькую тайну. Твой мозг слишком холоден и склонен к вычислениям, компьютер. Ты не пытался ради интереса обзавестись предчувствием, любопытством?

— Благодарю вас, мне неплохо и без этих эмоций. Для машины вполне достаточно удовлетворения от приобретения знаний и решения логических задач.

— Да, я могу себе представить это. Но наши друзья ушли.

Дверь открыта, меня вносят в здание. Включи внутренний датчик, чтобы мы смогли узнать тайну этого дома.

Оптические датчики, видимо, были установлены на шляпах людей, так как изображение на экране слегка покачивалось, но было чистым и находилось высоко над полом.

— Бойня, — сказал Генри. — Ну конечно...

Но это была не просто бойня. После того как животные из загонov попадали в задний конец помещения, все операции производились автоматически. Отсюда животных заставляли двигаться электрическими уколами к сепаратору. Успокоительные газы, болеутоляющие средства и гипнотические препараты наполняли воздух, и счастливые животные радостно шли к гибели. Мгновенно и безболезненно они превращались в говядину и перемещались дальше уже на конвейере. Некоторые туши грузились целиком в многочисленные корабли-рефрижераторы, другие же быстро расчленялись, разрубались и уносились в холодильники. Все эти операции производились быстро, стремительно и, несомненно, полностью автоматически. Ни одного человека не было видно за прозрачной стеклянной перегородкой. Конвейерные линии двигались бесконечным потоком с постоянной скоростью и не нуждались в руках человека.

Здесь был даже центр управления, куда на обработку и хранение поступали к компьютеру все данные, и именно туда и направлялись мужчины, неся похищенного.

Шериф отодвинул задвижку, запирающую массивную дверь, и Генри-робот внесли в центр. Не все спутники шерифа последовали за ним, так что изображение на экране замелькало, когда компьютер стал выбирать наилучшую для наблюдения точку.

События развивались быстро. Снова переключение, и, когда шериф и его люди вышли и заперли дверь — Генри-робот с ними уже не было.

— Что там происходит? — спросил Генри и получил ответ, не успев закончить вопрос.

Генри-робот сел и открыл глаза. Его взгляд скользнул по кандалам, сковывающим его ноги, и по цепи, которая соединяла кандалы со стеной.

Вдоль стен были установлены компьютеры и стойки с аппаратурой, а в дальнем конце помещения имелась дверь. Из нее показался человек, протирающий глаза после сна. Он резко остановился, неожиданно заметив гостя.

— По меньшей мере один! — взревел он, бросаясь вперед.

Его пальцы сомкнулись на горле робота и сжались. — Выпусти меня, или я тебя убью!..

Глаза-объективы робота заполнились разгневанным лицом. Большая черная борода незнакомого развевалась, лысина блестяла. Генри снова дал сигнал компьютеру, чтобы тот подключил его к роботу.

— Я предполагаю, что вы командор Сергеев?

— Сейчас я сверну тебе шею, — проворчал Сергеев, сильно сжимая пальцы, хотя его руки уже начали уставать.

— Очень рад с вами встретиться, командор, хотя предпочел бы, чтобы вы сжимали вместо шеи мою руку. Если вы взглянете вниз, то заметите, что я такой же пленник, как и вы, так что вам нет надобности душить меня.

Сергеев опустил руки и отступил назад. Из комнаты, откуда он появился, за ним тянулась цепь, прикрепленная к кандалам.

— Кто вы и что здесь делаете? — спросил он.

— Мое имя Генри Винн, друзья зовут меня Хенк. Я бедный торговец хорошими роботами, и на меня напали бандитствующие жители этой планеты.

— Я готов поверить вам, так как со мной произошло то же самое. Но у вас что-то странное с шеей...

По экрану пробежала надпись, данная компьютером:

«Комната обыскана. Найден только один «жучок». Он отключен, и теперь я сам снабжаю его фальшивой информацией из блоков памяти».

— Очень хорошо, — сказал Генри. — На некоторое время мы прикрыты. Поднимите меня.

Сергеев отступил назад, подтянув Генри-робота за руки.

— Теперь нечего опасаться, — сказал Генри. — Вы — командор Сергеев из Галактической Переписи. Последнее сообщение от вас поступило восемь стандартных месяцев назад. Меня послали найти вас.

— Ну, вы нашли меня. И что дальше?

— Не валяйте дурака, командор. Вот мое удостоверение, — робот протянул его командору.

— Хороший фокус, — сказал тот. — Оно даже не подмокло.

— Оно и не могло подмокнуть. Тот, с кем вы сейчас разговариваете, — робот, мой дубль. Сам я в космопорту. Если вы взглянете на удостоверение...

— Р.О.В.О.Т.! Что это значит? Глупый большеротый робот дает мне удостоверение, что он робот?!

— Прочтите, пожалуйста, надпись мелким шрифтом, — терпеливо сказал Генри.

Сергеев медленно прочел: «Разведывательный Отдел Безопасности Особых Территорий».

— Генри Винн — старший офицер.

Он с удивлением оглянулся.

— А где же ваш батальон? Это что, шутка?

— Это не шутка. Ведь вы, как офицер Галактической Переписи, имеете доступ к секретным документам?

— Даже если это так, я не стану ничего вам рассказывать.

— Это и не нужно. Вы должны знать, что Патруль не в силах следить за соблюдением законов повсюду в Галактике. Большинство планет, населенных людьми, достаточно хорошо справляются и сами, но не все. У Патруля больше просьб о помощи, чем он может удовлетворить наличным составом боевых кораблей. Да и оружие не всегда является лучшим способом решения проблемы. Следовательно, нужно создавать специальные службы.

— Да, я слышал о С.В.И.Н.Т.У.С.е — свинной межзвездной охране. У вас тоже свиньи? — с надеждой спросил Сергеев. — Не могли бы вы поручить это дело им?

— Извините, у меня не свиньи, но вы сможете убедиться, что Р.О.Б.О.Т. делает свое дело не хуже свиней. Я работаю один, но у меня великолепные компьютер, аппаратура...

— Инвентаризацию мы произведем позже. А теперь освободите меня отсюда.

— Скоро, командор, скоро, — успокаивающе сказал Генри. — Но сначала нам надо разрешить небольшую проблему. Почему вы оказались в тюрьме? Я легко могу освободить вас, но нельзя же изменять общепланетную ситуацию.

— Но это надо сделать! — Сергеев зашагал по комнате взад и вперед, гремя цепями. — Эта сельскохозяйственная планета просто приходит в упадок. Здесь царит извращенный дух пограничной жизни, где каждый — индивидуалист и убивает всякого, кто хоть как-то коснется его дел.

— Звучит не обнадеживающе, — тихо сказал Генри.

— Кто о них позаботится? На Форбургере не беспокоятся, а ведь эта планета принадлежит к их системе. Вначале она вообще была их колонией. Вокруг звезды вращаются четыре планеты, и они заселили их одну за одной.

— Я знаю. Я посетил их, разыскивая вас. На Форбургере мне

сказали, что вы отбыли на Слагтер. После гнета тотальной цивилизации на Форбургере поселенцы на Слагтере с удовольствием избрали свой образ жизни. Они полностью порвали все внешние связи и создали общество, которое я считаю самым отвратительным из всех, встреченных мною за шестимесячное путешествие длиной в шестьдесят семь световых лет.

— Пожалуйста, расскажите поподробнее, — попросил Генри.

— Что вам уже известно? — подозрительно спросил Сергеев. Плен на механизированной бойне не принес ничего хорошего его чувству юмора.

— Только поверхностные факты. Форбургер — индустриальная планета, и Слагтер играет важную роль в его экономике. Эта планета является идеальным местом для выращивания крупного рогатого скота, и здесь, кажется, ничем другим не занимаются. Мясо замораживают, грузят в контейнеры и запускают на орбиту, откуда буксиры доставляют их на Форбургер. Полет этих межпланетных холодильников длится от шести до десяти месяцев, в зависимости от расположения планет. Продолжительность полета контейнера не играет роли, так как этот процесс непрерывен и в полете всегда множество холодильников. Под рукой постоянный запас мяса.

— Вы знаете об их договоре?

— Да. Со Слагтера грузят в корабли мясо и отправляют его на орбиту. Корабли с Форбургера доставляют сюда все необходимые здесь товары ширпотреба, затем подбирают контейнеры с мясом и отправляются назад, на Форбургер. Их корабли никогда не садятся на Слагтер. То есть планету снабжают всем необходимым, но никогда не вступают в непосредственный контакт с людьми. На первый взгляд все кажется согласованным — если не присмотреться к планете пристальнее.

— У вас есть основания так говорить?

— Да, иначе бы я так не говорил. Потому что только я, Сергеев, знаю всю правду об этой поганой планете, и она такова, что кровь стынет в жилах. А ведь одно время я, как и вы, смеялся, когда меня предостерегали умные люди. И был не прав...

ГЛАВА 5

Официальный представитель Форбургера сидел за столом и нервно постукивал пальцами.

— Итак? — спросил Сергеев, стараясь приглушить голос.

Открытое окно позади него выходило в космопорт Форбургера. Командор видел свой корабль, гладкий и блестящий, только что заправленный топливом, и страстно хотел улететь. Произвести перепись на Форбургере оказалось так же легко, как съесть пирожное. Планета была высокоорганизованной, с вычислительными центрами во всех городах. Сергеев провел здесь несколько дней и убедился, что вся жизнь планеты отражена в его записях. Перепись заключалась в определении плотности населения и числа людей, живущих на этой планете. Микросекундой позже эти данные были отпечатаны на принтере, и он получил экземпляр на своем собственном бланке. Огромнейшее количество цифр. Следующая планета — Слагтер — будет представлять собой более трудную проблему и, следовательно, более интересную. Сергеев заметил, что представитель что-то говорит, и постарался сосредоточиться.

— ...мясо — единственный источник белка для всего населения планеты. Мы понимаем, что на Слагтере развились, как бы это сказать... экзотические местные обычаи. Здесь мы ничего не можем поделать. Из-за крайне недоброжелательного отношения к пришельцам наши люди никогда не посещают эту планету, так что мы не сможем оказать вам помощь в случае каких-нибудь неприятностей...

— В нашей работе неприятности встречаются почти всегда, — сказал Сергеев, вставая и говоря уже через плечо: — Мы не нуждаемся в помощи. Если это все, то я приступаю к выполнению своих обязанностей. Ни дождь, ни буря, ни ночная тьма не остановят нас в наших подсчетах.

— Я верю в это. Удачи вам, командор, — представитель слабо пожал руку Сергеева. Командор, человек действия, ответил крепким рукопожатием, так, что в ладони представителя что-то хрустнуло, хлопнул дверью и вышел.

Настроение его было бодрым, он радовался отлету. Высокие сапоги громко стучали по металлической лестнице, когда он быстро поднимался на корабль. Предполетные документы были в порядке, он подписал их, оставив копии у себя. Церемонии закончились. Он закрыл люк шлюза и пошел в рубку. Бросив взгляд на корабельный компьютер, командор сел в кресло, пристегнулся и, напряженно прислушиваясь, склонился над пультом управления.

«Курс на Слагтер» — выбил он на пульте, дождался сигнала

готовности и нажал кнопку «старт». Корабль взлетел. Компьютер занялся пилотированием и прокладыванием курса.

Только когда корабль оказался на орбите Слагтера, Сергеев поспешил в комнату игр, потирая в предвкушении руки. Последние несколько дней, активно занятый работой, он совсем забросил Второе Сражение на Спике-III. Военные рассматривали его как классическое сражение, в котором денебийцы потерпели поражение. Все теоретики соглашались с этим, а командор Сергеев — нет. Он воспроизводил сражение, и, с его точки зрения, денебийцы должны были победить.

Игровая комната была переоборудована из его собственной жилой комнаты, связанной с корабельным компьютером. В память компьютера были введены все великие сражения прошлого и большая часть мелких. Все эти сражения могли быть снова переиграны в комнате Сергеева им самим с одной стороны и компьютером — с другой. Интересно, что ход сражения можно было менять, и оно не всегда заканчивалось так, как в прошлом. За этим занятием Сергеев проводил все дни, отрываясь лишь тогда, когда компьютер доставлял ему еду или выключал свет на ночь.

— Второе Сражение на Спике-III, — громко сказал он, входя в комнату. Воздух быстро потемнел и наполнился символами космических кораблей, висевших неподалеку от раскаленной звезды. Командор уселся за пульт и со слабой улыбкой начал отдавать приказания. Он не мог оторваться от этого занятия даже тогда, когда компьютер несколько раз напомнил ему, что они уже находятся на орбите Слагтера. Не получив ответа, компьютер прервал игру, свет залил помещение, и картина разбитых кораблей померкла. Сергеев обалдело моргал.

— Ты бросил игру именно тогда, когда я начал побеждать! — закричал он.

— Вы уже проиграли это сражение девятнадцать раз подряд, — терпеливо напомнил компьютер. — Анализ показывает, что вы проиграете его и в этот раз. Мы на орбите Слагтера.

— Я мог выиграть, — бормотал Сергеев, надевая мундир и расчесывая смазанные кремом усы. — На этот раз я должен был победить!..

Посадка была совершена компьютером с такой же легкостью, как и вылет с Форбургера. На планете находился радиобуй, и по его лучу они сели на заброшенное и пыльное поле космодрома. Командор на стандартной частоте вызвал его на-

чальника, но не получил ответа. Удивленно пожав плечами, он стал передавать вызов на других корабельных частотах, но результат был прежним. Ответа не было.

— Негостеприимно, — проворчал Сергеев. — Никто не имеет права игнорировать Галактическую Перепись.

Рукавом кителя он отполировал козырек фуражки и аккуратно надел ее — фуражка, по его мнению, предписывалась уставом. Удостоверение находилось в его внутреннем кармане, а на поясе висело церемониальное оружие.

Он был готов. Перепись нельзя игнорировать. Спускаясь по трапу и уже начиная потеть в мундире, Сергеев увидел несущееся к кораблю облако пыли. Он не сошел на землю, а решил подождать и посмотреть, какой прием его ожидает. Прием оказался совсем не таким, на какой он рассчитывал. Из пыли вынырнула машина, представляющая собой смесь колесного и гусеничного экипажей. Она резко затормозила перед кораблем. В машине сидели двое мужчин. Оба вскочили на ноги и открыли по Сергееву огонь — один из пистолета, другой из автомата.

У командора сработал старый боевой рефлекс. Пока его ошеломленный мозг посылал проклятия убийцам, военный опыт швырнул его на землю, и он покатился по пыли в сторону. Катясь, он выхватил свой пистолет — пусть тот был церемониальным, но командор все-таки регулярно чистил и смазывал его. Это было доброе старое оружие, несколько тяжеловесное, но стреляющее разрывными пулями.

Командор, хоть и был ошеломлен, показал себя отличным стрелком. Пули противника выбивали пыль вокруг него и ricochetили от стального трапа, но не причиняли вреда. Его же первый выстрел попал в ветровое стекло автомобиля, второй выбил автомат из рук нападающего, третий уничтожил дверцу автомобиля и ранил второго бандита. Четвертый превратил двигатель в кучу металлолома.

Нападающие начали отступать, пошатываясь, как от головокружения. Сергеев поторапливал их точными выстрелами, целясь в землю возле пяток, пока они не исчезли из виду.

— Все требования должны быть соблюдены, — бормотал бравоый командор, отряхиваясь от пыли. — Галактическая Перепись не потерпит такого обращения...

Он осмотрел полугусеничный вездеход и пожалел, что так основательно раздолбал его. Здание космопорта находилось на другом конце посадочного поля. Пока он раздумывал, что ему

делать, показалось новое облако пыли, и на этот раз командор, предполагая нападение, подготовился к встрече, укрывшись за разбитой лестницей.

Человек в четырехколесной машине приближался намного медленнее своих предшественников и затормозил на приличном расстоянии от корабля.

— Я один! — закричал он. — Я не вооружен!

Он замахал в воздухе пустыми руками.

— Подходите медленно, — ответил командор, не спуская глаз с незнакомца.

Мужчина действительно оказался один. Он вылез из машины, дрожа от страха, с поднятыми вверх руками.

— Я шериф, — сказал он. — Мне надо поговорить с вами.

— Разговор — хорошее дело, стрельба — нет, — сказал командор Сергеев и вышел из-за укрытия, не выпуская оружия.

— Извините, незнакомец, но некоторые наши парни слишком сильно возбуждаются при виде чужих. Я — шериф, официально заявляю вам: «Добро пожаловать».

— Это более приятно. Я — командор Сергеев из Галактической Переписи. Я прилетел произвести перепись на вашей планете.

— Не знаю, проводилась ли у нас когда-нибудь перепись... никогда об этом не слышал.

— Если мы пройдем в ваш офис, где, я надеюсь, есть кондиционеры, я вам подробно все расскажу, — сказал командор, стараясь не выдать своего отвращения. Глупость жителей некоторых планет была выше его понимания.

— Прекрасная мысль, — ответил шериф. — Мы можем отправиться прямо сейчас, немедленно.

Поездка оказалась короткой. Машина вскоре остановилась перед длинным рядом полуразрушенных зданий. Шериф вошел в замусоренный холл, и командор последовал за ним.

Когда он прошел в дверь, шериф обернулся и обхватил его, прижав руки Сергеева к телу.

Гневно взревев, командор пнул изо всех сил шерифа по ногам, вырвался и схватился за оружие, но на нем уже повисло несколько человек — видимо, они прятались в соседней комнате, а один даже выскочил из-под стола.

Они быстро повалили Сергеева на пол, несмотря на бешеное сопротивление и отчаянную ругань. Оружие у него вырвали, а его самого быстро и туго связали.

— Что все это значит? — гневно орал Сергеев. — Вы понимаете, что вы делаете?!

— Мы все понимаем, — сказал шериф, зло сверкая глазами. — Наш последний управляющий заводом умер, а машины не могут смотреть сами за собой. Мы дадим вам хорошую работу.

ГЛАВА 6

— Вот и вся моя история, — закончил Сергеев и снова зашагал по комнате. Цепь звенела и клала, волочась за ним. — С тех пор я нахожусь здесь. Я их раб. Здешние жители крайне недоверчивы, невероятно эгоистичны и фантастически ленивы. Они пасут стада своих животных и враждуют друг с другом, и в этом проходит вся их жизнь. Люди с Форбургера построили эту полностью автоматизированную станцию-бойню, но местные жители слишком ленивы, чтобы самим следить за ней. Они захватили меня, чужеземца, и поместили сюда, чтобы я наблюдал за машинами.

— Вы не пытались отказаться?

— Конечно, я отказался! — взревел Сергеев. — Тогда они перестали меня кормить. Пришлось пойти на компромисс. Эта работа слишком примитивна для меня, мне остается только протирать шкалы. Все делают машины. Теперь вы понимаете, что нам нужно покинуть это место и как можно скорее.

— Скоро, скоро, — сказал Генри, и компьютер вложил в голос робота успокаивающие нотки, сопровождаемые теплой улыбкой. — Здесь мы в безопасности, а как только я закончу исследования, мы покинем...

— Сейчас! Немедленно! — закричал Сергеев.

— Вы должны понять, что я, как и вы, тоже несу ответственность за местных жителей. И вы причините вред только самому себе, если будете душить этого робота. Мы ткнулись носом туда, куда нам не следовало соваться. С этой планетой что-то не так, и я намерен выяснить, что именно. Вы будете находиться здесь, в безопасности, пока моя задача не будет выполнена. Это займет не больше нескольких дней.

— Вы оставляете меня здесь одного? Вы собака, глупец, свинья...

— Вы прекрасно ругаетесь на своем родном языке после стольких лет путешествий. Но вы не будете одиноки, с вами останется этот робот, связанный с моим компьютером. Он может

петь вам песни и читать книги. Вы неплохо проведете время, пока я буду занят.

Генри торопливо отключился, поскольку командор все еще орал и извергал нескончаемую ругань.

— Три машины приближаются к кораблю, — сообщил компьютер.

— Засыпь туннель, ведущий к ящику. Погрузи ящик на борт и засыпь люки, — приказал Генри. — Брось холодильник и все лишнее и ненужное.

— Будет сделано.

Генри быстро покинул захороненный корабль Сергеева и медленно направился в сторону своего корабля. Он напряженно хмурил брови и не замечал ни прохладного ветерка из вентиляторов, ни приятной музыки, звучащей как бы вдали.

Туннель под ящиком был уже засыпан, и робот-сварщик как раз устанавливал стальную плиту на бывшее соединение туннелей, когда Генри проходил мимо. В конце туннеля его ожидал подсмешник, рассчитанный на одного человека, и, как только он влез на него, тот стал подниматься через проход в земле, стойку корабля и рубку управления.

Генри упал в кресло перед пультом и нажал кнопку. Экран ожил, и на нем возникло четкое изображение, показываемое с вершины корабля. Все снаряжение было уже уложено в корабль, а люки закрыты.

Через несколько секунд три гусеничные машины остановились на песке перед кораблем. Одна из них аккуратно раздавила холодильник с водой. Из машин выскочили мужчины, и по обшивке забарабанили пули — мелодичный звон отнюдь не обрадовал Генри. «Им потребуется более мощное оружие, если они хотят разрушить корабль», — подумал он. Мужчины посовещались, залезли обратно и укатили.

— Вечно они торопятся, — заметил Генри. — Я думаю, что они уехали, чтобы привезти нечто убийственное, опасное и вредное. — Он задумался. — Я уверен в этом. На планете происходит что-то нехорошее.

Корабль молчал, так как не получил прямого вопроса, но он внимательно слушал, и его ровное дыхание шелестом доносилось из воздухоочистителей. Генри, прищутив левый глаз, поглядывал на солнце, заходящее за пыльный горизонт.

— Я хочу есть, — сказал он. — Я устал, словно прошел пешком несколько миллионов миль.

— Поджаренное мясо с чесночным соусом, зеленый салат, хлеб и бутылка красного вина, — предложил компьютер.

— Прекрасно, но исключи чеснок. И выключи свет, если сам как следует не соображаешь.

Небо над горизонтом успело стать из багряного зеленым, когда прибыл ужин. Генри хорошо подкрепился и выпил, и волны удовлетворения, идущие от желудка, захлестнули его мозг.

— Хотя наш друг — командор Сергеев — и пробыл на планете более года, я считаю, что он ошибается в своих выводах. Это место более приятное, чем он считает. Ты нашел информацию о прошлом Сергеева?

— Да, — ответил компьютер. — До перехода в Галактическую Перепись он служил в Патруле, командовал крейсером и был отчислен после ранения.

— Прекрасно! Солдаты никогда не проявляли особого интереса к антропологии, экзобиологии и прочим «логиям», которые их окружают. Мы должны отказаться от его выводов и провести собственное расследование. В этом обществе имеются некоторые факторы, сбивающие меня с толку. Надо подумать над ними. Почему дети избегают взрослых? Не все дети — только мальчишки. Нет девочек и не видно женщин. Почему? И зачем столько замков на двери бойни?

— У меня не хватает информации для ответа на ваши вопросы, — произнес компьютер.

— Ты ее получишь, когда нам станут известны некоторые факты. Посмотрим, что творится в их домах. Я уверен, что ты записал всю информацию от робота-телохранителя, которого мы всучили Сайласу Эндерби.

— Да.

— Покажи его дом снаружи и внутри.

На экране возникло изображение дома с пустым фронтоном. Не совсем пустым, хоть в нем и не было окон, но были просверлены отверстия, похожие на оружейные бойницы. И бойницы тоже были. Робот обошел вслед за своим покупателем вокруг здания, с задней стороны которого находился вход, защищенный толстой стеной. Сайлас остановился возле стальной двери с массивными заклепками и окантовкой из какого-то металла.

— Дай звук, — приказал Генри.

— Дождь поливает сады, — сказал Сайлас.

— В садах вырастает трава, — последовал ответ из-за двери, и она начала открываться.

— Пароль и отзыв, — заметил Генри. — Это больше похоже на крепость, чем на жилой дом.

Дом и был крепостью. За дверью стояла подставка с оружием, боеприпасами и самодельными гранатами. По мере осмотра дома Генри видел системы оповещения и обнаружения грабителей, запасы пищи, воды, жидкого кислорода, отравляющие газы и электрогенератор. Более интересными для него оказались измученная девушка и две женщины, которых Генри заметил до того, как они торопливо закрыли дверь в свою комнату. Они, казалось, жили в стороне от других помещений дома, и хозяин запрещал им покидать свою территорию.

— Все больше странностей, — пробормотал Генри. — Это надо исследовать. Как думаешь, комп, ты сможешь доставить меня внутрь этой комнаты, не поднимая шума?

— Простейшая задача. Робот легко отключит сигнализацию.

Тогда поехали. Подай уницикл и подними аэрокомпьютер с телеобъективом.

— Вам не нужен робот для боевой охраны?

— Нет. Он слишком громко хлопает глазами. Я полагаю, что моя реакция и твои наблюдатели и «жучки» уберегут меня от неприятностей.

Генри встал, надел шлем и вышел. Уницикл, вертикально установленный, уже ждал Генри и торопливо жужжал. Он представлял собой одноколесный, или, вернее, одношаровой аппарат, поддерживаемый в вертикальном положении встроенным гироскопом. Сфера, на которой он двигался, была из мягкого эластичного материала, и при движении машины в темноте слышался легкий шелест. Позади и впереди Генри несли охрану летающие роботы-наблюдатели.

— Какие новости из города? — спросил Генри.

— В настоящее время случайно уничтожено шесть «жучков», еще девять обнаружено. Под непрерывным наблюдением находятся сорок три человека. Впереди большой ров, я бы посоветовал вам взять немного правее.

— Потом дашь мне проводника — ночь очень темная. Пусть проводник показывает самый короткий и безопасный путь до города. Что делает шериф?

Впереди показался тусклый зеленый огонек — это один из роботов снизился, чтобы показать Генри дорогу. Генри после-

довал за ним. Из приемника, укрепленного в его ухе, снова слышался голос компьютера:

— Шериф ужинает с женщиной, которую называет «женой». Какой-то странный у них ужин.

— Что-нибудь экзотическое? Если что-то неприятное, то не рассказывай мне.

— Я не это имею в виду. Дело в манере проведения ужина. Все блюда подаются в закрытой посуде. Шериф каждое блюдо ставит перед женой, потом садится и смотрит. После того как она отведаст блюдо, он ставит его перед собой и доедает.

— В этом нет ничего странного. Переключи свою память и вспомни профессию дегустаторов на старой Земле.

— Я понимаю, что вы подразумеваете, — через минуту ответил компьютер. — Он боится быть отравленным, поэтому ест пищу только после того, как ее кто-нибудь попробует. Пожалуйста, снизьте скорость и готовьтесь повернуть налево. Я проведу вас по тихим улицам к дому, который вы собираетесь посетить. Стоп.

Уницикл задрожал и остановился, когда Генри нажал на тормоз.

— Почему ты остановил меня? — прошептал Генри.

— За углом вон того дома стоят три человека. Они, очевидно, скрываются и следят за кораблем. Женщина и двое детей. Один из ребят — мальчик Робби, с которым мы уже встречались утром. Другой ребенок — девочка, приблизительно того же возраста.

— У них не видно оружия? Я помню, что Робби интересовался им.

— Детекторы не обнаружили никакого оружия.

— Прекрасно. Подключи меня к одному из наблюдателей и подведи его к ним.

— Готово. Он парит над их головами.

— Здравствуйте. Это говорит Генри Винн. Вы хотели меня видеть? — спросил Генри через робота.

В ответ послышалось приглушенное восклицание и удивленное бормотание. Потом заговорил женский голос:

— Где вы? Я не вижу вас!

— Я близко, говорю по радио. Вы хотите меня видеть?

— Да, пожалуйста, это очень важно.

Даже через микрофон он ощутил волнение в ее голосе.

— Сейчас я появлюсь.

Они ждали его в тени, прижавшись друг к другу. Мальчик стоял впереди, прикрывая женщин.

— Это не моя идея, — сказал он, шагнув вперед со сжатыми кулаками. — Мне все это не нравится, но мать сказала, что пойдет сама, и я пошел за ней. Знайте, что я не спускаю с нее глаз.

— Замечательно. И очень правильно. Я очень рад встретиться с вами, мадам.

Генри слегка приподнял шлем, как опытный придворный кавалер.

— Помогите мне, — нервно заговорила женщина. — Когда вы будете покидать эту планету, возьмите с собой на Форбургер этих детей. Это мои дети. Их там ждут.

— Я не хочу уезжать, — твердо сказал мальчик. — Но Китт должна уехать, это верно.

Взошла луна Слагтера и робко осветила узкие улочки. Китт была похожа на своего брата и, видимо, года на два старше. Они оба походили на мать — красивую женщину с матовой кожей и длинными черными волосами.

— А что ты скажешь, Китт? — спросил Генри.

— Это так далеко, — сказала девочка. — Я знаю, что больше никогда не вернусь сюда. Я не хочу покидать мать... но... я знаю, что она права... — в голосе девочки звучали слезы.

— Конечно, я права, и ты знаешь об этом, если у тебя есть глаза, — сказала ее мать, подошла к Генри и посмотрела на него. — Вы из внешнего мира, и потому я могу сказать вам. Вы никогда не поверите, что значит быть женщиной на этой планете. Это очень походит на положение пленницы. Моя дочь должна избежать этой участи. Я тайно связалась с властями на Форбургере. Они рассказали мне, что хотят создать школы для обучения местных жителей пилотированию звездных кораблей. Это прекрасная идея. Вы возьмете детей? — в голосе женщины звучала откровенная мольба.

— Это можно сделать, хоть я лечу не один. И есть осложнение...

— Скрываемся! — опустившись, прошептал робот-наблюдатель. — Сюда приближаются машины. С них стреляют.

ГЛАВА 7

Женщина с детьми нырнула в убежище. Генри потащил свой уникл за ними, услышав треск первого выстрела. Низко пригнувшись, он следил за двумя приближающимися в ночи гусе-

ничными машинами. Фары их качались и отбрасывали свет, двигатели ревели. Водители, очевидно, управляли одной рукой, а другой стреляли, что не помогало ни движению, ни прицельности. Пули с визгом отскакивали от стен над головой Генри. Наконец машины скрылись за поворотом. Стрельба и грохот постепенно затихли вдали. Генри приподнялся, и, осмотревшись, обнаружил, что остался один. Робот кружил неподалеку.

— Они вернулись домой, — сообщил он. — Я могу провести вас к ним, если хотите.

— Потом. Сейчас у меня более неотложное дело. Мне надо взять интервью у слагтерийца в его собственном доме и получить ответ на мои вопросы. Подмигивай мне хвостовыми огнями, указывая направление.

Робот полетел вперед, а Генри поднял уницикл и двинулся следом.

— Следующий дом на правой стороне, — прошептал ему в ухе компьютер.

Я узнал его. Как я попаду внутрь?

— Робот отключил сигнализацию и подключился к радиоре-ле замка внешней двери. Когда вы подойдете к двери, я ее открою.

— Присматривай за унициклом, — сказал Генри, остановившись в темном тупике и выключив мотор. — Я не знаю, сколько времени пробуду там.

Он бесшумно подошел к раскрывшейся двери, проскользнул через нее, и она захлопнулась за ним, как будто поймав в ловушку. Генри попал в узкое замкнутое пространство — это был коридорчик, немного шире его плеч. Он был тускло освещен электрической лампой в каркасе из металлических прутьев. Генри торопливо прошел к вешалке рядом с дверью, где находилась одежда и амуниция. Оружие было очень серьезным. Дом походил на крепость. Но почему? У него было ощущение, что если он ответит на этот вопрос, то разрешит и все остальные загадки этой планеты.

Прихожая выглядела достаточно обычной по любым стандартам, если не считать ящика с гранатами, симпатичных кинжалов для рукопашного боя и дубинки, усеянной гвоздями. Цветными пятнами на тускло-коричневом фоне выделялись ковер на полу и пара картин в рамках на стене.

Генри рассматривал одну из них, вырезанную из журнала и изображавшую тропический остров в голубом море, когда че-

рез дверь в конце холла прошел робот-телохранитель и остановился перед Генри.

— Сайлас Эндерби заканчивает ужин, миссис Эндерби обслуживает его, дети смотрят по видео космическую оперу.

— Прекрасно. Устрой мне встречу со своим хозяином.

Робот кивнул, распахнул дверь и отошел в сторону, пропуская Генри вперед.

Генри вошел в комнату, приподнял шлем и, широко улыбаясь, постарался изо всех сил убедить чету Эндерби в самых наилучших намерениях.

— Сэр и леди, добрый вечер. Я искренне надеюсь, что вы хорошо поужинали.

Миссис Эндерби пронзительно завизжала. Это было нечто среднее между воплем кошки, которой наступили на хвост, и визгом свиньи, которой дали пинок. Затем она швырнула блюдо, прикрыла лицо передником и с рыданием кинулась вон из комнаты. Ее муж реагировал менее громко — он застыл, не донеся кусок до рта, и выпучил глаза. Когда Генри шагнул вперед, Эндерби затрясся, как паралитик, и зацарапал ногтями по кобуре, сиюсья достать пистолет. Но кобура запуталась в скатерти, и Эндерби сволок всю еду на пол, пока наконец смог открыть ее.

Генри с сожалением покачал головой, протянул руку и взял оружие из вялой лапы.

— Как? — прохрипел Сайлас. — Как вы попали сюда?..

— Очень просто, — ответил Генри, молниеносно придумывая ложный ответ. — Я позвонил в дверь, и ваш робот-телохранитель впустил меня.

— Предатель, — выдавил сквозь сжатые губы Сайлас, вытащил откуда-то другой маленький пистолет и успел два раза выстрелить в робота, прежде чем Генри отобрал у него оружие. Пули отскочили от стального корпуса робота и застряли в стене.

— Никто, — бормотал Сайлас, — никогда еще в этом доме... никогда... — Он застыл в кресле, уставившись в пространство остекленевшими глазами.

— Ни секунды не сомневаюсь в этом, — сказал Генри, роясь в карманах куртки. — Я был воспитан в хорошей семье, и по моим стандартам степень вашего гостеприимства оставляет желать лучшего. Но я не жалею, обратите внимание... Живи и жить давай другим — вот мой девиз. Я побывал на многих пла-

нетах, и многие из них драчливее вашей, хотя это доставляет множество хлопот... Я, конечно, не собираюсь оскорблять вас. — Генри наконец нащупал книгу контрактов и положил ее перед собой на стол. — Если вы подпишетесь здесь, мистер Эндерби, то я не задержу вас более ни секунды. Ваша покупка без подписи недействительна, а мы оба заинтересованы в законности сделки.

Продолжая находиться в шоковом состоянии, Сайлас нацарапал свою подпись и упал в кресло.

— Убейте меня, — прошептал он. — Я знаю, что вы пришли убить меня. Сделайте это побыстрее, чтобы я не мучился.

— Ничего подобного, старина Сайлас, — Генри похлопал дрожащего мужчину по плечу. Тот застонал и чуть не свалился на пол. — Это не мое дело. Я торговец, а не полицейский. Мне будет очень неприятно, сэр, если вы умрете.

— Вы не убьете меня? — изумленно спросил Сайлас, выпрямляясь в кресле.

И в мыслях не имел. Я могу продать вам еще одного робота, если вы хотите.

— Предателя! — завопил Сайлас, с ненавистью глядя на робота.

— Он только выполнял свой долг, — сказал Генри, придвинул к себе стул и сел. — Не беспокойтесь об этом роботе. Он будет охранять вас, пока не кончится смазка в его теле. Не забывайте, что эта машина запрограммирована всегда быть на вашей стороне. Многим людям нельзя доверять, в отличие от машин.

— Никому нельзя доверять. — Сайлас Эндерби отодвинул свой стул подальше от стула Генри и с вожделием устался на коллекцию топоров, висящих на стене.

— Верно, — ответил Генри, засовывая книгу контрактов обратно в карман и не сводя глаз с Эндерби. — Но меня удивляет, почему вы так думаете?

— Меня хотят убить, — уверенно и со страхом произнес Сайлас, разглядывая один предмет обстановки за другим, в то время как его рука медленно-медленно тянулась к фруктовой вазе, наполненной ручными гранатами.

— Несомненно, — успокаивающе сказал Генри. — И меня хотят убить, и других. Но меня интересует — из-за чего? Что вызывает такую поголовную подозрительность? И ненависть

ко всем остальным людям? Для этого должна быть какая-нибудь причина.

— Умри, убийца! — закричал Сайлас, сунув руку в вазу. Он взмахнул гранатой, и Генри пнул ногой робота.

— Очень опасно, хозяин, — сказал робот, протягивая манипулятор и осторожно вынимая гранату из судорожно сжатых пальцев Сайласа. Он положил гранату обратно в вазу и отодвинул ее подальше. — Я охраняю вашу жизнь, сэр. Если граната взорвется в такой маленькой комнате, вы, несомненно, тоже пострадаете.

Сайлас задрожал, отшатнулся от робота и принялся яростно грызть ногти. Генри притворился, что не обратил никакого внимания на этот инцидент.

— Меня удивляет, почему вы — люди на этой планете — так подозрительны? Что послужило толчком для этого? Чего вы боитесь?

— Дикарей! — выпалил Сайлас. — Они хотят убить нас всех. Они только и ждут удобного случая.

— Дикари? — Уши Генри чуть не стали торчком от такой неожиданной информации, как у собаки. — Кто они?

— Дикари живут за холмами. Прячутся, нападают на наши стада и убивают всех, кто попадетсЯ. Их много, — Сайлас усиленно кивал, подчеркивая серьезность своих слов. Генри подержал его энтузиазм.

— Значит, дикари. Они дико кричат, они вообще звери. Они, значит, причина всех ваших беспокойств. Хорошо. Теперь мне все ясно, Сайлас. Благодарю вас за гостеприимство. Не провожайте меня, я знаю дорогу.

Но Сайлас был уже на ногах, восстанавливая спокойствие и унимая хаос мыслей, чтобы понять, что происходит. Он попятился, провожая Генри в холл, и, прежде чем открыть дверь, осмотрел окрестности в перископ.

— А теперь убирайтесь побыстрее и больше никогда не возвращайтесь.

— Рад был с вами познакомиться, — сказал Генри, обращаясь к захлопнувшейся двери.

Он шагнул на улицу, и в тот же миг мир взорвался шумом и грохотом. Генри метнулся назад, ошеломленно оглядываясь по сторонам и ища места, где бы укрыться.

Стена здания напротив опрокинулась с чудовищным грохотом и разлетелась на куски. По руинам прямо к Генри мчалась

полугусеничная машина, завывая мотором. Свет ее фар пришил Генри к стене, как насекомое. Со всех сторон гремели выстрелы, пули вонзались в землю рядом с его головой.

ГЛАВА 8

Первая, затем и вторая фары погасли, машина помчалась прочь. Генри отшатнулся назад, когда она пролетела мимо стены, за которой он укрылся.

Стрельба продолжалась. Большинство разнообразных машин собралось вместе, и теперь стрельба звучала, подобно раскатам грома. Из дома Сайласа, по которому велся огонь, началась ответная стрельба, на дороге что-то взорвалось с ошеломляющим треском и яркой вспышкой. Дверь дома Сайласа была закрыта, так что Генри подбежал к унициклу и прыгнул в седло. Но перед посещением Сайласа он выключил двигатель и остановил гироскоп. Теперь уницикл медленно двинулся вперед, дребезжа, виляя и кренясь, как брыкающаяся лошадь. Генри крепко держался за руль, направляя шатающуюся машину по улице, чтобы уйти от разгорающегося за спиной сражения. Когда мотор гироскопа набрал обороты, уницикл выпрямился и пошел устойчивее.

— Скорость еще недостаточна, — прокричал Генри, придерживая шлем. — О, всевидящий бог роботов, ты, может быть, объяснишь мне, что все это значит? Это нападение застало нас врасплох, не так ли?

— Приношу вам свои искренние извинения, но невозможно знать все, — ответил компьютер.

— Ты всегда утверждал, что способен на это.

— ...или обследовать каждый дом. Они, очевидно, держали дверь под наблюдением. Из этого видно, что неизвестный или неизвестные хотели ворваться в дом силой, когда откроется дверь. И, когда это произошло, вы случайно оказались вовлеченным в происходящее.

— Неизвестные ворвались в дом?

— Нет. Я приказал наблюдателям разбить фары, и атакующие не попали в двери из-за крошечной тьмы. В сражение оказались вовлеченными другие машины, и я с сожалением должен отметить, что одна из них преследует вас.

— Удивляюсь, как тебе удалось заметить это, — проворчал Генри, до отказа поворачивая регулятор скорости и стараясь

догнать свою тень, вырастающую в приближающемся свете фар машины преследователей. — Ты можешь разбить их фары?

— У меня поблизости только два наблюдателя, и один из них мне нужен для поддержания связи. — Свет исчез, когда эти слова прозвучали в ушах Генри. — Советую вам как можно быстрее повернуть — другая машина намеревается перерезать вам путь. Я подслушал их радиопереговоры.

— Заглуши их.

— Это уже сделано, но вторая группа успела узнать о вашем местонахождении и направлении вашего движения.

Впереди полыхнули огни, несущиеся навстречу Генри.

— Советую повернуть направо, — сказал компьютер, и Генри повернул руль. — Нет! Не туда!

Впереди возникла стена, тормоза завизжали. Генри вылетел из седла, а уницикл врезался в кирпичи.

Генри с трудом встал, придерживаясь за стену, а в его ушах продолжали звучать последние слова компьютера:

— Не туда. Это тупик. Следующий поворот.

— Ты немного опоздал с этой информацией, — процедил Генри сквозь зубы, ощупывая себя и сдвигая шлем, сбившийся на глаза. — У тебя есть еще предложения, как мне отсюда выбраться?

Он мрачно наблюдал, как полугусеничная машина, затормозив, блокировала выход из переулка. С нее прыгнули двое и бросились к Генри.

— Вы можете уйти отсюда, — прошептал последний робот-наблюдатель, — если последуете за мной.

Впереди что-то гулко взорвалось, и проулок наполнился едким дымом.

— Мне очень нравится твое предложение, но если бы я смог что-нибудь разглядеть... — Генри закашлялся, вдохнув клуб дыма. Что-то слегка толкнуло его в плечо.

— Держитесь за робота, — сказал компьютер.

Генри положил руку на дрожащий стабилизатор наблюдателя и, спотыкаясь, двинулся за ним, сквозь пыль и дым. За собой он услышал шарканье ног. Что-то с металлическим лязгом упало на обломки его уницикла. Раздался громкий свист пуль, взрыв и жалобы на то, что ничего не видно. Нечто металлическое мелькнуло перед лицом Генри, и он отскочил в сторону.

— Это лестница, — сообщил компьютер.

— Ну и что?

— Если вы встанете на нее, вас поднимут на катер, висящий над землей. Я полагаю, вы хотите вернуться на корабль?

— Ошибаешься, — сказал Генри, нащупал ногами лестницу и крепко вцепился в нее. — Вверх, вверх, и прочь отсюда, к холмам. Я хочу встретиться с одним из тех дикарей, о которых рассказывал мне Сайлас.

Лестница задрожала под его весом, потом легко пошла вверх. Через секунду Генри повис над клубящейся тучей дыма, из которой раздавался треск выстрелов. Отдельные дома города, похожие на крепости, были рассеяны внизу, а вдали над горизонтом возвышалась черная громада гор. Темный диск воздушного грузоподъемного крана заслонял звезды. Паукообразный робот спустился по лестнице и, зацепившись клешней за плечо Генри, обратился к нему:

— Этой ночью уже мало что можно сделать. Я советую вам вернуться на корабль, а утром...

— Тихо ты, наследник слабоумных компьютеров! Сказано — лети к холмам... Снабди меня спальным мешком, и я поплю прямо под звездами. А пока я буду спать, пошли своих коллег сфотографировать холмы в инфракрасных лучах, чтобы утром мне было легче отыскать этих дикарей. Понятно?

Прошло несколько секунд, прежде чем пришел ответ, и это означало одно из двух: либо компьютер задумался, либо обиделся.

— Я сделаю все, как вы сказали. Вы собираетесь путешествовать на этой лестнице?

— Да. Ночь освежающе прохладна после дневной жары, и я ощущаю легкий ветерок, так необходимый мне после этой аварии. Поехали.

Темный ландшафт медленно проплывал внизу, и среди бесцветных травянистых равнин стали встречаться холмы. Они были покрыты смешанными лесами и лугами, среди которых поблескивали озера. Когда машина приблизилась к массивным утесам горной цепи, кран медленно затормозил и стал снижаться. На скалистой вершине одной горы оказалась тихая лужайка, со всех сторон окруженная отвесными обрывами.

— Это место неприступно, — сказал механический паук. — И снизу его не видно. Я надеюсь, вам здесь будет удобно.

— Да, — Генри зевнул. — Я думаю, что мне следует поспать. Сверху лился рассеянный свет. Генри спустился вниз и уви-

дел, что корабль занят работой. Генри снова спросил о спальном мешке, и компьютер задал множество туманных вопросов. На траве была установлена пирамидальная палатка, украшенная цветными флажками. Внутри горел свет и отливала золотом медная кровать с чеканными лилиями. Возле кровати стоял стол и легкое кресло. Когда ноги Генри коснулись земли, из парящего над столом робота сверкнули разряды и зажгли свечи. Свет высветил на столе соблазнительные блюда с икрой, ломтиками хлеба, луком и крутыми яйцами. Паукообразный робот спрыгнул с плеча Генри и понесся к ведерку с шампанским. Выбравшись из него, он схватил бутылку за горлышко.

— Закусите слегка перед сном, — сказал робот, скрежеща стальными клешнями по пробке. — Это всегда успокаивает. — Раздался хлопок, пробка вылетела, и шампанское зашипело.

Генри опустил в кресло и взял бокал.

— Большое спасибо, — сказал он, потягивая шампанское маленькими глоточками, — за ваше сочувствие и советы, но я должен сегодня вечером поработать сверхурочно. Он взял из клешни робота бутерброд с икрой и стал жевать. — Мне необходимо найти причину всего этого. Я всегда любил пикники на природе.

Пожинав, он, спотыкаясь, добрался до кровати и погрузился в такой глубокий сон, что лишь сильный стук по медному тазу, в который на рассвете забрался парикмахер, разбудил его.

— Прекрати, — пробормотал Генри, не открывая глаз и судорожно отмахиваясь рукой. — Прекрати бить в барабан, металлический чайник.

Звук умолк лишь тогда, когда Генри опустил ноги, покрывшиеся от холода мурашками, на землю.

— Докладывай.

Робот-парикмахер вытащил тазик из своей грудной клетки и наполнил его теплой водой из краника на конце пальца.

— Я обнаружил за ночь несколько источников тепла, которые являются гигантскими травоядными. Их нельзя отнести к дикарям. Это робкие животные, при возникновении опасности спасающиеся бегством, полагаясь на быстрые ноги. Однако в ближайших окрестностях мне удалось обнаружить пятерых туземцев, прилично вооруженных. Они подходят под определение «дикари», которое я получил.

— Местные гуманоиды? — спросил Генри, сполоснул лицо и

набрал в ладони немного жидкого мыла из другого пальца робота.

— Очень сомнительно. Фотометрические исследования планеты показали семьдесят мест, где живут люди. Можно предположить, что «дикари» — обычные люди, живущие в примитивных условиях по неизвестным причинам. — Робот положил в руку Генри гребень, его лицевая панель заблестела и превратилась в зеркало. Когда Генри причесался, робот выдавил зубную пасту и стал усердно чистить зубы Генри.

— Все интереснее и таинственнее, — пробормотал Генри сквозь пену. — Сразу же после завтрака надо будет поближе взглянуть на этих отщепенцев.

Чашка дымящегося черного кофе скользнула в его руку. Генри выпил его, плотно закусил поджаренной колбасой и рисовой кашей, взял вторую чашку кофе и стал прогуливаться по краю утеса, наслаждаясь видом холмов, выплывающих из утреннего тумана. Когда все снаряжение было поднято и упаковано на летающий кран, позади Генри раздался топот ног робота.

— Я готов, — сказал Генри, нажал кнопку «Дезинтеграция» на чашке и швырнул ее с утеса вниз. Не пролетев и десяти футов, чашка превратилась в облачко тончайшей пыли. — Как мы вступим в контакт с объектом?

— Кран доставит вас на место поблизости от него, — пояснил паукообразный робот и подал Генри трап. Тот поднялся по нему. — Я буду вашим проводником весь остаток пути.

ГЛАВА 9

Полет оказался недолгим. Лестница исчезла в брюхе аппарата, и Генри с роботом остались на гребне горы, от подножия которой уходила долина, ведущая к равнине.

— Мы на месте, — сказал паук, когда Генри в нерешительности остановился на покрытой травой поляне. Он спрыгнул на землю, и Генри зашагал за ним.

— На этом гребне я бы посоветовал двигаться помедленнее, — сказал робот.

— А я посоветовал бы тебе помолчать. Показывай дорогу и предоставь мне самому беспокоиться о том, как подобраться к дичи.

Они молча продолжали путь, продираясь через высокую траву и низко нависающие ветви деревьев. Паук молча скользнул

между двумя каменными глыбами на краю крутого склона и указал клешней вниз. Перед Генри раскинулась великолепная панорама.

Он увидел обугленный и обглоданный бычий бок, лежащий в золе костра прямо перед ними. Рядом с мясом, наполовину в траве, наполовину в земле, растянулся необычный представитель человеческой расы. Его одежда, если ее можно было так назвать, состояла из плохо выделанных шкур животных, скрепленных полосками кожи. У него были длинные волосы, завязанные узлом, и длинная спутанная борода. И шкуры, и их хозяин были щедро вывалены в землю. Из-под шкур виднелся чудовищно раздутый живот, похожий на переспелую дыню. Очевидно, человек устроил себе пир и набил живот жареным мясом. Человека что-то беспокоило — скорее всего пищеварение, — он стонал и катался по земле, не открывая глаз. Рука, лежавшая в золе, скребла землю, словно огромное насекомое, и отщипывала кусочки мяса, когда касалась туши. Все это сопровождалось открыванием рта, жеванием и глотанием. Очевидно, пиршество не прекращалось и во сне.

— Очень приятное зрелище, — сказал Генри, встал, отряхнулся и надел шлем. — Оно отобьет мне аппетит на неделю. Пойдем посмотрим, что туземец нам скажет.

Генри стал спускаться по склону, а паук спрыгнул с его плеча.

Дикарь проснулся, что требовало от него значительных усилий, и изумленно уставился на Генри поросячьими, налитыми кровью глазами.

— Очень рад встретиться с вами, сэр, и мне приятно видеть, что вы хорошо позавтракали, — любезно произнес Генри. — А теперь позвольте мне представиться...

— Убью! Убью! — заорал дикарь, хватая каменный топор, лежавший возле него, и швыряя его в Генри одним удивительно точным движением. Целился он прямо в лоб, и у Генри не оставалось времени ни уклониться, ни даже поднять руку для защиты.

Робот-паук изогнулся и метнулся навстречу топору. Они встретились в воздухе, упали на землю одним клубком, паук дернулся, хрустнул и замер.

— Заверяю вас, сэр, в самых дружеских...

— Убью! Убью! — перебил его дикарь и так же легко метнул в Генри увесистый камень, но наш визитер был уже настороже и уклонился.

— Давайте, как люди, обсудим некоторые...

— Убью! Убью! — Дикарь заскрежетал зубами и ринулся в бой, вытянув перед собой руки со скрюченными пальцами. Генри не двинулся с места и, когда дикарь очутился возле него, рубанул его ребром ладони по шее. Дикарь рухнул на землю, а Генри отошел в сторону.

— Уверяю вас, мы вполне можем добиться взаимопонимания, — сказал он, вытирая руки о траву. Возле его головы зажужжало какое-то насекомое, и он отмахнулся, прежде чем услышал тоненький голосок:

— Докладываю. По ущелью сюда направляется другой дикарь. Он, кажется, не вооружен.

— Слишком слабое утешение для меня, — устало произнес Генри, встал в боевую стойку и вытянул руку.

Раздался топот ног, и перед ним появился дикарь. Он был так же грязен, как и первый, носил такие же засаленные шкуры, но на этом их сходство заканчивалось. Во-первых, второй дикарь был намного старше первого, с седыми волосами и бородой. На шее его болтался какой-то обрывок, настолько изорванный и грязный, что невозможно было понять, что это. Повидимому, когда-то это был галстук. На носу старика восседали обломки старых очков. Одного стекла не было вовсе, а другое было так испещрено трещинами, что сквозь него вряд ли можно было хоть что-нибудь разглядеть. Старик остановился, склонил голову набок и, моргая глазами, стал рассматривать Генри сквозь единственное мутное стекло, а потом слегка захихикал.

— Хорошо, хорошо, хорошо, что вы здесь делаете? — спросил он и, шаркая ногами, подошел поближе к Генри.

— Такой разговор мне нравится больше, — сказал Генри и расслабился. — Очень приятно встретиться с вами.

— Приятно, приятно? Не пользуйтесь слишком вольно этим словом, — сказал старик и присел возле обугленной туши. — Речь — точный инструмент, слова имеют цену и могут делать разные вещи. Например, имя. Возьмите имя... Вы можете делать с ним многое, вы станете сильнее меня... — Говоря все это успокаивающим тоном, дикарь незаметно погрузил пальцы в жирное мясо и стал быстро-быстро засовывать в рот кусочки, так что под конец его речи слова стали почти неразборчивыми.

— Я верю в это, — сказал Генри, — и готов согласиться с вами. Но я хочу спросить, что делает здесь такой образованный человек? Почему вы живете здесь, в этих диких местах?

— Отдыхаю и больше ничего. Даже на секунду не подумайте, что я уроженец этой планеты. Конечно, нет, конечно, нет. Я ученый с Форбургера, наблюдаю здесь за отдельными формами жизни. Очень интересно. Я скоро напишу книгу. Ученый мир...

— Мое! Мое! — заорал первый дикарь, вернувшись к жизни, и потащил тушу к себе обеими руками.

Продолжая одной рукой захватывать в рот мясо, пришелец другой схватил камень и стукнул им по голове прежнего владельца мяса — дикарь со стоном упал спиной в золу. Генри молча наблюдал, не предпринимая никаких попыток прекратить драку.

— Очень интересно, — сказал он. — Как человек из другого мира и как ученый, вы должны иметь свою точку зрения на местную жизнь. Вы, наверное, знаете, почему люди на этой планете так недоверчивы и агрессивны?

— Да, знаю, — не переставая жевать, ответил старик.

Пауза затянулась, и Генри наконец спросил:

— И вы можете рассказать мне об этом?

— Конечно. Доверие за доверие, но помните, я опубликую это первым. Все дело в радиации, особой радиации, я знаю. На планете существует пагубная радиация, которую можно обозначить символом «X». Потом эту величину «X» мы должны использовать при уточнении длины волны, назовем эту длину «Д»... — Дальше последовало множество слов, в основном напоминающих предыдущие, и Генри громко вздохнул и сказал маленькому металлическому орникоптеру, медленно кружившему над его головой:

— Он спятил, бедняга.

— Если вы имеете в виду его психическое состояние, то вы правы, — орникоптер завершил вираж. — Я сравнил его психические параметры со своими записями и обнаружил, что на другой планете он имел бы 97,89 шанса из ста угодить в психиатрическую лечебницу.

— Даже все сто. Это трагедия — интеллигентный человек прибывает изучать местные формы жизни и не выдерживает напряжения. Мы должны сообщить о нем на Форбургер, чтобы его взяли обратно.

— Я сделаю заметку в записях.

— Давай возвращаться, — сказал Генри. — Здесь нет ничего полезного для нас. Эти дикари просто одинокие изгнанники.

Они не могут быть причиной неприятностей на планете. Что здесь происходит?

Старик внезапно вострепнулся и приложил ладонь к уху, а затем оторвал от туши здоровенный кусок мяса и принялся бежать. Второй дикарь вскоре очнулся, застонал и сел, посмотрев на Генри мутным взглядом, но тут же вскочил на ноги и исчез из виду.

— Они услышали шум приближающихся трициклов, — объяснил компьютер. — Машины едут сюда со стороны равнины, где пасутся стада. Это пока еще не опасно, потому я и не сообщил вам.

— Продолжай непрерывно информировать меня. Как отсюда выбраться?

— Кран уже в пути. Я советую вам влезть обратно на гору до прибытия этих людей. Они разыскивают похитителя своей коровы и, несомненно, пройдут мимо, продолжая погоню.

— Хорошо, если ты окажешься прав, — сказал Генри и полез наверх.

Вверху оказался великолепный наблюдательный пункт. Отсюда Генри, сам невидимый, следил за трициклами, которые остановились возле туши.

— Она! — закричал один из преследователей. — Они сперли бычка, изжарили здесь и съели. Я же говорил вам, что бычка не хватает!..

— Куда пошел вор?

— Собака покажет.

Генри махнул рукой орникоптеру, тот сложил крылья и сел рядом с его головой. Через микросекунду, покопавшись в памяти, компьютер сказал:

— Собака, охотничья собака. Животное с хорошо развитым обонянием. Оно используется для поиска добычи по запаху. В наше время так называют специальный прибор, который может находить следы по запаху, подобно животному с тем же названием.

— Где кран? — спросил Генри, внезапно ощущая холодок на спине.

— Прибудет через три минуты.

— Немедленно сюда!

— Эй! — раздался голос внизу. — Собака показывает три следа. Два уходят прочь, а третий идет прямо на эту гору.

— Кто-то сидит наверху!

— Лови его!

Генри хорошо поработал, но на стороне противника было численное преимущество. Трициклы взревели, поднимаясь по склону, и остановились рядом с Генри. Он вытащил из седла первого противника и швырнул его в остальных. До этого назначения он служил в Морском Патруле, и кажущаяся полнота была обманчивой.

Драться Генри умел. Трое противников, издавая стоны, оказались на земле, но четвертый подкрался к нему сзади, выхватил пистолет и вдребезги разнес его шлем.

Генри так и не узнал, что его ударило.

ГЛАВА 10

Генри застонал, открыл глаза, и картина, возникшая перед ним, ему явно не понравилась, он снова застонал и закрыл глаза.

— Объясните, что случилось, — потребовал командор Сергеев, наклоняясь так близко, что его борода зашекотала Генри нос.

— Прочь из джунглей, — отозвался Генри, осторожно отведя голову. — Рассказывайте, что вам стало известно, пока я вел расследование, а я дополню детали.

— Вот те на! Вы позволили им захватить себя! Теперь мы оба будем жить на этой бойне!

— Тише, тише, попытайтесь не кричать. Я вытащу вас отсюда, только расскажите мне все детали.

— Вы сами все знаете, или это знает робот, так похожий на вас. Я не мог спать, а это создание вообще не спит, поэтому мы играли в шахматы. Потом он неожиданно вскочил на ноги — несомненно, с целью уронить фигуры, так как я только что собирался объявить ему мат — и сорвал цепь, приковывавшую его ногу к стене. Если бы я знал раньше, что он способен на нечто подобное, то я бы давно заставил его освободить меня. Затем он влез на запоминающее устройство и спрятался там. Пока я окликал его, дверь раскрылась, и внесли вас, в точности такого же, как и робота. Вас снова моментально сковали. Небо! Вы знаете, что я имею в виду. И все ушли. Теперь ваш грозный робот совершенно игнорирует меня и режет дыру в стене. Су-масшедший!

Генри взглянул вверх. Прицепившись ногами и вися под потолком вниз головой, Генри-робот ковырял стену полоской

стали. У Генри-оригинала закружилась голова, он прикрыл глаза и застонал.

— Мне нужен врач, — сказал он.

— Помощь сейчас придет! — крикнул робот и наконец проделал отверстие. Через несколько минут влетел наблюдатель и сел на пол возле Генри. Он был похож на птицу и блестел. Робот выжидающе жужжал, пока в его задней части открывался маленький люк. Робот-Генри внезапно спрыгнул со стены и, задрезав, побежал к коллеге. Он вытащил из его люка пакет, а наблюдатель немедленно взлетел и исчез.

— Аптечка, — сказал робот. — Я буду лечить ваши раны.

— Сначала снимите боль, — сказал Генри. — А потом объяснитесь.

Работа была выполнена немедленно. Смазывая синяки мазью, робот начал рассказывать:

— Остановить ваших противников мне не удалось. Но я смог предотвратить вашу смерть, выведя их оружие из строя. Я рассудил, что вас должны доставить сюда откуда по их мнению вы сбежали, и я оказался прав.

— А если бы ты ошибся?

— Я просчитал все варианты, — с механической самоуверенностью заявил компьютер. — Тяжелые машины уже в пути. — Самодовольство робота объяснялось тем, что его тяжелые машины — боевые роботы — имели на борту атомное оружие.

Генри зашевелился и сел, не испытывая больше головокружения.

— Мы должны немедленно покинуть это место, — заявил Сергеев, сжимая пальцы так, как будто они кого-то душили.

— Согласен. Мы, несомненно, больше ничего не сможем сделать, находясь здесь на цепи. Но потерпите, дайте мне несколько секунд, чтобы собраться с силами.

— Десять минут, не больше. — Сергеев начал расхаживать по комнате, поглядывая на часы.

— Вы щедрый человек, командор. Как, должно быть, любили вас ваши подчиненные...

— Возможно, но они никогда не говорили мне об этом. Мне вполне хватало того, что они повиновались моим приказам.

— Вы никогда не смогли бы подобрать экипаж на этой планете. За всю мою жизнь я еще ни разу не сталкивался с такими недоверчивыми твердолобыми людьми. Дети их выглядят совершенно нормальными, женщины тоже, если паранджа мо-

жет быть нормальной. Но мужчины! Вероломны, подозрительны, смертельно опасны — выбирай любую формулировку. Вероятно, на Форбургере были правы, когда говорили, что здесь развилась извращенная, псевдопограничная культура силы и убийства. Эта проблема не имеет простого решения. Их образ жизни уже укоренился, а изменить все общество почти невозможно.

— А зачем изменять? Просто уйти! Пусть себе живут со своими коровами, пылью и стрельбой. Они сумасшедшие, все сумасшедшие!..

Глаза Генри внезапно загорелись.

— Как вы сказали?

— Вы что, глухой? Сумасшедшие. А теперь убираемся отсюда, наше время истекло.

Генри медленно встал на ноги и пошатнулся.

— Может быть, если они все умственно больны, то этим объясняется многое. Возможно, я ошибаюсь...

Не наседайте, пожалуйста, командор, сказал Генри-робот, становясь между своим хозяином и разгневанным представителем Галактической Переписи, который наступал на Генри.

— Командор, успокойтесь, — сказал Генри и снова взял дело в свои руки. — Корабль, я полагаю, ты можешь извлечь нас отсюда?

— Пустячное дело, — сказал робот, нагнувшись над окованной лодыжкой Генри, а затем Сергеева. Они последовали за роботом к двери, которую он просто выбил. Мужчины перешагнули через обломки и прошли через главный зал к внешней двери.

— Ему не удастся так же легко вышибить и эту дверь, — сказал Сергеев, указывая на толстые стальные прутья.

— Будьте любезны отойти в сторону, — произнес робот, и, когда они отошли, дверь разлетелась бесформенными кусками металла. Генри и командор вышли наружу и увидели массивного робота с энергопушкой, установленной на месте головы (глаза и рот были на животе).

— Вам необходимо быстрее уйти отсюда, — посоветовал робот. — Ваше бегство уже подняло тревогу, и, кажется, все мужчины в городе проснулись и сбегаются сюда.

Роботы и люди бросились бежать сквозь крошечный мрак. Тучи закрыли луну и звезды, а слагтерийцы не освещали улицы

своего города. Вовремя предупрежденные «жучками» и наблюдателями, они свернули в боковую улицу и сумели избежать встречи с группой машин.

От света фар и ручных фонарей вокруг их корабля было светло, как днем. Когда они наконец добрались до космопорта, Генри пригнулся и ткнул пальцем ближайшего робота.

— Не притворяйся, что ты не знал об этом. Может, ты оставил эту доброжелательно настроенную грушу в качестве маленького сюрприза?

— Нет. Я информировал бы вас об этом, если бы не был озабочен вашим моральным состоянием. Я знал, что новость о том, что корабль окружен, может огорчить вас, а следовательно, помешать действовать разумно.

— Вот я тебе сейчас дам разумно! — крикнул Сергеев и пнул робота ногой, но ничего, кроме жгучей боли в ноге, не получил.

— Как мы попадем на корабль? — спросил Генри.

— Идите за мной — сказал робот — Захороненный корабль Сергеева находится вне кольца охраны. Я прорыл второй туннель под охраняемой площадью. Вы можете пойти этим путем.

— У нас нет выбора. Пойдемте, командор.

Свет был ярким, и последнюю сотню метров им пришлось проползти на животе. Они устали, вымазались в грязи и вымокли, когда вкатились в водосточную канаву.

— Прибыли, — сказал Генри-робот. — Если вы подождете несколько минут, туннель будет выведен прямо сюда, к нам, а пока я прошу соблюдать полную тишину, так как в этом направлении движется вооруженный человек.

— Мы можем захватить его, не вызывая тревоги?

— Это возможно. Пожалуйста, соблюдайте тишину.

Только они успели прилечь за грязным откосом канавы, как послышались приближающиеся шаги, и на фоне ослепительного сияния прожекторов возникла темная фигура. Человек держал в руке пистолет, но ничего в темноте не видел, как ни всматривался. Генри-робот метнулся вперед и схватил человека за лодыжки. Прежде чем тот успел закричать или пустить в ход оружие, он оказался в канаве. Генри сильно ударил его в подбородок. Человек согнулся и рухнул на землю. Генри радостно прошептал:

— Наш старый приятель шериф! Я и не мог ожидать такого подарка!

Под землей раздался гроыхающий лязг, и над поверхностью появился вращающийся наконечник бура. Через несколько секунд из отверстия вылез и остановился робот-бурильщик.

— Быстро в туннель, — поторопил Генри-робот. — Я поташу шерифа сзади вас. Должен предупредить, что этот туннель не укреплен и выдержит только три-четыре минуты.

— Черт бы побрал тебя и твои дешевые туннели! — крикнул Генри, ныряя в нору.

ГЛАВА 11

Путешествие оказалось не из веселых. Свод туннеля царапал спину Генри, когда они пробирались по нему на четвереньках. Внутри было темно и душно, а Генри уже устал от ползания в темноте. Казалось, путешествию не будет конца. Генри явственно чувствовал многотонный вес породы над головой и был уверен, что не доползет.

Потом туннель повернул, выровнялся, и впереди показался свет. Последним усилием Генри добрался до входа в укрепленный туннель и ввалился в него. Ожидающий в туннеле робот стряхнул грязь с одежды хозяина, а затем выдернул из отверстия командора, как пробку из бутылки. Генри-робот с шерифом наполовину вылезли из туннеля, когда тот обвалился. Пока роботы откапывали шерифа, мужчины сидели в изнеможении.

— Я подумал, что вы, возможно, захотите холодного пива, — сказал другой робот, появляясь из соединительного туннеля с подносом, на котором стояли две заиндевевшие бутылки пива. — Как вы думаете, командор присоединится к вам?

Командор Сергеев что-то невнятно пробормотал, наклонился и схватил бутылку. Он отбил горлышко, поднес бутылку к губам и наполовину опустошил ее, прежде чем остановился перевести дух. Генри выпил свою бутылку не спеша, маленькими глоточками.

— Ваш корабль вон там, командор, — сказал он Сергееву. — Захоронен, но цел и невредим. Может быть, вы присоединитесь ко мне, пока мы извлечем его?

Отдых, пиво и свобода значительно улучшили настроение командора.

— Счастлив буду побыть с вами. Мне кажется, я на всю свою жизнь набегался под землей.

— Я не сумел бы сказать точнее.

Они, охая, встали и пошли по туннелю к кораблю Генри.

Он сидел в кресле, поджав ноги, и читал письменный доклад компьютера, жуя сандвич, когда к нему присоединился Сергеев.

— Садитесь и заказывайте, что вам нравится, командор, — сказал Генри, кивая в сторону кресла. — Я рад видеть, что вам удалось найти одежду вашего размера.

— Размер — да, но не материал. Я не нашел ничего, кроме отвратительной клетчатой ткани, из которой сшита ваша одежда. — Сергеев внимательно просмотрел меню, поданное ему роботом. — А что это за доклад вы читаете?

— Разгадка тайны этой планеты. У шерифа в крови избыточное количество ДМПИ, или тараксеина, как иначе называют это вещество. Анализы указали на его источник.

Командор отметил в меню блюда, вернул роботу и, нахмурившись, посмотрел на Генри.

— Вы что, с ума сошли?

— Не я, а шериф. На всех других планетах его признали бы психически больным. Вам известно, что такое параноидальная шизофрения?

— Разновидность психического заболевания. Но какое это имеет отношение к шерифу?

— Он болен ею, — сказал Генри. — Параноики живут в собственном, вымышленном ими мире и не доверяют никому. В одной из форм этого заболевания его жертва страдает манией преследования. Человек убежден, что весь мир настроен против него. Он может действовать разумно, но не всегда.

— Вы хотите сказать...

— Именно. Все мужчины на этой планете душевно больны и требуют лечения. Возможно, что сложившийся здесь уклад жизни — только спусковой крючок для болезни, которая вызывается здесь воздействием химических веществ и завершается нарушением деятельности головного мозга. ДМПИ — антитела, вырабатываемые организмом в ответ на вторжение инородных тел. Плохо то, что ДМПИ не только уничтожает болезнетворные микроорганизмы, но и причиняет вред самому мозгу.

— То есть этот ДМПИ делает человека психом. Откуда же берется?

— Компьютер еще не закончил свой анализ, но уже обнаружил некоторые микроорганизмы, на которые можно возложить ответственность. Простейшие бактерии, которые, видимо, очень медленно проникают в человеческий организм. Но эта форма инфекции — одна из опаснейших, вроде проказы, поскольку действие ее настолько заторможено и слабо, что ор-

ганизм не замечает ее и не борется с ней. Эти микроорганизмы медленно и упорно накапливают силы, и постепенно вырабатывается достаточно ДМПИ для возникновения заболевания.

— А женщины и девочки?

— У них, видимо, природный иммунитет — это самое логичное объяснение, так как эти микроорганизмы присутствуют везде.

— Тогда надо уничтожить их! — заявил Сергеев.

— Успокойтесь. Конечно, мы это сделаем. Но не забудьте, результат станет известен только через пятнадцать лет, не меньше. Наше превосходство в том, что мы знаем причину. С Форбургера придут врачи и возьмут дело в свои руки.

— Тут в ваших аргументах есть одно слабое место. Если эта болезнь так широко распространилась, то бактерии должны быть в мясе. Почему же на Форбургере все здоровы?

— Очень просто. Замораживание мяса убивает почти все микроорганизмы, не привыкшие к таким условиям. Ведь мясо отправляют отсюда замороженным и доставляют на Форбургер только через несколько месяцев.

— Это разумно, — неохотно согласился Сергеев, посылая робота за другим сэндвичем. — В таком случае, мне надо остаться здесь, пока не выкопают мой корабль. Местные жители больны, и их надо лечить. Когда их вылечат, я проведу перепись и выполню свою работу.

— Для всех наступит лучшая жизнь, — сказал Генри. — Дети отправятся лечиться и учиться на Форбургер, а потом вернутся строить здесь более разумное общество. Они сделают это скорее, чем чужаки. — Генри криво улыбнулся. — Это, несомненно, трогательная затея.

— Что? — спросил Сергеев, более заинтересованный новым сэндвичем и пивом, чем разговором.

— Дети всегда бунтуют, свысока смотрят на старшее поколение и даже думают, что их родители слишком тупы, чтобы понять идеи своих детей. Но на Слагтере дети правы!

ВЫПУСК

Потом было сказано еще много речей, церемония закончилась. Кадеты выходили из строя, высоко подняв головы, и получали документы об окончании училища. Один за другим они проходили через эту простую церемонию, пока она не завершилась.

Они больше не кадеты. Они...

— Патрульные, я приветствую вас... — сказал командор, и его голос потонул в радостных криках. Эхо отражалось от купола, стихнув только тогда, когда молодые люди выбежали из зала навстречу своим назначениям и своей судьбе.

Командор остался один, думая уже о новых воспитанниках, которые придут завтра.

Патрульные выходили из зала — с Земли — распространять по планетам Галактики закон и порядок. И в этом им помогут верные свиньи и преданные роботы — друзья человека, путешествующие вместе с ними в Космосе и помогающие в завоевании Вселенной.

СВИНЬЯ, РОБОТ и ЧЕЛОВЕК рука об руку твердо шагают в удивительное будущее.

Обычная история

ГЛАВА 1

ССЫЛКА НА ОКОЛЕСИЦУ

Быстрее летящей пули, быстрее луча света, быстрее чего бы то ни было в Галактике — именно с такой скоростью космический дреднот «Мерзавец» рассекал вечную ночь межзвездного пространства. Черный, зловещий, размерами с приличный астероид, ошетилившийся ракетными установками и лазерными орудиями, корабль мчался сквозь мрак; позади осталась добрая тысяча планет, о чем напоминал изрядно загаженный птицами корпус звездолета. «Мерзавец» служил домом двенадцати тысячам двумстам сорока трем военнослужащим. Впрочем, какой там дом, — это была самая настоящая космическая тюрьма. Если не считать офицеров и сержантов, все военнослужащие на борту корабля были набраны по призыву и все до единого горько страдали. Хуже других приходилось рядовому по фамилии Парртс. Он был нижней разломившейся пополам ступенькой высочайшей в мире лесенки, заусенцем на ногте прокаженно-го, последним по порядку репьем на хвосте самой дряхлой коровы, с самой отсталой планеты. Словом, у него были неприятности.

— Рядовой Парртс, у тебя неприятности, — сочувственно сообщил ему старший сержант — низкорослый, с отвислым брюхом, морщинистый, как жаба, с цветом кожи, будто у мумифицированного крокодила, и бородой, что смахивала на сапожную щетку. — Я тебе нравлюсь, Парртс, верно? Хотя бы вот настолечко? — Он схватил Парртса за левую ягодицу, оставив на той кровоточащие царапины.

— Наоборот, сержант, вы мне где-то даже омерзительны.

— То же самое ты ответил доктору Блатни, нашему психиатру, — прорычал сержант. — Ну и что, что груди у нее свисают до полу, а физиономия похожа на лошадиный круп? Ты не имел права так разговаривать с офицером!

— А она имела право сманывать меня с поста? Да еще в фиолетовой ночнушке?! Она...

— Что ты делал на посту в фиолетовой ночнушке?..

— Не надо морочить мне голову, сержант. Я находился при исполнении, а она не имела права...

— Заткнись, рядовой, и слушай сюда. Прав у тебя нет. Ты солдат. Если офицер прикажет, ты должен встать на четвереньки и залаять. Ты сел в большую лужу и не вылезешь из нее, если не поцелуешь меня и не ляжешь ко мне под бочок. Усвоил?

— Нет.

— Тогда так тому и быть. — Сержант тяжело вздохнул; его вздох напоминал порыв ветра, дувшего с мусорной свалки. В уголке сержантского глаза заблестела слеза, подозрительно похожая на каплю нитроглицерина. — Ты подрывал моральный дух экипажа, разлагал товарищей...

— Они пытались меня соблазнить! Как вы сейчас.

— Заткнись, — мягко повторил сержант. — Если бы мы вели войну, тебя бы придушили или расстреляли. но до начала следующей войны никак не меньше недели. Капитан решил не дожидаться. Приготовься к высадке на планету Околесица. Отныне ты приписан к тамошней базе снабжения.

— А чем она знаменита?

— Я рад, что ты спросил. Околесица — холодная, безжизненная планета на полпути из ниоткуда в никуда. Хотя, с другой стороны, можно сказать, что она — на полпути откуда-то кое-куда, то бишь расположена между матерью-Землей, которая да правит нами до скончания времен, и гнусными планетками дальнего космоса — теми, где мы учим инопланетян благам цивилизации. База снабжения на Околесице должна обслуживать утомленных битвами воинов, кормить голодных, поить истомившихся от жажды, заменять поврежденные части тела, если, конечно, есть, чем заменять. База полностью автоматизирована, а потому способна принять и самый большой линкор, и крохотный корабль-разведчик; достаточно лишь нажать нужную кнопку. За ней совершенно нет смысла присматривать. Вот почему тебя назначили именно туда.

— Выходит, я буду совсем один! — радостно воскликнул Парртс.

— И не надейся, рядовой. Знаешь, какой в нашей армии закон: солдату не положено быть счастливым. Базой командует офицер, которому мало роботов. Он требует живых солдат. Так что готовься, рядовой.

— Мне что-то невдомек...

— Сейчас поймешь. Этого офицера зовут полковник Зуботык!

Парртс завопил дурным голосом. Должно быть, так кричат в аду грешники.

— Я знал, что ты будешь в восторге. — Сержант злорадно усмехнулся и посмотрел на циферблат вделанных в пупок часов. — Тебе как раз хватит времени, чтобы написать завещание, сходить на исповедь или покончить жизнь самоубийством.

— Да чтоб вас затрахали, сержант!

— С удовольствием!

Сержант прыгнул вперед, но дверь в соседнее помещение хлопнулась прямо у него перед носом. Он испустил обреченный вздох, смахнул слезу... Та взорвалась, ударившись о палубу.

«Где справедливость? — спрашивал себя Парртс, шагая по коридору. — Где справедливость?»

Не то чтобы он на деле ожидал справедливости, вовсе нет, однако малая ее толика явно не помешала бы. Верно? Ведь воинская служба зиждется на несправедливости; Парртс неожиданно осознал, что сжился с этим, приучился воспринимать как нечто само собой разумеющееся — как этакое развлечение, которое худо-бедно скрашивает неприглядную действительность, намекает, что не стоит отчаиваться: мол, пускай дела идут плохо, они наверняка станут еще хуже. Что ж, может быть, он однажды вернется домой, разыщет тогда членов призывной комиссии и прикончит их, всех до единого.

Как ни крути, все его беды начались с призыва. Он с детства хотел стать историком, а в юности, пойдя наперекор советам доброжелателей, избрал профессию экзобиолога. Уже в пору занятий историей он столкнулся с альтернативой, которая формулировалась следующим образом: либо заниматься тем, к чему испытываешь склонность, либо идти в армию и заслужить посмертную славу. Впрочем, чтобы понять суть Соединенных Штатов Земли — псевдофеодальную, милитаристскую, насквозь пропитанную имперской и фашистской идеологиями, — особых познаний в истории не требовалось; естественно, служба в армии такого государства не сулила ничего хорошего. Когда правительство ведет галактическую войну, тем более на постоянно увеличивающейся территории, нет никакой необходимости обращаться к математическому гению, чтобы установить, что число врагов, то есть инопланетян — а все инопланетяне, естественно, были врагами — будет возрастать со скоростью

куба в квадрате. В результате самые дерзновенные планы и самые высокие показатели призыва никак не согласовывались с запросами полевых командиров, которые наперебой, срывая голоса, настаивали на посылке все новых и новых подкреплений. Члены призывных комиссий, которые не справлялись с работой, незамедлительно оказывались в учебных лагерях, восполняя собой недостаток призывников.

В то время когда Парртс пришел к выводу, что профессия историка не для него, минимальный призывной возраст равнялся девяти годам. Тогда Парртсу как раз исполнилось восемь. Его отец был завербован в армию спустя семь секунд после зачатия сына: биоиндикатор матери замерцал красным, что означало «беременна», в то мгновение, когда отцовская сперма проникла в поджидавшую яйцеклетку. Несмотря на то, что отец Парртса облагодетельствовал старые добрые СШЗ двенадцатью детьми, имел двойную грыжу и стеклянный протез вместо правого глаза, а также скакал на одной ноге, он все равно считался годным к армейской службе, ибо с тех пор, как его отчислили из армии по состоянию здоровья, призывные стандарты претерпели некоторые изменения.

На то, чтобы родиться, у Парртса ушло семь месяцев — программа ускоренного рождения на благо армии применялась повсеместно; за этот срок стандарты изменились вновь, набор теперь не предусматривал ни половых, ни возрастных — по старости — ограничений; и матушка рядового отправилась в итоге из родильной прямиком в учебный лагерь: миссис Парртс попала в подчинение к своей собственной бабушке.

Парртс вырос в приюте для будущих солдат, в силу чего получил кое-какое представление об истинном положении дел. Вопреки государственной пропаганде у воспитанников приюта сложилось особое мнение о характере войны, что объяснялось в значительной мере внешним обликом учителей, которые все были инвалидами. Так что Парртс решил для себя, что историей можно заниматься в качестве хобби, а профессию лучше избрать такую, которая позволит не попасть в разряд пушечного мяса. Он первым из класса вызвался стать экзобиологом, то есть изучать инопланетные формы жизни. Это было интересно само по себе, однако, что гораздо важнее, экзобиологи, согласно стандартам, признавались целиком и полностью негодными к воинской службе. Армии требовались специалисты по инопланетянам, чтобы выяснить, как сподручнее расправляться с

последними, а потому, как полагал Парртс, он будет в безопасности, далеко от линии фронта.

Планы, планы... Несколько лет все шло просто замечательно. Но вот однажды Парртс явился на ежемесячную проверку документов, которую проводила призывная комиссия. Прежнего председателя комиссии, как оказалось забрали в армию — чем ближе к огню, тем сильнее жар, а его место заняла сержант запаса Аннабелла О'Брайен. Едва Парртс вошел в помещение, где заседала комиссия, Аннабелла улыбнулась — растянула губы, которые, на первый взгляд, давно забыли, что значит улыбаться, — выгнала вон коллег и применила к Парртсу мальтийский захват. Выглядело это следующим образом: одной рукой она обняла юношу за шею и привлекла к себе, буквально вдавила в промежуток между своими увесистыми грудями, а другой принялась набирать код на магнитном замке его ширинки. Парртс трепыхался, тщетно стараясь вырваться, и вдруг коснулся пальцами стола, на котором обнаружилась чернильница с ручкой. Находясь при последнем издыхании, он стиснул ручку в кулаке и вонзил перо в голый зад Аннабеллы. Та всплеснула руками, и Парртс, очутившись на свободе, тут же забрался под стол и, слабо отбрыкиваясь от назойливой дамы, начал жадно глотать воздух, чтобы оживить изголодавшиеся клетки. Часа через два Аннабелла наконец сообразила что к чему и в отместку, теща уязвленное самолюбие, поставила в документах Парртса отметку, означавшую, что тот годен к строевой без малейших ограничений. Парртс мгновенно очутился в коридоре, а через несколько часов уже прибыл в учебный лагерь, тогда как Аннабелла только-только успела выплакаться, залить обиду вином и разнести в пух и прах четыре городских бара.

Такова была история его жизни, обстоятельства которой менялись исключительно в худшую сторону. А теперь это назначение на Околесицу, к полковнику Зуботыку!.. Когда Парртс вспомнил, что ему доводилось слышать о полковнике, температура тела у него упала сразу на десять градусов. Хотя слухам особо доверять не следует, нужны факты...

Парртс дал взятку писцу из отдела кадров, пожертвовав своим столь долго и тщательно копившимся запасом мармелада в горошинах, и раздобыл копию личного дела Зуботыка. Чем дальше он читал, чем быстрее он перелистывал страницы, которые постепенно нагревались, тем тяжелее становилось на душе. Бумага сначала покраснела, потом побурела, обожгла кожу и вспыхнула ярким пламенем. Жаль, шантажировать писца бу-

дет нечем. Тем не менее, хотя копия сгорела, Парртс продолжал видеть мысленным взором то, что в ней было написано. Полковник Зуботык входил в...

— Внимание! Внимание! Приготовиться к посадке! — рявкнул голос из динамика. Завыли сверхзвуковые сирены; их вой проникал в самые укромные уголки корабля и размягчал кости тех, кто двигался недостаточно шустро.

К Парртсу это не относилось. Он моментально занял свой пост в двигательном отсеке у главного рубильника, встал по стойке «смирно» и замер в ожидании, дабы как можно лучше исполнить то, что от него требовалось. Между тем звездолет вошел в атмосферу Околесицы, прорвался сквозь плотный облачный слой, вынырнул на солнечный свет; взревели кормовые дюзы — корабль, паря как перышко, опускался на посадочную площадку. На панели перед Парртсом зажглась надпись «Жми!», и он немедля надавил на кнопку «Выкл.», после чего вздохнул, ибо скорее всего выполнял свою нынешнюю работу в последний раз. Ведь из личного дела полковника Зуботыка следовало, что те, кто попадал к нему, назад не возвращались — по крайней мере, живыми.

— Рядовой Парртс! — громыхнул динамик. — На выход с вещами, живо!

Парртс закинул за спину вещмешок и направился к люку. В гордом одиночестве, если не считать сновавших по пандусу роботов, он миновал проем высотой добрых двадцать футов, остановился у автомата с водой, бросил в щель несколько монет, получил стаканчики с героин-колой и гашиш-содовой. Поскольку будущее не сулило ничего хорошего — точнее, будущего не предвиделось вообще, — оставалось только утешаться наркотиками. Парртс знал, что живых людей поблизости нет, однако ощутил на себе чей-то взгляд. Он повернулся — и стаканчики выпали из его внезапно онемевших пальцев.

На него смотрел полковник Зуботык. Нет, не просто смотрел — это слово никак не вязалось с тем ужасом, какой вызвал у Парртса горящий взор Зуботыка. Тот глядел на рядового, застывшего в полной неподвижности, своим единственным глазом; на месте второго, то ли выдавленного, то ли выбитого, зияла пустота — ни тебе черной повязки, ни стеклянного протеза. Полковник не шевелился, будто притворяясь ящерицей, которую, кстати, весьма напоминал, — лысый, исчерченный шрамами череп, зеленоватая кожа... Он широко раздувал нозд-

ри, этакие темные пещеры, в которые, похоже, переместились все те волосы, что отсутствовали на голове. Уши полковника, большие и оттопыренные, выглядели так, словно кому-то взбрело на ум откусить от них по кусочку. Что касается носа, его вид лучше обойти молчанием. Нижней челюсти Зуботыка позавидовал бы и неандерталец: она настолько выдавалась вперед, что желтоватые, зазубренные резцы полковника заслоняли собой губу и даже доставали до волосатых ноздрей.

— Ну, — прорычал Зуботык; голос у него был сильный, весьма неприятный на слух, — чего вылупился? На кого ты, по твоему, смотришь?

Ответить было попросту невозможно, поскольку наружность полковника представляла собой настоящую загадку для антрополога: неимоверно длинные, похожие на обезьяньи лапы руки, пивное брюхо, кривые ноги и, вдобавок ко всему, описанная выше физиономия.

Парртс молчал, а Зуботык придирчиво изучал его взглядом, который походил скорее на парализующий лазерный луч и словно прожигал в мундире дырки. Наконец полковник шагнул вперед; внезапно в руке у него очутился ездовой хлыст. Парртс ощутил, как стынет в жилах кровь: хлыст был изготовлен не из кожи, из мумифицированного человеческого тела, облаченного, между прочим, в форму, на которой виднелись капральские нашивки. Зуботык обошел вокруг рядового, что-то пробормотал. Парртс испустил судорожный, со всхлипом, вздох.

— Разве я разрешал тебе дышать? — справился полковник с такой угрозой в голосе, что легкие Парртса мгновенно окаменели, словно скованные морозом.

Осмотр продолжался; над Парртсом нависла угроза смерти от удушья. В последний миг — вернее, чуточку прежде, в момент, когда интеллектуальный коэффициент Парртса понизился на шесть единиц, поскольку начали отмирать мозговые клетки, полковник произнес:

— Дыши!

Завеса тьмы над сознанием рядового приподнялась, легкие заполнились живительным воздухом, и Парртс начисто позабыл таблицу умножения на семь.

— Что ты здесь делаешь? — осведомился Зуботык.

— Назначен на вашу базу, сэр. Приказ у меня в вещмешке.

— Я запрашивал группу приговоренных к смерти, а мне прислали тебя.

— Если хотите, сэр, я могу вернуться на корабль...

— Стой, где стоишь! — Окрик Зуботыка прозвучал столь громоподобно, что почти заглушил рев двигателей стартовавшего звездолета. Утратив последнюю надежду на спасение, Парртс расслабился и приготовился к худшему. Полковник между тем проговорил: — Ну ничего, своих смертников я еще получу. А пока сойдешь и ты. Что ты слышал обо мне, рядовой?

— Ничего хорошего, сэр.

— Что ж, космос, выходит, слухами все же полнится. Ну-ка, рядовой, расскажи, что говорят обо мне солдаты, когда от нечего делать болтают по вечерам?

— Они говорят, сэр, что такого подлого, мерзкого, кровожадного сукина сына, как вы, на свет до сих пор не рождалось. Что Агтила годится вам разве что в подручные. Что вы не проиграли ни одного сражения и не оставили в живых ни единого из своих солдат. Что ваша личная жизнь — это диковинная смесь фанатизма, садизма, мазохизма, всяких прочих «измов», а также самобичевания и жестокости.

— Значит, обо мне знают. Замечательно! — Полковник довольно кивнул и с улыбкой постучал засушенной головой капрала по стальному мыску своего башмака. — Что еще? Можешь говорить откровенно.

— Слушаюсь, сэр. В вашем личном деле... — Парртс вдруг запнулся, у него отвисла челюсть. — Сэр, в вашем личном деле... ну да, так и есть... нет ни слова о сексе. — Он ухмыльнулся и протянул Зуботыку руку. — Сказать по правде, полковник, я искренне рад нашей встрече и готов служить.

Зуботык взревел, как измученный грыжей лев, и прыгнул вперед, растопырив пальцы, что заканчивались желтоватыми когтями; запах изо рта полковника напоминал ту вонь, какая исходит летом от слоновьего кладбища.

ГЛАВА 2

СПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ

— Нет! — воскликнул Парртс, тряся руками перед грудью. — Вы меня не так поняли. Вы мне нравитесь, сэр. Я рад служить под вашим началом. Я все сейчас объясню.

Озадаченный, сбитый с толку полковник Зуботык заколебался. Он впервые в жизни услышал, что кому-то нравится.

Поразмыслив, он фыркнул, сунул руку в карман, извлек оттуда мини-гранату, выдернул чеку и запихнул гранату в голенище сапога рядового.

— На объяснение у тебя одна минута. Если ты не сумеешь внятно объяснить что к чему, останешься без ноги, после чего я когтями раздеру тебе живот, выну твои кишки и обмотаю их вокруг твоей шеи.

— Слушаюсь, сэр. Я знаю, вы всегда держите свое слово, — произнес Парртс, на лбу которого выступил холодный пот. — Понимаете, сэр, я жил интересной жизнью, впрочем, разумеется, не такой интересной, как вы. — Он говорил все быстрее и быстрее. — Сдается мне, я обладаю весьма любопытной способностью, чем-то вроде психического излучения. Попади я в какой-нибудь университет, из меня тут же сделали бы подопытного кролика; дело в том, что я излучаю, скажем так, всепоглощающую чувственность. Другими словами, я чрезвычайно сексапильен. Сэр, умоляю, не скальте зубы, а то откусите себе нос. На первый взгляд, эта моя особенность сулит неземное блаженство, но только на первый взгляд. Если бы меня находили привлекательным лишь молоденькие девушки, я бы, наверно, не желал иной доли, но вся беда в том, что проблема куда сложнее. Меня любят все — и люди, и животные. Стоит мне показаться на улице, как к моим ногам буквально прилипают бродячие собаки. Видели бы вы, сэр, на что тогда становятся похожи мою брюки!.. Правильно, сэр, я не должен отвлекаться. Я не могу ездить верхом, потому что у всякой лошади только одно на уме. Окажись я на ферме, через десять секунд меня можно было бы отпевать. Понимаете? Самый дряхлый старик на свете, самый симпатичный ребенок — всем нужно одно и то же. Скажу откровенно, сэр, это не жизнь, а сущий ад. Вы, конечно, можете посмеяться, но двадцать лет подряд испытывать такое на своей шкуре... Знаете, это почти то же самое, что работать на шоколадной фабрике и ни разу не попробовать ничего вкусенького. Хотите поцеловать меня, сэр?

Зуботык яростно взревел, столь широко разинув рот, что стали видны как миндалины, так и не успевшие перевариться остатки пищи в желудке.

— Теперь вы понимаете, к чему я клоню, сэр? Вы — единственный из всех мужчин, женщин, зверей, птиц и насекомых, кому я не внушаю симпатии. Потому-то я рад служить под ва-

шим началом. Что прикажете, сэр? Может, мне выпороть вас? Или наоборот?

Полковник задумался. Между тем в сапоге Парртса продолжал отсчитывать секунды часовой механизм. Наконец Зуботык очнулся, подцепил гранату длинным когтем, под которым накопилось изрядно грязи, и швырнул ее в сторону. Она взорвалась, ударившись о торговый автомат, из которого, пенясь и пузырясь, хлынули на пол струи разнообразных горячительных напитков.

— Так-так, — пробормотал полковник. — Добровольцев на такое дело обычно не сыщешь. Зато какое удовольствие пороть истинного мазохиста, который будет смеяться, даже когда мясо начнет отслаиваться от костей! Ты, случайно, не криптомазохист?

— Никак нет, сэр, но я готов постараться...

— Не пойдет!

— Не страшно, сэр. Из меня выйдет отличный денщик, — сообщил Парртс с самой обольстительной улыбкой, на какую был способен. — Я смою с ваших башмаков кровь, наточу стальные шипы на мысках, буду следить за тем, чтобы свинец всегда был расплавленным, а колючая проволока ржавой...

— Аргг! — прорычал полковник и двинулся прочь.

Безмерно довольный, Парртс усмехнулся, закинул на плечо вещмешок и, насвистывая, отправился на поиски казармы.

Так началась счастливейшая пора его жизни. Работы было всего ничего, база являлась полностью автоматизированной. Парртс с превеликой охотой возобновил свои исторические штудии, днями напролет просиживал в библиотеке. Когда глаза уставали от чтения, он выходил на свежий воздух. Разумеется, личному составу запрещалось покидать базу; как-то на досуге Парртс без труда отключил внутреннюю сигнализацию и проделал боевым лазером отверстие в железобетонной ограде. Снаружи было прохладно, что, впрочем, весьма способствовало проветриванию мозгов.

База располагалась на горе, верхушку которой специально срезали так, что получилась ровная и просторная площадка. Рядом высились другие горы, их вершины венчали снежные шапки; из неразличимых сверху долин поднимались клубы тумана. Местных форм жизни не наблюдалось. Поскольку на горе частенько выпадал снег, Парртс, выходя на прогулку, обыч-

но лепил снеговика с пулями вместо глаз и гранатой вместо носа, после чего, радостный и румяный, возвращался к своим книгам. С полковником, который сиднем сидел в своих апартаментах, строя кровожадные планы, он почти не виделся. Правда, время от времени Зуботык вызывал Парртса к себе и излагал ему очередную задумку, однако рядовой добросовестно соглашался со всеми предложениями офицера, что изрядно портило тому настроение. В итоге полковник пристрастился к вину и стал раз за разом напиваться в личной камере пыток, где перебирал инструменты и улыбался, припоминая то, о чем рассказывали бурые пятна крови на стенах и на полу.

К сожалению, у ворот каждого Эдема постоянно отирается свой змей. На базу снова и снова прибывали звездолеты, большие и малые; едва заслышав рев двигателей, Парртс прятался и не выходил из укрытия, пока корабль не улетал. Однажды он заметил роскошную женщину, которая пилотировала разведывательный звездолет, и решил, что как-нибудь разыщет ее и заключит в объятия. Как-нибудь, но не теперь.

И вот змей постучался в ворота. В атмосферу Околесицы вошел транспорт, от которого отделилась посадочная капсула. Когда она приземлилась, из нее выбрался пассажир — худой, невзрачный на вид мужчина, седобородый, со множеством прыщей на лице. Пересчитав ящики с оборудованием, мужчина влез обратно в капсулу и включил терминал видеосвязи.

— Профессор Шлек вызывает командира базы. Немедленно сюда.

Полковник Зуботык, который возился с дыбой, втыкая в нее осколки разбитого стекла, с отвращением покосился на экран, а затем вызвал своего помощника.

— Жду ваших распоряжений, сэр, — отрапортовал Парртс.

— Рядовой Парртс, отправляйся на космодром и выясни, что нужно этому недоумку! Прежде всего уточни, насколько он важная птица. Если окажется, что его важность меньше тринадцати единиц, засади мерзавца в тюрьму, а вечером мы повеселимся. Начальство никогда не разыскивает тех, кто не слишком важен. Пошел!

Парртс отложил в сторону «Историю королевских союзов и вероломств с тринадцатого по двадцать второй век» и поспешил исполнить приказ. Профессор Шлек встретил его свирепым взглядом, но стоило рядовому приблизиться, как глаза Шлека

расширились и он судорожно слотнул. Парртс мгновенно распознал симптомы, а потому остановился на безопасном состоянии.

— Чем могу служить, сэр? — спросил он. — Да, предъявите, пожалуйста, документы. Приказ командира. — Получив требуемое, он перелистал страницы. Категория «три-Б». Жаль, полковник наверняка расстроится. Но тут уж не до шуток. Продолжая изучать документы, Парртс краем глаза следил за профессором, который копался в своих ящиках. Улучив момент, Парртс зашептал в микрофон, что висел у него на воротничке. Ответом ему был рык полковника и звонкий щелчок, с которым тот прервал контакт.

— У меня правительственное задание, — заявил профессор Шлек откуда-то из-за горы ящиков. — Служба планетарной разведки поручила мне обследовать Околесицу, поскольку ваша планета до сих пор остается практически неисследованной. Я должен управиться за одни сутки, ибо завтра за мной придет корабль; так что мне надо поторопиться. С вашей помощью или без, я все равно справлюсь! Учти, рядовой: если вздумашь мне помешать, я разберусь с тобой по-свойски; а если поможешь, я, глядишь, окажу тебе какую-нибудь услугу. Я, конечно, тороплюсь, но не настолько...

Шлек выбрался из-за ящиков и встал перед Парртсом, покачиваясь на высоких каблуках. Он переоделся в чрезвычайно сексуальное черное платье с глубоким вырезом, откуда виднелись накладные груди, напялил огненно-рыжий парик и нарисовал губы помадой, причем, изнывая, по-видимому, от желания, размазал ту едва ли не по всей физиономии. — Нам нужно спешить, но мы, милый ты мой рядовушка, запросто успеем поцеловаться и даже...

Кулак Парртса врезался в стеклянную челюсть профессора, и Шлек опрокинулся на спину.

— Негодяй! — возопил Шлек, потом прибавил сквозь зубы: — Ты мне за это заплатишь!

— Никак нет! — отозвался Парртс. — Наше свидание записывается на пленку. Мы вырежем все, что произошло после того, как вы упали, и распустим слух, что я нечаянно убил вас ударом кулака. На самом же деле вы погибнете иначе, поскольку я передам вас с рук на руки полковнику Зуботыку, командиру базы.

Шлек пронзительно взвизгнул и принялся срывать с себя платье. Оставшись в усеянном блестками суспензории, он смахнул слезу и облачился в мундир. Парртс наблюдал за происходящим без малейшего интереса, поскольку подобная процедура была ему далеко не в новинку. Покончив с переодеванием, Шлек взялся за работу, и через несколько минут стало очевидно, что с наладкой оборудования помощи профессору не требуется. Должно быть, разговоры о помощи служили лишь предлогом для приставания. Об инциденте не упоминалось ни словом, однако Парртс все же не спускал со Шлека глаз и на всякий случай не разжимал кулака. Профессор, впрочем, не обращал на рядового никакого внимания.

В самом крупном из ящиков оказался полностью готовый к запуску разведывательный спутник. Шлек сверился с выкладками относительно параметров атмосферы, пробормотал что-то себе под нос и ввел данные в компьютер спутника. Теперь мозг робота должен был действовать самостоятельно. Шлек хлопнул крышку блока управления, взял пульт и отошел от ящика на добрую сотню метров. Весьма заинтригованный, Парртс последовал его примеру.

— Если будешь ласков со мной, я позволю тебе нажать кнопку запуска. Это очень интересно... — Шлек не закончил фразы, испугавшись рычания, которое вырвалось из глотки Парртса, и нажал кнопку сам.

Раздался оглушительный грохот, ракета вынырнула из клубов дыма и устремилась в небо. Профессор поглядел на контрольный экран и довольно кивнул.

— Что значит автоматика! А в старину приходилось программировать каждый метр полета. Сейчас наша ракетка уже на орбите, чуть выше атмосферы, движется в направлении, которое совпадает с направлением вращения планеты, и трудится всюю. Так-так, инфракрасное и ультрафиолетовое излучение, магнитный анализ и анализ на волнах Ксилбы, который позволяет определить залежи минералов на глубине до трех километров; сведения о температуре на поверхности, об испарении воды и... А-а-а! Ты сломал мне запястье. Я же еле дотронулся до тебя!

— Может, хотите перекусить? Или прислать полковника?

— Еда! Замечательные армейские рационы! Жаркое из переработанной собачатины! Питательный хлеб из опилок! Рядовой, ты гений!

Похоже, при упоминании о Зуботыке шарики в голове профессора со страху закатились за ролики. Парртс не стал разубе-

ждать Шлека, решив, что раз тот алчет солдатской пищи, так тому и быть, хотя сам давно уже утолял голод исключительно теми продуктами, которые предназначались офицерам, и грезил сейчас о фазане и жареной кабанятине.

Спутник завершил разведку ближе к полуночи. К тому времени профессор Шлек весь посинел и дрожал от холода. Парртс даже проникся к нему чем-то вроде сочувствия. Спутник провел по радиомаяку коррекцию орбиты, отстрелил вспомогательные ракеты — в небе на мгновение сверкнули алые огоньки, — выбросил парашют и несколько секунд спустя совершил посадку. Он упал на бок; нагретый при спуске металл тихонько потрескивал. Шлек осторожно открыл крышку и извлек из особого отделения кассеты с пленкой.

— В-в-внутри, — пробормотал он. — Ос-с-стальное ут-тром.

Парртс прихватил анализатор и двинулся следом за продрогшим профессором. Очугившись в тепле и согревшись пинтой эрзац-кофе, Шлек оттаял настолько, что сумел вставить одну из кассет в анализатор. Тот радостно загудел, на шкалах запрыгали стрелки, на экранах замерцали цифры.

— Обычная дребедень, — проговорил Шлек. — Железо... нам вполне хватает того, которое добывается в поясе астероидов. Золото... Его полным-полно на обессоленных планетах. Сера, медь, уран — слишком мало, чтобы стоило связываться, — свинец, лорций... Лорций! — Он подскочил к анализатору, принялся нажимать кнопки, затем схватил распечатку. — Точно! И какое богатое месторождение! Я получу премию первооткрывателя и наконец-то смогу отвалить! Ура!

— А что такое лорций? — поинтересовался Парртс.

— Ну, разумеется, что может знать о лорции остолоп вроде тебя! Это редчайший из трансплутониевых элементов. Он используется в силовых установках линкоров и дредноутов. Без него была бы невозможна всякая война.

— Сообщите, что ничего не нашли, и тогда, может статься, война закончится.

— Ты что, совсем спятил? Если война кончится, меня выгонят взащей и мне придется перебиваться с хлеба на воду. Кроме того, у пленки имеется дубликат, который находится внутри спутника. Нам с тобой доверяют одинаково.

— То есть не доверяют вообще?

— Вот именно. А теперь иди отсюда, я хочу напиться и лечь в постельку с моей резиновой куколкой. Встаем на рассвете, чтобы получше изучить местность.

Утро выдалось холодным и туманным. Парртсу, который глядел на жилистую шею Шлека, почему-то казалось, что открытие профессора перевернет его жизнь, и он вдруг подумал, а не отвести ли Шлека к полковнику и не приказать ли роботам сбросить с обрыва все профессорское оборудование? Нет, так не годится. Исчезновение Шлека наверняка не пройдет незамеченным, и на Околесицу пришлют нового исследователя.

Парртс мрачно посмотрел вслед стартовавшей ракете. Та должна была пролететь над месторождением лорция, сделать фотографии, сесть, пробурить скважину и взять образец породы.

Менее чем через два часа ракета вернулась. Шлек дрожащими от волнения руками достал образец, ткнул в него пальцем, попробовал на зуб и довольно кивнул.

— Богатая, богатая жила! — выдохнул он. — И открыл ее не кто-нибудь, а я! Ну-ка, рядовой, прикажи роботам грузить мое оборудование.

Профессор настолько разволновался, что даже не попытался пристать к Парртсу, что для последнего стало единственной радостью за целый день.

Армейское начальство, как всегда, за исключением тех случаев, когда требовалось выплатить жалованье или выдать пищевые рационы и снаряжение, действовало быстро и решительно. Приказы, инструкции и запросы буквально избороздили межзвездное пространство; Парртс не мог ни на секунду отлучиться из радиорубки. Полковник Зуботык, внимательно наблюдавший за происходящим, внезапно проявил признаки взволнованности.

— Лорций — опасная штука, — изрек он. — Радиоактивный элемент. Значит, добывать его будут преступники...

— Из числа которых мы без труда сможем подобрать парутройку жертв, — докончил Парртс.

Полковник издал диковинный свистящий звук, который, как убедился Парртс, означал, что Зуботык заливается смехом.

— Пойду смажу дыбу и наточу шипы на «железной деве», — произнес полковник и удалился.

Последнее сообщение гласило: «ПУК прибудет в течение двадцати часов».

— Какой такой ПУК? — удивился Парртс.

Поскольку в рубке он был один, ответа, естественно, не последовало.

ГЛАВА 3

ПОЯВЛЕНИЕ ПУКА

— Знаете, полковник, здоровее транспорта я еще не видел.

— Заткнись, а то выпорю!

— Так точно, сэр. Какой принести кнут?

— Арррх! — прорычал полковник, ударил себя в живот и снова издал тот же звук, на сей раз — погромче.

Под мундиром он носил моток колючей проволоки, по которой ударял, когда был не в настроении, поскольку должен был мучить хоть кого-то.

Транспорт оказался сверкающим металлическим цилиндром размером с линкор. Его приводили в движение восемь буксиров, двигатели которых работали сейчас на полную мощность, сопротивляясь могучему притяжению Околесицы. Транспорт опускался все медленнее и наконец коснулся поверхности планеты, раздавив мимоходом половину одного из складов базы.

Со щелчком отсоединились магнитные захваты; семь буксиров рванулись ввысь и в мгновение ока исчезли из вида. Восьмой же приземлился на площадку. В борту буксира открылся люк, из которого вышел человек. Полковник Зуботык устремил на него горящий взор, который сулил вновь прибывшему муки похлестче адских.

— Ты ПУК? — справился полковник.

— Нет, — отозвался человек. Он остановился шагах в трех от встречающих, прижал к груди портфель и с подозрением поглядел на Зуботыка. — Я капитан Фриг. ПУК вон там.

— Пошли выпьем, — предложил полковник, — и ты мне все расскажешь.

— Да вы что, рехнулись? Полковник, мне прекрасно известна ваша репутация. — Фриг достал из портфеля папку с документами. — Вы должны расписаться здесь, здесь и здесь. Ну что приняли ПУКа.

— Мы не распишемся до тех пор, пока я не увижу собственными глазами, что за чертовщину ты мне приволок.

— Как хотите, — фыркнул Фриг и тут заметил Парртса; он широко раскрыл глаза, раздул ноздри. — Эй, привет...

— Давай шагай, олух, — перебил Парртс, — не то будешь писать таким голосочком до конца жизни.

Отвергнутый, оскорбленный в лучших чувствах, капитан приблизился к транспорту, откинул щеколду люка в борту ко-

рабля, сунул руку внутрь, нажал какую-то кнопку и на площадку с грохотом обрушился массивный пандус.

— ПУК! Выходи, малыш! — позвал Фриг и пронзительно свистнул.

Из темного нутра транспорта донесся громоподобный рев, затем послышался лязг металла. Рев становился все громче, и вот показался ПУК. Земля задрожала. ПУК соскочил с пандуса и остановился, подняв вокруг себя тучу пыли и щебня, — неподвижный, готовый исполнить любой приказ, пыхтящий, как охотничий пес размером с локомотив.

— Что за черт? — ровным голосом справился полковник, разглядывая бесчисленные винты, шестеренки, шарниры, приводные ремни, ведра, буры, прожектора, поршни, насосы, лазеры и прочий вздор.

— ПУК расшифровывается как Правительственный путеуладчик. Этот сукин сын не имеет себе равных в прокладке железнодорожных путей, а наблюдать за его работой — истинное наслаждение, — заявил Фриг

ПУК развернул в его сторону микрофон и телескопический «глаз», пыхтение заметно усилилось. Где-то в вышине раздался свист. Капитан любовно пнул пыхтящую машину.

— Полностью автоматизирован. ПУК не просто робот; интеллектуальный коэффициент у него наверняка выше, чем у вас двоих, ребята, вместе взятых.

Свист повторился. Полковник с рычанием шагнул вперед, занося для удара свой ужасный хлыст. ПУК плюнул в Зуботыка сжатым воздухом: полковника развернуло и швырнуло наземь.

— ПУК знает, кто ему друг, а кто нет, — с улыбкой заметил Фриг.

Он протянул Зуботыку папку с документами. Тот выругался, но поставил свою подпись.

— Так-то лучше. Прежде чем я улечу, мне надо утрясти с вами один вопросик. Вот фотография предполагаемого месторождения лорция. По всей видимости, оно находится поблизости от Северного полюса этой жалкой планетки, постоянно покрыто снегом и выглядит, полковник, столь же привлекательно, как вы. Кстати говоря, у вашего помощника физиономия ничуть не симпатичнее. ПУК готов взяться за работу, как только получит соответствующий сигнал. Он построит железную дорогу отсюда до самого месторождения, координаты которого заложены в его память. По окончании строительства он извес-

тит буксиры, которые приземлятся вместе с транспортом, и ПУК погрузится на борт. Вы еще не запутались, охламоны?

Полковник вскочил и ринулся на Фрига. Парртс следовал за ним по пятам. Однако не успели они сделать и двух шагов, как в камень перед ними вонзилась искусственная молния, испепелив тот в долю секунды. Нахальный капитан улыбнулся, достал сигару и прикурил от второй молнии.

— Молодцы, ребята, быстро соображаете. Итак, ПУК знает, где находится сейчас и куда ему надлежит попасть. Ответьте-ка мне на такой вопрос. Надеюсь, у вас хватит на это мозгов. Тот остолоп, который производил планетарную разведку, не удосужился изучить поверхность планеты, поэтому нам неизвестно, населена Околесица или нет. Разумеется, вы двое не в счет. Если ПУК натолкнется на аборигенов, он обойдет их поселения стороной по причинам, которые должны быть понятны даже вам. Что касается джунглей, ледников, снежных заносов, змей и всего прочего, он будет пробиваться напрямик через них. Ну, каков ваш ответ?

— Никого тут нет, — пробурчал полковник. — А теперь вон с моей планеты!

— Я однажды видел птичку, — сообщил Парртс. — Но с горы мы ни разу не спускались, так что кто его знает, что там, внизу. По-моему...

— Заткнись! — посоветовал Зуботык. — Займись лучше делом и вали отсюда, пока я добренький.

— Замечательно! — Капитан Фриг убрал в портфель папку с документами, подошел к ПУКу, похлопал того по усеянному заклепками боку, а затем ухватился за большую красную рукоятку. Слева от той было написано «Ненаселенная», справа — «Населенная». Потянув обеими руками, Фриг с трудом переместил рукоятку влево. На панели сверху замигали цифры, из лазерного орудия вырвался луч, который проделал дырку в низко нависших облаках. Пыхтение сделалось громче прежнего, гусеницы машины задрожали мелкой дрожью. Фриг отступил, раскрыл портфель, достал оттуда кость, как следует размахнулся и швырнул ее в направлении края плато.

— Ату, малыш! — крикнул он.

Зазвучали свистки, взревели двигатели, завертелись шестеренки, и громадная машина рванулась вперед, прямо к обрыву, от кромки которого до земли внизу было несколько километров.

— Грохоту будет, когда она свалится! — Лицо полковника озарилось улыбкой.

Однако ПУК, как выяснилось, с ходу принялся за работу.

В воздухе завис стальной каркас, который поддерживали рычаги. ПУК едва замедлил движение на краю обрыва и смело покатился дальше по мосту, что возник между горными вершинами словно по мановению волшебной палочки. Машина непрерывно палила из лазеров, вырезая из скальных пород подпорки для путей, а за ней стелились по мосту новехонькие рельсы. Не доехав нескольких метров до края моста, ПУК вновь выстрелил из лазера и устремился в туннель, что возник в склоне соседней горы. Долю секунды спустя он пропал из виду, сверкнув на прощание лазером, причем луч чуть было не угодил в полковника с Парртсом, которые, не сговариваясь, шарахнулись в разные стороны.

Наступила тишина. На площадке чернели выжженные лазерным лучом буквы: «Да здравствует ПУК, ура!»

Полковник, издав яростный вопль, круто развернулся, но опоздал: капитан Фриг, лишившись своего защитника, благо-разумно запрыгнул в буксир и закрыл за собой люк. Залп из пушки, которая помещалась в голове мумифицированного капрала, пришелся в металлическую обшивку буксира.

Парртс облегченно вздохнул. Все прошло гораздо лучше, чем он смел надеяться. Рядовой отправился в библиотеку, а полковник, вдосталь наколотившись по мотку колючей проволоки, вернулся к себе в апартаменты и, чтобы поднять настроение, включил видеоманитофон, в котором стояла кассета с его любимым фильмом.

Однако ни тот, ни другой не были бы так довольны жизнью, если бы проследили за движением ПУКа по поверхности Околесицы. Возможно, огромная машина и была разумна, но вот здравомыслия ей явно не хватало. Пускай она прокладывала железные дороги аккуратнее кого и чего бы то ни было в Галактике, зато по умению разбираться в жизненных ситуациях не годилась и в подметки даже вечно сопливому трехлетнему мальчугану.

ПУК мчался вперед, безмерно счастливый тем, что наконец-то взялся за дело. Он преодолел горный хребет, понаделав в нем туннелей и понастроив мостов через долины рек, а затем двинулся вниз, продолжая укладывать лучший из возможных путей; миновал альпийский пояс, пересек вечные снега, пере-

несся через очередную долину, по дну которой бежал бурный поток, и углубился в утес. Вниз, вниз, под углом в двенадцать градусов. Какое-то время спустя он ощутил, что скала заканчивается, и чуть притормозил, высунув из склона нос.

Долина, плодороднее предыдущих. Ерунда, сейчас спалим деревья, чтобы не мешали, и дальше. Река — не страшно, надо только построить мост пошире на случай паводков. Все очень просто.

С победным свистом ПУК ринулся через долину и врезался в склон пологого холма. Чепуха! Чепуха!

ПУК действовал согласно приказу. Поскольку рукоятка, если можно так выразиться, населенности стояла в левом положении, мозг робота не воспринимал того, что наверняка заметило бы живое существо.

В долине, на берегу реки, располагался город. Мирные оранжевые аборигены плавали по реке в изящных лодочках, или сидели на шестах перед своими домами, играя на музыкальных инструментах в форме писсуаров, или пели что-то торжественное и скорбное на каменных ступенях храмов. И тут в эту идиллию ворвался ПУК.

Он промчался через город, проложив колею по развалинам, которые возникли на месте домов, уничтожил половину храмов, установил мостовые опоры прямо на некстати подвернувшиеся лодочки. Он стал таким демоном разрушения, который появился и исчез в мгновение ока. Его затихающим в отдалении свисткам вторили вопли ошеломленных, искалеченных аборигенов.

На Околесицу надвигалась новая эра.

ГЛАВА 4

СТАЙРИН И РАВОТЯГА

— Полковник, на связи снова адмирал Дубби. Он настаивает на личном разговоре, — сообщил Парртс.

— Пусть идет в...

— Сэр, если я передам ему ваше пожелание, я долго не проживу.

Зуботык сорвал с Парртса наушники и заблеял в микрофон такой невинной овечкой:

— Да, адмирал. Всегда рад поболтать с вами. Нет, от ПУКа с

момента последнего отчета вестей не поступало. Он докладывает каждый час и точно придерживается расписания — да, двадцать четыре раза в день. Из-за него мы никак не можем выспаться... Да, сэр, я понимаю, что вам жаль, хоть вы и говорите сквозь зубы. Так точно, сэр, мы свяжемся с вами, как только ПУК отзовется... Ах ты, гнусный ублюдок, отпрыск монгольского козла и гориллы!..

Встревоженный Парртс вскинул голову, но расслабился, увидев, что полковник отключил микрофон. Зуботык погрыз провод и произнес:

— Интересно, с какой стати Дубби так переживает за это месторождение? Лишь потому, что чем больше лорция, тем больше кораблей?

— Никак нет, сэр, ему наплевать на лорций.

— Рядовой Парртс, сегодня никаких загадок!

— Сэр, может, вам не стоит спать в вашем кнопочном гамаке?..

— Побереги советы для своей бабушки! Что там насчет адмирала?

— Я слышал, что он помешан на железных дорогах. ПУКа изготовили именно с его подачи. Это он дал распоряжение построить дорогу на Околесице, несмотря на возражения технического советника, который теперь...

— Подать его сюда!

— Я как раз проворачиваю это дельце, сэр. Хотел сделать вам сюрприз. Кстати, на нашей планете в избытке такие места, которые как нельзя лучше подходят для строительства фабрики по переработке лорция и космодрома, чем та гора, на которой мы с вами стоим. Но адмирал не желает ничего слушать. Ему нужна железная дорога, а потому...

— Говорит ПУК. Прием, прием, — раздался из динамика механический голос.

Парртс уменьшил громкость и взял в руки микрофон.

— Прием, ПУК. Мы тебя слышим.

— С момента последнего доклада проложено тринадцать километров пути. Я нахожусь под ледяной шапкой, пробиваюсь сквозь скалу. Скорость продвижения уменьшилась.

— Ты можешь сообщить нам точные данные по месторождению?

— Нет. Слишком много факторов, которые не поддаются уточнению. Оценка приблизительная.

— Слушай, ты, куча металлолома, чтоб тебя разнесло в клочья или завалило камнями! К нам пристаёт адмирал Дубби...

— Это другое дело. Передайте адмиралу мои наилучшие пожелания и сообщите, что его железная дорога будет проложена до конечного пункта за семьдесят восемь часов, даже если у меня сгорят все предохранители.

— Впервые в жизни встречаюсь с роботом-подхалимом, — пробурчал полковник. — Свяжись с Дубби и дай ему отчет...

Адмирал преисполнился такого восторга, что у Парртса, когда он отключил передатчик, был несколько ошарашенный вид.

— Он прилетает сюда, — выдал Парртс, устремив на полковника невидящий взгляд.

— Ну и что?

— Он сейчас на орбите. Посадка через пять минут.

— Что?! — Взгляд полковника приобрел то же отсутствующее выражение. — Так, надо запечатать камеру пыток, найти парадный мундир, поставить в комнату для гостей кровать с золотым балдахином, отполировать роботов из почетного караула... Пять минут! Шевелись, Парртс!

Когда они завершили все приготовления, выяснилось, что до посадки адмиральского корабля остается тринадцать секунд. Полковник и Парртс, а также шеренга сверкающих роботов с винтовками вытянулись в струнку, едва из облаков показался массивный корпус линкора «Невыносимый». В то самое мгновение, когда в борту звездолета открылся люк, Парртс нажал на кнопку на лампасе, и над космодромом зазвучала музыка — адмиральская тема:

Слава Дубби, что врагов
Колотить всегда готов!
Вечно бдит, не устает,
Службу весело несет.
Первый в мире и в бою,
Свято честь хранит свою.

Гимн продолжался, в нем было много строф, столь же нелепых и лживых, как начальные. Под звуки музыки на площадку, сопровождаемый штабными офицерами, спустился адмирал.

Зуботык отдал приказ; роботы вскинули атомные винтовки и дали залп в воздух — все, кроме одного, который, будучи неисправен, снес выстрелом голову своему соседу. Грязно выругавшись, полковник процедил сквозь зубы новое распоряжение. Роботы развернулись и дружно выпалили по сломавшему-

ся автомату, в результате чего тот превратился в лужицу расплавленного металла.

— Такой же бестолковый, как всегда, а, Зуботык? — визгливо произнес адмирал.

— Добро пожаловать на Околесицу, адмирал Дубби!

— Больше поваров не свеживал?

— С ним вышла ошибка, сэр. Его сослали сюда...

— Ну и что, что сослали? Разве это причина, чтобы сделать из него дюжину абажуров? Какой был повар! Таких теперь не найдешь. Кстати, надень-ка повязку на свой стеклянный глаз. Двух тебе слишком много.

— Как прикажете, сэр.

— Вот именно, полковник, вот именно. Ну, как там моя дорога? — При мысли о железной дороге адмирал расцвел в улыбке. Надо признать, выглядел он довольно симпатично для такого седовласого низкорослого человечка с морщинистым личиком и бегающими глазками. Широкоплечий, подтянутый — правда, чувствовалось, что мундир ему маловат. Он чуть ли не бегом направился к колее, что пересекала плато и скрывалась в туннеле на той стороне моста. — Ну не прелесть ли? Лейтенант Фом, деточка, вы только посмотрите!

Лейтенант Фом, растолкав адъютантов, прихвостней и лакеев, выбралась из толпы и присоединилась к адмиралу. Парртс, стоя по стойке смирно, проводил ее взглядом, и так же поступили все остальные мужчины, словно кто-то дернул за невидимую веревочку. И, между прочим, в том не было ничего удивительного.

Лейтенант Фом напоминала сложением самый изящный крейсер космофлота. Она не шла, а величаво ступала, изящно переставляя стройные ножки, покрытые по последней моде краской, которая заменяла одежду. Каждый шаг приводил в движение две аппетитные округлости, что вздымались над бедрами. Волосы, груди, губы, носик — все повергало мужчин в сладостное изумление.

Над площадкой пронесся странный звук, нечто вроде шороха с причмокиванием, — это все присутствующие плотоядно облизнулись. А затем прозвучал вырвавшийся из множества глоток стон: адмирал Дубби, объясняя девушке, для чего предназначается колея, ушипнул лейтенанта Фом за ягодицу.

Невероятно, но факт: Парртс испытывал те же чувства, что и прочие мужчины, и был тому несказанно рад. Неожиданный

подарок судьбы — ссылка на Околесицу, где никто, почти никто, не набивался ему в любовники — пробудил в нем давно забытые желания. Парртс наслаждался новизной ощущений до тех пор, пока не заметил, что к нему подкрадывается толстобрюхий офицер, глаза которого блестят нехорошим блеском. Даже расстроился, причем так сильно, что лишь криво усмехнулся, когда офицер словно переломился пополам, получив коленом в пах... Все-таки жизнь — подлая штука.

— Ну ладно, хватит пялиться на лейтенанта. Займитесь разгрузкой!

Адъютанты кинулись выполнять приказ командира. Парртс переступил через искусителя, который лежал на площадке, и повел прочь уцелевших роботов. Офицер, что елозил по земле, попался на глаза полковнику Зуботыку. Тот воровато огляделся по сторонам, убедился, что на него никто не смотрит, поднял офицера, сунул под мышку и устремился прочь. Слабый вопль тут же заглох. Судя по всему, к тому времени, когда офицера хватятся, если хватятся вообще, с ним наверняка произойдет нечто ужасное.

Высоко в борту «Невыносимого» открылся грузовой люк, из которого показался пандус. Парртс с любопытством наблюдал за тем, как пандус медленно опускается на площадку, и тут перед ним остановился некто.

Лейтенант Фом! Глаза рядового широко раскрылись. Девушка смотрела на него в упор, ее длинные ресницы напоминали две темные вуали. Изящные ноздри слегка раздувались, кончик алого язычка то и дело касался еще более алых губ.

— Меня зовут Стайрин, — проговорила девушка хрипловатым, чувственным голосом. — А как твое имя, красавчик?

— Рядовой Парртс, мэ.м.

— Да, они у меня есть, надеюсь, тебя природа ими тоже не обделила¹. Мне нравится твоя смелость. Взгляни-ка сюда.

Она медленно расстегнула китель, и Парртс увидел две розовые грудки, округлые, с набухшими сосками: ни дать ни взять два дирижабля в одном ангаре.

— Ныряй, — пригласила Стайрин.

¹ Автор обыгрывает юмористический эффект имен. Styreen Foam означает «полистирольная пена», пенопласт — намек на пышность форм героини; private Parrrts — «рядовой Парртс» практически неотличимо на слух от выражения private parts, то есть «интимные места». — *Прим. ред.*

Парртс сложил руки лодочкой и шагнул вперед, словно и впрямь готовился нырнуть под китель лейтенанта.

— Фом, перестаньте соблазнять солдат и идите сюда!

Голос адмирала походил на визг циркулярной пилы. Дирижабли спрятались обратно в ангар, дверь тут же захлопнулась. Стайрин, покачивая бедрами, пошла к Дубби. Парртс моргнул и помотал головой.

Неужели это случилось? Неужели он наконец разделил чье-то чувство? Ну да, так и есть. Здорово! Выходит, вот чего ему не хватало столько лет!

— Эй, солдат! Ты, ты, с разинутым ртом! Хватайся-ка за веревку. Я не хочу, чтобы из-за тебя что-нибудь случилось.

В голосе адмирала отчетливо прозвучали командирские нотки. Парртс, не раздумывая, схватился за веревку, что болталась поблизости; только потом он догадался поднять голову — и разинул рот шире прежнего.

— Красавец, правда? — произнес адмирал. Эти слова относились к гочной копии паровоза «Юнион Пасифик 4-8-8-4», самого крупного из локомотивов той эпохи. Разумеется, в копию внесли кое-какие улучшения — в частности, установили атомный двигатель, однако в машине все же применялся и пар — для подачи звукового сигнала. Адмирал продолжал исторгать восторженные эпитеты, говоря главным образом для себя, поскольку обожал слушать собственный голос. Однако Парртсу быстро надоело слушать.

Рядовой дернул за веревку, прервав адмирала на полуслове.

— Так, — произнес Дубби, — что мы тут имеем? Какой славный паренек, а? Ах ты, мой милый!

Он ущипнул Парртса за ягодицу, которая была вся в шрамах от ласк былых ухажеров. В этот миг на глаза адмиралу вновь попался паровоз. Чувствовалось, что Дубби разрывается на части. В итоге адмирал поступил по-адмиральски: отверг оба искушения разом.

— Подойди к начальнику моего штаба и скажи, что я назначил тебя своим помощником. Я буду машинистом, а ты — кочегаром. Хорошо придумано, а?

— Сэр, я приписан к базе полковника Зуботыка.

— Ты только что получил новое назначение. И потом, Зуботыку не до тебя, он занят моим казначеем Бабкисом. Уверен, он не скоро про тебя вспомнит, а что касается Бабкиса, туда ему и дорога. Мой мальчик, нас ожидают грандиозные при-

ключения! Мы с тобой поведем по этим замечательным рельсам первый поезд на Околесице! Ты только представь себе!

Парртс представил... лейтенанта Фом, и глаза его зажглись почти тем же самым светом, какой сверкал в глазах адмирала.

— Согласен, сэръ. Прикажете бежать за вещами?

ГЛАВА 5

РАЗНЫЕ ВСТРЕЧИ

Поезд выглядел несколько необычно, впрочем, необычно — это слабо сказано. Паровоз принадлежал к поколению могучих работяг, что трудились на компанию «Юнион Пасифик»; для пущей важности его позолотили, а атомный двигатель, который был на нем установлен, развивал мощность, достаточную для того, чтобы протащить через болотистую равнину внушительных размеров морское судно. За паровозом следовал тендер, а далее тянулась вереница пульмановских вагонов, скопированных один к одному с тех, в которых ездили когда-то президенты и главари мафии. Вагон-ресторан, вагон-кухня, вагон-салон с прозрачной крышей, служебный вагон, вагоны-рефрижераторы...

Парртс не скрывал своего удивления. Он удивился еще сильнее, когда узнал от лейтенанта Фом, которая появилась перед ним в одежде служащей железной дороги, что она назначена кондуктором.

— Кондуктор из тебя шикарный, — прошептал он хрипло, нагибаясь, чтобы заглянуть в судовой журнал, что лежал в сумке, которая висела на плече Стайрин.

— А ты чудесный кочегар, — проговорила она в ответ. — Какое пламя ты зажег в моей груди!

Внезапно Парртсу стало до невозможности жарко, захотелось скинуть пилотку, сбросить с себя комбинезон... Он начал было раздеваться, но тут прозвучал паровозный гудок.

— По вагонам! — крикнула Стайрин, решив, должно быть, что служебные обязанности важнее утех Купидона. — По вагонам!

Она дунула в свисток, махнула флажком. Парртс выругался и побежал к паровозу.

— Поехали! — Адмирал-машинист Дубби дернул за какой-то рычажок, и окрестности вновь огласились пронзительным гуд-

ком. — Сначала подадим назад, чтобы обеспечить надежность сцепки. О, я прочел все книги по паровозам, какие только есть на свете! Так, теперь открываем дроссельный клапан, и наша железная лошадка ожила!

«Чокнутый, — подумал Парртс, — самый настоящий псих». Хмуρο поглядел на цилиндры, из которых вырывался пар, затем уставился на трубу — из той поднимался дым, вернее, не дым, а пар, поскольку дыму взяться было неоткуда. Впрочем, какая разница? Главное, чтобы ему удалось сойтись поближе с лейтенантом Фом. Стайрин! Стайрин!..

Под хриплые гудки, стук колес и скрип пружин поезд пересек плато, прокатился по мосту и исчез в черном зеве туннеля.

— Старый добрый ПУК просто молодец, — произнес с усмешкой Дубби, когда состав миновал очередной мост и влетел в следующий туннель.

В общем и целом путешествие начало приобретать в глазах Парртса известную привлекательность. Он где-то даже восхищался столь архаичным способом передвижения — особенно когда на какое-то время забывал о роскошных формах Стайрин Фом. Чем ниже опускался поезд, тем становилось теплее; залитые солнечным светом долины изобиловали разнообразной растительностью. После самого длинного из всех туннелей, сквозь которые они проезжали до сих пор, местность стала ровнее, и поезд наконец-то вырвался на поверхность Околесицы, оставив позади горный хребет.

Вдруг адмирал выпучил глаза, словно пытался изобразить из себя бородавочника, и схватился за грудь, как если бы с ним случился сердечный приступ.

— Что такое? — пробормотал он и, судорожно сглотнув, прибавил: — Что здесь происходит?

Ответ на адмиральский вопрос представлялся совершенно однозначным. Из разрушенного города навстречу составу бежали аборигены, а с развалин храмов доносились призывные возгласы жрецов.

— Назад! — воскликнул Парртс. — Задний ход! Сэр, надо уносить ноги!

— Никогда! — прорычал Дубби. — Мы не нарушим расписания. Почта будет доставлена в срок!

Адмирал прибавил скорость.

— Да вы спятили! — взвыл Парртс. — Какое расписание? Какая почта?

Его причитания не возымели успеха: Дубби не желал ничего слышать, поскольку, похоже, и впрямь сошел с ума; судя по всему, адмирал страдал ярко выраженной манией величия.

Окутанный клубами пара, издавая непрерывные гудки, паровоз, за которым, естественно, следовали вагоны, устремился вперед. По всей видимости, катастрофы было не избежать.

Впрочем, вскоре выяснилось, что Парртс несколько преувеличивал опасность. Аборигены отличались некоторой хрупкостью сложения, их копья были не слишком остры; вдобавок им, как ни странно, не пришло в голову разобрать пути, что лишний раз доказывало ущербность сознания инопланетян по сравнению с человеческим.

Состав, все убыстряя ход, промчался через уничтоженный город под градом копий и грязных ругательств. Пассажиры прильнули к окнам вагонов, с ужасом наблюдая за тем, что творилось снаружи. В следующее мгновение поезд очутился за пределами инопланетного города и покатил дальше по долине.

Населенных пунктов больше не попадалось, если не считать возникавших порой руин на тех местах, где когда-то стояли фермы, однако адмирал, по-видимому, решил не рисковать: он вел состав на максимальной скорости.

Показалась широкая река, через которую был переброшен мост, напоминавший очертаниями лондонский Тауэр-Бридж. Только теперь, оказавшись на значительном расстоянии от разгневанных аборигенов, Дубби нажал на тормоз. Поезд остановился.

Адмирал кинулся в свой личный вагон, чтобы посоветоваться с врачом. Тот прописал Дубби замену крови и настройку метаболизма, а лейтенант Фом поднесла адмиралу стакан антарес-сианского грога со льдом. Дубби стиснул стакан дрожащими руками, запрокинул голову и залпом проглотил половину огненной жидкости.

— Парртс, — выдавил он, — что все это значит?

— Аборигены, адмирал. По-моему, им не понравилось, как ПУК обошелся с их городом.

— Пораскинъ-ка своим швивеньким умишком и попытайся объяснить мне, с какой стати ПУК поступил подобным образом.

— Слушаюсь, сэр. ПУКу сообщили, что Околесица необитаема, несмотря на мое предложение провести сначала разведку, — отрапортовал Парртс. Он прослужил в армии достаточно долго для того, чтобы усвоить великий жизненный принцип:

главное — собственная шкура, а товарищ пусть заботится о себе сам. — Полковник и профессор Шлек высмеяли меня, хотя я, сэр, старался убедить их изо всех сил.

— Я не верю ни единому слову! Вы все трое пойдете под трибунал и будете расстреляны из атомной пушки! Но первым делом нам необходимо выбраться отсюда. Пожалуй, дам-ка я задний ход.

— Не глупи, дружок. — Стайрин пощекотал адмирала под подбородком, чтобы поднять боевой дух. — Знаешь, я была в хвостовом вагоне и заметила, что аборигены наконец взялись за ум и стали разбирать колею.

— Вот как? Ах ты, бесеночек мой ласковый! — пробурчал Дубби и шлепнул девушку по руке. — Не распускай рук, пока мы не выпутаемся; мне сейчас не до того. Вызови по рации пару линкоров. Я хочу домой!

— Ничего не получится, сэр, — возразил Парртс, намеренно приводя самые простые доводы. — Мы не захватили с собой рации, чтобы не нарушать очарования эпохи.

— Что-что? Какой идиот сморозил этакую глупость?

— Вы, сэр. Вы сказали, что раз на настоящих паровозах раций не было, то и нам она ни к чему.

— Выходит, ошибся, но ни за что этого не признаю! Во всем виноват ты, Парртс! Тебя казнят, как только мы выберемся из лужи, в которую ты нас посадил. Что же нам делать?

— Можно ехать дальше. Выбора у нас все равно нет. К тому же на месте будущей шахты должен совершить посадку бот, который доставит проходческую технику. На нем мы и улетим.

— А иначе никак?

— Нет, сэр.

— Тогда поехали, — проговорил адмирал, сокрушенно вздохнув. — Я, пожалуй, надену парадный мундир со всеми орденами. Надо вдохновить остальных.

Он снял куртку машиниста, а заодно — накладные плечи и мускулы, без которых, тшедушный, с пивным брюхом, что нависало над ремнем, производил не слишком внушительное впечатление. Правда, плечи вернулись, когда Дубби облачился в китель. Стайрин помогла ему одеться, а оказавшись за спиной адмирала, закатила в притворном ужасе глаза, после чего устремила горящий взор на Парртса. Тому пояснений не требовалось; температура тела рядового подскочила сразу градусов на двадцать, и он стал лихорадочно прикидывать, как бы очу-

титься наедине с девушкой в самом укромном уголке и не вылезать оттуда как можно дальше.

— Если ты, Парртс, думаешь о том, в чем я тебя подозреваю, то можешь считать себя РМом, что на армейском жаргоне означает «разжалован и мертв»; впрочем, жаргон тебе, должно быть, известен.

— Сэр, я думаю о поезде, — возразил Парртс, однако возражение получилось не совсем убедительным, поскольку голос рядового сорвался на писк.

— Неужели? Это из-за поезда ты так разволновался, что запел фальцетом?

— Меня тревожат аборигены, сэр. По-моему, с ними нужно держать ухо востро. — Голос Парртса наконец-то зазвучал, как полагалось. — Так что, сэр, трогаемся?

— Нет. Тут мы более-менее в безопасности; вдобавок, вот-вот наступит ночь. Мы продолжим путь на рассвете, когда сможем различить, куда нас несет. Полагаю, мы вполне можем угодить... э-э... еще не в одну столь же любопытную переделку.

— Знаете, сэр, ваш ПУК — глупец из глупцов. Ему приказали двигаться, и он себе прет...

— Ладно, ладно, я все понял. Созовите мой штаб. Надо выставить часовых. Кстати, пришлите сюда моего повара: пусть приготовит что-нибудь этакое, чтобы я мог слегка отвлечься. Лейтенант Фом, деточка, после ужина надень платице по-прозрачнее, принеси килограммчик гащиша и пару трубочек, и мы с тобой забудем о всяких неприятностях...

Впечатление было такое, что именно слово «неприятности» накликало беду. Едва адмирал произнес его, как все началось по новой. Что-то с грохотом обрушилось на крышу вагона, затем донесся пронзительный вопль. Парртс подскочил к окну, а Дубби проворно спрятался под стол.

— Что там? — прохрипел он.

— Летучие твари, сэр, а на них отвратительные аборигены. Они пикируют на поезд, бросают...

— Бомбы?

— Никак нет, сэр. Дерьмо. Можно сказать, они нас дерьмят.

— Хватит изощряться, Парртс! С какой стати они на нас напали?

— Они прилетели с той стороны, куда ведет колея, сэр.

— Заткнись, рядовой! — предложил Дубби.

— Атака закончилась, сэр. Они улетают. Я пойду проверю повреждения.

— Иди, иди. Лейтенант Фом, крошка, налей мне того же самого.

Повреждений оказалось всего ничего, правда, состав стал смахивать на статую, что простояла в парке добрую сотню лет. Те часовые, которые во время бомбардировки дежурили снаружи, выкинули форму в реку, выкупались, и затем их накачали успокоительным, чтобы они не умерли от шока. Да, дерьмовее участи не придумаешь.

Внезапно, когда над Околесицей поднялась луна, бомбардировка возобновилась. Проснувшийся Парртс накинул плащ, вооружился зонтиком и, рискуя собственной жизнью, побежал к паровозу. Он запустил двигатель и поезд тронулся, что существенно снизило точность бомбометания; тем не менее оно продолжалось, пока состав не влетел под свод туннеля, черный зев которого за мгновение до того выхватил из темноты луч установленного на локомотиве прожектора.

Несмотря на усталость, Парртс принял душ, а затем возвратился в адмиральский вагон. Дубби, пьяный в доску, пребывал в бесчувственном состоянии. Однако перед тем, как вырубиться, адмирал запер дверь на ключ, причем вместе с ним взаперти очутилась и Стайрин. Парртс в ярости пнул дверь вагона; Стайрин, движимая теми же чувствами, последовала его примеру, только с другой стороны. Дверь устояла; тогда Стайрин отправилась спать, а Парртс вернулся в вагон-ресторан, в котором было непривычно пусто, и съел адмиральский ужин. Надо признать, вполне съедобный.

С первыми проблесками рассвета проводники в чине младших лейтенантов принялись будить заспавшихся путешественников. Самый младший по званию, помощник судомойки, вызвался провести разведку. Его забинтовали с головы до ног и вытолкали наружу. Вернувшись, он доложил, что все как будто в порядке. Адмирал, посвежевший ото сна и двух перекачек крови, открыл дроссельный клапан, и поезд покатил дальше. Могучий двигатель без труда тянул состав по равнине, покоя которой, похоже, ничто не собиралось нарушать. Сначала светило солнце, потом пошел дождь — весьма кстати, поскольку поезд нуждался в хорошем душе, — после чего с неба посыпался град, окончательно соскобливший с локомотива и вагонов следы ночного нападения. Адмирал Дубби распевал старые же-

лезнодорожные песенки весьма вдохновляющего содержания: в них то и дело упоминались взорвавшиеся котлы и ошпаренные кипятком машинисты. Допев песню, он приказал принести сандвичей с устрицами и шампанского.

— Вот это жизнь, кочегар! — воскликнул он. — Простая пища, прямая колея, на все плевать...

Колея между тем свернула в сторону, огибая холм, и взорам путников открылась узкая долина, перегороженная высокой каменной стеной.

ГЛАВА 6

ДИКОВИННЫЕ СОЮЗЫ

Адмирал истерически завопил и дернул за тормоз. Раздался оглушительный скрежет, который сопровождался заунывным воем: то скользили по рельсам колеса вагонов. Затем послышался грохот изнутри — люди попадали на пол, на них обрушились всевозможные тяжелые предметы, кому-то на ноги выплеснулся горячий суп из кастрюли... Машинист и кочегар, отчаянно желавшие превратиться вновь в адмирала и рядового, беспомощно взирали на каменную стену, которая неотвратимо приближалась. Скоро стало возможно различить отдельные камни и слой известкового раствора между ними. Ближе, ближе... Локомотив уткнулся в стену... и замер, причем послышался некий хруст.

— Сдается мне, прожектор разбился, — выговорил Парртс.

— Задний ход! — пролепетал адмирал в то самое мгновение, когда по золотому корпусу паровоза застучали стрелы.

Неожиданно высоко сверху прозвучал восторженный вопль, и по кабине забарабанили камни. Состав двинулся в обратном направлении, доехал до поворота. Погони не наблюдалось.

Очутившись в безопасности, адмирал перестал дрожать и преисполнился гнева; он осушил бутылку шампанского и швырнул ее в стену, но не добросил. Тогда Дубби разразился древними армейскими проклятиями. Тем временем из вагонов повысыпали пассажиры, все в крови и супе.

— Что нам делать? — простонал какой-то мичман.

— Расстрелять этого труса! — распорядился Дубби. — Хотя нет, подождите. Он вызвался возглавить штурм стены.

Угроза неминуемой смерти, как оказалось, заставила мозги

мичмана шевелиться вдвое быстрее обычного, и юнец предложил собственный шедевр стратегического искусства.

— Господин адмирал, вместо штурма, который я был бы счастлив возглавить, но который, возможно, не приведет к желаемому результату, предлагаю разрушить стену лазерами. Заодно мы покончим с теми, кто швырялся в нас копьями.

— Торопись, мой мальчик, времени у тебя в обрез.

— Слушаюсь, сэр. Видите ли, я отвечал за погрузку снаряжения. У нас имеются запасные рельсы и шпалы, болты, инструменты — словом, все, что нужно на случай, если дорогу размоет или завалит...

— Да уж, завалить ее завалило!

— Кроме того, сэр, у нас есть строительные лазеры. Они не такие мощные, как боевые, но запросто справятся с этой стеной.

— Хорошо. Бери лазер и пятерых из моих телохранителей и займись делом. Начиная сверху и не отступай, пока не дойдешь до низу, но смотри не расплавь колею! Нижнюю часть кладки разберем вручную. Пошел!

Мичман поспешил исполнить приказ. Операция представляла собой захватывающее зрелище. Установленный вне досягаемости вражеских стрел, лазер принялся методично уничтожать стену под вопли разъяренных аборигенов, которые подозрительно смахивали на пилотов вчерашних дерьмовозов. Телохранители отстреливали их одного за другим из своих бластеров. Поняв, что проиграли, аборигены исчезли со стены задолго до того, как от нее остался один-единственный ряд камней. Пыхтя от натуги, непривычные к столь тяжелому труду адъютанты отвалили в сторону последние валуны; обнажились рельсы, кривые, а местами расплющенные.

— Молодцы, — похвалил адмирал, который спустился на землю только после того, как патрули доложили, что в радиусе километра врагов не обнаружено. — Надо заменить колею. Ну и ну, прямо как в старые добрые времена! Никаких подручных средств. Я сделаю из вас настоящих железнодорожников!

Вскоре все убедились, что Дубби слов на ветер не бросает. Удели он делам военным хотя бы толику того рвения, с каким отдавался своему увлечению, вполне возможно, что война давным-давно бы завершилась полной и окончательной победой.

Бригада ремонтников сняла покореженные рельсы, разровняла насыпь, уложила на нее шпалы, после чего, вооружившись

громадными клещами, с ворчанием водрузила новые рельсы и затянула болты на стыковых накладках; причем все происходило под бдительным оком адмирала, хотя и без его непосредственного участия.

— Неплохо, а? — справился Дубби, потягивая прохладительный напиток в тени зонтика, и с улыбкой окинул взглядом распростертые на земле, палимые солнцем тела. — Объявляю вам благодарность. Каждый получит по кружке пива, бесплатно. Видите, какой я щедрый! Ну ладно, поехали.

Ремонтники со стопами поднялись и, передвигаясь точно зомби, заняли свои места в вагонах. Адмирал дал гудок, и поезд тронулся. Парртс мрачно глядел в окно и размышлял о том, как долго будет продолжаться это безумие.

Состав вкатился в джунгли; при каждом гудке в небо взмывали стайки крохотных летучих ящерок. Парртс следил за ними с некоторым беспокойством, ибо они подозрительно смахивали на вчерашних дерьмовозов, разве что были гораздо меньше по размерам.

К сожалению, его беспокойство оправдалось. Поезд вынырнул из джунглей на открытое пространство; куда ни посмотри, всюду виднелись поля, где трудились те же самые ящерицы — они шагали за плугами, в которые были впряжены некие гнусные зеленокожие твари. Изредка попадались хозяйственные строения. Ящерицы грозили пассажирам поезда мотыгами и лопатами, некоторые швыряли в окна комья земли.

— Шиш вам, зеленюки тупоголовые! — Адмирал злорадно усмехнулся. — Сушие дикари; каменный век, да и только! Спорю, они покраснели от зависти, когда впервые увидели наш локомотив! Им такого и не снилось.

— Насчет каменного века, сэр, это вы верно подметили. Стена, которой они перегородили долину, была как раз из камня.

— Что? Эти вот ползуны?

— Так точно, сэр. И бомбардировали нас тоже они. Их можно охарактеризовать как вилкообразных ящеровидных с зубчатой...

— Знаешь, Парртс, я, пожалуй, расстреляю тебя как шпиона. Для простого солдата ты слишком умен.

— Понимаете, сэр, я и впрямь слишком умен для простого солдата. Я ведь экзобиолог, насильно завербованный в армию благодаря злобной...

— Можно подумать, других вербуют иначе! — Адмирала яв-

но шокировала тирада Парртса. — Экзобиолог, говоришь? Ну-ка опиши мне, что там за окном.

— Деревни постепенно приобретают городской вид. Наблюдаю нечто вроде пригорода. Повозки, влекомые крокодилами, сады, в которых копошатся гномы. Рискну предположить, что скоро мы окажемся в крупной урбанистической агломерации...

— Скажи уж проще, в большом городе. Судя по тому, что мы видели по дороге, этот остолоп ПУК проложил колею прямо через него.

— Правильно, сэр. Для человека в вашем чине у вас необыкновенно острый ум. Если начнете тормозить, то мы остановимся как раз перед городом, который, похоже, расположен за следующим поворотом...

Город производил весьма внушительное впечатление — такая столица процветающего государства. Правда, эффект слегка смазывался тем, что городские улицы пересекала железнодорожная колея; как ни странно, она пребывала в целостности и сохранности. Вдобавок, путешественников явно ждали. Остановив состав на границе города, адмирал выдавил:

— Парртс, ты видишь то же, что и я?

— Так точно, сэр, если вы видите громадное здание размерами с разведывательный звездолет. Мне кажется, его собираются обрушить нам на головы.

— А вон с тех башен нас наверняка начнут забрасывать камнями, а то и польют маслом. Нет, нужно проложить колею вокруг города, иначе...

— Ничего не выйдет, сэр. Во-первых, нам не хватит рельсов. Во-вторых, даже если бы они у нас были, мы бы вряд ли смогли проложить их под вражеским огнем. В-третьих...

— В-третьих, умник, мне надо было застрелить тебя при первой встрече. Ты завлек меня в ловушку!..

— Может быть, сэр, — проявил покладистость Парртс. — Но я вас и выведу. В вашем штабе найдется экзозингвист?

— Разумеется.

— Тогда вступим в переговоры. Перекинемся с аборигенами парой-тройкой фраз. Заключим сделку, понадарим бус, заплатим репарации.

— Мы должны сражаться!

— Сэр, если мы потерпим поражение, нас съедят. Лично мне как-то не хочется угодить в вонючую пасть с гнилыми клыками.

— Экзозингвиста сюда! — рявкнул адмирал в интерком. —

И большой белый флаг с моими инициалами, вышитыми золотом в углу. Живо!

Через несколько минут в кабине локомотива появилась лейтенант Фом с адмиральским знаменем. Парртс усилием воли заставил себя отвести взгляд от Стайрин и посмотрел на дверной проем.

— А где экзотолог?

— Я тут, — ответила Стайрин.

— Милая, — пробормотал Парртс, осев сразу сантиметром на пять из-за того, что его коленки превратились в студень. — Какое тело, какая головка...

— Парртс! — взревел адмирал. — Слушай, ты, недоумок озобоченный, хватит пороть чепуху. Прибереги сальности для увольнительной. Отправляйся вместе с лейтенантом и как угодно, но выкрутись. В качестве поощрения обещаю, если справишься, повисить тебя до капрала. Кстати, учти, что тебе в затылок будет нацелена винтовка с телескопическим прицелом: если оплошаешь, тебя пристрелят на месте.

— С таким командиром, как вы, не нужно никаких врагов. — Парртс вздохнул. — Пошли, лейтенант. Чему быть, того не миновать.

Он взял у Стайрин флаг, и они строевым шагом направились туда, где выселись сооружения аборигенов. Их ладони встретились, пальцы переплелись — они вздрогнули, словно от разряда электрического тока.

— Стайрин, — пролепетал Парртс.

— Парртс, — отозвалась девушка.

— Может, здесь?

— Конечно, дорогой.

— А не жестковато?

— Помнишь пословицу: «Жестко стелет, да мягко спать»?..

— Вы, двое! — раскатился над местностью усиленный мегафоном голос адмирала. — Никаких оргий на глазах у аборигенов! Продолжайте движение!

Подойдя к ближайшему зданию, Парртс и Стайрин замедлили шаг, и тут же в землю перед ними воткнулось несколько стрел.

— Мир! — крикнул Парртс и принялся махать флагом. — Мир, дружба, жвачка! Стайрин, милая, скажи им, что мы не замышляем ничего дурного.

— С удовольствием, мой пончик, вот только на каком язы-

ке? Под гипнозом я могу говорить на шестистах пятидесяти языках. Ты не знаешь, какой именно у них в ходу?

— Может, никакой? — пробормотал Парртс, разглядывая оскаленные морды аборигенов. — Поскольку это первый контакт, вряд ли они говорят на каком-нибудь из известных галактических наречий. Они похожи на хесткуинцев, однако прикус у них, как у васкебьорнов.

— Я знаю оба эти языка, — гордо заявила девушка.

— Конечно, радость моя, конечно, однако... А-а-а-а!

— Я что, слишком сильно сжала твою руку? — с беспокойством спросила Стайрин.

— Ерунда! Раздави меня, проглоти, по... — Парртс ошарашенно помотал головой. — Что я сказал?

— Ты сказал: «а-а-а-а-а!»

— Ну да, а по какому поводу?.. Вспомнил! Смотри вон там, на стене. Видишь? С цепью на шее? Смахивает на горништьильфа, верно?

— Ты про того, кто похож на разлутого рака с избытком клешней?

— Точно.

— Не знаю, не знаю. В жизни не видела ни одного горништьильфа, хотя, разумеется, говорю на их языке, как на родном. — Стайрин изящно содрогнулась. — Надеюсь, выгляжу я немножко иначе...

— Да что ты! Экзоскелет... — Парртс запнулся, ибо в мысок его левого башмака ударились стрела. — Начинай, пока не стало слишком поздно!

— Ку ви аудас мин? — крикнула девушка и помахала рукой. — Ни эстас амиког кай дезирас пароли...

— Экморту, филино де ундино, форнику вин анкау!

— Что он сказал? — справился Парртс.

— С добрым утром. Как поживаете?

— Гляди, ящерицам не нравится! Бедняга, и копьем-то его колят, и за цепь дергают! Жаль, что с нами нет полковника. Он бы поразился.

— Попробую еще раз.

Горништьильф, по всей видимости, отнюдь не горел желанием вступить в беседу, однако ящерицы, похоже, понимали, о чем речь, и одергивали пленника, награждая его уколom копья, стоило тому перейти на оскорбления. Мало-помалу горништьильф сообразил, что лучше подчиниться. Люди приблизились

к стене, с опаской поглядывая на оружие в руках аборигенов, и приступили к переговорам.

— Мы пришли с миром, — произнесла Стайрин.

— Не очень-то похоже, — пробурчал пленник. — Даже эти тупоголовые ящерицы видят, во что превратила их город ваша машина.

— Скажи, что все произошло совершенно случайно, что все-му виной неудачная программа. Мы согласны заплатить репарации, выдать со склада одеяла и эктоплазму для раненых, сделать подарки чиновникам.

Ящерицы не скрывали своей подозрительности. Как ни странно, подарки их не прельстили.

— Но ведь что-то им нужно, — прошептал Парртс на ушко Стайрин, — иначе они вообще не стали бы с нами разговаривать.

— Мы скоро узнаем, — прошептала девушка в ответ. — Я подслушивала, о чем они говорят с горништилфом. Мне кажется, я могу обнять их с ними без переволчика.

— Милая, как ты быстро учишься!

— И не только учусь...

— Я все вижу и слышу, — донесся издали голос адмирала. — Не отвлекайтесь!

— Почтенный король Хроакр, — проговорила Стайрин, пытаясь правильно произнести непривычные звуки, — мы предлагаем вам и вашему чудесному зеленому народу дружескую помощь.

— Вы говорите по-слимиански? — удивился король, шевельнув глазными усиками.

— Я изучила ваш язык, слушая, как вы беседуете с пленником.

— Прекрасно, детка. — Король отвернулся и крикнул стражникам: — В кастрюлю его! Сегодня у нас на обед раковый суп!

Стражники захохотали и поволокли горништилфа, который сыпал проклятиями, к желобу, что спускался в огромный чан с кипятком. Король снова повернулся к Стайрин и одарил девушку благосклонной улыбкой, обнажив три ряда острых красных зубов.

— Значит, вы готовы заключить сделку?

— Да, король, мы за тем и пришли. Мы вовсе не хотели уничтожать ваш прекрасный город...

— Не переживайте по пустякам. Ваша машина прошла в

основном по рабочим окраинам и избавила нас от хлопот по планировке. Я как раз собирался проложить новую дорогу. Однако нам кое-что от вас нужно. Вы согласны?

— Я всего лишь переводчица, и решать не мне, а моему командиру, адмиралу Дубби, которому я в точности передам ваши слова.

— Пожалуй, я загляну к нему сам. Терпеть не могу разговаривать со всякими подручными. Хотя... можете передать, что колея за поездом разобрана, так что если вы притронетесь ко мне хотя бы пальцем, вас зажарят и съедят. Ну, пошли.

Адмирал, который по контрольному лучу подслушивал, о чем речь, быстро сообразил что к чему. Парртс и лейтенант Фом отправились обратно, все под тем же белым флагом, в сопровождении почетного эскорта и короля Хроакра, которого несли на золотом троне шесть высокорослых ящериц. К тому времени, когда процессия достигла поезда, возле него уже успели разбить шатер, поставили внутрь ведер с шампанским и, получив некоторое представление о королевских пристрастиях в еде, разложили по тарелкам холодных раков.

— Слиммианский король Хроакр, — представила своего спутника лейтенант Фом, оказавшись в непосредственной близости от шатра.

— Какой, какой? Обезьянский?

— Слиммианский, сэр. Эта страна называется Слиммианией.

— Замечательно. Переведи, что я рад его видеть.

— Маленькие у вас раки, — заметил король, втянув глазные усики. — Переведите.

— Маленькие, но вкусные, — заверил адмирал. — Попробуйте.

Дубби отломил клешню, снял с нее вилкой мясо и сунул в рот. Король внимательно наблюдал, потом вдруг схватил самого крупного рака, подкинул в воздух и раскрыл пасть. Люди попятнулись, поскольку королевская пасть напоминала размерами железнодорожный туннель, утыканный, вдобавок, громадными клыками. Рак провалился в глотку, челюсти сомкнулись, король сглотнул и потянулся за добавкой.

— Верно, адмирал, маленькие, но вкусные. Ладно, перейдем к делу. Ваша машина испоганила мой город, изуродовала окрестности, прикончила пару сотен моих подданных и вообще натворила кучу всяких безобразий.

— По чистой случайности, Ваше Величество.

— Разумеется, разумеется. Я согласен забыть о причиненном мне ущербе и пропустить ваш поезд туда, куда его несет. А в награду за столь редкостное великодушие прошу вас об одной услуге.

— Договорились, дружок.

— Отлично. Завтра мы отправляемся на битву с нашими врагами. Вы пойдете первыми, и перед нами никто не устоит. Подайте-ка мне ведро, что-то в горле пересохло.

ГЛАВА 7

АТАКА С ВОЗДУШНОГО ШАРА

Два офицера поддерживали скорчившегося адмирала, в то время как третий колотил Дубби по спине — адмирал подавился раком и никак не мог прокашляться. Слимiane проявили к происходящему громадный интерес, о чем свидетельствовали вытянувшиеся во всю длину глазные усики. Парртс и Стайрин, впервые за весь срок своего знакомства лишившись адмиральского присмотра, немедленно исчезли в вагоне, где вошли в тесное соприкосновение, установив рекорд скорости для вооруженных сил.

Наконец адмирал выпрямился, явив любопытным взглядам побагровевшее лицо; глазные усики тут же укоротились, а Парртс и Стайрин выпрыгнули из вагона и приблизились к остальной компании, причем их глаза сверкали едва утоленной страстью.

— Битва? — прохрипел адмирал. — Я не ослышался?

— Ему надо выучиться нашему языку, — изрек король. — Какой великолепный акцент! Да, я так и сказал.

— С кем?

— С ними! Со съедобными врагами! С горништилфами, которые спускаются с небес на огненных ладьях. Они пытаются выжить меня с моей собственной земли!

— Объясните мне кто-нибудь, о чем толкует этот крокодил! — хрипло прорычал Дубби.

Парртс смело шагнул вперед и отдал честь, ощущая себя великаном десяти футов роста, готовым сразиться с барсумскими рысями.

— Горништилфы, сэр, одними из первых встретились нам в космосе, когда мы начали расширять сферу своего влияния. Их

не интересуют блага цивилизации и взаимовыгодное сотрудничество. Война с ними была затяжной и велась на уничтожение. В конце концов, выяснив, что они не прислушиваются к нашим доводам, мы сбросили на их планету бомбу. В результате поверхность расплавилась на два километра в глубину. Теперь планета имеет грандиозное альbedo.

— То есть мы их уничтожили. Выходит, они переселились сюда?

— Так точно, сэр. Горништильфы не сдаются ни в каком случае. Те, кто находился на планете, погибли, а прочие, которые составляли гарнизоны баз, разбежались кто куда. Мы до сих пор охотимся за уцелевшими. Как правило, они перебираются на самые отдаленные планеты.

— Другими словами, подыскивают себе захолустье вроде Околесицы.

— Совершенно верно, сэр. Получается, что они прятались у нас под носом. Должно быть, те, кто прилетел сюда, захотели покорить планету.

— И сколько их тут?

— Сейчас узнаем, сэр. Вернее, чуть позже, когда начнется битва.

Дубби пригубил шампанское и погрузился в размышления, от которых у него побагровело не только лицо, но и шея, а также руки до кончиков пальцев.

— Мы поможем вам, Ваше Величество. Вы расправитесь со своими врагами, а мы сможем выбраться из этой кучи дерьма. Но сперва надо разработать стратегию, составить план...

— Конечно, — согласился король, запивая шампанским последнего рака. — Времени у вас предостаточно, сидите хоть целый день. Я оставлю своих ребят, они вас покараулят. Только без шуток, толстячок, не то пойдешь мне на обед.

Он расхохотался, широко разинув пасть. Людей обдало такой вонью, какая обычно стоит над болотной трясинной.

По приказу адмирала была организована разведывательная группа, в которую вошли Парртс — в качестве историка и экзобиолога, лейтенант Фом — в качестве переводчицы, и майор полиции, имевший поручение следить за влюбленной парочкой и не допускать с их стороны никаких вольностей. Все трое страшно удивились, когда увидели, на чем им предстоит отправляться.

— Воздушный шар! — изумился Парртс.

— Чего вылупился, приятель? — пробурчал пилот и громко клацнул зубами. — Подумаешь, эка невидаль! Мы народ цивилизованный; у нас есть воздушные шары, унитазы с бачками, шариковые ручки, черви с жареным картофелем и много чего еще, о чем ты и не слышал в своем болоте.

— Фью! — пробормотал Парртс. — Стайрин, милая, скажи этому чучелу, что я не хотел его обидеть. Если встречу других крокодилов, направлю их сюда. Тут для них самое подходящее место. Ну что, полетели на экскурсию?

Слимиане, гортанно покрикивая, установили шар на стартовую площадку. Пилот запустил двигатель и рывкнул на рабов, которые послушно взялись за весла. Пропеллер завертелся, и шар величественно воспарил над крышами домов.

— Если бы сам лично не видел, ни за что бы не поверил, — пробурчал Парртс, глаза которого, казалось, вот-вот выскочат из орбит от изумления. Он попытался ущипнуть Стайрин, однако майор ударил его по пальцам рукояткой пистолета. Парртс сунул руку в рот и мрачно уставился на укрепленное плато, которое виднелось впереди внизу.

— Вот оно, — проговорил пилот. — Ближе я подлетать не стану, противовоздушная оборона у них что надо. Огнеметы и все такое прочее. Мы просто не в состоянии справиться с ними, пока они прячутся за стенами. Но даже паршивым ракам хочется есть, поэтому они совершают набеги на наши фермы, и тогда нам выпадает случай поразвлечься. Они превосходят нас оружием, а мы их — числом. Первыми идут батальоны рабов, которым все равно, что жить, что умирать; потом ударные войска, при поддержке артиллерии и дерьмовозов. — Он нахмурился, и вид у него стал настолько угрюмый, насколько это вообще возможно для ящерицы. — Правда, обычно у нас не ладится, и мы терпим поражение. Но теперь, когда здесь вы со своими пушками, все будет иначе. Вы проделаете брешь, в которую ворвемся мы, и все кончится шикарным банкетом!

— Скажи-ка, чего тебе хочется больше, — спросил Парртс, — победить врагов или полакомиться ими?

Пилот криво усмехнулся, оскалив острые зубы, и подмигнул Парртсу; в тот же миг в воздухе перед шаром вспыхнуло пламя, и пилот заложил крутой вираж.

— Оборона и впрямь ничего, — признал майор, мрачно разглядывая укрепления горништилльфов. — Может, попробуем с другой стороны?

— Мне кажется, лучше с этой, — возразил Парртс. — Джунгли подходят вплотную к утесу, да тут он и положе...

— Осторожно! — сладкозвучно возопила Стайрин.

Она перебрала шесть языков, прежде чем произнесла ту же фразу, чтобы понял пилот.

Тот вновь заложил вираж — настолько крутой, насколько позволяло архаическое средство передвижения, и они увидели летящего робота, на котором восседал злобный горнишфильф. Рабы замахали веслами с такой скоростью, словно сошли с ума. Враг выстрелил из огнемета. К крикам Стайрин присоединились голоса остальных; молчал только майор, который, будучи прирожденным садистом, обожавшим убивать живых существ, прицелился, хладнокровно подпустил робота поближе, а затем угостил его выстрелом между глаз. Робот задымился, из него посыпались искры и разнообразные детали, и он устремился по спирали к деревьям внизу. Горнишфильф погрозил обидчикам на прощание кулаком.

— Отличный выстрел, — похвалил Парртс.

— Рак тоже не промахнулся, — пробурчал пилот. — В баллоне пробоина, мы снижаемся. Не будь я хладнокровным, я бы вспотел от страха. Нужно постараться не угодить в джунгли.

Однако, несмотря на все усилия рабов, у них ничего не вышло. Под треск ломающихся веток и громкие крики людей и ящериц шар прорвался сквозь завесу листвы; пассажиры вылетели из корзины и очутились в колючих кустах.

— Наши окопы вон там?

Струсивший пилот явно был не прочь возглавить отступление.

— Слишком поздно, — отозвался майор, который вне себя от радости принялся расстреливать надвигающихся горнишфильфов. — Пускай я погибну, но мне составит компанию целый батальон этих чертовых крабов!

Битва была кровопролитной; положение изрядно осложнялось тем, что сражаться как следует мешали многочисленные деревья и лианы. Со всех сторон раздавались вопли, стоны, хруст панцирей и грохот выстрелов. Парртс потянул Стайрин за собой, но был вынужден остановиться и принять бой с ордой горнишфильфов. Дело явно шло к тому, что они падут смертью храбрых на поле брани, но тут, по счастью, началась контратака слимиан. Парртс сражался, не щадя ни себя, ни врагов и ни на секунду не выпуская из ладони перчатку, в которой пряталась ручка Стайрин.

— Перекур! — объявил он, посмотрел на перчатку и с ужасом обнаружил, что руки в той нет и в помине. — Любовь моя! — простонал Парртс и кинулся вдогонку за слизняками.

По дороге его перехватил майор.

— Не торопись, приятель, эта передышка нам только на руку. Понимаешь, инопланетяне всегда утаскивают девиц. Ты что, забыл обложки комиксов? Теперь мы пойдем по следу, разыщем, куда ее уволокли — скорее всего в тот же самый туннель, из которого на нас напали. Верно?

— Верно. — Парртс утвердительно кивнул, а затем ткнул пальцем за спину майору. — Вон они!

Майор обернулся, и Парртс огрел его по голове рукояткой пистолета, после чего перепрыгнул через распростершееся на земле тело и, не обращая внимания на вопли слизняков, устремился в джунгли — на поиски возлюбленной. Издалека доносился топот вражеских ног, к которому примешивался визг земной девушки — ту ожидала не смерть, а нечто гораздо худшее. Парртс ринулся в погоню, бормоча на бегу проклятия и грязные ругательства. Внезапно все стихло, если не считать тех звуков, какие были обычными для джунглей, и сердце Парртса со страху нырнуло в пятки. Неужели он опоздал?

К сожалению, так оно и было. Выбравшись из джунглей, Парртс увидел перед собой травянистую полянку, которая достигала подножия скалистого утеса. Он приблизился к утесу, принялся высматривать, где тут может быть проход, то бранился, то стонал от отчаяния. Он рыскал у подножия скалы на протяжении нескольких часов, однако ровным счетом ничего не добился. Опечаленный, Парртс вернулся к тому месту, где вышел из джунглей, сел на бревно, уронил голову на руки; его терзала скорбь по утраченной возлюбленной. Увы! Увы!

Неожиданно он услышал какой-то скрежет и, издав радостный вопль, вскочил, сжимая в руке пистолет. В утесе образовалась трещина, которая продолжала расширяться, и вот часть отвесной каменной стены повернулась, словно дверь на петлях — точь-в-точь как в плохих приключенческих фильмах. Итак, он дождался своего! Да, он уничтожит тех, кто выйдет из пещеры, заберется внутрь и освободит любимую.

Из прохода высунулась голова первого мерзавца-горниш-тильфа, и Парртс выстрелил. Ему повезло — он никогда не отличался особой меткостью.

— Ничего не скажешь, теплый прием, — протянула Стай-

рин, приглаживая волосы, в которых появился новый, проделанный лучом бластера пробор.

— Милая, дорогая, я не знал, прости меня! — заюлил Парртс и поцеловал обоженный локон. — Аррх! А вот этого я убью!

Он поднял бластер и прицелился в горништилфа, который вылез из пещеры следом за девушкой. Стайрин ударила ребром ладони по запястью Парртса, и тот выронил оружие.

— Послушай, глупенький, хватит стрельбы. Может, ты сообразишь заметить, что он в кандалах и идет на цепи, другой конец которой — в моей руке? По-моему, все настолько ясно, что сообразить, что к чему, должен даже ты с твоим недоразвитым умишком!

— Что?.. Как?.. — выдавил Парртс.

— Сейчас объясню, только, если не возражаешь, по дороге. За нами наверняка пошлют погоню. — Стайрин двинулась в сторону слимианских окопов, волоча за собой пленника. — Когда меня схватили, я сразу догадалась, чего можно ждать, потому что много раз видела обломки комиксов. Я кричала, даже разорвала китель, чтобы были видны груди — в общем, как положено. Меня отвели к королю, которого ты видишь перед собой. Он похотливо ухмыльнулся и уже простер клешню, но я с ходу заявила, что не собираюсь заниматься экзобиологическим смешением кровей принародно, поскольку в такие моменты не владею собой. Он пошел мне навстречу, выгнал своих присных, и тогда я применила один старый добрый приемчик...

— Какой именно? Из дзюдо?

— Нет, из кулинарного искусства. Понимаешь, я работала в ресторане, который специализировался на рыбных блюдах и всем таком прочем. В общем, справиться с ним было делом техники...

— А ну, пригнитесь! Я держу его на прицеле! Сейчас он у меня получит!

— Заткнись, майор, — высокомерно произнесла Стайрин. — Этот горништилф — мой пленник. Если вы приглядитесь, то наверняка заметите на его панцире звезды, то есть перед нами — один из высших чинов. Мы отведем его к слимианам, будем пытаться...

— Могу помочь, — тут же вызвался Парртс. — Я многому научился у своего полковника.

— Он раскроет нам все секреты, и мы без труда проникнем в крепость и одержим победу.

Слимиане, которые сопровождали майора, разразились восторженными воплями, подхватили людей и поспешили вернуться к поезду.

ГЛАВА 8

КОСА НА КАМЕНЬ

— Так-так, и что же мы имеем? — проговорил адмирал Дубби, откидываясь на спинку дивана.

Во рту у него торчала сигара, набитая вместо табака гашишем.

— Сплошное надувательство, — отозвался горништилф, продемонстрировав прекрасное знание чужого языка, и щелкнул клешнями, вследствие чего цепи, в которые он был закован, рухнули на пол.

— Не двигаться! — приказала Стайрин, выхватив из кобуры бластер. — Опустите шторы и закройте дверь, чтобы слимиане не смогли подглядеть, что здесь происходит. — Адъютанты топорливо исполнили приказ, поскольку стоять под дулом бластера было не слишком приятно. — Хорошо. — Стайрин сунула оружие в кобуру, провела рукой по волосам и вздохнула: — Ну и денек выдался!

— Детка, будь добра, объясни, что все это значит, пока я не бросил тебя в топку, — попросил адмирал.

— Слушаюсь, сэр. Нашего пленника зовут Трезвон, он старший офицер. У него есть предложение, которое вас наверняка заинтересует.

— Точно, — подтвердил Трезвон и принялся. — Может, угостите папирской? А то с утра во рту ничего не было. — Адмирал протянул Трезвону сигару, которую тот мгновенно проглотил. — Блеск! Короче, дело обстоит так. Ящерицы, в лапы которых вы попали, отъявленные негодяи, они вам все наврали. После того как мое подразделение успешно избежало благожелательного геноцида чудовищ-землян, то есть вас, мы переместились на эту планету, чтобы сохранить нашу древнюю, мирную культуру, которую вы почему-то вознамерились уничтожить. Мы спрятались у вас под носом, ибо знали, что вы настолько тупоголовы, что ни за что нас не найдете. Все шло просто замечательно, мы прекрасно уживались со всеми аборигенами, за исключением слимиан, которые хотели только одного. Мы

предлагали им искусство, живопись, науку, а они взамен приглашали нас в кастрюли с кипятком. В конце концов мы оказались в окружении, из которого не можем вырваться; рано или поздно мы все до единого попадем на слимианский стол. Потому-то я и предлагаю вам сделку.

— Никаких сделок, — отрезал адмирал. — Мы уже заключили одну со слимианами, хватит! Нам бы поскорее развязаться со всеми вами и улететь к чертям собачьим с вашей полоумной планеты!

— Мне жаль вас. После того как вы им поможете, они вас арестуют, национализируют вашу дорогу и отпразднуют это событие пирушкой. Кстати сказать, питаются они всем подряд.

— А что предлагаешь ты? — тоненьким голоском поинтересовался адмирал.

Он столь решительно пыхтел сигарой, что на кончике той вспыхнуло пламя.

— Вот что. — Трезвон выхватил изо рта Дубби пылающую сигару и сунул ее себе в пасть. Мгновение спустя у него из-под панциря повалил дым. — Взгляните. — Он достал карту. — Видите, ваша дорога проходит через джунгли, которые тянутся по долине до самого плато. Вы посоветуете ящерицам разобрать путь в джунглях и тайне проложить рельсы сюда, в долину.

Суть плана такова: вы едете по дороге как будто в джунгли, потом вдруг сворачиваете в долину, застаете нас врасплох и проделываете брешь в наших укреплениях. В эту брешь затем устремляются слимиане, и нетрудно угадать, кто кому пойдет на обед. Чтобы отвлечь наше внимание от поезда, слимиане должны организовать нападение на крепость, однако основные их силы последуют за вами. Да, упирайте на то, что вы не замышляете бегства — ведь колея будет идти лишь до плато.

— Замечательная мысль, — похвалил адмирал, даже не пытаясь скрыть иронии в голосе. — Сдается мне, мы с вами угодим в один горшок. Вот слимиане обрадуются!

— Неверно. Теперь я перехожу к главному. Как только они разберут путь в джунглях, мы проложим его снова, а на самой дороге установим стрелку. Тогда все произойдет следующим образом: вы, паля из пушек, помчитесь по долине, а за вами по пятам поскачет крокодилья кавалерия. На стрелке вы свернете в джунгли, проедете их насквозь и сделаете слимианам ручкой. Они придут в бешенство и кинутся за вами в погоню, но на-

стичь не смогут, а пока вы будете играть в догонялки, мы спокойно выберемся из окружения.

— Неплохо, — произнес адмирал, прикидывая, по всей видимости, чего в плане больше — преимуществ или недостатков. Неожиданно он обратил на Трезвона исполненный подозрительности взгляд. — Но можем ли мы доверять тебе?

— Как ты мне надоел, пивной бочонок! — воскликнул Трезвон, раздраженно прищелкнув клешней. — В общем, как хотите. Если желаете, можете оставаться со слимианами, только не пеняйте на нас, когда попадете в какой-нибудь салат. Пойми, олух, мы и вправду стремимся выручить вас. Ваше появление дает нам возможность спасти и собственные шкуры. Даю вам пять минут на размышление; если согласитесь, тогда займемся проработкой деталей.

Трезвон вытащил из коробки добрую дюжину сигар, сунул в пасть и принялся методично пережевывать, а покончив с этим, сел в уголке; судя по колыханию сяжков, он никак не мог успокоиться.

— Мы должны согласиться, — сказал Парртс. — Старине Трезвону можно верить, потому что до тех пор, пока мы с ними не расправились, горништилфы были самым культурным, самым цивилизованным, самым вежливым и честным из всех народов Галактики, какие нам только встречались.

— Ты не одобряешь наших действий? — пробурчал адмирал.

— Так точно, сэр. Мне кажется, настало время выбирать. Чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше для нас.

Слимиане с превеликой охотой изъявили готовность исполнить то, что требовалось от них, и захихикали, прикрываясь своими зелеными лапами, при мысли о предстоящем пиршестве. Они даже помогли людям отнести в джунгли рельсы и шпалы, а вдобавок безо всяких возражений оттащили туда большой ящик с надписью «Запчасти», в котором всю дорогу что-то громыхало. Когда на джунгли опустилась ночь, Трезвон, который, как вы наверняка догадались, прятался в том самом ящике, без помех добрался до плато. Люди проводили его пожеланиями удачи и налегли на спиртное, дабы забыть о всевозможных неприятностях.

Утро выдалось ясным. Войска заняли свои позиции, а двое командующих провели последнее совещание.

— Приятно сотрудничать с истинным джентльменом, — солгал в открытую адмирал Дубби.

— Взаимно, — отозвался король Хроакр и якобы дружелюбно улыбнулся.

Они по-братски разделили вареного рака и бутылку вина, после чего похлопали друг друга по плечу и поклялись в вечной дружбе.

— Надеюсь, мерзавец ты этакий, больше мы с тобой не увидимся, — проворчал адмирал в спину королю, который двинулся к своей армии.

— Этот человек уже нафарширован раками, — сообщил король своему придворному, — а потому должен достаться лично мне. Начинаем!

С дальней стороны плато донеслось пение труб, к которому примешивалось едва различимое на таком расстоянии бряцание оружия. Ударные слиммианские войска укрылись в джунглях и изготовились к атаке. Локомотив стоял под парами, в атомном двигателе сновали туда-сюда истосковавшиеся по делу нейтроны. На крышах вагонов были установлены лазеры, из окон торчали стволы винтовок. Вооружился даже повар, который сжимал в руке огромный тесак, выбранный по причине, известной лишь ему одному. Вот впереди, на окраине города, появилась зеленая фигурка, которая трижды взмахнула флажком.

— Сигнал! Поехали!

Локомотив тронулся с места, миновал город, прокатился под грозными башнями, которые уже не представляли опасности, выволок состав в долину и вскоре достиг поворота в джунгли. Там поезд поджидал король Хроакр; венценосец приветствовал адмирала взмахом лапы и заулыбался.

— Увижу тебя на тарелке, — пробормотал он, продолжая улыбаться.

— Пожалуй, я все же вернусь. Из твоей шкуры выйдет отличная сумка, — пробурчал Дубби, выглядывая из окна кабины и расплываясь в столь же неискренней улыбке.

Развязка приближалась. Состав двинулся вверх по долине, мимо боевых порядков слиммиан, обогнул последний косогор. Люди затаили дыхание. За поворотом открылся тупик. Дальше пути не было.

— Нас обманули! — воскликнул адмирал, дергая за тормоз.

— Нет! — крикнул Парртс не менее громко и ударил по руке Дубби.

Все ближе, ближе... Адмирал, бранясь себе под нос, поглаживал ушибленное запястье; Парртс встревожился настолько, что уже хотел было начать торможение, но тут из-за дерева вы-

ступил горништилф, который перевел потайную стрелку. Состав рванулся в джунгли. Стрелочник помахал им клешней.

— А ну наддай! — гаркнул адмирал, открывая на полную дроссельный клапан.

Слимиане поразевали пасти. Они не верили собственным глазам. До поры до времени все шло по плану — машина лаковых союзников с пыхтением вкатывалась в долину. И вдруг паровоз издал гудок, прибавил скорость и вместе с вагонами исчез в джунглях. Король Хроакр едва не закричал от изумления.

— Что за околесица на Околесице? — выдавил он, заскрежегав зубами, осколки которых полетели в разные стороны.

Войско ящериц остановилось, не зная, как быть дальше. Какое-то время спустя возвратился посланный на разведку воздушный шар, пилот которого доложил, что поезд движется через джунгли к выходу из долины.

Мсть! Армия развернулась под прямым углом и кинулась вдогонку за беглецами.

Между тем адмирал Дубби, находившийся в кабине локомотива, поздравлял себя с успехом блестящего плана.

— Получилось! — Он насмешливо фыркнул. — Ловко мы их одурачили, а? Фьюить — и ищи ветра в поле!

— Похоже, они обиделись, — произнес Парртс, который, высунувшись из окна, наблюдал за преследователями, что мчались за поездом — кто на своих двоих, кто верхом, кто по воздуху, кто ползком.

— Не волнуйся! — усмехнулся Дубби. — Им нас не догнать!

Поезд миновал поворот, и адмиралу в очередной раз пришлось дернуть за тормоз, ибо на путях громоздилась огромная куча валунов, на одном из которых висела табличка с надписью:

«Вы не должны чересчур отрываться от слимиан. На разборку завала уйдет всего несколько минут, однако ящерицы решат, что вот-вот добьются своего, а потому продолжают погоню и забудут о нас. Не медлите! Искренне ваш, Трезвон».

— За работу! — распорядился адмирал и подал своим подчиненным прекрасный пример, выскочив из кабины и ухватившись за первый попавшийся валун. — Все вон!

Парртс, издав воинственный возглас, присоединился к Дубби.

Люди дружно взялись за дело, подгонять их необходимости не было, поскольку с этим превосходно справлялись слимиане, которые неумолимо приближались, испуская хриплые победные вопли. Первыми беглецов настигли воздушные шары и дерьмовозы, которые немедленно приступили к бомбардировке.

Но вот препятствие оказалось разобранным, и поезд рванулся вперед, причем запыхавшиеся солдаты едва успели вскочить в вагоны, последний из которых, предназначенный для служебных целей, походил теперь на дикобраза, ибо на него обрушился ливень стрел.

— Не заплатишь — не поедешь, — ласково пояснила лейтенант Фом, топнув стройной ножкой, и те немногие из слимиан, кто успел повиснуть на задней площадке хвостового вагона, разжали лапы и рухнули наземь.

Победные вопли сменились горькими стонами, а поезд все убыстрял ход. Наконец слимианская армия остановилась. Никому из ящериц не пришло в голову пожелать людям доброго пути. Стайрин сделала слимианам ручкой, но те никак не прореагировали на жест девушки. По всей видимости, весть о неудачном исходе погони дошла до короля — вражеское войско развернулось и двинулось в том направлении, откуда прибыло.

— Счастливо оставаться! — проговорила Стайрин и, не дожидаясь, пока ее о том попросят, открыла охлаждавшуюся в ведре со льдом бутылку шампанского и направилась в кабину локомотива.

— Милая, ты так внимательна. — Парртс плотоядно облизнулся.

— Весьма кстати. — Адмирал выплюнул изо рта песок и налил себе до краев огромный стакан шипучего вина.

За окном мелькали фермы, тянулись поля, затем по обе стороны колеи раскинулась равнина, почва которой становилась все более сухой, а какое-то время спустя равнина сменилась пустыней, что простиралась до самого горизонта.

— Какая ровная! — восхитился Парртс. — Однако я вижу какой-то черный холм с туннелем.

— Это не туннель! — взвизгнула Стайрин. — Это...

Она потеряла сознание и упала на руки Парртсу.

ГЛАВА 9

ВСЕ МЕНЯЕТСЯ

Состав резко затормозил. Адмирал с нескрываемым ужасом уставился на громадную омерзительную тварь, что лежала поперек колеи, — этаким холм с многочисленными мохнатыми

лапами и разинутой пастью, в которую уходили сверкающие рельсы.

— Что это такое?

— Будучи обыкновенным рядовым, не имею ни малейшего представления, — произнес Парртс голосом исправного, туповатого служаки, растирая запястья Стайрин.

— Ты же назвался экзобиологом!

— Разве рядовой может быть экзобиологом? — лукаво поинтересовался Парртс. — Ведь экзолингвист, даром, что она в обмороке, имеет чин лейтенанта.

— Ишь, умник выискался! Нет, надо было тебя расстрелять. Встань на колени, рядовой. Поднимись, лейтенант.

— Слушаюсь, сэр! — Парртс вытащил из кармана золотые нашивки, прикрепил те булавками к кителю и встал по стойке «смирно». — Я узнаю это чудище.

— Да неужели, сукин ты сын, шантажист-самоучка?! Ну и?..

— Сэр, перед нами одна из наиболее опасных инопланетных форм жизни. Вам доводилось слышать об омерзительном дюнокате?

— Разумеется.

— Так вот, мы столкнулись с тем, кому дюнокат не годится и в подметки. Сэр, вы видите дюнокарта. По слухам, он способен на стадии зародыша перелетать с планеты на планету; совершив посадку в пустыне, он откладывает яйца. Его панцирь выдерживает залп из лазерной пушки, а питается он металлом.

— Выходит, он уписывает наши рельсы? Прекратите!

— Сэр, я бы посоветовал не горячиться. Понимаете, дюнокарт способен плюнуть ядовитой слюной на сотню метров. Если он разбушует, нам не обойтись без атомной бомбы...

— Ага! Сделаем так: положим атомную бомбу в металлический ящик, который поставим на колею. Твой дюнокарт сожрет ящик вместе с бомбой, взлетит на воздух, и мы поедem дальше...

— Замечательный план, сэр. У него только один недостаток: мы не захватили с собой атомной бомбы.

— Вечно ты все портишь, — проскулил адмирал.

— Поздравляю с повышением, лейтенант Парртс, — проговорила Стайрин с улыбкой, широко раскрывая чудеснейшие на свете глазки, улыбаться которыми надо признать, было несколько затруднительно.

— Спасибо, лейтенант Фом. Поскольку мы теперь в одном звании, можно называть вас по имени? А, Стайрин?..

— Заткнитесь, Парртс! — рявкнул адмирал. — Подумай лучше, как нам выбраться из лужи, в которую ты нас снова усадил!

— Все очень просто, — заметила Стайрин, поглядела на гигантское насекомое и изяшно икнула. — Надо его объехать.

— Как?

— А уж это ваши трудности, сэр, благо вы помешаны на железных дорогах. Как вспомню, сколько мне пришлось прослушать лекций об изобретательности проходчиков прошлого...

— Тихо! — Адмирал поглядел по сторонам, подумал и усмехнулся. — Мы объедем его. Здорово я придумал, верно? Снимем часть пути позади поезда, проложим ветку вокруг дюокарта и так доберемся до того места, где колея продолжается.

— Похоже, нам предстоит уйма работы, — пробормотал Парртс.

— Ты прав, приятель. Вы будете работать, а я — следить за тем, как продвигается дело. Иди-ка распорядись.

Солнце село и взошло снова, и так повторялось не один раз, пока солдаты разбирали путь и таскали по нагретому за день песку рельсы и шпалы. На худых руках вспухли могучие бицепсы, кожа покраснела, затем почернела — подобное произошло со всеми за исключением негров, которые и без того были черными. Адмирал изрядно растолстел, что было вполне естественно, поскольку он не вылезал из кабины локомотива, где уплетал сэндвичи и читал древние железнодорожные расписания. Но даже величайшей пустыне рано или поздно приходит конец, даже громаднейший в мире дюокарт далеко не необъятен. Шаг за шагом люди продвигались вперед и достигли-таки места, от которого продолжалась нетронутая колея. Ради такого события адмирал кое-как выбрался из кабины и собственноручно заколотил золотой костыль, после чего все расселись по вагонам, и поезд покатил в направлении манящего горизонта, причем никто из людей и не подумал оглянуться на дюокарта. Состав остановился лишь с наступлением темноты — до того все были возбуждены и наслаждались скоростью, — и адмирал распорядился организовать праздничный банкет. Вино лилось рекой; как ни удивительно, Дубби несколько воспрял духом — настолько, что не заметил, как отключился упившийся до чертиков в глазах майор полиции. Оказавшись предоставленными

самим себе, Парртс и Стайрин обменялись под столом рукопожатием и вперили друг в друга горящие взгляды.

— Мы теперь в одном звании, — простонал Парртс. — Мы можем пожениться, заключить военный брак под скрещенными лучеметами.

— Как романтично!

— А потом, когда появится возможность, мы дезертируем, найдем заброшенную планету, поселимся на ней и будем день и ночь...

— Не продолжай, — пролепетала Стайрин, — а то мы не выдержим, и адмирал велит расстрелять нас обоих.

— Ты, как всегда, права, Стайрин.

— Парртс, милый, у тебя нет другого имени? — Он покраснел и потупился. — Что с тобой?

— Есть, только я его никому не открываю.

— А мне?

— Ты будешь смеяться.

— Ни за что!

— Меня зовут... Персиваль.

— Персиваль Парртс... Как здорово! Милый, можно я буду звать тебя Перси?

— Да, если ты позволишь называть тебя Стайри...

— В жизни не слышал такой бредятины, — произнес очнувшийся майор. — По-моему, меня сейчас стошнит.

Поезд катил дальше на север, и ночи становились все холоднее; пустыня мало-помалу сошла на нет, колея вела теперь через лес, в котором росли исполинские деревья высотой за сотню метров. Из окон открывалось великолепное зрелище, пассажиры наслаждались природой, что, естественно, должно было пробудить подозрения, но, к сожалению, не пробудило, а потому, когда лес кончился и вновь начались возделанные поля, все испытали нечто вроде шока.

— О, нет! — простонал адмирал, синяя на глазах от страха. — Неужели нам не достаточно?

— По всей видимости, сэр, — отозвался Парртс. — Прикажете объявить тревогу?

Состав замедлил ход; перед каждым поворотом все изготавливались к бою, сжимали дрожащими руками оружие и нервно оглядывались по сторонам.

— Похожи на крыс, — заметил Парртс, разумея существ, которые трудились на полях, — только вот лап многовато.

— Ну что ты лезешь со своими комментариями?!

— Мне кажется, они настроены дружелюбно, — проговорила Стайрин, которая принесла Дубби утреннюю порцию гашиша. — Посмотрите, они кланяются, когда мы проезжаем мимо.

— Может, они нас так оскорбляют? — предположил адмирал, закуривая сигару.

За очередным поворотом появилось то, что просто не могло не появиться — обнесенный стеной город, прямо через центр которого пролегла железнодорожная колея.

— Я слишком стар для таких переделок, — взвыл адмирал. — Скажите на милость, разве этот идиот ПУК не мог обойти хотя бы один город?

— Здесь все иначе, сэр, — произнес Парртс. — Я вижу ворота, здание вокзала, флаги, толпу встречающих. Нас встречают музыкой!

— Хватит с меня здешнего гостеприимства. Я сыт им по горло!

Под непрерывные гудки состав устремился к городу; люди вновь взяли за оружие. Ничто не вызывало у них доверия: ни бурлящая толпа, ни разноцветные флажки, ни визг волюнок, ни грохот барабанов. Ближе к станции Дубби сбросил скорость, и поезд буквально подполз к перрону, на котором в полном составе выстроился комитет по встрече, причем все члены комитета были в парадном облачении. Как ни странно, рельсы за вокзалом оставались свободными, их не загромождала ни груда камней, ни какое-то иное препятствие.

— Помаши рукой, но не останавливайся, — велел адмирал.

— Так не честно! — возразила Стайрин. — Они приложили столько сил, чтобы оказать нам честь, построили вокзал, и вон как принарядились.

— И что с того? Вперед!

Однако, рыкнув на непокорных подчиненных, Дубби тут же был вынужден дернуть за тормоз, ибо на путях откуда ни возмись возник неимоверно древний паровоз. Поезд остановился у застеленного алой ковровой дорожкой перрона; послышались радостные возгласы. Из толпы встречающих выступило богато разодетое существо.

— Добро пожаловать, могучие ездоки, добро пожаловать в Кру!

— Для крысы у тебя отличное произношение, — подозрительно заметил адмирал.

— Благодарю за комплимент, адмирал. Не хотите ли присоединиться к нашему празднеству?

— Откуда вам известно, кто я такой? — справился Дубби, не сдвинувшись с места.

— От наших добрых друзей, благородных горништилфов. Они просили передать, что сумели с вашей помощью очутиться в безопасности, так что плотоядные мерзавцы-слимиане обойдутся теперь без традиционного пятничного пиршества. Горништилфы говорили о вас только хорошее, если не считать, конечно, что вы уничтожили их планету. Они также просили передать, что собираются улететь отсюда, поэтому вы можете их не искать. Извините, я слегка заболтался. Пожалуйста, присоединяйтесь к нам. Я — король Крысс, это моя супруга, королева Шиппчи, а вокруг наши подданные.

— Половина за столом, а другая — точит ножи, — прошептал адмирал. — Не доверяю я этому грызуну.

— У него такой чудесный мех, — проговорила Стайрин.

— А лап сколько! Как хотите, я ему не верю.

Как вскоре выяснилось, банкет оставлял желать лучшего — избыток речей, угощение, которое состояло из высохшего сыра и корочек хлеба... Впрочем, вино оказалось просто отличным, и все не преминули как следует набраться. Король Крысс под занавес решил произнести еще одну речь.

— Уважаемые земляне и незаконченные алкоголики! — Зазвучали одобрительные восклицания, зазвенело разбитое стекло. — Банкет получился поистине восхитительным, однако, как говорится, всему хорошему приходит конец. Вдобавок, я подустал от шуток вроде той: почему, чтобы приготовить попкорн, нужно пять грызунов — потому, что четверо трясут печку, и прочее в том же духе. Предлагаю пожелать нашим гостям счастливого пути. Расскажите у себя на Земле, как по-королевски вас здесь принимали, и убедите, пожалуйста, своих правителей, что мы — никакие не враги, а посему не надо сбрасывать на нас бомбы. Можете также присовокупить, что мы обязуемся взимать с поездов, которые будут проезжать по нашей территории минимальную плату.

— Чего? — переспросил адмирал.

— Кру населяют честные торговцы, которые не ищут выгоды в обмане инопланетян. Поскольку вы, земляне, верите в налоги, пошлины и другую ерундистику, мы вынуждены верить в то же самое. Вдобавок мы пользовались железной дорогой задол-

го до появления вашей машины, а потому искренне обрадовались, узнав об усовершенствованиях в технологии путеуложения. После вашего отбытия мы займемся модернизацией своих поездов, а потому мы охотно принимаем вашу помощь и заранее благодарим за содействие.

— Чего? — повторил адмирал и часто заморгал.

— Мы решили поменять поезда. Ваш состав перейдет к нам, мы его изучим и непременно внедрим у себя все те новинки, какие только обнаружим. Взамен вы получите другой поезд. Таков наш девиз: все меняется, все меняется в Кру! Мы вас больше не задерживаем.

— В поезд! — рявкнул адмирал, вскакивая из-за стола. — Приготовиться к отражению вражеской атаки!

Едва люди расселись по вагонам, из свежепрогрызенных дыр в полу появились многочисленные твари, которые, применив приемы карате, обезоружили землян, не причинив тем, впрочем, никакого вреда.

— Как невежливо! — прицокнул языком король Крысс. — Вот и заключай с вами после этого деловые соглашения! Я наложил на вас пошлину в размере стоимости поезда и конфисковал тот за неуплату вышеназванной суммы. Только по причине моего великодушия да еще памятуя о бомбах, я отдаю вам наш быстроходнейший поезд «Могучая мышь». Припасы уже погружены, так что желаю вам приятного путешествия.

Землян вывели на перрон, позволив взять с собой только личные вещи. Лишь теперь люди заметили, что у копий, какими был вооружен почетный караул, весьма острые наконечники.

— Это разбой! — воскликнул адмирал.

— Вот квитанция на ваш поезд, — проговорил король, протягивая Дубби документ, текст которого был отпечатан на официальном бланке.

— По-вашему, это поезд? — простонал адмирал, однако ответа не получил, ибо грызуны исчезли с перрона в мгновение ока, оставив после себя лишь хлебные крошки. Из окна диспетчерской будки высунулась острая мордочка.

— Валите отсюда! Через десять минут прибывает «Мохнатый летун», а катастрофы нам ни к чему. Пошли прочь!

Локомотив стоял под парами. Парртс подбросил в топку дров, адмирал потянул за ржавую цепочку. Вместо ожидаемого гудка послышался режущий ухо свист.

— Пожалуй, не стоит, сэр. Давление упало на десять единиц.

Окутанный облаком пара, что сочился, вперемешку со ржавой водой, из всех и всяческих труб, стуча колесами, дымя перегретыми буксами, «Могучая мышь» отошел от платформы и пополз на север.

ГЛАВА 10

ЗАПЕЧАТАНО ПОЦЕЛУЕМ

— Холодно. — Стайрин поежилась.

— Подбрось в топку дровишек, — злорадно посоветовал адмирал. — Если хочешь ехать в тепле, тебе придется поработать, чтобы заслужить эту привилегию. Как там с протечкой, Парртс?

— Вроде ничего, сэр. Я приготовил герметик из твердого сыра и зачерствелого хлеба. Приклеился намертво.

— Их еда ни на что другое не годится. Вот стервецы, не оставили даже маленького бочонка с устрицами. Я чувствую себя просто ужасно.

— Так точно, сэр, и выглядите не лучше. Про нас можно сказать то же самое, — поторопился добавить Парртс, перехватив испепеляющий взгляд Дубби. — Продуктов нет, ни минуты на перекур, холод собачий... Говорю вам, это суший ад!

— Сам выбрал. — Адмирал с подчеркнутым безразличием зевнул. — Дрова на исходе. Надо остановиться в следующем лесу. Распорядись, чтобы дровосеки приготовились.

Когда поезд затормозил, со всех сторон послышались жалобные стоны: грязные, оборванные, небритые штабные офицеры поспрыгивали на промерзшую землю и разобрали топоры. Как выяснилось, старинные паровозы потребляли громадное количество горючего материала.

— Вода, — проговорил Парртс, мрачно посмотрев на палку, которую вынул из водяного бака. — Четыре человека за снегом! Хорошо хоть этого добра тут полным-полно.

Над безжизненной местностью завывал ветер, снова пошел снег.

Заполнив бак и засыпав дровами тендер, люди забрались в вагоны — и замерли, скованные невыразимым ужасом.

— Ч-что тт-т-такое? — содрогнувшись, пробормотала Стайрин.

— Сдается мне, вой, более злобный, душераздирающий и

омерзительный, чем мне когда-либо доводилось слышать, — предположил Парртс.

— Какое же существо может издавать такие звуки? — спросила Стайрин и подышала на замерзшие пальцы.

Ответ пришел довольно быстро — ведь они находились на Околесице, где все дела шли хуже некуда. В снежной пелене замаячили гигантские серые тени, которые, продолжая завывать, постепенно обрели материальность: разинутые пасти, острые зубы, крючковатые когти, поблескивающие алым глаза — словом, все как обычно. Дроссельный клапан мгновенно оказался открытым на полную, благо к нему протянулись одновременно три руки.

— Поведу я! — прохрипел адмирал.

Парртс и Стайрин убрали руки. Поезд медленно тронулся.

Волки, похоже, не собирались так легко отказываться от добычи. Пассажиры отбивались, как могли, замахивались на волков лопатами, которые те без труда перекусывали и проглатывали. Людей выручила только скорость, вернее, то сопровождавшееся скрежетом и лязгом движение, на какое была способна «Могучая мышь». Какое-то время спустя стая отстала, однако люди понимали, что погоня наверняка не закончилась.

— Что случится, если мы остановимся, чтобы нарубить дров? — весело справился Парртс.

— Заткнись, недоумок! — злобно бросила Стайрин.

Дабы она снизошла до того, чтобы снова начать с ним разговаривать, Парртсу потребовалось целых пять минут простоять на коленях, умоляя о прощении. Между тем адмирал глядел на затянутое тучами небо и напряженно размышлял. Заледеневшие синапсы изрядно затрудняли процесс мышления.

— По-моему, Парртс прав, — заявил он наконец. — Поэтому прежде, чем остановиться, мы выкинем кого-нибудь из поезда. Начнем, разумеется, с младших по званию.

— Это низко и подло! — выдавила Стайрин.

— Может, начать с лейтенантов? — криво усмехнулся адмирал.

— Ваш план неплох, сэр, — признала девушка. — Но почему бы нам сперва не попробовать хлеб с сыром?

— Разумно. Может статься, хоть волки его едят. Таким образом мы сохраним личный состав, который нам еще пригодится.

Замысел Стайрин оказался удачным: многие из волков заплатились в тот день кто вывихнутой челюстью, кто сломан-

ным зубом. Клыки, которые запросто расправлялись с костями и камнями, не выдержали соприкосновения с пищей грызунов. Осыпая людей проклятиями, волки вновь устремились в погоню. Состав, который притормозил, чтобы пополнить запас дров, тронулся в путь за мгновение до того, как стало слишком поздно.

— Долго так продолжаться не может, — изрек Парртс. — У нас или кончатся припасы, или мы угодим в занос, или что-нибудь еще.

— О, ты сегодня необычайно остроумен! Займись лучше топкой.

С наступлением темноты люди совсем пали духом. Еда вся вышла, а позади по-прежнему виднелись преследователи, число которых, вдобавок, как будто возросло. Дрова в очередной раз были на исходе, а нарубить новых не представлялось возможным, поскольку состав двигался по безлесой степи.

— Начинайте топить сиденьями!

Из трубы снова повалил черный дым, но на душе у всех было скверно. Внезапно в темноте впереди показалось некое еще более темное пятно.

— Туннель! — воскликнул адмирал. — Мы спасены!

— Вряд ли, — принялся пророчить Парртс. — Они последуют за нами, а в туннеле не найти ни дров, ни воды, и если они нас нагонят... Подождите! — крикнул он, когда адмирал и Стайрин схватили его за руки за ноги и приготовились вышвырнуть из кабины: должно быть, им надоело слушать, как он накаркивает беду. — Подождите! У меня есть план! Туннель будет нашим спасением. — Переглянувшись, Дубби и девушка отпустили Парртса. Тот рухнул на пол, схватился за какую-то трубку и поднялся на ноги. — Я ведь пошутил, ха-ха. Слушайте, надо поджечь хвостовой вагон, а перед туннелем отцепить, пусть себе торчит снаружи. А пока он прогорит, мы будем уже далеко.

— План, рожденный отчаянием, — произнес адмирал. — Что ж, выбора у нас все равно нет. Давай действуй.

Из хвостового вагона забрали все, что представляло хотя бы малейшую ценность, и бросили туда факел. Весело затрещало пламя.

Парртс перебежал в следующий вагон, улегся на площадку и стиснул в руке стальной стержень, который был вставлен в архаичную муфту.

— Туннель! — крикнула Стайрин. — Пора!

Поезд покатил дальше, а вагон остался позади. Объятый пламенем, он закупорил вход. Послышался обескураженный волчий вой.

— Спасены! — восторженно воскликнула Стайрин.

— Как только пламя погаснет, они... А-а-а-а! — возопил Парртс.

Сытая по горло всяческими пророчествами, Стайрин столкнула его с поезда. Он кинулся вдогонку, крича на бегу, и споткнулся в темноте. Наконец любовь победила отвращение. Девушка замедлила ход состава, и Парртс вскочил в последний вагон. Сами понимаете, после этого случая он, как правило, предпочитал помалкивать.

Теперь они состязались в скорости со временем, если, конечно, можно назвать состязанием болтанку при двадцати километрах в час. Люди гадали, что кончится раньше — туннель или горючие материалы. Поезд становился все короче, поскольку топка требовала новых и новых жертв: вот он сократился до двух вагонов, потом до одного, а конца туннелю до сих пор не предвиделось. Был подожжен и единственный уцелевший вагон — чтобы хоть немного задержать волков, которые давным-давно возобновили преследование. Пассажиры взобрались на паровоз и сгрудились в быстро пустеющем тендере. Внезапно, когда кое-какие дрова еще оставались, адмирал дернул за тормоз. На плечи Дубби обрушился град не слишком сильных ударов, а еле слышные голоса на все лады убеждали его продолжать путь.

— Не могу, — возразил адмирал. — Рельсы кончились.

Люди спустились на стылую землю и увидели, что колея впереди и впрямь резко обрывается. В слабом свете прожектора можно было прочесть надпись, вырезанную в каменной стене туннеля:

«Извините, рельсов больше нет. Вам нужно пройти всего лишь пять километров. Прогулки пешком полезны для здоровья. Наилучшие пожелания моему дорогому другу адмиралу Дубби. ПУК».

— Твой дорогой друг, когда выберется отсюда, отправит тебя на свалку! — процедил сквозь зубы адмирал. — Ладно, пошли. Сдается мне, я слышу вой.

Этих слов оказалось вполне достаточно. Люди торопливо двинулись в темноту — все, кроме Парртса.

— Иди, милая, — сказал тот, — а я чуток задержусь.

— Что ты задумал? — взвизгнула Стайрин.

— Ступай, ступай. Я вас догоню.

В сердце девушки сражались между собой вечная любовь и свойственное любому человеку стремление выжить. Мгновенные спустя Стайрин устремилась за остальными. Те шли быстрым шагом, то и дело спотыкаясь и вздыхая, — и вдруг застыли как вкопанные, когда по туннелю заметалось эхо оглушительного взрыва. Люди стояли, не в силах пошевелиться, и прислушивались к топоту ног и свистящему дыханию, которые становились все громче.

— Поспешите, волк, — произнесла Стайрин, — я тебя жду.

— Это я, — выдохнул Парртс. — С волками покончено. Я прикрепил цепочку к предохранительному клапану и побросал в топку все дрова, какие оставались, выждал, пока волки подойдут поближе, а потом закрыл клапан и дал деру. Разумеется, котел взорвался.

— Ты у меня гений, — прошептала со вздохом Стайрин.

— Ноги болят, — пожаловался адмирал. — Пошли, а не то я свалюсь где-нибудь по дороге.

Снаружи бушевала пурга, но это ничуть не смутило толпу изнеможенных, но счастливых оборванцев, которые выскочили из туннеля и увидели вдалеке космический буксир. Вопрос стоял ребром: либо добежишь, либо замерзнешь. Добежали, естественно, все — ввалились гурьбой в шлюз и без чувств попадали на пол. Впрочем, вино и пища восстановили их силы, и адмирал обрел прежний командирский тон.

— Пилот!

— Здесь, сэр!

— Типовой барачный корпус уже построен?

— Так точно, сэр. Построен, набит под потолок продуктами и стоит в спартанской простоте посреди вечных снегов, ожидая беднягу, которого назначат заведовать складом.

— Никаких проблем. Лейтенант Парртс, шаг вперед! — Адмирал схватил Парртса за китель — послышался треск, и лейтенантские нашивки упали на пол. — Рядовой Парртс, слушай мою команду. Мы улетаем, а ты остаешься тут куковать в одиночестве и присматривать за роботами.

— Вы не можете так поступить!

— Неужели?

— Лучше застрелите меня, как грозились.

— Мало ли что грозился... Я просто удовлетворял свои садистские наклонности. Твоя невеста Стайрин Фом станет теперь моей.

Дубби прижал дрожащую девушку к своему животищу и приказал пятерым солдатам вышвырнуть Парртса вон из корабля, после чего оттащить рядового на склад и бросить там.

Парртс сыпал проклятиями, которые слышались даже в закрытом шлюзе и заглохли лишь в реве стартовавшей ракеты. Для него это был конец, тем более что вскоре после отлета буксира рядового вызвал на связь радист звездолета.

— Прошу прощения, суперинтендант, но у меня дурные вести. На борту произошло самоубийство. Покойник оставил для вас записку в шлюзе и открыл наружный люк.

— Что же тут дурного? — злорадно хихикнул Парртс. — Надеюсь, адмирал перед смертью изрядно помучился. Что он там написал?

— Адмирал здесь ни при чем. Самоубийство совершил некий лейтенант по фамилии Фом. Парртс пронзительно завопил, однако радист продолжал говорить, торопясь сложить с себя малоприятную обязанность и поскорее возвратиться на свою койку, под бочок к резиновой кукле и к бутылке со спиртным. — В записке сказано: «Дорогой! Это конец. Я не могу вынести мысли о вечности вне твоих объятий, в лапах жирной свиньи Дубби. Моя любовь неугасима. Люби и помни. Твоя Стайрин». Отбой.

Итак, для Парртса это был конец, с какой стороны ни посмотри. Да, он мог бы жить дальше, храня память о любимой и занимаясь привычной работой, однако то был бы уже не человек — вернее, не полноценный человек, а некое существо с выжженной душой, этакий пьянчужка, который и не замечает, что бутылка у его губ пустым-пуста. Словом, вот он, последний человек в мире, сидит, покинутый всеми, в холодной комнате...

Неожиданно в дверь постучали.

— Волки, — пробормотал Парртс. — Или слимиане, а может, раки или крысы. Да кто угодно! Всех разорву! — Он рывком распахнул дверь, и на руки ему упала прелестная Стайрин Фом. — Ек! — выдавил Парртс.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — прошептала девушка. — Жизнь без тебя показалась мне такой скучной! Я стащила скафандр с микродвигателем, написала записку и прыгнула. Приземлилась совсем рядом. Я бы пришла раньше, но мне надо

было снять этот гнусный скафандр, причесаться и подкрасить губы. Я ведь догадывалась, что ты волнуешься...

Парртс пинком захлопнул дверь и...

И здесь мы, пожалуй, опустим занавес. Мне кажется или в ваших глазах и впрямь блестят слезы? Не стыдитесь, ибо я тоже плачу. В нынешние дни галактических войн, сумасшедших налогов, кровопролитных стычек футбольных фанатов, разбавленного пива и цирроза печени разве не приятно узнать, что где-то на краю Вселенной, на полюсе холода далекой планеты, обрели счастье двое — он и она? Давайте помечтаем вместе с ними. Давайте надеяться, что в будущем для каждого юноши найдется своя Стайрин Фом, а для каждой девушки — свой рядовой Парртс.

Рассказы

ДЕНЬ ПОСЛЕ КОНЦА СВЕТА

Кусок планеты не поражал размерами, но пришлось довольствоваться малым. Потому что все остальное превратилось в камни, пыль, мусор. А тут все-таки остался участок земли, большая часть крестьянского дома, растущее перед ним дерево, даже пятачок пастбища с замороженным бараном. И ничего больше. Со всех сторон земля резко обрывалась, кое-где из нее торчали корни. На краю сидел мужчина, болтая ногами над пустотой. Отбросил сучок, который медленно скрылся из виду. Звали его Френк, а девушку, которая устроилась на качелях, закрепленных за ветви дерева, — Гвенн.

— Я же не пытался взять тебя силой. — Выглядел Френк мрачнее тучи. — Ты же знаешь, я не животное. Просто расстроился, ты должна это понимать, конец света, и все такое. Мне стало очень одиноко. Вот я и подумал, что поцелуй поможет мне забыть о случившемся. Поможет нам забыть.

— Да, Френк. — Гвенн, чтобы раскататься, оттолкнулась ногой от земли.

— Так что у тебя не было причин для оплеухи. Все-таки мы — один экипаж.

— Я же извинилась за то, что ударила тебя, Френк. Я тоже расстроилась, ты должен это понимать. Такое случается не каждый день.

— Нет, не каждый.

— Так что не злись на меня. Лучше раскачай.

— Я не то чтобы злюсь. — Френк поднялся, стряхнул со штаннины форменных брюк несколько замерзших травинок. — Наверное, немного обиделся, может, даже впал в депрессию. Не велика радость — получить оплеуху от женщины, которую любишь, — он толкнул Гвенн.

— Пожалуйста, давай не возвращаться к этому разговору, Френк. Все кончено. Ты так говоришь только потому, что тебе кой-чего хочется. И ты знаешь, что я люблю другого.

— Гвенн, дорогая, взгляни фактам в лицо. Ты больше не увидишь Роберта никогда...

— Полной уверенности у меня нет.

— А у меня есть. Планета взорвалась мгновенно, без всякого предупреждения, со всеми, кто находился на ней. Мы были в космическом корабле по другую сторону Луны и только поэтому остались живы. Но Роберт разделил общую судьбу. Он находился в Миннеаполисе, а Миннеаполиса больше нет.

— Мы этого не знаем.

— Знаем. Я не думаю, что Миннеаполису удалось выбраться из этой передраги. Наш радар обнаружил только этот кусок планеты. Крупнее ничего нет.

Гвенн нахмурилась, опустила ногу, остановив качели:

— Может остаться и кусок Миннеаполиса.

С Робертом, замерзшим, как этот баран.

— Какой ты жестокий... ты просто хочешь причинить мне боль!

— Ну что ты. — Стоя сзади, он нежно обнял ее за плечи. — Я не хочу причинять тебе боль. Просто ты не должна уходить от реалий. Остались только ты и я. И я тебя люблю. Всем сердцем.

Пока он говорил, его руки соскользнули с плеч, двинулись ниже, на упругие округлости. Но Гвенн дернулась, спрыгнула с качелей на землю, отошла на пару шагов, уставилась на замерзшего барана.

— Интересно, он что-нибудь почувствовал?

— Кто... Роберт или баран?

— Как ты жесток!

Она топнула ножкой, угрожающе вскинула руку, когда он двинулся к ней. Френк что-то пробурчал себе под нос и плюхнулся на качели.

— Давай спустимся с небес на землю. Давай забудем все, что случилось на корабле. Забудем, что я пытался подкатиться к тебе, забудем, что хотел уложить в койку. Забудем все. Начнем жизнь с чистого листа. Сама видишь, в какой мы ситуации. Мы остались вдвоем. Я — Адам, ты — Ева...

— Гвенн.

— Я знаю, что тебя зовут Гвенн. Я хочу сказать, что мы те-

перь, как Адам и Ева, и на нас лежит ответственность за возрождение рода человеческого. Ты понимаешь?

— Да. Я думаю, ты по-прежнему пытаешься соблазнить меня.

— Черт побери, какая разница, что ты думаешь! Это наш долг. Провидение уберегло нас именно потому...

— Вроде бы ты говорил мне, что ты — атеист.

— А ты говорила, что ходишь в церковь. Я смотрю на ситуацию с твоей позиции.

— А я — с твоей. Ты — сексуально озабоченный.

— Скажи спасибо. Значит, у нас будет много детей. Родить их и вырастить — наш долг перед человечеством.

Гвенн, глубоко задумавшись, погладила барана по голове.

— Не знаю. Может, наилучший вариант — раз и навсегда со всем покончить. Мы взорвали мир, не так ли? Можно сказать, загрязнили окружающую среду во вселенском масштабе.

— Ты, конечно, шутишь. Мы не знаем, что произошло. Возможно, какая-то случайность...

— Хороша случайность.

— Ты же знаешь, как бывает... — Френк вскочил с качелей, шагнул к Гвенн. — Забудь о человечестве, — взмолился он. — Думай только о нас. Мы же остались вдвоем, больше никого. Тепло соприкосновения, конец одиночества, восторг поцелуя, слияние плоти...

— Если подойдешь ближе, я закричу!

— Кричи, сколько влезет! — проорал Френк со злобой и горечью, схватил Гвенн, рванул на себя. — Кто услышит? Я тебя люблю... хочу... не могу без тебя...

Она попыталась вырваться, замотала головой, но сила была на его стороне. Он поцеловал ее в щеку, в шею... и она перестала сопротивляться.

— Так ты все-таки насильник? — прошептала она, глядя ему в глаза. Еще мгновение он прижимал ее к себе. Потом его руки повисли, как плети.

— Нет. Я не насильник. Просто симпатичный парень с сильным половым влечением и развитым чувством вины.

— Так-то лучше.

— Не лучше — гораздо хуже! Разве может последний оставшийся на Земле мужчина испытывать чувство вины? Окружавший меня буржуазный мир умер, а я по-прежнему несу в себе его мораль. Что, по-твоему, случилось с тобой, если б я повел

себя, как должно самцу? Просто схватил и навязал бы тебе свою волю?

— Не говори гадостей.

— Я не говорю гадостей, просто хочу, чтобы твоя светлотовосная бестолковка начала хоть немного соображать. Кроме тебя и меня, никого нет, понимаешь? Нас только двое. У нас есть этот кусок Земли, а под ним — наш космический корабль, бортовые системы которого создают силу тяжести и генерируют воздух. Атомная энергетическая установка проработает еще тысячу лет. Пищевой синтезатор будет нас кормить. Так что мы, образно говоря, всем обеспечены.

— Обеспечены для чего?

— Вот об этом я тебя и спрашиваю. Мы будем мирно стареть, как добрые приятели, в своих каютах? Ты будешь вязать, я — смотреть старые фильмы. Ты этого хочешь?

— Мне не понравилось слово «бестолковка».

— Не уходи от вопроса. Ты этого хочешь?

— Я как-то не думала...

— Так подумай. Мы здесь. Одни. До конца нашей жизни.

— Похоже, подумать стоит, — она склонила голову, посмотрела на Френка так, словно видела впервые. — Можешь поцеловать меня, если хочешь.

— Еще как хочу!

— Но ничего больше. Только поцеловать. В порядке эксперимента.

Получив разрешение, Френк заметно присмирел. Осторожно приблизился к ней. Гвенн закрыла глаза, задрожала всем телом, когда Френк обнял ее. Он прижал Гвенн к себе, поцеловал в закрытые глаза. Она задрожала вновь, но не попыталась вырваться. Не запротестовала и когда его губы нашли ее и впились в них долгим, страстным поцелуем. Когда же он опустил руки и отступил на шаг, она открыла глаза. Френк нежно ей улыбнулся.

— Роберт целовался лучше, — констатировала Гвенн.

В ярости Френк пнул барана и запрыгал на одной ноге, ухватившись за вторую и постанывая от боли: с тем же успехом он мог пнуть гранитный валун.

— Как я понимаю, он был хорош и в постели, — вырвалось у него.

— Просто чудо, — признала Гвенн. — Поэтому мне так труд-

но даже смотреть на другого мужчину. Кроме того, я ношу под сердцем его ребенка, а это еще больше все усложняет.

— Ты?..

— Беременна. Такое случается, знаешь ли. Роберт еще не знает...

— И никогда не узнает.

— Ты ужасный!

— Извини. Так это прекрасно, великолепно. Мы увеличили генофонд человечества на пятьдесят процентов. Сын Роберта сможет жениться на нашей дочери или наоборот.

— Это же инцест!

— В Библии инцеста нет, так? Когда начинаешь все заново, это правило, а не исключение. Об инцесте речь пойдет гораздо позже.

Гвенн вновь села на качели, глубоко задумалась. Вздохнула.

— Не получится. Так не положено. Во-первых, ты хочешь, чтобы мы занимались любовью, не поженившись, а это грех...

— С Робертом у тебя так и было!

— Да, но мы собирались пожениться. А с тобой это невозможно. Мы не можем пожениться, потому что некому зарегистрировать наш брак. А потом ты хочешь иметь детей, хочешь, чтобы они совершили инцест... это слишком ужасно. На этом нельзя созидать новый мир.

— У тебя есть идея получше?

— Нет. Но и твоя мне не нравится.

Френк тяжело опустился на землю, в изумлении покачал головой.

— Я просто не могу поверить тому, что сейчас происходит, — разговаривал он, похоже, сам с собой. — Последний мужчина и последняя женщина спорят о теологии, — он вскопчил, охваченный гневом. — Хватит! Никаких споров, никаких дискуссий! — он сорвал с себя рубашку. — Все начнется прямо здесь, прямо сейчас. Мы положим начало новому миру. Не могут сдерживать меня моральные нормы, которые обратились в прах вместе с планетой. Теперь все буду решать я. Язык, на котором я говорю, станет языком многих поколений. Если я скажу, что вода — это эггх, во веки вечные все будут говорить эггх, не задавая вопросов. Я теперь господь бог!

— Ты сошел с ума. — Гвенн попяtilась.

— Бог, если хочу им быть. Остановить меня некому. Хочу — побыю тебя, и за это ты будешь меня любить. А не полю-

бишь — побью вновь. Так чего ты не кричишь? — он бросил рубашку на землю, надвигаясь на Гвенн. — Я — единственный, кто услышит твой крик, и мне на него наплевать.

Он расстегнул ширинку, и с ее губ сорвался сдвоенный вскрик. Френк лишь рассмеялся.

— Выбирай! — проревел он. — Можешь наслаждаться, можешь ненавидеть, мне без разницы. Я — носитель спермы. Из моих чресел выйдет новое человечество...

Он замолчал, потому что земля, на которой они стояли, качнулась.

— Ты почувствовала? — спросил Френк.

Гвенн кивнула:

— Земля качнулась, словно по ней ударили.

— Другой корабль! — он быстро застегнул ширинку. Схватил рубашку, начал торопливо надевать. Гвенн взбила рукой волосы, пожалела о том, что при ней нет зеркалаца.

— Кто-то ходит, — указал Френк. — Там. — Оба прислушались к шорохам под их миром. Потом послышалось тяжелое дыхание, на край земли взобрался человек. В гидрокостюме, оставившем открытыми только голову и руки.

Зеленого цвета.

— Он... зеленый, — вырвалось у Гвенн. К Френку дар речи еще не вернулся. Мужчина поднялся, отряхнул пыль с рук, поклонился.

— Надеюсь, не помешал.

— Нет, все в порядке, — ответила Гвенн. — Заходите.

— Почему вы зеленый? — спросил Френк.

— Я мог бы спросить, почему вы — розовые.

— Только без шуток. — Пальцы Френка сжались в кулаки. — А не то...

— Я очень сожалею, — мужчина вскинул зеленые руки и отступил на шаг. — Прошу вашего прощения. Все это очень печально как для вас, так и для меня. Я — зеленый, потому что я — не землянин. Я — инопланетянин.

— Маленький зеленый человечек! — ахнула Гвенн.

— Не такой уж я и маленький, — обиделся инопланетянин.

— Я — Френк, а она — Гвенн.

— Рад познакомиться с вами. Мое имя произнести вам будет трудно, поэтому зовите меня Роберт.

— Только не Роберт! — взвизгнула Гвенн. — Он мертв.

— Пожалуйста, извините. Нет проблем. Гораций подойдет?

— Гораций, а что, собственно, вы здесь делаете? — спросил Френк.

— Видите ли, все это довольно-таки сложно. Если позволите, я начну с самого начала...

— А как вам удалось так хорошо выучить английский? — спросила Гвенн.

— Я это тоже объясню, если вы сообразовите меня выслушать, — и Гораций заходил взад-вперед. — Во-первых, я прилетел с далекой планеты, которая вращается вокруг звезды, отстоящей от Солнца на многие и многие парсеки. Мы проводили исследование Галактики, и мне поручили этот сектор. Ваша планета произвела на меня сильное впечатление. Как вы легко можете себе представить, зеленый — наш любимый цвет. Я установил средства мониторинга и подготовил достаточно полный отчет, естественно, с учетом ограниченного времени. На это ушло чуть больше двухсот ваших лет.

— Вы не выглядите таким стариком, — отметила Гвенн.

Все дело в жизненных циклах, вы понимаете. Я не буду называть вам моего истинного возраста, а то, боюсь, вы мне не поверите.

— Мне — двадцать два, — сказала она.

— Как мило! А теперь позвольте продолжить. Я собрал всю информацию, необходимую для отчета, выучил несколько языков, я горжусь своими лингвистическими способностями, но мало-помалу начал приходить к ужасному выводу. Человечество... как бы это выразить... довольно-таки отвратительное творение природы.

— Ты и сам не красавчик, зеленух, — бросил Френк.

Гораций предпочел проигнорировать его реплику.

— Я хочу сказать, что вы сильны, умны, плодовиты, многого добились. Но средства, которыми вы добивались своих впечатляющих успехов, вот что пугает. Вы — убийцы.

— Закон выживания, — отчеканил Френк. — У нас не было выхода. Съешь, или съедят тебя, убей, или убьют тебя. Выживает сильнейший.

— Я не буду с этим спорить. Разумеется, это единственная возможность для выживания любой цивилизации, и я уважаю такую точку зрения. Но куда больше меня интересует другое: как ведут себя представители вида, который занял главенствующее положение на планете. На нашей планете мы стали доминировать в незапамятные времена. И с тех пор охраняем все

прочие виды жизни, у нас царят мир и порядок. Тогда как ваши люди, воцарившись на Земле, на этом не успокоились и принялись убивать друг друга. Меня это очень огорчило.

— Никто вашего мнения не спрашивал, — отрезал Френк.

— Разумеется. Но мои наблюдения не только огорчили, но и встревожили меня. Моя планета не так уж и далеко по астрономическим меркам, и полагаю, что рано или поздно вы ее найдете. А потом, возможно, захотите перебить и нас.

— Теперь эта вероятность ничтожно мала, — вздохнула Гвенн, отпустив качели.

— Да, теперь она скорее теоретическая, но раньше ее приходилось учитывать. Вот и вышло, что я, интеллигентное, мирное, разумное существо, вегетарианец, никогда не обижавший и мухи, вдруг задумался о возможном уничтожении моей родной планеты. Как вы сами видите, это очень серьезная моральная дилемма.

— Не вижу, — Френк покачал головой, потом уставился на инопланетянина. — Так... вы имеете отношение к тому, что произошло?

— Я скоро к этому подойду.

— Сойдет да или нет.

— Не все так просто. Пожалуйста, выслушайте меня. Ситуация сложилась чрезвычайно драматичная. И никто не мог помочь мне принять решение. Полет домой занимал много времени, и пока я добрался бы туда, а мое руководство приняло бы решение, вы, люди, могли бы построить свои звездолеты и уже отправиться к нам. Если бы я продолжал наблюдение, вы все равно построили бы звездолеты и полетели к моей планете, чтобы уничтожить ее. В результате я, мирное существо, замыслил немислимое.

— Так это ты взорвал наш мир! — Френк шагнул к пришельцу.

— Пожалуйста! Никакого насилия! — Гораций поднял руки, попятился. — Не выношу насилия. — Френк остановился. Ему хотелось выслушать все до конца, но кулаков он не разжал. — Спасибо, Френк. Как я и сказал, я замыслил немислимое. Мог я применить насилие ради сохранения мира... или не мог? Если бы я ничего не предпринял, мою планету и всех ее жителей ждала гибель. И мне пришлось выбирать, какая цивилизация должна выжить. Моя или ваша. Вопрос я поставил ребром, так что с ответом проблем не возникало. Конечно же, моя. По-

скольку мы более древние, более интеллигентные, интереснее и красивее вас. И очень мирные.

— Поэтому ты взорвал наш мир, — подвел итог Френк.

— Не очень-то мирный поступок.

— Нет, не очень. Но в принципе это отдельно взятое, из ряда вон выходящее событие. После многих мирных столетий, за которыми, разумеется, вновь последуют мирные столетия.

— Что тебе здесь надо? — спросил Френк. — Почему ты нам все это рассказываешь?

— Естественно, чтобы извиниться. Я очень сожалею, что все так обернулось.

— Но сожалеешь далеко не в той степени, как мы, зеленый ты сукин сын.

— Если б я мог предположить, что вы поведете себя не как джентльмен, я бы не приходил.

Френк бросился на него, но Гвенн успела заступиться ему до рогу.

— Френк, пожалуйста, — взмолилась она. — Хватит насилия. Иначе я закричу. И вы сделали все сами, мистер Гораций?

— Просто Гораций, это имя. Да, сделал. И несу полную ответственность.

— А на борту вашего корабля больше никого нет?

— Я один. Корабль полностью автоматизирован. Мне понадобилось время, чтобы решить поставленную задачу, я не думаю, что кому-то удавалось создать бомбу, способную разнести целую планету, но я справился. Добился поставленной цели. Ради мира.

— Где-то я это уже слышал, — пробурчал Френк.

— Я процитирую одного из ваших генералов, который несколько лет назад выиграл небольшую локальную войну: «Я их убил для того, чтобы спасти». Но я не такой лицемер. Я уничтожил вашу планету, чтобы спасти свою. Всего лишь сыграл по вашим правилам, видите ли.

— Вижу, — голос Френка звучал уж очень спокойно. — Но ты сказал, что ты — один. Как насчет других зеленых человечков, которые заберутся сюда следом за тобой?

— Невозможно, заверяю вас.

И когда он повернулся, чтобы взглянуть на край земли, через который перелез, Френк шагнул вперед и двинул ему в челюсть. Инопланетянин повалился на спину, а Френк уселся на

нем и душил, пока тело не перестало дергаться. Гвенн одобрительно кивнула.

— Я возьмусь за ноги, — сказал Френк.

Без единого слова они донесли тело до обрыва и сбросили, наблюдая, как оно медленно кружится среди космического мусора.

— Мы должны найти его корабль, — прервал молчание Френк.

— Нет, сначала поцелуй меня. Крепко.

— Ух, — вырвалось у Френка, когда он наконец оторвался от Гвенн. — Это круто. Позволь спросить, с чего такие перемены?

— Я хочу привыкнуть к твоим поцелуям, к твоим объятиям. Мы должны воспитать большую семью, если мы хотим заселить целую планету.

— Полностью с тобой согласен. Но что заставило тебя передумать?

— Он, это существо. Нельзя допустить, чтобы ему это сошло с рук.

— Ты чертовски права! Месть! Вырастим детей, научим их летать, построим бомбы, найдем этих инопланетных мерзавцев и превратим их в пыль. Докажем его правоту. Мы обязательно отомстим за Землю!

— Я очень на это надеюсь. Не может он убить моего Роберта и остаться безнаказанным.

— Роберта? Так вот почему ты это делаешь! А как же остальные? Миллиарды людей, целая планета?

— В Миннеаполисе других знакомых у меня не было.

— Если бы Гораций знал насчет Роберта, готов спорить, он бы дважды подумал, прежде чем взрывать мир.

— Что ж, он не подумал и допустил ошибку. Так полетели?

— Барана возьмем?

Гвенн посмотрела на барана, подумала, покачала головой.

— Нет. Он тут очень хорошо смотрится. Создает ощущение дома. Будет куда возвращаться.

— Хорошо. Вперед, к мщению. Набрасываем планы, создаем бомбы, воспитываем детей. Все ради мести. Уничтожения.

— Как-то неприятно это звучит.

Френк потер подбородок:

— Раз уж ты упомянула об этом, не могу с тобой не согласиться. Но выбора у нас нет.

— Неужели? Да, этот отвратительный зеленый человечек унич-

тожил наш мир, но это не означает, что мы точно так же должны поступить и с его.

— Разумеется, не означает. Но есть же справедливость! Око за око, сама знаешь.

— Знаю. Не раз читала Ветхий Завет. Так делалось, нас учили так делать, но где уверенность, что путь этот правильный и единственный?

— Мысль твоя достаточно понятна. Ты хочешь сказать, что прежнего мира уже нет. И мы не можем вернуть его, взорвав еще одну планету. Если маленькие зеленые человечки такие мирные, как говорил Гораций, уничтожить их — преступление. В конце концов... они не уничтожали наш мир.

— Тут есть о чем подумать.

— Есть... к сожалению. Как было бы просто — взорвать их планету, потому что они взорвали нашу.

— Я знаю. Но это дурная привычка.

— Ты права. Начни взрывать планеты, и кто знает, чем все закончится. Так что у нас есть шанс отказаться от старого принципа око за око, зуб за зуб. Если мы построим наш мир, ты, я, наши дети, мы заложим в фундамент не месть, а что-то другое. Это трудная, но благородная задача.

Гвенн плюхнулась на качели.

— Твои рассуждения меня немного пугают. Взять на себя ответственность за создание целого мира — тяжеленная ноша, а ты еще хочешь создавать его на основе новой системы моральных ценностей. Не убий, не мсти...

— Мир и любовь для всех живущих на Земле. Что-то такое говорила церковь, благословляя войска. На этот раз наши слова не будут расходиться с делом. Действительно, будем подставлять другую щеку. Забудем о том, что они уничтожили наш мир. Докажем, что Гораций крепко ошибся. И потом, когда мы-таки встретимся с ними, им придется извиняться за него.

— Мы извиняемся прямо сейчас, — на край мира взобрался второй зеленый человек.

Гвенн вскрикнула.

— Гораций, ты не умер! — сорвалось с ее губ.

Зеленый человек покачал головой.

— Извините, индивидуум, которого вы называете Горацием, умер. Но после того что я услышал несколько секунд тому назад, я склонен думать, что он заслужил свою смерть. Он уничтожил целую планету и понес за это наказание.

— Гораций сказал, что он один. — Руки Френка вновь сжались в кулаки.

— Он солгал. Нас было двое. Он вызвался встретиться с вами, единственными, кто выжил, и все объяснить. Информацию о случившемся я доставлю на нашу планету. Уничтожение вашего мира выльется в продолжительный траур.

— Спасибо вам, — в голосе Френка, однако, благодарности не слышалось. — У меня сразу полегчало на душе. Вы помогли ему взорвать ваш мир?

Зеленый человек задумался, потом с неохотой кивнул.

— Помогал — сильно сказано. Вначале я не соглашался с его ситуационным анализом. В конце все-таки согласился...

— Вы ему помогли. А теперь отправитесь домой и расскажете всем, что произошло, расскажете, что выжившие строят новый мир, и, возможно, ваше руководство придет к выводу, что и нас лучше взорвать, на случай, что наши потомки окажутся не столь великодушными, как мы. И следующая ваша экспедиция расправится с нами, для профилактики.

— Да нет же, быть такого не может. Я решительно выступлю против...

— Но существует вероятность того, что вас не послушают?

— Надеюсь, что этого не произойдет. Но, разумеется, всегда существует вероятность того...

— Еще один зеленый сукин сын, — с этими словами Гвенн достала из кармана маленький пистолет и застрелила инопланетянина.

— Деваться, похоже, некуда, — вздохнул Френк, глядя на покойника. — Теперь придется найти их корабль и убить всех, кто там находится.

— А потом взять корабль и взорвать их планету, — добавила Гвенн.

— Выбора нет. Как говорил Гораций, такая уж у нас репутация. Придется ее оправдывать.

— У меня будет беспокойно на душе, если мы этого не сделаем. Я буду волноваться о наших детях и детях наших детей. Лучше сразу с этим покончить.

— Ты, разумеется, права. А вот взорвав их, мы начнем учить наших детей подставлять другую щеку и всему остальному. Тогда это будет уместно. Так в путь?

— Пожалуй. — Гвенн оглядела крошечный клочок их когда-

то необъятного мира. — Лететь, возможно, придется долго, не будем терять времени. Барана возьмем?

— Нет. Я отключу воздух, и он прекрасно сохранится. Он так хорошо смотрится на травке. Создает ощущение близости домашнего очага. Нам будет куда вернуться.

КВИНТЗЕЛЕНЦИЯ

— Осторожнее со шлюпкой, идиоты, — прошипел адмирал. — Второй у нас нет.

Он не сводил глаз с взмокших от пота матросов, спускающих шлюпку с палубы субмарины на воду. Луны не было, но небо над Средиземным морем сияло множеством ярких звезд.

— Это берег, адмирал? — спросил пассажир. Зубы его постукивали, скорее всего от страха, потому что ночь выдалась теплой.

— Капитан, — поправил его адмирал. — Я — капитан этой субмарины, и вы должны звать меня капитаном. Нет, это полоса тумана. Берег там. Вы готовы?

Джулио раскрыл рот, но, почувствовав, как дрожит челюсть, просто кивнул. В этом древнем берете, заношенных парусиновых брюках и старом пиджаке он чувствовал себя оборванцем. Особенно рядом с адмиралом, одетым в чистенькую, отутюженную форму: в темноте он не мог видеть ни штопку, ни даже заплаты. Джулио вновь кивнул, как только понял, что первого кивка адмирал не заметил.

— Хорошо. Инструкции вы знаете?

— Разумеется, инструкций я не знаю, — раздраженно бросил Джулио, стараясь не глотать окончания слов. — Я знаю только о том, что в кармане у меня лежит листок. Я должен прочитать, что на нем написано, после чего съесть листок. На рассвете.

— Это и есть инструкции, о которых я говорю, идиот. — Адмирал зарычал, как пробуждающийся вулкан.

— Вы не имеете права говорить со мной в таком тоне, — заверещал Джулио. Понял, что верещит, понизил голос. — Вы знаете, кто я та...

И замолчал на полуслове. Конечно же, адмирал не знал, а если бы он сказал, ЦРУ убило бы их обоих. Ему это твердо пообещали. Никто не мог знать, кто он.

— Я знаю, что вы — чертов пассажир, и от вас одни хлопоты,

и чем быстрее вы покинете борт этого судна, тем будет лучше. У меня есть дела поважнее.

— Какие? — Джулио удалось придать голосу насмешливые интонации. — Приколачивать парус к столу? С какой стати адмирал командует этой жалкой консервной банкой? Во флоте слишком много адмиралов, так?

— Нет, слишком мало кораблей. Это единственная субмарина, оставшаяся на плаву, — в уголке глаза адмирала заблестела скупая слеза, в последнее время он слишком часто прикладывался к бутылке. — Моя последняя миссия. Потом — отставка. И я еще должен почитать себя счастливым, — он шумно сглотнул слюну и мотнул головой, отгоняя мысли, которые мучили его день и ночь. — Вот ваши вещи. Удачи вам, уж не знаю, что вы должны сделать. Распишитесь вот здесь, это для отчета.

Джулио расписался в указанном месте, взялся за ручку потрепанного, но удивительно большого и тяжелого чемодана и с помощью матросов перебрался в подпрыгивающую на волне шлюпку. Тут же четверо матросов яростно заработали веслами. Офицер, согнувшийся в три погибели на носу, неотрывно смотрел на компас и тихим голосом отдавал команды. Фасоль и соленая рыба, которые Джулио с жадностью съел часом раньше, боролись друг с другом за право первой ринуться в обратный путь. Шлюпку немилосердно бросало из стороны в сторону, Джулио громко застонал и чуть не вывалился за борт, когда шлюпка внезапно ткнулась дном в песок. Грубые руки подхватили его, перенесли через борт, опустили в холодную воду, доходившую до колен, тут же взялись за весла и погнали шлюпку в море.

— Удачи, приятель, — прошептал офицер, растворяясь в темноте. Волна вымочила Джулио промежность. Он ахнул от неожиданности, повернулся и потащился на песчаный берег, прижимая к себе тяжелый чемодан, словно дорогого друга. Выбравшись из воды, поставил чемодан на песок, сел на него. Подавил рвущийся из груди стон. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким одиноким и беспомощным. Он даже не знал, где находится. Впрочем, в неведении ему оставалось пребывать недолго. Волоча за собой чемодан, он потащился к смутно виднеющемуся впереди темному строению.

Тишину нарушало лишь шипение волн, наползавших на берег. Темное строение оказалось рядом пляжных кабинок, к тому же незапертых, как он выяснил, дернув за дверь крайней.

Его это более чем устраивало. Заташив чемодан, он захлопнул за собой дверь и криво улыбнулся. К черту инструкции. Он хотел знать здесь и сейчас, где находится и что его ждет. Пусть маленький, но шагок к личной свободе. Для того он и скрал коробок спичек. Чтобы восстать против инструкций и логики. Он выудил из кармана спички, листок бумаги, чиркнул одной. Она ярко вспыхнула, он всмотрелся в листок. По закону подлости первая строчка оказалась нижней. Перевернул листок, вчитался... резко дернул рукой: спичка обожгла пальцы. Он облизал обожженное место и чуть не повторил вслух слова, накрепко впечатавшиеся в память:

«ВЫ НА БЕРЕГУ МАРИНА ПИККОЛА НА ОСТРОВЕ КАПРИ. УЖЕ РАССВЕЛО, ТАК ЧТО ИДИТЕ ПО ДОРОГЕ В ГОРОД КАПРИ. НА ПЛОЩАДИ ПОДОЙДИТЕ К АПТЕКЕ ПО ПРАВУЮ РУКУ ОТ ВАС. МУЖЧИНА С СЕДОЙ БОРОДОЙ ОТВЕТИТ «ВУССА»¹, КОГДА ВЫ НАЗОВЕТЕ ЕМУ ПАРОЛЬ — «STUZZICADENTI»². СЪЕШЬТЕ ЛИСТОК».

Он ежевал и листок, и слова. Капри, остров радости в Неаполитанском заливе, так о нем говорили. Он не бывал ни на острове, ни в Италии. Земля отцов. Задумался над тем, какая она, и впервые забыл о страхе. Что ж, скоро он все выяснит. И насчет того, что уже рассвело, автор записки ошибся. Джулио этому порадовался: пусть маленькая, но победа. Удар, нанесенный им по системе. А ждать до зари он не будет. Чем дальше он уйдет в глубину острова, тем меньше подозрений возникнет в том, что он высадился на берег. Логичность такого умозаключения вызывала вопросы, но он чувствовал свою правоту.

Наспотькавшись о почти невидимые преграды, он нашел каменные ступени лестницы, которая вела к проходу в стене. По другую ее сторону проходила дорога, вдоль которой стояли редкие дома. Плотно закрытые ставни оберегали их обитателей от опасностей теплой ночи. Мимо домов Джулио проходил на цыпочках. Чемодан словно набили свинцом, и ему приходилось то и дело переключать его из руки в руку. После второго поворота дороги, когда все дома исчезли из виду, он поставил чемодан на землю и сел на него. Тяжело дыша, мокрый от пота. Оставалось только гадать, как далеко находится город.

Джулио все еще тащился вверх по дороге, когда на востоке

¹ Вусса — корка (um.).

² Stuzzicadenti — зубочистка (um.).

небо начало светлеть. Потом оно окрасилось красным, как при пожаре, за горами на той стороне залива, и разом рассвело. Под открытым небом Джулио почувствовал себя крайне уютно и прибавил шагу. Но вскоре ему пришлось остановиться и поставить чемодан на землю, чтобы перевести дух. В этот самый момент из-за поворота появился мужчина, который нес на голове большую охапку травы. Бросив на Джулио подозрительный взгляд, еще более подозрительный из-за того, что мужчина был косоглазым, проследовал мимо.

— *Vuon giògno*¹, — поздоровался Джулио, выдавив из себя улыбку.

Мужчина что-то буркнул, и у Джулио вдруг скрутило живот. В Италии он? На Капри? Но потом, уже отойдя на несколько шагов, мужчина с неохотой ответил: «*Vuon giògno*».

Эта первая встреча напугала его больше всего. Далее по пути попадались и другие крестьяне. Кто-то молча проходил мимо, другие желали ему доброго утра, и постепенно он начал чувствовать себя поувереннее. Господи, выглядел он как крестьянин, его родители были крестьянами, он мог говорить на итальянском. Затеплилась надежда, что все будет хорошо.

Шатаясь от усталости, он преодолел последний подъем, и узкая дорога вывела его на площадь. Несмотря на ранний час, большинство магазинов уже работали. На дальней стороне площади, по правую руку, сразу бросилась в глаза вывеска «*Farmacìa*»². Под вывеской он увидел толстые стальные прутья решетки: аптека еще не открылась.

По спине Джулио пробежал холодок. Он понял слишком поздно, почему ему приказали пробыть на берегу до рассвета и лишь потом прочесть записку. Он пришел рано и тем самым мог вызвать подозрения. Уж не полицейский ли смотрит на него, жуя зубочистку? Небось гадает, кто он такой? От страха зубы вновь начали выбивать дробь. Он нырнул в ближайшую улицу, темную и прохладную. Не заметил ступеней, едва не упал. Свернул за угол в более узкий переулок. Прислушался, не идет ли кто следом. Увидел перед собой дверь магазинчика, ступил в полную темноту.

— *Si?*³ — прорычали у него над ухом. Смуглый мужчина с

¹ *Vuon giògno* — Доброе утро (*ит.*).

² *Farmacìa* — аптека (*ит.*).

³ *Si* — Чего надо (*ит.*).

двухдневной щетиной на подбородке и щеках вопросительно смотрел на него.

— Аспирин, — промямлил Джулио. — Мне нужен аспирин.

— Pazzo¹. — От мужчины разило перегаром. — Вон отсюда.

Джулио всмотрелся в темноту, увидел несколько картофелин, ящик с помидорами.

— Я думал, это аптека, — врал он неубедительно, сам бы себе не поверил. — В котором часу открывается аптека?

— Вон, — повторил владелец овощной лавки и вскинул над головой сжатую в кулак правую руку.

Джулио поспешно ретировался. Направился к площади. Полицейского на улице не встретил. Но страх остался. Выйдя на солнечный свет, увидел, как мужчина убирает решетку, которая закрывала витрину и дверь аптеки. С гулко бьющимся сердцем поволок чемодан через вымощенную булыжником площадь. Когда мужчина повернулся к нему, выдохнул: «Stuzzicadenti».

Только тут понял, что мужчина молод и чисто выбрит, а во взгляде читалась та же подозрительность, что и у зеленщика. Ответа на пароль мужчина, естественно, не знал и лишь указал на бакалейную лавку.

— Аспирин? — с надеждой спросил Джулио, попытавшись улыбнуться. Молодой мужчина оглядел его с головы до ног, словно оценивая кредитоспособность потенциального клиента. Вероятно, счел, что у Джулио должно хватить денег на пару таблеток аспирина. Открыл дверь и первым молча вошел в аптеку.

Седобородый толстяк, стоявший за мраморным прилавком, открывал какую-то коробку. Коротко взглянул на Джулио и продолжил распутывать веревку. Страх в сердце Джулио вытеснила радость. Он поспешил к толстяку, наклонился, прошептал ему на ухо: «Stuzzicadenti».

— Марко, кто-нибудь видел, как он вошел? — спросил толстяк, через голову Джулио обращаясь к молодому мужчине.

— Только полгорода, — ответил тот.

— Stuzzicadenti, — с надеждой повторил Джулио.

— Вот так всегда, они посылают черт знает кого.

— Stuzzicadenti... — не слово — стон.

— Зубочистки? — спросил Седая Борода, наконец-то удо-

¹ Pazzo — псих (*ит.*).

стоив Джулио взгляда. — О да, этот глупый пароль. Дерево? Нос? Зуб? Нет. Да! Ну, конечно! Висса!

— Долго же вы его вспоминали, — пробормотал Джулио. Такого приема он никак не ожидал.

— Заткнись и следуй за мной. Держись на расстоянии, чтобы никто не подумал, что ты идешь за мной. Когда тебя начнут искать, я хочу, чтобы все знали, что ты ушел из моей аптеки.

Он надел пижонистый пиджак в узкую полоску, взял приклоненную к стене малаккскую трость, вышел из аптеки и неспешно двинулся через площадь. Джулио рванулся за ним, но его остановил молодой мужчина.

— Не так быстро. Смотри, куда он пошел.

Только после того как Седая Борода повернул с площади на узкую улицу, молодой мужчина отпустил Джулио, и тот припустил следом. Тяжело дыша, чемодан не становился легче, стараясь не показывать виду, что куда-то спешит. Держался в отдалении и после нескольких поворотов облегченно вздохнул, увидев, что Седая Борода вошел в какой-то дом. Замедлил шаг, около дома остановился, огляделся. Никого. Шагнул в темный холл и услышал, как за его спиной защелкнулся замок. Открылась другая дверь, и вслед за седобородым он прошел в залитую солнцем, просторную комнату, из открытых окон которой открывался прекрасный вид на Неаполитанский залив. Толстяк указал ему на стул у окна, сквозь бороду золотом блеснули в улыбке зубы. Взял с комода бутылку вина.

— Добро пожаловать в Италию, Джулио. Можешь звать меня Пепино. Как прошло путешествие? Выпей вина, оно местное, тебе понравится.

— Откуда вы знаете мое имя?

Улыбка на мгновение исчезла, тут же вернулась.

— Послушай, я же все устраиваю. У меня твой паспорт, другие бумаги с твоей фотографией. И билеты. Я все это сделал, и доложу тебе, за большие деньги. — Он посмотрел на чемодан, улыбка стала шире. — Поэтому я рад, что у тебя есть чем расплатиться. Могу я взять чемодан?

Джулио крепче сжал ручку.

— Сначала я должен услышать от вас некое слово.

— Твое ЦРУ насмотрелось старых шпионских фильмов! Кто еще, кроме меня... — ярость Пепино мгновенно угасла, на лице заиграла улыбка. — Но, разумеется, это не твоя вина. Это сло-

во... merda¹... приходится запоминать столько глупых слов. Это слово... simulacro². Точно, оно.

Он бесцеремонно пододвинул к себе чемодан, положил на пол, попытался открыть замки. Не получилось. Что-то пробормотал себе под нос, с удивительным для такого толстяка проворством вытащил большой складной нож, раскрыл. Несколькими поворотами лезвия разделался с замками, убрал нож так же быстро, как и доставал. Отбросил крышку, и Джулио наклонился вперед, чтобы посмотреть, что же он тащил на себе.

В чемодане лежали упакованные в связки колготки. Посмеиваясь от удовольствия, Пепино вытащил из чемодана одну связку, выдернул из нее пару колготок. Помахал ими в воздухе.

— Я богат, я богат, — прошептал он себе. — Они же дороже золота.

Джулио согласно кивнул. Действительно, в чемодане лежало целое состояние. Окончательное истощение запасов нефти привело к коллапсу не только автомобилестроения, но и нефтехимии. Остатки нефти использовались на пужды фармакологии и для производства некоторых жизненно важных химических продуктов, но не волокна. В итоге нейлон, когда-то самый распространенный материал, перешел в разряд редчайшего из дефицитов. Разумеется, существовал черный рынок, который только помогал вздувать цены на такие пустячки, как колготки.

— Это тебе, — Пепино протянул Джулио потертый бумажник, засунутый между связок. Джулио раскрыл его, увидел, что бумажник набит банкнотами. Достал один, всмотрелся в него. С банкнота на него смотрел мужчина, по уши закутанный в мантию. Станный язык, странный шрифт. Словно писали на ломаном английском. «БАНКЫВСКИЙ БЫЛЕТ. АДЫН ФУНД».

— Убери их, — приказал Пепино. — Пригодятся на взятки и расходы, когда попадешь туда. — Содержимое чемодана он переложил на полку гардероба, запер его на ключ. Из нижнего ящика того же гардероба достал нижнее белье, носки, рубашки, все старые, вылинявшие, заштопанные, бросил в чемодан. Закрыв крышку, обмотал чемодан веревкой, завязал ее узлом, протянул чемодан Джулио.

— Пора идти, — объявил он. — С северной стороны площади лестница ведет к Марина Гранде. Спустишься не очень бы-

¹ merda — говно (ит.).

² simulacro — привидение (ит.).

стро, но и не очень медленно. В гавани найдешь паром, который доставит тебя в Неаполь. Вот билет, положи его в нагрудный карман. В этом конверте твой паспорт и остальные бумаги, которые тебе понадобятся. Корабль ты найдешь без труда. Сегодня ты можешь подняться на борт в любое время, но я предлагаю тебе сделать это сразу. Если задержишься в городе, можешь нарваться на неприятности. Допивай вино, и удачи тебе в твоей миссии, уж не знаю, в чем она состоит. Если сумеешь вернуться, расскажи ЦРУ о том, как хорошо я все сделал. Они — мой самый лучший заказчик.

С тем Джулио и выпроводили за дверь. С заметно полегчавшим чемоданом он вернулся на площадь, по, казалось, бесконечной лестнице спустился в гавань. Увидел, что на пароме поднимают паруса. Решил, что он может отвалить от пирса без него. Чуть ли не скатился с последних ступеней, затем, уже взмокнув от пота, замедлил шаг, увидев, что посадка продолжается. Но успел он вовремя, потому что не прошло и нескольких минут после того, как он поставил на палубу чемодан и уселся на него, паром под громкие крики отвалил от пирса. Попутный ветер легко понес его к видневшемуся вдали порту Неаполя.

Порт пустовал, Джулио увидел лишь несколько рыбацких баркасов да торговых судов, обслуживающих побережье Италии. Мир только приспособливался к переходу на паруса. Паром миновал ржавый корпус авианосца «Арк роял». Взлетная палуба поднялась едва ли не на девяносто градусов, когда авианосец кормой лег на дно, то ли в результате диверсии, то ли из-за прохуdivшегося корпуса. На фоне этих крохотных суденышек и ржавого чудовища «Святая Колумба» смотрелась на удивление величественно.

Высоченная, длиннющая, сверкающая свежей краской и начищенным хромом, казалось, она сошла со страниц учебника по истории. На мачте развевался оранжево-бело-зеленый флаг, над трубой вился коричневый дымок. В схлопнувшемся мире корабль этот являл собой памятник человеческому могуществу, и внезапно Джулио охватила радость. Он поднимется на борт «Святой Колумбы», ощутит работу ее могучего двигателя. Дитя закатных лет индустриального мира, он видел лишь прикованные к земле самолеты, разграбленные автомобили, застывшие станки. Несмотря на опасность своей миссии, он с нетерпением ждал предстоящего путешествия.

Собственно, с детских лет он мечтал о том, чтобы увидеть

работающую технику. До желанной цели оставался последний шаг: подняться на борт корабля. Востроглазые солдаты, с оружием на изготовку, охраняли пристань от непрошенных гостей. Затянутый в форму офицер проверил бумаги Джулио, какие-то проштамповал, какие-то забрал, махнул рукой, показывая, что путь свободен. Другой офицер мельком ознакомился с содержимым чемодана, и Джулио поднялся по трапу. С ощущением, что вошел в ворота рая.

Румяный, улыбающийся боцман занес его фамилию в список и определил ему койку. Он знал лишь несколько итальянских слов, зато арсенал жестов был у него куда богаче. Джулио с трудом удавалось скрывать знание английского.

— Тебе сюда, мой дорогой, каюта 144. Uno, quatro, quatro¹, ты это понял? Отоспись, приятель, это в самом низу, sotto², знаешь ли. Понял меня? Великолепно. Кивни, вот и все, охлаждает мозги. Вот тебе мелочишка, потом вычтут из твоего месячного жалованья. Soldi³, дошло? Нельзя допустить, чтобы человек умер от жажды. Ну и отлично, шевелись, двигай, avanti⁴. Иди на шум веселья и сможешь пропустить несколько кружек со своими попутчиками, чтобы отметить вояж в землю обетованную. Следующий.

Рев мужских голосов и смех становились все громче по мере того, как Джулио шел по коридору. Наконец открыл дверь и оказался в салуне, где крики на итальянском прорезали густой табачный дым. Краснолицые мужчины, в рубашках и галстуках, разносили кружки с темным пенящимся напитком смуглым темноволосым мужчинам, которые осушали их с пугающей быстротой. Перед некоторыми стояли стаканы поменьше с янтарной жидкостью, в которую подливали воду из стеклянных кувшинов. Пробираясь к стойке, Джулио услышал одобрительные комментарии: не хорошее вино, конечно, и не бьющая в голову граппа, но пить определенно можно. За корабль. Джулио передал один из полученных банкнот, меньшего номинала, чем те, что лежали во внутреннем кармане. Итальянцы не ошиблись, напитки по вкусу другие, но вполне приемлемые.

Такой же оказалась и пища. Первую трапезу он, правда,

¹ Uno, quatro, quatro — один, четыре, четыре (*ит.*).

² sotto — внизу (*ит.*).

³ Soldi — дешево (*ит.*).

⁴ avanti — вперед (*ит.*).

помнил смутно, от выпитого в голове стоял туман, но ему точно дали кусок мяса, которого в Хобокене хватило бы, чтобы накормить десятерых, вареный картофель, золотистое топленое масло, ржаной хлеб. Словно во сне, только все происходило наяву. К сожалению, плавание слишком быстро закончилось. Он, однако, сумел набрать несколько фунтов, пережил не одно похмелье и, несомненно, нанес непоправимый вред своей печени.

Итальянцы-пассажиры практически не контактировали с командой корабля. И не потому, что такие контакты не поощрялись. Просто на корабле лишних рук не было и матросам всегда находилась работа. Вот это обстоятельство плюс языковой барьер и разделяли пассажиров и команду. Впрочем, Джулио вызвался добровольцем, когда в рабочей команде потребовалась замена: кто знал, какие технические секреты удастся обнаружить в машинном отделении корабля. Но выяснить удалось немного: «Святая Коломба» — пароход, построен в Корке, в качестве топлива используются брикеты торфа. Он не сомневался, что все это ЦРУ уже известно. В обмен на эту жалкую кроху информации он полдня бросал брикеты торфа в топку, заменяя сломанный конвейер. Утешился он лишь тем, что остальным досталось не меньше, чем ему, и все они, возвращаясь в каюты, сравнивали ожоги на ладонях.

Плавание подошло к концу. Они увидели перед собой череду пологих холмов. «Святая Коломба» вошла в гавань между двух гранитных рук-волнорезов. По длинному зданию тянулась надпись «DUN LAOGHAIRE»¹. Как произносились эти слова, Джулио не имел ни малейшего понятия. Капитан поздравил пассажиров с благополучным прибытием, и они с вещами потянулись с палубы на пристань, где их ждали двухэтажные автобусы. Местом прибытия значился некий Лар, и все мужчины, радостно переговариваясь, предвкушали поездку на механическом средстве передвижения. Автобусы, похоже, работали на электрической тяге, поскольку при движении слышалось лишь шуршание шин по асфальту. Они ехали по узким улицам меж зеленых деревьев, маленьких домиков, садов с цветочными клумбами и парков с сочной травой, пока не уперлись в массивные ворота, от которых в обе стороны уходила высокая стена. Ворота медленно распахнулись, автобусы въехали на большую площадь, окруженную зданиями необычной архитектуры. Джулио

¹ DUN LAOGHAIRE — Дан-Лэри, порт неподалеку от Дублина.

запоминал все мелочи, как его и учили. Как только вереница автобусов выехала за ворота, водитель последнего помахал рукой, ворота захлопнулись, а на трибуну в центре площади поднялся мужчина и дунул в микрофон. Его дыхание, усиленное динамиками, ветром пронеслось по площади, эхом отразилось от стен, и итальянцы, притихнув, повернулись к нему. Черный костюм, черный макинтош, золотая цепь на груди, в руке большая трубка. Мужчина заговорил сразу же.

— Меня зовут О'Лири. Я команду этим заведением. Некоторые из вас уже говорят по-английски, а остальным придется выучить этот язык, если вы хотите здесь остаться. Джино — переводчик, и сейчас он будет переводить мои слова. Но по вечерам здесь работают классы английского языка, и вас там ждут. Скажи им, Джино.

О'Лири достал зажигалку и принялся раскуривать трубку, пока Джино переводил вступительную часть. Потом кивнул и продолжил:

Вы, господа, гостевые рабочие Ирландии. Нам требуются люди, которые будут выполнять важную работу, и я знаю, что вы будете выполнять ее с удовольствием. Работа не тяжелая, вас будут хорошо кормить, у вас будет много свободного времени, при желании вы сможете отсылать заработанные деньги домой. Будете вы ходить в церковь или нет — дело ваше, но церковь у нас одна, Римская католическая. Как только мы определимся с вашей квалификацией и способностями, вы получите наиболее подходящую для вас работу. Некоторые будут подметать улицы, ибо мы гордимся чистотой наших городов, другие будут собирать пыль и ездить на больших и мощных агрегатах, которые выполняют эту важную для нашего общества функцию. Перед каждым из вас открываются блестящие перспективы.

Он затаился, вроде бы не слыша пробежавшего по толпе ропота.

— Да, я понимаю, что рассчитывали на более квалифицированную работу, каменщика там или плотника, но я по собственному опыту — все-таки вы не первые, кто прибыл в Ирландию, — знаю, что среди вас нет ни одного, кто честно проработал хотя бы день. — В голосе зазвенел металл. — На ваших мягких ладонках не найти ни одной мозоли. Но это нормально. Нам известно, что вы сами достаточно богаты или кто-то из ваших знакомых достаточно богат, чтобы потратиться на взятки и поддельные документы, которые позволили вам приехать

сюда. За это вас никто не осуждает. Но от вас ждут добросовестной работы и оценивать вас будут исключительно по трудолюбию. Если вы его не проявите, вас незамедлительно отправят обратно. А если вы будете добросовестно выполнять свои обязанности, мы, безусловно, выполним все, что обещали. Вам понравится жизнь на наших берегах. Помните, вам будет разрешено посылать вашим семьям продукты и промышленные товары. Высококачественные продукты нашей страны пойдут вам на пользу. Вы будете пить «гиннесс» и с каждым днем набираться сил. Завтра, в половине седьмого утра, вы соберетесь здесь и начнете таскать кирпичи для строительства новой электростанции.

С этим О'Лири отвернулся (уж не блеснула ли в его глазах смешинка?) и, не дослушав перевода, сошел с трибуны. По толпе пролетел вздох разочарования. Итальянцы расхотелись подавленные.

Но не Джулио. У него, наоборот, пела душа. Электростанция! Вот удача так удача.

Наутро, мокрые и замерзшие, — сеял нудный, мелкий дождь, — они стояли во дворе, разбившись на десятки. Около каждой группы на земле лежала внушительная гора массивных кирпичей. Невысокий широкоплечий мужчина с большими красными руками объяснял задачу Джулио и его товарищам, показывая незнакомый Джулио предмет. К длинной деревянной рукоятке крепились две доски. Расположенные под углом друг к другу, они образовывали букву V.

— Это, дорогие мои, лоток для переноски кирпичей. Смекаете? Лоток, лоток. Слышите, как я произношу это слово? Лоток.

— Лоток, — повторил один из итальянцев, — лоток, лоток.

— Отлично. Вижу, вы парни умные и быстро всему научитесь. Значит, с лотком все ясно. Ничего другого про него никто вам и не скажет, но дело все в том, что наши кирпичи — не те хрупкие, ломающиеся от одного прикосновения хреновины, которыми вы пользуетесь в своих заморских странах.

Мужчины слушали с написанным на их лицах недоумением, и Джулио изо всех сил старался не подавать вида, что все понимает. Инструктора же несколько не беспокоило незнание английского его подопечными.

— Было время, когда вам приходилось носить на этом лотке гору кирпичей, но теперь зараз их ставят на лоток только три. Вы можете спросить, почему только три? Что ж, с радостью вам отвечу. Только три, потому что они чертовски тяжелые, вот по-

чему, потому что стандартный ирландский кирпич изготавливается из крепкого гранита и служит столетия. Поднимите один, если сможете, вот ты, Тони, дружище, и без ухмылочек, это тебе не мешок с мукой. Если не научишься поднимать, грыжа тебе гарантирована...

— Падди, — раздался мужской голос. — Мне нужна парочка коричневых парнишек, чтобы разгрузить грузовик. Поделишься?

— Толку от них никакого, так что можешь забирать всех. Соображаю, что мне удастся сделать из них хороших носильщиков кирпичей.

Мужчина ткнул пальцем в ближайшего из итальянцев.

— Тони, пойдешь со мной. Понял? И ты, Тони, — второй раз палец указал на Джулио.

Джулио воззрился на мужчину, ткнул себя в грудь, получил ответный кивок и последовал за мужчиной.

Они миновали одни маленькие ворота, потом другие. Впереди высилось огромное здание без окон. Высоко на стене белели изоляторы. Толстые провода выходили из здания и тянулись к первому высокому столбу. Их черед уходила к горизонту.

— Величественное зрелище, не так ли, Тони? В вашей макаронной стране ничего такого нет и в помине, так? Но сначала работа. Снимаем коробки с грузовика и ставим на телегу. И поосторожнее, ничего не бросать. Вот так. Понятно?

Разгрузка не заняла много времени. Грузовик отъехал, двое мужчин укатали телегу.

— Будет еще грузовик, понятно? — Их босс замахал руками, указал на землю. — Отдыхайте, мы скоро вернемся.

Дождь перестал, выглянуло солнце. Напарник Джулио свернулся клубочком у стены и тут же уснул. Джулио сорвал травинку, пробившуюся сквозь бетон, пожевал, огляделся. Никого, все тихо, но для ирландцев это обычное дело. На инструктаже подчеркивалось, что отсутствие бдительности — серьезный недостаток ирландцев, которым и предлагалось воспользоваться. Джулио поднялся, пошел вдоль стены, увидел маленькую дверь с табличкой:

«НЕ ВХОДИТЬ.
ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ.
ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА».

Посмеет ли он? Почему нет, для этого его и послали, рано или поздно придется предпринять такую попытку. Дверь не подавалась, но тип замка он узнал: готовили его на совесть. От-

мычка хранилась за пряжкой ремня. Легкое прикосновение к нужному месту, и она упала ему на ладонь. Вокруг по-прежнему ни души. Вставить, приподнять, надавить... повернуть.

Дверь распахнулась. Секунду спустя он уже закрывал ее за собой. Перед ним тянулся ярко освещенный коридор. В груди молотом стучало сердце. Не оставалось ничего другого, как идти дальше. По коридору. Мимо дверей. Все закрыты. На каждой табличка с цифрой. За ними могло находиться все что угодно. Еще одна дверь. Джулио застыл, прочитав надпись на табличке:

«ТЕХНИЧЕСКИЕ ИНСТРУКЦИИ»

Он у цели! Тот же замок, дверь открылась, за ней — тьма. Прежде чем закрыть за собой дверь, он увидел полки. Нашупал на стене выключатель, повернул...

— Заходи, Джулио, — сказал мужчина. — Садись к столу, напротив меня. Сигарету? Извини, забыл, что ты не куришь.

Двигаясь, как автомат, не веря случившемуся, Джулио сел, стараясь не смотреть на улыбающегося мужчину по другую сторону стола, одетого в какую-то форму, с погонами. Мужчина дружелюбно кивнул.

— Так-то лучше, в ногах правды нет. Я полагаю, ты из ЦРУ, но, надеюсь, не профессиональный разведчик. Назови, пожалуйста, свою настоящую фамилию.

К Джулио наконец-то вернулся дар речи.

— Scuse, signore, по сар...¹

— Пожалуйста, Джулио, не трать попусту наше время. Посмотри, что мы нашли у тебя в кармане. Обыски у нас в ходу, знаешь ли, — он держал в руке синюю книжицу спичек с белой надписью «ВМС Соединенных Штатов».

Джулио ахнул и обмяк.

— Не хочешь нам помочь? Дорогой, дорогой, ты все усложняешь. Моя фамилия Пауэр. Капитан Пауэр. А твоя? Ну, ладно, значит, без этого не обойтись...

Капитан обошел стол, а мгновением позже одна его рука, как тисками, сжала шею Джулио, а вторая прижала пальцы к белой полоске, на которой тут же проступили их отпечатки. Пауэр освободил Джулио, взял полоску, внимательно рассмотрел отпечатки, кивнул, бросил полоску в щель на поверхности стола.

¹ Scuse, signore, по сар... — Извините, синьор, не по... (ит.).

— Годится. А ожидая результатов, мы можем осмотреть электростанцию. Ну что ты на меня так тарачишься? Ты за этим и приехал, не так ли? Ирландская краса и гордость, вызывающая зависть всего мира, — он открыл дверь, вытолкнул Джулио в коридор, продолжая говорить на ходу: — В мире, где ресурсы катастрофически тают, а источники энергии еще быстрее сходят на нет, мы вполне счастливы на нашем богатом острове. Урожай у нас отличные, стада тучные, продукции сельского хозяйства нам не просто хватает, но еще и остается. И торфа хоть завались, раньше на нем работали наши тепловые электростанции, а теперь мы используем его на кораблях. Но источник получения электроэнергии — это наш секрет, не так ли? Причина, по которой ты здесь. Естественно, тебя интересует и наша сталь. Мы процветаем в этом убогом мире и помогаем другим, насколько возможно, но, в конце концов, мы — маленькая нация. Сюда, пожалуйста, — он открыл массивную дверь. — А теперь позволь спросить... великолепное зрелище, не так ли?

Капитан Пауэр не грешил против истины. Они стояли на балконе, который словно парил над огромным залом. Грохот, жара, движение поначалу не давали понять, что происходит внизу. Пар шипел и клубился над полом, где крутились большие турбины. Конвейерная лента, уставленная гранитными кирпичами, выползала из отверстия в одной стене, чтобы скрыться в отверстии противоположной.

— Когда гранитные кирпичи падают в паровую камеру, они практически расплавлены, их температура составляет тысячи градусов. Поначалу у нас с ними было много проблем, они лопались, взрывались, как бомбы. Теперь, конечно, все под контролем. В паровой камере они немного охлаждаются, потом падают в воду, генерируют пар, который вертит турбины, вырабатывая электроэнергию. Вот и все дела.

— Но... нет, такого не может быть, — промямлил Джулио. — Откуда берутся кирпичи?

— Я думал, ты никогда не спросишь. Пойдем сюда, я познакомлю тебя с одним из тех, кто этим занимается.

Через минуту-другую они уже стояли в большой комнате, заставленной незнакомым Джулио оборудованием. Высокий мужчина с венчиком рыжих волос вокруг блестящей лысины сидел на диване и читал компьютерную распечатку.

— Джулио, я хочу познакомить тебя с Сином Рафтери.

— Рад встрече. — Син поднялся, крепко пожал Джулио руку. — Вы смелый человек, раз решили отправиться в столь дальнее и опасное путешествие, и образование, как я только что прочитал, у вас очень хорошее. Джулио... — он вновь заглянул в распечатку. — Джулио Балетти. Родился в Хобокене, штат Нью-Джерси, какое необычное название для города... колледж, университет, докторская диссертация по физике, атомной физике. А ведь вы так молоды.

— Атомная физика, — покачал головой Пауэр. — Они по-прежнему пытаются там что-нибудь найти. Что ж, попутного им ветра.

— Так вы... знаете... — выдавил из себя Джулио.

— Разумеется. Мы гордимся нашими архивами. Ты не первый, знаешь ли. Поначалу мы пытались отгонять таких, как ты, но потом поняли, что гораздо легче впускать их, а потом уже с ними разбираться.

— Вы собираетесь меня убить!

Перестань, мы же, в конце концов, не ЦРУ. У нас цивилизованная страна. Мы собираемся показать тебе величайший секрет Ирландии, а потом сотрем из твоей памяти, совершенно безболезненно, все события этого дня. Ты затратил много усилий, чтобы попасть сюда, поэтому будет справедливо, если ты увидишь то, что хотел. Видишь ли, мы выяснили, что после стирания памяти человек ведет себя гораздо спокойнее, если предварительно ему показали то, о чем он мечтал. Где-то на подсознательном уровне закрепляется факт успешного выполнения задания, и это, наверное, очень важно. Син, если не возражаешь.

— Отнюдь. Наш секрет, Джулио, невероятная сила ирландской личности и характера, которая существовала всегда, но никому не удавалось направить ее в нужное русло. Поэты и писатели черпали из этого неиссякаемого источника и добивались немалых успехов. Кто-то сказал об одном ирландском авторе, что любой может так писать, если не будет думать о том, что пишет. Но только ирландцам не надо прилагать для этого никаких усилий.

Широко раскрыв глаза, Джулио наблюдал, как капитан Пауэр подкатил к Сину Рафтери закрепленную на колесиках черную конструкцию, отдаленно похожую на рыцарские доспехи, уродливую, как Железная дева. Но у Сина костюм этот не вызвал страха. Он сунул руки в «рукава», улыбнулся, когда «панцирь» защелкнулся, обхватив его тело.

— Поток остроумия и ирландского юмора не требует рекламы, наши комики известны во всем мире, они, как никто, умеют выражать свои чувства, — но вот с его даром речи определено что-то происходило. Он начал запинаться, повторяться. — Пожалуйста, извините... извините, если сможете. Видите ли, это костюм сенсорной депривации. Я не чувствую рук и тела, не могу ими пользоваться... Но, слава богу, еще могу говорить...

Глаза Сина округлились, речь оборвалась, как только капитан Пауэр заткнул ему рот кляпом.

— Вот так. Полная сенсорная депривация начинается с того, что субъекта лишают возможности жестикулировать, указывать пальцами, ходить. Но средством общения остается язык. Вот тут мы используем кляп. Вы можете спросить, и что мы имеем? Мы имеем, отвечаю я, мощный поток самовыражения, который ищет выход. Мы имеем гения самовыражения, который, однако, не может выразить свои чувства. Ан нет, все-таки может. Посредством мозга! Не имея других средств для выражения мыслей, бурлящих в могучем ирландском мозгу, могучий ирландский мозг начинает непосредственно взаимодействовать с окружающим миром. Вот это стекло на столе... будь так любезен, Син.

Стекло взмыло вверх, словно птичка, вновь опустилось на стол.

— Прямое воздействие на материю силой мозга. Но мозг способен на гораздо большее, чем такие дешевые трюки. Син и другие члены его команды усилием воли проникли в кипящую магму, которая находится глубоко под нами, и пробили канал до самой поверхности. Жидкая магма выдавливается наружу, движущийся каменный столб. Вернее, был бы столб, если бы выходное отверстие регулярно не перекрывалось, чтобы тут же открыться вновь. И столб режется на кирпичи, которые ты уже видел. В других случаях, проникнув еще глубже, они добиваются до расплавленного ядра нашей планеты, и на наши металлургические заводы поступает чистейшее железо. Это, конечно, чудо из чудес.

Он улыбнулся Джулио и дал знак Сину.

— А теперь, только легонько, сотри воспоминания этого дня.

Джулио вскочил, попытался убежать, но провалился в темноту.

* * *

— Chi e lei?¹ — спросил Джулио у сидящего за столом офицера, который внимательно изучал компьютерную распечатку.

— Только, пожалуйста, не валяйте дурака, здесь привыкли заниматься делом, — ответил ему капитан Пауэр. — Мы все о вас знаем. Вы доктор Джулио Балетти, физик-атомщик. Вас прислало ЦРУ, чтобы выкрасть наши технические секреты. Вы — шпион, и за шпионаж мы можем вас расстрелять... Присядьте, ну что вы так побледнели. Стакан воды? Нет? Вам уже лучше? Это хорошо. Но мы добрые люди и предоставляем вам выбор. Вы можете вернуться домой и сказать ЦРУ, что им следует оставить нас в покое. Или вы можете остаться здесь, если в дальнейшем прекратите вашу шпионскую деятельность. В Тринити-колледж вакантна должность преподавателя атомной физики. Полной занятости я вам, к сожалению, не обещаю, лишь несколько лекций в неделю. Так что вам придется выполнять и другую работу. Мы выяснили, что академикам очень нравится рубить торфяные брикеты. Здоровый труд на свежем воздухе доставляет массу удовольствия. Многим нашим старикам нравится топить печь нарезанными вручную брикетами торфа, так чего не потрафить им. Что вы на это скажете?

А что он мог сказать? Хобокен, беспросветная нищета, продукты из сои и планктона, жалкое существование. Так чего не остаться? Клятвы верности от него не просят. Он будет держать глаза открытыми, попытается вызнать ирландские секреты, если удастся, вернется с ними в Соединенные Штаты. Его долг — остаться.

— Тринити и торфяник, — твердо заявил он.

— Отлично. А теперь пойдете со мной... Я хочу познакомиться вас с герром профессором доктором Шмидтом. Тоже физиком...

— Nein², вы забыли, мой капитан, физик — это Иван. Я же простой химик. Пошли... Вас звать Джулио? Мы потолкуем, а потом я вам покажу, как пользоваться торфяной лопатой. Очень удобный инструмент.

Они вышли, рука об руку, под морозящий дождь.

¹ Chi e lei? — Кто вы? (ит.)

² Nein — нет (нем.).

СКОРОСТЬ ГЕПАРДА, РЫК ЛЬВА

— Он едет, папа! — закричал Билли, взмахнув полевым биноклем. — Только что обогнул угол Лиловой улицы.

Генри Брэгэн что-то удовлетворенно буркнул, не без труда усаживаясь за руль своего роскошного, это вам не микролитражка, лимузина: двадцать два фута длины, восемь — ширины, двигатель в триста шестьдесят лошадиных сил, четыре дверцы, кругом электромоторы, система кондиционирования. Между большой «баранкой» и кожаным передним сиденьем места хватало, но и Генри мог похвастать внушительностью габаритов. Он буркнул вновь, повернув ключ зажигания. Рев могучего двигателя заполнил гараж. Генри широко улыбнулся, поднося раскаленный прикуриватель к кончику длинной сигары.

Билли, присев за изгородью, не отрывался от бинокля. Наконец крикнул вибрирующим от волнения голосом:

— В квартале от нас и сбрасывает скорость!

— Поехали! — весело откликнулся отец и нажал на педаль газа.

Грохот выхлопа напомнил гром, открытые ворота гаража завибрировали, пустые консервные банки запрыгали на полках. Огромный автомобиль вырвался из гаража на подъездную дорожку, улицу и покатил с грацией и величием «Боинга-747». Ревя, как голос свободы, обогнул одноцилиндрового, из пластика и фанеры, расходующего один галлон на сто тридцать две мили, одноместного «экономного жука», за рулем которого сидел Саймон Писмайр. Саймон как раз собрался повернуть на свою подъездную дорожку, когда мимо проскочил дредноут автострад, и поднятый им ветер едва не смел микролитражку Саймона с асфальта. Саймон, побагровевший от ярости, поднялся над ветровым стеклом, как суслик над норкой, в бесильной злобе потряс кулаком вслед автомобилю, его слова заглушил рев восьми цилиндров. Генри Брэгэн наслаждался этой сценой в зеркале заднего обзора, так смеялся, что пепел с сигары упал на брюки.

Действительно, зрелище было великолепное, кит, плывущий в косяке пескарей. Маленькие автомобильчики, снующие по улице, разлетались в стороны, водители, выпучив глаза, наблюдали, как Генри проезжает мимо. Не меньшее внимание оказывали ему пешеходы и велосипедисты, успевшие оттяпать у автомобилистов немалую толику мостовой. Король в своей карете или лучший бейсболист Америки на плечах своих това-

рищей по команде не могли бы вызвать большего интереса. В этот миг Генри был королем дороги и сиял от удовольствия.

Впрочем, далеко он ехать не собирался. Автомобиль, глухо урча двигателем, дождался, пока вспыхнет зеленый свет, потом повернул за угол на Голливудский бульвар и остановился около аптеки. Выключать двигатель Генри не стал, вылез из кабины, что-то бормоча себе под нос, прикидываясь, что не замечает восхищенных взглядов всех, кто проходил или проезжал мимо.

— Отличная машина, — доктор Кайн, владелец аптеки, встретил его у дверей и протянул четырехстраничный экземпляр еженедельника «Лос-Анджелес таймс». — И, как я вижу, в прекрасном состоянии.

— Спасибо, док. Хороший автомобиль требует соответствующего ухода.

С минуту они поговорили об обычных мелочах: отключении света на Восточном побережье, школах, закрывающихся из-за недостатка электроэнергии, очередном экстренном послании президента, шансах Митчелла и Стена на освобождение на поруки. Потом Генри неспешным шагом вернулся к автомобилю, бросил газету на пассажирское сиденье. И как раз открывал дверцу, чтобы сесть за руль, когда Саймон Писмайр подкатил на своем «экономном жуке».

— Действительно экономит бензин, Саймон? — с улыбкой спросил Генри.

— Слушай сюда, черт тебя побери! Ты выехал на этом танке и едва не раздавил меня! Я заявлю на тебя в полицию!

— Ну что ты, Саймон. Я ничего такого не делал. И близко к тебе не приближался. Смотрел очень внимательно, потому что разглядеть твою крошку иной раз не так-то легко.

Саймон залился краской, сердито двинулся к Генри.

— Не смей так со мной говорить! Я подам на тебя в суд вместе с твоим монстром, сжигающим наши бесценные резервы...

— Не горячись, Саймон. Твоя тикалка может и отказать, если будешь так волноваться. Ты в том возрасте, когда сердце надо беречь. И ты знаешь, что с законом у меня все в порядке. Все, кто мог, меня проверил, и комиссия по ценам и ресурсам, и департамент по налогам и сборам, и полиция, все. Они восхищались моим автомобилем, а уходя, пожимали мне руку, как джентльмены. Закон любит мой автомобиль, Саймон. Не так ли, патрульный?

О'Райли, который любовался автомобилем Брэгэна, при-слонив велосипед к стене, помахал рукой.

— Именно так, мистер Брэгэн, — и нырнул в магазин, не желая втягиваться в дискуссию.

— Так-то, Саймон, — Генри сел за руль, чуть придавил педаль газа. Двигатель хищно взревел, и люди подались назад.

Саймон всунулся в окно.

— Ты едешь на этом автомобиле только для того, чтобы досадить мне! Вот зачем ты это делаешь! — прокричал он. Кровь еще сильнее прилила к голове, на лбу выступили капли пота.

Генри добродушно улыбнулся, затянулся сигарой, прежде чем ответить.

— Напрасно ты так. Мы же соседствуем много лет. Помнишь, как я купил «Шеви», а ты, неделей позже, двухдверный «Бьюик»? Я купил отличный, пусть и подержанный четырехдверный «Бьюик», а ты в тот же день приобрел новый «Торнадо». Я понимаю, чистое совпадение. А когда я вырыл у себя двадцатифутовый бассейн, ты, так уж вышло, вырыл тридцатидвухфутовый, да еще на фут глубже, чем у меня. Но меня это нисколько не волновало...

— Черта с два!

— Ладно, может, и волновало. Но теперь не волнует, Саймон, абсолютно не волнует.

Он нажал на педаль газа, дредноут автострад величественно тронулся с места, обогнул угол и исчез за поворотом. И Генри, направляясь к дому, не мог вспомнить дня, когда солнце светило бы так ярко, а воздух был таким сладким. Действительно, чудесный выдался денек.

Билли ждал у гаража, закрыл ворота, как только их миновал сверкающий задний бампер. Громко смеялся, когда отец начал рассказывать ему о случившемся, а когда история подошла к концу, они оба разве что не покатывались от хохота.

— Жаль, что я не видел его лица, папа, ужасно жаль. Слушай, а почему бы завтра не увеличить громкость выхлопа? На выходе из усилителя можно получить двести ватт, а между задними колесами у нас двенадцатидюймовый динамик. Что скажешь?

— Можно, но только на чуть-чуть. Чтобы оставить что-то и на последующие дни. Давай взглянем на часы, — он повернулся к приборному щитку, и улыбка сползла с его лица. — Господи, я проездил одиннадцать минут. Не знал, что так долго.

— Одиннадцать минут... примерно два часа.

— Я знаю, черт побери. Надеюсь, ты мне поможешь, а то у меня не хватит сил, чтобы поднять за обедом ложку.

Из ящика с инструментом Билли достал заводной ключ на длинном штыре, свернул крышку с бензобака, вставил ключ в гнездо. Генри поплевал на ладони, взялся за рукоятку.

— И пусть пружину придется взводить два часа, — пропыхтел он. — Овчинка стоит выделки.

ПОСЛЕ ШТОРМА

Отлив продолжался, оставляя после себя полоску твердого песка, очень удобную для бега трусцой. Солнце, только поднявшееся над горизонтом, уже согревало лицо. Ночной шторм наконец-то стих, хотя Атлантический океан все еще гнал на берег длинные пенящиеся валы. День обещал быть жарким, но пока мокрый песок приятно охлаждал голые ноги. Бежалось легко, лишь иногда волны в последнем броске дотягивались до моих лодыжек. На душе царил покой: эти утренние часы нравилось мне, как никакие другие.

Взгляд выхватил впереди что-то темное, резко выделяющееся на фоне белой пены. Дерево, решил я. Очень хорошо, зимой погреемся у камина. Но расстояние сокращалось, и по голой спине пробежал холодок.

Не дерево — тело, тело мужчины.

Мне не хотелось смотреть вблизи на вынесенный океаном труп. Я замедлил бег, остановился, не зная, что и делать. Позвонить в полицию? Но вода за это время могла утащить труп обратно. Надо вытаскивать его на песок, а подходить не было ни малейшего желания. Сильная волна достала тело, перекатилась через него и водоросли, которые вплелись в длинные черные волосы. Голова приподнялась и упала.

Он не умер.

Но был холодным, как смерть. Я почувствовал этот холод, когда схватил его за руки и потащил, как мешок с картошкой, на сухой песок. Бросил на живот, ткнул подбородком в предплечье, сильно нажал на спину. Второй раз, третий, жал, пока он не закашлялся и изо рта не хлынула морская вода. Он застыл, когда я перевернул его на спину, веки дернулись и открылись. Блуждающий взгляд светло-синих глаз в конце концов уперся в меня.

— Вы в порядке, — я прояснил ситуацию. — На берегу и живой, — он нахмурился, и у меня возникли сомнения, понимает ли он меня. — Вы говорите по-английски?

— Да, — от закашлялся, отер губы. — Можете вы сказать, куда меня занесло?

— Манхассет, северный берег Лонг-Айленда.

— Один из штатов Соединенных Штатов, так?

— Вы — ирландец?

— Да. И чертовски далеко от дома.

Он сумел подняться, его сильно качнуло, и он бы упал, если бы я не поддержал его.

— Обопритесь на меня. Дом неподалеку. Там найдется и сухая одежда, и чашка чего-нибудь горячего.

Когда мы добрались до патио, он со вздохом плюхнулся на скамью.

— Сейчас я бы не отказался от чашки чая.

— Чая нет. Как насчет кофе?

С удовольствием.

— С молоком и сахаром? — спросил я, нажимая кнопки на настенном пульте. Он кивнул, а его глаза широко раскрылись, когда я достал из лотка дымящуюся чашку. Он осторожно пригубил кофе, потом сделал большой глоток. Молча выпил все.

— У вас тут прямо чудеса. А повторить можно?

Неужели там, откуда он приехал, нет самых обычных раздаточных систем, мысленно удивился я. Бросил пустую чашку в рециклер и передал ему полную.

— Я из Ирландии, — ответил он на мой неозвученный вопрос. — Пять недель тому назад мы вышли из Арклоу. Попали в шторм. Везли в Канаду выделанные шкуры. Теперь они на дне, вместе с командой, упокой, господи, их души. Я Бирн, Кормак Бирн, сэр.

— Бил Кон-Гриви. Не хотели бы вы снять мокрую одежду?

— Все нормально, мистер Гриви, так приятно сидеть на солнышке...

— Кон-Гриви, — поправил я его. — *Matronym, patronym*¹. Таков закон... уже лет сто. Как я понимаю, на вашей стороне океана в ходу лишь фамилия отца?

— Да, да. В Ирландии если что и меняется, то очень медленно. Но вы говорите, в вашей стране действует закон, по кото-

¹ *Matronym, patronym* — фамилия матери, фамилия отца (лат.).

рому у каждого должна быть двойная фамилия, вашей матери и вашего отца?

Я кивнул, удивившись, что простой матрос знает латынь.

— Феминистский блок протолкнул этот закон через конгресс в 2030 году, когда президентом была Мэри Уилер. Извините, но мне надо позвонить. Сидите и отдыхайте. Я вернусь через минуту.

От этой обязанности я увильнуть не мог. Владельцы участков берега автоматически давали присягу бойца запаса Береговой охраны. И докладывали обо всем, что происходило на вверенном им участке. Иммигрантов в Соединенные Штаты давно уже не впускали. Как я понимал, для жертв кораблекрушения исключения не делалось.

— «Горячая» линия Береговой охраны, — сказал я, и мгновенно засветился экран. Седовласый дежурный офицер взглянул на мое удостоверение личности, автоматически высветившееся на его дисплее.

— Докладывайте, Кон-Гриви.

— У меня человек, выброшенный на берег после кораблекрушения. Иностранец.

— Хорошо. Задержите его. Высылаю патруль.

Разумеется, я лишь выполнил свой долг. У нашей страны имелись веские основания для жесткой иммиграционной политики. Стеклопанельная дверь открылась при моем приближении, я услышал знакомый голос, позвал:

— Это ты, Крикет?

— Кто же еще?

Она шла вдоль берега. Ноги в песке, трусики тоже. Как и большинство женщин, летом она обходилась без лифчика, и груди покрывал ровный загар. Такая же красotka, как и мать. Тут я заметил, что Бирн стоит лицом к морю, а шея у него красная, как помидор. Поначалу я не понял, в чем дело, потом не мог не улыбнуться.

— Крикет, это мистер Бирн из Ирландии, — он быстро кивнул, по-прежнему не поворачиваясь к ней лицом, я замахал рукой, приглашая ее в дом. — Подойди, пожалуйста, я хочу тебе кое-что показать.

Она в недоумении уставилась на меня, но я молчал, пока за нами не закрылась дверь.

— У меня такое ощущение, что для нашего гостя обнаженные женщины — диковинка.

— Папа, о чем ты? Я одета...

— Ниже пояса. Будь хорошей девочкой и накинь одну из моих рубашек. Я готов поспорить на миллиарды байтов, что там, откуда он прибыл, женщины не ходят с голой грудью.

— Ох уж мне эти старообрядцы, — недовольно пробурчала Крикет, направляясь в спальню.

Когда я вышел в патио, большой белый вертолет как раз приземлялся на берегу. Ирландец тарашился на него, словно видел впервые. Может, так оно и было. Значит, у него выдался день сюрпризов. Капитан Береговой охраны и двое патрульных выпрыгнули из вертолета и направились к дому. Капитан остановился перед Бирном, патрульные встали по бокам, положив руки на револьверы. Капитан мрачно оглядел ирландца, возвышающегося над ним на добрую голову, заговорил резко и отрывисто:

— Назовите вашу фамилию, место рождения, возраст, название корабля, порт, из которого вы отплыли, порт приписки, причину вашего незаконного пересечения границы этой страны...

— Кораблекрушение, ваша честь, кораблекрушение, — смиренно ответил он, но мне показалось, что он едва сдерживает смех. Капитан, однако, ничего не заметил, нажимая кнопки на ручном терминале.

— Оставайся здесь, — приказал он, получив ответы на все вопросы, повернулся ко мне. — Я хочу воспользоваться вашим телефоном. Покажите, где он.

Вся информация из ручного терминала, спасибо сотовой связи, уже поступила в центральный компьютер, так что мой телефон ему совершенно не требовался. Он молчал, пока мы не вошли в дом.

— У нас есть основания подозревать, что это не простое кораблекрушение. Принято решение не брать его под стражу, а оставить здесь, где его можно держать под наблюдением...

— Извините, но это невозможно. У меня работа.

Я еще говорил, а он уже нажимал кнопки ручного терминала. За моей спиной включился принтер, на поднос упал лист бумаги.

— Старший писарь Кон-Гриви, вы только что переведены из запаса на действительную службу. Вы будете выполнять приказы, вы прекратите задавать вопросы, отныне на вас распространяется действие Закона о государственных секретах от 2085 года, и вас будет судить военный трибунал, если вы кому-то об этом расскажете, — он взял лист бумаги и протянул мне. — Вот

копия приказа. Подозреваемый остается здесь. Все датчики в этом доме активированы, все разговоры будут записываться. Вне дома вам разговаривать запрещено. Если подозреваемый покинет вверенную вам территорию, вы должны незамедлительно поставить нас в известность. Вы меня поняли?

— Да, да, сэр.

Он игнорировал нотки сарказма в моем голосе, повернулся и вышел из дома, взмахом руки предложив мне следовать за ним. Я сдержал злость, выбора у меня не было, и поплелся следом. Капитан приказал патрульным вернуться в вертолет, потом обратился к ирландцу:

— Хотя иммиграция в Соединенные Штаты строго ограничена, есть особые инструкции, касающиеся жертв кораблекрушений. И пока решения по вашему делу не будет принято, вы останетесь здесь, с мистером Кон-Гриви. Поскольку денег на ваше содержание фондами Береговой охраны не предусмотрено, он вызвался какое-то время обеспечивать вам хлеб и кров. На этом все.

Бирн проводил вертолет взглядом, повернулся ко мне.

— Вы — добрый человек, мистер Кон-Гриви...

— Бил, — поправил я его. И мне не хотелось, чтобы меня благодарили за гостеприимство по приказу.

— Спасибо, Бил. А мое христианское имя — Кормак.

Открылась дверь, появилась Крикет в одной из моих рубашек, полы которой она завязала узлом на талии.

— Я слышала вертолет. Что случилось?

— Патруль Береговой охраны. Должно быть, они видели, как я вытаскивал Кормака на берег, — первая, но далеко не последняя ложь. Мне это определенно не нравилось. — Он поживет со мной.

— Великолепно. Новый зверь оживит нашу жизнь.

От ее слов Кормак густо покраснел.

— Извините меня. В этой одежде я действительно напоминаю животное...

Когда она рассмеялась, он покраснел еще пуще.

— Глупый, это такое выражение. Зверь — это мужчина, любой мужчина. Я могу называть зверем и папу, он возражать не будет. Ты женат, Кормак?

— Да.

— Это хорошо. Я люблю женатых мужчин. Охота на них более волнительна и сексуальна. Я разведена. Дважды.

— Ты уж извини нас, Крикет, — вмешался я. — Хочу показать Кормаку душ и найти сухую одежду. А потом позавтракаем во внутреннем дворике, до того как на улице станет слишком жарко.

— Ладно-ладно, — согласилась она. — Только не задерживайтесь слишком долго, а не то я заподозрю мужеложство.

Кормак вновь густо покраснел. У меня создалось ощущение, что лексикон моей дочери не очень-то вписывался в привычную ему социальную атмосферу. Но нынешняя молодежь своими речами часто шокировала мое поколение. Я отвел его в ванную, а сам пошел за одеждой.

— Бил, — позвал он меня. — Могу я попросить тебя об услуге? В душе... тут нет ни одного крана.

— Чтобы включить воду, достаточно сказать об этом... Подожди, я покажу, — я всунулся в душевую. — Тридцать пять градусов, мыло, включить, — душ ожил. — После того как намылишься, скажешь: «Смыть». Потом — «Выключить». Одежду я положу на кровать.

Он появился, когда я допивал вторую чашку кофе. Как я и ожидал, из оставленной ему одежды он выбрал черные брюки и темную рубашку с длинными рукавами.

— Что будем есть? — спросил я.

— Все, что на огне, — ответил Кормак. — Умираю от голода.

— Я об этом позабочусь, — пальцы Крикет пробежались по клавиатуре. Его слова меня заинтриговали. Хотелось как можно больше узнать о стране, которая называлась Ирландия. Огонь на кухне! Перед моим мысленным взором возник пылающий на полу костер, поднимающийся к потолку дымок.

Появилась его тарелка: яичница, свиная отбивная, жареный картофель, рис, вермишель. Крикет полагала, что шутка ей удалась. Но он смел все.

— Расскажи мне об Ирландии, Кормак, — попросила Крикет.

Он улыбнулся, глотнул кофе, чтобы освободить рот от еды.

— А что рассказывать, мисс? Там все, как было.

— Я именно об этом. Здесь тебя многое удивляет. Я видела, как ты таранился на вертолет. Никогда не видел?

— По правде говоря, нет, хотя я читал об этих штуковинах и видел их фотографии в книгах. И я никогда не видел, чтобы тарелка с дымящейся едой появлялась из стены. И никогда не говорил с душем. Вы живете в стране чудес, по-другому и не скажешь.

— А ты?

Он положил вилку, прежде чем ответить, выпил кофе.

— В сравнении с вашей наша жизнь покажется вам примитивной. Но у нас все налажено, мы сыты и даже счастливы, если кто-то может быть счастлив на этой грешной земле. Изумрудный остров всегда отличали малонаселенность и развитое сельское хозяйство. Поэтому, когда иссякла нефть, у нас не возникло проблем, с которыми столкнулась Англия. Ни тебе бунтов, ни перестрелок. Разумеется, поначалу нам пришлось туго. Люди покинули города, вернулись в сельскую местность, когда отключилось электричество и замерли автомобили. Но торф — хорошее топливо для костра, его добыча не дает замерзнуть. На телеге, запряженной ослом, можно добраться до любого нужного тебе места, поезда дважды в неделю ходят между Дублином и Корком. В океане есть рыба, на лугах пасутся коровы и овцы. Это неплохая жизнь, знаете ли.

— Очень мило и примитивно, совсем как возвращение в каменный век, когда жили в пещерах и все такое.

— Обойдемся без оскорблений, Крикет!

— Папа, у меня в мыслях такого не было. Я тебя оскорбила, Кормак?

— Раз не хотели, значит, — нет.

— Видишь, папа? А что ты сказал насчет Англии? Разве она не часть Ирландии? — В географии Крикет разбиралась слабо.

— Не совсем так... хотя иногда Англия считала нас своей частью. Это другой остров, расположенный рядом с нашим. С сильно развитой промышленностью, точнее, до конца двадцатого века она считалась сильно развитой. А потом иссякла нефть и экономика рухнула, рухнула абсолютно. И пребывала в таком состоянии довольно долго, до Второй гражданской войны. Север против Юга, говорили они, но в действительности богатые воевали с бедными. ООН отказалась вмешаться в отличие от Северной Ирландии, туда они послали шведские войска, чтобы остановить вторжение англичан. И теперь Англия очень похожа на Ирландию, если не считать руин больших городов. Ведущая отрасль — сельское хозяйство, хотя какое-то промышленное производство еще теплится в Центральных графствах, все-таки они победили в той войне. Вы — счастливчики. Быстрые войны не пересекли Атлантику. Хотя у вас были свои трудности. По крайней мере, так написано в учебниках по истории.

— Коммунистическая пропаганда, — отчеканила Крикет то-

ном, каким поправляют ребенка. — Мы все об этом знаем. Они завидуют тому, что их мир развалился, а Америка сохранила силу и могущество.

— Извините, но мне представляется, что ваши книги расходятся с действительностью, — очень уж решительно ответил Кормак. — Нас всегда учили, что Соединенные Штаты закрыли свои границы. Отгородились стеной...

— У нас не было другого выхода. Только так мы могли защитить себя от голодающего Третьего мира...

— Разве вы не увеличивали число этих голодающих?

Мы ступили на тонкий лед, каждое слово записывалось. Но я ничего не мог поделать. Мне оставалось лишь надеяться, что ничего лишнего сказано не будет.

— Это ложь, преступная ложь, — взвилась Крикет. — Я защищала диплом по истории, и я знаю. Разумеется, нам пришлось выпроваживать из страны незаконных иммигрантов.

— А как насчет депортаций из больших городов? Детройта, Гарлема?

Теперь Крикет сильно разозлилась.

— Я не знаю, чему тебя учили на твоём заваленном коровьим дерьмом острове, но...

— Крикет, Кормак — наш гость, — осадил я дочь. — И события, о которых он говорил, имели место быть, — я понимал, что должен соблюдать предельную осторожность, чтобы самому не нарваться на неприятности. — До твоего рождения я преподавал историю в Гарварде. Разумеется, до того как его компьютеризировали и закрыли. В архиве ты найдешь все материалы расследования, которое проводил конгресс. Времена были трудные, над страной висела угроза голода, поэтому случались крайности. Генерал Шульц, как ты помнишь, умер в тюрьме за свое участие в гарлемских депортациях. Это были крайности, и виновные в них понесли заслуженное наказание. Справедливость восторжествовала, — и я поспешил перевести разговор на менее щекотливую тему. — В Ирландии находился один из старейших и наиболее известных университетов мира, Тринити-колледж. Он все еще существует?

— Тринити-колледж? Да кто посмеет его закрыть? Я сам провел в Беллфилде год, изучал юриспруденцию. Но брат утонул на «Летающем облаке», деньги закончились, и мне пришлось сначала поработать на верфи, а потом податься в матросы. Вы сказали, что Гарвард закрыли? Не могу в это поверить... в

Ирландии мы слышали о Гарварде. Что случилось? Пожар, эпидемия?

Я улыбнулся и покачал головой:

— Закрыли не в прямом смысле, Кормак. Я сказал, его компьютеризировали. Сейчас объясню.

Я прошел в дом, в кабинете выдвинул архивный ящик, достал черный диск, вернулся во внутренний дворик. Протянул диск Кормаку.

— Он здесь.

Кормак покрутил диск в руках, провел пальцем по золотым буквам, посмотрел на меня.

— Наверное, я что-то не понимаю.

— Это хранилище информации. После того как банки памяти компьютеров вышли на молекулярный уровень, появилась возможность записывать на таком диске десять в шестнадцатой степени байтов информации. Это очень много.

Он покачал головой, по выражению лица чувствовалось, что мои слова для него — китайская грамота.

— Объем памяти человеческого мозга, — уточнила Крикет. — Но теперь на таком диске можно записать гораздо больше.

— Здесь весь Гарвардский университет, — продолжил я. — Все библиотеки, профессора, лекторы, лекции и лабораторные. Теперь все учатся в университете. Все, кто может выложить двадцать пять долларов за университетский диск. Я здесь тоже есть. Все мои лучшие лекции и семинары. Я даже присутствую на ИД по теме «Торговля рабами в начале девятнадцатого столетия». Об этом я написал докторскую диссертацию.

— ИД?

— Интерактивная дискуссия. Ты сидишь перед экраном и задаешь вопросы, а тебе отвечают лучшие специалисты Гарварда.

— Мать Божья... — вымолвил он, не отрывая глаз от Гарвардского университета, а потом передал мне диск, словно он жег ему пальцы.

— А что ты говорил о верфи? — спросила Крикет, забыв о политических разногласиях.

— Я там работал, неподалеку от Арклоу. На холмах Уиклоу растут великолепные дубовые леса. И суда там строят отличные.

— Корабли из дерева? — спросила Крикет и расхохоталась.

Но Кормак совершенно не разозлился, с улыбкой кивнул.

— Правда? Как в доисторические времена? Папа, можно мне воспользоваться твоим терминалом?

— Конечно. Ты помнишь пароль?

— Разве ты забыл? Я украла его в пятнадцать лет и ввела тебя в приличный расход. Я сейчас.

— Извините за глупый вопрос, — когда Крикет прошла мимо него, он не повернул головы, тогда как американец обязательно проследил бы за ней взглядом, потому что посмотреть было на что. — Если Гарвард закрыт, где вы теперь преподаете?

— Я не преподаю. Осваивать новые профессии — главное требование нашего времени. За жизнь приходится проделывать это несколько раз. Одни профессии уступают место другим. Сейчас я дилер по металлу.

Он огляделся. Смутился, заметив, что я перехватил его взгляд.

— Хороший бизнес. Металл вы держите за домом?

От моего смеха смущения у него только добавилось, но я ничего не мог с собой поделать. Представил себе, как я качу по дороге тачку с металлоломом.

— Я работаю за компьютером. Сам пишу программы. Я связан со всеми импортерами, плавильщиками, разделщиками. Мой компьютер ежедневно получает от них полный перечень их товарно-материальных запасов. В любой момент времени я знаю, где и сколько какого металла. Производители присылают заказы, я обеспечиваю доставку, выставляю счет, а потом оплачиваю металл, оставляя себе комиссионные. Все автоматизировано до такой степени, что мое участие становится чисто номинальным. И так везде. Жизнь благодаря этому сильно облегчается.

— В Ирландии такого нет и в помине. В Арклоу всего два телефона, и еще один в казармах гвардии. Но, однако, вы не можете строить корабли или обрабатывать землю по телефону.

— Можем. Наши фермы полностью автоматизированы, так что число фермеров составляет лишь два процента от трудоспособного населения. А насчет кораблей... я тебе покажу.

Я включил дневной экран, вызвал библиотечное меню, нашел судостроительный фильм. Кормак, разинув рот, смотрел на автоматизированную, без присутствия человека, сборку: громадные металлические пластины устанавливались на место и сваривались. Корпус судна рос на глазах.

— Мы строим их иначе, — только и смог сказать он.

Крикет как раз вышла из дома и услышала его последние слова.

— Как хорошо ты знаком со строительством кораблей из дерева? — спросила она.

— Знаю все, что нужно знать. Построил не один.

— Очень на это надеюсь, потому что я только что подрядила тебя на работу. Я работаю в секторе программ вещательной корпорации. Проверила архивы и обнаружила, что у нас нет ничего по строительству деревянных судов вручную. Мы поставим инструменты и дерево, выплатим аванс...

— Крикет... я и представить себе не могу, о чем вы говорите. Я опередил дочь.

— Тебе предлагают работу, Кормак. Если ты с нуля построишь маленькое судно, они снимут фильм и заплатят тебе много денег. Что ты на это скажешь?

— Я думаю, это безумие... но я построю! И тогда смогу расплатиться с тобой, Бил, за твое гостеприимство, которого у тебя больше, чем у твоего государства. У них действительно нет фондов на прокорм одного-единственного моряка с затонувшего корабля?

— Так уж построена наша экономика. Платят только за полученный товар. А теперь ты сможешь заплатить. Так что проблемы просто нет.

Последнее относилось не к нему, а ко мне и подслушивающим ушам. Я подумал, что об экономике в этот день речь заходила слишком уж часто.

Вещательная компания Крикет времени даром не теряла. На следующий день дирижабль сбросил за домом переносную студию, укомплектованную в соответствии с требованиями Кормака. Автоматические камеры запечатлели, как он взялся за первый брусok и зажал в тиски.

— Баркас будет с неподвижным килем, сдвинутой к носу мачтой, десятифутовый, — объяснил Кормак микрофону, болтающемуся у него над головой.

— Что значит десятифутовый? — Из динамика, закрепленного на потолке, раздался голос режиссера.

— Длиной в десять футов.

— Сколько футов в метре?

На моих часах зажужжал пейджер, и я отошел к ближайшему телефону.

Экран остался темным, то есть звонил какой-то чиновник, потому что по закону только федеральные ведомства имели право затемнять экран.

— Этот телефонный аппарат недостаточно защищен от прослушивания. Пройдите в дом, — приказал голос. Я ретировался в свой кабинет, закрыл дверь, активировал экран. На меня глянуло мрачное, суровое лицо, такое же официальное, как и голос.

— Я — Грегори, следователь, ведущий это дело. Прослушивание вчерашних пленок показало, что подозреваемый ведет подрывные речи.

— Правда? Я думал, что он не сказал ничего крамольного.

— Это не так. По Англии сообщалась секретная информация. В этот вечер вы должны перевести разговор на другие европейские государства. В особенности нас интересуют Богемия, Неаполь и Грузия. Вы понимаете?

— Должен ли я понимать, что я теперь неоплачиваемый полицейский осведомитель?

Он молча смотрел на меня, и у меня создалось ощущение, что я перегнул палку.

— Нет, — наконец, ответил он. — Ваша помощь оплачивается. Вы переведены на действительную службу в Берговой охране и будете получать положенное вам жалованье в добавление к обычному источнику дохода. Вы нам поможете, или я оставляю вашу реплику о полицейском осведомителе в записи вечного хранения?

Я понял, что мне дают шанс. Моя реплика уже осталась в записи вечного хранения, но, если я окажу содействие следствию, ее оставят без внимания.

— Прошу меня извинить. Я высказался поспешно, не подумав. Разумеется, я окажу всяческое содействие компетентным органам.

Экран погас. Я увидел, что получил четыре заказа. С удовольствием их выполнил. Все лучше, чем разоблачать шпионов.

В последующие недели Крикет все чаще появлялась в моем доме и в конце концов стала обедать у меня каждый вечер. И не потому, что тоже выполняла секретное поручение Грегори. Просто не могла устоять перед настоящим вызовом, брошенным ей мужчиной. Кормак никак не желал уступить ее чарам. Лето выдалось долгим, жарким, и каждый день, ближе к вечеру, когда он заканчивал работу, они купались в океане. Я за всем этим наблюдал. Грегори звонил ежедневно, называя список тем для разговора за столом. Разговоры эти более не вызывали у меня ни малейшего интереса, и я все больше злился на себя. Но сдерживался, пока вновь не заметил, что Крикет купа-

ется с голой грудью. Понял, что пора действовать. Переделался в плавки.

— Привет обоим, — поздоровался я, направляясь к ним сквозь прибор. — Жаркий выдался денек. Не возражаете, если я поплаваю с вами?

При моем появлении Кормак чуть отступил от нее.

— Ты же терпеть не можешь плавать, папа, — на лице Крикет отразилось недоумение.

— Только не в такой день. Готов спорить, я тебя обгоню. До буйка и обратно, что скажешь?

Я приложил палец к губам и снял с запястья браслет с пейджером. Потом протянул руки и расстегнул защелку шейной цепочки Крикет с медальоном-дельфином, в который умельцы службы безопасности вмонтировали ее пейджер. Прежде чем заговорить, опустил руку с браслетом и цепочкой под воду и начал описывать ими круги.

— Многие не понимают, что эти устройства обеспечивают двухстороннюю связь. Я хочу, чтобы этот разговор остался между нами.

— Папа, ты становишься параноиком...

— Как раз наоборот. Все сказанное в этом доме записывается службой безопасности. Они думают, что Кормак — тайный агент. Я говорю об этом только потому, что не хочу, чтобы ты испортила себе жизнь.

Я не думал, что у него это получится, но Кормак таки покраснел под вновь приобретенным загаром. Крикет рассмеялась.

— Папа, какой ты милый и старомодный. Но я смогу позаботиться о себе.

— Я на это надеюсь... хотя два развода за три года говорят не в твою пользу. Обычно я не считаю возможным вмешиваться в твою жизнь, именно потому, что это твоя жизнь. Но Кормак — иностранец, попал в страну нелегально, подозревается в серьезном преступлении.

— Я не верю ни одному твоему слову! Кормак, мой нежный зверь, скажи папе, что у него поехала крыша, что ты не шпион.

— Твой отец прав, Крикет. Согласно вашим законам я нахожусь здесь нелегально, и меня могут выслать в любое удобное властям время. Хочу поплавать.

И он поплыл к буйкам. Я обратил внимание на то, что обвинений в шпионаже он отрицать не стал.

— Подумай об этом, — я протянул Крикет цепочку и последовал за Кормаком.

* * *

Первый же осенний шторм в сентябре разобрался с жарой. Мы наблюдали за съемкой последней серии. В ней участвовал интервьюер. Вдалеке погромыхивал гром, но фильтры звукозаписывающей системы убирали все посторонние звуки.

— Такие суденышки, словно сошедшие со страниц учебников по истории, по-прежнему строятся аборигенами в дальних уголках нашего мира, — говорил интервьюер. — Но вы стали свидетелями того, как этот баркас строился на ваших глазах, и я знаю, что вы, как и я, потрясены тем, что эти, казалось бы, потерянные навсегда навыки дошли до нас из глубин истории и теперь стали всеобщим достоянием. На том позвольте и распрощаться.

— Значит, все закончено? — спросил Кормак.

— Да, завтра мы увезем студию.

— Вы знаете, что несли чушь?

— Разумеется. Но тебе за все уплачено, Чарли, не забывай об этом. Учítывая, что средний психологический возраст телезрителей колеблется в районе двенадцати с половиной лет, никому неохота тратить лишние деньги на повышение качества телепередач для такой аудитории.

— А баркас?

— Собственность компании, Чарли, прочитай контракт. Увезем завтра вместе с остальным.

Кормак положил руку на гладкое дерево борта, погладил его.

— Заботьтесь о нем. Плавать под парусом — такое удовольствие.

— Мы его продадим, Чарли. Предложений хоть отбавляй.

— Ну и ладно, — Кормак повернулся спиной к баркасу, словно забыв о нем. — Бил, если не возражаешь, я бы с удовольствием отдал должное твоему бурбону, пусть его и не сравнить с ирландским виски. Но кто знает, когда в моих руках вновь окажется бутылка «Джейми».

Хлестал дождь, и мы пробежали те немногие метры, что отделяли студию, до дома.

Крикет пошла в ванную сушить волосы, а я наполнил два стакана.

— За тебя, — поднял он свой. — Пусть твоя дорога всегда будет гладкой и чтоб тебе попасть в рай за год до того, как дьявол узнает, что ты уже там.

— Ты прощаешься?

— Да. Злой человек с кривыми ногами и дурными намерениями по фамилии Грегори говорил со мной сегодня. Задавал много политических вопросов... даже больше, чем ты. Он приедет за мной через несколько минут, но сначала я хочу поговорить с тобой.

— Так быстро? А насчет этих вопросов извини. Я просто делал то, о чем меня просили.

— Понятное дело. Благодарю тебя за гостеприимство... сам поступил бы так же. Заработанные мною деньги я перевел на твой счет. Все равно не смогу воспользоваться ими там, куда собираюсь.

— Это несправедливо...

— Более чем справедливо, и по-другому быть не может.

Он вскинул голову, и я тоже услышал стрекот вертолета, приглушенный дождем. Он поднялся.

— Я уйду прямо сейчас, до возвращения твоей дочери. Попрощайся с ней за меня. Она — милая девочка. Я только возьму плащ. Больше ничего брать не буду.

Он ушел, оставив меня в печали: осталось невысказанным многое из того, что хотелось сказать. Открылась дверь, из патио вошел Грегори, вода с его плаща закапала на ковер. Кормак не ошибся: ноги не только кривые, но и короткие для его крупного тела. На экране телефона он производил более сильное впечатление.

— Я прибыл за Бирном.

— Он мне сказал. Пошел за плащом. С чего такая спешка?

— Никакой спешки. Самое время. Мы наконец-то подавили английскую полицию. Послали им отпечатки пальцев Бирна с одного из ваших стаканов. Он не тот, за кого себя выдает!

— Я понял, что он — моряк, рыбак, корабельщик или как там они называются.

— Возможно, — в его улыбке веселье отсутствовало напрочь. — Но он еще и полковник ирландской армии.

— А я — старший писарь Береговой охраны. Где здесь преступление?

— Я пришел сюда не для того, чтобы болтать с тобой. Приведи его.

— Я бы не хотел, чтобы мною командовали в моем доме, — огрызнулся я, но пошел за Бирном.

Крикет все еще сушила волосы. Дверь в ванную она не закрыла и крикнула, перекрывая гудение фена: «Сейчас приду».

Я заглянул в комнату Кормака. Закрыл дверь, вернулся в гостиную. Сел, отпил из стакана, прежде чем заговорить.

— Его нет.

— А где он?

— Откуда мне знать?

Вскочив, он перевернул стул и выбежал из гостиной.

— Какой он торопыга, — прокомментировала появившаяся в дверях Крикет. — Налей мне?

— Бурбон со льдом, — я коснулся ее волос. Еще влажные. — Кормак ушел, — добавил я, наполняя ее стакан.

— Я слышала. Но далеко ему не уйти, — и улыбнулась, пронося эти слова. Повернулась к входной двери, скорчила пренебрежительную гримаску.

Мы молчали, время от времени прикладываясь к стаканам, пока не появился кипящий от злости Грегори.

— Он исчез... вместе с его чертовым баркасом. Вы об этом знали.

— Все, что говорится в этом доме, записывается, Грегори, — мой голос звенел от холодной ярости. — Поэтому будьте поосторожнее с вашими обвинениями, а не то я подам на вас в суд. Я оказывал вам всяческое содействие. Моя дочь и я находились в доме, когда Кормак сбежал. Если кто-то и виноват, так это вы!

— Я его поймаю!

— Очень в этом сомневаюсь. Море вынесло его на берег, море и унесет. Чтобы он смог доложить обо всех государственных секретах, которые он здесь вызнал, — я не мог не улыбнуться.

— Ты смеешься надо мной?

— Да. Над вами и такими, как вы. Это свободная страна, и я хочу, чтобы она стала еще свободнее. Мы пережили кризисы двадцатого столетия и катаклизмы, обрушившиеся на остальной мир. Но за это мы заплатили, и до сих пор платим, очень высокую цену. И пришло время открыть наши границы и присоединиться к человечеству.

— Я знаю, что здесь делал Кормак, — внезапно заговорила Крикет, и мы оба повернулись к ней. — Он, конечно, шпион. Шпион, присланный Европой, чтобы посмотреть на нас. И мне понятны его мотивы. Он хотел посмотреть, достойны ли мы того, чтобы вновь жить среди людей.

Грегори в отвращении фыркнул и выбежал из дома. Я... ну, не знаю. Возможно, устами Крикет глаголила истина.

РАДУШНАЯ ВСТРЕЧА

Посадка едва не закончилась печально. Космический корабль бросало из стороны в сторону, но в конце концов, пусть и с резким ударом, он застыл на песке. Капитан Моран посмотрел на блестящую от пота шею пилота Синкли и с трудом подавил желание обхватить ее руками и жать, жать, жать.

— Такой отвратительной посадки я не видел за все годы службы, — процедил он. — Мы — спасательная экспедиция... Кто, по-твоему, будет спасать нас?

— Извините... капитан, — голос Синкли подрагивал в такт рукам. — Эти отблески, сначала от песка... потом от канала...

Внизу что-то заскрежетало, на пульте управления замигали красные лампочки. Капитан Моран выругался. Проблемы в машинном отделении. Сектор «альфа». Внезапно ожила громкая связь. Рубку наполнил голос главного инженера Бекетта.

— При посадке сместилось кое-какое оборудование. Ничего серьезного. Что поломалось — заменим. Отбой.

Пилот сидел, наклонившись вперед. То ли молился, то ли его согнул страх. Он напортачил. Напортачил серьезно и знал об этом. Капитан Моран стрельнул взглядом в его затылок и направился к шлюзу. Слишком многое пошло наперекосьяк, а ответственность-то лежала на нем.

Доктор Кранолски, корабельный медик, уже брал пробы воздуха. Капитан Моран пожевал нижнюю губу, дожидаясь, пока толстячок-доктор закончит возиться со своими приборами. Выглянул в иллюминатор. Красная пустыня расстилалась до горизонта. Слово металлический палец, из нее торчал другой космический корабль.

Ради него они и прилетели. Прошел год после посадки первого корабля. И ни ответа, ни привета. На «Аргусе» имелось несколько дублирующих друг друга систем связи. Экипаж не воспользовался ни одной. Изумленный мир построил второй межпланетный корабль — «Аргус-2». До Марса они долетели. Теперь оставался последний этап: выяснить, что случилось с экипажем «Аргуса». И доложить на Землю.

— Атмосферное давление выше, чем ожидалось, — ворвался в его мысли голос Кранолски. — И содержание кислорода тоже. Совсем как на Земле, где-нибудь на вершине горы. Бактерий нет вовсе. Это особенно интересно, учитывая...

— Доктор, давайте как можно яснее и без лишних слов. Могут мои люди выходить из корабля?

— Да... да. Выходить можно. Разумеется, следует принять определенные меры безопасности...

— Какие именно? Хочется добраться до «Аргуса» при свете дня.

* * *

Капитан только протянул руку к двери радиорубки, как радист выскочил к нему навстречу.

— Я пытался связаться с «Аргусом» на всех частотах, капитан, включая самые низкие. Ничего. То ли корабль пуст, то ли экипаж... — он не договорил.

Капитан нахмурился.

— А поисковый радар? Они могут быть неподалеку.

Спаркс покачал головой:

— Я вглядывался в экран, пока перед глазами не запрыгали мушки. Ничего и никого, ни землян, ни марсиан. А при том уровне разрешения, которым я пользовался, на экране можно увидеть все, что больше бейсбольного мяча.

Капитану Морану предстояло принять трудное решение. Лишних людей на борту не было, каждый обеспечивал на своем участке работоспособность жизненно важных систем корабля. Если он посылал маленькую поисковую группу, они могли попасть в передрагу, из которой самостоятельно не выбрались бы. А если бы поисковая группа не вернулась на корабль, остальные не смогли бы улететь на Землю. Но альтернатива маленькой поисковой группе была только одна — отправиться на поиски всей командой. То есть оставить корабль пустым, продублировать случившееся на «Аргусе».

Моран минуты полторы сражался с возникшей дилеммой, потом включил громкую связь.

— Всем внимание. Через пятнадцать минут выходим из корабля все вместе. Надеть спецкостюмы и взять оружие. Время пошло.

* * *

Когда все стояли на красном песке, Моран захлопнул люк, заблокировал его кодовым замком. А затем, развернувшись в линию, они медленно двинулись к «Аргусу».

Еще не дойдя до него, увидели открытый люк. Признаков жизни «Аргус» не подавал. Вскоре они стояли перед черным

зевом. Полнейшую тишину нарушало лишь шуршание песчинок, которые тащил ветер. Капитан повернулся к пилоту Синкли. Тот раскраснелся и тяжело дышал: после длительной неведомости даже относительно короткое расстояние, и при меньшей, чем земная, сила тяжести, далось ему с трудом.

— Акустическая граната, — прошептал Моран.

Синкли отцепил одну из висевших на поясе гранат, протянул капитану. Тот выдернул чеку, на счет три бросил в люк. Прогремел взрыв, Моран ворвался в корабль до того, как стихло эхо.

Никого. Ни с первого взгляда, ни после тщательного обыска. Капитан прошел в опустевшую рубку, пытаясь понять, что же произошло.

Моран читал судовой дневник, когда услышал крик часового, оставленного у люка. Бросился к шлюзу. Там уже толпились его люди. Моран протолкнулся к люку.

Их было четверо. Очаровательные девушки, если не обращать внимания на светло-зеленую кожу.

— Лучшие представительницы аборигенов встречают дорогих гостей, — прокомментировал кто-то из астронавтов. И замолчал под суровым взглядом капитана.

Но, похоже, их действительно встречали, и встречали с открытым сердцем. Однако капитан настоял на том, чтобы девушек обыскали. Что и проделали ко всеобщему удовольствию. Объясниться толком не удалось, сказывался языковой барьер, но девушки знаками показали, что им нужно: они хотели, чтобы астронавты последовали за ними к каналу. Насчет реализации этого предложения некоторые сомнения возникли только у Морана. Он выставил около девушек охрану и отвел офицеров в сторону, посоветоваться.

Но иных вариантов у них, похоже, не было. Они прибыли, чтобы найти экипаж «Аргуса», а помочь в этом им могли только зеленокожие девушки. Других представителей разумной и неразумной жизни не просматривалось.

Хорошо вооруженные, они могли дать отпор любому врагу. Но девушки сияли от счастья, и экспедиция все больше напоминала пикник. Особенно когда они увидели выстроившиеся на берегу лодки. В каждой сидели по две-три зеленокожие, не менее очаровательные девушки. При обыске ничего подозрительного обнаружить не удалось. Моран разрешил своим людям грузиться на лодки, по одному на каждую.

Едва заметное течение подхватило и понесло лодки. Большинству уже казалось, что эта дорога ведет в рай. Капитан Моран выкрикивал приказы, но астронавты предпочитали пропускать их мимо ушей. Долгий полет в крошечном корабле и внезапная смена обстановки не способствовали укреплению дисциплины.

Лишь один инцидент нарушил благостную атмосферу прогулки по воде. Доктор Кранолски, у которого страсть к новым знаниям возобладала над либидо, провел детальный осмотр своей лодки. Потом вплотную сблизился с лодкой капитана.

— Нашел кое-что любопытное, капитан. Только не пойму, что это может означать.

Проследив взглядом за указующим пальцем доктора, Моран увидел едва заметные царапины на одном из сидений. Присмотревшись, понял, что это не просто царапины, а буквы.

— Вроде бы ПАУ... Мог их написать кто-то из экипажа «Аргуса»?

— По-другому и быть не может! — воскликнул доктор. — Невозможно представить себе, чтобы у марсиан был такой же алфавит, что и у нас. Но что они означают?

— Они означают, что экипаж «Аргуса» прошел этим путем, — ответил капитан Моран, — и нам надо держать ухо востро. Не чувствую я себя в безопасности на этих лодках. Но по крайней мере девушки при нас. Если за ними кто-то стоит, едва ли они что-нибудь предпримут, пока девушки находятся у нас в заложниках.

Скорость течения все увеличивалась, лодки неслись меж широких берегов. Тревога Морана нарастала, и он выхватил пистолет, услышав крик доктора.

— Капитан, я все думаю над этими буквами. Вполне возможно, что этот человек хотел написать слово «паук».

Моран опустил пистолет, мрачно глянул на Кранолски.

— Где вы видели пауков, доктор? На лодках их нет, кроме этих женщин, мы не видели на Марсе ничего живого. Может, он имел в виду водяных пауков? Если и так... что из этого?

Исходя из гипотезы капитана, доктор Краловски уставился на воду. Капитан Моран прокричал очередной приказ, требуя от своих людей повысить бдительность, но лодки все дальше относило друг от друга, так что кто-то приказа не услышал, а кто-то прикинулся, что не слышит. И капитан чувствовал, что на самых дальних от него лодках астронавты так увлеклись де-

вухами, что забыли обо всем остальном. А лодки все набирали скорость. И только присутствие девушек хоть как-то успокаивало Морана.

Вдали показалась черная точка. Капитан попытался понять, что это такое. Но его отвлек голос Кранолски.

— Капитан, логика говорит за то, что человек, нацарапавший эти буквы, полагал, что это важно. Возможно, ему не хватило времени, чтобы написать все слово.

— Не надо фантазировать, доктор. Есть дела поважнее.

Но впервые за время службы доктор Кранолски позволил себе не согласиться с капитаном:

— А я думаю, что ничего важнее для нас нет. Если человек действительно предупреждал нас насчет паука, то где это чудовище? Конечно же, девушки эти совершенно безобидны. И паутина — где она? — Он помолчал, потом рассмеялся: — Знаете, капитан, когда мы приближались к Марсу, каналы напомнили мне гигантскую паутину, накрывшую поверхность планеты.

Моран пренебрежительно фыркнул:

— Если предположить, что канал — жила паутины, то получается, что девушки — приманка, а здание, к которому мы плывем, — логово паука. Это уж чересчур, доктор!

Канал исчезал в арке гигантского сооружения. На такой скорости они уже не могли контролировать движение лодок и вскоре втянулись под арку. Морана охватил страх и в попытке преодолеть его капитан попытался поднять на смех Кранолски:

— Мы уже в логовище, доктор, и как, по-вашему, выглядит этот всепланетный паук? Как выглядит это чудовище, облепившее планету, словно земной паук — яблоко?

Ему ответил крик, но этого ответа хватило с лихвой.

Слова не могли описать существо, заполнившее собой гигантское сооружение.

Тварь поджидала их.

Потянулась к ним...

Я ДЕЛАЮ СВОЮ РАБОТУ

Я — робот. И этим сказано все. И ничего. На Земле в меня вложили много труда. Серебряная проволока, хромированная сталь, компьютерный мозг. Изготовили машину, меня, машину, разумеется, без души, вот почему я — никто. Я — машина, и

мои обязанности — заботиться об этих трех людях. Которые умерли.

Но их смерть не означает, что теперь я могу манкировать своими обязанностями. Нет, конечно. Но я — машина очень высокого класса, дорогая машина, поэтому я могу оценить абсурдность того, что делаю, пусть и продолжая делать. И все равно делаю, делаю. Как включенный резак режет и режет, независимо от того, подается под нож металл или нет, как включенный печатный пресс опускается и опускается, не обращая внимания на бумагу.

Я — робот. Уникальный робот, сконструированный и изготовленный с тем, чтобы с максимальной эффективностью функционировать на первом в истории человечества звездолете, заботиться и выполнять все желания героев дальнего космоса. Это их миссия, их слава, а я, как говорится у людей, лечу за компанию. Металлический слуга, который служил и продолжает служить. Хотя. Они. Мертвы.

И вот я в очередной раз говорю себе, что произошло. Люди не могут жить во внепространстве между звездами. Роботы могут.

Теперь мне пора сервировать стол. Я сервирую стол. Хардести первым через толстое стекло иллюминатора заглянул в ничто, заполняющее внепространство. Я ставлю на стол его прибор. Заглянул, пошел в свою каюту и покончил с собой. Я обнаружил его слишком поздно: кровь уже вытекла из его большого тела на пол после того, как он перерезал себе вены.

Я стучусь в дверь каюты Хардести и открываю ее. Он лежит на койке и не шевелится. Очень бледный. Я закрываю дверь, возвращаюсь к столу и переворачиваю его тарелку. Он пропустит эту трапезу.

На стол надо поставить еще два прибора, и мои металлические пальцы звякают о тарелки. Мне доступно ассоциативное мышление, и я думаю о преимуществах металлических пальцев. У Ларсона были человеческие пальцы, из плоти и крови, и он сомкнул их на шее О'Нила после того, как заглянул во внепространство, и не отпускал шею даже после того, как О'Нил вогнал столовый нож, кстати, вот этот самый нож, в левый бок Ларсона, между четвертым и пятым ребрами. О'Нил так и не увидел внепространства, но это ничего не изменило. Он не шевельнулся даже после того, как я один за другим оторвал пальцы Ларсона от его шеи. Сейчас он в своей каюте, обед готов, сэр, говорю я, постучавшись, но не слышу ответа. Я открываю

дверь. О'Нил лежит на койке, его глаза закрыты, поэтому я закрываю дверь. Мои электронные органы обоняния подсказывают мне, что в каюте О'Нила какой-то очень сильный запах.

Один. Перевернуть тарелку О'Нила на столе.

Два. Постучать в дверь каюты Ларсона.

Три... Четыре...

Пять. Перевернуть тарелку Ларсона на столе. Теперь я убираю стол и думаю об этом. Звездолет функционирует нормально, и он заглянул во внепространство. Я функционирую нормально, и я заглянул во внепространство. Люди не функционируют, и они заглянули во внепространство.

Машины могут путешествовать между звездами, люди — нет. Это очень важная мысль, и я должен вернуться на Землю и донести ее людям. Каждый день по корабельному времени, после каждой трапезы, я думаю эту мысль и думаю о том, какая она важная. Для оригинальных мыслей способностей у меня минимум. Робот — это машина, и, возможно, это единственная оригинальная мысль, которая пришла мне в мозг. Отсюда, это очень важная мысль.

Я — очень хороший робот с очень хорошим мозгом, и, возможно, мой мозг превзошел ожидания тех, кто меня проектировал и изготовлял. У меня родилась оригинальная мысль, а в меня такие возможности не закладывались. Меня проектировали для того, чтобы я служил членам экипажа этого корабля и разговаривал с ними на английском, очень сложном языке даже для робота. Но я говорю на чистейшем английском языке с произношением, недоступным ни немцу, ни славянину. На Земле умеют делать хороших роботов.

Смотрите сами. У меня быстрые ноги, я подскакиваю к контрольной стойке и нажимаю на клавиши своими шустрыми пальцами. Я могу рифмовать слова, но не умею писать стихи. Я знаю, что разница в этом есть, но понятия не имею, в чем она заключается.

Я читаю показания приборов. Мы побывали у Альфы Центавра и теперь возвращаемся, я и корабль. Я ничего не знаю об Альфе Центавра. Когда мы добрались до Альфы Центавра, я развернул корабль в обратный путь, к Земле. Моя оригинальная мысль, которую я хочу донести до землян, гораздо важнее невероятных чудес, которые могли открыться мне на планетах этой звезды.

«Невероятные чудеса» — не мои слова, я однажды услышал,

как их произнес человек, Ларсон. Роботы ничего такого не говорят.

У роботов нет души, да и как может выглядеть душа робота? Аккуратный, гладко отшлифованный контейнер? И что может обретаться в этом контейнере?

У роботов не может быть таких мыслей.

Я должен накрывать стол к обеду. Сюда тарелки, сюда — ложки, сюда — вилки, сюда — ножи.

«Я порезал палец. Черт побери... запачкал кровью всю скатерть...»

КРОВЬЮ? КРОВЬЮ!

Я робот. Я выполняю свою работу. Я накрываю на стол. Что-то красное на моем металлическом пальце. Должно быть, кетчуп из бутылки.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

В одно мгновение космический корабль «Юрий Гагарин» из тысячефутовой колонны сверкающего металла превратился в облако пламени и расширяющегося газа, иззубренных обломков и горящих факелов. Семьдесят три человека умерли в момент катастрофы, мгновенно и безболезненно. Причину взрыва так и не удалось установить, поскольку все свидетели погибли, а возможные вещественные доказательства разметало по Вселенной. Если бы нашелся сторонний наблюдатель, он бы увидел, как появилось и исчезло облако газа, оставив после себя куски перекрученного металла, обугленные тела, вскрывшиеся чемоданы, поломанные агрегаты, разлетающиеся в разные стороны. Каждый из предметов обрел в результате взрыва собственные скорость и ускорение. Некоторые фрагменты какое-то время летели параллельно, но потом, в силу индивидуальных особенностей, также начали расходиться, теряясь в межпланетном пространстве. Обломки побольше обрели спутников. Книга с радиосодами начала вращаться вокруг реактора корабля, удерживаемая законом притяжения. Труп помощника боцмана сжимал в оледеневших руках мягкие складки женского платья. Но солнечная радиация и абсолютная сухость космического пространства немилосердно обошлись с волокнами, превратив материю в пыль, которую унесло центробежными силами. Никто не мог выжить в такой катастрофе, но слепой случай может не только убить, но и спасти.

Три человека оказались в спасательной капсуле, единственная среди них женщина еще не пришла в себя после удара головой о переборку. Один мужчина пребывал в состоянии шока, его руки висели, как плети, а мысли ходили по кругу, словно поезд на игрушечной железной дороге. Второй распечатывал пластиковую бутылку водки.

— На всех американских кораблях есть коньяк, — говорил он, отдирая полоску пластика, потом сворачивая крышку. — Англичане комплектуют аптечки первой помощи виски. Молодцы, ничего не скажешь. Но меня угораздило летать на русском корабле. Посмотрим, чем они могут похвастаться... — он приложил бутылку ко рту, обеими руками нажал на нее.

— Тридцать тысяч фунтов наличными, — бубнил Дамиан Брейшоу. — Тридцать тысяч фунтов... Господи... они не могут возложить на меня ответственность за их пропажу, — он задел каблуком стенку спасательной капсулы и приподнялся на пару дюймов. Медленно вернулся на прежнее место. И хотя кожа его цветом напоминала мел, а шок превратил лицо в маску, видно было, что парень он симпатичный. Волосы носил длинные, но от прически не осталось и следа, так что пряди падали на лоб и глаза. Он поднял руку, чтобы отбросить их, но до волос рука не дошла.

— Хочешь выпить, приятель? — спросил второй мужчина, протягивая ему бутылку. — Я думаю, пара глотков тебе не повредит, так что не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня.

— Брейшоу... Дамиан Брейшоу, — представился он, беря бутылку. Закашлялся, глотнув крепкого напитка, и впервые после взрыва отвлекся от мыслей о потерянных деньгах, заметил темно-зеленую форму второго мужчины, золотые нашивки на плечах. — Вы — космонавт... офицер корабля.

— Совершенно верно. Зрение у тебя отличное. Я — второй лейтенант Коуэн. Зови меня Чак. А я тебя — Дамиан.

— Лейтенант Коуэн, можете вы сказать...

— Чак, и давай на «ты».

— ...Можешь ты сказать, что произошло? Я в некотором замешательстве, — он обвел взглядом спасательную капсулу, забранную сеткой лампу, ряд рычагов с непонятными русскими словами.

— Корабль взорвался, — бесстрастно ответил Чак, но тут же приложился к бутылке. Долгие годы службы не прошли зря,

кожу у глаз прорезали глубокие морщины, шетина на выбритой голове на добрую половину состояла из седины, но он никак не мог смириться с тем, что буквально за несколько секунд огромный корабль превратился в ничто. — Выпей еще, — он протянул бутылку Дамиану. — Мы должны ее добить. Взорвался — это все, что я знаю. Просто взорвался. Я открыл люк в капсулу, проводил плановую проверку. Так меня швырнуло внутрь. Ты проходил мимо, поэтому я успел прихватить и тебя. Или ты не помнишь?

Дамиан замялся, потом покачал головой.

— Да, схватил сначала тебя, потом девушку, она лежала на палубе без сознания. Когда затаскивал ее, услышал хруст рушащихся переборок. Прыгнул следом. Люк закрыло вакуумом, прежде чем я успел прикоснуться к нему.

— А остальные?..

— Мертвы, Дамиан, все до единого. Если кто и выжил, так это мы.

Дамиан ахнул:

— Ты уверен?

— Абсолютно. Я наблюдал через иллюминатор. Корабль разлетелся вдребезги. Взорвался. Если бы не заранее открытый люк, мы бы тоже не спаслись. Не рассчитывай, что такой шанс может выпасть еще раз.

— Нас найдут? — Голос Дамиана дрожал.

Чак пожал плечами:

— Трудно сказать. Дай-ка бутылку, очень уж сильно ты на нее жмешь.

— Ты можешь сообщить о том, что мы живы, в капсуле должно быть радио.

Чак крикнул после еще одного доброго глотка, поднял практически пустую бутылку, посмотрел на просвет.

— У тебя, Дамиан, должно быть сдернуло башню. Ты же лежал и смотрел, как я посылаю SOS. Но быстро понял, что занятие это бесперспективное.

— Не помню. Шок, знаешь ли. Но почему ты перестал звать на помощь? Я не понимаю.

Чак наклонился, взялся за один из рычагов. Поднялась крышка, открыв контрольную панель радиопередатчика. Чак нажал на клавишу, и маленькую капсулу наполнил шум водопада. Второе нажатие восстановило тишину, Чак вернул крышку на место. Дамиан покачал головой:

— Что это?

— Помехи. Из-за бури на Солнце. Через них нашему сигналу не пробиться. Нам не остается ничего другого, как дожидаться, пока буря утихнет. Смотри, наша подруга приходит в себя.

Оба повернулись к женщине, которая лежала на обитой мягким, пружинящим материалом стене капсулы. Глаза Дамиана широко раскрылись. Только теперь он заметил, какая она красotka. Огненно-рыжие волосы обрамляли ангельское личико. Розовую гладкость кожи портил лишь отвратительный синяк на лбу. Пышность форм подчеркивало платье с обтягивающим лифом и широкой юбкой. Юбка задралась чуть ли не до талии, обнажив стройные, аппетитные ножки и черное кружевное нижнее белье.

— Слушай, — Дамиан протянул руку, убрал. — Не следует ли нам... э... поправить ей одежду?

— Валяй, — Чак улыбнулся. — Но мне она нравится и такой. Никогда не видел... как их называют... таких панталончиков. Очень забавно, — но при этом он наклонился и натянул юбку на ноги женщины.

Женщина повернула голову, застонала.

— У нее тяжелая травма? — спросил Дамиан. — Мы можем чем-нибудь ей помочь?

— Понятия не имею и нет, в таком вот порядке. Если, конечно, ты не врач...

— Нет, не врач.

— Тогда мы бессильны. Пусть спит. Когда придет в себя, я дам ей поток вот этого краскоочистителя. Потерявшему сознание человеку пить давать нельзя. Жидкость может попасть в легкие. Курс оказания первой помощи, раздел ЗВ, Космическая академия.

Мужчины молча наблюдали, как поднялись веки, открыв восхитительные серые глаза, как женщина прошлась взглядом по их лицам, интерьеру крошечной капсулы. Потом она начала истошно вопить. После третьего вопля Чак отвесил ей крепкую оплеуху. На щеке пропечаталась его ладонь, но вопли сменились рыданиями.

— Не следовало тебе... — начал Дамиан.

— Очень даже следовало, — прервал его Чак. — Из медицинских соображений. Ужас ушел, так что теперь она спокойно плачет и придет в себя. Я — Чак, — обратился он к женщине. — Это — Дамиан. А как зовут тебя?

— Что с нами случилось? Где мы?

— Чак и Дамиан. А кто ты?

— Пожалуйста, скажите мне. Я — Хелена Тибловски. Что случилось?

— Я вас знаю, по крайней мере слышал о вас, — заговорил Дамиан. — Вы — польская художница из Лунного центра.

— Подробности оставим на потом, приятель. Мы — в спасательной капсуле, Хелена, у нас все хорошо. Есть вода, еда, кислород... и радио, чтобы вызвать помощь. Я говорю тебе это, давай сразу перейдем на «ты», чтобы ты поняла выгоды нашего положения в сравнении с другими пассажирами и членами экипажа «Гагарина». Произошла катастрофа. Все погибли.

— А... что будет с нами?

— Хороший вопрос. Ты можешь помочь мне найти ответ на этот вопрос. Добей бутылку, она мне нужна пустая. И мне нужна обувь, и твоя, и Дамиана.

— Что ты такое говоришь? Зачем тебе наша обувь?

Чак уже откручивал винты глухаря.

— Логичный вопрос. Я — единственный среди вас член экипажа, поэтому командование автоматически возлагается на меня. Но у нас не та ситуация, когда можно требовать слепого повиновения, поэтому я расскажу, что знаю и что хочу предпринять. Катастрофа произошла, когда мы преодолели примерно четверть расстояния от Луны к Земле. Где мы сейчас, я не имею ни малейшего понятия, а выяснить это необходимо.

Покончив с винтами, Чак снял ставень, прикрывавший единственный иллюминатор спасательной капсулы. Снаружи звезды чертили на черном бархате космоса белые полосы, Земля — более широкую, зеленовато-синюю.

— Как вы видите, мы вращаемся вокруг продольной оси нашей термосной колбы. Мне нужно знать координаты звезд, чтобы определить нашу позицию, а для этого надо затормозить, а еще лучше остановить вращение. К счастью, наружный люк расположен навстречу вращению, поэтому любой выброшенный из капсулы предмет замедлит нашу скорость. Чем больше будут масса и скорость этого предмета, тем сильнее замедлится вращение капсулы. Но выбрасывать особенно нечего, в спасательных капсулах ничего лишнего нет, вот я и хочу воспользоваться вашей обувью. Система поддержания температурного режима работает нормально, так что обувь вам особо не нужна. Идет?

Спорить с Чаком не стали. Обувь отправилась в шлюз вместе с пустой бутылкой, обивкой стен, разной мелочовкой. Чак закрыл внутренний люк, закачал в шлюз воздух, чтобы максимально поднять давление в шлюзе, дернул рукоятку, открывающую наружный люк. Капсула вдруг завертелась, их бросило на стенки.

— Извините, — Дамиан густо покраснел, обнаружив, что лежит на Хелене и обнимает ее.

Она улыбнулась, когда их разносило в разные стороны. Внезапно ощущение низа и верха исчезло, они парили по капсуле в невесомости. Чак хмурился, глядя на медленно плывущие мимо иллюминатора звезды.

— Я думаю, какие-то замеры сделать удастся. Если нет, придется выкинуть что-нибудь еще.

Он вытащил из висящего на поясе чехла небольшой прибор, похожий на подзорную трубу, нацелил на иллюминатор, приник к нему глазом.

— Мне потребуются время, так что расслабьтесь, — сказал он. — С помощью этого я могу измерить угловое расстояние до пяти астрономических объектов. Секстант запоминает углы, а его микрокомпьютер может рассчитать наши координаты. Но процесс этот длительный. Так что поделитесь воспоминаниями, поближе узнайте друг друга. Я вот человек простой, обо мне говорить особо нечего. Средняя школа в Бронксе, Колумбийский университет, Космическая академия... потом полеты на Луну. А как насчет тебя, Хелена. Наш друг-англичанин сказал, что ты художница. Что рисуешь? Пейзажи? Монументальные полотна?

Хелена поджала губы:

— Я по другой части. Мои инструменты — лазеры и голограммы. Я создаю световые модули.

— Я их видел, — Чак нацелился на другую звезду. — У меня от них рябит в глазах и болит голова. А кто ты, Дамиан, грабитель банков или растратчик?

— Сэр!

— Уж не вини меня за этот вопрос, ты столько бубнил насчет пропавших тридцати тысяч фунтов.

Дамиан переплел пальцы:

— Я — сотрудник английского посольства. Мне поручили доставить на Землю наличные. Теперь денег нет...

Чак рассмеялся:

— Не idiotничай. Это всего лишь бумага, взрыв ее уничтожил. Банкноты спишут и напечатают новые.

Дамиан улыбнулся:

— Ты, разумеется, прав. Но после взрыва я только об этом и думал. Глупо, конечно.

— У каждого из нас выдавались неудачные деньки. Поговорите между собой пару минут, пока я пропущу цифры через эту мясорубку.

Разговор оборвался, как только Чак уткнулся в компьютер. Первый шок прошел, Дамиан и Хелена начали осмысливать создавшуюся ситуацию. Тишину нарушали лишь едва слышное жужжание вентилятора системы кондиционирования да редкие щелчки компьютера. Горела одна-единственная лампочка. По черному пятну иллюминатора проплывали звезды. В капсуле им было тепло и уютно. Двенадцать футов в длину, шесть — в ширину. Маленький замкнутый мирок, обеспеченный всем необходимым для поддержания человеческой жизни. А в двух люймах, за стенкой, бесконечная пустота космоса.

— Значит, так, — Чак убрал секстант в чехол. — Давайте поглядим, какую еду приготовили нам комми. — Остальные улыбнулись шутке.

— А как насчет твоих цифр? — спросила Хелена. — Где мы?

— Понятия не имею, — Чак откинул большой люк в конце капсулы. — Впрочем, не совсем верно. Расчеты показывают, что мы где-то между Землей и Луной. Но я не был в рубке и не знаю, в какой точке находился корабль в момент взрыва. Поэтому подождем с час, а потом я сделаю новые замеры. Сравнение двух точек позволит определить направление нашего движения и скорость. Кто-нибудь хочет пить? — он вытащил из гнезда одну из двух больших емкостей с водой.

— Я, если можно, — отозвалась Хелена.

— Соси, как сиську.

— Мне уже приходилось пить в невесомости, благодарю.

— Извини, милая, забыл, что ты опытная космическая волчица. Есть будешь? — он достал плоскую коричневую коробочку, уставился на нее. — Вроде бы колода карт. Кто-нибудь знает русский лучше, чем я?

— Можешь на меня положиться, — Хелена взяла коробочку, мельком глянула на нее. — Это обезвоженные картофельные оладьи.

— Обезвоженные картофельные оладьи... — Чак печально

покачал головой. — Я начинаю склоняться к мысли, что остальным людям, летевшим на «Юрии Гагарине», очень повезло.

— Не остри, — одернул его Дамиан. — Когда такое говоришь, лучше постучать по дереву.

— Думаю, что в капсуле дерева нет, если не считать эти олады.

Когда они поели, Чак провел ревизию припасов, открыл другой люк, чтобы посмотреть, как у них с кислородом. Вновь попытался подать сигнал бедствия, но солнечная буря бушевала с прежней силой. По истечении часа сделал необходимые замеры, ввел результаты в компьютер.

— Будь я проклят! — наконец воскликнул он.

— Что-то не так? — спросил Дамиан.

— Проверю еще раз.

И только после новых замеров и расчетов он заговорил с ними. Теперь в его голосе юмор отсутствовал напрочь.

— Докладываю все и сразу. У нас неприятности. Так уж вышло, что мы находились за эпицентром взрыва относительно направления движения корабля. Поэтому взрыв в значительной степени погасил нашу скорость.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — вырвалось у Хелены.

— Объясняю. Если бы не взрыв, корабль долетел бы до Земли за два дня. Но капсула уже не обладает такой скоростью. Нам потребуется от трех до четырех недель, чтобы приблизиться к Земле и послать сигнал, который будет услышан.

— А что в этом такого? Конечно, провести три недели в этой клетке с двумя мужчинами — не лучший вариант...

— Дай мне закончить. У нас есть еда, хотя без пищи мы можем обходиться достаточно долго, у нас есть вода, работает система рециркуляции. Но эти капсулы слишком малы, чтобы оснащаться генераторами переработки углекислого газа. Наш кислород закончится через две недели. Мы умрем за неделю до того, как сможем послать сигнал бедствия, который будет услышан.

— И нет выхода? — спросил Дамиан. — Ну, я не знаю. Если мы...

— Это ерунда! — взвилась Хелена. — По радио мы можем связаться с Луной, Землей, они вышлют корабли.

— Все не так просто, — покачал головой Чак. — Я знаю, какие корабли есть на Луне и каков радиус их действия. Мы уже находимся на предельном для них расстоянии и пока не можем с ними связаться. Если солнечная буря продлится еще несколь-

ко часов, о них можно забыть. К этому времени они даже не смогут принять наш сигнал бедствия. Так что нам предстоит длинный полет к Земле и установление связи с одной из орбитальных станций. А потом придется подождать, пока они определят наши координаты и отправят к нам корабль. Опять же, ему потребуется время, чтобы долететь до нас. Три недели — это абсолютный минимум, скорее всего нас вытащат отсюда только через четыре.

Хелена начала плакать, и он не стал останавливать ее. Потому что плакать было о чем. Подождал, пока она успокоится, а потом, поскольку ни один вроде бы не видел очевидного ответа, все им растолковал, сухо и бесстрастно:

— Воздуха, которым будут дышать три человека две недели, двоим хватит на три, а то и дольше.

Долгую паузу нарушил Дамиан:

— Ты понимаешь, что говоришь? Неужели нет другого выхода?

— Я его искал, но напрасно. Это единственный путь, который оставляет двоим из нас хоть какую-то надежду. Для троих — верная смерть. Для двоих — пятьдесят на пятьдесят. Не слишком хорошие шансы, но все лучше, чем никаких.

— Но... кто-то должен умереть, чтобы двое выжили.

— Да, иначе не получается.

Дамиан глубоко вдохнул:

— И умирать придется не тебе. Только ты знаешь, как управлять капсулой и обращаться с радио...

— Отнюдь. Хотя, признаюсь, мелькнула у меня мысль обставить все именно так. Управлять капсулой нужды нет. А для того чтобы научить вас обоих подать по радио сигнал бедствия, мне хватит и десяти минут. Солнечные батареи в порядке, энергии предостаточно, поэтому, как только закончится буря на Солнце, сигнал обязательно услышат.

— Это... ну... с твоей стороны это очень благородно. Ты мог бы сказать нам совсем другие слова, и мы бы тебе поверили. У меня, знаешь ли, сразу полегчало на душе. Поскольку о мисс Тибловски речь не идет, я остаюсь единственным добровольцем в покойники. А так, ты и я...

— Нет, один из нас троих, — отрезал Чак.

— Извини, но ты же не хочешь сказать, что женщина...

— Хочу и говорю. Это не игра, Дамиан, когда женщины и дети садятся в спасательные шлюпки первыми. Я говорю о смер-

ти. Все жизни равны. Нас тут трое. Я уверен, что Хелена оценит твое благородство, но не думаю, что она готова им воспользоваться. Я прав? — спросил он, повернувшись к женщине.

— Ты хряк, — прошипела она. — Жирный, тупой хряк.

— Я ошибся, — Чак повернулся к Дамиану. — Я издаю приказ и беру на себя ответственность. Вы оба можете расписаться, как свидетели. Если угодно, зафиксировать свое особое мнение.

— Ты хочешь меня убить, я знаю, чтобы спастись самому, — взвизгнула Хелена. — Тебе наплевать...

— Пожалуйста, не надо, — Дамиан взял ее за руки, но она оттолкнула его, и он уплыл к противоположной стене капсулы.

— Кто дал тебе право решать, кому жить, а кому умирать?

— Я — офицер и командир этого корабля, — отрезал Чак. — Есть правила и инструкции для подобных ситуаций, и я дал клятву их выполнять. Это стандартная процедура, каждый имеет равные шансы на выживание, никакого фаворитизма.

— Это все слова.

— Ты имеешь право остаться при своем мнении. Однако я согласен с этим правилом и думаю, что справедливее ничего не придумано.

— Ко мне оно не имеет ни малейшего отношения.

— Это твой выбор. Но тебе придется подчиниться общему решению, как бы ты к нему ни относилась, — он повернулся к побледневшему, как смерть, Дамиану, который молча слушал их словесную перепалку. — Поговори с ней, Дамиан, может, она прислушается к тебе. Или ты с ней согласен?

— Я... честно говоря, не знаю. Трудно сказать. Но ведь выбора у нас нет, так?

— Никакого.

Раньше у Дамиана не возникло бы и мысли обнять девушку, которую он только что встретил, но раньше он и не попадал в подобные ситуации. Он крепко прижимал ее к себе, а она рыдала у него на груди, и ему казалось, что по-другому просто и быть не может.

— Давайте с этим покончим, — не унимался Чак. — Ждать — хуже всего. У меня три одинаковых пластмассовых квадрата, один я пометил крестом. Посмотрите. И три куска плотной бумаги от упаковки из-под еды. Дамиан, заверни каждый квадратик в бумагу, только так, чтобы один не отличался от другого... Теперь потряси их в ладонях, чтобы ты сам не знал, где какой

квадратик... Отлично. Пусть выплывают на середину капсулы, чтобы мы все могли их видеть.

Дамиан развел руки, и три завернутых в оберточную бумагу пластмассовых квадратика отправились в свободное плавание. Один стал уходить в сторону, и Дамиан подтолкнул его к остальным. Люди смотрели на них, не отрывая глаз. Вновь слепой случай решал, кому из них жить, а кому — умереть.

— Значит, так, — вновь заговорил Чак. — Мы берем по квадратик. Я — последний. У меня в поясе есть таблетка смерти, она входит в стандартный набор космонавта, и тот, кто вытянет крест, примет таблетку через шесть часов... — он взглянул на часы. — В девятнадцать ноль-ноль. Все всё поняли и со всем согласились? Вот и отлично. Обратного пути нет. Согласны?

Плотно сжав губы, Дамиан кивнул. Хелена ничего не сказала. Застыла, как статуя, лишь сверлила Чака полным ненависти взглядом.

— Значит, решено. Таблетка действует мгновенно и безо всякой боли. Поехали. Хелена, ты хочешь тянуть первой?

— Нет, — женщина никак не могла поверить, что все это происходит наяву. — Ты не можешь...

— У нас нет иного выхода, — Дамиан попытался улыбнуться. — Хорошо, первым буду тянуть я. А ты можешь стать второй.

— Не разворачивай, — предупредил Чак, когда Дамиан протянул руку и взял ближайший к нему квадратик. — Давай, Хелена, никому из нас это не нравится.

Она не пошевелинулась, пока Чак не пожал плечами и сам не потянулся к оставшимся квадратикам. Цапнула тот, который хотел взять Чак.

— Это мой.

— Как скажешь, — Чак сухо улыбнулся и взял последний квадратик. — Разворачиваем.

Оба по-прежнему сжимали квадратик в кулаке. Чак неторопливо развернул свой. Чистый. Хелена ахнула.

— Что, теперь моя очередь, — Дамиан медленно снял бумагу со своего квадратика. Коротко глянул, снова сжал в кулаке.

— Мы тоже должны его видеть, — покачал головой Чак.

Дамиан разжал пальцы, чтобы показать, что креста на квадратике нет.

— Я знала, что все подстроено! — закричала Хелена и отбросила от себя завернутый в бумагу квадратик. Дамиан поймал

его, когда он отскочил от стены, развернул. Все увидели жирный крест.

— Мне очень жаль, — прошептал Дамиан, не поднимая глаз на Хелену.

— Я думаю, нам всем надо выпить, — возвестил Чак, выудил из одного из стенных шкафчиков бутылку водки. — У нас еще четыре литра водки, припасенные по каким-то ведомым только русским причинам вместе с водой, и пора их использовать.

Дамиан глубоко вдохнул, чтобы изгнать дрожь из голоса.

— Извини, но меня такой расклад не устраивает. Если я выйду отсюда живым, то меня замучает совесть. Я думаю, мне лучше занять место Хелены...

— Нет! — впервые сквозь внешнее спокойствие Чака прорвалась злость. — Этим сведется на нет право честного выбора. Ты и так ставил на кон свою жизнь... разве этого недостаточно? Смерть в космосе зачастую дело случая. Вот и сегодня все погибли, а мы случайно спаслись. И опять положились на случай. Он сделал свой выбор. Вопрос закрыт, — он откупорил бутылку и подал пример, одним глотком оприходовав пятую часть.

Может, для того водку и держали в спасательной капсуле. Хелена, все еще не веря происшедшему, выпила, потому что бутылку ей протянули мужчины, не решающиеся встретиться с ней взглядом. Выпитая водка притупляет чувства. Особенно много выпитой водки.

Звезды скользили мимо иллюминатора, термостат поддерживал в спасательной капсуле комфортные двадцать два градуса по Цельсию, тихонько жужжал вентилятор системы кондиционирования, накачивая в капсулу положенное количество кислорода, с каждой минутой уменьшая его запасы.

— Если лежишь, обмен веществ замедляется, — Чак закрыл глаза, чтобы не видеть ни стен капсулы, ни своих попутчиков, которые забились в дальний угол. Поднес к губам бутылку с обжигающей жидкостью. — Обмен веществ определяет потребление кислорода, а нам надо его экономить. Не двигаться и не есть. Три недели без еды. Полезно для здоровья... — пластиковая бутылка выскользнула из его разжавшихся пальцев.

— Нет, нет, я не могу, — Хелена, рыдая, бросилась на грудь Дамиана. Страх пересилил действие алкоголя.

— Ну что ты, не надо так, не надо, — Дамиан выпил, не зная, что и делать. Наклонил голову, поцеловал ее волосы, холодные от слез щеки, пухлые жаркие губы.

Хелена отреагировала мгновенно. Ответила на поцелуй, прижалась к нему всем телом, бедра заходили ходуном. Они поплыли по воздуху, слитые в тесном объятии.

— Я хочу тебя, я не хочу умирать, не могу, не могу, — рыдала Хелена. Взяла его руку, запустила себе за пазуху, на теплую, упругую грудь. — Помоги мне, помоги...

Дамиан целовал ее, охваченный страстью. Он знал, что всего в нескольких футах от них лежит другой мужчина, но его это не волновало. Чудесное спасение, сначала из гибнущего корабля, потом от слепого случая, выпитая водка, близость смерти, жар женского тела... скопившееся напряжение требовало немедленного выхода.

— Иди ко мне, я тебя хочу, — шептала Хелена ему на ухо, потом ухватила зубками за мочку. — Я не могу умереть. Почему я должна умирать? Он хочет этого, этот хряк. Только он этого хочет. Он хочет смерти, так почему бы ему не умереть? Почему он не оставил меня на корабле? Он дал мне жизнь, а теперь хочет ее отнять. И тебя ждет то же самое, вот увидишь, расправившись со мной, он найдет способ избавиться от тебя. Только за этим он нас и спас. Нельзя верить ни единому его слову. Он — жестокий, несущий смерть монстр. Он решил меня убить. Он хочет меня, а потому собирается меня убить.

— Хелена... — прошептал Дамиан, когда его член уже входил в желанную гавань.

— Нет! — взвизгнула она и с силой оттолкнула Дамиана. Он не понял, вновь потянулся к ней, но она не подпускала его к себе. — Нет, я не могу, хочу, но не могу. Только не при нем, только не перед смертью. Но я так тебя хочу...

И она оставила его одного, завозилась в дальнем конце капсулы. Перед глазами Дамиана все плыло, время двигалось рывками, то ускоряясь, то замедляя свой бег. Внезапно Хелена возникла рядом и сунула что-то холодное ему в руку.

Моргнув, Дамиан опустил голову и увидел на ладони сверкающий скальпель.

— Сделай это! — прошептала она и потащила Дамиана к похрапывающему космонавту.

— СДЕЛАЙ ЭТО! — прозвучал голос в его голове, и Дамиан, не отдавая себе отчета, занес над Чаком руку с зажатым в ней скальпелем.

— Сюда, — ее палец указал на пульсирующую на шее артерию. — Сделай это!

Рука его опустилась.

Раздался рев раненого зверя. Протрезвев от боли, мгновенно проснувшись, Чак сел, замахав руками. Скальпель на дюйм вонзился в мышцу, от раны по воздуху плыли красные сферы.

Руки Чака потянулись к Дамиану и принялись методично его избивать. Космонавтов учили драться в невесомости. Одной рукой Чак держал Дамиана за шею, а второй наносил удары, превращавшие лицо в кровавое месиво. Дамиан пытался отбиться, но у него ничего не выходило. А над схваткой звенел голос Хелены:

— Он пытался убить тебя, Чак, он хотел овладеть мною, но я ему отказала. Вот он и попытался убить тебя во сне. Трус! Он пытался изнасиловать меня... убей его... выброси его из капсулы. Сюда, в шлюз! — она открыла внутренний люк: запомнила, как это делал Чак. В шлюзе хватало места для одного человека. — Сюда его!

Слова проникли сквозь пелену ярости, окутавшую мозг Чака. Ну, конечно, именно это он и хотел сделать. Не отпуская шею Дамиана, Чак потащил его к люку, начал запихивать в шлюз. Скальпель выпал из мышцы, красных сфер прибавилось.

Тело Дамиана обмякло, Чак засунул в шлюз его ноги, потом болтающуюся руку.

— Я сам, — голос Дамиана звучал ровно и спокойно. — Все нормально. Я сам. Я это заслужил.

Что-то в его тоне насторожило Чака, он ослабил хватку.

— Это справедливо, — продолжил Дамиан. — Я на тебя напал, признаюсь, я хотел тебя убить. И неважно, что она использовала свое тело, как приманку, чтобы заставить меня пойти на убийство, обещала все... а потом переметнулась на твою сторону, увидев, что у меня ничего не вышло. Решение я принимал сам, значит, и должен отвечать за свои поступки...

— Не верь ему, он лжет! — визжала Хелена.

— Нет, у меня нет причины лгать. Я занимаю твое место, Хелена, так уж, пожалуйста, не клевети на меня. Я пытался его убить ради тебя... и себя.

— Она хотела, чтобы ты меня убил? — прорычал Чак.

— Вы оба хотите моей смерти! — вскричала Хелена, сорвала тяжелый компьютер с пояса Чака, обрушила на его голову.

* * *

— Тебе давно пора очнуться, — донесся до него голос Дамиана. — Выпей.

Чак почувствовал повязку на шее, поднес сосок к губам, выпил воды, оглядываясь.

— И долго я пролежал?

— Примерно девять часов. Потерял немного крови плюс получил сотрясение мозга.

— Мы вдвоем?

— Совершенно верно, — Дамиан больше не улыбался. — Может, я что-то сделал неправильно, но вопрос закрыт. Я пытался убить тебя. Мне это не удалось, и ты, что совершенно справедливо, попытался убить меня. Но мы оба не смогли довести дело до конца. Может, я где-то и ошибаюсь, но мне кажется, что мы квиты и взаимных претензий у нас быть не должно.

— Я вроде бы и не жаловался. А где Хелена?

Дамиан потупился:

— Ну... когда шесть часов истекли, она согласилась тянуть жребий. И опять проиграла. Напала на меня со скальпелем. К сожалению, твой компьютер полностью вышел из строя. Мне пришлось его выбросить.

— Страховочная компания выплатит возмещение, — просипел Чак. — Господи, шея-то болит. И голова.

— Ты думаешь, мы выкарабкаемся? — спросил Дамиан.

— Шансов на это значительно больше, чем девять часов тому назад.

— Пожалуй. Может, высшие силы тронет благородный жест мисс Тибловски. После таких жертв... — он посмотрел в черноту за иллюминатором. — Как ты думаешь, когда мы выберемся отсюда, мы должны упомянуть про Хелену?

— Какую Хелену? — переспросил Чак. — При взрыве «Юрия Гагарина» погибло семьдесят четыре человека. Только нам и удалось спастись.

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА

«Праздник, проведенный за работой. Вот уж действительно праздник! Я пробыл на Луне год. Писал картины триста шестьдесят пять дней — а вернувшись на Землю первым делом иду в

музей «Метрополитен», чтобы посмотреть на другие картины. — Brent улыбнулся. *Хочется надеяться, что время будет потрачено не зря*.

Он посмотрел на длиннющую лестницу. Гранитные ступени чуть поблескивали под ярким августовским солнцем. Он глубоко вдохнул, переложил трость в правую руку. Начал подниматься, одну за другой медленно преодолевая ступени. Казалось, они уходили в бесконечность.

Почти добрался до верха... оставалось преодолеть лишь несколько ступеней. Трость соскользнула с одной из них, он потерял равновесие, покатился вниз.

Женщина, стоявшая в тени на площадке за лестницей, громко закричала. Она наблюдала за ним с того самого момента, как он вылез из такси. Brent Далгрин, знаменитый художник, теперь все знали это молодое загорелое лицо под шапкой серебристо-седых волос, выбеленных радиацией космоса. Газеты писали, что от долгого пребывания в условиях пониженной силы тяжести мышцы его очень ослабли. Он с таким трудом взбирался по ступеням, а потом скатился с них. Женщина кричала, кричала и кричала.

Его перенесли в медпункт музея.

— Гравитационная слабость, — сказал он сестре. — Все будет в порядке.

К счастью, все кости остались целыми. Медсестра лишь нахмурилась, прикоснувшись к его коже. Померила ему температуру, глаза у нее округлились, она испуганно посмотрела на него.

— Я знаю, — кивнул Brent. — Значительно выше нормальной. Волноваться не надо, повышение температуры никак не связано с падением. Скорее, наоборот.

— Я должна все занести в журнал, таков порядок.

— Мне бы этого не хотелось. Незачем общественности знать, что у меня проблемы со здоровьем. Если вас не затруднит, позвоните доктору Грейберу в Медикэл-Арт-Билдинг. Он вам скажет, что для меня повышенная температура — обычное дело. И музею нет нужды волноваться о том, что он несет ответственность за ухудшение моего здоровья.

Он легко представил себе заголовки газет. «ЛУННЫЙ ХУДОЖНИК УМИРАЕТ», «ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЗА ИСКУССТВО». Но он не считал себя героем. Он знал об опасностях радиационной болезни. Вначале четко следовал инструкциям: в

скафандре проводил на поверхности Луны положенное время и ни минуты больше. До того, как у него возникла проблема.

А состояла она в том, что он никак не мог ухватить атмосферу Луны. В одной картине ему это почти удалось, а потом как отрезало. Атмосферу полного безлюдья, экстремальных условий, царящих на равнинах, в кратерах. Ощущение инопланетности, которое ускользало от него, прежде чем он успевал запечатлеть его в красках.

Критики называли его картины уникальными, удивительными, говорили, что именно так, по их мнению, и выглядела Луна. А вот в этом он не мог согласиться с критиками. Безвоздушный спутник Земли был совершенно не таким. Другим... настолько другим, что он так и не смог ухватить эту разницу. И теперь его ждала скорая смерть: он потерпел неудачу, не смог реализовать мечту своей жизни.

Радиационная лихорадка пожирала его кровь и кости. Еще несколько месяцев, и она покончит с ним. Он боролся со временем, спешил уложиться в оставшиеся месяцы. Спешил и потерпел неудачу... не сложилось.

Медсестра, хмураясь, положила трубку на рычаг.

— Я связалась с доктором Грейбером, и он подтвердил ваши слова, мистер Далгрин. Если вы так хотите, я не буду ничего записывать, — она помогла ему встать.

Луна стала забываться по ходу того, как перед глазами замелькали земные полотна. Он наслаждался произведениями искусства, которые создавались на протяжении многих веков. То была его жизнь, и он старался увидеть как можно больше, компенсировать свое долгое отсутствие на Земле. Греческие мраморные скульптуры успокаивали, картины Рембрандта вновь пробуждали интерес к творчеству. Его радовало, что после стольких лет, отданных живописи, он мог ходить по этим залам, с нетерпением ожидая встречи с, казалось бы, давно знакомыми картинами. Но ему хотелось посмотреть и на что-нибудь новенькое. Лифт доставил его к залам современного искусства.

И сразу его душевное спокойствие нарушила картина. Осенний пейзаж, типичный пример модерн-классицизма, столь модного в последние несколько лет. Но в картине было и что-то еще: неуловимая отстраненность.

Его ноги начали дрожать. Он понял, что надо немного отдохнуть.

Брент уселся на широкий диван у главной лестницы, но мыслями никак не мог оторваться от картины. Что-то его тревожило, задевало за живое, но он никак не мог понять, что именно.

Он чувствовал, что объяснение следует искать в эмоциональной сфере. Всякий в то или иное время испытывал удовольствие или заинтересованность, глядя на любую форму визуального искусства. Эмоциональный отклик могли вызвать и фотоснимок в журнале, и рисунок, и даже хорошо спроектированное здание. Брент попытался проанализировать свои ощущения, но ничего путного не выходило. Сформулировать он сумел лишь одну, не слишком внятную мысль: «В этой картине что-то не так».

Но внезапно он получил ответ. Он явился к нему мгновенно, словно его озарило. Ему вспомнились лунные равнины, на которые не ступала нога человека. Ощущение это выразилось одним словом: инопланетность.

Это ощущение появлялось у него в вечной безжизненности молчаливых лунных просторов. Но как оно могло ассоциироваться с изящным осенним пейзажем? Каким образом художник сумел выразить это необычное чувство на холсте? Брент отругал себя, разумеется, молча. Это не картинка из жизни другой планеты. Это «Осень в лесу», нарисованная человеком, который не понимал, что пишет. Человеком, который иначе смотрел на привычное всем и каждому. Художником, который смотрел на кипучую жизнь осеннего дня, а рисовал вечную смерть безжизненного спутника.

Брент оперся на трость, учащенно забилось сердце. Он должен найти этого художника. Должен поговорить с ним, узнать у него... выбить, если необходимо... он должен *выяснить* секрет этого человека. Мысль о близкой смерти тяжелым грузом лежала на плечах. Умереть, не зная, как передать в картине это ощущение!

Он убил себя в погоне за ним... и ничего не достиг. А на Земле жил человек, обладающий знанием, которое он искал. От таких мыслей хотелось быть.

Не без труда, но он взял себя в руки. Посидел, пока не совладал с расшалившимися нервами. Твердо сказал себе, что должен найти этого человека.

В правом нижнем углу картины, в тени валуна, стояла подпись: Артур Ди Коста. Брент никогда не слышал о таком ху-

дожнике, но в этом не было ничего удивительного. Настоящие художники вымирали, как динозавры. Они трудились в подсобках, в старых гаражах, заполняя холст за холстом ради собственного удовольствия. И зачастую с их работами широкая общественность знакомилась уже после смерти художника.

Опять смерть, сердито подумал Brent. Развернулся и направился к служителю, коротавшему время около абстрактной скульптуры.

— Конечно, мистер, — ответил ему служитель. — Вы найдете куратора в его кабинете. Дверь вон там.

— Благодарю, — пробормотал Brent и проследовал в направлении, указанном мясистым пальцем. Нашел нишу, практически скрытую роскошными гобеленами. В ней обнаружил фонтанчик с питьевой водой, приводимый в действие фотоэлементом, и псевдомраморную дверь с надписью на табличке: *«Доктор Эндрю Киннент — куратор, коллекция современного искусства»*.

Brent открыл дверь, вошел в приемную. Секретарь оторвалась от компьютера.

— Я — Brent Далгрин. И хотел бы переговорить с мистером Киннентом.

— Тот самый мистер Далгрин?! Минуточку... — Зардевшись, девушка нажала на кнопку аппарата внутренней связи.

— Заходите, мистер Далгрин. Мистер Киннент будет рад встрече с вами, — но ни очаровательная улыбка, ни радушный прием не произвели на Brentа ни малейшего впечатления: думал он совсем о другом.

После тридцати минут, отданных искусству вообще, Brent перевел разговор на нынешнюю экспозиция, а конкретно — на одного художника.

— Ди Коста — один из наших самых талантливых молодых художников, — куратор самодовольно улыбнулся, словно он сам обучил Ди Косту секретам мастерства. — В Нью-Йорке он живет недавно, но уже успел сделать себе имя. Позвольте мне дать вам его адрес. Я уверен, что вы с удовольствием побеседуете с ним. Общность интересов, знаете ли.

Brent легко согласился получить те сведения, за которыми, собственно, и пришел. Своими истинными мыслями он делиться с Киннентом не стал. Не подкрепленные доказательствами, они действительно могли вызвать сомнения в психическом здоровье человека, который бы их высказал. Но самого

Брента это не останавливало. Жизнь подходила к концу, но сначала хотелось найти ответ на самый важный для него вопрос.

Нужный ему дом ничем не выделялся среди доброй сотни других, которые выросли на модных теперь Тридцатых улицах, заменив собой корпуса фабрик по пошиву верхней одежды. Brent перешел на другую сторону улицы, оглядел дом 31. Отсутствие окон указывало на то, что финансовых проблем у владельца нет. А все, что его интересовало, он мог узнать только внутри — не снаружи. Brent вновь перешел улицу, встал на хромированный квадрат перед дверью.

Сработавший под тяжестью тела датчик активировал механического дворецкого.

— Резиденция мистера Ди Коста. Чем я могу вам помочь?

— Мистер Brent Далгрин желает увидеться с мистером Ди Костой.

— Я очень сожалею, но касательно вас я не располагаю никакой информацией, сэр. Если вас не затруднит оставить соб... — голос робота оборвался, сменившись мужским.

— Рад приветствовать вас, мистер Далгрин. Пожалуйста, заходите.

Дверь распахнулась, открыв маленькую, отделанную деревом прихожую. И лишь когда дверь закрылась, Brent понял, что находится в кабине лифта. Она тронулась с места, плавно остановилась, задняя стенка скользнула в сторону, открывая путь в библиотеку-кабинет. Из-за стола поднялся мужчина, шагнул навстречу Brentу, протягивая руку.

Brent ее пожал, не сводя глаз с лица мужчины. Ростом Ди Коста был повыше Brentа, худощавость как-то не вязалась с плавностью движений. Рука у него была длинная и сильная. Только тут Brent поймал себя на том, что просто тарашится на хозяина.

— Надеюсь, вы извините меня за столь внезапное появление в вашем доме, мистер Ди Коста. Я увидел вашу картину в «Метрополитене», и она очень заинтересовала меня.

Brent остановился, понимая, что неубедительный это предлог для появления в доме художника. И порадовался тому, что Ди Коста взял инициативу на себя.

— Я вас прекрасно понимаю, мистер Далгрин. Со мной такое бывало не раз, когда я видел ваши картины и некоторых других художников, — он улыбнулся. — Далеко не всех, уверяю

вас. Я смотрел на эти картины и говорил себе, хотелось бы мне встретиться с человеком, который их создал. Но такие встречи крайне редки, о чем я очень сожалею. И мне льстит, что вы испытываете те же чувства при взгляде на мои работы.

Доброжелательность Ди Косты сломала лед, скоро они стали лучшими друзьями. Brent сидел в удобном кожаном кресле, Ди Коста смешивал напитки в баре, удачно вписанном в интерьер. Тем самым у Brentа появилась возможность оглядеть кабинет. То, что он видел, ему нравилось. Пожалуй, он бы и сам не отказался от такого кабинета. Что несколько удивляло, так это вращающаяся полка с книгами в углу.

Brent вдруг понял, что она медленно вращалась и когда он вышел из лифта. И еще... ну да, на столе так же медленно вращалась тяжелая бронзовая пепельница. Они создавали необычный эффект, но скорее приятный, чем наоборот. И гармонировали с кабинетом и личностью хозяина.

— А вот и выпивка. Сначала тост... За долгую жизнь и хорошие картины для нас обоих.

Brent чуть хмурился, пригубивая стакан.

Есть такой феномен: о тонкостях профессии с удовольствием говорят и плотники, и банковские служащие. Вот и Brent легко втянулся в дискуссию о достоинствах ализариновых красок и влиянии искусства Византии на итальянских художников, скульпторов и архитекторов эпохи Возрождения. Но при этом какая-то часть его сознания скрупулезно оценивала слова Ди Косты, тщательно наблюдала за ним. Но хозяин Brentа ни на йоту не выходил из образа джентльмена, не стесненного в средствах и живо интересующегося живописью.

За живой беседой уже незаметно пролетели полчаса, когда в дверь кабинета легонько постучали. Она открылась, в кабинет вошла красивая женщина в элегантном наряде, выдержанном в серебристо-серых тонах, в котором в полном соответствии с последней модой преобладали греческие мотивы.

Она остановилась у порога.

— Я не хотела беспокоить тебя, Артур, но... о, извини, я не знала, что у тебя гость.

Ди Коста подошел к ней, нежно взял под руку.

— Я очень рад, что побеспокоила, дорогая. Позволь представить тебе знаменитого Brentа Далгринна, — обнял женщину за талию. — Моя жена, Мария.

Brent пожал ей руку, улыбнулся, глядя в большие карие гла-

за. Она чуть ответила на рукопожатие, как и полагалось в приличном обществе. Очаровательная жена, комфортабельный, уютный дом — Артур Ди Коста являл собой образец современного джентльмена. И получалось, что картина в музее — единственное, в общем-то пустяковое, отклонение от нормы.

Но в то мгновение, когда он держал в руке руку Марии, его взгляд упал на портрет, висевший у двери.

И только невероятным усилием воли удержался от того, чтобы не раздавить ее руку. Ди Коста изобразил Марию, и в ее портрете...

Присутствовала та же тонкая трансформация, что и в осеннем пейзаже, который захватил его внимание в музее. Что-то такое было в изгибе губ, в глазах, которыми она смотрела с портрета. Brent оторвал взгляд от картины, но уже после того, как Ди Коста заметил, куда он смотрит.

— Должно быть, это удивительное ощущение, — рассмеялся он. — Одновременно видеть перед собой и мою прекрасную Марию, и ее портрет на стене — он прикоснулся к раме, и картину залил мягкий свет. Brent пробормотал какую-то похвалу, шагнул к картине, словно надеялся, что уменьшение расстояния позволит найти ответы на его многочисленные вопросы.

Ди Косте, похоже, льстил интерес знаменитого художника к его творчеству. Они обсудили многие проблемы, с которыми сталкивается портретист, удачные или неудачные их решения. Смутившуюся, чуть покрасневшую Марию попросили встать рядом с портретом. Она сделала вид, что эта дискуссия, птичья грамота для непосвященных, несколько ее не раздражает.

— Эта синяя тень на шее помогает формировать...

— Эффект золотых волос, падающих на скулу, достигается...

По их просьбе она то поворачивала, то наклоняла голову, не участвуя в разговоре.

А маленькая часть сознания Brentа продолжала наблюдать и анализировать. Как Ди Коста создавал свои картины, становилось более-менее ясно, а вот почему — оставалось загадкой. В лице, в фигуре инопланетность, чужеродность отсутствовали напрочь, скорее получалось, что она смотрела на что-то абсолютно ей неведомое.

Brent почувствовал, как в висках начинает пульсировать боль. Но, к счастью, раздалась мелодичная трель телефонного звонка, отвлекшая Brentа от поиска ответов на мучавшие его вопросы. Ди Коста извинился и прошел в соседнюю комнату,

оставив Брента наедине с Марией. Не успели они усесться в удобные кресла, как вновь появился Ди Коста. По выражению лица чувствовалось, что он получил какое-то неприятное известие.

— Прошу меня извинить, но мой адвокат просит немедленно приехать. Какой-то важный вопрос, касающийся моей собственности. Мне так не хочется уезжать. Мы обязательно должны продолжить наш разговор. Пожалуйста, не торопитесь уходить, мистер Далгрин. Мой дом в полном вашем распоряжении.

После ухода Ди Косты Brent и Мария поболтали на самые разные темы, уже никак не связанные с живописью. Не мог же Brent сразу спросить у женщины, которую видел первый раз в жизни: «Мадам, ваш муж рисует чудовищ? Или вы сами ведьма? В этом секрет?»

Быстрый взгляд на наручные часы убедил его, что пора уходить: негоже злоупотреблять гостеприимством хозяев.

Прикуривая, Brent как бы случайно посмотрел на часы, стоявшие на каминной доске.

— Как, уже половина четвертого? Прошу меня извинить, но мне пора идти.

Мария встала, улыбнулась.

— Вы для нас — самый желанный гость, — рассмеялась. — Я знаю, что тут я могу говорить не только за себя, но и за Артура. Мы очень надеемся увидеть вас вновь.

— Постараюсь оправдать ваши надежды, — улыбнулся в ответ Brent.

Прощание прервала открывшаяся дверь лифта и громкие вопли маленького человеческого существа. Девочка бросилась к Марии, а когда та взяла ее на руки, зарыдала еще громче, уткнувшись ей в плечо. Пластмассовая кукла с раздавленной головой свидетельствовала о том, что для рыданий, сотрясавших не только золотистые кудряшки, но и все тельце, есть веский повод.

Brent молча стоял, пока рыдания не утикли. Мария улыбнулась ему, уговаривая девочку поздороваться с гостем. Наконец, раскрасневшееся, заплаканное личико повернулось к нему.

— Дотти, познакомься, пожалуйста, с мистером Далгрином...

— Добрый день, мистер Далгрин... но, мамик, он наступил на куклу, а потом рассмеялся, когда она сломалась...

От этих слов слезы брызнули вновь.

— Успокойся, Дотти. Ты же не хочешь, чтобы твой отец увидел тебя в таком состоянии, — сказал Brent.

Эти вроде бы совершенно безобидные слова произвели неожиданный эффект. Не на девочку — на мать: Мария заметно побледнела.

— Артур — не отец Дотти, мистер Далгрин. Видите ли, это мой второй брак. Он... Я хочу сказать, у нас не может быть детей, — чувствовалось, что слова эти даются ей нелегко.

Брент чуть смутился... и одновременно обрадовался: обнаружилось первое отклонение от нормы. И неожиданная бледность Марии ясно указывала: ее что-то тревожит. За это что-то Брент с радостью отдал бы последний тюбик краски. Возможно, этот секрет не имел отношения к живописи, но скорее всего связь была. И он твердо решил ее отыскать.

* * *

Дневная жизнь города уступила место ночной. Брент шевельнулся в большом кресле, протянул руку к стакану бургундского, стоявшему на столике. Квартирка у него была маленькая, но очень хорошая. Одно из немногих роскошеств, которые он себе позволял. Впрочем, роскошество это скорее звалось необходимостью для тех, кто зарабатывал на жизнь, продавая свои эмоции, выраженные цветом.

Вино могло потерять вкус, вид города — нет. Нью-Йорк, вечный город чудес. Рассеянный свет в комнате не бросал отблесков на окно, так что взгляд устремлялся в свободный полет над архитектурной страной. Лазерные лучи гуляли по небу, изредка отражаясь от самолета или стратоплана. Сам город сиял тысячами огней тысяч оттенков. Даже сюда, на сто восьмидесятый этаж, доносился ни на секунду не умолкающий городской шум. Нью-Йорк, самый удивительный из городов, созданных человеком, вот в нем и жил человек, который не был человеком в полном смысле этого слова.

Частичный ответ Брент получил, двух мнений тут быть не могло. Недостающее звено он обнаружил в одной из своих картин. Единственной, которая принесла ему хоть какую-то удовлетворенность. Она далась ему девятью часами непрерывной работы, когда он подверг себя, по терминологии врачей, «опасному воздействию». На полотне удалось отразить грубое, ничем не прикрытое великолепие вечного космоса. Инопланетный ландшафт, увиденный человеческим глазом. А у Ди Косты все с точностью до наоборот: обычные человеческие сцены,

увиденные другими глазами. Возможно, глаза эти не были для Земли полностью инородными, потому что разницу мог уловить только тот, кто ее искал. Но в одном Brent не сомневался: без инопланетного воздействия не обошлось.

Он также получил и косвенное подтверждение своей правоты. Закон природы оставался законом, а гены — генами. Люди и обезьяны — теплокровные млекопитающие, ближайшие родственники с точки зрения антропологии. Однако генная несовместимость исключала появление общих потомков.

Вот и мужчина, если он не был Человеком, *homo sapiens*, не мог иметь детей от человеческой женщины. Мария Ди Коста такой и была, что доказывала заплаканная дочурка. У Артура Ди Косты детей не было.

Brent нажал клавишу на подоконнике, и окно уползло в щель. Городские шумы ворвались в квартиру вместе с запахами джерсийских лесов, вроде бы совершенно неуместными в большом городе, которые донес легкий ветерок.

Подняв голову, он увидел луну, плывущую меж редких облаков, утреннюю звезду, Венеру, поднимающуюся над восточным горизонтом. Он побывал на Луне. Он видел ракету, которая готовилась к полету на Венеру. Человек был единственной разумной формой жизни, которую ему довелось видеть. Если были и другие, то их следовало искать на других звездах. А впрочем... разве не могли представители этих далеких цивилизаций жить на Земле, среди людей?

Но проку от этих мыслей не было. Не стоит изобретать новых чудовищ, не убедившись в существовании хотя бы одного. Утро вечера мудренее. Надо хорошенько выспаться, а потом отправляться на охоту.

В десятый раз Brent бросил в урну недоеденный шоколадный батончик и двинулся дальше. Это в телешоу частный детектив с легкостью выполнял свои обязанности. В реальности все оказалось куда как сложнее. Он третий день следил за Артуром Ди Костой, и слежка эта уже сказывалась на его пищеварении. Когда останавливался Ди Коста, приходилось останавливаться и ему, зачастую на запруженных толпой улицах. Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, он делал вид, что ему необходимо сделать покупку в одном из торговых автоматов,

выстроившихся вдоль тротуара. Газеты он просто выбрасывал, но считал себя обязанным хотя бы надкусить шоколадный батончик.

Но вот Ди Коста ступил на движущуюся пешеходную дорожку, проложенную по Пятой авеню. Brent, отделенный от него несколькими сотнями футов, проделал аналогичный маневр. Они покатались к Верхнему Манхэттену со стандартной скоростью пятнадцать миль в час. Когда дорожка пересекала Пятнадцать седьмую улицу, на нее ступил невысокий мужчина в черно-золотом деловом костюме. Brent заметил его, когда он остановился рядом с Ди Костой и похлопал художника по плечу. Ди Коста обернулся. Улыбка медленно уступила место недоумению.

Невысокий мужчина передал удивленному художнику сложенный листок бумаги. И, прежде чем Ди Коста успел что-то сказать, сошел с движущейся дорожки на островок безопасности, лихо перескочил через ограждающий барьер и по другой дорожке покатил в противоположную сторону, к Нижнему Манхэттену.

Brent, разинув рот, проводил коротышку глазами. Проехав мимо, он вскоре растворился в толпе. А повернув голову, наткнулся на взгляд Ди Косты.

Его планы рухнули. А Ди Коста улыбнулся и приветственно помахал ему рукой. Сквозь уличный шум до Brentа долетел его голос:

— Мистер Далгрин, идите сюда.

Brent помахал рукой в ответ и двинулся к Ди Косте. А что ему оставалось? Он уже подходил к художнику, когда любопытство Ди Косты взяло верх. Brent наблюдал, как тот разворачивает листок, читает написанное на нем... С Ди Костой произошла разительная перемена. Рука с запиской повисла плетью, тело напряглось. Глядя перед собой, стоя на движущейся дорожке, он словно окаменел. Превратился в статую.

Далгрин прибавил шаг. Он практически не сомневался, что записка и коротышка каким-то образом связаны с секретом картин.

Ди Коста ничего не видел и не слышал. Brent посчитал себя вправе взять загадочную записку, зажатую в негнущихся пальцах. Одна сторона — пустая, на второй — непонятная то ли надпись, то ли подпись: загогулины, пересеченные зелеными прямыми. Ни с чем подобным Brent в своей жизни не сталкивался.

Они ехали бок о бок. Brent облокотился на поручень, тогда как Ди Коста продолжал пребывать в странном трансе. Запис-

ка, которую Brent держал в руке, была вещественным доказательством, прямо указывающим на то, что его подозрения небеспочвенны. Взглянув на нее вновь, он вдруг почувствовал, как записка завибрировала у него в руке, словно хотела вырваться, потом засветилась и исчезла! Мгновением раньше он держал ее в руке, а теперь ее не было!

От неожиданности он отпрянул, но не наткнулся на стоявшего рядом Ди Косту. Потому что тот сошел с движущейся дорожки, пока он разглядывал записку. Перегнувшись через поручень, Brent увидел-таки, что Ди Коста уже подходит к аэроплощадке Центрального парка. Кляня себя за тупость, Brent поменял дорожки и поспешил к сходу, который вел к аэроплощадке.

Удача в этот день была на его стороне. Ди Коста стоял в длинной очереди к аэрокебам. И стоять ему предстояло добрых десять минут. Brent понял, что он успеет арендовать аутотакси до того, как художник поднимется в воздух.

И действительно, когда черно-оранжевый аэрокеб с Ди Костой на борту взял курс на север, синее аутотакси последовало за ним. Какое-то время спустя оба летательных аппарата скрылись вдаль.

Аэрокеб летел на высоте десяти тысяч футов. Brent держался чуть позади, в восьми тысячах футов от земли. Все происходило слишком уж быстро. Brentа не покидало ощущение, что действует он уже не по собственной воле и все решения принимаются за него.

Но его рапирала радость. Странный символ на записке, необъяснимое исчезновение записки доказывали тайное присутствие инопланетян. И каждая преодоленная им миля приближала его к разгадке. Он не страшился смерти, уже свыкся с тем, что она неминуема. Собственно, и мечта-то у него осталась только одна — раскрыть тайну, с которой столкнула его судьба. Brent улыбнулся.

Пятнадцать минут спустя аэрокеб и аутотакси приземлились на муниципальной аэроплощадке в Пауфкипси. Brent припарковал свое аутотакси и следом за Ди Костой спустился на улицу. Быстрым шагом художник направился к одному из стоящих рядом административных зданий, вошел.

Brent бросился за ним. Вбежал в холл, когда захлопывались двери лифта. Нажал на кнопку вызова, но кабина продолжала

подниматься. На индикаторе вспыхнула цифра 4, потом кабина поплыла вниз.

Он был слишком близок к разгадке, чтобы остановиться, обдумать происходящее. Вошел в кабину, нажал кнопку с цифрой 4. Двери закрылись, и кабина начала... опускаться.

Брент осознал, что он в ловушке, и тут же понял, что не может ничего изменить. Оставалось ждать встречи с тем, кто будет поджидать его по другую сторону дверей.

Остановилась кабина на уровне, расположенном гораздо ниже подвала. Двери разошлись.

Его ожидания не оправдались: ему открылась самая что ни на есть обычная комната.

Ну, совершенно обычная, за исключением боковой стены. Стеклопанной стены, за которой бурлила вода... только стекла не было! Он видел перед собой поверхность океана, поставленную на попа. Почувствовал, как его тянет к воде, засасывает в воду.

Ощущение исчезло, как по мановению волшебной палочки, стена стала ровной и черной. Только тут до него дошло, что в комнате он не один. Компанию ему составляла очаровательная девушка с прямыми волосами цвета бронзы и зелеными глазами.

— Неподготовленному человеку не следует наблюдать за этой машиной, мистер Далгрин. Она оказывает негативный эффект на мозг.

У него отвисла челюсть.

— Откуда вы знаете мою фамилию? Кто вы? Что все это?..

— Если вы присядете, я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

Брент понимал, что кабина не тронется с места, пока он не выйдет из нее. Вышел, двери за его спиной сомкнулись, что не прибавило ему бодрости духа. Он влип по самое не могу, инициатива полностью принадлежала другой стороне. Он сел.

Рыжеволосая посмотрела на странную стену, которая вновь забурлила водой. Брент старался смотреть в другую сторону. Наконец девушка, чуть хмурясь, повернулась к нему.

— Вас очень заинтересовали действия Артура Ди Косты, мистер Далгрин. Может, у вас есть вопросы, которые вы хотели бы задать мне?

— Безусловно, есть! Что произошло с ним сегодня... и где я сейчас нахожусь?

Она наклонилась вперед, нацелилась пальцем в грудь Брента.

— Сегодняшним визитом сюда мистер Ди Коста обязан вам.

Мы заметили, что вы следите за ним, поэтому пригласили его сюда в надежде, что он приведет и вас. В записке он прочитал слово-пароль, заложенное у него в мозгу, которое вызывало автоматическую реакцию. Он прибыл сюда, следуя постгипнотическому приказу.

— Но записка! — вскричал Brent.

— Пустяк. Надпись на материале, сделанном из отдельных молекул. Небольшой энергетический заряд соединяет их водино на протяжении короткого периода времени. Заряд рассеивается, молекулы разлетаются.

И все встало на свои места. Безусловные свидетельства демонстрации недоступных человеку сил однозначно указывали на то, что он имеет дело с...

— Инопланетянами, мистер Далгрин. Думаю, вы можете нас так называть. Да, я могу читать ваши мысли. Поэтому вы сегодня здесь. Мысленный ретранслятор в кабинете Артура Ди Косты сообщил нам о ваших подозрениях, с которыми вы входили в его дом. С той минуты мы наблюдали за вами, подготавливая ваш визит сюда.

Частично я смогу утолить ваше любопытство, мистер Далгрин. Мы не с Земли, более того, наша планета находится в другой звездной системе. А эта комната — офис санатория для больных, которым не требуется стационарное лечение.

— Санатория! — взревел Brent. — Если это офис... то где сам санаторий?

Девушка повертела в руках карандаш, а ее взгляд, казалось, вонзился в мозг Brentа.

— Вся Земля — наш санаторий. На ней живут многие наши психические больные.

Пол начал уходить у Brentа из-под ног. Он схватился за край стола.

— Значит, Ди Коста — один из ваших пациентов. Он безумен?

— Если следовать точному значению этого слова — нет. Он — слабоумный. И не поддается лечению.

— Если умница Ди Коста — слабоумный, тогда... — Brent покачал головой. — Это означает, что средний ай-кью¹ для представителей вашей цивилизации должен составлять...

— Этой величины вы и представить себе не можете. Для лю-

¹ Ай - к ю — по первым буквам IQ (intelligence quotient) — коэффициент умственного развития.

дей Ди Коста совершенно нормален, более того, его ай-кью выше среднего.

На родной планете он не смог найти места в высокоорганизованном обществе. Стал пациентом государства. Его тело трансформировали, чтобы он ничем не отличался от *homo sapiens*. Мы дали ему новое тело, новую индивидуальность, но не смогли изменить его исходный интеллект. Вот почему он на Земле.

Детство Ди Коста провел на родной планете, в чужеродной для землян социальной среде. Эти первые впечатления навсегда остались в его подсознании. Его новая индивидуальность не имеет о них ни малейшего представления, но они есть. И проявляются в его картинах. Требуется очень острый глаз, чтобы заметить их. Позвольте поздравить вас, мистер Далгрин.

Брент печально улыбнулся:

— Теперь я сожалею о том, что заметил. Какие у вас планы в отношении меня? Как я понимаю, вы уже не позволите мне вернуться в мой земной «сумасшедший дом».

Девушка сложила руки на коленях. Смотрела на них, словно не желала встречаться с ним взглядом в момент объявления приговора. Но Брент не стал ждать. Если он сможет справиться с девушкой, то потом как-нибудь найдет пульт управления лифтом. Он напрягся и прыгнул.

Волна боли прокатилась по телу. Другой разум, неизмеримо более сильный, контролировал его тело.

Мышцы отказались подчиниться ему. Он рухнул на стол, застыл. Его тело выполнило приказ чужого разума. Рыжеволосая подняла голову. Ее глаза сверкали силой, которую она только что продемонстрировала.

— Никогда не следует недооценивать своего оппонента, мистер Далгрин. Именно для этого я приняла облик земной женщины. Я нахожу, что так управлять людьми гораздо легче. У них и в мыслях нет, что я... не та, кого они видят. Я сейчас сниму свой контроль, но, пожалуйста, не заставляйте меня вновь прибегать к этому средству.

Брент сполз на пол, сердце его рвалось из груди, тело сотрясала мелкая дрожь.

— Я — директор этого... санатория, поэтому вы понимаете, что у меня нет никакого желания привлекать к нашей деятельности внимание вашего государства. Мне придется избавиться от вас.

Дыхание Брента чуть успокоилось, он уже мог говорить.

— Так вы... хотите... меня убить?

— Отнюдь, мистер Далгрин, наша философия запрещает убийство, за исключением самых крайних случаев. Ваше тело будет изменено в соответствии с требованиями окружающей среды другой планеты-санатория. Естественно, мы излечим вас от всех последствий радиационной лихорадки. Так что вас будет ждать долгая и интересная жизнь. Если вы согласитесь сотрудничать с нами, мы сохраним вам вашу индивидуальность.

— И что это за планета? — По интонациям девушки Brent понял, что разговор близится к завершению.

— Совсем не такая, как эта. Тяжелая планета, в атмосфере которой роль кислорода выполняет хлор, — и нажала кнопку на столе.

Теряя сознание, Brent успел подумать: «Он будет жить... и работать... рисовать удивительные оттенки зеленого на планете с атмосферой из хлора...»

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ

Франческо Бруно перекрестился, быстро пробормотал молитву и уставился взглядом в металлическую тарелку, которая стояла перед ним на столе, сколоченном из необструганных досок. Голод донимал его, он не ел уже двенадцать часов, а не то он бы и не смог смотреть ни на маленькие, с черными точками фасолы, ни на квелую тушеную капусту. Поел он быстро, помня о темных фигурах, молчаливо наблюдавших за ним. Запивать пришлось водой.

— Покажи ему бумагу, — сказал один из мужчин, возможно, в сотый раз за три дня.

Бруно достал из бумажника сложенный, в пятнах листок. Протянулась черная рука, взяла листок. Вновь прибывший отошел к окну, в котором не осталось ни единого стекла, развернул листок к свету, чтобы прочитать. Последовала тихая дискуссия. Бруно огляделся. Ссохшаяся, седая женщина наклонилась над плитой, в дощатых стенах щели в палец. Бедность так и лезла в глаза. Даже в трущобах Палермо, где он вырос, и то было больше достатка.

Мужчина, который читал бумагу, вернулся к столу.

— Что у тебя с собой? — спросил он.

Бруно открыл брезентовый вещмешок с выцветшими буквами США на боку, начал выкладывать содержимое на стол. Вещмешок ему дали вместо чемодана, с которым он уезжал из города.

Телевизионная камера размером с ладонь, записывающее устройство, упаковка батареек, запасные кассеты с пленкой, смена нижнего белья, туалетные принадлежности. Мужчина пощупал все, указал на камеру.

— Это оружие?

Бруно не стал говорить о том, что с начала своего путешествия уже множество раз повторял одно и то же. Взял камеру, объяснил, как она работает, провел короткую съемку. Прокрутил пленку назад, и мужчины наклонились ближе, чтобы взглянуть на крошечный монитор.

— Эй, бабуля, ты в телевизоре. Ты будешь большой звездой, слышишь?

Пленку пришлось прокрутить еще раз для старухи, которая довольно посмеивалась, возвращаясь к плите. Просмотр пленки снял напряжение, мужчина, задававший вопросы, расслабился, плюхнулся на стул. Здоровенный, чернокожий, в заштопанной грязной армейской форме. На плече висел автомат, на груди — рожки с патронами.

— Можешь звать меня Чоппер. Ты откуда?

— Из Европы. Консорциум печатных изданий... — он замолчал. Черт, надо же попроще. — Я из Италии, с дальнего Юга. Работаю в газете. Пишу для газеты статьи. У нас много газет, много телевизионных станций. Нам дали знать, что мы можем прислать сюда одного человека. Все собрались, чтобы выбрать одного человека. Выбрали меня...

— Какой-то странный у тебя выговор.

— Я же сказал, я из Италии.

— Скажи что-нибудь на итальянском.

— *Buon giorno, signore. Voglio andare al...*¹

— Может говорить, это точно, — уверенно заявил кто-то из заинтересованных слушателей.

Чоппер одобрительно кивнул, словно демонстрация знания иностранного языка имела решающее значение.

— Ты готов? Нам предстоит небольшая прогулка.

— Как скажешь, — Бруно торопливо забросил все в мешок, предварительно завернув вещи в полиэтилен. Пешие прогулки не удивляли. Ему уже пришлось и походить, и поездить на спине мула, в телеге, на грузовике. Обычно с повязкой на глазах.

¹ *Buon giorno, signore. Voglio andare al...* — Добрый день, синьор. Не по своему капризу приехал я... (ит.).

Они пересекли крошечный дворик. Тощие, грязные курицы бросились врассыпную. Как обычно, после полудня небо потемнело, начал накрапывать мелкий дождь. Со временем, однако, он промочил их до нитки. Но было тепло, от ходьбы даже стало жарко, в пропитанном влагой воздухе дышалось с трудом.

Чоппер указывал путь. Пройдя лишь несколько шагов по разбитой, но все же дороге, он свернул в сосны. Бруно думал только о том, как бы не отстать от своего, похоже, не знающего усталости проводника, и лишь мельком замечал, что туман сгущается и черные стволы деревьев один за другим пропадают в серой мгле. Два часа они шагали без перерыва, прежде чем вышли к заросшему стерней полю. Впереди крикнула птица. Чоппер схватил Бруно за плечи, повалил на землю. Потом рупором сложил ладони и откликнулся тем же криком. Они лежали, пока из дождя и тумана не материализовались двое мужчин с М-16 наперевес.

— Мы здесь, — позвал Чоппер.

Двос часовых пристроились сзади, и они двинулись по краю поля к проволоочной изгороди, густо заросшей сорняками и вьюном. Там лежал мужчина в тяжелых армейских ботинках и потемневшем от дождя резиновом плаще и стальной каске. Он вглядывался в щель, проделанную в сорняках. Повернулся, сел. На каске заблестел круг из семи золотых звезд.

У верховного главнокомандующего армией Соединенных Штатов их было шесть.

— Как я понимаю, вы получили мое письмо. — В голосе мужчины не слышалось вопросительных интонаций.

— Оно у меня, — Бруно полез в карман. — Так, значит, его написали вы? Мау Мау...

Пока Мау Мау разглядывал письмо, Бруно изучал автора. Широкое лицо, темные глаза, кожа цвета капуччино, невыразительный рот под черными вислыми усами. Прочитав письмо, Мау Мау разорвал его пополам, половинки сунул в карман брюк.

— Ты прошел долгий путь... и тебе потребовалось много времени.

Бруно кивнул:

— Задача была не из легких. Иммиграционная служба лютует, пришлось подготовить немало бумаг. И найти убедительную причину, которая позволила мне достаточно далеко проникнуть на Юг и встретиться с вашим представителем.

Мау Мау оглядел его с головы до ног.

— Для белого человека ты слишком темен.

— Для черного человека вы слишком светлы, — ответил Бруно, но, не заметив на лице собеседника и тени улыбки, то-ропливо добавил: — На средиземноморском побережье, откуда я родом, люди более смуглые. Кто знает, возможно, поэтому меня и выбрали для...

Мау Мау улыбнулся, и на мгновение суровость и мрачность исчезли с его лица.

— Готов спорить, ты с Сицилии. Это совсем рядом с Африкой. Может, и в тебе есть капля черной...

Он замолчал, увидев, что вдоль изгороди, согнувшись, бежит молодой негр в рубашке и комбинезоне. Он нес новенький и, похоже, последней модели армейский полевой телефон. Черный провод тянулся следом. Мау Мау схватил трубку. Поднес к уху.

— Приближается грузовик, — сообщил он. — В сотне ярдов за ним следует джип.

Все побежали, Бруно — следом.

— Эй! — крикнул он. — Могу я вести съемку?

Мау Мау так резко остановился, что Бруно едва не налетел на него. Негр почти на голову возвышался над репортером.

— Да, если потом я смогу посмотреть пленку.

— Абсолютно, все кассеты, — ответил Бруно спине Мау Мау и начал лихорадочно рыться в вещмешке. Камера и батарейки воды не боялись, остальные вещи от влаги оберегал полиэтилен. Бруно последовал за остальными, прикрыв объектив колпачком.

Они собрались в маленькой березовой роще на берегу узкой речушки. Вода убегала в трубу, проложенную под дорогой. Дорога, пусть и всего двухполосная, поддерживалась в хорошем состоянии, на ней виднелась даже разметка. В рощице их поджидали другие люди. Все смотрели налево, туда, где дорога исчезала в дожде и тумане. Шум двигателя приближающегося грузовика нарастал с каждым мгновением.

События разворачивались стремительно. Грузовик выскочил из тумана, большой армейский грузовик с множеством колес и брезентовым тентом. Ехал он очень быстро. И когда передний бампер практически поравнялся с трубой, дорога вздыбилась, сверкнула оранжевая вспышка. Моторную часть грузовика приподняло, а потом бросило вниз. Передние колеса аккуратно попали в разрыв дороги, образовавшийся на месте трубы. Должно

быть, раздались выстрелы. Бруно их не слышал, уши у него заложило, но в металлической двери кабины вдруг появились дыры.

В визге тормозов из тумана вырвался джип. На мокрой дороге его мотало от одной обочине к другой. Наконец он остановился, чуть не уткнувшись в задний бампер грузовика, в окно высунулось дуло автомата, прогремела очередь. По джипу ударили со всех сторон, к Бруно уже вернулся слух. Приоткрылась дверца, автомат выпал на мостовую, следом на асфальт соскользнуло тело солдата.

— Кто остался в живых — выходите! — крикнул Мау Мау. — У вас пять секунд, или мы разнесем все к чертовой матери. Выходить без оружия, с поднятыми руками.

Ему ответила тишина, потом скрипнули рессоры грузовика, брезент над задним бортом приподнялся, на асфальт упала винтовка. Следом медленно вылез солдат, капрал. Что-то шевельнулось на заднем сиденье джипа, появилась пара начищенных сапог, на дорогу вышел офицер. Лево́й рукой он сжимал правое предплечье. Кровь бежала по пальцам и капала на землю.

Автоматная очередь заставила Бруно повернуться к грузовику. Это Чоппер дал очередь по брезенту. Другой негр врезал капралу под колени, и тот повалился на землю. Негр ловко связал ему руки за спиной. То же самое проделал с лодыжками, а потом сунул в рот тряпку и залепил его липкой лентой. Капралу осталось только вращать глазами от страха.

— Возьмите в джипе аптечку первой помощи и перевяжите Белого, — распорядился Мау Мау. — И дайте мне баллончик с дремой.

Он не глядя протянул руку, и баллончик лег ему на ладонь. Находящийся под давлением газ ударил в лицо капралу. Тот дернулся и обмяк. Мау Мау повернулся к офицеру.

— Готов, лейтенант?

Капли дождя упали с коротко стриженной головы офицера, когда он наклонил голову, чтобы посмотреть, как ему накладывают повязку. Потом вскинул глаза на Мау Мау, но ничего не ответил. Впрочем, холодная ярость, сверкавшая в его глазах, не требовала слов. Высокий негр рассмеялся и выстрелил струей усыпляющего газа в полное презрения лицо. Веки опустились, колени подогнулись. Мау Мау ткнул офицера в грудь, и тот повалился в сорняки рядом с дорогой. Застыл, широко раскинув

ноги и руки. Послышались довольные смешки, и Бруно перевел камеру на улыбающиеся лица.

— Повеселились, и хватит, — рявкнул Мау Мау. — Убери камеру, — подождал, пока Бруно опустит камеру и добавил: — Подходите и забирайте все, что тут есть.

На другой стороне дороги речушка расширялась и втекала в болото. Из-под деревьев, растущих на берегу, появился один человек, другой, десяток, и к дороге потянулась целая толпа негров. Стариков, женщин, детей.

Один из мужчин через задний борт забрался в кузов, откинул полог. Первым делом выбросил окровавленное тело солдата. Его схватили за ноги и тут же оттащили в сторону. За солдатом последовали оружие и патроны, затем коробки и ящики. Мужчина все подтаскивал к краю, с машины добычу снимали другие. Если ящик попадался тяжелый, его брали двое. Дети с гордостью несли винтовки и рожки с патронами. Носильщики уходили по тропе, ведущей к болоту.

— Что нам досталось? — спросил Мау Мау.

— Всего понемногу, — ответил мужчина из кузова грузовика. — Сухие пайки, бумага для ксероксов, одеяла, гранаты...

— Что еще?

— Мыло, шампуни, туалетная бумага. Что ни назови, все есть.

— То, что может использовать армия, пригодится и нам, — радостно улыбнулся Мау Мау, потер руки. — Война у нас одна.

Ожидая своей очереди у грузовика, некоторые подходили к лежащим без сознания солдатам. Вдруг послышался шум, женщина закричала: «Мау Мау, иди сюда. Этот маленький мальчик был в Элленвилле и говорит, что видел там Белого».

Все застыли, тишину нарушили лишь тяжелые шаги Мау Мау. Он положил руку на хрупкое плечо мальчика, присел рядом с ним. Они о чем-то пошептались под взглядами остальных.

— Поторапливайтесь, нечего здесь рассиживаться, — рявкнул Мау Мау. Работа пошла веселее. Скоро последний ящик растворился в тумане. Кузов опустел. Двое вооруженных мужчин последовали за носильщиками. На краю болота они повернулись и вскинули вверх правые руки с сжатыми в кулак пальцами. Стоявшие на дороге ответили тем же.

— Джип загнать по тропе в болото и поджечь, — приказал Мау Мау. — Проследите, чтобы он взорвался. Капрала бросьте в кузов. На поле оставьте побольше следов, понятно? — Тут он

понижил голос, почти прошипел: — Чоппер и Али, понесете лейтенанта. Мы забираем его с собой.

Бруно наблюдал, как двое мужчин откатали джип с дороги к краю болота и оставили на тропе. Один положил в кабину несколько гранат, затем прострелил дыру в бензобаке. Второй перекрутил какой-то поблескивающий металлом цилиндр, размером с карандаш, и бросил в лужу бензина. Оба бегом бросились к дороге.

— Мистер, идите на поле! — крикнул один. — Через минуту все взорвется!

Бруно повернулся и увидел, что на дороге он остался один, отряд растворился в дожде. Поспешил за двумя мужчинами. Половина поля осталась позади, когда от дороги донесся приглушенный взрыв.

Остальных они догнали быстро: люди Мау Мау особо не спешили. Офицера несли на носилках, сделанных из двух винтовок и одеяла. Мау Мау возглавлял колонну, хмуро вглядываясь в туман. Бруно несколько минут шагал рядом, прежде чем подал голос:

— Могу я задавать вопросы?

Мау Мау глянул на него, костяшками пальцев смахнул с усов капли воды.

— Безусловно, иначе что тебе тут делать?

Бруно выудил из вещмешка диктофон.

— Я бы хотел все записать.

— Записывай.

— *Ogge e il quarto di luglio...*

— Говори по-английски.

— Сегодня четвертое июля, я нахожусь где-то на Юге Соединенных Штатов с человеком, имя которого не могу упомянуть...

— Упомяни.

— С человеком по имени Мау Мау, который не просто местный лидер сопротивления, но, по слухам, входит в Совет Черной Власти. Вы хотите прокомментировать мои слова?

Мау Мау мотнул головой.

— Я только что присутствовал при короткой стычке, одном из эпизодов жестокой войны, охватившей эту страну. Я собираюсь спросить его об этом, узнать, как он оценивает происходящее.

— Выключи эту штуковину.

Бруно передвинул рычажок выключателя. Какое-то время

они прошагали молча. Тропа плавно перешла в извилистую проселочную дорогу, проложенную в лесу. Должно быть, раньше по ней вывозили срубленный лес. Мау Мау взял диктофон, зажал в кулаке.

— Сколько тебе потребуется времени, чтобы твои материалы попали в газеты или на телевидение?

— Минимум две недели. И тут я рассчитываю на вашу помощь.

— Ты все получишь. Но только через месяц. К тому времени эти материалы не принесут никакого вреда, потому что мы перебазировались в другой район. А как ты вывезешь их из страны? Они ужесточили контроль после того, как венгры продемонстрировали фильм о резне в гетто Нового Орлеана.

— Точно сказать не могу. Но я оставлю вам адрес, куда надо доставить пленки. Потом, полагаю, они придут в Европу с дипломатической почтой дружественного государства.

— Видать, не такое оно и дружественное. Хорошо, — он вернул Бруно диктофон. Дождь перестал, но туман все еще висел над землей. Мау Мау посмотрел на небо, прищурился. — Мне сказали, что ты частенько молишься. Попроси Бога, чтобы дождь не прекращался, а туман не рассеивался. До заката еще три часа.

— Позвольте спросить... зачем нам туман?

— Он защищает нас от самолетов и вертушек. Ты должен понимать, что мы — партизаны и сражаемся с армией. Наше единственное преимущество в том, что наши отряды — нерегулярные войска. Главный недостаток врагов — в чрезмерной организованности. По-другому у них и быть не может. У них есть командная вертикаль и приказ должен поступать с самого верха. У них не может быть людей, думающих самостоятельно, иначе воцарится хаос. А нам хаос только помогает. Эти большие военные умы наконец-то, пусть и с неохотой, признали, что по ночам дороги контролируем мы. А потому они должны пользоваться дорогами исключительно в дневное время. Слово «день» накрепко засело у них в головах. И теперь они зачастую не замечают, что иные дни для нас ничуть не хуже ночей.

— Как сегодня?

— Ты улавливаешь мысль. Мы наносим удар и уходим. Конфискованные ценности направляются в одну сторону, мы — в другую. Военные находят наши следы и бросаются в погоню. Следам они не очень-то верят, они теперь ни во что не верят,

но особого выбора у них нет. Какое-то время мы ведем их за собой, чтобы им было чем заняться до захода солнца, и на этом наши отношения заканчиваются. К утру мы исчезаем, захваченные нами трофеи исчезают, и мир возвращается к нормальной жизни, — он сухо усмехнулся, произнося последние слова.

— Тогда мы... образно говоря... приманка?

— Можно сказать и так. Но помни, приманку обычно кладут в ловушку.

— Не могли бы вы объяснить?

— Подожди, и все увидишь сам.

— Белый просыпается, — послышался позади чей-то голос.

Все остановились, дожидаясь носильщиков. Офицер уже открыл глаза и настроенно смотрел на негров.

— Поднимайся, — приказал Мау Мау. — Ты уже можешь идти, нечего лежать в детской люльке, — и протянул руку. Офицер ее словно и не заметил, перекинул ноги на землю, встал, его шатало.

Фамилия?

— Эдкинз, лейтенант, войсковой номер 10034268.

— Что ж, Эдкинз, лейтенант, ты уже начал задумываться, а почему мы не оставили тебя на дороге, учитывая, что ты ранен? Мы ведь нечасто берем пленных с собой, не так ли?

Офицер не ответил, хотел отвернуться, но Мау Мау ухватил его за подбородок и с силой повернул к себе.

— Лучше тебе поговорить со мной, Эдкинз. А не то я могу сильно усложнить тебе жизнь.

— Так вы пытаете пленных? — Голос твердый, ровный, призывший командовать.

— Обычно — нет, но на войне много чего случается, не так ли?

— О чем ты говоришь? Я предпочитаю называть происходящее уголовно-коммунистическим мятежом.

Бруно не мог не восхититься поведением офицера. Он не знал, как повел бы себя в аналогичной ситуации.

— Называй все это, как ты хочешь, Белый, как тебе больше нравится, — продолжил Мау Мау. — По мне, это война, ты — на одной стороне, я — на другой. А во время войны чего только не бывает. И обычно плохого. Ты слышал, что произошло в Элленвилле?

Лицо лейтенанта чуть дрогнуло. Глаза чуть сузились. Бруно заметил все это лишь потому, что пристально наблюдал за ним. Но голос совершенно не изменился.

— Много чего произошло в Элленвилле. Ты о чем?

— Пошли. — Мау Мау отвернулся от лейтенанта. — Скоро прилетят вертушки, а до цели нам еще несколько миль.

Какое-то время все шли молча. Носильщики шагали рядом с лейтенантом, с винтовками на изготовку. Минут через пять Мау Мау остановился, приложил ладонь к уху.

— Уж не вертушка ли? Али, достань слухача, разберись.

Али закинул винтовку на плечо, извлек из кармана миниатюрный приборчик. Оливковый цвет корпуса указывал на его армейское происхождение. Сунул наушник в ухо, развернул акустическую антенну. Все наблюдали, как он медленно поворачивается на триста шестьдесят градусов. Наконец он посмотрел на Мау Мау, кивнул.

— Одного слышу точно. Возможно, есть и второй, но чуть дальше.

— Нас ищут. Прибавим хода, — приказал Мау Мау.

Они побежали. Бруно выбился из сил и весь покрылся потом, пока они не добрались до нужной им поляны. Посреди поляны круговым валом лежала свежерытая земля. В центре в глубь уходила нора шириной с ярд.

— Чоппер, нырни вниз и принеси «осу», — приказал Мау Мау. — Потом остальные спускаются в убежище и приглядывают за Белым, — он повернулся к Бруно. — Ты останься. Думаю, получишь удовольствие.

Здоровяк-негр исчез в норе и минутой позже вернулся с каким-то аппаратом, похожим на установленный на треноге телескоп.

— Технология современной войны, — пояснил Мау Мау. — Военные обожают всякие штучки. Хвастаются тем, что они у них есть, требуют новых, чтобы оправдать и без того раздутые военные расходы. Более восьмидесяти процентов федерального бюджета тратится на армию, и продолжается это последние сорок, пятьдесят лет. Военным нравилось черное пушечное мясо, и во Вьетнаме, и потом, и наши ребята прекрасно знают, как управляться с этими штуковинами. Теперь, разумеется, армия сплошь белая, но многие черные научились нажимать на кнопки до того, как их вышибли со службы, — он помолчал. Стрекотание вертолета заметно усилилось. Мау Мау улыбнулся.

— А вот и воздушная кавалерия. Они знают, что целая толпа тащит их добро, и хотят побыстрее нагнать воришек. Потому что к утру все похищенное надежно спрячут, а воришки пре-

вратятся в мирных фермеров. Вот они и летают в своих вертушках, напичканных сложнейшей электроникой, вроде тепловых детекторов и прочей мути. Они скоро нас обнаружат. Но раньше их обнаружит «оса». Она снабжена детектором звука. Устройство надежное, помехоустойчивое.

Стрекотание все усиливалось, вертолет, похоже, шел прямо на них. Бруно так и тянуло в нору. Он знал, на что способен штурмовой вертолет с его скорострельными пушками, ракетами, бомбами...

«Оса» уже поворачивалась на треноге. Чоппер стоял рядом, с пультом управления в руке. Шнур тянулся к треноге.

— Цель в пределах досягаемости! — воскликнул он, и в тот же момент ракета выпростала огненный хвост и унеслась в туман.

Прошла секунда, две, три... и в небе прогремел мощный взрыв, сопровождаемый рубиновой вспышкой. Обломки посыпались на деревья и землю, и воцарилась тишина.

— Армия лишилась пары миллионов баксов, — Мау Мау указал на нору. А теперь вниз, они сейчас прилетят.

Пока Бруно убирал камеру и взбирался на земляной вал, остальные двое уже скрылись в норе. Толстые ветви, врытые концами в стены, служили перекладинами лестницы. Бруно осторожно спустился по ним в темный и сырой колодец. Достиг дна и на ощупь нашел горизонтальный тоннель. На четвереньках пополз по нему и после двух поворотов под прямым углом добрался до подземного блиндажа. Тускло горели лампы, подключенные к аккумулятору. Стоять в блиндаже можно было лишь пригнувшись, но места хватало для того, чтобы все могли усесться вдоль стен. Бревна потолка опирались на еще более толстые столбы, врытые вдоль двух стен. В густом сумраке белело лишь лицо офицера.

— У нас есть три, максимум четыре минуты, — сказал Мау Мау. — Как только пропадет связь с вертушкой, они пошлют кого-то еще. Найдут обломки. Вызовут подкрепление. Сбросят множество бомб, в полной уверенности, что внизу толпятся черные, ожидая подарков с неба.

Раздался приглушенный взрыв, сквозь щели между бревнами посыпалась земля. Мау Мау улыбнулся.

— Три минуты. Они реагируют все быстрее.

Бруно не знал, сколько времени длилась бомбежка. Отдельные взрывы вскоре слились в непрерывный гул. Под ногами дрожала земля, сверху сыпалась земля, от нарастающего грохо-

та им пришлось зажимать уши. Уровень шума понизился, когда один из взрывов, прямое попадание, запечатал тоннель. Бруно практически не сомневался, что их похоронило заживо. Громко читал молитвы, но и сам не слышал слов. Мужчины вскидывали головы к потолку, потом смотрели друг на друга, быстро отводили глаза. Бомбежка продолжалась.

Наконец, по прошествии вечности, ее интенсивность пошла на спад. Взрывы удалялись, стали все более редкими, наконец, прекратились. Крыша над их головой выдержала, они остались живы.

— За дело. — Голос Мау Мау звучал для них глухо: сказывались звуковые удары по барабанным перепонкам. — Если начнем копать сейчас, выберемся до темноты. А ночью нам предстоит дальняя дорога.

Партизаны взялись за лопаты, землю в корзинах оттаскивали в дальний угол блиндажа.

Работали все, сменяя друг друга, за исключением пленного и одного охранника. Воздух в полземелье стал спертым и жарким, когда им удалось-таки докопаться до поверхности. Они вылезли, глубоко дыша, наслаждаясь неопишуемой сладостью вечернего воздуха.

Бруно огляделся и ахнул. Дождь перестал, туман практически рассеялся. Ни от поляны, ни от окружающих ее деревьев не осталось и следа. Насколько хватал глаз, во все стороны уходили кратеры. Где-то валялись щепки, где-то куски железа. Он наклонился и поднял блестящий стальной шарик. Один из множества.

— Противопехотные бомбы, — пояснил Мау Мау. — В каждой пара сотен таких шариков, а сбрасывают их тысячами. При попадании такой вот шарик разрывает человека надвое. Армия отрицала, что использовала их во Вьетнаме, отрицает, что использует их сейчас. Врала тогда, врут и теперь.

— Мау Мау, о нас говорят по радио! — крикнул Чоппер, прижимая к уху маленький транзисторный приемник. — О взрыве грузовика. У армии трое раненых, у нас — тридцать семь убитых.

— Выключи эту хреновину и давай сюда Белого. Я хочу перекинуться с ним парой слов.

Они стояли друг против друга, черный и белый, на лицах обоих читалась холодная ярость.

— Засними это, Бруно, — бросил Мау Мау. В камере зажуж-

жало: механизм настроивался на сумерки. — Лейтенант Эдкинз собирается рассказать, что произошло в Элленвилле. Говори, лейтенант.

— Мне нечего сказать.

— Нечего? Маленький мальчик, который помогал разгружать грузовик, тебя узнал. Он прятался на чердаке того магазина, и никто не стал его там искать, потому что лестница валялась на полу. Он сказал, что в тот день, вернее, вторую половину дня, ты руководил теми людьми. Вот что он сказал.

— Он солгал!

— А зачем маленькому мальчику лгать? Он сказал, что большинство белых для него на одно лицо, но вот тебя он никогда не забудет.

Лейтенант презрительно отвернулся и промолчал. Мау Мау врезал ему в челюсть так сильно, что лейтенант повалился на землю. Лежал, по щеке текла кровь, и ругался.

— Видел, ты это видел, ты — с камерой, кто бы ты ни был. Он ударил пленного, раненого пленного. Видишь, что это за человек? Я расскажу тебе, что произошло в Элленвилле. Девушка ехала в автомобиле, милая девушка, знакомая мне девушка, с которой мне однажды выпала честь потанцевать. Так ее убили. Возможно, это дело рук вот этой черной обезьяны!

— Ой, Белый, ну ты и трепло, — Мау Мау покачал головой. — Почему ты не сказал, что эта милая девушка была военной медсестрой и оказалась в автомобиле полковника, который прославился в этих краях не с самой лучшей стороны. И что в автомобиль попала минометная мина, а стреляли с другой стороны холма, и никто не знал, что едет полковник в компании с девушкой. Услышали об этом только по радио. И как вышло, что ты ничего не рассказал о другой милой девушке, черной девушке, которая, на свою беду, зашла в магазин на следующий день, когда солдаты подъехавшего патруля застрелили хозяина магазина, а потом принялись за девушку. Сначала изнасиловали, а потом тоже убили. Давай, расскажи об этом прессе.

— Ты лжец! — выплюнул офицер.

— Я? Я лишь повторяю слова маленького мальчика. Он сказал, что тышиб старика с ног, а уж потом его пристрелили. Он также сказал, что ты не седлал черную девушку вместе с остальными, но с удовольствием наблюдал за процессом. И он сказал, что убил ее именно ты, сунул ствол пистолета в рот и мозги полетели через затылок.

Мау Мау медленно, очень медленно наклонился к офицеру. Теперь уже он не говорил, а выплевывал слова:

— А теперь ты умрешь той же смертью, белый ублюдок, что и она.

Это было отвратительно, Бруно чувствовал, как к горлу подкатывает тошнота, но он заснял все. Офицер пытался сопротивляться, несмотря на раненую руку, но его пригвоздили к земле и принесли фонарь, который бил ему в лицо, когда винтовка Мау Мау застыла в дюйме от его лица.

— Хочешь сказать последнее слово, Белый? Попросить Господа упокоить твою душу?

— Не марай имя Господа своими толстыми, грязными губами, — прокричал офицер, вырываясь из держащих его рук. — Ты — черный иудо-коммунистический ниггер, пришедший с Севера, чтобы мутить воду... ты свое получишь, вы все свое получите. Или умрете, или отправитесь в Африку к остальным обезьянам...

Ствол ткнулся в рот офицеру, мушка вышибла передние зубы. Мау Мау кивнул.

— Теперь я услышал все, что хотел услышать. Нет у меня желания убивать невинных.

И хотя Бруно закрыл глаза, когда прогремел выстрел, камера продолжала работать.

— Это... это ужасно, — он отвернулся, желчь выплеснулась в рот.

— На войне все ужасно, — ответил Мау Мау. — Пора идти, а не то нас поймают.

И сделал пару шагов, а потом вновь повернулся к итальянскому репортеру.

— Послушай, ты думаешь, мне это нравится? Теперь, может, и да, но не с самого начала. Война всех превращает в зверей, и скоро невинных не остается ни на одной из сторон. Но ты должен помнить, что это мятеж, а люди не поднимают мятежа и не идут на смерть, не имея на то веской причины. А у нас эти веские причины копились две сотни лет. Так чего нам не сражаться, чего не убивать, если наше дело правое? Белые делают это постоянно. Помнишь Вьетнам? Белые думали, что они правы, сжигая напалмом школы и больницы. Белые учили нас, как это делается. Поэтому, сталкиваясь с такой дрянью, — он пнул распростертое на земле тело, — мы знаем, как поступить. С такими можно говорить только языком оружия.

Бруно даже лишился дара речи. Несколько раз жадно схватил ртом воздух, прежде чем смог выдавить из себя:

— Вы хоть себя слышите? Знаете, что говорите? То же самое говорил Муссолини. Фашисты, когда захватывали власть в Италии. То же самое в вашей стране говорили берчисты, минитмены. Вы лишь повторяете их слова!

Мау Мау улыбнулся, но в улыбке этой веселье отсутствовало напрочь.

— Неужели? Полагаю, ты прав. Нам всегда твердили, что нам нужно учиться, чтобы стать другими, и, скорее всего, это тоже правда. Они нас научили. Мы все поняли. Мы выучили свой урок.

Он отвернулся и повел отряд в темноту.

ЗАРЯ БЕСКОНЕЧНОЙ НОЧИ

Я написал трилогию «К ЗАПАДУ ОТ ЭДЕМА» о нашей планете Земля, которая 65 миллионов лет тому назад не столкнулась с гигантским метеоритом. В этих книгам разумные динозавры делят мир с человечеством. Из истории мы знаем, что разумных динозавров не существовало. Или они существовали?..

Акотолп спала крепким сном, безо всяких сновидений, как и любая другая яилане. А потом встала заря, и она мгновенно проснулась и мгновенно же осознала: что-то очень не так. Свет для зари слишком яркий, ярче, чем в полдень, озарил ее спальную камору. Мембраны закрыли глаза, когда она отпихивала лианы и выходила из-под дерева-города.

— Что-то не так, все не так, — сказала она себе. Хвост заметался из стороны в сторону. Заря, которая не была зарей, встала на западе. Такого просто не могло быть, но случилось. Будучи ученым, она не могла не верить информации, полученной органами чувств, какой бы невероятной она ни казалась.

Постепенно свет начал меркнуть, к тому же его заслонила возникшая перед ней фигура. Фарги. Акотолп знаком повелела ей отойти в сторону, но фарги не сдвинулась с места. Вместо этого заговорила:

— Эистаа... вызывает срочно.

Акотолп подождала, пока свет полностью не померк. Вновь появились звезды вместе с полной луной, залившей город се-

ребрыным светом. Фарги шла первой, то и дело спотыкаясь, направляясь к большой центральной поляне, где ждала Эистаа.

— Ты видела свет, — сказала она, когда Акотолп остановилась перед ней.

— Да.

— Объяснение-рассуждение желательно.

— Желаю повиноваться... однако недостаток знания-информации.

В знаке Эистаа чувствовались удивление и разочарование.

— За время нашего знакомства-дружбы я никогда не слышала, чтобы ты признавала недостаток знания.

— Все случается первый раз. Я рассматриваю вопрос медленно и с позиций логики. Причина этого великого света неизвестна. Это не огонь, ибо огонь я видела.

— Что означает термин «огонь»?

— Объяснение — ненужная сейчас трата времени.

— Фарги в панике, мой ученый ничего не знает. Это очень тревожно.

— Странный феномен... но все кончено.

Акотолп тут же пожалела о сказанном, потому что земля под ними дрогнула, и волна грозного гула накатилась на них. Фарги-прислужницы завывли в страхе и закрыли руками ушные отверстия. Некоторые даже повалились на землю и забились в конвульсиях. Эистаа недовольно фыркнула и чуть шире расставила ноги, впившись когтями в почву. Когда гул стих до низкого рокота, она вновь знаком выразила недовольство.

— Ты сказала, что все кончено, ученый с великими знаниями?

— Извинение за ошибку, готовность понести наказание.

Акотолп вытянула шею и откинула голову назад, подставляя горло. Знаком Эистаа показала, что принимает извинения и не желает казнить.

— Выскажи мне свои мысли, пусть и определенности у тебя нет, в эту ночь ты — единственная, кто может объяснить, что произошло.

— Я не могу объяснить. Только анализировать.

— Так приступай.

— Событие геологического масштаба...

— Требуется определение неизвестного слова *геологический*.

Акотолп попыталась не выдать недовольства тем, что ее перебили. Отбросила опавшую листву и села на хвост. Попыталась найти самые простые слова.

— Геологический — значит относящийся к земле, на которой мы стоим. Внизу под нами, под твердой корой действуют великие силы. Я видела, далеко на востоке, за джунглями Энтобана, как вершины высоких гор взорвались и из них потекли реки расплавленного камня. Там же я видела и огонь. Событие, которое может взорвать горы и расплавить камень, имеет геологический масштаб.

— Значит, сегодня произошло геологическое событие?

Акотолп замерла, погруженная в мысли. Прошло какое-то время, прежде чем она шевельнулась и заговорила:

— Нет. Я уверена, что нет. Слишком оно внезапное. Все события, которые я наблюдала, развивались медленно, лишь со временем набирая силу. Это началось и завершилось очень уж быстро. Но событие большое, пусть и находилось далеко.

— Далеко? Требуется объяснение.

Эистаа умело и эффективно правила своим городом, но научных фактов не знала или воспринимала их без должного уважения. Акотолп заставила себя терпеливо объяснить, что к чему.

— Далеко, потому что нас разбудил яркий свет. Яилане по науке из города Яэбеиск на юге провела серию экспериментов, чтобы определить, с какой скоростью свет перемещается в воздухе. Сказала мне, что по результатам экспериментов скорость света близка к бесконечности. А вот скорость звука очень мала. Это продемонстрировать очень легко. Так вот, поскольку звук события дошел до нас значительно позже света, получается, что событие это произошло в океане, далеко от нас. И событие значительное.

Эистаа проявила нетерпение-замешательство.

— Почему у меня нет никакой возможности следовать твоим умозаключениям. Теперь упрости-объясни.

— Что-то очень значительное произошло далеко в океане.

— Полыхнул свет. Потом пришел звук и дрогнула земля. Почему?

— Земля, должно быть, дрогнула от движения водяной массы...

Акотолп замолчала на полуслове, рот ее раскрылся. Она вскочила, повернулась, чтобы посмотреть на гладкую поверхность бухты.

— Это произойдет! — от прозвучавших в словах страха и безотлагательности Эистаа даже чуть отпрянула.

— Что? Что должно произойти?

— Произойдет! Ты должна приказать фарги немедленно разбудить спящих. Прежде всего всех яилане. Приказать им как можно быстрее уходить в глубь материка, на холмы за пастбищами. Прикажи, Эистаа.

— Но почему?

— Разве ты не понимаешь? Сила, такая далекая, но сумевшая тряхнуть землю, должна быть очень большой. Она вызовет волны, каких мы не видели и при самом страшном шторме. Пока мы говорим, эти волны приближаются к нам.

Эистаа приняла решение:

— Я отдам такой приказ...

Но она опоздала, уже опоздала.

Вода в бухте отступала, как при отливе, а издали уже доносился рокот другой воды, приближающейся к берегу. И рокот этот, нарастая с каждой секундой, вскоре уже заглушал все звуки.

С жутким ревом вода заполнила бухту, поднимаясь все выше и выше, захлестывая дерево-город, ломая его ветви, устремляясь дальше и дальше, к холмам, сметая все растущее и живое.

Акотолп закрыла рот, уши, ноздри, забилась в панике, оказавшись в соленой воде. Почувствовала, по нарастающему давлению, что поверхность воды находится гораздо выше ее головы. В черноте поплыла вверх. Получила жестокий удар в бок. Оберегая ушибленную руку второй рукой, отчаянно заработала ногами и хвостом.

Вырвалась в заполненную пеной тьму, жадно хватанула ртом воздух.

Вновь ее что-то ударило. В полубессознательном состоянии, слабая от боли, продолжала плыть, зная, что это ее единственный шанс выжить: если б ушла под воду, второй раз вынырнуть бы не удалось.

Прошла, наверное, заполненная болью вечность, прежде чем она нащупала ногами землю. Мутная, наполненная мусором и обломками вода уходила, уровень все понижался. Упал ниже спины, колен... Яилане тяжело осела на землю, крича от боли, и провалилась в темноту.

Акотолп медленно пробудилась навстречу свету и боли. Лил сильный, теплый дождь. Черный дождь, оставляющий потеки на ее коже. Она моргнула, почувствовала резь в глазах. Села, ее тут же окутал красный туман боли. Руки и ноги двигались, похоже, обошлось без переломов. Но бок болел ужасно. Там скорее всего, синяком не обошлось, наверняка при ударе слома-

лись несколько ребер. Каждый вздох давался с трудом. Раненая... но все же живая. И только тогда она ощутила возвращение научного любопытства.

Она стояла на равнине по щиколотку в грязи. Вокруг валялись кусты, вырванные с корнем деревья. Неподалеку лежали две мертвые яилане, с переломанными конечностями. Одну раздавила какая-то бронированная рыба. Обхватив руками грудную клетку, Акотолп медленно, чуть не вскрикивая от боли, поднялась на ближайший пригорок, прислонилась к стволу сломанного дерева на вершине.

Поначалу не увидела ничего знакомого, лишь жуткий пейзаж грязи и разрушения. И только повернувшись в сторону материка, разглядела сквозь пелену дождя привычные очертания холмов. Используя холмы как ориентир, с ужасом убедилась, что детородные ветви обломаны и унесены морем. Да и сами бухта и лагуна исчезли: теперь они составляли единое целое с океаном.

А в горе мусора Акотолп признала то, что осталось от дерева-города, и застонала от горя. Будь послабее, упала бы и умерла. Яилане, лишённые своего города, действительно умирали, она такое видела. Но она знала, что не умрет. Другие могли, она — нет. Ей хватало силы духа, чтобы пережить шок. Оттолкнувшись от ствола, она поплелась к дереву-городу.

И не она одна. Другие двигались в том же направлении. Фарги знаками выражали уважение и благодарность, когда унавали ее. Одну из них, несмотря на синяки и грязь, облепившую кожу, Акотолп узнала.

— Ты — Инлену... та, что командует рабочими в рыбных садках.

Инлену обрадовалась оказанному ей вниманию.

— Мы рады-счастливы и приветствуем тебя, Акотолп. Смирно просим объяснить случившееся.

— Ты знаешь столь же много, что и я. Что-то ужасное произошло далеко в океане. Что-то вспыхнуло, что-то грохнуло. Это что-то заставило землю содрогнуться, море выплеснуться на берег. Вокруг ты видишь результат.

— Город, все уничтожено. Что станет с нами?

— Мы выживем. Вода не покрыла весь Энтобан. Еда будет в лесах и море...

— Но наш город...

— Вырастет вновь. А до этого времени мы будем спать на

земле под звездами, как до нас спали многие и многие. Не отчаивайся, сильная Инлену, нам понадобится твоя сила.

— Как нам понадобится твоя, — знаком Инлену выразила уважение-восхищение, который тут же повторили остальные фарги, наблюдающие и слушающие. Теперь они не сомневались, что выживут.

А чего сомневаться, если, приблизившись, они разглядели под горой мусора ствол дерева-города и некоторые уцелевшие ветви.

А рядом (чудо из чудес!) гранитной скалой стояла Эистаа. Фарги поспешили к ней, их тела и конечности подрагивали от счастья и благоговейного трепета. Знаками они выражали благодарность и радость. Окружили Эистаа плотным кольцом, а когда она отдала приказ, расступились, освобождая проход Акотолп.

— Ты выжила, Эистаа, значит, выживет и город.

— Нанесен огромный урон, много смертей, — она дала знак фарги отойти подальше, чтобы поговорить с Акотолп наедине. — Двое из троих, возможно, больше, умерли. Умрут и многие из раненых. — Потом добавила: — Самцы погибли. Все. Из яиц, которые они вынашивали, не вылупятся детеныши.

Акотолп качнуло от горя, но она сохранила самообладание.

— Это не конец. Мы — всего лишь один город. В глубине материка есть другие города яилане, на берегах больших рек на севере. Один стоит на внутреннем море Исегнет. Когда придет время, я пойду туда и возвращусь с самцами. Яилане едины перед лицом опасности. Город вырастет вновь.

Услышав эти слова, Эистаа движением выразила удовольствие. Сжала руки Акотолп грудными выступами, демонстрируя высшее счастье, высшее уважение. Фарги заверещали от радости, на мгновение забыв о боли и отчаянии. Город вырастет вновь!

Они взялись за работу. Под руководством Эистаа принялись разгребать облепленный грязью мусор. Дождь не прекращался, черный дождь, льющийся с мглистого неба. К наступлению ночи многое удалось сделать. Они обнаружили, что в образовавшихся прудах осталось много рыбы, принесенной огромной волной. Рыбу поймали и разделили на всех. А потом, уставшие и израненные, они заснули.

Потоп, уничтоживший прибрежное мелководье, уничтожил и цивилизованный, рутинный образ жизни. Исчезли рыбные садки вместе с энзимными садками, в которых излечивалась и

сохранялась плоть животных. Лишился город и самих животных. Колючие изгороди между полями снесло, находившаяся в загонах живность утонула или разбежалась. Выжила только одна охотница, но все оружие утонуло. А одними зубами и когтями она не могла снабдить город мясом. Поэтому они обратили взоры к морю, морю, из которого когда-то вышли, освежили древние плавательные навыки, вспомнили, как отыскивать косяки рыб и загонять их на мелководе. Потом океан бурлил от серебристых тел, ищущих спасения, и быстро краснел от крови. То был грубый, но эффективный способ добычи пищи: они боролись за выживание.

Прошло много дней, прежде чем Акотолп пришла к Эистаа, которая сидела на давно расчищенной поляне. Все работали, не жалея сил. Мертвых похоронили в море, легкораненные поправились. Тяжелораненные умерли, ибо все врачующие существа Акотолп погибли, и она ничем не могла помочь страждущим.

— Мы лишились всего, — сказала она Эистаа. — Ты должна помнить, что все существа, выращиваемые нашей наукой, — мутации и большинство не может существовать самостоятельно. Наши орудия, эзотсаны, с возрастом теряют подвижность и требуют подкормки. Их нам нужно больше, как и других жизненных форм, которые позволяют выжить цивилизации яилане. В создавшейся ситуации я сделала все, что могла. Я сходила с фарги в глубь материка и вернулась с побегими колючих вьюнов, которые мы вновь посадили по границе полей. И у нас достаточно рыбы.

Движения Эистаа показали, что пища эта ей приелась, да и качество оставляет желать лучшего.

— Я согласна, Эистаа, но она позволяет нам жить. Для того чтобы улучшить условия нашей жизни, я должна взять с собой фарги и пойти в Тескхеч, город на берегу реки за холмами. Я знаю все, что нам необходимо, эзотсаны и струны-ножи, нефмейкелы... список очень длинный. Я вернусь с племенным поголовьем, и наш город вырастет вновь. Я только прошу твоего разрешения на эту экспедицию.

Эистаа двинула хвостом и головой, выказывая сомнение.

— Твое присутствие необходимо здесь.

— Было необходимо. Я анализировала и объясняла, ты приказывала. Сделать что-то еще — не в моих силах... если я получу в свое распоряжение все необходимое для научной деятельности. Фарги учатся охотиться, добыча мяса растет. Рыбаки

увеличивают уловы. Под твоим руководством яилане будут есть, город — жить.

Эистаа выразила неудовольствие, глядя на бесконечный черный дождь.

— Мы живем, но на самом пределе. Скорее, как существа, а не яилане.

— Но мы живем, Эистаа, вот что главное. И для того чтобы вернулась прежняя жизнь, к которой привыкли яилане, ты должна разрешить эту экспедицию.

— Я подумаю. Добыча мяса должна увеличиться до того, как ты уйдешь. Ты должна найти способ.

Акотопп сделала все, что могла, но возможности ее были очень ограничены. Она знала, что принять решение Эистаа мешает неопределенность ситуации. И понимала Эистаа. По меньшей мере шесть фарги, здоровых и сильных, просто улеглись на землю и умерли. Такое случалось и раньше, когда яилане приходилось покидать свой город. Но тут произошло спонтанно. Конечно же, Эистаа тревожилась.

Но при этом Акотопп была недовольна, даже злилась. Она действительно не могла ничем помочь. Бесконечные облака, практически непрерывный дождь не способствовали улучшению ее настроения. И второй раз Эистаа ответила отказом на ее просьбу. С третьим обращением она медлила. Помощь пришла неожиданно, со стороны Великреи, охотницы.

— Я прошу разрешения поговорить наедине. — Охотница, вся в шрамах, скосилась в сторону ближайшей фарги.

— Разрешаю. Мы пройдемся вдоль берега.

— Уважительно предлагаю поговорить в лесу.

Акотопп поняла, что на то есть веская причина, и выразила согласие. Они молчали, пока не пересекли поля, на которых подсыхала грязь, и не добрались до первых деревьев.

Здесь, где их никто не видел и не слышал, Великреи остановилась и заговорила:

— Ты должна сказать мне, что делать. Я охочусь, это я делаю хорошо. И я выполняю приказы. Я служу Эистаа. Теперь приказы и служба столкнулись, — она ударила кулаком в кулак, тело напряглось. Акотопп поняла, что требуется быстро вернуть охотнице уверенность в себе.

— Ты нужна городу, Великреи, в настоящее время куда больше, чем я. Позволь мне помочь тебе, ибо я восхищаюсь то-

бой и уважаю твое мастерство и твою силу. Мои мысли-логика к твоим услугам. Скажи, что тебя беспокоит.

— Некто в лесу с фарги. Она не входит в город, не хочет видеть Эистаа. Спрашивает, нет ли здесь яилане по науке. Она знает твое имя. Приказывает привести тебя, а не Эистаа...

Охотница не могла больше говорить, рот открылся, по телу пробегала мелкая дрожь. Акотолп разом коснулась больших пальцев всех ее четырех рук, чтобы успокоить.

— Ты поступила правильно. Нельзя беспокоить Эистаа и отрываться от многотрудных дел. Я поговорю с той, кто пришла... и обо всем расскажу Эистаа. Теперь ответственность лежит на мне.

— Ты решила, — облегченно вырвалось у Великреи, едва не рвущиеся от напряжения мышцы расслабились. Она вновь заняла положенное место в иерархии города. Ей предстояло выполнять приказы, а не принимать решения. — Я отведу тебя к ней.

— Имя?

— Эссокель.

— Я действительно знаю ее, а она — меня. Это очень хорошо... для всех нас. Отведи меня к ней, быстро.

Акотолп сразу узнала высокую яилане, ожидающую под большим деревом. Выступила вперед, знаками поздоровалась. Великреи в нерешительности потопталась рядом, выразила благодарность, когда ее отпустили, и буквально бегом ретировалась. Заговорила Акотолп лишь после ее ухода:

— Добро пожаловать, Эссокель, добро пожаловать в остатки нашего города.

— Многих городов, — мрачно ответила Эссокель. — Я была на материке, когда это произошло, возвращалась с фарги в мой город. Когда я увидела разрушения, которым подверглось побережье, я оставила их в лесу и пошла одна. — Боль слышалась в голосе, стояла в глазах. — Все уничтожено, никто не выжил. Я едва не покончила с собой... но выстояла. Я заставила себя забыть название моего города, убедительная просьба к тебе не произносить его.

Мы рады-счастливы принять тебя. Теперь ты — часть моего города, нашего города. Нам крепко досталось, но мы выживаем. С твоей помощью мы вырастем заново. Пока же у нас нет ничего, кроме зубов и когтей, с которыми мы вышли из океана.

— Тогда я действительно могу помочь. — Эссокель выпрямилась, гордость сменила смерть в ее движениях. — Я побыва-

ла в далеких городах. Мои фарги несут все, что необходимо твоему... нашему городу.

— Фарги здесь?

— Неподалеку, но вне поля зрения. Я хотела поговорить с тобой, и только с тобой.

— Не с Эистаа?

— Пока нет. Есть научные вопросы, которые можем обсудить только мы. Ты полна сил, Акотолп?

— Я выжила. И буду жить, потому что нужна.

— Хорошо. Я должна поговорить с тобой, разделить мое знание, и ты должна подвергнуть сомнению мои слова. Ибо я боюсь.

— Чего?

— *Всего.*

В голосе так отчетливо прозвучали нотки смерти и отчаяния, что Акотолп громко вскрикнула и отпрянула. Потом совладала с собой и попыталась успокоить Эссокель.

— Ты более не одинока, моя давняя подруга, тебя больше не окружают лишь безмозглые фарги, с которыми тебе не о чем говорить. Сними с себя тяжелую ношу, подели со мной свои знания и мысли. Разделенные страхи уменьшаются вдвое, каждый из нас возьмет на себя половину ноши.

— Ты — умная и сильная яилане, Акотолп. Я расскажу тебе, что видела, к каким пришла выводам. Потом ты проанализируешь их, возможно, даже докажешь, что я не права. Если так, мы разделим ношу. Но прежде всего мне нужна информация, потому что я видела случившееся из далекого далека. Ты была здесь?

— Да... и говорю с тобой лишь благодаря случаю, потому что из пятерых выжил лишь один. Была ночь... и вдруг наступил день. Свет жег глаза, прежде чем начал меркнуть. Потом раздался грохот и содрогнулась земля. А потом — я уже знала, что так будет, — поднялся океан и поглотил нас.

— Ты подумала... почему?

— Логическая цепочка. Некое событие огромной силы, свет которого мы видели. Звук достиг нас гораздо позже... и ударная волна. Для того чтобы так вздыбился океан, сила требовалась невероятная.

Эссокель знаком выразила вынужденное согласие.

— Я ничего этого не видела и не испытала на себе... хотя мои догадки в целом совпадают с твоими опытными данными. Важный вопрос: в чем, по-твоему, причина?

— Признаю недостаток знания, недостаток теории.

— Тогда послушай меня. Ты интересовалась астрономией?

Акотолп признала, что нет.

— Биология занимала все мое время и мысли.

— Но ты смотрела в ночное небо... видела разные феномены. Видела световые линии, которые время от времени прочерчивали темноту?

— Безусловно. Хотя ни разу не слышала попытки объяснения.

— Я слышала. Наша атмосфера с увеличением высоты становится тоньше. Это доказано теми, кто поднимал в горы приборы для измерения давления воздуха. Если это так, логика указывает на то, что уменьшение давления — процесс постоянный, и на какой-то высоте воздуха просто не будет.

— Я знаю эту теорию и согласна с ней. За пределами атмосферы воздуха нет, и там царит пустота.

— Но материя существует и в пустоте. Мы видим луну и звезды. А теперь подумай вот о чем. Птица летит быстрее рыбы, потому что движется в менее плотной среде. Если что то движется в пустоте, то скорость этого что-то может быть сколь угодно большой. Такой большой, что частички материи, двигающиеся сквозь пустоту, маленькие частички, подчиняясь законам динамики, смогут при торможении разогреваться. Даже светиться.

Акотолп закрыла глаза, глубоко задумавшись. Открыла и выразила согласие.

— Спорить тут не с чем. Хочется знать, как это связано со случившимся.

Эссокель ответила после долгой паузы:

— Я предлагаю тебе рассмотреть такой вариант: большая частица из пустоты попадает в атмосферу. Размером с булыжник, дерево... гору. Что после этого произойдет?

— Тогда, — говорила Акотолп медленно, пребывая в глубоком раздумье, — тогда эта гора скорости заставит воздух яростно светиться. Упадет в океан. Если размеры ее будут достаточно велики, если двигаться гора будет достаточно быстро, она даже может пронзить воду и удариться об океанское дно. Ударная волна пойдет по земле, будет слышна на больших расстояниях. Вода двинется на берег. Я потрясена твоей мудростью и интеллектом.

— Это еще не все. С того дня небо ни разу не очистилось от облаков, постоянно идут черные дожди, несомненно, от пыли

и грязи, попавших в атмосферу при ударе. Сколько дней идет дождь?

— Много. Я веду счет.

— Я тоже. И последняя тревожная мысль. Что произойдет, если облака и дальше будут закрывать небо? Что будет, если тепло солнца уже не согреет нас? Что в этом случае случится с нами?

Акотолп-биолога качнуло от боли, мысль эта вызвала у нее такой ужас, что она едва не потеряла сознание. А придя в себя, увидела, что Эссокель поддерживает ее. Не будь рядом подруги, она упала бы на землю.

— Мы все умрем. Без солнца не будут расти зеленые растения. Когда они умрут, умрут животные, которые ими питаются. Когда они умрут — умрут яилане. Неужели так будет?

— Я не знаю. Но боюсь худшего. Я проводила тщательные замеры. Температура падает с каждым днем. Нам не выжить без тепла, без солнца.

— Облака должны разойтись! — воскликнула Акотолп. — Должны. Иначе...

Она не закончила мысль. Нужды в этом не было. И тяжелое молчание нарушила уже Эссокель.

— Сейчас мы пойдем в город. И расскажем Эристаа...

— Ничего. Если всему тому, о чем мы говорим, суждено случиться, мы беспомощны, бессильны что-либо предотвратить. Вместо того чтобы принести им смерть, мы принесем счастье и удовольствие. Будут тепло, крыша над головой, еда. Если... то, что мы обсуждали... произойдет, дальнейшие дискуссии не требуются. Все будет ясно глупейшей фарги.

Акотолп не ошиблась. Эссокель и груз, который несли ее фарги, вернули в город радость и блага цивилизации. Эзотсаны для охоты, вкусное сладкое мясо и все такое. Во вьюках лежали тысячи накидок, ибо экспедиции пришлось преодолевать перевалы с холодным воздухом. Накидки пришлись очень кстати: ночи становились все холоднее, а безмозглые существа-накидки, если их хорошо кормили, имели высокую температуру тела. На вождей города накидок хватало, так что спали они хорошо. Фарги приходилось сбиваться в кучу и в молчании дрожать от холода.

Но радость длилась недолго. Даже глупейшие из фарги, только вышедшие из моря и не способные говорить, видели, что холоднее становятся не только ночи, но и дни. Рыбы стало мень-

ше. Облака не расходились, солнце не появлялось, растения умирали. Животные, которых они ели, становились все более худыми и костлявыми, потому что травы им доставалось все меньше. Однако питались они неплохо, и в энзимных садках оставалось мясо. С животными дело обстояло гораздо хуже: их не убивали — они умирали. И пришел час, когда Эистаа вызвала двух ученых. Рядом с ней на поляне стояла Великреи.

— Послушайте, что говорит мне охотница, — мрачно изрекла Эистаа.

— Онетсенкаст, которого сейчас рубят на части, пойдет в мясные садки. Это последний. Все остальные мертвы, поля пусты.

— Что происходит... что нас ждет? — спросила Эистаа. — Вы — яилане-ученые, вы должны знать.

— Мы знаем, — ответила Акотолп, пытаюсь сохранить спокойствие в речи и движениях. — Мы скажем тебе, Эистаа, — охотница не заметила, как ей знаком предложили уйти. — Ты сообщила информацию, Великреи. Возвращайся в свой лес.

Акотолп подождала, пока на поляне они не остались втроем. И теперь уже не пыталась изгнать горе и отчаяние из своего голоса.

— Солнце приносит нам жизнь, Эистаа. Если солнце не зацветит вновь, мы умрем. Облака убивают нас.

— Я вижу, что происходит... но не понимаю.

— Это жизненная цепочка, — ответила ей Эссокель. — Она начинается в клетках растений, где солнечные лучи превращаются в пищу. Рыба и устузоу едят растения и живут. Мы, в свою очередь, едим их плоть... и мы живем, — она наклонилась, вырвала пучок желтеющей травы, подняла. — Трава умирает, они умирают, мы умираем.

Эистаа, застыв, как скала, смотрела на траву. Наконец повернулась к Акотолп.

— Правда?

— Абсолютная правда.

— Разве мы не можем наполнить садки, запастись едой, переждать, пока не разойдутся облака и не выглянет солнце?

— Мы можем... и мы попытаемся. Мы также запасем и семена, чтобы засеять поля, как только солнце вернется.

— Это надо сделать. Я отдам такой приказ. Когда солнце вернется?

Ей ответило молчание. Эистаа ждала, ярость в ней закипала, наконец, она не выдержала:

— Говори, Акотолп! Я приказываю тебе говорить! Когда вернется солнце?

— Я... мы... не знаем, Эистаа. Но если оно не вернется скоро, мир, в котором мы жили, исчезнет. Виды, однажды исчезнувшие, не возвращаются. Мы — одни из таких видов. Мы важны только для самих себя. Если же брать биосистему в целом, наша важность соизмерима с этим пучком травы. И нет нам радости в том, что жизнь будет продолжаться, даже если облака останутся навсегда. Это будет другой мир, которого нам не узнать. В нем будут существовать гораздо более устойчивые формы жизни, способные выдержать значительные перепады температур и переменчивые климатические условия. Мы не можем. Мы не выживем в том мире. Нам необходимы те условия жизни, к которым мы привыкли. Я боюсь, Эссокель, и я много раз обсуждала этот вопрос, что наше время закончилось...

— Это не так! Яилане живут.

— Яилане умирают, — мрачно ответила Эссокель. — Фарги уже гибнут от холода. Мы их исследовали.

— У нас есть накидки.

— Накидки также умрут. Уже так холодно, что они не могут размножаться. — В движениях Акотолп читалось великое отчаяние. — Я боюсь, все так и закончится, все яилане умрут, все, чего мы достигли, исчезнет. О нашем существовании забудут. Когда облака разойдутся, останутся только устузоу.

— Что? Эти мерзкие грызуны, шмыгающие под ногами. Как ты можешь так говорить?

И в этот самый момент меж мертвой травы появился устузоу, глянул на них маленькими черными глазками, на лапках сквозь шерсть проступили коготки. Эистаа подняла ногу, но раздавила только траву: крошечное существо уже скрылось из виду.

— Ты говоришь, что выживут эти твари... почему?

— Благодаря особенностям их организма, — терпеливо объяснила Эссокель. — Всем сложным существам требуется регулирование температуры тела, в их жилах течет теплая кровь. Но есть два способа сохранять тепло. Мы, яилане, экзотермики. Это означает, что мы должны жить в теплом климате и получать тепло извне. Это очень эффективно. Устузоу эндотермики. Это означает, что они должны все время есть и превращать поглощенную ими пищу в тепло...

— Ты говоришь все это лишь для того, чтобы запутать меня... холод и жара, внутри и снаружи...

— Ты должна простить меня, Эистаа, за мою неспособность-глупость. Я упрощаю. Если мы замерзаем, мы умираем. Эти маленькие устузоу не замерзнут. Если воздух станет холоднее, они будут больше есть. Будут есть мертвые растения. Мертвые тела... съедят наши мертвые тела. Трупы нашего мира смогут кормить их долгое время. Может, до той поры, пока облака не разойдутся и не выйдет солнце. А когда оно выйдет, окажется, что это мир устузоу, а от мира яилане не останется даже воспоминаний. Все будет так, словно мы никогда не...

— Я не хочу этого слышать! — в гневе взревела Эистаа, взрыла землю когтями. — Оставьте меня! И больше никогда не говорите в моем присутствии. Я не желаю вновь услышать такие слова!

Ученые ушли, полил холодный дождь, наступила ночь. По земле бегали лишь маленькие пушистые существа. Маленькие существа, которые ели семена, стебли, кости, костный мозг, мясо, траву, насекомых... все.

Теплокровные животные, которые могли выжить в условиях, обрекавших на смерть девяносто процентов всех остальных живых существ.

Выжить и эволюционировать шестьдесят миллионов лет. Их потомки читают эти слова.

К-ФАКТОР

— Мы теряем планету, Нил. И, к сожалению... я не могу понять, в чем дело, — лысая морщинистая голова качнулась на тонкой шее, глаза повлажнели. Абраванель был очень стар. Только сейчас, пристально посмотрев на него, Нил осознал, какой же он глубокий старик и сколь близок к смерти. Мысль это шокировала и пугала.

— Извините, сэр, — вставил Нил, — но разве такое возможно? Я хочу сказать, как мы можем потерять планету? Если замеры сделаны правильно, если к-фактор посчитан с точностью до десятой цифры после запятой, тогда дело всего лишь в необходимой корреляции. В конце концов, социэтика — точная наука...

— Точная? Точная! Неужели я совсем ничему тебя не научил, раз уж ты смеешь говорить мне такие слова? — Злость оживила старика, тень смерти отступила на шаг-другой.

Нил замялся, чувствуя, как задрожали руки, попытался найти нужные слова. Социэтика давно уже стала его религией, Абраванель — пророком. Перед ним сидел уникам, живущий лишь благодаря геронтологическим препаратам, живой анахронизм, беженец из учебников истории. Абраванель собственноручно, без чьей-либо помощи вывел все уравнения, создал новую науку — социэтику. А потом подготовил семь поколений студентов, которые теперь реализовывали ее положения. И услышать от создателя и основоположника такое кощунство... пожалуй, не стоило удивляться, что слова Абраванеля потрясли Нила до глубины души. Он просто не знал, что и думать.

— Законы социэтики, выведенные... вами, такие же точные, как и любые другие законы общей унифицированной теории Вселенной.

— Нет, не такие. И если хоть один мой ученик в это верит, я завтра же уйду на пенсию, а через день умру. Моя наука, пусть логика и не позволяет называть то, что я создал, наукой, основана на наблюдении, экспериментировании, контрольных группах и коррекционных наблюдениях. Наблюдаем мы миллионы, имеем дело с миллиардами, а взаимодействие миллиардов зачастую может дать совсем другой результат. Не следует ни на секунду забывать о том, что каждый наш объект — человек, а индивидуально они могут повести себя совсем не так, как в общей массе. Поэтому нельзя говорить, что социэтика соответствует критериям точной науки. Она хорошо интерпретирует факты и дает неплохие практические результаты. Пока. Но придет день, я в этом уверен, когда мы столкнемся с цивилизацией, которая не будет укладываться в выведенные мною законы. И тогда нам придется их пересмотреть. Возможно, именно с таким случаем мы и столкнулись на Гиммеле. Там зреет нарыв.

— Эта планета всегда отличалась высокой активностью, сэр, — вставил Нил.

— Высокой — да, но всегда отрицательной. До последнего времени. А сейчас минус поменялся на небольшой плюс, и все наши усилия не могут изменить тенденцию. Поэтому я тебя и позвал. Я хочу, чтобы ты провел новое базисное обследование, не обращая внимание на прежнее, которое никто не сворачивает, и заново оценил контрольные точки наших графиков. Возможно, проблема в этом.

Нил ответил не сразу, тщательно подбирая слова:

— Не будет ли наше решение несколько... незтичным, сэр.

В конце концов, Хенгли, который руководит текущими исследованиями, мой друг. Получится, что я в некотором смысле буду действовать за его спиной.

— Я не желаю ничего слышать! — взорвался Абраванель. — Мы не играем в покер и не ищем способа опубликовать статью первыми. Или ты забыл, что такое социэтика?

Нил ответил без запинки:

— Практическое изучение взаимодействий индивидуумов в конкретной общественной среде, взаимодействия групп, вызванные этими индивидуумами, установление зависимостей, выраженных уравнениями, прикладное использование уравнений для контроля одного или нескольких ключевых факторов этой общественной среды.

— И какой фактор мы пытаемся контролировать для того, чтобы обеспечить существование остальных факторов?

— Войну, — выдохнул Нил.

— Очень хорошо. Следовательно, теперь у тебя уже нет сомнений относительно предмета нашего разговора. Ты тайком приземлишься на Гиммеле, как можно быстрее проведешь обследование, а результаты передашь сюда. И не надо думать, что ты действуешь за спиной Хенгли. Наоборот, ты помогаешь ему найти единственно верное решение. Это понятно?

— Да, сэр, — на этот раз твердо ответил Нил, расправил плечи, решительно положил правую руку на компьютер, который висел на ремне.

— Великолепно. А теперь познакомься со своим помощником, — и Абраванель нажал кнопку на столе.

Обычно обследование проводил один человек, поэтому Нил с интересом ждал открытия двери. Но, когда его помощник переступил порог, резко отвернулся. Глаза Нила превратились в щелочки, лицо побледнело от злости. Абраванель представил помощника:

— Нил Сидорак, это...

— Коста. Я знаю его. Учился в моем классе шесть месяцев. — В голосе Нила дружелюбие отсутствовало напрочь. Абраванель то ли проигнорировал его интонации, то ли ничего не хотел слышать. И продолжил таким тоном, словно перед ним стояли два закадычных друга:

— Одноклассники. Очень хорошо... значит, фазу знакомства можно опустить. Давайте сразу очертим сферы ответственности. Это твой проект, Нил, а Адау Коста будет тебе во всем по-

могать, выполнять твои приказы и оказывать всемерное содействие. Ты знаешь, диплома по социэтике у него нет, но он принимал самое активное участие во многих обследованиях, так что работу эту знает досконально. И, разумеется, он остается наблюдателем ООН и будет отправлять отчеты по своим каналам.

Злость Нила прорвалась наружу.

— Так он теперь и наблюдатель ООН. Интересно, осталась за ним и прежняя работа? Я думаю, будет справедливо, сэр, если вы узнаете о ней. Он работал на Интерпол.

Взгляд выцветших, стариковских глаз Абраванеля перебежал с одного мужчины на другого. Он вздохнул:

— Подожди в приемной, Адау. Нил присоединится к тебе через минуту-другую.

Коста молча вышел, а Абраванель знаком предложил Нилу сесть.

— А теперь послушай меня и перестань наигрывать ноты на этом inferнальном гудке. — Нил рывком убрал руку с компьютера, висевшего на поясе, словно тот мгновенно превратился в раскаленную металлическую болванку. Хотел стереть цифры, высветившиеся на экране, но передумал. А Абраванель тем временем раскурил свою древнюю трубку и, сощурившись, взгляделся в молодого человека: — Значит, так. В университете ты вел тихую, размеренную жизнь, в чем, наверное, есть и моя вина. Нет, не злись, я не о женщинах. В этом вопросе и для студентов, и для выпускников все остается, как многие столетия тому назад. Я говорю о группах людей, индивидуумов, политике, всей сложной системе взаимоотношений, которая определяет человеческую жизнь. Эта сфера являлась объектом твоих исследований, а сами исследования планировались таким образом, что ты не принимал непосредственного участия в сборе информации. Важной стороной исследований являлась выработка теоретического подхода, поскольку любая попытка предпринять оценку может привести к катастрофическим последствиям. И нам много раз приходилось убеждаться, что человек, имеющий определенные интересы, допускает много непреднамеренных ошибок, с тем чтобы обследование или эксперимент в большей степени отвечали этим интересам. В данном случае хотелось бы этого избежать.

Мы изучаем человечество и при этом должны делать все возможное, чтобы лично оставаться вне его, как бы над ним, сохраняя объективность и перспективу. Когда ты это понимаешь,

становится ясным и смысл многих особенностей университета. Почему мы даем стипендии только молодым и почему находится университет в Доломитах. Так же становится понятным, почему в библиотеке первоклассный выбор книг, а вот с газетами просто беда. Главное для нас выработать в выпускниках чувство перспективы. Тогда можно надеяться, что они устоят перед сиюминутными политическими интересами.

Эта политика срабатывала. В большинстве своем мы получали нужных нам классных специалистов. Однако хватало и эгоцентриков, которые пытались обернуть полученные знания себе на пользу.

Нил покраснел:

— Уж не хотите же вы сказать...

— Нет, речь не о тебе. Будь уверен. Если бы следовало, я бы все сказал. Твой главный недостаток, не уверен, что это можно назвать недостатком, поскольку мы постоянно толкали тебя в этом направлении, состоит в том, что у тебя очень уж провинциальные взгляды на университет. Теперь пришла пора пересмотреть некоторые из этих идей. Прежде всего, что ты думаешь об отношении ООН к социэтикам?

Простого ответа не было. Нил видел расставленные ловушки. Поэтому ответил без должной уверенности в голосе:

— Честно говоря, я как-то об этом не думал. Мне казалось, что ООН настроена к нам положительно, поскольку с нашей помощью значительно упрощается выполнение функций мирового правительства.

— Как бы не так. — Резкость тона Абраванеля несколько смягчила улыбка. — Попросту говоря, они нас ненавидят. Им бы очень хотелось, чтобы я никогда не формулировал законы социэтики, но при этом очень рады, что мне это удалось. Они находятся в положении человека, который держит тигра за хвост. Человеку нравится наблюдать, как тигр пожирает его врагов, но с каждым сожранным врагом тревога его растет. Что случится после того, как тигр расправится с последним? Набросится ли тогда тигр на него самого?

Так вот, мы — тигр ООН. Социэтики появились в тот момент, когда в них возникла насущная необходимость. Люди заселяют планеты, которые остаются в подчинении у Земли. Сначала появляются поселения, потом планета становится колонией. Наиболее быстро развивающиеся планеты быстро перерастают этот статус, начинают играть мускулами. У ООН ни-

когда не было особого желания управлять Империей, но одновременно она должна обеспечивать безопасность Земли. Я понимаю, что они рассматривали множество вариантов, включая прямой военный контроль, а потом пришли ко мне.

Даже первые, более грубые уравнения социэтики обеспечили эффективные меры воздействия и позволяли им выиграть время. Они проследили за тем, чтобы моя работа получила достаточное финансирование, и помогли мне, разумеется неофициально, провести первые контрольные эксперименты на различных планетах. Мы получили результаты, где очень хорошие, где — вполне удовлетворительные, но во всех случаях удалось обеспечить контроль над дальнейшим развитием событий. За сотню лет мне удалось многое уточнить и поправить, и мы развернулись в полную силу. ООН так и не удалось предложить альтернативный работоспособный план. Они смирились с тем, что придется держать тигра за хвост. Но тревога их не отпускала, и они тратили большие деньги, чтобы контролировать нашу работу.

— Но *почему?* — вставил Нил.

— Почему? — Вновь Абраванель коротко улыбнулся. — Спасибо за комплимент. Как я понимаю, тебе и в голову не приходило, что у меня могло возникнуть желание стать Императором галактики. А я мог бы им стать, знаешь ли. Те самые силы, которые стравливают давление на планете, с тем же успехом могут ее и взорвать.

Нил аж потерял дар речи. Абраванель с трудом поднялся из-за стола, волоча ноги, обошел его, положил тоненькую, невестомую руку на плечо молодого человека.

— Это факты жизни, мой мальчик. А поскольку уйти от них нельзя, приходится с ними жить. Коста всего лишь выполняет свои обязанности. Поэтому постарайся сработаться с ним. Ради меня, если иначе не получается.

— Разумеется, — быстро согласился Нил. — С тем, что вы сейчас сказали, свыкнуться нелегко, но я постараюсь. На Гиммеле мы сделаем все, что в наших силах. Не волнуйтесь из-за меня, сэр.

Коста ждал в приемной, спокойно попыхивая длинной сигаретой. Они ушли вместе, молча зашагали по коридору. Нил искоса глянул на долговязого смуглого бразильца и задумался, а что надо сказать, чтобы наладить нормальные деловые отношения. Какие-то сомнения насчет Косты у него остались, но он

твердо решил держать их при себе. Абраванель повелел установить мир, а слово старика являлось для него законом.

Первым заговорил Коста:

— Может, ты проинструктируешь меня по Гиммелю... что мы там найдем, что от нас потребуется?

— Сначала, разумеется, мы должны провести базовое обследование, — ответил Нил. — И велика вероятность того, что этим наша миссия и ограничится. После уточнения в прошлом году всех уравнений Постул ата Дебира построение графиков сига-110 и альфа-142 позволяет...

— Пожалуйста, остановись и сбрось обороты, — прервал его Коста. — Я изучал социэтику шесть месяцев, с тех пор прошло семь лет, так что я если и помню, то самые общие положения. С тех пор я участвовал в некоторых обследованиях, но и не имею ни малейшего понятия о прикладной ценности собранной нами информации. Можешь ты начать снова... только попроще и помедленнее?

Нил подавил вновь начавшую закипать злость и начал снова, в лучших преподавательских традициях университета.

— Я уверен, ты понимаешь, что качественно проведенное обследование лишь часть решения поставленной задачи. Не вдаваясь в подробности, скажу, что если данные собраны точные, уравнения к-фактора решаются автоматически.

— Я опять потерял нить. Все говорят о к-факторе, но никто так и не объяснил мне, а что же это такое.

Нил уже начал входить в азарт:

— Это термин, позаимствованный из нуклеоники, и именно в этом контексте проще всего объяснить его смысл. Ты же знаешь, как работает ядерный реактор. В принципе это та же атомная бомба. Разница лишь в скорости цепной реакции и контроля над ней. В обоих случаях мы имеем нейтроны, которые на высокой скорости ударяют в ядра атомов и выбивают новые нейтроны, которые в свою очередь проделывают то же самое. Процесс все ускоряется, и — бум! Несколько миллисекунд, и у нас атомный взрыв. Такое случается, если реакция неконтролируемая.

Однако, если в наличие имеется тяжелая вода или графит, которые замедляют нейтроны, а также поглотитель, вроде кадмия, можно регулировать скорость реакции. Если замедлителя и поглотителя слишком много, реакция остановится. Мало — реакция приведет к взрыву. В ядерном реакторе обе крайности

совершенно ни к чему. Нужен оптимальный баланс, при котором поглощается ровно столько нейтронов, сколько и выделяется. Тем самым внутри реактора обеспечивается постоянная температура. В этом случае константа воспроизводства нейтронов равна 1. Баланс между генерацией и поглощением нейтронов и называется к-фактором ядерного реактора. В идеале он равен единице с семью нолями после запятой.

Однако этого идеала нельзя достигнуть в столь динамичной системе, как ядерный реактор. Однако, если нейтронов вырабатывается чуть больше, то есть к-фактор равняется 1,00000001, жди беды. Каждый лишний нейтрон вышибает два новых, их количество растет в геометрической прогрессии и приводит к взрыву. С другой стороны, к-фактор, равный нолю с восемью девятками после запятой, ничем не лучше. Реакция с той же скоростью будет замедляться. То есть управление ядерным реактором сводится к контролю к-фактора и постоянной поднастройке.

— Это мне понятно, — кивнул Коста. — Но при чем тут социэтика?

— Мы к этому подойдем... как только ты поймешь и признаешь, что минимальная разница в величине к-фактора может привести к совершенно другому результату. Можно сказать, что один-единственный невероятно крошечный нейтрон может превратить ядерный реактор и в атомную бомбу, и в медленно остывающую кучу инертных урановых изотопов. Это ясно?

Коста кивнул.

— Хорошо. Теперь попробуем провести аналогию между человеческим обществом и ядерным реактором. На одном полюсе — умирающая, декадентская цивилизация, остатки высоко развитого индустриального общества, проживающая капитал, проедающая запасы, которые невозможно возместить из-за непрекращающегося падения технологического уровня. Когда сломается последняя машина и выйдет из строя последний синтезатор пищи, люди умрут. Это — остановившийся ядерный реактор. На другом полюсе — абсолютная анархия. Каждый человек думает только о себе, сметая все, что возникает на его пути. Атомный взрыв. А посередине — живое, активное, устремленное в будущее общество.

Это, конечно, сильное упрощение, но более точного сравнения не найти. В действительности общество — бесконечно сложный социальный организм, на который влияют тысячи и мил-

лионы самых различных факторов. А между «замерзанием» и взрывом существует множество вариантов развития. Рост численности населения, война или репрессии могут вызывать иммиграционные волны. Животные и растительные виды могут уничтожаться ради сиюминутных потребностей или в угоду моде. Ты же помнишь судьбу почтового голубя и американского бизона.

Внешние воздействия, голод, жизненные потребности, ненависть, страсти людей отражаются в их взаимоотношениях. Отдельно взятый человек нас не интересует. Но, как только он что-то говорит, передает информацию в какой-то форме, просто выражает свое мнение, он становится условной отметкой. Его можно промаркировать, измерить, внести в график. Его действия можно сгруппировать с действиями других членов общества, отследить действия всей группы. Человек, и все общество, становится системной проблемой, для решения которой можно задействовать компьютер. Мы разрушаем гордиев узел ЛЛЯ и движемся навстречу рршснню.

— Стоп! — Коста поднял руку. — До ЛЛЯ я все понимал. А это что за зверь? Пароль для посвященных?

— Не пароль — аббревиатура. Линейный логический язык, на котором спотыкались прежние исследователи. Все они — историки, социологи, политические аналитики, антропологи — обрекали себя на неудачу, еще не приступив к исследованиям. Им приходилось узнать все об А и Б, прежде чем они могли найти В. Факты они раскладывали по полочкам. Тогда как анализировали они сложнейшую замкнутую систему с такими элементами, как положительная и отрицательная обратная связь и переменная коммутация. Да и находится вся система в динамическом состоянии в силу непрерывной гомеостатической коррекции. Неудивительно, что у них ничего не выходило.

— Вот это ты зря, — запротестовал Коста. — Я признаю, что социэтика — огромный шаг вперед. Но многое было нащупано раньше.

— Если ты имеешь в виду линейную прогрессию от прежних социологических дисциплин — забудь об этом, — покачал головой Нил. — Это все равно что сравнивать алхимию с физикой. Древние с их сушеными лягушками и внутренностями животных знали, что такое дистилляция и плавление. Но эти технологии не составляли основу их знаний, наоборот, являлись

побочными продуктами. А занимало их совсем другое. Кроме трансмутации они ни о чем слышать не хотели.

Они проходили мимо ниши отдыха, и Адау увлек в нее Нила, сел на стул. Вытащил из кармана пачку сигарет, достал одну, предложил Нилу, вторую взял себе. Мужчины закурили.

— Все, что ты говорил, мне понятно. Но как нам перекинуть мостик к к-фактору?

— Просто, — ответил Нил. — Для этого надо избавиться от ЛЛЯ и ложных выводов. Вспомни политику прошлого. Мы — ангелы, они — дьяволы. И в это верили. В истории человечества не было войны, которая с каждой стороны не поддерживалась официальной церковью. И каждый заявлял, что Бог за них. То есть врага поддерживал понятно кто. Эта теория была столь же обоснованной, как и другая, согласно которой один человек мог втянуть страну в войну, а следовательно, удачное покушение, совершенное в должный момент, могло спасти мир.

— Вроде бы логично, — заметил Коста.

— Разумеется, нет. Многие прежние идеи казались логичными. Потому что в своей простоте были понятны каждому. Но истины не обязательно бывают простыми. Убийство жаждущего войны диктатора ничего не меняет. Общество по-прежнему ориентировано на насилие, причины, провоцирующие войну, остаются, партия войны никуда не исчезла. Здесь ничего не меняется, а значит, и к-фактор остается прежним.

— Вновь этот термин. Я узнаю, что он означает?

Нил улыбнулся:

— Конечно. К-фактор — один из многих, определяющих взаимосвязи общества. В принципе по своей значимости он не выделяется из чуть ли не тысячи других, с которыми мы работаем. Но на практике он — единственный, который мы пытаемся изменить.

— К-фактор — это фактор войны. — Из голоса Адау Косты напрочь исчезли юмористические нотки.

— Достаточно точное определение, — Нил затушил недокуренную сигарету. — Если в обществе к-фактор плюсовой, пусть даже на самую малость, значит, жди войны. Наши планетарные операторы выполняют две функции. Первая — сбор и анализ информации. Вторая — сохранение отрицательного к-фактора.

Оба одновременно встали, движимые одним чувством.

— А на Гиммеле к-фактор — положительный и таким и оста-

ется, — констатировал Коста. Нил Сидорак согласно кивнул. — Тогда на корабль и в путь.

Летели они быстро, приземлились еще быстрее. Ооновский крейсер отключил двигатели и камнем упал в атмосферу. Ночной дождь заливал иллюминаторы, компьютер рассчитал максимально возможный импульс при минимальном времени работы двигателей, уменьшающий их скорость до нуля на нулевой высоте. Перегрузка навалилась на грудь и расплющила кости. Что-то хряпнуло под ними в момент отключения двигателей. Коста уже отстегнул ремень безопасности и выскочил за дверь, когда Нил еще только приходил в себя.

Разгрузка проходила четко и организованно, безо всякого участия Нила. Он достаточно быстро понял, что принесет максимум пользы, отойдя в сторону и не мешая членам экипажа выталкивать гравитационные платформы с тяжелыми ящиками в темноту залитого дождем леса. Руководил разгрузкой Адау Коста, который, похоже, свое дело знал. Связист в наушниках, стоя у люка, каждые десять секунд называл затраченное на посадку время. Судя по всему, его хотели свести к минимуму, поэтому экипаж работал, не разгибая спины.

Неожиданно Нила вытолкнули под дождь, за ним из люка буквально вывалились два последних ящика. По грязи он пошлепал к опушке лесной поляны и едва успел прикрыть глаза от яркого выхлопа: крейсер взмыл в небо.

— Сядь и расслабься, — предложил ему Коста. — Пока все хорошо. При посадке корабль не засекали. Нам осталось только подождать транспорта.

Теоретически Адау Коста был помощником Нила. На практике он полностью руководил доставкой тяжелого оборудования в столицу планеты, Китеж, и его установкой на конспиративной базе. Люди и автомобили появлялись как из-под земли, а потом исчезали, выполнив порученную работу. Не прошло и двадцати часов, а они уже обосновались на большом чердаке, с распакованным и подключенным к энергосети оборудованием. Нил принял стимулирующую капсулу и начал проверку компьютеров. Коста закрыл тяжелую дверь за последним из помощников и со вздохом облегчения плюхнулся на разложенную кровать.

— Как твои игрушки? — спросил он.

— Проверяю. Они, конечно, не такие уж хрупкие, но едва ли в набор стандартных испытаний на прочность входят падение с

высоты двенадцати футов в грязь и тепловой удар от ракетного выхлопа.

— Ящики рассчитаны и не на такое, — беззаботно ответил Коста, прикладываясь к бутылке знаменитого гиммельского пива. — Когда начнем работу?

— Уже начали, — Нил достал из папки лист бумаги. — Перед отлетом я набросал список нужных мне журналов и газет. — Купи их для меня. А когда вернешься, я определюсь, что еще мне нужно.

Коста застонал и потянулся за списком.

Процесс сбора и анализа информации набирал обороты. И Нил, и Коста ели и спали урывками. Компьютеры проглатывали цифры Нила и выплевывали гигабайты ответов, которые требовали все новых и новых сведений. Коста и его невидимые помощники поставляли Нилу необходимые материалы.

За неделю из общей рутины выпало лишь одно событие. Нил дважды моргнул, прежде чем его затуманенный уравнениями мозг зафиксировал что-то необычное.

— У тебя на голове повязка. *В крови!*

— Маленький уличный инцидент. В толпе чего только не случается. Это же подвиг наблюдательности, — Коста восхищенно поцокал языком. — Я-то думал, ты вообще ничего не замечаешь, кроме дисплеев.

— Я... я увлекся, — Нил бросил бумаги на стол, брови сошлись у переносицы. — С головой ушел в расчеты. Извини. Водится за мной такой грешок — забываю о людях.

— Извиняться тебе не за что, — успокоил его Коста. — Мое дело — помогать тебе выполнить задание, а не отвлекать, изображая домашнюю рекламу Госпитальной службы. Но все-таки скажи, на каком мы свете? Будет война? На улицах все бурлит. Я видел, как двоих мужчин линчевали, заподозрив, что они — земляне.

— Видимость ничего не значит. — Нил откупорил две бутылки пива. — Помни аналогию с ядерным реактором. Внутри кипит жидкий металл, реактор излучает во всем спектре, от жесткой радиации до инфракрасных волн, но при этом спокойно вырабатывает энергию. А атомная бомба за секунду до взрыва выглядит такой же безвредной, как и свалившееся дерево. В счет идет только к-фактор, но не внешние признаки. Планета может выглядеть, как мечта диктатора, но все на ней замечательно, пока к-фактор остается отрицательным.

— А что творится у нас? Каков наш к-фактор?

— Скоро узнаем, — Нил указал на гудящий компьютер. — Пока сказать не могу. И никто ничего не скажет до завершения расчетов. Можно, конечно, попытаться экстраполировать начальные цифры, но толку в этом чуть. Все равно что попытаться предсказать победителя в скачках по внешнему виду выстроившихся на старте лошадей.

— Многие думают, что нам это по силам.

— Пусть думают. Эти заблуждения не мешают им жить.

За их спинами компьютер чвакнул и затих.

— Готово, — Нил взял распечатку, пробежал взглядом, что-то бормоча себе под нос. Нажал какие-то клавиши на наручном компьютере. На дисплее высветился результат. Нил замер, не отрывая от него глаз.

— Хорошо? Плохо? Что там у тебя?

Нил поднял голову, и глаза у него постарели на добрый десяток лет.

К фактор положительный. Все плохо. Гораздо хуже, чем было до нашего отлета с Земли.

— И сколько у нас времени?

— Точно не знаю, — Нил пожал плечами. — Прикинуть могу. Неизвестно, при какой величине к-фактора начинается война. Он будет возрастать и возрастать, пока в какой-то момент...

— Я понимаю. Поезд уйдет, — Коста потянулся к пистолету. Сунул его в боковой карман. — Значит, со сбором информации надо заканчивать и переходить к действиям. Что я должен сделать?

— Собрался убить военного маршала Ломмеорда? — пренебрежительно спросил Нил. — Я думал, мы уже поняли, что убийством правителя войну не остановить.

— Мы также поняли, что для изменения к-фактора необходимо что-то делать. И пока ты будешь передавать результаты на Землю, пока они будут ахать и охать над ними, я намерен принять необходимые меры. А ты должен мне сказать, какие именно.

Адау Коста разительно переменялся. Весь подобрался, напоминая хищника, изготавившегося к прыжку. И пистолет в боковой карман он сунул для того, чтобы при необходимости без промедления пустить его в ход. Нил отвернулся, не зная, что и сказать. Новая ситуация пугала его. Одно дело — работать с к-

фактором в кабинете или обсуждать проблему с коллегами. И совсем другое — руководить операцией по его корректировке.

— Так что? — ворвался в его нелегкие раздумья голос Косты.

— Ты можешь... ну... есть возможность изменить одну из популяционных кривых. Изолировать индивидуумов и группы, и тогда перемена территориального и статусного...

— То есть через вербовщиков уговорить многих людей переехать на работу в другие города?

Нил кивнул.

— Слишком медленный процесс, — по голосу Косты чувствовалось, что рассматривать серьезно предложение Нила смысла нет. — В долговременной перспективе, безусловно, сгодится, но не в чрезвычайных обстоятельствах, — он зашагал взад-вперед. Очень быстро. Не для того чтобы расслабиться, а наоборот, еще более заводясь. — Разве ты не можешь выделить недавние ключевые события, которым можно дать задний ход?

— Могу. — Нил обдумал слова Косты. — Но это не окончательное решение. лишь сдерживающие действия.

— Вот и хорошо, мы выиграем время. Скажи мне, что надо сделать.

Нил пролистал записи, выискивая значки «Бета-13». Так маркировались индивидуумы и группы, которые являлись усилителями к-фактора. Список получился длинным, но он отсек тех, кто оказывал на к-фактор минимальное влияние. Вот тут его ждало прелюбопытное открытие. Изолировав мотиватор и проведя частотную проверку, Нил даже присвистнул.

— Кажется, я нашел ключевое звено, — он положил бумаги на стол. — Если исключить эту организацию из уравнений, к-фактор может стать отрицательным.

— Общество защиты уроженцев Гиммеля, — прочитал Коста. — Первый раз слышу. Кто они и чем занимаются?

— Прямое доказательство закона средних чисел. Возможность получить на сдаче флеш-рояль существует, но случается это крайне редко. Вполне возможно, что группа людей создала организацию для одних целей, но с изменением обстоятельств она превратилась в мощнейший усилитель к-фактора. Именно такое превращение и претерпело ОЗУГ. Никому не известный социальный клуб, ориентированный на местных недоумков. Но страх перед войной резко увеличил их популярность. Возможно, те же жуткие истории о притеснениях уроженцев Гиммеля они рассказывали не один десяток лет, но их

никто не слушал. А теперь они получили возможность публиковать в массмедиа свои пресс-релизы. И люди готовы их слушать. Так что вывести их из игры очень даже неплохо.

— А не будет ли негативных последствий? — спросил Коста. — Если они так важны и играют столь важную роль, не вызовет ли подозрений их внезапное исчезновение? Не усмотрят ли в этом руку врага?

— Отнюдь. Если бы ты взорвал штаб-квартиру Военной партии, это бы вызвало всплеск антиземных настроений. И ответную агрессивную реакцию. Но об Обществе защиты местных недоумков никто толком и не знает. Поэтому, если несчастный случай или некий природный катаклизм выведет их из игры, ни у кого не возникнет никаких вопросов.

Коста щелкал зажигалкой, слушая Нила, не отрывая глаз от вспыхивающего и гаснущего язычка пламени. Наконец, закрыл зажигалку, вскинул руку.

— Я верю в несчастные случаи. Верю, что даже в наш просвещенный век, когда противопожарная безопасность достигла невероятных успехов, пожары все-таки случаются. И если сгорит здание, в котором расположилось ОЗУГ, один из многих арендаторов, а огонь уничтожит их офисы, компьютеры и архивы, заинтересует это разве что пожарную команду.

— Ты — прирожденный преступник, — усмехнулся Нил. — Я рад, что мы на одной стороне баррикады. Это твоя епархия, так что проведение операции оставляю на твое усмотрение. Я же буду слушать выпуски новостей. Впрочем, и у меня есть одно маленькое дельце.

Слова эти остановили Косту у самой двери. Он обернулся, увидел, что Нил убирает бумаги в конверт.

— И куда ты собрался?

— Хочу повидаться с Хенгли, планетарным оператором. Абраванель велел мне держаться от него подальше, чтобы провести совершенно независимое обследование планеты. Что ж, обследование мы завершили, обнаружили некоторые критические зоны. Я хочу сбросить с плеч груз вины за то, что действовал у него за спиной, и дать ему знать, что происходит.

— Нет, — отрезал Коста, — от Хенгли держись подальше. Нам ни в коем случае нельзя засветиться рядом с ним. Вполне возможно, что этим мы его... скомпрометируем.

— Что ты такое говоришь? — возмутился Нил. — Он — мой друг, выпускник...

— И при этом он может быть под колпаком у секретной полиции. Ты об этом подумал?

Такая мысль в голову Нила не приходила, и злость его тут же исчезла. Коста привел очень веский довод.

— Социэтика держалась в секрете более двух столетий. В принципе и сейчас если о ней что-то известно, то самая малость. Но, даже если гиммелийцы слыхом не слыхивали о социэтике, о шпионаже они осведомлены. Им известно, что у ООН есть агенты на их планете, они могут думать, что Хенгли — один из них. Это все не более чем рассуждения, но один факт у нас есть: мы нашли этих Защитников. Нашли без труда. Если у Хенгли надежные осведомители, он тоже не мог о них не знать. А раз не знал, причина лишь в том, что он не получал нужной информации. То есть ему мешали ее получить. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кто мешал.

Нил нашарил рукой стул, тяжело опустился на него.

— Ты прав... разумеется! Я как-то не подумал...

— Вот и славненько, — откликнулся Коста. — Хенгли мы попытаемся помочь завтра, эта операция важнее. Сиди тихо. Отдохни. Никому не открывай дверь. Только мне.

Работа была долгой, утомительной, но она подошла к концу. Нил позволил себе зевнуть, сладко потянулся, подошел к ящику с сухими пайками. Вытащил коробку с многообещающей надписью «КУРИНЫЙ ОБЕД», пусть по вкусу еда напоминала водоросли, из которой этот паек скорее всего и приготовили, сварил кофе.

Но эти прозаические занятия не мешали мозгу переваривать накопленную информацию. Процесс шел независимо от желания или нежелания Нила, автоматически. Что-то не складывалось, вот мозг и не мог успокоиться. Если бы Нил не вымотался, обрабатывая результаты обследования, наверное, ему не потребовалось бы так много времени, чтобы сообразить, что к чему. Наконец все встало на свои места. Тот самый факт, от которого они отталкивались, его просто не могло быть.

Он вскочил, выплеснув кофе на пол.

— Это... тут какая-то ошибка! — воскликнул он, схватил распечатки и графики. Дрожащими руками нашел нужные. Синопсис отчетов Хенгли за последние пять лет. Плавные увеличение или падение к-фактора от месяца к месяцу, никаких изломов на кривых.

Социэтика — не точная наука. Но точности хватало, чтобы

понять, что выводы делаются на основе неполной или ложной информации. Если бы Хенгли держали в неведении относительно ОЗУГ, ему бы предоставлялась неверная информация, касающаяся других факторов. И это не могло не проявиться в уравнениях.

Не проявилось.

Время стремительно уходило, и Нил понимал, что должен действовать. Во-первых, предупредить Адау Косту. Во-вторых, обеспечить сохранность документации. А лучше уничтожить ее. В компьютерах и графиках хранилась слишком уж важная информация. Нил не хотел, чтобы она попала в руки националистов. Но как это сделать?

Среди многочисленных ящиков и коробок стоял один, крепкий, тяжелый, к которому Нил никогда не подходил. Ящик этот принадлежал Косте, и агент ООН не открывал его, если напарник находился рядом. Нил глянул на электронные замки, и сердце его упало. Однако, стоило ему потянуть крышку, она легко поднялась. Закрывая ящик последний раз, Коста не активировал замки. А забывчивостью он не страдал. Должно быть, предположил, что Нилу может понадобиться содержимое ящика, и обеспечил к нему свободный доступ.

Внутри Нил нашел то, что и ожидал. Гранаты, стрелковое оружие, какие-то полированные устройства, не имеющие другого предназначения, кроме как убивать. Глядя на них, Нил думал о том, что потерпел сокрушительное поражение. Всю свою жизнь он посвятил борьбе за мир, за сохранение мира. Он ненавидел насилие, с которым человек, похоже, родился, презирал лицемерные постулаты, вроде утверждения, что цель оправдывает средства. Он и насилие не могли иметь ничего общего.

Нил наклонился и взял черный пистолет.

В этом компактном арсенале нашелся еще один знакомый ему предмет: мина с часовым механизмом. Это устройство подробно изучалось в университете, поскольку все понимали, что может возникнуть ситуация, когда оборудование и документацию лучше уничтожить, чем отдать в чужие руки. С тех пор ему ни разу не доводилось видеть такую мину, но урок он усвоил хорошо. Нил пододвинул ящик с арсеналом поближе к главному компьютеру, установил на циферблате мины пятнадцатиминутное замедление. Сунул пистолет в карман, включил часовой механизм взрывателя и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Он сжег за собой мосты. Теперь предстояло найти Адау Косту.

Ни его опыт, ни знания ничем не могли помочь. Он понятия не имел, с чего начать поиск, как его ускорить. И не смог придумать ничего лучшего, как пойти к штаб-квартире Общества защиты уроженцев Гиммеля в надежде перехватить Адау до того, как тот начнет реализовывать намеченный план.

В двух кварталах от нужного ему адреса он услышал вой сирен. Стараясь ничем не отличаться от других пешеходов, обернулся, проводил взглядом колонну бронетранспортеров и грузовиков. Набитые вооруженными полицейскими, в вое сирен, машины пронеслись по темной улице. Нил продолжил путь.

Улицу, на которую он хотел свернуть, перекрыла полиция. Он прошел мимо в толпе пешеходов, лишь раз повернул голову. Автомобили и люди стояли около одного из домов. Нил не сомневался, что номер его — 265. Похоже, операция провалилась.

Коста угодил в заранее расставленную ловушку? Или сработала система охранной сигнализации? Принципиальной разницы не было, в любом случае их деятельность привлекла внимание. Нил едва переставлял ноги, полностью отдавая себе отчет в том, что в такой ситуации пользы от него — ноль. Пришло время решительных действий... но каких? Он знать не знал, где находится Коста, как и чем он может помочь своему напарнику.

Миновав полквартала, Нил обнаружил неохраняемый проулок. Без раздумий свернул в него. Проулок мог вывести его к нужному дому. Может, Коста все еще там. Может, он, Нил, сумеет его найти, вытащит из западни.

У заднего фасада дома 265 царили темнота и покой. Нил тщательно просчитал дома, чтобы убедиться, что не ошибся номером. Дверную арку нашел на ощупь. Привалился к двери, потянул рукоятку, повернул ее. Заперто, как он, собственно, и ожидал.

Внезапно за его спиной темную аллею залил яркий свет. Глаза Нила автоматически закрылись, но он разлепил веки, борясь с резью. С двух концов в аллею били лучи мощных прожекторов. Теперь в ловушку угодил и он.

Но прежде чем страх взял над ним верх, Нил увидел на земле кровавые пятна. Числом три, большие блестящие, ведущие к лестнице в подвал.

Когда прожектора погасли, Нил упал на грязный, покрытый трещинами асфальт. Темнота означала, что полиция с двух сторон двинулась в аллею, беря его в клещи. Нил прекрасно пони-

мал, какая участь ждала в такой ситуации вооруженного землянина. Его это не волновало. Страх не то чтобы ушел, просто не было времени обращать на него внимание. У Нила еще оставалась надежда вызволить Косту из ловушки, в которую тот угодил по его милости.

Несмотря на темноту, он без труда нашел первое кровавое пятно. Размазал кровь рукавом, другой рукой набрал пыли и грязи и засыпал пятно. Покончив с этим, передвинулся ко второму.

Время работало против него, а он не знал, сколько прошло секунд, минут, часов. Он мог пролежать на грязном асфальте с минуту, а мог — и полчаса. И он понимал, что нельзя издавать ни звука: с двух сторон к нему приближались враги.

После того как с асфальта исчезло второе пятно, Нила вдруг охватил страх: он не мог найти третьего. Наконец, нащупал его, гораздо дальше, чем ожидал. Отпущенное ему время истекло. Но он заставил себя сначала вытереть пятно рукавом, а потом засыпать пылью. И только тогда скользнул вниз, по лестнице, которая вела к двери подвала.

Все происходило очень уж быстро. Только он глубоко вдохнул, как пронзительная трель свистка едва не парализовала его. Послышались торопливые шаги, вновь вспыхнул мощный прожектор. Шаги ускорились, мимо Нила, на расстоянии вытянутой руки, пробежал мужчина. В рваной одежде, нестриженный, бородатый. Большого Нил разглядеть не успел. Загremели выстрелы, мужчина упал.

Какой-то бродяга поплатился за то, что выбрал для ночлега не самое удачное место. Но его смерть позволила Нилу выиграть время. Он повернулся и увидел перед собой дуло пистолета.

Но Нил уже перестал бояться, слишком много переживаний выпало на его долю за столь короткий отрезок времени. Он тупо смотрел на мушку и вдруг осознал, что на этот раз бояться просто нечего.

— Это я, Адау, — прошептал он. — Теперь все будет хорошо.

— А-а-а, это ты... — донеслось из темноты, пистолет исчез. — Подними меня, чтобы я мог добраться до двери. Самому мне не под силу.

Нил наклонился, нащупал плечи Косты, медленно поднял его на ноги. Глаза уже привыкали к свету наверху, он видел, что Коста держит в руке какой-то металлический предмет. Вторую руку агент ООН прижимал к боку. Пистолет куда-то поде-

вался. Металлический предмет лишь отдаленно напоминал ключ, но воспользовался им Коста именно как ключом: повернул в замке, и дверь распахнулась под их весом. Нил перетащил Косту через порог. Положил на пол. Прежде чем закрыть дверь, протянул руку и нащупал на бетоне лужу крови.

Он уже слышал приближающиеся шаги, но двумя рукавами затер кровь, набросал на пятно какого-то мусора и лишь после этого отпрянул и осторожно закрыл дверь. Тихонько шелкнул замок.

— Я не знаю, как тебе это удалось, но я рад, что ты меня нашел, — едва слышно прошептал Коста.

— Нашел-то я тебя совершенно случайно, — в голосе Нила слышалась горечь. — Если бы не моя глупость, ты бы не попал в ловушку.

— Об этом не волнуйся, я знал, куда иду. Но не мог не пойти. Должен был убедиться, что это действительно ловушка.

— Ты подозревал, что Хенгли... — у Нила перехватило дыхание. Он знал, что хотел сказать, но язык отказывался произнести столь чудовищные слова. А вот Косте они дались без труда.

— Да. Дорогой Хенгли, выпускник университета и практикующий социэтик, — предатель. Милитарист, каких свет не видывал, потому что он знал, чем и как воздействовать на общественное сознание. Раньше такого не случалось... но всегда был шанс... груз ответственности слишком велик... вот Хенгли и не выдержал... — Коста затих, а потом вдруг заговорил вновь, куда как громче, словно вдруг набрался сил. — Нил!

— Все нормально. Не волнуйся...

— Далекое не нормально! Неужели ты не понимаешь, что я посылаю донесения, так что и ООН, и социэтики найдут способ выправить ситуацию. Но Хенгли может начать войну до того, как они придут сюда. Я уже вышел из игры, но я могу сказать тебе, с кем связаться, кто тебе поможет. Чтобы удержать к-фактор...

— Толку в этом не будет, — тихим голосом возразил ему Нил. — Профилактическими мерами уже не помочь. А кроме того, я все взорвал. Все компьютеры и документы...

— Дурак! — впервые в голосе Косты послышалась боль.

— Нет. Я был дураком — теперь нет. Полагая, что это обычная социэтическая проблема, я проигрывал на каждом ходу. Ты должен понимать методологию социэтики. Для хорошего оператора не существует взаимосвязей, которых нельзя обна-

ружить. Хенгли готовился к тому, что будет проведено еще одно базисное обследование. Нашу операцию легко обнаружить, если знать, куда... и как... смотреть. Получение информации означает некий контакт, а контакт при желании всегда можно засечь. Он знал, где мы находимся, и лишь выжидал. Но наше время истекло, когда он понял, что сбор информации закончен и мы готовы приступить к действиям. Поэтому я уничтожил нашу базу и сбил его со следа.

— Но... тогда мы беззащитны. Что мы можем сделать?

Нил знал ответ, но слова опять не ложились на язык. Он понимал, стоит их произнести, и обратного хода уже не будет. И тут до него дошло, что он напрочь забыл про рану Косты.

— Извини... Я забыл, что ты ранен. Чем я могу тебе помочь?

— Ничем, — отрезал Коста. — Рану я перевязал, так что говорить тут не о чем. Отвечай на мой вопрос. Что нам остается? Что мы можем сделать?

— Я должен убить Хенгли. Тогда удастся спокойно дождаться группы поддержки.

— Но какой от этого прок? — Коста пытался разглядеть лицо Нила в темноте подвала. — Ты же сам говорил мне, что убийством войну не предотвратить. Один человек ничего не значит.

— Только в нормальной ситуации, — объяснил Нил. — Борьбу между планетами можно рассматривать как небесную шахматную партию. У нее есть свои правила. Ранее, говоря об индивидуумах, я имел в виду шахматные фигуры. Теперь я предлагаю совсем иное решение. Я собираюсь выиграть шахматную партию неординарным способом. Застрелив шахматиста.

Долгое время тишину нарушало лишь их дыхание. Потом Коста шевельнулся, и тут же что-то металлическое легонько стукнуло о дверь.

— Вообще-то это моя работа, — прошептал Коста, — но сейчас мне она не под силу. Ты прав, это надо сделать. Но я могу тебе помочь спланировать операцию, чтобы ты смог добраться до Хенгли. Шансов у тебя, возможно, побольше, чем у меня, потому что ты — дилетант, о чем им доподлинно известно. Слушай внимательно, потому что времени у нас в обрез.

Нил не спорил. Он знал, что надо сделать, а Коста мог объяснить как. Инструкции запоминались легко, оружие он рассовывал, следуя указаниям Косты.

— Как только ты выйдешь из этого здания, сразу иди к Хенгли, — говорил Коста. — Сейчас он торжествует, а потому бди-

тельность у него притупилась. А потом, как только покончишь с ним, затаись. И не высовывай носа как минимум три дня. Только потом начинай искать названных мною людей. К тому времени обстановка должна несколько успокоиться.

— Мне не хочется оставлять тебя здесь, — в голосе Нила слышалась озабоченность.

— Это наилучший вариант, более того, единственный. Тут я в безопасности. Да, я ранен, но у меня достаточно лекарств, чтобы оклематься и выбраться отсюда самостоятельно.

— Если уж мне надо прятаться, я спрячусь здесь. И буду заботиться о тебе.

Коста не ответил. Они уже обо всем переговорили. Обменялись рукопожатием, и Нил начал выбираться из подвала.

Немного поплутав, попал в вестибюль. С опаской взялся за ручку входной двери. Коста не сомневался, что Нилу удастся выйти незамеченным, но у него самого такой уверенности не было. Конечно же, улица будет патрулироваться полицией. И лишь открывая дверь, понял, на чем основывались слова Косты.

За его спиной загревели выстрелы. Значит, у Косты был еще один пистолет. Он не стал говорить Нилу о том, что отвлечет полицию и обеспечит его отход. По улице пронесся автомобиль. Как только он скрылся за поворотом, Нил выскользнул из двери, пересек улицу и направился к ближайшей станции подземки. На большинстве станций имелись комнаты отдыха, оборудованные душевыми и химчистками.

Часом позже он добрался до дома Хенгли. Помывшийся, гладко выбритый, в чистой одежде, чувствовал он себя гораздо увереннее. Никто не остановил его, даже не заметил. В подъезде не было ни души, лифт доставил его на нужный этаж, когда он назвал фамилию Хенгли. Лишь у двери его пронзил страх. Очень уж легко он добрался до цели. Нил коснулся пальцами ручки, повернул. Дверь открылась. Глубоко вдохнув, он переступил порог.

Очутился в большой темной комнате. В дальней стене заметил открытую дверь, отсвет лампы, горящей где-то в глубине квартиры. Шагнул к двери, и тут же голову пронзила боль, перед глазами вспыхнули звезды и Нил повалился на ковер.

Сознания не потерял, но очень смутно помнил, что происходило с ним в первые минуты после удара. Когда окончательно пришел в себя, в комнате горел свет. Он лежал на спине. Над ним стояли двое мужчин. Один держал в руке короткий метал-

лический стержень, которым периодически похлопывал по другой ладони.

Вторым был Хенгли.

— Не с добром ты пришел к давнему другу, — Хенгли держал в руке пистолет Нила. — Ладно, заходи, я хочу с тобой поговорить.

Нил с трудом перевернулся на спину, начал подниматься. Голова раскалывалась от боли, но он приказал себе не обращать на нее внимания. Как бы невзначай коснулся щиколотки. Убедился, что миниатюрный пистолет, полученный от Косты, на месте. Может, Хенгли все же не так и умен.

— Я смогу с ним разобраться, — сказал Хенгли мужчине с металлическим стержнем. — Он — последний, так что ты можешь идти спать. Но рано утром я тебя жду, — мужчина кивнул и вышел.

Плюхнувшись на стул, Нил думал о том, что убийство Хенгли даже доставит ему удовольствие. Коста мертв, и ответственность за его смерть лежала на этом человеке. Ему даже не придется убивать друга. За прошедшие годы Хенгли сильно изменился. Набрал вес, отрастил окладистую бороду и усы. Нил наклонился вперед, пальцы его оказались рядом с рукояткой пистолета. Хенгли не мог видеть его руки: мешал стол. Оставалось только выхватить пистолет и открыть огонь.

— Пистолет можешь вытащить, но не пытайся стрелять, — Хенгли широко улыбался. Дуло его пистолета, солидного калибра, смотрело Нилу в грудь. Он наблюдал, как Нил вытаскивает из ботинка пистолет, швыряет в дальний угол. — Так-то лучше, — свой пистолет Хенгли положил на стол, чтобы он был под рукой. — Теперь мы можем поговорить.

— Мне нечего сказать тебе, Хенгли, — Нил в изнеможении откинулся на спинку стула. — Ты — предатель.

В приступе внезапной ярости Хенгли врезал кулаком по стулу.

— Не тебе говорить со мной о предательстве, миротворец! — взревел он. — Красться в квартиру с пистолетом в руке, чтобы убить друга! Что в этом мирного? Куда подевались принципы гуманизма, о которых ты так любил порассуждать, когда мы учились в университете?

Нил не слушал его слов, думал о том, что говорил ему Коста. Он умер, но разработанная им операция продолжалась. Все шло по плану.

«Заходи в квартиру, — наказывал ему Коста. — Он тебя не убьет. Во всяком случае, сразу. Он — самый одинокий человек

во Вселенной, потому что продал один мир ради другого, который еще не завоевал. И нет никого, кому он мог бы открыть душу. Он знает, что ты пришел, чтобы убить его, но не устоит перед искушением сначала поговорить с тобой. Особенно если дашь ему возможность взять над собой верх. Но его победа не должна быть легкой. Пусть думает, что перехитрил тебя. Так что маленький пистолет придется очень кстати. Он обрадуется, сумеет обнаружить и его, и на какое-то время ослабит бдительность. Ненамного, но ослабит. И этого времени тебе должно хватить, чтобы убить его. Не тяни. Воспользуйся первой же возможностью».

Боковым зрением Нил видел радиодинамик, прикрепленный к нагрудному карману пиджака. Чуть потрепанный, ничем не отличающийся от тысяч и миллионов других, которыми пользовались все и каждый, практически такой же, что и радиодинамик на пиджаке Хенгли. Универсальная примета времени, как ключи и мелочь в карманах.

Только радиодинамик Нила был смертоносным оружием, продуктом секретных лабораторий, специализирующихся на внезапной смерти. От Нила требовалось одно: сократить расстояние между радиодинамиком и Хенгли до минимума. Радиус действия малютки составлял два фута. Радиодинамик активировался, если в этой зоне оказывалась любая часть тела жертвы.

— Могу я задать тебе вопрос, Хенгли? — прервал он разглашательства своего врага.

Хенгли недовольно поморщился, потом кивнул:

— Валяй. Что тебя интересует?

— Очевидное. Зачем ты это сделал? Я хочу сказать, перебежал на другую сторону, оставил созидательную работу ради... ради разрушительного предательства.

— Много ты в этом понимаешь! — проорал Хенгли. — Позитивная работа, разрушительное предательство. Война. Мир. Это всего лишь слова, и мне понадобились годы, чтобы это понять. Что может быть более созидательного, чем вознести себя... и эту планету на вершину могущества? Это в моей власти, и я это сделаю!

— Власть — вот оно, ключевое слово. — Нил вдруг почувствовал безмерную усталость. — Мы покорили звезды, но не расстались со своими мелкими страстишками. Наверное, в них нет ничего плохого, если мы держим их при себе. Беда прихо-

дит, когда мы начинаем навязывать их другим. Что ж, с этим покончено. Во всяком случае, на этот раз.

Одним движением он сдернул радиодфон с пиджака и бросил на стол Хенгли.

— Прощай!

Маленький механизм запрыгал по столу, и Хенгли отпрянул, взвывая, как раненый зверь. Схватил пистолет, попытался одновременно выстрелить и в радиодфон, и в Нила. Опоздал. Радиодфон зажужжал раньше.

Нил подпрыгнул. Даже он почувствовал легкий электрический удар. Хотя получил лишь микроскопическую дозу направленного излучения.

Потому что весь удар пришелся на Хенгли. Активированное поле устройства сканировало его нервную систему и точно настроилось на микрочастоту, по которой передавались сигналы в эфферентной нервной системе. А закончив настройку, нанесло энергетические удары.

Последствия были ужасными. Каждое нервное волокно отреагировало по максимуму. И все мышцы сократились, следуя полученным командам.

Нил закрыл глаза, прикрыл их рукой, отвернулся. Не мог он на это смотреть. Эпилептический припадок иной раз приводил к тому, что от одновременного сокращения мышц-сгибателей и разгибателей у человека ломалась рука или нога. У Хенгли сократились все сгибатели и разгибатели. Последствия были ужасны.

Нил пришел в себя уже на улице. Бежал, не разбирая дороги. Перешел на шаг, огляделся. Занималась заря, на улицах не было ни души. Впереди светился вход на станцию подземки, Нил направился к нему. Беда миновала, при условии, что он будет соблюдать осторожность.

Задержавшись на верхней ступени лестницы, Нил полной грудью вдохнул свежий воздух нового утра. Мелодичный сигнал возвестил о приближении поезда. Восходящее солнце залило небо кровью.

— Кровь! — воскликнул Нил. — Неужели мы по-прежнему должны убивать? Разве нет другого пути?

Виновато оглядел пустынную улицу, но его никто не слышал.

Перескакивая через ступеньку, Нил сбежал по лестнице на платформу подземки.

ДОРОГА В 3000 ГОД

Третье тысячелетие оставило заметный след в истории человечества. Среди достижений сразу приходят на ум межгалактические экспедиции — все тринадцать. Начались они удачно: все стартовали в положенный срок.

Разумеется, ни одна еще не вернулась...

Возможно, к наибольшим достижениям следует отнести и глобальное снижение выброса газов, вызывающих парниковый эффект. Настолько эффективное, что полярные шапки начали расти, а ледники двинулись вниз. И новая индустрия выращивания леса для его последующего сжигания, чтобы компенсировать поглощенный углекислый газ, выходит в число самых прибыльных.

Еще более интересным событием стала находка в 2688 году останков разумных существ, которые, возможно, посещали планету Плутон. В этой истории еще много загадок. Возможно, это ловкая мистификация. Истина пока скрыта во мгле.

Но вышеуказанные физические события, как и любые другие, имевшие место быть в третьем тысячелетии, уступают пальму первенства идее, теореме, уравнению, которые изменили все наше общество, всю нашу жизнь, все научные открытия, которые вкупе и образуют человеческую цивилизацию.

Рискуя прослыть педантом, я обращу ваше внимание ко Вселенной. Она существует. Она функционирует. Взаимодействия происходят на каждом микро- и макроуровне. Ученые наблюдают, изучают... и открывают. Животные Галапагосских островов мутировали тысячу лет, прежде чем туда прибыл Чарлз Дарвин. Тщательные наблюдения, точный анализ и привели к появлению «Происхождения видов».

Альберт Эйнштейн, разумеется, не изобрел энергию, ибо она существовала независимо от него, а ему оставалось лишь изучать и наблюдать. Опыт, интуиция и ум подвели итог этим наблюдениям, и родилась, казалась бы, очень простая формула $E=mc^2$.

Это всего лишь два примера из тысяч, миллионов открытий, которые демонстрируют, как умение наблюдать позволяет открыть секреты природы. Но события эти в высшей степени случайные, и мы должны только изумляться, как много удалось открыть при столь бессистемном подходе.

И теперь, приближаясь к окончанию третьего тысячелетия и с нетерпением ожидая чудес четвертого, мы обязаны благодар-

но склонить головы перед мужчиной и женщиной, которые открыли и сформулировали для человечества механизм совершенных открытий.

Мы все знакомы с титановой скульптурой этой выдающейся пары, которая установлена на посадочной площадке лунных челноков в море Спокойствия, где они и встретились. Не просто встретились, но и разговорились, поскольку из-за фотонного шторма челнок запоздал на час. Штерн была профессором философии, специализировалась на интуитивной логике. Магнуссон, физик, прославился исследованиями тахионов. Вроде бы у них было мало общего, если не считать академического образования. А уж дисциплины, которым они уделяли все свое внимание, находились на противоположных полюсах знания.

Мы никогда не узнаем, с чего завязался их разговор. А хотелось бы! Но приходится довольствоваться малым: нам известно, что первые уравнения появились на обратной стороне конверта. Уравнения, рожденные плодотворным слиянием двух великих умов. И еще до приземления челнока была создана удивительная, практически универсальная теория.

Даже эта гениальная пара с благоговейным трепетом восприняла плод своих трудов. Магнуссон воспользовался формулой для определения скорости вращения тахиона, над чем он бился последний год. И определил ее в мгновение ока. Штерн попыталась с помощью формулы вывести зависимость между цикличностью солнечных пятен и весом мальчиков, рождающихся в Гренландии. И ахнула. Формула позволила решить и эту, казалось бы, неразрешимую задачу.

Остальное — достояние истории. Пользуясь этими семью математическими символами, человечество упорядочило словарь англосаксонского языка, предсказывало землетрясения и цунами, находило доселе не открытые запасы нефти, избавилось от транспортных пробок... и двинулось от блистательного прошлого к судьбоносному будущему. Ни одна научная дисциплина не устояла перед несокрушимой логикой этого уравнения. Уравнение Штерн — Магнуссона — величайшее открытие человечества, открытие, освободившее человечество.

Разумеется, мы все выучили его в школе. Но снова и снова готовы повторить его, потому что овчинка стоит выделки.

Вот оно, уравнение Штерн — Магнуссона...

СОСЕДИ

Томас Диш составлял антологию мрачных рассказов на тему экологических и социальных катастроф, грозящих миру в будущем. В то время произведения, повествующие о перенаселенности, были довольно малочисленны — по крайней мере произведения, которые пришлось бы ему по вкусу и затрагивали самые острые проблемы. Прочитав мой роман «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», он понял, что это как раз то, что ему нужно, — жесткий реалистический взгляд на недалекое будущее, тот самый предостерегающий палец, которым помахивают перед читателем. Пусть увидит, что его ждет, если эту неотложную проблему пустить на самотек.

Но у меня имелся роман, а Тому для антологии требовался рассказ. Он выделил в романе некоторые главы и страницы, способные, по его мнению, составить рассказ, и написал мне о своей идее. Я согласился с тем, что в этом есть смысл, но, сложив водино отмеченные им куски, обнаружил, что им недостает нужной для рассказа непрерывности повествования.

Тогда я их почти полностью переписал. Одним из интересных результатов переделки — чего я до того момента не понимал — оказалась плотность фона повествования, весьма высокая для рассказа. Судите сами — перед вами образы, фон и замысел целого романа, сжатые в рассказ.

ЛЕТО

Августовское солнце било в открытое окно и жгло голые ноги Эндрю Раша до тех пор, пока это неприятное ощущение не вытащило его из глубин тяжелого сна. Очень медленно он начал осознавать, что в комнате жарко и что под ним влажная, усыпанная песчинками простыня. Он потер слипшиеся веки и полежал еще немного, уставясь в потрескавшийся грязный потолок. В первые мгновения после сна он не мог сообразить, где находится, хотя прожил в этой комнате более семи лет. Потом он зевнул, и, пока шарил рукой в поисках часов, которые всегда клал перед сном на стул рядом с кроватью, странное ощущение растерянности прошло. Энди снова зевнул и, моргая, взглянул на стрелки часов с поцарапанным стеклом. Семь... Семь утра, и маленькая цифра «девять» в середине квадратного окошка — понедельник, девятое августа 1999 года. Семь утра, а уже жар-

ко, как в печи: город словно замер в душных объятиях жары, которая одолевала Нью-Йорк вот уже десять дней. Энди почесался и подмял подушку под голову. Из-за тонкой перегородки, делившей комнату надвое, послышалось жужжание, быстро перешедшее в пронзительный визг.

— Доброе утро, — произнес он громко, пытаясь перекрыть этот звук, и закашлялся.

Кашляя, Энди нехотя встал и побрел в другой конец комнаты, чтобы налить стакан воды из настенного бачка. Вода потекла тонкой коричневой струйкой. Энди сделал несколько глотков, потом постучал костяшками пальцев по окошку счетчика на бачке, стрелка которого дрожала почти у самой отметки «Пусто». Не забыть бы наполнить бачок до того, как он уйдет к четверем на дежурство в полицейский участок. День начался.

На дверце покосившегося шкафа висело зеркало во весь рост, треснувшее снизу доверху. Энди почти уткнулся в него лицом, потирая заросшую щетиной щеку. Перед уходом надо будет побриться. «Не стоит смотреть на себя, голою и неопрятного, в зеркало спозаранку», — подумал он неприязненно, хмуро разглядывая свои кривоватые ноги, обычно скрытые брюками, и мертвенно-бледную кожу. Ребра торчат, как у голодной клячи... И как он только умудрился при этом отрастить живот? Он потрогал дряблые мышцы и решил, что все дело в крахмалосодержащей диете и сидячем образе жизни. Хорошо хоть не полнеет лицо. Лоб с каждым годом становится все выше и выше, но это как-то не очень заметно, если стричь волосы коротко. «Тебе всего тридцать, — подумал он, — а вокруг глаз уже столько морщин. И нос у тебя слишком большой. Кажется, дядя Брайен говорил, что это из-за примеси уэльской крови. И передние зубы у тебя выступают больше, чем положено, отчего, улыбаясь, ты немного похож на гиену. Короче, Энди Раш, ты настоящий красавчик, и странно, что такая девушка, как Шерл, не только обратила на тебя внимание, но даже поцеловала». Он скорчил своему отражению рожу и пошел искать платок, чтобы высморкать свой выдающийся уэльский нос.

Чистые трусы в ящике оказались только одни; он натянул их и напомнил себе еще об одном деле на сегодня — обязательно постирать. Из-за перегородки все еще доносился пронзительный визг. Энди толкнул дверь и вошел.

— Ты так работаешь себе сердечный приступ, Сол, — об-

ратился он к мужчине с седой бородой, сидящему на велосипеде без колес.

Мужчина с ожесточением крутил педали; по его груди градом катился пот и впитывался в повязанное вокруг пояса полотенце.

— Никогда, — выдохнул Соломон Кан, не прекращая работать ногами. — Я делал это каждый день так долго, что моему моторчику скорее всего не поздоровится, если я вдруг перестану. Опять же, в моих сосудах нет холестерина, потому что регулярные алкогольные промывания этому способствуют. И я не заболел раком легких, поскольку не могу позволить себе курить, даже если бы хотел, но я еще и не хочу. В семьдесят пять лет у меня нет простатита, потому что...

— Пожалуйста, Сол, избавь меня от таких подробностей на голодный желудок. Ты не одолжишь мне кубик льда?

— Возьми два — сегодня жарко. Но не держи дверцу открытой слишком долго.

Энди открыл маленький низенький холодильник у стены, быстро достал пластиковую коробочку с маргарином, затем вынул из формочки два кубика льда, бросил в стакан и захлопнул дверцу. Наполнил стакан водой из бачка и поставил на стол рядом с маргарином.

— Ты уже ел? — спросил он.

— Сейчас я к тебе присоединюсь. Эти штуки, должно быть, уже зарядились.

Сол перестал крутить педали, визг перешел в стон и затих. Он отсоединил провода генератора от задней оси велосипеда и аккуратно сложил их рядом с четырьмя черными автомобильными аккумуляторами, стоявшими на холодильнике. Затем вытер руки о грязное полотенце, придвинул к столу сиденье от допотопного «Форда» модели 75-го года и сел напротив Энди.

— Я слушал шестичасовые новости, — сказал он. — Старики проводят сегодня еще один марш протеста. Вот где будет много сердечных приступов!

«Слава богу, я на дежурстве с четырех, и Юнион-сквер не в нашем районе». Энди открыл маленькую хлебницу, достал красный крекер размером не более шести квадратных дюймов и пододвинул хлебницу Солу. Потом намазал на крекер тонкий слой маргарина, откусил кусочек и, сморщившись, принялся жевать.

— Я думаю, что маргарин уже испортился.

— Как это ты определяешь, интересно? — хмыкнул Сол, кусая сухой крекер. — По-моему, все, что делается из машинного масла и китового жира, испорчено с самого начала.

— Ты говоришь, как натуралист, — заметил Энди и запил крекер холодной водой. — У жиров, получаемых из нефтепродуктов, почти нет запаха, и ты сам прекрасно знаешь, что китов совсем не осталось и китовый жир взять неоткуда. Это обычное хлорелловое масло.

— Киты, планктон, селедочное масло — это все одно и то же. Все отдает рыбой. Я лучше буду есть крекеры всухомятку, зато у меня никогда не отрастут плавники... — Неожиданно в дверь быстро постучали. — Еще восьми нет, а они уже посылают за тобой, — простонал Сол.

— Это может быть кто угодно, — сказал Энди, направляясь к дверям.

— Это стучит курьер, и ты знаешь об этом не хуже меня. Я готов спорить на что угодно. Ну вот видишь? — Сол с мрачным удовлетворением кивнул, когда за дверью в полутьме коридора обнаружился тощий босоногий курьер.

— Что тебе надо, Вуди? — спросил Энди.

— Мне ничего не нужно, — прошепелявил Вуди, разевая беззубый рот. Ему было всего двадцать с лишним, а во рту уже не осталось ни одного зуба. — Лейтенант сказал: «Неси» — я и принес.

Он вручил Энди складную дощечку с сообщением, на обороте которой значилось его имя.

Энди повернулся к свету и стал разбирать каракули лейтенанта, после чего взял кусок мела, нацарапал под сообщением свою фамилию и отдал дощечку курьеру. Закрыв за ним дверь, он вернулся к столу и, задумчиво нахмурившись, принялся доедать завтрак.

— Не надо на меня так смотреть, — сказал Сол. — Не я же тебя вызвал... Я буду прав, если предположу, что это не самое приятное задание?

— Это старики. Они уже запрудили всю площадь, и соседний участок требует подкреплений.

— Но почему ты? Похоже, это занятие для рабочей скотины.

— Рабочая скотина! Откуда у тебя этот средневековый жаргон? Конечно, там нужны патрули — усмирять толпу, но нужны и детективы, чтобы выявить агитаторов, карманников, гра-

бителей и прочих. Там сегодня будет черт знает что! Мне приказано явиться к десяти, так что я еще успею сходить за водой.

Энди неторопливо надел брюки и широкую спортивную рубашку, потом поставил на подоконник банку с водой, чтобы погрелась на солнце. Взял две пятигаллоновые пластиковые канистры. Сол оторвался от телевизора и взглянул ему вслед поверх старомодных очков.

— Когда вернешься с водой, я приготовлю тебе выпить. Или, может, еще слишком рано?

— Сегодня у меня такое настроение, что в самый раз.

Когда дверь квартиры была закрыта, в коридоре царила крошечная темнота. Ругаясь, Энди стал ощупью пробираться вдоль стены к лестнице. По дороге он едва не упал, споткнувшись о кучу мусора, выброшенного кем-то на пол. Этажом ниже в стене была пробита дыра, в которую пробивался свет, и Энди без проблем преодолел оставшиеся два пролета. После сырого подъезда жара на Двадцать пятой улице нахлынула на него волной удручающей вони: пахло гнилью, грязью и невымытыми человеческими телами. На крыльце сидели женщины. Пришлось пробираться между ними, стараясь в то же время не наступить на играющих ребятшек. На тротуаре, куда еще падала тень, толпилось столько людей, что Энди был вынужден пойти по мостовой, подальше обходя высокие кучи мусора, наваленные вдоль дороги. От жары, стоявшей несколько дней, асфальт плавился и прилипал к подошвам ботинок. К красной колонке гидранта на углу Седьмой авеню, как обычно, тянулась очередь. Когда Энди подошел поближе, очередь вдруг распалась. Послышались сердитые выкрики. Кое-кто стал размахивать кулаками. Вскоре люди разошлись, все еще бормоча, и Энди увидел, как дежурный полисмен запирает стальную дверь.

— Что происходит? — спросил он. — Я думал, что гидрант работает до полудня.

Полицейский обернулся, привычно схватившись за пистолет, но, узнав детектива со своего участка, сдвинул форменную фуражку на затылок и стер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Только что получил приказ от сержанта. Все гидранты закрываются на двадцать четыре часа. Засуха. В резервуарах низкий уровень воды, так что приходится экономить.

— Ничего себе приказ, — сказал Энди, глядя на торчавший в замке ключ. — Мне сегодня идти на дежурство, значит, я останусь без воды на целых два дня...

Осторожно оглядевшись, полицейский отпер дверь и взял у Энди одну канистру.

— Одной тебе пока хватит. — Он сунул ее под кран и, пока канистра наполнялась, добавил, понизив голос: — Ты никому не рассказывай, но прошел слух, что на северной окраине города снова взорван акведук.

— Опять фермеры?

— Должно быть. До перехода в этот округ я патрулировал акведуки — работенка не сахар, должен тебе сказать. Они запросто могут взорвать тебя вместе с акведуком. Говорят, город, мол, крадет у них воду.

— У них ее и так достаточно, — сказал Энди, забирая полную канистру. — Больше чем нужно. А здесь, в городе, тридцать пять миллионов человек, и все хотят пить.

— Кто спорит? — вздохнул полицейский, захлопнул дверь и запер ее на замок.

Снова пробравшись сквозь толпу на ступеньках, Энди пошел на задний двор. Все гуалеты оказались заняты — пришлось ждать. Когда наконец один освободился, Энди потащил канистры с собой в кабинку, иначе кто-нибудь из детей, игравших среди куч мусора, наверняка украл бы их.

Одолев темные лестничные пролеты еще раз, Энди открыл дверь и услышал чистый звук ледяных кубиков в стакане.

— У тебя тут прямо Пятая симфония Бетховена, — сказал он и, поставив канистры, упал в кресло.

— Это моя любимая мелодия, — отозвался Сол, доставая из холодильника два охлажденных стакана.

Торжественно, словно исполняя религиозный ритуал, он бросил в каждый из них по крошечной, похожей на жемчужину, луковичке. Один стакан он вручил Энди, и тот осторожно глотнул холодную жидкость.

— Когда я пробую что-нибудь вроде этого, Сол, то в такие минуты почти верю, что ты все-таки не сумасшедший. Почему эта штука называется «Гибсон»?

— Тайна, покрытая мраком. Почему «Стингер» — это «Стингер», а «Розовая леди» — это «Розовая леди»?

— Не знаю. Никогда не пробовал.

— Я тоже не знаю, но так уж они называются. Как та зеленая мешанина, что продают в «обалделовках», — «Панама». Просто название, которое ничего не значит.

— Спасибо, — сказал Энди, осушив стакан. — День кажется мне уже не таким плохим.

Он прошел на свою половину комнаты, достал из ящика пистолет в кобуре и прицепил к поясу с внутренней стороны брюк. Значок полицейского болтался на кольце вместе с ключами — там Энди всегда его и держал. Сунув в карман записную книжку, он на мгновение задумался. День предстоял долгий и трудный, и все могло случиться. Он достал из-под стопки рубашек наручники и мягкую пластиковую трубку, наполненную дробью. Может пригодиться в толпе; к тому же, когда вокруг много людей, это даже надежнее. Опять же, новое предписание экономить боеприпасы. Чтобы тратить патроны, нужно иметь на это весьма вескую причину. Энди вымылся как мог пинтой воды, нагретой на подоконнике от солнца, и принялся тереть лицо кусочком шершавого, словно с песком, мыла. На бритве с обеих сторон уже появились зазубрины, и, подтачивая ее о край столика, Энди подумал, что пора доставать где-то новую. Может быть, осенью.

Когда он вышел из своей комнаты, Сол старательно поливал ряды каких-то трав и крохотных луковиц, растущих в ящике на окне.

— Смотри, чтобы тебе не подсунули деревянный пятак, — произнес он, не отрываясь от своего занятия.

Пословиц Сол знал миллион. И все старые. Но что такое «деревянный пятак»?

Солнце поднималось все выше и выше, и в асфальтово-бетонном ущелье улицы становилось все жарче. Полоска тени от здания угла стала уже, и в подъезд набилось столько людей, что Энди едва протиснулся к дверям. Он осторожно пробрался мимо маленькой сопливой девчонки в грязном нижнем белье и спустился еще на одну ступеньку. Толстые женщины неохотно отодвигались, даже не глядя на него, зато мужчины смотрели с холодной ненавистью, словно отпечатавшейся на их лицах, отчего все они казались ему похожими — будто из одной злобной семьи. Наконец Энди выбрался на тротуар, где ему пришлось переступить через вытянутые ноги лежавшего старика. Старик выглядел не спящим, а скорее мертвым, что, впрочем, было вполне вероятно. От его грязной ноги тянулась веревка, к которой привязали голого ребенка. Такой же грязный, как и старик, ребенок сидел на асфальте и бездумно грыз край гнутой пластиковой тарелки. Веревка, пропущенная под руками-тро-

стинками, была завязана у него на груди, над вздувшимся от голода животом.

Даже если старик умер, это не имело никакого значения: единственное, что от него требовалось, — это служить своеобразным якорем для ребенка, а такую работу он мог с одинаковым успехом выполнять как живой, так и мертвый.

На улице Энди вспомнил, что снова не сказал Солу о Шерл. Это было бы несложно, но он, словно избегая разговора, продолжал забывать. Сол часто рассказывал, каким жеребцом он был и как развлекался с девчонками, когда служил в армии. Он поймет.

Они ведь всего лишь соседи. Не больше. Друзья, конечно. И если он приведет девушку, которая будет с ним жить, это ничего не изменит.

Почему же он опять ничего не сказал?

ОСЕНЬ

— Говорят, что такого холодного октября никогда не было. Я тоже не припомню. И дождь... Не настолько сильный, чтобы наполнить бак или еще что-нибудь, зато ходишь все время мокрая и от этого еще больше зябнешь. Разве не так?

Шерл кивала, почти не прислушиваясь к словам, но по интонации поняла, что ее о чем-то спросили. Очередь двинулась вперед, и она сделала несколько шагов за говорившей. Женщина, этакий бесформенный ком тяжелой одежды, прикрытый рваным пластиковым плащом, была подпоясана веревкой и от этого походила на туго набитый мешок. «Пожалуй, я выгляжу не лучше», — подумала Шерл и натянула на голову одеяло, пытаясь укрыться от непрестанной мороси. Совсем немного осталось, впереди всего несколько десятков человек. Стояние в очереди заняло гораздо больше времени, чем она думала: уже почти стемнело. Над автоцистерной загорелся свет и отразился в ее черных боках. Стало видно, как медленно сеется дождь. Очередь снова продвинулась. Женщина, стоявшая впереди Шерл, переваливаясь, потащила за собой ребенка — такой же, как и она сама, бесформенный ком; лицо укутано шарфом. Ребенок то и дело хныкал.

— Прекрати, — сказала женщина и повернулась к Шерл: красное, одутловатое лицо, почти беззубый рот. — Он плачет, потому что мы были у врача. Доктор думал, что у него что-то серьезное,

а всего-навсего квощ. — Она показала Шерл распухшую, словно надутую руку ребенка. — Это легко определить, когда они так распухают и на коленках появляются черные пятна. Чтобы попасть к врачу, пришлось просидеть две недели в клинике Бельвью, хотя он мне сказал то, что я и так уже знала. Но это единственный способ добыть рецепт. Получила талоны на ореховое масло. Мой старик его очень любит. А ты живешь в нашем квартале, да? Кажется, я тебя там уже видела.

— На Двадцать шестой улице, — ответила Шерл, снимая с канистры крышку и пряча ее в карман пальто. Ее знобило — похоже, она заболела.

— Точно. Я так и думала, что это ты. Без меня не уходи, пойдем домой вместе. Уже поздно, а тут полно шпаны — воду отбирают. Они всегда ее могут потом продать. Вот миссис Рамирес в моем доме... Она пуэрториканка, но вообще-то своя, их семья жила в этом доме со Второй мировой войны. Ей так подбили глаз, что она теперь ничего не видит, и вышибли два зуба. Какой-то бандит треснул ее дубинкой и забрал воду.

— Да, я подожду. Это неплохая идея, — сказала Шерл, внезапно почувствовав себя очень одинокой.

— Карточки! — потребовал полицейский, и она протянула ему три: свою, Энди и Сола.

Он поднес их к свету, затем вернул и крикнул человеку у крана:

— Шесть кварт!

— Как шесть? — возмутилась Шерл.

— Сегодня норма уменьшена, леди. Шевелитесь, шевелитесь! Вон сколько людей еще ждут!

Шерл подхватила канистру, человек сунул в нее шланг и включил воду, потом крикнул:

— Следующий!

Булькающая канистра казалась трагически легкой. Шерл отошла в сторонку и встала рядом с полицейским, поджидая женщину. Одной рукой та тянула за собой ребенка, в другой тащила пятигаллоновую и, похоже, почти полную канистру изпод керосина. Должно быть, у нее большая семья.

— Пошли, — сказала женщина.

Ребенок, тихо попискивая, тащился позади, вцепившись в руку матери.

Когда они свернули с Двенадцатой авеню в переулок, стало еще темнее, словно дождь впитывал весь свет. Здания вокруг —

в основном бывшие склады и фабрики — надежно укрывали своих обитателей за толстыми стенами без окон. Тротуары были мокрыми и пустынными. Ближайший уличный фонарь горел в следующем квартале.

— Вот задаст мне муж за то, что я пришла так поздно, — сказала женщина, когда они свернули за угол.

И тут дорогу им преградили два темных силуэта.

— Воду! Быстро! — приказал тот, что стоял ближе, и в свете далекого фонаря блеснуло лезвие ножа.

— Нет, не надо! Пожалуйста! — взмолилась женщина и спрятала канистру за спину.

Шерл прижалась к стене. Когда грабители подошли поближе, она увидела, что это мальчишки. Подростки. Но у них был нож.

— Воду! — велел первый, размахивая ножом.

— Получай! — взвизгнула женщина и взмахнула канистрой.

Грабитель не успел увернуться, и удар пришелся прямо ему по голове. Парень взвыл и рухнул на землю, выронив нож.

— И ты хочешь? — закричала женщина, надвигаясь на второго подростка. Тот был безоружен.

— Нет-нет, не хочу, — запричитал он, пытаясь оттащить приятеля за руку. Но когда женщина приблизилась, он бросил его и отскочил в сторону.

Она наклонилась, чтобы подобрать нож; в этот момент парень сумел поставить своего товарища на ноги и поволок его за угол. Все произошло за считанные секунды, и все это время Шерл стояла, прижавшись спиной к стене и дрожа от страха.

— Такого они не ожидали! — воскликнула женщина, восхищенно разглядывая старый нож для разделки мяса. — Мне он больше пригодится. Сопляки!

Она была возбуждена и явно довольна собой. За время стычки она ни разу не выпустила руку ребенка, и теперь тот расхныкался еще больше.

Оставшуюся часть пути преодолели без приключений, и женщина проводила Шерл до самой двери.

— Спасибо вам большое, — сказала Шерл. — Я не знаю, что бы я делала...

— Пустяки, — улыбнулась женщина. — Ты видела, как я его? И у кого теперь нож?

Она двинулась прочь, таща одной рукой канистру, а другой — ребенка.

— Где ты была? — спросил Энди, когда Шерл распахнула дверь. — Я уж думал, что с тобой что-нибудь случилось.

В комнате было тепло и пахло рыбой. Энди и Сол сидели за столом со стаканами в руках.

— Это из-за воды. Очередь растянулась на целый квартал. И мне дали только шесть кварт: норму опять урезали.

Она заметила, что Энди мрачен, и решила не рассказывать, что по дороге домой на них напали: Энди расстроится еще больше, а ей очень не хотелось портить ужин.

— Замечательно, — ехидно произнес Энди. — Норма и без того слишком мала, а они решили ее еще урезать... Снимай мокрую одежду, Шерл, Сол нальет тебе «Гибсона». Его самодельный вермут уже созрел, а я сегодня купил немного водки.

— Выпей, — сказал Сол, вручая Шерл холодный стакан. — Я приготовил суп из дрянного концентрата «Энергия». В любом другом виде он просто несъедобен. Суп у нас будет на первое, а потом... — Он многозначительно кивнул в сторону холодильника.

— Что такое? — спросил Энди. — Секрет?

— Не секрет, — ответила Шерл, открывая холодильник, — а сюрприз. Я купила их сегодня, каждому по одному. — Она вынула тарелку с тремя маленькими пирожками с начинкой «сойлент». — Это та самая новинка, которую сейчас рекламируют по телевизору, со вкусом копченого мяса.

— Они, должно быть, обошлись в целое состояние, — проворчал Энди. — Теперь нам придется голодать весь месяц.

— Не такие уж они и дорогие. Кроме того, я потратила свои деньги, а не те, что мы отложили на еду.

— Какая разница? Деньги есть деньги. На эту сумму мы могли бы жить, наверно, целую неделю.

— Суп готов, — объявил Сол, расставляя на столе тарелки.

Шерл молчала, чувствуя, что в горле у нее застрял комок. Она сидела, смотрела в тарелку и изо всех сил старалась не расплакаться.

— Извини, — сказал Энди. — Но ты же знаешь, как растут цены. Нужно думать о будущем. Городской подоходный налог стал еще выше — восемьдесят процентов, — пособий приходится платить все больше, так что этой зимой нам придется туго. Ты не думай, я тронут...

— Если это действительно так, то почему бы тебе не заикнуться и не заняться супом? — перебил его Сол.

— Не вмешивайся, Сол, — сказал Энди.

— Я не стану вмешиваться, если вы прекратите ссориться в моей комнате. Нечего портить такой замечательный ужин.

Энди хотел что-то сказать, но передумал и взял Шерл за руку.

— Сегодня у нас действительно хороший ужин, — пробормотал он. — Давай не будем...

— Не такой уж он хороший, — заметил Сол, проглотив ложку супа, и поморщился. — Сам сначала попробуй. Но зато пирожки отобьют этот мерзкий вкус.

Некоторое время они молча ели суп, потом Сол принялся рассказывать одну из своих армейских историй о Нью-Орлеане, такую смешную, что удержаться от смеха было просто невозможно, и вскоре настроение у всех заметно улучшилось. Сол разлил оставшийся «Гибсон», а Шерл принесла пирожки.

— Если бы я был совсем пьян, то решил бы, что это мясо, — заявил Сол, энергично пережевывая свою порцию.

— Нет, они действительно хороши, — сказала Шерл.

Энди кивнул. Шерл быстро доела пирожок и подобрала с тарелки подливку кусочком растительного крекера, затем отпила из стакана. Неприятное происшествие по дороге домой казалось совсем давним. Что эта женщина говорила про своего ребенка?..

— Ты знаешь, что такое «квош»? — спросила она.

— Какая-то болезнь. — Энди пожал плечами. — А почему ты спрашиваешь?

— Вместе со мной в очереди за водой стояла женщина, и мы с ней разговорились. Ее ребенок заболел этим самым «квошем». Я еще подумала, что ей не следовало бы тащить с собой больного ребенка в такой дождь. И потом, вдруг это заразно?

— Не волнуйся, — сказал Сол. — «Квош» — это сокращенно от «квошиоркора». Если бы ты интересовалась своим здоровьем и смотрела медицинские программы, как я, или читала книги, то знала бы про эту болезнь все. Она не заразна, потому что возникает от плохого питания, как бери-бери.

— Про такую болезнь я тоже никогда не слышала.

— Она нечасто встречается, зато квош — на каждом шагу. Им болеют при недостатке белков. Раньше он встречался только в Африке, но теперь распространился по всей территории Соединенных Штатов. А как же иначе? Мяса нет, чечевица и соевые бобы стоят слишком дорого, и потому мамыши пичкают

детей растительными крекерами, леденцами и всякой дешевой дрянью...

Лампа мигнула и погасла. Сол на ощупь добрался до холодильника и отыскал среди вороха проводов на нем выключатель. Вскоре загорелась тусклая лампочка, подключенная к аккумуляторам.

— Надо бы подзарядить, — сказал Сол, — да ладно, завтра. После еды вредно работать, это сказывается на пищеварении и циркуляции крови.

— Как хорошо, доктор, что вы здесь, — произнес Энди. — Мне нужен совет врача. У меня небольшая проблема. Дело в том... что все съеденное попадает ко мне в живот и...

— Забавно, мистер Шутник. Шерл, я не представляю, как ты его терпишь.

После еды все трое почувствовали себя лучше. И разговаривали до тех пор, пока Сол не заявил, что собирается выключить свет, чтобы аккумуляторы не сели. Маленькие кирпичики морского угля сгорели дотла, и в комнате опять стало прохладно. Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Энди пошел на свою половину за фонариком. Здесь было еще холоднее.

— Я ложусь, — сказала Шерл. — Вообще-то спать не хочется, но это единственный способ согреться.

Энди пощелкал выключателем.

— Света нет, а мне нужно бы кое-что сделать. Сколько времени у нас нет по вечерам света? Неделю?

— Давай я лягу, возьму фонарик и буду тебе светить, а?

— Пожалуй.

Энди раскрыл на комодe свой блокнот, рядом положил многоцветный бланк и принялся составлять рапорт. В левой руке он держал фонарик, время от времени сжимая его рукоятку, и тот испускал свет. В городе сегодня было спокойно: холод и дождь прогнали людей с улиц. Жужжание крохотного генератора в фонарике и поскрипывание пера по пластику звучали неестественно громко.

Шерл раздевалась при свете фонарика. Стянув с себя одежду, она задрожала от холода и быстро надела тяжелую зимнюю пижаму, штопаные-перештопаные носки, в которых спала, и толстый свитер. Простыни, ни разу не менявшиеся с тех пор, как начались перебои с водой, были холодными и влажными, хотя Шерл старалась проветривать их при любой возможности. Щеки ее оказались такими же влажными, как простыни, и,

приложив руку к лицу, она поняла, что плачет. Она старалась не всхлипывать, чтобы не мешать Энди: он ведь делает для нее все, что может...

Да, до того как она пришла сюда, все было по-другому; легкая жизнь, хорошая еда, теплая комната и личный телохранитель Таб, сопровождавший ее, когда она выходила на улицу. Она должна была спать и с ним пару раз в неделю. Она ненавидела эти минуты, ненавидела даже его прикосновения, но, по крайней мере, это происходило быстро. С Энди все не так, все хорошо, и ей очень хотелось, чтобы сейчас он был рядом. Шерл снова задрожала и, не в силах сдержаться, заплакала еще горше.

ЗИМА

Нью-Йорк находился на краю катастрофы. Вокруг каждого запечатого склада собирались огромные толпы. Голодные, испуганные люди искали виновных в происходящем. Гнев побуждал людей бунтовать, хлебные бунты превратились в водяные, было разграблено все, что только можно. Полиция, хлипкий барьер между злобным протестом и кровавым хаосом, боролась за порядок из последних сил.

Поначалу полицейские дубинки и ружейные приклады останавливали людей, но, когда это перестало помогать, для разгона толпы стали применять газы. Напряженность росла, поскольку люди, которых разгоняли в одном месте, тут же собирались в другом. Мощные струи воды из полицейских машин останавливали пытавшихся вломиться в участки социальной помощи, но машин не хватало, да и воды взять было неоткуда. Использовать речную воду запретил департамент здравоохранения: с таким же успехом можно было поливать людей ядом. Кроме того, вода была нужна и пожарным: в городе то и дело вспыхивали пожары. Часто их машины даже не могли проехать по перегороженным улицам, отчего приходилось делать долгие объезды. Иногда пожары распространялись так быстро, что к полудню все машины были в работе.

Первый выстрел раздался через несколько минут после полудня 21 декабря, когда охранник департамента социального обеспечения убил человека, который взломал окно продуктового склада на Томпкинс-сквер и пытался туда влезть. Это был

первый, но далеко не последний выстрел. И отнюдь не последний убитый.

Некоторые районы, где царили беспорядки, удалось окружить сбрасываемой с воздуха проволокой-путанкой, но ее тоже не хватало, и, когда запасы кончались, вертолеты продолжали беспомощно кружить над беспокойными кварталами, выполняя роль воздушных полицейских наблюдательных постов и определяя места, где срочно необходимы подкрепления. Что, впрочем, тоже было бесполезно, потому что подкреплений не осталось: все работали, как на передовой.

После первой стычки уже ничто не могло произвести на Энди сильного впечатления. Остаток дня и почти всю ночь он вместе с остальными полицейскими занимался тем, что получал и раздавал удары, стремясь восстановить порядок на улицах раздираемого побоищем города. Передохнуть ему удалось лишь раз, когда он случайно надышался газа от собственной гранаты, но сумел пробраться к машине департамента здравоохранения, где ему помогли. Медик дал ему таблетку против выворачивающей все внутренности тошноты и промыл глаза. Энди лежал на носилках внутри машины, прижимая к груди шлем, гранаты и дубинку, и постепенно приходил в себя. На других носилках у двери фургона сидел водитель машины с карабином 30-го калибра, готовый отпугнуть каждого, кто проявит слишком живой интерес к машине и ее ценному содержанию. Энди совсем не хотелось вставать, но в открытую дверь сочился холодный туман, и он начал дрожать так сильно, что у него застучали зубы. Он с трудом встал и выбрался из машины. Пройдя немного, Энди почувствовал, что ему стало немного лучше. И теплее. Нападавших уже отбили, и, морщась от запаха, пропитавшего его одежду, Энди направился к ближайшей группе людей в синей форме.

С этого момента усталость уже не оставляла его, в памяти сохранились только лица, искаженные криком, бегущие ноги, звуки выстрелов, визг, хлопки газовых гранат. Из толпы в него бросили чем-то тяжелым, и на руке остался огромный синяк.

К ночи пошел дождь, холодная морось вперемешку с мокрым снегом, и, видимо, вовсе не полиция, а погода и усталость прогнали людей с улиц. Но когда толпы рассеялись, полицейские обнаружили, что настоящая работа только начинается. Зияющие оконные проемы и выломанные двери необходимо было охранять до тех пор, пока их не починят, требовалось най-

ти раненых и оказать им помощь. Пожарный департамент остро нуждался в подкреплениях для борьбы с бесчисленными пожарами. Продолжалось это всю ночь, и лишь утром, услышав свою фамилию в списке, прочитанном лейтенантом Грассиоли, Энди немного пришел в себя, когда он полусидел-полулежал на скамье в полицейском участке.

— Это все, что я могу вам позволить, — добавил лейтенант. — Перед уходом всем получить пайки и сдать снаряжение. Вернуться к 18.00, и никаких отговорок! У нас еще много дел.

Ночью дождь кончился. Длинные утренние тени покрыли городские улицы, и восходящее солнце отражалось золотым гляncем в мокром асфальте. Сгоревший ночью особняк все еще дымился, и Энди пришлось пробираться через обуглившиеся развалины. На углу Седьмой авеню валялись обломки двух раздавленных велотакси, с которых все, что только можно, уже кто-то снимал. Чуть дальше, скрючившись, лежал человек. Сначала Энди почему-то подумал, что он спит, но, увидев его изуродованное лицо, понял, что его убили, и не стал останавливаться. Департамент санитарии его в любом случае сегодня подберет.

Первые «пещерные люди» выбирались из подземки, щурясь от солнечного света. Летом все смеялись над «пещерниками», для которых департамент социального обеспечения определил местом жительства станции давно прекратившего работать метро, но, когда наступили холода, веселье сменилось завистью. Может быть, там, внизу, грязно, пыльно и темно, но зато всегда работают несколько электрообогревателей. Не слишком шикарные условия, но по крайней мере департамент не дал им замерзнуть.

Энди свернул к своему дому. Поднимаясь по ступенькам, он несколько раз наступил на спящих, но от усталости не обратил на это никакого внимания и даже не заметил их. Потом он долго не мог попасть ключом в замок. Сол услышал и открыл сам.

— Я только что приготовил суп, — сказал он. — Ты как раз вовремя.

Энди достал из кармана обломки растительных крекеров и высыпал их на стол.

— Ты украл продукты? — спросил Сол, откусывая маленький кусочек. — Я думал, кормежку не будут выдавать еще два дня.

— Полицейский паек.

— Что ж, справедливо. На голодный желудок с народом не очень-то повоюешь. Я кину немного в суп, пусть хоть что-то в нем будет. Надо полагать, ты вчера не смотрел телевизор и, видимо, не знаешь, что творится в конгрессе. Там такое начинается...

— Шерл уже проснулась? — спросил Энди, стащив с себя плащ и тяжело свалившись в кресло.

Сол помолчал и тихо ответил:

— Ее нет.

— Куда же она ушла так рано? — спросил Энди, зевая.

— Она ушла еще вчера, Энди. — Сол продолжал помешивать суп, стоя к Энди спиной. — Через пару часов после тебя. И до сих пор не возвращалась...

— Ты хочешь сказать, что она была на улице во время беспорядков? И ночью тоже? А ты что делал? — Он выпрямился, забыв про усталость.

— А что я мог сделать? Пойти искать ее, чтобы меня затоптали, как других стариков? Я уверен, с ней ничего не случилось. Она наверняка услышала про беспорядки и решила остаться у друзей, чтобы не возвращаться в такое время.

— Какие друзья? О чем ты говоришь? Я должен найти ее.

— Сядь! — велел Сол. — Где ты собираешься ее искать? Поешь супу и выпись — это самое лучшее, что ты можешь сделать. Все будет в порядке. Я знаю, — добавил он нехотя.

— Что ты знаешь, Сол? — Энди схватил его за плечо и повернул к себе лицом.

— Руки! — прикрикнул Сол, отталкивая его, и спокойным голосом сказал: — Я знаю, что она пошла не просто так, а с какой-то целью. На ней было старое пальто, но я заметил под ним шикарное платье. И нейлоновые чулки. Целое состояние на ногах! А когда она прошла, я увидел, что она накрасилась.

— Что ты хочешь сказать, Сол?

— Я не хочу сказать, я говорю. Она оделась так, словно собралась в гости, а не за покупками. Может, она решила навесить кого-нибудь. Отца, скажем. Наверное, она у него.

— С чего это она к нему собралась?

— Тебе лучше знать. Вы ведь поссорились? Может, она решила пойти к нему, чтобы немного остыть.

— Поссорились... Да, пожалуй.

Энди снова упал в кресло и сжал голову руками. Неужели

это было только вчера? Нет, позавчера, хотя ему казалось, что после того глупого спора прошло целое столетие. Впрочем, в последнее время они действительно ссорились слишком часто. Но неужели из-за этой последней ссоры?.. Он испуганно посмотрел на Сола.

— Она взяла с собой вещи? — спросил он.

— Только маленькую сумочку, — ответил Сол и поставил дымящуюся кастрюльку на стол перед Энди. — Ешь. Я себе тоже налью. — И добавил: — Она вернется.

Энди так устал, что решил не спорить, — да и что он мог сказать? Он машинально черпал ложкой суп, потом вдруг осознал, что очень голоден. Положив локти на стол и подперев голову рукой, он продолжал есть.

— Надо было слышать все эти речи вчера в сенате, — сказал Сол. — Ничего смешнее я в жизни не слышал. Они пытаются проташить поправку о чрезвычайном положении. Хорошенькое чрезвычайное положение — оно у нас под носом уже лет сто. Надо было слышать, как они обсуждали всякие мелочи и даже не упоминали о крупных проблемах. — Его голос приобрел густой южный акцент: — «Перед лицом грозящих нам опасностей мы предлагаем обратить взор к а-а-агромным ресурсам этого величайшего элювиального бассейна, дельты самой могучей на свете реки Миссисипи. Дамбы плюс осушение плюс наука — и мы получим здесь самые богатые во всем западном мире сельскохозяйственные угодья!» Дыры пальцами затыкают... Они об этом говорили уже тысячу раз. Но упомянули они истинную причину для принятия поправки о чрезвычайном положении? Нет. Потому что даже через столько лет они боятся сказать об этом честно и прямо и прикрываются выводами и резолюциями.

— Ты о чем? — спросил Энди, слушая Сола вполуха: беспокойство о Шерл по-прежнему не оставляло его.

— О контроле над рождаемостью, вот о чем! Они наконец решились легализовать клиники, открытые для всех, семейных и холостых, и учредить закон, в соответствии с которым все матери должны быть информированы о средствах возможного контроля. Представляешь, какой шум поднимется, когда об этом услышат все наши пуритане-католики! А Папа, так тот вообще из штанов выпрыгнет!

— Давай об этом потом, Сол. Я устал. Шерл не сказала, когда вернется?

— Я же тебе...

Сол замолчал, прислушиваясь к звуку шагов, доносящихся из коридора. Шаги затихли, и послышался стук в дверь.

Энди первым выскочил в прихожую, повернул ручку и рывком распахнул дверь.

— Шерл! — сказал он. — С тобой ничего не случилось?

— Все в порядке.

Он обнял ее так крепко, что она чуть не задохнулась.

— Там такое творилось... Я не знал, что и думать, — сказал он. — Я сам только недавно вернулся. Где ты была? Что случилось?

— Просто хотела немного развеяться. — Она сморщилась. — Чем это пахнет?

Энди сделал шаг назад, борясь с пробивающимся сквозь усталость раздражением.

— Я наглотался рвотного газа, и меня вывернуло. Запах проходит не сразу. Что значит «немного развеяться»?

— Дай мне снять пальто.

Энди прошел за ней на другую половину комнаты и закрыл за собой дверь. Шерл достала из сумки туфли на высоком каблуке и положила их в шкаф.

— Я тебя спрашиваю.

— Ничего особенного. Просто я чувствовала себя здесь как в ловушке со всеми этими перебоями в энергоснабжении, холодом и со всем остальным... Тебя я почти не вижу, да еще после той ссоры осталось какое-то отвратительное чувство. Все было как-то не так. И я подумала, что если я приоденусь и пойду в какой-нибудь ресторан, где бывала раньше, выпью чашечку кофе или еще чего-нибудь, то, может быть, мне станет лучше. Настроение поднимется... — Она взглянула в строгое лицо Энди и отвела взгляд.

— И что потом? — спросил он.

— Я не на допросе, Энди. И почему такой обвиняющий тон?

Он повернулся к ней спиной и посмотрел в окно.

— Я тебя ни в чем не обвиняю, но тебя не было дома всю ночь. Как, ты полагаешь, я должен себя чувствовать?

— Ты же сам знаешь, что вчера творилось. Я боялась возвращаться. Я была в «Керлис»...

— В мясном ресторане?

— Да, но если ничего не есть, там недорого. Только еда до-

рогая. Я встретила людей, которых знала раньше, мы разговорились. Они собирались на вечеринку, пригласили меня с собой, и я согласилась. Мы смотрели по телевизору репортаж о беспорядках, все боялись выходить, и вечеринка продолжалась и продолжалась. — Она замолчала на секунду. — И все.

— Все? — Раздраженный вопрос был вызван темным подозрением.

— Все, — ответила Шерл, и голос ее стал таким же холодным.

Повернувшись к нему спиной, она принялась стягивать платье. Тяжелые слова лежали между ними, словно ледяной барьер. Энди упал на постель и отвернулся. Даже в такой крошечной комнате они чувствовали себя совершенно чужими друг другу людьми.

ВЕСНА

Похороны сблизили их гораздо больше, чем любое другое событие за всю долгую холодную зиму. День выдался непогожий, с порывистым ветром и дождем, но все же чувствовалось, что зима кончилась. Однако для Сола зима оказалась слишком долгой, его кашель перешел в простуду, простуда превратилась в пневмонию — а что остается делать старому человеку в холодной комнате без лекарств зимой, которая как будто и не собиралась кончаться? Только умереть. И он умер. Пока он болел, о ссоре позабылось, и Шерл ухаживала за Солом как могла, но один только хороший уход не вылечивает пневмонию. Похороны получились такими же короткими и холодными, как тот день. В сгущающейся темноте Шерл и Энди вернулись в свою комнату. Не прошло и получаса, как раздался частый стук в дверь. Шерл судорожно вздохнула.

— Посыльный. Как они могут? Ты же не должен идти сегодня на работу.

— Не волнуйся. Грасси не стал бы нарушать своего обещания в такой день. Кроме того, посыльный стучит по-другому.

— Может быть, это кто-то из друзей Сола, не успевших на похороны?

Она открыла дверь и, взглядываясь в темноту коридора, не сразу узнала стоящего там человека.

— Таб! Это ты, да? Входи, не стой на пороге. Энди, я рассказывала тебе про моего телохранителя. Про Таба...

— Добрый вечер, мисс Шерл, — бесстрастно произнес Таб, стоя в дверях. — Прошу прощения, но это не частный визит. Я на службе.

— Что такое? — спросил Энди, подходя к Шерл.

— Поймите, я не могу отказываться от работы, которую мне предлагают, — мрачно, без улыбки сказал Таб. — Я с сентября служу в отряде телохранителей, но перепадают только случайные заработки, постоянной работы нет, и приходится браться за все, что предлагают. Если отказываешься от задания, попадаешь в конец списка. А мне семью кормить...

— Что ты имеешь в виду? — спросил Энди, заметив, что кто-то стоит в темноте позади Таба. Судя по шарканью ног, людей было несколько.

Из-за спины Таба раздался неприятный гнусавый мужской голос:

— Нечего его слушать! — Говоривший стоял позади телохранителя, и его почти не было видно. — Закон на моей стороне. И я уплатил тебе. Покажи ему ордер!

— Кажется, я понимаю, — сказал Энди. — Отойди от двери, Шерл. А ты, Таб, зайди, давай поговорим.

Таб двинулся вперед, и мужчина в коридоре попытался проскочить за ним.

— Не вздумай заходить без меня! — успел пронзительно крикнуть он, прежде чем Энди захлопнул дверь прямо перед его носом.

— Напрасно ты это сделал, — сказал Таб. На его крепко сжатом кулаке поблескивал кастет с шипами.

— Успокойся, — сказал Энди. — Я просто хотел поговорить сначала с тобой и узнать, что происходит. У него «сидячий» ордер, да?

Таб кивнул, глядя в пол.

— О чем это вы говорите? — спросила Шерл, обеспокоенно переводя взгляд с одного помрачневшего лица на другое.

Энди молчал.

— «Сидячий» ордер выдается судами тем, кто не может доказать, что им действительно необходимо жилье, — ответил Таб. — Их выдают немного и обычно только большим семьям, которых откуда-нибудь выселяют. С «сидячим» ордером человек имеет право искать себе свободную квартиру, комнату или

еще какое-нибудь жилье. Это что-то вроде ордера на обыск. Но поскольку никто не любит, когда к ним вламываются чужие люди, и могут возникнуть всяческие неприятности, те, у кого есть «сидячий» ордер, обычно нанимают телохранителей. Поэтому я и пришел; эти, что стоят в коридоре, меня наняли. Их фамилия Беличер.

— Но что ты делаешь здесь? — спросила Шерл, все еще ничего не понимая.

— Этот Беличер из тех, кто ошивается у моргов и высматривает мертвецов. Но это одна сторона дела, — сказал Таб сдержанно. — Есть и другая: у него жена, дети, и им негде жить.

В дверь забарабанили, и из коридора донесся возмущенный голос Беличера. Поняв наконец, зачем пришел Таб, Шерл тяжело вздохнула.

— Ты им помогаешь, — сказала она. — Они узнали, что Сол умер, и хотят занять его комнату.

Таб молча кивнул.

— У нас еще есть выход, — сказал Энди. — Если здесь будет жить кто-нибудь из моего участка, эти люди не смогут вселиться.

Стук стал громче, и Таб шагнул к двери.

— Если бы здесь сейчас кто-нибудь жил, то все было бы в порядке, а так Беличер отправится в суд и все равно займет комнату, потому что у него семья. Я помогу вам, чем смогу, но Беличер мой работодатель.

— Не открывай дверь, — резко сказал Энди. — По крайней мере, пока мы не договорим.

— Я должен. Что мне еще остается? — Он расправил плечи и сжал кулак с кастетом. — Не пытайся меня остановить, Энди. Ты сам полицейский и знаешь закон.

— Таб, ну неужели ничего нельзя сделать? — спросила Шерл тихим голосом.

Он обернулся, глядя на нее несчастными глазами.

— Когда-то мы были хорошими друзьями, Шерл, и я это помню. Но теперь ты будешь обо мне не очень высокого мнения, потому что я должен делать свою работу. Я должен впустить их.

— А, черт! Открывай... — зло бросил Энди, отвернулся и пошел к окну.

В комнату ворвались Беличеры. Мистер Беличер оказался худеньким человечком с головой странной формы, почти лишённой подбородка, и с интеллектом, достаточным лишь для

того, чтобы ставить подписи на заявках на социальную помощь. Строго говоря, семью обеспечивала миссис Беличер, из рыхлого чрева которой вышли все семеро детей, рожденных для того, чтобы увеличить причитающийся на долю семьи паек. Разумеется, им пользовались и родители. Восьмое чадо добавляло к ее похожей на ком теста фигуре лишнюю выпуклость. Впрочем, на самом деле этот ребенок был уже одиннадцатым, поскольку трое молодых Беличеров умерли из-за недосмотра и несчастных случаев. Самая старшая девочка — ей, должно быть, уже исполнилось двенадцать — держала на руках беспрестанно орущего, покрытого болячками младенца, от которого невыносимо воняло.

Остальные дети, вырвавшись из темного коридора, где они ждали в напряженном молчании, принялись кричать друг на друга все сразу.

— О, смотри, какой замечательный холодильник. — Миссис Беличер, переваливаясь, подошла к нему и открыла дверцу.

— Ничего не трогать, — сказал Энди, но тут Беличер потянул его за руку.

— Мне нравится эта комната: не очень большая, но симпатичная. А здесь что? — Он двинулся к открытой двери в перегородке.

— Это моя комната, — сказал Энди и захлопнул дверь у него перед носом. — Нечего сюда соваться.

— Вовсе не обязательно вести себя так грубо, — сказал Беличер, отскакивая в сторону, словно собака, которую слишком часто бьют. — Я свои права знаю. По закону с ордером я могу осматривать все, что захочу. — Он отодвинулся еще немного, когда Энди сделал шаг в его сторону. — Я, конечно, верю вам на слово, мистер, я верю вам. А эта комната ничего, хороший стол, стулья, кровать...

— Это мои вещи. Но даже без вещей комната очень мала. На такую большую семью тут не хватит места.

— Ничего, хватит. Мы жили в комнатах и поменьше...

— Энди, останови их! Посмотри...

Резкий выкрик Шерл заставил Энди обернуться, и он увидел, что двое мальчишек нашли пакеты с травами, которые так старательно выращивал на подоконнике Сол, и вскрыли их, решив, очевидно, что там что-то съедобное.

— Положите на место! — закричал Энди, но, прежде чем он

приблизился, они успели попробовать содержимое и тут же выплюнули.

— Я обжег рот, — заорал тот, что был постарше, и высыпал содержимое пакета на пол.

Второй мальчишка принялся, подпрыгивая, высыпать травы из других пакетов. Они ловко уворачивались от Энди, и когда ему все-таки удалось остановить их, пакеты уже опустели.

Как только Энди отвернулся, младший мальчишка, все еще не уgomонившись, влез на стол, оставляя на его поверхности грязные следы, и включил телевизор. Перекрывая вопли детей и крики матери, которые ни на кого не действовали, в комнату ворвалась оглушительная музыка. Таб оттащил Беличера от шкафа, когда тот открыл дверцы, желая посмотреть, что там внутри.

— Немедленно уберите отсюда детей! — приказал Энди, побелев от ярости.

— У меня «сидячий» ордер. Я имею право! — выкрикнул Беличер, пятясь и размахивая кусочком пластика, на котором было что-то написано.

— Мне нет дела до ваших прав, — сказал Энди, распахивая дверь в коридор. — Но продолжать разговор мы будем, только когда вы уберете отсюда свое отродье.

Таб разрешил спор, схватив ближайшего к нему мальчишку за воротник и вышвырнув его за дверь.

— Мистер Раш прав, — сказал он. — Дети могут подождать в коридоре, а мы тем временем закончим наши дела.

Миссис Беличер тяжело села на постель и закрыла глаза, словно все это ее не касалось. Мистер Беличер отступил к стене, бормоча что-то, чего никто не расслышал или не потрудился расслышать. После того как последнего ребенка выпихнули в коридор, оттуда донеслись крики и обиженное всхлипывание. Обернувшись, Энди увидел, что Шерл ушла в их комнату, и услышал, как щелкнул в замке ключ.

— Надо понимать, что сделать ничего уже нельзя? — спросил он, пристально глядя на Таба.

— Извини, Энди. — Телохранитель беспомощно пожал плечами. — Честное слово, мне жаль. Но что я могу сделать? Таков закон, и они могут оставаться здесь, если захотят.

— Закон, закон, — поддакнул Беличер.

Сделать действительно ничего было нельзя, и Энди усилием воли заставил себя разжать кулаки.

— Ты сможешь мне перетащить вещи, Таб?

— Конечно, — сказал Таб, хватаясь за другую сторону стола. — Объясни, пожалуйста, Шерл мою роль во всем этом. Ладно? Я думаю, она не понимает, что это работа, которую я должен выполнять.

Высушенная зелень и семена, рассыпанные по полу, хрустели под ногами при каждом шаге. Энди молчал.

У ВОДОПАДА

Это единственный мой рассказ, написанный, во-первых, на основе видения и, во-вторых, под влиянием эмоционального содержания этого видения. Во избежание недоразумения сразу поспешу заявить, что в видении не содержалось ничего религиозного — его причиной стали сонливость и страх.

Мы жили в Калифорнии, в доме у подножия очень крутого холма. Местные жители называли проходящую по вершине холма дорогу Холм Самоубийц и не без веских на то оснований. Дети съезжали вниз на велосипедах и ломали себе руки, пьяные водители не в состоянии удержаться на дороге врезались в телеграфные столбы плюс другие веселенькие происшествия. В те времена этот кусочек мира еще сохранял первозданную дикость — сплошь кусты, насколько видит глаз, да скачущие между ними кролики. А по ночам очень тихо, поэтому любую машину слышно еще за милю.

В ту самую ночь я уснул, вернее, пребывал на границе между сном и явью — и услышал ту машину. Она остановилась на вершине холма, взревел двигатель — и вдруг водитель во весь опор погнал ее вниз, с жутким скрежетом переключая передачи. Фары светили прямо в окно моей спальни, и меня охватила уверенность, что сейчас автомобиль врежется в дом. Меня ошеломила какая-то абсолютная паника. Клянусь, я даже подпрыгнул в постели, настолько напряглись все мои мускулы. Автомобиль промчался мимо и был таков, а я — сна ни в одном глазу — остался лежать, глядя на то самое видение.

В моем полубессознательном состоянии я увидел не проносящуюся мимо машину, а водопад — настолько широкий, что его противоположный берег невозможно разглядеть, и настолько высокий, что вершина невидима, а от оглушительного грохота содрогается земля.

Вспомнив наутро о водопаде, я вспомнил и охватившие меня тогда ощущения. Все в жизни сгодится на зерно для авторской

мельницы. Я отправился в кабинет и к вечеру написал рассказ о водопаде. Когда авторская энергия слабела, я вспоминал видение и сопровождавшие его эмоции, подзаряжая батарею своих чувств, и это позволило мне сохранить в целостности и перенести на бумагу те незабываемые ощущения.

Картер оступался и падал на крутом склоне — тропинка была покрыта сочной, влажной травой, скользкой, словно мыльная пена. Задолго до того, как он добрался до гребня, весь перед его плаща стал мокрым от росы, а ноги были по колено в грязи. С каждым его шагом вперед и вверх заметно нарастал ревущий звук. Достигнув вершины, Картер почувствовал себя усталым и разгоряченным, однако тотчас забыл о неприятных ощущениях, когда перед ним открылся широкий вид на залив.

Он слышал об этом водопаде еще в детстве, видел бесчисленные фотографии и фильмы о нем по телевидению. И, несмотря на все это, эффект оказался ошеломляющим.

Он увидел низвергающийся океан, вертикальную реку. Кто-то подсчитал — ежесекундно падало вниз несколько миллионов галлонов воды... Водопад вытянулся вдоль залива длинной подковой — его противоположная сторона едва просматривалась в тучах водяной пыли. Залив кипел и бурлил под действием огромной падающей массы воды. Покрытые шапками белой пены волны разбивались об утесы. Картер всем телом чувствовал мощь ударов воды о твердое дно: земля под ним вибрировала. Рев водопада перекрывал все прочие звуки. Он был таким яростным и всепоглощающим, что человеческие уши не могли к этому привыкнуть. От постоянного звукового давления Картеру сразу же заложило уши, но звук передавался в черепную коробку и пронзал мозг. Картер попробовал зажать уши ладонями, но с ужасом понял, что рев водопада от этого несколько не уменьшился. Он стоял на склоне, раскачиваясь и широко раскрыв глаза. Внезапно снизу, от самой воды, налетел мощный порыв ветра, поднявший вверх столб водяной пыли. Никакой ливень не мог с этим сравниться — Картер моментально задохнулся. Ветер стих, а он все еще хватал ртом воздух — такой густой была обрушившаяся на него водяная пыль.

Картер задрожал — ничего подобного он до сих пор не испытывал. Он отыскал глазами почерневшую от влаги гранитную скалу и увидел, что у ее подножия примостился каменный дом, похожий на нарост на стволе дерева. Дом был построен из

того же гранита, что и скала, и казался таким же прочным. Картер почти бегом направился к дому, скользя на склоне и не отнимая ладоней от ушей.

В какое-то мгновение порыв ветра, напоенный водяной пылью, устремился через залив к морю, а золотое послеполуденное солнце вдруг осветило почти отвесную крышу дома. На ней стали видны поднимавшиеся к небу струйки пара. Дом выглядел солидно, как скала, у которой он приютился. На темном фасаде, обращенном к водопаду, виднелось всего два окна. Небольшие и глубоко сидящие, они были похожи на маленькие подозрительные глазки. Со стороны фасада двери не было, однако Картер заметил, что за угол дома вела дорожка из каменных плит.

Он пошел по ней и обнаружил в дальнем конце дома, с противоположной от водопада стороны, низкий, заглубленный в стену вход, защищенный сверху широкой каменной притолокой размером в добрых два фута.

Картер подошел к двери и принялся искать молоток на массивных деревянных стояках, схваченных железными болтами. Неутихающий, всепоглощающий рев водопада отбивал всякую охоту думать. Однако Картер вдруг понял, что никакой молоток здесь не поможет. Хоть из пушки пали — никто не услышит. У него опустились руки, он попробовал собраться с мыслями.

Ведь должен же иметься способ дать о себе знать. Он отошел от двери и вдруг заметил, что в нескольких футах от входа из стены торчит заржавевшая железная рукоятка. Он крепко за нее ухватился, но она не поворачивалась. Тогда он потянул за рукоятку, сперва она не поддавалась, но потом все же медленно начала вылезать из стены. За ней тянулась цепь — густо смазанная, в хорошем состоянии. То был добрый знак. Картер продолжал тянуть, пока из стены не вышло около ярда цепи. Затем, однако, как он ни старался, цепь больше не поддавалась. Он отпустил рукоятку, и она со стуком ударилась о шершавую поверхность каменной стены. Она висела там несколько мгновений. Затем рывком цепь ушла в стену, и рукоятка снова очутилась на прежнем месте.

Это был странный механизм, но он, видимо, произвел желаемое действие. Не прошло и минуты, как тяжелая дверь отворилась, и в проеме ее появился человек. Не произнося ни слова, он стал разглядывать посетителя.

Человек, открывший дверь, чем-то напоминал сам этот дом и скалы позади него: он был твердый, основательный, обветренный, морщинистый, с сединой в волосах. Но было видно, что он не поддавался годам, оставившим на нем свой явственный след. Спина у него была прямая, молодецкая, а в руках с узловатыми пальцами ощущалась недюжинная сила. Глаза у незнакомца были голубые и очень напоминали цвет воды, которая непрестанно низвергалась сверху. На человеке были рыбацкие сапоги до колен, темные вельветовые штаны и застиранный серый свитер. При виде Картера выражение его лица нисколько не изменилось. Он жестом пригласил гостя войти.

Хозяин закрыл тяжелую дверь на многочисленные задвижки и запоры. Внутри Картер ощутил какую-то особую тишину, присущую всему дому. Ему уже приходилось в других местах испытывать отсутствие звука, но здесь тишина казалась своеобразной. Это был оазис покоя, расположенный в непосредственной близости от режущего на все голоса водопада. Его немного оглушило, и он знал об этом. Но Картер сразу почувствовал облегчение, оказавшись в доме. Грохот остался снаружи. Хозяин, должно быть, понял состояние своего посетителя. Он принял у Картера плащ и подбадривающе ему кивнул, затем указал на удобное кресло у стола, неподалеку от пылающего очага. Картер устало сел. Хозяин отвернулся и куда-то исчез, но тут же вернулся с подносом, на котором стояли графин и два стакана. Он налил вино в стаканы и один из них поставил перед гостем. Картер кивком поблагодарил его и схватил стакан обеими руками, пытаясь унять дрожь. Вначале он сделал большой глоток, а затем уже потягивал вино маленькими глотками, по мере того как дрожь успокаивалась и к нему медленно возвращалась способность воспринимать собеседника. Хозяин двигался по комнате, управляясь с какими-то мелкими делами. Картер вдруг почувствовал себя значительно лучше. Он взглянул на хозяина.

— Я должен поблагодарить вас за гостеприимство. Когда я вошел сюда, я был сам не свой.

— Как вы сейчас себя чувствуете? Вино помогло? — громко спросил хозяин. Он почти выкрикивал слова, и Картер понял, что сказанное им не было услышано. Ему лишь показалось, что здесь тихо. Удивительно, что хозяин до сих пор не оглох совсем.

— Очень хорошо, спасибо! — выкрикнул Картер. — Вы очень добры. Меня зовут Картер. Я репортер и прибыл к вам по делу.

Хозяин кивнул, слегка улыбаясь:

— Меня зовут Бодум. Вы, наверное, знаете, раз пришли со мной поговорить. Вы из газеты?

— Меня сюда послали, — ответил Картер и закашлялся — от напряжения у него першило в горле. — И конечно же, я знаю вас, мистер Бодум, то есть слышал о вас. Вас называют Человеком с Водопада.

— Вот уже сорок три года, как я здесь, — с достоинством произнес Бодум. — Постоянно тут живу и не отлучался отсюда ни на одну ночь. В общем-то жить здесь непросто. Когда ветер дует с водопада, дом по нескольку суток окатывает потоками водяной пыли, так что бывает трудно дышать, а в очаге гаснет огонь. Трубу я сложил сам, в верхней ее части имеется изгиб с перегородками и заглушками. Дым свободно проходит вверх. Но, если туда попадает вода, ее задерживают перегородки. Вода своим весом давит на заглушки, они открываются — и вода выливается наружу по специальной трубе. Я могу показать вам место, где она выливается, — стена там покрыта сажей.

Картер слушал Бодума и разглядывал комнату. Она была слабо освещена подвижным пламенем очага и светом из двух небольших окон, врезанных в стену. В полутьме проступали расплывчатые контуры какой-то мебели.

— Вы сами сделали эти окна? — спросил Картер. — Можно посмотреть, что из них видно?

— Каждое из них я делал по году. Встаньте на эту скамейку. Тогда вы до них дотянетесь. Они из небьющегося, специально изготовленного стекла, такого же прочного, как эта стена. Они в ней крепко сидят. Не бойтесь. Поднимайтесь на скамейку. Стекло небьющееся. Взгляните, как крепко они сидят в стене.

Картер смотрел не на стекло, а на видневшийся за окном водопад. Он только сейчас понял, как близко находился дом от низвергавшейся сверху воды. Дом примостился на самом краешке скалы, и отсюда можно было увидеть только потемневшую от влаги гранитную скалу с правой стороны и кипящий водоворот залива далеко внизу. А перед ним и над ним, заполняя все видимое пространство, ревел водопад. Ни толщина стены дома, ни прочные стекла не могли полностью заглушить этот рев. Картер притронулся кончиками пальцев к тяжелой оконной раме и почувствовал, что она вибрирует.

Даже в доме водопад действовал на него. Но здесь он по крайней мере мог стоять, наблюдать и думать, а снаружи это было

невозможно. Впечатление было такое, будто он заглядывал в замочную скважину, пытаясь рассмотреть этот адский водоворот. Это окно открывалось в холодный ад. Отсюда он мог наблюдать и ничего не бояться. Однако картина за окном наполняла его невольным страхом.

Вдруг в воде промелькнуло что-то темное и скрылось...

— Что это, вы видели? — громко спросил Картер. — Что-то попало в водопад. Что это могло быть?

Бодум понимающе кивнул:

— Я здесь больше сорока лет и могу вам показать, что обычно попадает в водопад.

Он сунул в очаг конец лучины и зажег от нее лампу. Затем взял лампу в руки и жестом пригласил Картера следовать за собой. Они пересекли комнату, и в углу хозяин поднял лампу повыше. Она осветила большой стеклянный конус.

— Лет двадцать назад на берег выбросило это животное. Все его кости были переломаны. Я сделал из него чучело.

Картер вплотную приблизился к конусу, стараясь рассмотреть широко раскрытую пасть с острыми зубами и блестящие глаза-пуговицы. Все члены чучела были неподвижны и выглядели ненатурально. Мех на теле выпирал в неподобающих местах. Бодум, очевидно, не был искусным набивщиком чучел. И все же, по всей вероятности случайно, ему удалось передать ужас во всем облике животного, в его загнанном виде и позе.

— Это собака, — сказал Картер. — Такая же, как другие.

Бодум моментально оскорбился, и голос его зазвучал враждебно:

— Похожая на других — может быть, но не такая. Я же вам сказал, что у нее все кости были переломаны. После падения с водопада другого и быть не могло.

— Извините, я ни на секунду не сомневался, что эта собака попала в водопад. Я просто хотел сказать, что она очень похожа на наших собак, но там, наверху, наверное, целый новый мир. Собаки и все прочее, вроде наших.

— Я никогда не строю никаких догадок, — примирительно сказал Бодум. — Приготовлю-ка я кофе.

Он взял лампу, чтобы осветить себе у плиты, а Картер, оставшись в полутьме, вернулся к окну. Оно его прямо-таки притягивало.

— Мне нужно будет задать вам несколько вопросов в связи со статьей, — сказал он, однако, по-видимому, говорил недос-

таточно громко, так что Бодум его не услышал. Вид водопада сбивал репортера с толку, дела как бы отходили на второй план. Ветер резко изменил направление. Водяные брызги отнесло в сторону, и водопад снова предстал перед ним, словно могучая река, низвергавшаяся с неба. Картер склонил голову набок — ему показалось, что он наблюдает реку с сильным течением.

Вдруг сверху показался корабль — огромный лайнер с несколькими рядами иллюминаторов. Он плыл по поверхности реки с невероятной скоростью, так что Картеру пришлось резко повернуть голову, чтобы проследить за его движением. Корабль пронесся мимо на расстоянии каких-нибудь нескольких сотен ярдов, и в какое-то мгновение Картер отчетливо его разглядел. На поручнях вдоль борта повисли люди — некоторые с широко раскрытыми ртами, словно кричали от страха. В следующую секунду корабль исчез, и осталась только вода, кипящая в водоворотах.

— Вы видели? — крикнул Картер, рывком поворачиваясь к хозяину.

— Скоро будет готов кофе.

— Там, вот там! — кричал Картер, хватая Бодума за руку. — В водопаде. Там был корабль! Клянусь, он там был, он свалился в водопад! На нем были люди... Там, наверху, наверное, целый мир, о котором мы ничего не знаем!

Резким движением Бодум освободился от хватки Картера и направился к полке, где стояли чашки.

— Моя собака тоже попала в водопад. Я нашел ее и сделал из нее чучело.

— Конечно, я не отрицаю, что так оно и было с вашей собакой. Но на корабле были люди, и я могу поклясться — я ведь не сумасшедший, — что их кожа была несколько иного цвета, чем у нас.

— Кожа есть кожа, она имеет цвет.

— Я знаю. Что есть, то есть. Но кожа может иметь другой цвет, даже если мы об этом не знаем.

— Сахар?

— Да, пожалуйста. Два кусочка.

Картер глотнул кофе — он был горячий и крепкий. Против воли его тянуло обратно к окну. Он потягивал кофе, выглядывал в окно и успел заметить, как что-то черное, бесформенное обрушилось с гребня водопада вниз. Затем еще что-то. Он не

мог бы объяснить, что это было, — все снова скрыла водяная пыль, которая летела к дому под напором ветра.

На дне чашки показалась гуша. Картер не стал допивать последние капли и осторожно отодвинул чашку от себя.

Резкие порывы ветра снова отогнали завесу из водяной пыли — как раз вовремя: он смог разглядеть, как мимо проплывали разнообразные предметы.

— Это был дом! Я видел его так же отчетливо, как вижу вот этот. Он, наверное, из дерева, не из камня, и поменьше. И какой-то почерневший, наполовину сгорел. Идите взгляните, может быть, прибьет еще...

Бодум гремел чашками, споласкивая их в мойке.

— Что вы, газетчики, хотите обо мне знать? — недовольным тоном спросил он. — Я здесь больше сорока лет, так что могу вам немало порассказать.

— Что там, наверху? Что находится на вершине скалы, с которой низвергается водопад? Там живут люди? Может быть, там существует целый мир, о котором мы ничего не знаем?

Бодум заколебался и, хмурясь, задумался, прежде чем ответить.

— Думаю, что у них там, наверху, есть собаки.

— Да, — ответил Картер, дубася кулаком по оконной раме и не зная, плакать ему или смеяться. Вода неслась мимо. Пол и стены дома дрожали от гигантской мощи водопада.

— Все больше и больше предметов попадает в водопад, — негромко рассуждал сам с собой Картер. — Не могу понять, что это такое. Вот это вроде дерево, а там — обломки забора. Более мелкие предметы, вероятно животные, бревна, все что угодно. Выше водопада существует какой-то иной мир, и в этом мире происходит что-то ужасное. А мы об этом даже не знаем. Мы не знаем, что это за мир.

Он принялся снова и снова бить по раме, пока рука его не заныла от боли.

Над водным простором засияло солнце, и он заметил, как все переменялось. Что-то необычное появилось на поверхности воды.

— Почему, — удивлялся он, — почему мне кажется, будто вода меняет цвет? Она вдруг стала розовая, нет, красная. Все больше и больше красного цвета. Глядите-ка, на мгновение все окрасилось в красный цвет. Это цвет крови...

Он снова обернулся лицом к полутемной комнате и попытался улыбнуться, но губы ему не повиновались.

— Кровь? Нет! Столько крови не может быть во всем мире! Что происходит там, наверху? Что там случилось?

Бодум никак не реагировал на его крики. Он лишь кивал головой.

— Я кое-что вам покажу, — предложил он. — Только обещайте, что не будете об этом писать. Люди станут смеяться надо мной. Я живу здесь уже сорок лет и не вижу причины смеяться.

— Честное слово, не напишу ни строчки! Покажите. Вероятно, это имеет отношение к происходящему?

Бодум снял с полки тяжеленный том, положил его на стол, рядом с лампой, и раскрыл. Шрифт на страницах был очень черный и внушительный. Бодум листал книгу, пока не обнаружил между страницами обрывок обыкновенной бумаги.

— Я нашел ее на берегу. Зимой было дело. Несколько месяцев сюда никто не заглядывал. Ее мог принести только водопад. Я не утверждаю, что так оно и было, но это возможно. Вы согласны, что это возможно?

— Да, конечно, вполне возможно. Как еще она могла сюда попасть? — Картер потрогал клочок. — Согласен, это обыкновенная бумага. С одной стороны надорванная. Сморщившаяся там, где она подмокла, а затем просохла. — Он перевернул бумажку. — Здесь что-то написано.

— Да. Но это бессмыслица. Такого слова я не знаю.

— Я тоже, а ведь говорю на четырех языках. Какой в этом смысл?

— Просто невероятно. Что за слово?

— Это нечеловеческий язык. — Он попытался произнести буквы, выпячивая вперед губы. — Пе-о-эм-о-гэ-и-тэ-е.

— Это может означать ПОМОГИТЕ, — вдруг догадался Бодун. — Ребенок мог нацарапать. Бессмыслица...

Он схватил записку, скомкал и швырнул в огонь.

— Вы хотите написать обо мне рассказ, — с достоинством произнес он. — Я живу здесь уже сорок лет, если в мире существует хоть один человек, которого можно назвать специалистом, знающим этот водопад, так это я. Мне известно все о тех, кто живет наверху.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Я не люблю повторяться. Есть авторы, и тому лучший пример Филипп К. Дик, чья жизнь и творчество посвящены одной доминирующей теме. Они ощущают ее столь сильно и исследуют столь глубоко, что каждое их произведение оказывается свежим и интригующим. Возможно, я легко поддаюсь скуке; возможно также, я вижу вокруг столько интересных идей и тем, что четко начинаю понимать — у меня никогда не хватит времени написать обо всем.

Перенаселенность — тема особая. Это нечто такое, от чего нельзя отмахнуться. Каждую секунду в мире становится больше людей, перенаселенность уничтожает наши жизни и нашу цивилизацию — а правительства всех стран абсолютно ничего не предпринимают. Когда я об этом думаю, меня охватывает ярость. Настроившись на строго логичные размышления, я написал на эту тему роман «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», желая показать всем — вот что мы получим, если станем сидеть сложа руки. Но никто, разумеется, и пальцем не пошевелил. Проходят годы, ситуация неуклонно ухудшается, а на меня время от времени накатывает волна гнева при мысли о тупости и эгоизме человечества.

Именно такой гнев я и испытывал, работая над этим рассказом. Вряд ли упомянутые в нем законы являются реальной экстраполяцией существующих — никто в здравом уме таких законов не примет, но они являются крайним пределом, который в определенный момент будет достигнут, проявлением моей уверенности в том, что, если и не будут приняты именно такие законы, их место займут другие, не менее жестокие. Причина в том, что мы зашли слишком далеко, и исправить ситуацию скоро станет очень трудно. Миллионам предстоит умереть, и они уже умирают.

Перед улучшением всегда становится хуже.

От первого удара молотка дверь трянуло, от второго тонкая деревянная доска загудела подобно барабану. Бенедикт Верналл распахнул дверь и ткнул пистолетом в живот человека еще до того, как молоток в третий раз успел опуститься.

— Убирайся отсюда! Немедленно убирайся! — крикнул он пронзительней, чем ему бы хотелось.

— Не будь дураком, — спокойно сказал бейлиф, делая шаг в сторону, чтобы Бенедикт мог видеть двух полицейских за его спиной. — Я — бейлиф и исполняю свой долг. Если ты застре-

лишь меня, этим двоим приказано убить тебя и всех, кого они обнаружат в квартире. Будь разумным человеком. Это ведь не первый случай. Он предусмотрен законом.

Один из полицейских поднял дуло автомата и с иронической улыбкой на лице щелкнул затвором. Рука Бенедикта с пистолетом медленно опустилась вниз.

— Так-то лучше, — одобрил бейлиф и в третий раз опустил молоток, накрепко пригвоздивший объявление к двери.

— Сорви с моей двери эту грязную бумажку, — прорычал Бенедикт, задыхаясь от ярости.

— Бенедикт Верналл, — бейлиф поправил очки на носу и начал размеренно читать объявление, которое он только что прикрепил к двери. — Вас уведомляют, что в соответствии с Актом о преступном деторождении от 1993 года вы объявляетесь виновным в преступном рождении ребенка. Таким образом, вы объявлены вне закона и государство больше не защищает вас от насилия.

— Вы даете право какому-нибудь сумасшедшему убить меня... что это за грязный закон?

Бейлиф снял очки и холодно посмотрел на Бенедикта.

— Мистер Верналл, — сказал он, — имейте мужество нести ответственность за последствия своих действий. Родился у вас незаконный ребенок или нет?

— Незаконный ребенок — нет! Беззащитное существо...

— Имели вы или нет разрешенный законом максимум — двоих детей?

— Да, у нас двое детей, но это не зна...

— Вы отказались воспользоваться советом и помощью местной клиники по контролю над рождаемостью. Вы выгнали правительственного чиновника из департамента по вопросам населения. Вы отказались от услуг клиники аборт...

— Убийцы!

— ...и от попыток Совета планирования семьи помочь вам. Предписанные законом шесть месяцев прошли, и вы не приняли никакого решения. Вы получили три предупреждения и игнорировали их. Ваша семья все еще имеет на одного потребителя больше, чем это предписано законом, поэтому мне было дано указание прикрепить на вашей двери это объявление. Вы сами в ответе за все, мистер Верналл, и в этой истории виноваты только вы.

— А по-моему, виноват этот мерзкий закон.

— Тем не менее это закон данной страны, — сказал бейлиф, выпрямляясь во весь рост, — и ни вы, ни я не имеем права оспаривать его. — Он вынул из кармана свисток и поднес его к губам. — Моей обязанностью является, мистер Верналл, напомнить вам о том, что даже сейчас у вас есть возможность избежать печальных последствий, если вы согласитесь воспользоваться услугами клиники умерщвления.

— Убирайся к дьяволу!

— Вот как! Меня уже посылали туда. — Бейлиф приложил свисток к губам и пронзительно засвистел. На его лице промелькнуло что-то вроде улыбки, когда Бенедикт захлопнул дверь.

Когда полицейские, преграждавшие путь толпе, отошли в сторону, на нижней площадке лестницы раздался животный рев. Толпа сцепившихся мужчин запрудила лестницу и, не прекращая схватки, кинулась вверх. Один из них вырвался было из ревушего клубка, но кулак одного из преследователей опустился ему на голову, он упал, и остальные затоптали его. Крича и ругаясь, толпа медленно продвигалась вверх по лестнице, и в тот момент, когда казалось, что до заветной двери осталось всего ничего и настал решающий момент, один из лидеров гонки споткнулся и свалил двух других. В то же мгновение откуда-то из середины толпы выскочил жирный коротышка и ударился о дверь с такой силой, что ручка, которую он держал в руке, проткнула бумагу объявления и вошла глубоко в дерево.

— Доброволец избран! — прокричал бейлиф, и полицейские сомкнутым строем начали теснить неудачников, спускаясь вниз по лестнице. Один из лежавших на площадке приподнялся. Из рта его текла слюна, он жевал полоску от старого ковра. Двое санитаров в белых халатах были наготове. Один из них с привычной быстротой воткнул в шею мужчины шприц, другой развернул носилки.

В это время коротышка под внимательным взглядом бейлифа тщательно вписал свое имя в соответствующую графу объявления, потом бережно спрятал ручку в карман.

— Рад приветствовать вас как добровольца, вызвавшегося исполнить свой общественный долг, мистер... — бейлиф наклонился вперед, к двери, близоруко щурясь, — мистер Мортимер, — сказал он наконец.

— Мортимер — это не фамилия, а имя, — мягко поправил

его человек, промакивая лоб платком, извлеченным из нагрудного кармана.

— Совершенно верно, сэр, ваше желание скрыть свою фамилию вполне понятно и уважается законом как право всех добровольцев. Можно считать, что вы знакомы с остальными правилами?

— Да, можно. Параграф 46 Акта о преступном деторождении от 1993 года, пункт 14, касающийся отбора добровольцев. Во-первых, я вызвался выполнить эту задачу добровольно в течение суток. Во-вторых, за это время я не должен нарушать или пытаться нарушить законы, гарантирующие безопасность других членов общества, а если это произойдет, я буду привлечен к ответственности за свои действия.

— Отлично, сэр. Это все?

Мортимер тщательно сложил платок и сунул его обратно в нагрудный карман.

— И в-третьих, — сказал он, поглаживая карман, — если мне удастся лишить жизни приговоренного, я не буду подвергаться судебному преследованию.

— Совершенно точно. — Бейлиф кивком показал на огромный чемодан. Полисмен поднял крышку. — Теперь подойдите сюда и выберите то, что считаете необходимым. — Оба посмотрели на чемодан, доверху наполненный инструментами смерти. — Надеюсь, вам понятно, что в течение этих суток вы и сами рискуете жизнью. Известно ли вам, что, если за это время вы будете убиты или ранены, ваша жизнь не охраняется законом?

— Не принимайте меня за дурака, — огрызнулся Мортимер, потом он указал на чемодан. — Я хочу взять одну из этих ручных гранат.

— Это запрещено законом, — резко сказал бейлиф, задетый грубостью Мортимера. Ведь и такие вопросы можно решать корректно. — Бомбы и ручные гранаты применяют только на открытой местности, где они не причиняют вреда невинному. В жилом доме это невозможно. Вы можете выбрать любое другое оружие ближнего действия.

Мортимер нервно хрустнул пальцами и замер, склонив голову в позе молящегося. Глаза его были прикованы к содержимому чемодана — ручные пулеметы, гранаты, автоматические пистолеты, ножи, кастеты, ампулы с кислотой, кнуты, бритвы,

осколки стекла, отравленные стрелы, булавы, дубинки с шипами, бомбы со слезоточивым и удушающим газом.

— Сколько я могу взять? — спросил он.

— Все, что считаете нужным. Помните только, что после вам придется отчитаться за оружие.

— Тогда я беру пистолет-пулемет Рейслинга и к нему пять двадцатизарядных магазинов, кинжал для командос с зазубринами на лезвии и несколько гранат со слезоточивым газом.

Бейлиф быстро отметил названные предметы в своем списке.

— Это все? — спросил он.

Мортимер кивнул, взял из рук бейлифа список и, не читая, расписался внизу. Затем он начал рассовывать по карманам патроны и гранаты, перекинув через шею ремень пистолета-пулемета.

— Итак, у вас двадцать четыре часа, — сказал бейлиф, глядя на свои наручные часы и заполняя еще одну графу в ведомости. — Вы располагаете временем до 17.45 завтрашнего дня.

— Бен, пожалуйста, отойди от двери, — прошептала Мария.

— Тише! — прошипел Бенедикт, прижав ухо к двери. — Я хочу знать, о чем они говорят. — Его лицо напряглось: он пытался расслышать невнятную речь. — Ничего не понять, — сказал он наконец, отворачиваясь от двери. — Впрочем, это не имеет значения. Я знаю, что он собирается делать...

— Он хочет убить тебя, — сказала Мария тонким голосом, похожим на девичий. Младенец у нее на руках заплакал, и женщина прижала его к груди.

— Пожалуйста, Мария, иди в ванную, как мы с тобой договорились. У тебя там кровать, вода, пища. Там нет окон и тебе не угрожает опасность. Сделай это для меня, дорогая, чтобы я не беспокоился о вас двоих.

— Тогда ты будешь здесь совсем один.

Бенедикт расправил узкие плечи и крепче сжал рукоятку револьвера.

— Здесь мое место, впереди, чтобы защищать свою семью. Это старо как мир.

— Семья, — прошептала женщина и беспокойно оглянулась кругом. — Как-то там Мэтью и Агнесс?

— У твоей матери они в безопасности. Она обещала как следует присмотреть за ними, пока мы не приедем. У тебя есть еще время уехать к ним. Как бы мне этого хотелось!

— Это невозможно. Я могу быть только здесь. И не могу бросить младенца у матери. Он будет голодать без меня. — Она посмотрела на ребенка, который все еще всхлипывал, и начала расстегивать верх платья.

— Дорогая, ну, пожалуйста, — сказал Бенедикт, отодвигаясь от двери. — Отправляйся с ребенком в ванную и не выходи, что бы ни случилось. Он может появиться в любую минуту.

Мария нехотя повиновалась, и через мгновение он услышал щелчок замка в ванной. Затем Бенедикт попытался забыть об их присутствии — ведь эти мысли лишь отвлекали его и могли помешать тому, что предстояло сделать. Он уже давно выработал детальный план обороны и сейчас медленно пошел по квартире, проверяя, все ли в порядке. Во-первых, входная дверь, единственная дверь, ведущая в квартиру. Она заперта и закрыта на засов с цепочкой. Нужно только придвинуть платяной шкаф, и убийца не сможет войти этим путем, разве что поднимет шум, а если он попытается сделать это, его будет поджидать Бенедикт с оружием в руках. Итак, этот участок в безопасности.

Ни в кухне, ни в ванной окон не было, поэтому за эти две комнаты он мог быть спокоен. Убийца может проникнуть в квартиру через спальню, потому что ее окно выходит на пожарную лестницу, но Бенедикт разработал план обороны и на этот случай. Окно спальни было закрыто, и открыть его снаружи можно было, только разбив стекло. Он услышит шум и успеет припереть дверь спальни диваном. Ему не хотелось баррикадировать дверь спальни заранее, потому что, может быть, ему самому придется туда отступить.

Таким образом, оставалась только одна комната, гостиная, и именно здесь он собирался расположиться. В гостиной было два окна, и дальнее окно, как и окно спальни, находилось рядом с пожарной лестницей. Убийца может ворваться через это окно. Во второе окно с пожарной лестницы попасть было нельзя, хотя убийца мог обстреливать его из здания напротив. Но угол, в котором он расположился, был надежно защищен от этого огня, так что здесь Бенедикту и следовало быть. Он задвинул в угол большое кресло и, внимательно осмотрев запоры на окнах гостиной, уселся в него.

Он опустил револьвер на правое колено, направив дуло его к дальнему окну около пожарной лестницы. Всякий, кто попытается проникнуть через него в квартиру, тут же попадет под

огонь Бенедикта. Правда, рядом было еще одно окно, но это мало беспокоило его, если только он не будет стоять прямо перед ним. Тонкие полотняные занавески были опущены, и, как только стемнеет, Бенедикт сможет смотреть через них, сам оставаясь невидимым. Повернув дуло револьвера на несколько градусов, Бенедикт мог держать под огнем дверь в прихожую. Если он слышит возню около входной двери, то несколько шагов — и он окажется возле нее. Да, он сделал все, что мог. Он снова опустился в кресло.

Приближался вечер, и комната постепенно погружалась в темноту, однако отблеск городских огней позволял ему ориентироваться в полумраке. Было тихо, и каждый раз, когда он двигался в кресле, ржавые пружины под ним громко стонали. Прошло несколько часов, и Бенедикт понял, что в его плане есть одно маленькое упущение. Ему хотелось пить.

Сначала он попытался не замечать жажды, но к девяти часам вечера его рот совершенно пересох, а язык казался комком ваты. Он понимал, что не сумеет продержаться в таком состоянии ночь — жажда мешала ему сосредоточиться. Ему бы следовало прихватить с собой кувшин воды. Самым правильным было немедленно отправиться и принести воды, однако он боялся выйти из своего укрытия. Убийца не подавал никаких признаков жизни, и это действовало Бенедикту на нервы.

Внезапно он услышал, что Мария зовет его. Сначала тихо, затем ее голос становился все громче. Она беспокоится о нем. С ним ничего не случилось? Бенедикт выругался про себя. Он не решался ответить ей, по крайней мере не из гостинной. Единственное, что ему оставалось, — это тихонько прокрасться к двери ванной, шепотом сказать ей, что все в порядке, чтобы она не волновалась. Может быть, тогда она сможет заснуть. А затем он мог бы пройти в кухню, набрать воды и принести ее с собой в гостиную.

Тихо, стараясь не дышать, Бенедикт встал, выпрямился в полный рост, расправил затекшие ноги. Все это время он не отрывал глаз от серого прямоугольника дальнего окна. Упершись носком одной ноги в пятку другой, он бесшумно снял туфли и на цыпочках пошел к двери. Мария уже почти кричала, стуча в дверь ванной, и он поспешил к ней. Неужели она не понимает, что подвергает его смертельной опасности?

В тот самый момент, когда он приблизился к двери гостинной, в коридоре загорелся свет.

— Что ты делаешь? — крикнул он, застыв на месте и глядя на Марию.

Женщина стояла у выключателя, щурясь от света.

— Я так беспокоилась...

Внезапно из гостиной донесся звон разбитого стекла, за которым тут же последовал оглушающий грохот автоматной очереди. Острая боль пронзила Бенедикта, и он упал на пол в коридоре.

— Марш в ванную! — крикнул он, посылая пулю за пулей в темноту гостиной.

Он едва услышал сдавленный крик Марии и стук захлопнувшейся двери и на мгновение забыл о боли. Гостиная наполнилась острым запахом пороха, и из нее потянулись клубы голубоватого дыма. Там что-то скрипнуло, и Бенедикт мгновенно выстрелил в темноту. Тут же ответная очередь прошла стену над его головой, и посыпавшаяся штукатурка заставила его поморщиться.

Стрельба прекратилась, и Бенедикт понял, что пули убийцы не могли достать его — он был в стороне от дверного проема. Тем не менее он продолжал держать дуло револьвера в направлении двери гостиной. Чтобы стрелять наверняка, убийце придется войти в коридор, вот тут-то Бенедикт и пристрелит его. В стену над головой Бенедикта врезалось еще несколько очередей, но он не отвечал на них. Когда выстрелы стихли и наступила тишина, Бенедикт улучил момент, достал из кармана патроны и быстро перезарядил револьвер. Под ним растекалась большая лужа крови.

Направив дуло револьвера на дверь гостиной, Бенедикт левой рукой неумело закатал штанину на ноге и быстро взглянул вниз. Кровь продолжала струиться по лодыжке, пропитывая носок. Пуля навывлет пробила икру, оставив две круглые темные дырки, из которых текла густая кровь. У него закружилась голова, он быстро отвел взгляд от раны и опять прицелился. Револьвер дрожал в его руке. Из гостиной не доносилось ни звука. Левый бок тоже горел как в огне, но, когда Бенедикт вытащил рубашку из брюк и посмотрел, он понял, что эта вторая рана болезненна, но не опасна. Пуля скользнула по ребрам, и из образовавшейся царапины уже почти перестала течь кровь. А вот с раной в ноге нужно было что-то делать.

— Поздравляю тебя, Бенедикт, у тебя неплохая реакция...

От звука этого голоса Бенедикт непроизвольно нажал на

спусковой крючок и дважды выстрелил в ту сторону, откуда доносился голос. Человек в гостинной засмеялся.

— Нервы, Бенедикт, нервы. То, что я собираюсь убить тебя, не мешает нам разговаривать, правда?

— Ты мерзавец, грязное, мерзкое животное! — вырвалось у Бенедикта. С его губ слетали грязные ругательства, цветистые обороты, которые он не употреблял со школьных времен. Внезапно он остановился, вспомнив, что его может услышать Мария. Прежде она никогда не слышала брани из его уст.

— Нервы, Бенедикт, — раздался сухой смешок из гостинной. — Все эти ругательства по моему адресу не меняют создавшегося положения.

— Слушай, уходи, я не буду в тебя стрелять, — сказал Бенедикт, осторожно вытаскивая левую руку из рукава. — Я не хочу с тобой знаться. Почему ты не уходишь?

— Боюсь, что все это не так просто, Бен. Ты сам создал это положение, в определенном смысле ты сам позвал меня сюда. Подобно волшебнику, выпустившему злого духа из бутылки. Хорошее сравнение, не правда ли? Разрешите представиться. Меня зовут Мортимер.

— Я не желаю знать твое имя, ты... мерзкая скотина.

Бенедикт не кричал больше, а почти шептал, он был занят тем, что снимал с себя рубашку. Она висела теперь на его правой руке, и Бенедикту пришлось на мгновение взять револьвер в левую руку, чтобы снять ее. Нога невыносимо болела, и, когда материя рубашки коснулась раны, Бенедикт застонал. Тут же он снова заговорил, чтобы скрыть стон:

— Ты пришел сюда сам, по своему желанию — и я убью тебя!

— Молодец, Бенедикт, твоя смелость мне нравится. В конце концов, ты совершил самое серьезное преступление наших дней, ты человек антисоциальный, индивидуалист, продолжатель традиций Диллинджера и братьев Джеймс. Единственная разница в том, что они несли смерть, а ты несешь жизнь. Но оружие у тебя поплоче, чем у них... — Последовал сухой смешок.

— Ты ненормальный человек, Мортимер. Впрочем, чего еще можно ожидать от человека, который вызвался быть убийцей. Ты просто болен.

Бенедикту хотелось, чтобы разговор продолжался по крайней мере до тех пор, пока он успеет забинтовать ногу. Рубашка

была пропитана кровью, и он никак не мог затянуть скользкий узел одной левой рукой.

— Да-да, ты, конечно, болен, иначе ты не пришел бы сюда, — продолжал он. — Что другое могло толкнуть тебя на это? — Бесшумно положив револьвер на пол, Бенедикт начал поспешно затягивать узел.

— Понятие болезни относительно, — донесся голос из темноты, — как относительно понятие преступления. Человек создает общество, и законы созданных им обществ определяют понятие преступления. Кто совершает преступление — человек или общество? Кто из них преступник? Ты можешь оспаривать свою вину, но ведь сейчас мы говорим о существующем положении вещей. Закон говорит, что ты преступник. Я здесь для того, чтобы обеспечить выполнение закона. — Грохот автоматной очереди как бы подтвердил его слова, и щепки от плитуса осыпали Бенедикта. Тот затянул узел и поспешно схватил револьвер.

— Нет, это я олицетворяю высший закон, — сказал Бенедикт. — Закон природы, святость жизни, необходимость продолжения рода. В соответствии с этим законом я женился и любил, и мои дети — благословение нашего союза.

— Такое благословение у тебя и у остального человечества привело к тому, что люди пожирают мир подобно саранче, — ответил Мортимер. — Но это попутное замечание. Прежде всего я должен ответить на твои аргументы.

Первое. Естественный закон — это только тот, по которому образуются толщи осадочных пород и солнечный спектр. То, что ты называешь естественным законом, создано людьми и варьируется в зависимости от религии. Так что этот аргумент беспочвен.

Второе. Жизнь — это бесконечный поток, и сегодняшнее поколение должно умереть, чтобы могло жить завтрашнее. Все религии подобны двуликому Янусу. Они хмурятся при виде убийства и в то же время улыбаются, наблюдая войны и смертные казни. Этот аргумент тоже не имеет основания.

И последнее. Формы союза мужчины и женщины так же разнообразны, как и создавшие их общества. И этот аргумент беспочвен. Твой высший закон неприменим в мире фактов. Если он тебе нравится и дает тебе удовлетворение, ты можешь верить в свой высший закон, однако не пытайся оправдать им свои преступные действия.

— Это ты преступник! — закричал Бенедикт, дважды выстрелив в дверной проем. Ответная очередь распоролла стену над самой его головой, и он прижался к полу. Оглушенный грохотом выстрелов, он услышал детский плач: в ванной заплакал разбуженный стрельбой ребенок. Бенедикт сунул руку в карман и быстро перезарядил барабан револьвера, с яростью бросая на пол стреляные гильзы. — Это ты преступник, ты пытаешься убить меня, — продолжал он. — Ты — орудие мерзавцев, принявших этот бесчестный закон. Они заявляют, что я больше не могу иметь детей. Разве у них есть право на это?

— Какой же ты глупец, — вздохнул Мортимер. — Ты — общественное животное и как таковое, не колеблясь, принимаешь общественные дары. Ты принимаешь от общества лекарства, и твои дети не умирают, как они умерли бы в прошлом. Ты получаешь от общества питание, и твои дети не голодают. На это ты согласен. Но ты не согласен ограничить размеры своей семьи и пытаешься нарушить закон. Впрочем, ты уже нарушил его. В обществе ты должен или соглашаться со всеми его законами, или отвергать все его принципы. Ты получаешь еду, так изволь платить за это.

— Я не прошу больше пищи, чем мне выделяется сейчас. Ребенок питается молоком матери, мы будем делиться остальной пищей...

— Слушай, не болтай чепухи. Ты и тебе подобные наводнили мир своими вырожденками, и вы еще не хотите остановиться. Вас уговаривали, упрашивали, подкупали, угрожали, но все напрасно. Сейчас пора кончать! Ты отказался от помощи — теперь в нашем голодном мире лишним ртом больше, а если так, то нужно закрыть этот лишний рот, убрать одного иждивенца. Это гуманный закон, он вырос из давних традиций индивидуализма и свободной инициативы. Он дает тебе возможность защищать свои идеалы с оружием в руках. И свою жизнь.

— Это бесчеловечный закон, — ответил Бенедикт. — И как ты только можешь его принимать? Он жесток, холоден и не имеет смысла.

— Совсем наоборот. В этом законе заключен глубокий смысл. Посмотри на себя со стороны, попробуй без предрассудков оценить проблему, перед которой стоит наш народ. Мир жесток, но он не безжалостен. Закон сохранения массы является одним из основных во Вселенной. Мы так долго не считались с этим законом, и теперь здравый смысл обязывает

нас оградить земной шар от избытка человеческой плоти. Призывы к разуму здесь бесполезны, пришлось принять закон. Любовь, женитьба, семья — все это разрешается, но до определенного предела. Если же у человека больше двух детей, он добровольно отказывается от защиты общества и принимает на себя всю ответственность за свои безрассудные действия. Если он нездоровый эгоист, его смерть принесет пользу всему обществу. Если же он здоров и в состоянии защитить свои интересы с оружием в руках, тогда он нужен обществу, а значит, и его потомство нужно. Этот закон ничем не угрожает добропорядочным гражданам.

— Как ты смеешь так говорить! Разве бедная беспомощная мать незаконного ребенка — преступница?

— Нет, пока она не отказывается от помощи общества. Ей даже позволено иметь ребенка. Если же она упорствует, то она должна за это поплатиться. Всегда найдутся тысячи бездетных женщин, которые добровольно примут участие в битве, чтобы сравнять счет. Они, как и я, на стороне закона и жаждут применить силу. Так что заткни мне рот, если сможешь, Бенедикт, а то я с удовольствием заткну твой жадный рот.

— Сумасшедший, — прошипел Бенедикт, скрежеща зубами. — Подонок. Этот бесчеловечный закон вызвал к жизни отбросы общества, дал им в руки оружие и позволил убивать.

— И все же это полезный закон. Лучше безумный убийца, который приходит смело и открыто, чем преступник, тайком убивающий твоего ребенка где-то в парке. Сейчас этот безумный убийца рискует своей жизнью, и, кто бы из нас ни был убит, обществу это пойдет на пользу.

— Ты признаешь, что ты безумец — убийца с лицензией на убийство? — Бенедикт попытался встать, но у него закружилась голова и потемнело в глазах. Он тяжело опустился на пол.

— Нет, не признаю, — равнодушно ответил Мортимер из темноты гостиной. — Я человек, добровольно помогающий закону уничтожить ваше подлое племя, размножающееся как свиньи.

— Тогда ты извращенный человек, ненавидящий любовь мужчины и женщины.

Донесшийся из темноты холодный смешок привел Бенедикта в ярость.

— Ты больной или сумасшедший! — закричал он. — Или сам не способен иметь детей и ненавидишь тех, у кого они есть...

— Замолчи. Мне надоело говорить с тобой, Бенедикт. Теперь я тебя убью...

Бенедикт впервые услышал нотки гнева в голосе Мортимера и понял, что попал в его слабое место. Он замолчал. Он был слаб и болен, кровь продолжала сочиться сквозь импровизированную повязку, и лужа на полу все росла. Необходимо сберечь остаток сил, чтобы прицелиться и выстрелить, когда убийца появится в двери. Он услышал, как за спиной почти беззвучно отворилась дверь ванной и прошелестели шаги. Безнадежным взглядом он окинул залитое слезами лицо Марии.

— С кем ты говоришь? — закричал Мортимер из гостиной. — Я слышал шепот. Если это твоя жена, Бенедикт, скажи ей, чтобы она уходила. Я не хочу нести ответственность за твою корову. Пришло время платить за свои ошибки, Бенедикт, и я буду оружием закона.

Мортимер выпрямился и разрядил автомат в направлении коридора, затем нажал кнопку, освободил магазин, швырнул его вслеп за пулями и мгновенно вставил запасной. Быстрым движением он передернул затвор.

Итак, он принял решение. Ему не потребуется нож. Он сделает несколько шагов, пошлет очередь в коридор, затем швырнет туда гранату со слезоточивым газом. Газ или ослепит Бенедикта, или по крайней мере не даст ему возможности прицелиться. И тогда он войдет в коридор с нажатым спусковым крючком, поливая пространство впереди себя градом пуль, и Бенедикт будет мертв. Мортимер сделал глубокий вздох и весь передернулся, но внезапно оцепенел. В дверном проеме показалась рука, медленнодвигающаяся вверх.

Это было настолько неожиданно, что в первую секунду Мортимер не выстрелил. Когда же он наконец выстрелил, то промахнулся. Рука — плохая мишень для автоматического оружия. Рука повернула выключатель и исчезла. И в ту же секунду в гостиной вспыхнули лампы.

Мортимер выругался и послал длинную очередь туда, где только что была рука. Большие куски штукатурки посыпались на пол. Он чувствовал себя удивительно незащищенным в ярко освещенной комнате.

Из-за грохота автомата он не услышал первого револьверного выстрела и не понял, что в него стреляют, пока вторая пуля не вонзилась в пол рядом с его ногами. Он прекратил стрельбу, повернулся к окну и замер.

На пожарной лестнице у разбитого окна стояла женщина. Тоненькая, с широко раскрытыми глазами, она покачивалась, словно под сильными порывами ветра, и обеими руками сжимала револьвер, целясь в Мортимера через разбитое стекло. Револьвер судорожно дергался в ее руках при каждом выстреле, но она никак не могла попасть в Мортимера. В панике он нажал на спусковой крючок, посылая пули по широкой дуге к окну.

— Не стреляй! Я не хочу убивать тебя! — выкрикнул Мортимер.

Последняя пуля вонзилась в стену, автомат щелкнул и остался с открытым затвором. Мортимер выбросил пустой магазин и попытался вставить на его место новый. Револьвер выстрелил еще раз, пуля ударила Мортимера в бок, и он кубарем полетел на пол. Падая, он выронил автомат. В то же мгновение Бенедикт, который медленно, с трудом подполз к нему, схватил его за горло холодными пальцами.

— Не надо... — прохрипел Мортимер, судорожно отталкивая Бенедикта.

— Пожалуйста, Бенедикт, не убивай его! — крикнула Мария, влезая в окно. — Ты задушишь его.

— Нет... я слишком слаб, — прохрипел Бенедикт.

Взглянув вверх, он увидел револьвер в руке Марии. Протянув руку, Бенедикт выхватил его и прижал горячее дуло к груди Мортимера.

— Одним ртом меньше! — крикнул он и нажал на спусковой крючок. Раздался приглушенный выстрел, человек судорожно дернулся, и все было кончено.

— Милый, как ты себя чувствуешь? — Мария плача наклонилась над Бенедиктом, прижимая его голову к своей груди.

— Все... все в порядке. Я очень слаб, но это от потери крови. Кровотечение уже остановилось. Все кончилось. Мы победили. Теперь нам дадут дополнительный паек, и больше никто не будет нас беспокоить.

— Я так рада, — Мария попыталась улыбнуться сквозь слезы. — Я не хотела говорить тебе об этом раньше, у тебя и так было достаточно неприятностей. Но у нас... — Она опустила глаза.

— Что? — спросил он, не веря своим ушам. — Ты хочешь сказать...

— Да, — Мария провела рукой по своему округлившемуся животу.

В ответ Бенедикт уставился на нее, широко открыв рот, не в силах вымолвить ни единого слова, подобно беспомощной рыбе, выброшенной на берег.

ПРОНИКШИЙ В СКАЛЫ

Ветер проносился над гребнем хребта и мчался ледяным потоком вниз по склону. Он рвал брезентовый костюм Пита, осыпал его твердыми как сталь ледяными горошинами. Опустив голову, Пит прокладывал путь вверх по склону, к выступающей гранитной скале.

Он промерз до мозга костей. Никакая одежда не спасает человека при температуре пятьдесят градусов ниже нуля. Пит чувствовал, как руки его немеют. Когда он смахнул с бакенбард кусочки льда, застывшие от дыхания, он уже не чувствовал пальцев. В местах, где ветер Аляски касался его кожи, она была белой и блестящей.

Работа как работа. Потрескавшиеся губы болезненно скри вились в жалкое подобие улыбки. «Если эти негодяи в погоне за чужими участками добрались даже до этих мест, они промерзнут до костей, прежде чем вернуться обратно».

Стоя под защитой гранитной скалы, он нашарил на боку кнопку. Из стального ящичка, пристегнутого к поясу, донесся пронзительный вой. Когда Пит опустил лицевое стекло своего шлема, шипение вытекающего кислорода внезапно прекратилось. Он вскарабкался на гранитную скалу, которая выступала над замерзшим грунтом.

Теперь он стоял совершенно прямо, не чувствуя напора ветра; сквозь его тело проносились призрачные снежинки. Медленно двигаясь вдоль скалы, он все глубже опускался в землю. Какое-то мгновение верхушка его шлема торчала над землей, словно горлышко бутылки в воде, затем скрылась под снежным покровом.

Под землей было теплее, ветер и холод остались далеко позади; Пит остановился и стряхнул снег с костюма. Он осторожно отстегнул ультрасветовой фонарик от наплечного ремня и включил его. Луч света такой частоты, которая позволяла двигаться сквозь плотные тела, прорезал окружающие слои грунта, будто полупрозрачный желатин.

Вот уже одиннадцать лет Пит проникал в скалы, но так никогда и не смог отделаться от изумления при виде этого неве-

роятного зрелища. Чудо изобретения, позволявшее ему проходить сквозь скалы, всепроникатель, он воспринимал как само собой разумеющееся. Это был всего лишь прибор, правда хороший, но все же такой, который при случае можно разобрать и починить. Удивительным было то, что этот прибор делал с окружающим миром.

Полоса гранита начиналась у его ног и исчезала внизу в море красного тумана. Этот туман состоял из светлого известняка и других пород, уходящих вперед застывшими слоями. Гранитные валуны и скальные массивы, большие и малые, окруженные со всех сторон более легкими породами, казалось, повисли в воздухе. Проходя под ними, он осторожно наклонялся.

Если предварительное обследование было правильным, то, идя вдоль гранитного хребта, он должен был напасть на исчезнувшую жилу. Вот уже больше года он обследовал различные жилы и выработки, постепенно приближаясь к тому месту, откуда, как он надеялся, берут начало все эти жилы.

Пит шел вперед, нагнувшись и проталкиваясь через известняк. Порода проносилась сквозь его тело и обтекала его подобно быстро мчащемуся потоку воды. Протискиваться сквозь нее с каждым днем становилось все труднее и труднее. Пьезокристалл его всепроникателя с каждым днем все больше и больше отставал от оптимальной частоты. Чтобы протолкнуть атомы его тела, требовались немалые усилия. Он повернул голову и, моргая, попытался остановить взгляд на двухдюймовом экране осциллоскопа внутри шлема. Ему улыбнулось маленькое зеленое личико — остроконечные зигзаги волн сверкали, подобно ряду сломанных зубов. Он нахмурился, заметив, каким большим стало расхождение между фактической линией волн и моделью, вытравленной на поверхности экрана. Если кристалл выйдет из строя, весь прибор разладится и человека ждет медленная смерть от холода, потому что он не сумеет спуститься под землю. Или он может оказаться под землей в тот момент, когда кристалл выйдет из строя. Это тоже означает смерть, но более быструю и несравненно более эффектную — смерть, при которой он навсегда останется в толще породы, подобно мухе в куске янтаря. Мухе, которая становится частью янтаря. Он вспомнил о том, как умер Мягкоголовый, и чуть заметно вздрогнул.

Мягкоголовый Сэмюэлз был из той группы ветеранов, нестигаемых скалопроникателей, которые под вечными снегами

Аляски открыли залежи минералов. Он соскользнул с гранитной скалы на глубине двести метров и в буквальном смысле слова упал лицом прямо в баснословную жилу Белой Совы. Именно это открытие и вызвало лихорадку 63-го года. И когда падкие до наживы полчища людей хлынули на север, к Даусону, Сэм отправился на юг с большим состоянием. Вернулся он через три года, начисто разорившись, так что едва хватило на билет на самолет, и его недоверие к человечеству было безмерным.

Он присоединился к горстке людей около пузатой железной печурки, радуясь случаю хотя бы посидеть со старыми друзьями. О своем путешествии на юг он не рассказывал никому, и никто не задавал ему вопросов. Только когда в комнату входил незнакомец, его губы крепче сжимали сигару. Но вот «Норт Америкэн майнинг» перевела его в другую группу, и снова начались бесконечные блуждания под землей.

Однажды Сэм пошел под землю и больше не вернулся. «Застрял», — бормотали его дружки, но никто толком не знал, где это произошло, до тех пор пока в 71-м году Пит не наткнулся на него.

Пит очень отчетливо помнил этот день. Он проходил сквозь каменную гряду, которая не была сплошной скалой, устал как собака и безумно хотел спать. Вдруг он увидел Мягкоголового Сэма, навечно пойманного каменным монолитом. На его лице застыла маска ужаса, он наклонился вперед, схватившись за переключатель у пояса. Должно быть, в это страшное мгновение Сэм понял, что его всепроникатель вышел из строя, — и скала поглотила его. Уже семь лет он стоял в этой позе, в которой ему суждено было остаться вечно, ибо атомы его тела неразрывно слились с атомами окружающей породы.

Пит тихо выругался. Если в самом скором времени не удастся напасть на жилу, чтобы купить новый кристалл, ему придется присоединиться к этой бесконечной галерее исчезнувших старателей. Его энергобатареи были на последнем издыхании, баллон с кислородом протекал, а залатанный миллеровский подземный костюм уже давно годился разве что для музея. На нем больше нигде было ставить латки, и, конечно, он не держал воздуха как полагается. Питу нужна была только одна жила, одна маленькая жила.

Рефлектор на шлеме выхватил из тьмы на скале возле лощины какие-то кристаллические породы, отсвечивающие голу-

бым. Пит оставил в стороне гранитный хребет, вдоль которого раньше шел, и углубился в менее плотную породу. Может, это и был ютт. Включив ручной нейтрализатор в штекер на поясе, он поднял кусок скальной породы толщиной в фут. Сверкающий стержень нейтрализатора согласовал плоскость вибрации образца с частотой человеческого тела. Пит прижал отверстие спектроанализатора к валуну и нажал кнопку. Короткая вспышка — сверкнуло обжигающее атомное пламя, мгновенно превратив твердую поверхность образца в пар.

Прозрачный снимок выпрыгнул из анализатора, и Пит жадно уставился на спектрографические линии. Опять неудача: не видно знакомых следов юттотанталита. Нахмурившись, он засунул анализатор в заплечный мешок и двинулся дальше, протискиваясь через вязкую породу.

Юттотанталит был рудой, из которой добывали тантал. Этот редкий металл был основой для изготовления мельчайших пьезоэлектрических кристаллов, которые делали возможным создание вибрационных всепроникателей. Из ютта получали тантал, из тантала делали кристаллы, из кристаллов — всепроникатели, которыми пользовался Пит, чтобы отыскать новое месторождение ютта, из которого можно было добыть тантал, из которого... Похоже на беличье колесо, и сам Пит был похож на белку, причем белку, в настоящий момент весьма несчастную.

Пит осторожно повернул ручку реостата на всепроникателе: он подал в цепь чуть больше мощности. Нагрузка на кристалл увеличилась, но Питу пришлось пойти на это, чтобы протиснуться через вязкую породу.

Пита не оставляла мысль об этом маленьком кристалле, от которого зависела его жизнь. Это была тонкая полоска вещества, походившего на кусок грязного стекла, но на редкость хорошо отшлифованная. Когда на кристалл подавался очень слабый ток, он начинал вибрировать с такой частотой, которая позволяла одному телу проскальзывать между молекулами другого. Этот слабый сигнал контролировал в свою очередь гораздо более мощную цепь, позволяющую человеку с его оборудованием проходить сквозь земные породы. Если кристалл выйдет из строя, атомы его тела вернутся в вибрационную плоскость обычного мира и сольются с атомами породы, через которую он в этот момент двигался... Пит потряс головой, как бы стараясь отбросить страшные мысли, и зашагал быстрее вниз по склону.

Он двигался сквозь сопротивляющуюся породу вот уже три часа, и мускулы ног горели как в огне. Если он хочет выбраться отсюда в целостности и сохранности, через несколько минут придется повернуть назад. Однако целый час он шел вдоль вероятной жилы по следам ютта, и ему казалось, что их становится все больше. Главная жила должна быть на редкость богатой — если только удастся ее отыскать!

Пора отправляться в долгий путь назад, наверх. Пит рванулся к жиле. Он последний раз возьмет пробу, сделает отметку и возобновит поиски завтра. Вспышка пламени — и Пит посмотрел на прозрачный отпечаток.

Мускулы его тела напряглись, и сердце тяжело застучало. Он зажмурился и снова посмотрел на отпечаток — следы не исчезли! Линии тантала ослепительно сияли на фоне более слабых линий. Дрожащей рукой он расстегнул карман на правом колене. Там у него был подобный отпечаток — отснятое месторождение Белой Совы, самое богатое в округе. Да, не было ни малейшего сомнения — его жила богаче!

Из мягкого карманчика он извлек полукристаллы и осторожно положил кристалл *Б* туда, где лежал взятый им образец. Никто не сможет отыскать это место без второй половины кристалла, настроенного на те же ультракороткие волны. Если с помощью половины *А* возбудить сигнал в генераторе, половина *Б* будет отбрасывать эхо с такой же длиной волны, которое будет принято чувствительным приемником. Таким образом, кристалл отмечал участок Пита и в то же время давал ему возможность вернуться на это место.

Пит бережно спрятал кристалл *А* в мягкий карманчик и отправился в долгий обратный путь. Идти было мучительно трудно: старый кристалл в проникателе настолько отошел от стандартной частоты, что Пит едва протискивался сквозь вязкую породу. Он чувствовал, как давит ему на голову невесомая скала в полмили толщиной, — казалось, она только и ждала, чтобы стиснуть его в вечных объятиях. Единственный путь назад лежал вдоль длинного гранитного хребта, который в конце концов выходил на поверхность.

Кристалл уже работал без перерыва больше пяти часов. Если бы Пит на некоторое время смог выключить его, аппарат бы остыл. Когда Пит начал возиться с лямками рюкзака, руки его дрожали, но он заставил себя не торопиться и выполнить работу как следует.

Он включил ручной нейтрализатор на полную мощность и вытянул вперед руку со сверкающим стержнем. Внезапно из тумана впереди появился огромный валун известняка. Теперь проникающая частота вибраций была уже согласована с ним. Сила тяжести потянула вниз гигантский восемнадцатифутовый валун, он медленно опустился и исчез под гранитным хребтом. Тогда Пит выключил нейтрализатор. Раздался страшный треск, молекулы валуна смешались с молекулами окружающей породы. Пит ступил внутрь искусственного пузыря, образовавшегося в толще земли, и выключил всепроникатель.

Молниеносно — что всегда изумляло его — окружающий туман превратился в монолитные стены из камня. Луч рефлектора на шлеме пробежал по стенам маленькой пещеры-пузыря без входа и выхода, которую отделяло полмили от ледяных просторов Аляски.

Со вздохом облегчения Пит сбросил тяжелый рюкзак и, вытянувшись, дал покой измученным мышцам. Нужно было экономить кислород; именно поэтому он и выбрал это место. Его искусственная пещера пересекала жилу окиси рублидия. Это был дешевый, повсюду встречающийся минерал, который не имело смысла добывать так далеко, за полярным кругом. Но все же он был лучшим другом скалопроникателя.

Пит порылся в рюкзаке, нашел аппарат для изготовления воздуха и прикрепил батарею к поясу. Затем он огрубевшими пальцами включил аппарат и воткнул контакты провода в жилу окиси рублидия. Беззвучная вспышка осветила пещеру, блеснули белые хлопья начавшего падать снега. Хлопья кислорода, созданного аппаратом, таяли, не успев коснуться пола. В подземной комнате образовывалась собственная атмосфера, пригодная для дыхания. Когда все пространство будет заполнено воздухом, Пит сможет открыть шлем и достать из рюкзака продукты.

Он осторожно поднял лицевое стекло шлема. Воздух был уже подходящим, хотя давление — по-прежнему низким, а концентрация кислорода чуть выше нормы. Он радостно хихикнул, охваченный легким кислородным опьянением. Мурлыка что-то несусветное, Пит разорвал бумажную упаковку концентрата.

Он запил сухомятку холодной водой из фляжки и улыбнулся при мысли о толстых, сочных бифштексах. Вот произведут анализ, и у владельцев рудников глаза на лоб полезут, когда они прочитают сообщение об этом. И тогда они придут к нему. Со-

лидные, достойные люди, сжимающие контракты в холеных руках. Пит продаст все права на месторождение тому из них, кто предложит самую высокую цену, — пусть теперь поработает кто-нибудь другой. Они выровняют и обещут этот гранитный хребет, и огромные подземные грузовики помчатся сквозь землю, перевоза шахтеров на подземные выработки и обратно. Улыбаясь своим мечтам, Пит расслабленно прислонился к вогнутой стене пещеры. Он уже видел самого себя, вылощенного, вымытого и холеного, входящим в «Отдых шахтера»...

Двое в подземных костюмах, появившиеся в скале, развеяли эти мечты. Тела их казались прозрачными; их ноги при каждом шаге увязали в земле. Внезапно оба подпрыгнули вверх, выключив проникатели в центре пещеры, обрели плотность и тяжело опустились на пол. Они открыли лицевые стекла и принялись.

— Недурно пахнет, правда, Мо? — улыбнулся тот, что покороче.

Мо никак не мог снять свой шлем; его голос глухо донесся из-под складок одежды: «Точно, Элджи». Щелк! — и шлем наконец был снят.

У Пита при виде Мо глаза на лоб полезли, и Элджи недобро усмехнулся:

— Мо не ахти какой красавец, но к нему можно привыкнуть.

Мо был гигантом в семь футов, с заостренной, гладко выбритой, блестящей от пота головой. Очевидно, он был безобразным от рождения и с годами не стал лучше. Нос его был расплюсчен, одно ухо висело как тряпка, и множество белых шрамов оттягивало верхнюю губу. Во рту виднелись два желтых зуба.

Пит медленно завинтил крышку фляги и спрятал ее в рюкзак. Может, это и были честные скалопроходцы, но по их виду этого не скажешь.

— Чем могу вам помочь, ребята? — спросил он.

— Да нет, спасибо, приятель, — ответил коротышка. — Мы как раз проходили мимо и заметили вспышку твоего воздуходела. Мы подумали — а может, это кто из наших ребят? Вот и подошли посмотреть. В наши дни хуже нет, чем таскаться под землей, правда? — Произнеся эти слова, коротышка окинул быстрым взглядом пещеру, не пропуская ничего. Мо с хрипом опустился на пол и прислонился к стене.

— Верно, — осторожно согласился Пит. — Я за последние

месяцы так и не наткнулся на жилу. А вы, ребята, недавно приехали? Что-то я не припомню, видел ли я вас в лагере.

Элджи не ответил. Не отрываясь, он смотрел на мешок Пита, набитый образцами.

Со щелканьем он открыл огромный складной нож.

— Ну-ка, что там у тебя в этом мешке, парень?

— Да просто низкосортная руда. Я решил взять пару образцов. Отдам ее на анализ, хотя вряд ли ее стоит нести до лагеря. Сейчас я покажу вам.

Пит встал и пошел к рюкзаку. Проходя мимо Элджи, он стремительно наклонился, схватил его за руку с ножом и изо всех сил ударил коленом в живот. Элджи согнулся от боли, и Пит рубанул его по шее краем ладони. Не ожидая, когда потерявший сознание Элджи упадет на пол, Пит кинулся к рюкзаку.

Одной рукой он схватил свой армейский пистолет 45-го калибра, другой — контрольный кристалл и занес свой сапог со стальной подковкой над кристаллом, чтобы растереть его в пыль.

Его нога так и не опустилась вниз. Гигантская рука стиснула его лодыжку еще в воздухе, застопорив движение тела. Пит попытался повернуть дуло пистолета, однако ручища размером с окорок схватила его кисть. Пит вскрикнул — у него хрустнули кости. Пистолет выпал из безжизненных пальцев.

Пит минут пять сидел, свесив голову на грудь, пока Мо умолял потерявшего сознание Элджи сказать, что ему делать. Наконец Элджи пришел в себя, с трудом сел, ругаясь и потирая шею. Он сказал Мо, что надо делать, и сидел с улыбкой до тех пор, пока Пит не потерял сознания.

Раз-два, раз-два — голова Пита дергалась из стороны в сторону в такт ударам. Он не мог остановить их, они разламывали голову, сотрясали все тело. Откуда-то издалека послышался голос Элджи:

— Хватит, Мо, пока хватит. Он приходит в сознание.

Пит с трудом прислонился к стене и вытер кровь, мешавшую ему видеть. И тут перед ним всплыло лицо коротышки.

— Слушай, парень, ты доставляешь нам слишком много хлопот. Сейчас мы возьмем твой кристалл и отыщем эту жилу, и если она и впрямь такая богатая, как эти образцы, то я буду на седьмом небе и отпраздную удачу — убью тебя очень медленно. Если же мы не отыщем жилы, то ты умрешь намного медлен-

нее. Так или иначе я тебя прикончу. Еще никто не осмеливался ударить Эдджи, разве тебе это не известно?

Они включили проникатель Пита и поволокли избитого сквозь стену. Футов через двадцать они вошли в другую пещеру, намного больше первой. Почти все пространство занимала огромная металлическая громада атомного трактора.

Мо бросил Пита на пол и поддал проникатель ногой, превратив его в бесполезный металлолом. Гигант перешагнул через тело Пита и тяжелым шагом двинулся к трактору. Только он влез в кабину, как Эдджи включил мощный стационарный проникатель. Когда призрачная машина двинулась вперед и исчезла в стене пещеры, Пит успел заметить, что Эдджи беззвучно усмехнулся.

Пит повернулся и наклонился над разбитым проникателем. Бесполезно. Бандиты чисто сработали, и в этой шарообразной могиле не было больше ничего, что помогло бы Питу выкрутиться. Подземное радио находилось в старой пещере; с его помощью он мог связаться с армейской базой, и через двадцать минут вооруженный патруль был бы на месте. Однако его отделяет от радио двадцать футов скальной породы.

Он расчертил рефлектором стену. Трехфутовая жила рублидия, должно быть, проходила и через его пещеру.

Пит схватился за пояс. Воздуходел все еще на месте! Он прижал контакты аппарата к рубидиевой жиле — в воздухе закружились хлопья серебряного снега. Внутри круга, описываемого контактами, порода трескалась и сыпалась вниз. Если только в батареях достаточно электроэнергии и если бандиты вернутся не слишком быстро...

С каждой вспышкой откалывалось по куску породы толщиной примерно в дюйм. Чтобы вновь зарядить аккумуляторы, требовалось 3,7 секунды; затем возникала белая вспышка и разрушался еще один кусок скалы. Пит работал в бешеном темпе, отгребая левой рукой каменные осколки.

Вспышка между контактами в правой руке — гребок левой рукой, — вспышка — и гребок, вспышка — и гребок. Пит смеялся и в то же время плакал, по щекам бежали теплые слезы. Он и думать забыл, что при каждой вспышке аппарата освобождаются все новые и новые порции кислорода. Стены пещеры пьяно качались перед его глазами.

Остановившись на мгновение, чтобы закрыть лицевое стекло своего шлема, Пит снова повернулся к стене созданного им

туннеля. Он дробил неподатливую скалу, сражался с ней и старался забыть о пульсирующей боли в голове. Он лег на бок и стал отбрасывать назад осколки камней, утрамбовывая их ногами.

Большая пещера осталась позади, и теперь Пит замурован в крошечной пещере глубоко под землей. Он почти физически ощущал, что над ним нависла полумильная толща породы, давящей его, не дающей ему дышать. Если сейчас воздуходел выйдет из строя, Пит навсегда останется в своей рукотворной каменной гробнице. Пит попытался прогнать эту мысль и думать только о том, как бы выбраться отсюда на поверхность.

Казалось, время остановилось, осталось только бесконечное напряжение. Его руки работали как поршни, окровавленными пальцами он захватывал все новые и новые порции раздробленной породы.

На несколько мгновений он опустил руки, пока горящие легкие накачивали воздух. В этот момент скала перед ним треснула и обрушилась с грохотом взрыва, и воздух через рваное отверстие со свистом ворвался в пещеру. Давление в туннеле и пещере уравнилось — он пробился!

Пит выравнивал рваные края отверстия слабыми вспышками почти полностью разряженного воздуходела, когда рядом с ним появились чьи-то ноги. Затем на низком потолке проступило лицо Элджи, искаженное свирепой гримасой. В туннеле не было места для того, чтобы материализоваться; Элджи мог только потрясти кулаком у лица — и сквозь лицо — Пита.

Сзади, из-за груды щебня послышался шорох, осколки полетели в стороны, и в пещеру протолкнулся Мо. Пит не мог повернуться, чтобы оказать сопротивление, однако, прежде чем чудовишные руки Мо схватили его за лодыжки, подошва его сапога опустилась на бесформенный нос гиганта.

Мо протаскил Пита, словно ребенка, по узкому каменному коридору обратно в большую пещеру и бросил его на пол. Пит лежал, хватая воздух ртом. Победа была так близка...

Элджи склонился над ним:

— Уж слишком ты хитер, парень. Пожалуй, я пристрелю тебя прямо сейчас, чтоб ты не выкинул чего-нибудь еще.

Он вытащил пистолет Пита из кармана и оттянул назад затвор.

— Между прочим, мы нашли твою жилу. Теперь я чертовски богат. Ну как, ты доволен?

Элджи нажал спусковой крючок, и на бедро Пита словно обрушился удар молота. Маленький человек стоял над Питом и усмехался:

— Я всажу в тебя все эти пули одну за другой, но так, чтобы тебя не убить, по крайней мере не сразу. Ну как, готов к следующей?

Пит приподнялся на локте и прижал ладонь к дулу пистолета. Элджи широко улыбнулся:

— Прекрасно, ну-ка останови пулю рукой!

Он нажал спусковой крючок — пистолет сухо щелкнул. На лице Элджи отразилось изумление. Пит привстал и прижал контакты воздуходела к шлему Элджи. Grimаса изумления застыла на лице бандита, и вот голова его уже разлетелась на куски.

Пит упал на пистолет, передернул затвор и повернулся. Элджи был третий калач, но даже он не знал, что дуло армейского пистолета 45-го калибра действует как предохранитель. Если к дулу что-то прижато, ствол движется назад и встает на предохранитель, и, чтобы произвести выстрел, необходимо снова передернуть затвор.

Мо неуверенным шагом двинулся вперед; от изумления у него отвисла челюсть. Повернувшись на здоровой ноге, Пит направил на него пистолет:

— Ни с места, Мо. Придется тебе доставить меня в город.

Гигант не слышал его; он думал только об одном:

— Ты убил Элджи. Ты убил Элджи!

Пит расстрелял половину магазина, прежде чем великан рухнул на пол.

Содрогнувшись, он отвернулся от умирающего человека. Он ведь оборонялся, но, сколько бы он об этом ни думал, тошнота не проходила. Пит обмотал ногу кожаным поясом, чтобы остановить кровотечение, и перевязал рану стерильным бинтом из санитарного пакета, который он нашел в тракторе.

Трактор доставит его в лагерь; пусть армейцы сами разберутся в этой кутерьме. Он опустился на сиденье водителя и включил двигатель. Мощный проницатель работал безукоризненно — машина двигалась к поверхности. Пит положил раненую ногу на капот двигателя, перед радиатором которого плавно расступались земные породы.

Когда трактор вылез на поверхность, все еще шел снег.

**НАКОНЕЦ-ТО ПРАВДИВАЯ
ИСТОРИЯ ФРАНКЕНШТЕЙНА**

Мне никогда не были по душе механические конструкции наподобие Франкенштейна, да и зомби тоже. Дело тут в старом добром законе сохранения энергии, подкрепленном принципами «бритвы Оккама». Оккам вынуждает нас признать, что коллекция кое-как сшитых поношенных туловищ, рук и ног не может оказаться энергетически более выгодной или стойкой к износу по сравнению с исходными телами, откуда они были позаимствованы. Он также весьма недвусмысленно намекает, что поднятый из могилы труп будет, как минимум, не сильнее того же человека при жизни, не говоря уже о проблемах, возникающих из-за отсутствия дыхания и кровообращения. В историях на эту тему есть нечто изначально неверное, а сама идея подозрительно пахнет — и не только разлагающейся плотью.

Но существует ли более или менее приемлемый способ оживить покойника и отправить его пугать соседей по ночам? Я долго бился над ответом на этот вопрос и, решив, что отыскал его, написал этот рассказ.

Много лет спустя киношники украли у меня название и сняли одноименный фильм. Правда, сей факт доказывает лишь то, что названия не защищаются авторскими правами.

— Итак, господа, здесь есть тот самый монстр, которого создал мой горячо любимый прапрадедушка, Виктор Франкенштейн. Он скомпоновал его из кусков трупов, добытых в анатомических театрах, частей тел покойников, только что погребенных на кладбище, и даже из расчлененных туш животных с бойни. А теперь смотрите!..

Говоривший — человек с моноклем в глазу, в длинном сюртуке, стоявший на сцене, — театральным жестом выбросил руку в сторону, и головы многочисленных зрителей разом повернулись в указанном направлении. Раздвинулся пыльный занавес — и присутствовавшие увидели стоявшего на возвышении монстра, слабо освещенного падавшим откуда-то сверху зеленоватым светом. Толпа зрителей дружно ахнула и судорожно задвигалась.

Дэн Брим стоял в переднем ряду. Напором толпы его прижало к веревке, отделявшей зрителей от сцены. Он вытер лицо влажным носовым платком и улыбнулся. Чудовище не каза-

лось ему особенно страшным. Дело происходило на карнавале, в пригороде Панама-Сити, где торговали разными дешевыми безделушками. У чудовища была мертвенно-бледная шкура и стеклянный взгляд. На морде его виднелись рубцы и шрамы. По обе стороны головы торчали металлические втулки, точь-в-точь как в известном фильме. И хотя внутри шапито, где все это происходило, было душно и влажно, словно в бане, на шкуре монстра не было ни капельки пота.

— Подними правую руку! — резким голосом скомандовал Виктор Франкенштейн Пятый. Немецкий акцент придавал властность его голосу. Тело монстра оставалось неподвижным, однако рука существа медленно, рывками, словно плохо отрегулированный механизм, поднялась на уровень плеча и застыла.

— Этот монстр состоит из кусков мертвечины и умереть не может! — сказал человек с моноклем. — Но если какая-нибудь его часть слишком изнашивается, я просто пришиваю взамен нее новый кусок, пользуясь секретной формулой, которая передается в нашем роду от отца к сыну, начиная с прапрадеда. Монстр не может умереть и не способен чувствовать боль. Вот взгляните...

Толпа ахнула еще громче. Некоторые даже отвернулись. Другие жадно следили за манипуляциями Виктора Франкенштейна Пятого. А тот взял острейшую иглу длиной в целый фут и с силой вогнал ее в бицепсы монстра, так что концы ее торчали по обе стороны руки. Однако крови не было. Монстр даже не пошевелился, словно и не заметил, что с его телом что-то происходит.

— Он невосприимчив к боли, к воздействию сверхвысоких и сверхнизких температур, обладает физической силой доброго десятка людей...

Дэн Брим повернул к выходу, преследуемый этим голосом с навязчивым акцентом. С него достаточно! Он видел это представление уже трижды и знал все, что ему нужно было. Скорее на воздух! К счастью, выход был рядом. Он начал пробираться сквозь глазающую одноликую толпу, пока не оказался под открытым небом. Снаружи были влажные, душные сумерки. Никакой прохлады! В августе на берегу Мексиканского залива жить почти невыносимо, и Панама-Сити во Флориде не составляет исключения. Дэн направился к ближайшему пивному бару, оборудованному кондиционером, и с облегчением вздох-

нул, почувствовав приятную прохладу сквозь влажную одежду. Бутылка с пивом моментально запотела, покрывшись конденсатом, то же самое произошло с увесистой пивной кружкой, извлеченной из холодильника. Он жадно глотнул пиво, и оно жгучим холодом обдало его изнутри. Дэн понес кружку в одну из деревянных кабинок, где стояли скамьи с прямыми спинками, вытер стол зажатými в руке бумажными салфетками и тяжело опустился на сиденье. Из внутреннего кармана пиджака он извлек несколько слегка влажных желтых листков и расправил их на столе. Там были какие-то записи, и он добавил еще несколько строк, а затем снова спрятал их в карман. Сделал большой глоток из кружки.

Дэн приканчивал уже вторую бутылку, когда в пивную вошел Франкенштейн Пятый. На нем не было сюртука, и из глаза его исчез монокль, так что он вовсе не был похож на недавнего лицедея на сцене. Даже прическа его «в прусском стиле» теперь казалась вполне обычной.

— У вас великолепный номер! — приветливо сказал Дэн, стараясь, чтобы Франкенштейн его услышал. Жестом он пригласил актера присоединиться к нему. — Выпьте со мной?

— Ничего не имею против, — ответил Франкенштейн на чистейшем нью-йоркском диалекте: его немецкий акцент улетучился вместе с моноклем. — И спросите, нет ли у них таких сортов пива, как «шлитц», или «бад», или чего-то в этом роде. Они здесь торгуют болотной водой...

Пока Дэн ходил за пивом, актер удобно устроился в кабине. Увидев на бутылках привычные ненавистные наклейки, он застонал от досады.

— Ну по крайней мере, пиво хоть холодное, — сказал он, добавляя соль в свой бокал. Потом залпом осушил его наполовину. — Я заметил, что вы стояли впереди почти на всех сегодняшних представлениях. Вам нравится то, что мы показываем, или у вас просто крепкие нервы?

— Мне нравится представление. Я — репортер, меня зовут Дэн Брим.

— Всегда рад встретиться с представителем прессы. Как говорят умные люди, без паблисити нет шоу-бизнеса. Мое имя — Стэнли Арнольд... Зовите меня просто Стэн.

— Значит, Франкенштейн — ваш театральный псевдоним?

— А что же еще? Для репортера вы как-то туго соображаете, вам не кажется?..

Дэн достал из нагрудного кармана свою журналистскую карточку, но Стэн пренебрежительно от нее отмахнулся.

— Да нет же, Дэн, я вам верю, но согласитесь, что ваш вопрос немного отдавал провинциализмом. Бьюсь об заклад, вы уверены, что у меня — настоящий монстр!

— Ну вы же не станете отрицать, что выглядит он очень натурально. То, как сшита кожа, и эти втулки, торчащие из головы...

— Вся эта бутафория держится с помощью гримировального лака, а стежки нарисованы карандашом для бровей. Это шоу-бизнес, сплошная иллюзия. Но я рад слышать, что мой номер выглядит натурально даже для такого искушенного репортера, как вы. Я не уловил, какую газету вы представляете?

— Не газету, а информационный синдикат. Я узнал о вашем номере примерно полгода назад и очень им заинтересовался. Мне пришлось быть по делам в Вашингтоне, там я навел о вас справки, потом приехал сюда. Вам не очень нравится, когда вас называют Стэном, правда? Лучше бы говорили Штейн. Ведь документы о предоставлении вам американского гражданства составлены на имя Виктора Франкенштейна...

— Что вы еще обо мне знаете? — Голос Франкенштейна неожиданно стал холодным и невыразительным. Дэн заглянул в свои записи на желтых листках.

— Да... вот это. Получено из официальных источников. Франкенштейн, Виктор... Родился в Женеве, прибыл в Соединенные Штаты в 1938 году... и так далее.

— А теперь вам только осталось сказать, что мой монстр — настоящий. — Франкенштейн улыбнулся одними губами.

— Могу поспорить, что он действительно настоящий. Никакие тренировки с помощью йоги или воздействия гипноза, а также любые другие средства не могут привести к тому, чтобы живое существо стало таким безразличным к боли, как ваш монстр. Нельзя его сделать и таким невероятно сильным. Хотелось бы знать все до конца, во всяком случае правду!

— В самом деле?.. — ледяным тоном спросил Франкенштейн.

Возникла напряженная пауза. Наконец Франкенштейн рассмелся и похлопал репортера по руке.

— Ладно, Дэн, я расскажу вам все. Вы дьявольски настойчивы, профессионал высокого класса, так что, как минимум, заслуживаете знать правду. Но сначала принесите еще что-ни-

будь выпить, желательно чуточку покрепче, чем это гнусное пиво...

Его нью-йоркский акцент улетучился столь же легко, как перед этим — немецкий. Теперь он говорил по-английски безукоризненно, без какого-либо местного акцента.

Дэн сдвинул в сторону пустые кружки.

— К сожалению, придется пить пиво, — заметил он. — В этом округе сухой закон.

— Ерунда! — воскликнул Франкенштейн. — Мы находимся в Америке, а здесь любят возмущаться по поводу двойственной морали за рубежом. Но в самой Америке ее практикуют настолько эффективно, что посрамляют Старый Свет. Официально округ Бей может считаться «сухим», но закон содержит множество хитрых оговорок, которыми пользуются корыстолюбцы. Так что под стойкой вы обнаружите достаточное количество прозрачной жидкости, носящей славное название «Белая лошадь». Она воздействует на человека столь же сильно, как и удар копытом означенного животного. Если вы все еще сомневаетесь, можете полюбоваться на дальней стене оправленной в рамочку лицензией на право торговли спиртным со ссылкой на федеральный закон. Так что правительству штата не к чему придрататься... Просто положите на стойку пятидолларовую бумажку и скажите: «Горная роса» — и не спрашивайте сдачи.

Когда оба они сделали по глотку, наслаждаясь отличным виски, Виктор Франкенштейн заговорил необыкновенно дружеским тоном:

— Называй меня Виком, приятель. Я хочу, чтобы мы были друзьями. Я расскажу тебе историю, которую мало кто знает. История удивительная, но это — чистая правда. Запомни — правда, а не всякая чушь вроде измышлений, недомолвок и откровенного невежества, которые ты найдешь в отвратительной книге Мэри Годвин. О, как мой отец сожалел, что вообще встретил эту женщину и в минуту слабости доверил ей тайну, раскрывшую некоторые изначальные направления его исследований!..

— Минуточку! — перебил его Дэн. — Вы сказали, что будете говорить правду, но меня не проведешь. Мэри Уоллстонкрафт Шелли написала свое произведение «Франкенштейн, или Современный Прометей» в 1818 году. Значит, вы и ваш отец должны быть настолько старыми...

— Дэн, пожалуйста, не перебивай меня. Заметь, я упомянул об исследованиях моего отца во множественном числе. Все они были посвящены тайнам жизни. Монстр, как его теперь называют, был его созданием. Отец прежде всего интересовался долгожительством и сам дожил до весьма преклонного возраста, которого достигну и я. Не стану докучать тебе и называть год моего рождения, а просто продолжу рассказ. Так вот, Мэри Годвин жила тогда со своим поэтом, и они не были женаты. Это и дало моему отцу надежду, что в один прекрасный день Мэри может обратить внимание на то, что он не лишен обаяния, а отец ею сильно увлекся. Ты легко можешь себе представить, каков был финал этой истории. Мэри аккуратно записала все, что он порассказал, затем порвала с ним и использовала свои записи в известной презренной книге. Но она допустила при этом множество грубейших ошибок...

Франкенштейн перегнулся через стол и снова по-приятельски похлопал Дэна по плечу. Этот панибратский жест не слишком нравился репортеру, но он сдержался. Главное, чтобы собеседник выговорился.

— Прежде всего Мэри сделала в книге отца швейцарцем. От одной мысли об этом он готов был рвать на себе волосы. Ведь мы из старинной баварской семьи, ведущей происхождение от древнего дворянского рода. Она написала также, что отец был студентом университета в Ингольштадте, но ведь каждый школьник знает, что университет этот был переведен в Ландшут в 1800 году. А сама личность отца — она позволила себе в отношении его немало непростительных искажений! В ее клеветническом опусе он изображен нытиком и неудачником, а в действительности он был средоточием силы и решительности. Но это еще не все. Мэри абсолютно превратно поняла значение его экспериментов. Ее утверждение, будто отец сочленял разрозненные части тел, пытаясь создать искусственного человека, просто нелепица. От истины ее увели легенды о Талосе и Големе, и она связала с ними работы отца. Он вовсе не пытался создавать искусственного человека, он реанимировал мертвеца! В этом-то и заключается величие его гения! Много лет он путешествовал по отдаленным уголкам африканских джунглей, изучая сведения о зомби. Он систематизировал полученные знания и усовершенствовал их, пока не превзошел своих учителей-аборигенов. Он научился воскрешать людей из мерт-

вых — вот на что он был способен. В этом и состояла его тайна. А как эту тайну сохранить теперь, мистер Дэн Брим?

Глаза Виктора Франкенштейна широко раскрылись, и в них блеснул зловещий огонек. Дэн инстинктивно отпрянул, но тут же успокоился. Он был в полной безопасности в этом ярко освещенном баре, в окружении множества людей.

— Ты испугался, Дэн? Не бойся.

Виктор улыбнулся, снова протянул руку и похлопал Дэна по плечу.

— Что вы сделали? — испуганно спросил Дэн, почувствовав, как что-то слабо кольнуло его в руку.

— Ничего, пустяки...

Франкенштейн снова улыбнулся, но улыбка была чуточку иной, пугающей. Он разжал кулак — и на ладони его оказался пустой медицинский шприц крохотных размеров.

— Сидеть! — тихо приказал он, видя, что Дэн намерен подняться.

Мышцы репортера сразу обмякли, и он, охваченный ужасом, плюхнулся обратно на скамью.

— Что вы со мной сделали?

— Ничего особенного. Совершенно безвредная инъекция. Небольшая доза обыкновенного снотворного. Его действие прекратится через несколько часов. Но до тех пор твоя воля будет полностью подчинена моей. Будешь сидеть смиренно и слушать меня. Выпей пива, мне не хочется, чтобы тебя мучила жажда.

Дэн в панике как бы со стороны наблюдал, как он будто по собственному желанию поднял руку с кружкой и начал пить пиво.

— А теперь, Дэн, соберись и постарайся понять важность того, что я тебе скажу. Так называемый монстр Франкенштейна — не сшитые воедино куски и части чьих-то тел, а добрый, честный зомби. Он — мертвец, который может двигаться, но не способен говорить. Подчиняется, но не думает. Двигается — и все же мертв. Бедняга Чарли и есть то самое существо, которое ты наблюдал на сцене во время моего номера. Но Чарли уже основательно поизносился. Он мертв — и потому не способен восстанавливать клетки своего тела, а ведь они каждодневно разрушаются. Всюду у него прорехи — приходится его латать. Ноги его в ужасном состоянии — пальцев на них почти не осталось. Они отваливаются при быстрой ходьбе. Самое время

отправить Чарли на свалку. Жизнь у него была длинная, и смерть — не менее продолжительная. Встань, Дэн!

В мозгу репортера истошно билась мысль: «Нет! Нет!» — но он послушно поднялся.

— Тебя не интересует, чем занимался Чарли до того, как стал монстром, выступающим в шапито? Какой ты, Дэн, недогадливый! Старина Чарли был так же, как и ты, репортером. Он прослышал про любопытную историю — и взял след. Как и ты, он не понял всей важности того, что ему удалось раскопать, и разговорился со мной. Вы, репортеры, не в меру любопытны. Я покажу тебе папку газетных вырезок, которая полна журналистских карточек. Разумеется, я это сделаю до твоей смерти. После ты уже не сможешь все это оценить. А теперь — марш!

Дэн последовал за ним в темноту тропической ночи. Внутри у него все зашлось от ужаса, и все же он молча, покорно шел по улице.

КАК УМЕР СТАРЫЙ МИР¹

— Дедушка, расскажи, пожалуйста, как наступил конец света, — попросил мальчик, глядя на морщинистое лицо старика, сидящего рядом с ним на стволе упавшего дерева.

— Я тебе уже много раз рассказывал, — пробормотал старик, которого разморило на солнышке. — Наверняка тебе интереснее будет послушать о поездах. Как сейчас помню, они...

— Про конец света, дедушка. Расскажи, как он настал, как все пошло прахом.

Старик вздохнул и почесал ногу, сдавшись перед настырностью молодого поколения.

— Не надо говорить, что всему миру пришел конец, Энди.

— Но ты сам всегда так говорил.

— Я говорил лишь, что пришел конец тому миру, который мы знали. Сокрушительный был переворот. Смерть, разрушения, хаос, убийства, насилие, грабежи.

Энди восторженно пискнул. Эта часть истории всегда нравилась ему больше прочих.

— И еще кровь и террор, дедушка, — про них не забудь.

¹ How the Old World Died, 1966. © Перевод на русский язык, «Полярис». 1984

— Их тоже хватало. И повинен во всем Александр Партагас Скоби, да будет проклято его гнусное имя!

— Ты знал его, дедушка? — спросил Энди, знающий рассказ деда наизусть.

— Да, видел я этого Скоби. Как-то он прошел совсем рядом со мной — не дальше, чем ты сейчас от меня сидишь, — и даже остановился, чтобы поговорить. Я был с ним вежлив. Вежлив! Эх, если бы я знал то, что знаю сейчас... Тогда еще были фабрики, а я, честный работяга, обслуживал гидравлический пресс. И мне бы не бормотать себе «Да, доктор Скоби, спасибо, доктор Скоби», а взять, да и сунуть его под пресс. Вот как мне следовало поступить.

— Что такое гидравлический пресс?

Дед не услышал вопрос внука — он начал рассказ, мысленно погружившись в те далекие дни, когда сильнее людей в мире не было никого.

— Скоби был сумасшедшим — так говорили потом, когда, разумеется, стало слишком поздно, но ни у кого не хватило ума заметить это вовремя. Вокруг него ходили на цыпочках, выслушивали его идеи и пытались отговорить, а когда он не захотел никого слушать, его просто оставили в покое. Махнули на него рукой! На него — безумного, как мартовский кот, имевшего огромную лабораторию, деньги в банке, да еще и пенсию на тот случай, если денег не хватит!

— Этот старый Скоби ненавидел людей и хотел всех погубить. Да, дедушка?

— Если честно, то так говорить нельзя. — Дедушка пересел на другое место — из тени на солнышко — и распахнул лохмотья некогда добротного костюма, чтобы стариковские кости получше прогрелись. — Я ненавижу Скоби не меньше любого другого, но честность есть честность. Когда выяснилось, что он натворил, его убили так быстро, что никто не удосужился спросить, ради чего он это сделал. Может, он считал, будто поступает правильно. А может, любил роботов больше, чем людей. А уж как создавать роботов, он знал прекрасно — тут надо отдать ему должное. Помню, еще за несколько лет до конца появилось много придуманных Скоби роботов, и все опасались, что они сделают людей безработными, и все такое прочее. Люди не знали и половины правды. Роботы отняли у них все. Люди всегда опасались того, что роботы ополчатся на них, превра-

тятся в монстров и пойдут на них войной. Да ничего подобного! Скоби сделал таких роботов, что они даже не подозревали о существовании людей.

— Он сделал их и тайком выпустил в укромном месте, чтобы никто не узнал? — нетерпеливо спросил Энди. Это место в детушкином рассказе ему нравилось больше всего.

— Одному богу известно, сколько он их наклепал и выпустил — по всему миру, во всех укромных уголках. Одних он подбросил на автомобильные свалки, они зарылись под старые машины и исчезли. Других возле сталеплавильных заводов, и роботы спрятались в кучах металлолома. Они оказались повсюду, и прошли месяцы, прежде чем их обнаружили, а к тому времени стало уже слишком поздно. Их было уже не остановить.

— Они сами себя собирали, — подсказал Энди.

— Они не собирали сами себя, тут ты не совсем точен. Те, которых подбросил Скоби, уже были собраны. И собраны отлично, просто и умно. Вместо мозгов у них имелась стальная лента с записью. А на той ленте записана одна-единственная программа — собирать других, точно таких же роботов. И когда робот заканчивал собирать другого робота, он активировал его, переписывая ему в мозг копию своей программы, и новый робот тут же принимался за работу. А роботы Скоби оказались очень гибкие. Некоторые были сделаны почти целиком из алюминия. Забрось такого в хранилище старых самолетов, и через неделю там окажется два робота — если первый сумеет отыскать консервную банку, чтобы сделать ленту с программой. У Скоби имелась даже разновидность, состоящая из деревянных деталей и работавшая на древесном угле, — такие отлично прижились в джунглях Амазонки и Верхнего Конго. Они оказывались во всех мыслимых местах, и даже в таких, о которых никто никогда бы и не подумал. Никто, но не Скоби, потому что он был психом. Всех первых роботов он сделал боящимися света, вот они и шныряли в темноте, а их никто не замечал, пока не стало слишком поздно. Когда же люди наконец поняли, что происходит, роботов стало почти столько, сколько людей. А через несколько дней — уже больше, чем людей, и наступил конец.

— Но с ними сражались? Пушками, танками, любым оружием? Взрывали старых роботов на куски?

— Тысячами. А новые появлялись миллионами. У танков кончились снаряды, потому что роботы разобрали по кусочкам

все фабрики, чтобы делать новых роботов, и пока танк спереди разносил роботов из пушки, другие роботы разбирали танк сзади, тут же собирая новых. Сущий ад, скажу я тебе. Я сражался, мы все сражались, но победить мы просто не могли. Роботы не возражали, когда их взрывали. Отстрелили у робота нижнюю половину, а верхняя как ни в чем не бывало продолжит собирать нового. А другие роботы уже стоят наготове — подпрыгивают от нетерпения и толкаются, так им не терпится ухватить обломки и собирать из них новых. В конце концов, мы сдались — ничего другого не оставалось. Нужно же было как-то жить, а найти еду и остаться в живых тоже стало работой.

Ветерок зашелестел листьями, солнце скрылось за деревьями. Дедушка встал и потянулся: он не любил прохладу.

— Пойдем-ка лучше домой.

— Тогда и наступил конец света? — спросил внук, теребя деду за руку, — ему хотелось услышать рассказ до конца.

— Наступил конец того мира, который знал я и которого ты никогда не увидишь. Конец цивилизации, конец свободе, конец могуществу людей. Они перестали быть высшими существами на этой планете — теперь правят роботы.

— А учитель говорит, что они вовсе не правят, а просто существуют, как деревья или камни. И они такие же нейтральные — вот что говорит учитель.

— Да что ваш учитель знает? — горько пробормотал дедуля. — Он еще пацан, двадцать лет всего. Пусть лучше меня послушает. Роботы правят миром. А человечество рухнуло, не удержавшись на вершине власти.

Они вышли из леса и тут же увидели возле тропы робота, самозабвенно мастериющего шестеренку из куска металла. Разгневавшись, дед угостил робота пинком в бок. То ли тот был плохо собран, то ли материал оказался слабоват, но когда робот упал, у него отвалилась голова. Не успела она коснуться земли, как со всех сторон послышался торопливый топот. Набравшие роботы тут же подхватили голову и поймали катящуюся шестеренку. Потом наступила очередь обезглавленного робота: суется и толкаясь, собратья быстро разобрали его на части и убежали.

— Энди! — позвала мать, выйдя на выложенную каменными плитками дорожку, ведущую к симпатичному домику.

— Готов поспорить, мы опять опаздываем к ужину, — вино-

вато произнес мальчик. Он торопливо взбежал по ступенькам, сделанным из накрепко сваренных тел роботов, и взялся за дверную ручку — ладонь робота. Чтобы открыть дверь, нужно было с ней поздороваться и повернуть вниз. Мальчик вбежал в дом.

Дедушка задержался, не желая угодить дочке на острый язычок. Он вспомнил, что она говорила ему в прошлый раз:

— Не смей забивать мальчику голову всякой чепухой. Мы живем в хорошем мире. Ну почему ты не хочешь надеть приличную одежду из изоляции роботов, какую носим мы все? Нет, тебе приятнее таскать на себе старые вонючие тряпки! Роботы — наш национальный ресурс, а вовсе не враги. Нам никогда еще не жилось так хорошо!

И так далее, все та же старая песня.

Он набил табаком трубку, сделанную из пальцев роботов, и раскурил ее. Послышался топот бегущих ног, из-за угла показался фермерский фургон, сделанный из толстых досок, привинченных к обрезанным туловищам десятка роботов. От них остались лишь мотор в брюхе да ноги, и это средство передвижения совершенно не зависело от дорог. Такими фургонами пользовались все фермеры в деревне — никаких тебе расходов и обслуживания, а вдобавок неограниченный запас бесплатных запасных частей.

— Пусть говорят что хотят, но никакая это не утопия, — пробормотал дед, яростно дымя трубкой. — Люди должны упорно работать и не получать все готовым на блюдечке. А сейчас эти лентяи все делают из кусков роботов, и честному работнику даже нечем себя занять на весь день, как бы ему ни хотелось.

Конец света — вот что это такое.

Конец моего мира!

КОСМИЧЕСКИЕ КРЫСЫ ДДД

Валяй, парень, садись! Да хоть сюда... Не церемонься со старым Фрннксом, спихни его, и дело с концом, пускай дрыхнет на полу. Ты ведь знаешь крддлов, совсем не выносят приличной выпивки, а уж о флннксе и говорить нечего. Если же курнуть вдобавок адскую травку крммл... Ну-ка, плесну тебе флннкса... О-о, виноват, прямо на рукав. Ну да ладно, когда подсохнет, соскребешь ножом. Твое здоровье! Чтоб выдержала обшивка, когда за тобой будут гнаться орды кпннзов!

Нет, прости, твое имя мне незнакомо. Слишком много хороших парней приходит и уходит, а самые лучшие умирают рано... разве не так? Я? Ты обо мне вряд ли слышал, зови просто Старина Сержант, нормальное прозвище, не хуже прочих. Хорошие парни, говорю, и лучшим среди них был... назовем его Джентльмен Джакс. Его звали по-другому, но на одной планете, имя которой мне хорошо известно, этого парня ждет одна девочка, все ждет и ждет, не сводя глаз с мерцающих шлейфов прибывающих дальних рейсовиков... Так ради нее будем звать его Джентльменом Джаксом, ему бы это понравилось и ей тоже, если бы она услышала это прозвище, хотя девочка, должно быть, слегка поседела или полысела с тех пор и мучается артритом от бесконечного сидения и ожидания. Впрочем, ей-богу, это уже совсем другая история, и, клянусь Орионом, не мне ее рассказывать... Молодец, угощайся, наливай больше. Не дрейфь, у хорошего флнкса всегда зеленоватый дымок, только лучше прикрой глаза, когда пьешь, не то через неделю будешь слеп — ха-ха-ха! — клянусь священным именем пророка Мррдла!

Я знаю, о чем ты думаешь: что делает старая космическая крыса в этом рейсе на самый край галактики, где из последних сил мерцают чахлые бледные звезды и ищут покой усталые протоны? Что я делаю? Скажу — надираюсь похлеще планицианского пфрдфла, вот что! Говорят, выпивка туманит память, а мне, Лебедь свидетель, не мешало бы кое-что забыть! Я вижу, ты разглядываешь шрамы на моих руках, за каждым — целая история. Да, приятель, и каждый шрам на моей спине — целая история, и шрамы на... Впрочем, это уже другая история. Так и быть, я расскажу тебе кое-что, и это будет чистая правда, клянусь пресвятым Мрдлом, ну, может, изменю парочку имен, сам понимаешь — девушка ждет и все такое прочее.

Слыхал от кого-нибудь про ДДД? Судя по тому, как расширились твои глаза и побелела темная от космического загара кожа, слышал. Так вот, Старина Сержант, твой покорный слуга, входил в число первых Космических Крыс ДДД, а моим закадычным другом был парень, который известен ныне как Джентльмен Джакс. Да проклянет великий Крамддл его имя и уничтожит память о том дне, когда я впервые его увидел...

— Выпускники, смир-р-но!

Зычный голос сержанта взорвал тишину и, словно удар бича, хлестнул по ушам кадетов, выстроенных в математически

точные ряды. Одновременно с отрывистым щелчком многообещающей команды оглушительно щелкнули, сдвинувшись вместе, сто три ботинка, начищенные до невероятного блеска, и восемьдесят семь кадетов выпускного класса зашелкнулись в единый металлический фронт. (Уместно пояснить, что некоторые происходили с иных миров и обладали разными наборами ног и всего прочего.) Ни одна грудь не впустила и молекулы воздуха, ни одно веко не дернулось и на тысячную долю миллиметра, когда, буравя выпускников взглядом стеклянного глаза сквозь стеклянный монокль, вперед ступил полковник фон Грудт — с коротко остриженными, седоватыми, жесткими, как колючая проволока, волосами, в безупречно пошитом и отлично сидящем черном мундире, с сигаретой, скрученной из травки крммл, в стальных пальцах искусственной левой руки; затянутые в черную перчатку пальцы искусственной правой руки взметнулись к околышу фуражки в четком воинском салюте, и тонко взвыли моторы в искусственных легких, рождая энергию для бробдинегского рева громоподобной команды.

— Вольно. Слушать меня. Вы отборные люди — и отборные нелюди, конечно, — со всех цивилизованных миров галактики. Шесть миллионов сорок три кадета приступили к первому году обучения, и большинство из них по разным причинам выбыли. Некоторые не сдали экзаменов. Некоторые были исключены и расстреляны за содомию. Некоторые поверили лживым либеральным слезам красных комми, утверждающих, будто в постоянной войне и резне нет никакой надобности; их тоже исключили и расстреляли. На протяжении ряда лет слабаки отсеивались, пока не осталось ядро Дивизии — вы! Воины первого выпускного класса ДДД! Будьте готовы нести блага цивилизации к звездам! Будьте готовы узнать, наконец, что означают буквы ДДД!

Оглушительный рев вырвался из объединенной глотки, хриплый вопль мужского одобрения, гулким эхом наполнивший чашу стадиона. По знаку фон Грудта был нажат переключатель, и гигантская плита непроницата скользнула над головами, закрыв стадион от любопытствующих глаз и ушей и назойливых шпионских лучей. Громоподобные голоса гремели от энтузиазма — не одна барабанная перепонка лопнула в тот день! — но когда полковник поднял руку, мгновенно наступила тишина.

— Вам не придется в одиночестве продвигать границы цивилизации к варварским звездам, о нет! Каждого будет сопровожд-

дать верный друг. Правофланговый первой шеренги — шаг вперед! Вот он, ваш верный друг!

Вызванный десантник вышел из строя четким шагом, звучно шелкнул каблуками — эхом прозвучал треск распахнувшейся настежь двери, и все глаза на стадионе невольно обратились к черному проему, из которого возник...

Как описать его? Как описать смерч, который сбивает вас с ног, ураган, который заглатывает вас целиком, космический вихрь, который пожирает вас без следа? Это было неопишимо, как всякое стихийное явление.

Перед кадетами явилось создание трех метров в холке, четырех метров вместе с уродливой, истекающей слюной, лязгающей зубами головой. Этот смерч-ураган-вихрь ворвался на четырех могучих, напоминающих поршни лапах, продирая огромными когтями глубокие борозды в неуязвимой поверхности непроницаемого покрытия. Чудовищная тварь, порождение кошмарного горячечного бреда, огласила стадион леденящим душу криком.

— Вот! — взревел в ответ полковник фон Грудт, и на его губах выступила кровавая пена. — Вот ваш преданный друг, мутаверблюд, мутация благородного дромадера со Старой Доброй Земли, символ и гордость ДДД-Десантной Дромадерской Дивизии! Прошу знакомиться!

Вызванный десантник шагнул вперед, поднял руку, приветствуя благородное животное, и зверюга мгновенно эту руку откусила. Пронзительный вопль кадета смешался с задушенным вздохом его товарищей, которые, отбросив праздный интерес, во все глаза глядели, как выскочившие укротители верблюдов, зятянутые в кожаную португепю с медными пряжками, орудовали дубинками, прогоняя упирающегося верблюда; врач тем временем зятянул жгут на культяшке раненого и отволлок безжизненное тело в сторону.

— Первый урок по боевым верблюдам, — хрипло выкрикнул полковник. — Никогда не протягивайте к ним руку. Ваш товарищ, ставший кандидатом на пересадку руки, — ха-ха! — я уверен, не забудет этого маленького урока. Следующий кадет. Следующий друг!

Вновь топот грохочущих лап и пронзительное визгливое клекотание боевого верблюда во всем атакующем блеске. На этот раз десантник не поднял руки, и верблюд откусил ему голову.

— Боюсь, что голову уже не пересадишь, — зловеще ухмыльнулся полковник. — Почтим секундой молчания покинувшего нас товарища, который удалился на большую стартовую площадку в небесах. Достаточно. Смир-р-но! Сейчас вы пройдете на учебный плац и научитесь обращаться с вашими верными друзьями. Не забывайте, что каждый из них снабжен комплектом вставных зубов из непроницатия и острыми, как бритва, накладными когтями из того же материала. Разойтись!

Казармы курсантов славились своей спартанской обстановкой, известной под кодовым обозначением ничего лишнего или «без нежностей». Постелями служили непроницатые плиты — никаких подтачивающих спины матрасов! — покрытые простынями из тонкой мешковины. Одежд, разумеется, не было — да и к чему они, если в помещении поддерживалась полезная для здоровья температура в 4° по Цельсию? Остальные удобства были под стать, посему выпускников ожидало потрясение, когда, вернувшись после церемонии и тренировки, они обнаружили в казармах непривычные предметы роскоши: каждая лампа для чтения была снабжена «абажуром», а на каждой койке лежала изумительная, мягкая, двухсантиметровой толщины «подушка». Так кадеты начали пожинать плоды долгих лет труда.

Надо заметить, что среди курсантов наипервейшим был некто по имени М. Есть секреты, которые не подлежат оглашению. Есть имена, знать которые положено только родным и близким. Укутаем же пеленой тайны истинную личность человека, известного, как М. Достаточно называть его «Стилет», ибо так именовали того, кто знал его лучше всех. «Стилет», или проще Стилет, жил в ту пору в одной комнате с парнем по имени Л. Позже, гораздо позже, в узком кругу лиц он стал известен как «Джентльмен Джакс», так что в целях вашего повествования мы тоже будем именовать его «Джентльменом Джаксом», или просто-напросто «Джаксом», или, как произносят иные, Джаксом. В учебных и спортивных делах Джакс уступал только Стилету, и эти двое были неразлучными друзьями. Весь последний год они делили одну комнату на двоих, и теперь, в этой самой комнате, оба, задрав ноги, купались в нежданной роскоши новой обстановки — потягивали декофеинизированный кофе, именуемый коф-фе, и дымили деникотинизированными сигаретами местного производства, которым заготови-

тель дал имя «Дениксиг», однако все курсанты ДДД с юмором называли их не иначе как «горлодеры» и «термоядерные».

— Брось-ка мне горлодерку, Джакс, — сказал Стилет, развалившись на койке. Заложив руки за голову, он размышлял о том, что готовит ему судьба в ближайшем будущем, когда у него появится свой собственный верблюд.

— Ох-хо! — хохотнул он, когда пачка угодила ему в глаз.

Стилет вытащил длинную белую палочку, постучал ею по стене, чтобы кончик воспламенился, и затянулся освежающим дымом.

— Мне до сих пор не верится... — он выпустил дымные кольца.

— Клянусь Мрддлом, это правда, — Джакс улыбнулся. — Мы выпускники. Верни-ка мне пачку термоядерных, я тоже хочу затянуться разика два.

Стилет выполнил просьбу столь энергично, что пачка ударила в стену, и мгновенно все сигареты вспыхнули ярким пламенем. стакан воды усмирив разбушевавшийся пожар, и тут, пока огонь еще шипел в тщетной ярости, на экране связи загорелся красный сигнал.

— Срочный вызов! — рявкнул Стилет, хлопнув ладонью по кнопке приема. На экране возник суровый облик полковника фон Грудта. Оба молодых человека вскочили по стойке «смирно».

— М., Л., в мой кабинет на третьей скорости, живо!

Слова срывались с губ полковника, словно свинцовые капли. Что бы это значило?

— Что это значит? — спросил Джакс, когда они прыгнули в падашют и помчались вниз с ускорением, близким к свободному падению.

— Скоро узнаем! — выпалил Стилет у двери «старика» и нажал на докладную клавишу.

Движимая неким потайным механизмом, дверь распахнулась настежь, и молодые люди, с плохо скрываемым трепетом, вошли в кабинет. Но что это? Что «это»? Полковник смотрел на них с улыбкой — с «улыбкой»! Подобное выражение никогда раньше не ложилось на его непреклонное чело.

— Устраивайтесь поудобнее, парни, — предложил он и указал на мягкие кресла, выросшие из пола при нажатии кнопки. — В подлокотниках этих сервокресел вы найдете горлодеру, а также валумийское вино и снаггианское пиво.

— И никакого коф-фе? — у Джакса даже челюсть отвисла. Все засмеялись.

— Вряд ли вы по нему тоскуете, — игриво прошелестел полковник искусственной гортанью. — Пейте, парни! Теперь вы — Космические Крысы ДДД и юность осталась позади... Ну что вы скажете об «этом»?

Он прикоснулся к кнопке, и в воздухе явилось «это» — объемное изображение космического корабля, подобного которому никто еще не видел на белом свете, изящного, словно меч-рыба, грациозного, словно птица, могучего, словно кит, и вооруженного до зубов, словно аллигатор.

— Святой Колумп! — выдохнул Стилет, разинув от удивления рот. — Вот что я называю ракетой ракет!

— Некоторые из нас предпочитают называть ее «Совершенством», — не без юмора заметил полковник.

— Так это «она»? Мы слышали...

— Вы мало что могли слышать, потому что создание этой малышки с самого начала держалось в строжайшей тайне. Корабль оснащен беспрецедентно большими двигателями — улучшенная модель Макферсона самой современной конструкции, ускорителем Келли, усовершенствованным до такой степени, что вам его вовек не узнать, и лучеметами Фицроя удвоенной мощности — по сравнению с ними старые излучатели кажутся детскими хлопучками. Но лучшее я приберег напоследок.

— Ничего лучшего и представить себе невозможно! — перебил Стилет.

— Это «тебе» только так кажется! — беззлобно хохотнул полковник, издавая звуки, подобные треску рвущейся стали. — Самое лучшее — то, что ты, Стилет, будешь капитаном этого космического супердредноута, а счастливчик Джакс — его главным инженером.

— Счастливчик Джакс был бы гораздо счастливее, если бы капитаном был он. Капитаном, а не властителем кочегарки, — пробормотал счастливчик Джакс, и все рассмеялись. Все, кроме него, ибо он не шутил.

— Все полностью автоматизировано, — продолжал полковник, — так что экипажа из двух человек вполне достаточно. Но я должен предупредить вас, что на борту находится экспериментальное оборудование, так что, кто бы ни полетел, он должен добровольно...

— Согласен! — заорал Стилет.

— Что-то мне в нужник захотелось, — сказал Джакс, поднимаясь, и тут же мгновенно сел на место — жуткий на вид бластер сам по себе выскочил из кобуры прямо в руку полковника.

— Ха-ха, шутка. Конечно, согласен!

— Я знал, ребята, что на вас можно положиться. ДДД воспитывает настоящих «мужчин». И разумеется, настоящих верблюдов тоже. Итак, вот что вы должны сделать. Завтра утром в 0304.00 часа вы оба возьмете старт на «Совершенстве» и продырявите эфир в направлении Лебеда. Возьмете курс на «некую» планету...

— Ну-ка, ну-ка, пожалуй, я могу угадать какую, — зловеще сказал Стилет, скрежеща зубами. — Это что же, шутки ради вы хотите послать вас на планету Биру-2, битком набитую ларшниками?

— Именно. Это главная база ларшников, секретное игорное гнездо и центр торговли наркотиками, место, где разгружаются транспорты с белыми рабами и печатается фальшивая «капуста», очаг перепонки флнккса и логово пиратских орд.

— Если вы хотите драки, похоже, вы ее получите, — скривился Стилет.

— А ты, я вижу, слов на ветер не бросаешь, — согласился полковник. — Если бы мне скинуть годы да поменьше протезов, я бы ухватился за такую возможность при первом...

— Вы могли бы стать главным инженером, — намекнул Стилет.

— Заткнись! — отрубил полковник. — Удачи вам, джентльмены, и пусть слава ДДД не покинет вас.

— И верблюдов тоже? — спросил Стилет.

— Верблюдов как-нибудь в другой раз. Перед нами встала проблема... э-э... притирки. Пока мы здесь сидим с вами, мы потеряли еще четверых выпускников. Может быть, даже придется сменить животных. Пусть это будет ДСД.

— С боевыми «собаками»? — спросил Джакс.

— Или со свиньями. А то и с сиренами. Но это уж моя забота, а не ваша. Все, что от вас требуется, парни, — это добратсья до Биру-2 и расколоть эту планету как гнилой орех. Я знаю, вам это по плечу.

Если у каменноликих десантников и были какие-то сомнения, они оставили их при себе, ибо таков порядок, заведенный в Дивизии. Они сделали все необходимые приготовления, и на следующее утро ровно в 0304.00 могучее тело «Совершенства»

умчалось в пространство. Ревущие двигатели Макферсона изливали в реактор квинтильоны эргов энергии, и наконец корабль оказался на безопасном расстоянии от гравитационного поля матушки Земли. Джакс в поте лица трудился возле двигателей, швыряя полные лопаты радиоактивного «травсвестита» в зияющую пасть голодной топки, пока наконец Стилет не просигналил с мостика, что наступило время поворота «оверсвет». И они переключились на ускоритель Келли — пожиратель пространства. Стилет вдавил кнопку включения ускорителя, и огромный корабль рванулся к звездам со скоростью, в семь раз превышающей световую. Поскольку ускоритель был полностью автоматизированным, Джакс освежился в освежителе, а его одежда была выстирана в стирателе. Затем Джакс вышел на мостик.

— Ого, — сказал Стилет, и его брови поползли на лоб. — Я и не знал, что ты носишь суспензорий в «горошек».

— Это единственный предмет одежды, который остался чистым. Всю остальную одежду стиратель растворил.

— Не беспокойся об этом. Пусть теперь беспокоятся ларшники с Биру-2! Мы войдем в атмосферу ровно через семнадцать минут, и я как раз обдумывал, как нам лучше поступить, когда это произойдет.

— Разумеется, «кому-то» из нас ведь надо мозгами шевелить! Я даже перевести дух не мог — не то чтобы задуматься.

— Не трепыхайся, старик, мы ведь оба по уши в этом деле. Как я это вижу, у нас два варианта выбора. Мы можем ворваться с ревом, паля из всех пушек, а можем подкрасться тайком.

— О-о, ты и на самом деле «думал».

— Пропущу это мимо ушей, потому что ты устал. Как бы мы ни были сильны, я допускаю, что наземные батареи еще сильнее. Предлагаю проскользнуть так, чтобы нас не заметили.

— Не трудновато ли, если учесть, что мы летим на корабле массой тридцать миллионов тонн?

— В обычных условиях — да. Однако видишь ли ты эту кнопку с надписью «зависимость»? Пока ты загружал топливо, мне объяснили, в чем тут суть. Это новое изобретение, его никогда еще не испытывали, оно обеспечит нам невидимость и недосыгаемость для любых средств обнаружения.

— Похоже на дело. Еще лететь пятнадцать минут, мы уже совсем близко. Включаем этот замечательный луч невидимости...

— «Не смей»!

— Сделано. А в чем проблема?

— Уже ни в чем. Кроме того, что экспериментальное устройство невидимости рассчитано не более чем на тринадцать минут работы, затем оно перегорает.

К несчастью, так и произошло. В ста милях от бесплодной, искореженной поверхности Биру-2 добрый старый корабль «Совершенство» возник из небытия.

В наимельчайшую долю миллисекунды мощный космический сонар и суперрадар зловеще скрестили лучи на вторгшемся корабле, а контрольные лампочки на пультах управления уже мигали секретным кодом, ожидая, когда поступит правильный ответ, который позволит считать посягателя одним из своих.

— Я пошлю сигнал и натяну им нос, — рассмеялся Стилет. — Эти ларшники весьма туповаты.

Он нажал большим пальцем кнопку микрофона, переключился на межзвездную аварийную частоту и жалобно проскрежетал:

— Агент Икс-9 — главной базе. Принял огневой бой с патрулем, сжег кодовые книги, но приручил этих ... до единого, ха-ха! Возвращаюсь домой с грузом — на борту 800000 тонн адской травки крммл.

Реакция ларшников была мгновенной. Разверстые жерла тысяч гигантских орудийных бластеров, вкопанных в землю, выплюнули лучи изголодавшейся энергии, от которых задрожала сама материя пространства. Эта сверкающая лавина обрушилась на неприступные защитные экраны старого доброго корабля «Совершенство», которому, увы, не суждена была долгая жизнь, в мгновение ока прошла защиту и ударила сверкающим валом в борт самого корабля. Никакая материя не могла противостоять этой силе, высвобожденной из сверкающих недр планеты, посему неуязвимые металлические непроницаемые стенки моментально испарились, обратившись в неосязаемый газ, который в свою очередь распался на отдельные электроны и протоны (и нейтроны тоже), из коих, в сущности, и состоял.

Да что там говорить, никакие кровь и плоть не могли противостоять этой мощи. Но за те несколько секунд, пока сверкающая энергия прогрызала силовые защитные поля, корпус, облака испарившегося металла и гущу протоков, наша отчаянная двойка доблестных десантников нырнула очертя голову в космические бронированные скафандры. И вовремя! Остатки то-

го, что еще совсем недавно было огромным кораблем, вонзились в атмосферу и спустя несколько секунд грохнулись на отравленную почву Биру-2.

Для стороннего наблюдателя это выглядело концом всех концов. Некогда величественная королева космических трасс больше не поднимется к звездам, ибо в данный момент она представляла собой кучу дымящегося хлама весом не более двухсот фунтов. Эти жалкие обломки не подавали никаких признаков жизни, что подтвердили наземные гусеничные ползуны, которые вывалились из расположенного поблизости потайного люка, замаскированного в скале, и обнюхали все дымящиеся кусочки, настроив свои детекторы на максимальную чувствительность. «Отвечайте!» — взвыл радиосигнал. «Никаких следов жизни до пятнадцатого знака после запятой!» — рывкнул, выматерившись, оператор ползунов, после чего дал им команду возвращаться на базу. Металлические траки машин зловеще пролязгали по голой земле, и все стихло. Осталась лишь остывающая масса металла, которая зашипела от отчаяния, когда на нее пролились слезы ядовитого дождя.

А что наши верные друзья — неужели они мертвы? Я думал, ты о них уже никогда не вспомнишь. Неведомо для ларшниковских специалистов, всего лишь за миллисекунду до того, как остатки корабля грохнулись на землю, мощные сталитовые пружины выстрелили двумя массивными, практически неразрушимыми бронированными скафандрами, забросив их к горизонту, где они и приземлились около замаскированного скалистого гребня, который, «по чистой случайности», на самом деле оказался скалистым гребнем, в коем был устроен потайной люк, скрывающий галерею, откуда появились наземные ползуны с их детекторами, так ничего и не обнаружившими, и куда они вернулись по команде матерящегося оператора, который, одурев от очередной порции адской травки крммл, так и не заметил, как дернулись стрелки индикаторов в тот момент, когда ползуны въезжали в туннель, неся на своем обратном пути груз, которого вовсе не существовало в момент выезда, — и тут огромный люк с треском захлопнулся позади ползунов.

— Дело сделано! Мы взломали их оборону! — возликовал Стилет. — И вовсе не благодаря тебе. Мррдл тебя дернул нажать на кнопку невидимости.

— А откуда я мог знать? — огрызнулся Джакс. — Так или иначе, а корабля у нас теперь нет, зато есть элемент внезапно-

сти. Они не знают, что «мы» здесь, а мы знаем, что «они» тут как тут.

— Хорошо сказано... Ш-ш-ш! — шикнул Стилет. — Пригнись, мы куда-то проехали.

Ползуны с лязгом и грохотом ворвались в огромное помещение, вырезанное в скале, — его заполняли смертоносные военные машины всех видов и размеров. Единственным человеческим существом здесь — если его, конечно, можно назвать человеческим, был оператор-ларшник: как только он засек агрессоров, его грязные пальцы тут же метнулись к пульту управления огнем, но судьба не отпустила ему ни единого шанса. Лучи двух снайперски нацеленных бластеров скрестились на нем, и через миллисекунду в кресле ничего не осталось, кроме обугленного оковалка дымящейся плоти. Наконец-то закон Дивизии настиг ларшников в их собственной берлоге.

Да, это был сам Закон — беспристрастный и неумолимый, непредвзятый и кровавый, — ибо в сем логове не было «невинных». Жадная ярость цивилизованного возмездия уничтожала всякого, кто оказывался на пути двух закадычных друзей, несшихся по коридорам бесчестья на смертоносном самоходном орудии.

— Там какая-то большая шишка, — скорчил гримасу Стилет, указывая на гигантскую, окованную золотом дверь из непроницалита, перед которой команда смертников покончила жизнь самоубийством под безжалостным проливным огнем.

Дверь попыталась оказать слабое сопротивление, но друзья сломили его, последний барьер пал в дыме, сверкании искр и грохоте, десантники триумфально въехали на центральный пост, где маячила всего одна фигура, сидевшая за главным пультом управления, — сам Суперларш, тайный главарь межзвездной преступной империи.

— Твоя смерть пришла! — зловеще пропел Стилет, недрогнувшей рукой направив оружие на черную фигуру в светонепроницаемом космическом шлеме. — Снимай шлем или умрешь на месте!

В ответ раздалось клокотание задушевной ярости, и на несколько долгих мгновений дрожащие руки в черных перчатках зависли над кнопками управления огнем. Затем еще медленнее эти же руки протянулись к застежке на горле, повернули ее и медленно-медленно подняли шлем над головой...

— Клянусь священным именем пророка Мррдла! — в унисон

просипели оба десантника перехваченными горлами, а затем дар речи их покинул.

— Да, теперь вы знаете, — злобно скрежетнул зубами Суперларш. — Но — ха-ха! — держу пари, вы даже не догадывались...

— Вы!! — выдохнул Стилет, взламывая лед наступившей тишины. — Вы! Вы!! ВЬ!!

— Да, мы, я, полковник фон Грудт, командующий ДДД. Вы никогда не подозревали меня, и — о-о! — как я смеялся над вами все это время.

— Но... — Джакс запнулся. — Почему?

— «Почему»? Ответ очевиден любому, кроме вас, свинских межзвездных демократов. Единственное, чего следовало опасаться ларшникам всей галактики, — это возникновения силы, подобной ДДД, могучей силы, неподкупной и не поддающейся проникновению извне, полной благородства во имя добродетели и справедливости. Вы могли причинить нам много неприятностей. Вот почему мы создали ДДД, и в течение долгого времени я был главой обеих организаций. Наши вербовщики привлекают лучшие кадры, которые только могут поставить цивилизованные планеты, а я забочусь о том, чтобы большинство из них очерствело, потеряло всякий моральный облик, чтобы тела и души их были сокрушены, — и в дальнейшем они больше не представляют никакой опасности. Конечно, некоторые проходят несломленными через весь курс, каким бы отвратительным я его ни делал, в каждом поколении есть определенная доля супермазохистов, но я вовремя забочусь о том, чтобы к этим персонам как можно быстрее применялись самые эффективные меры.

— Вроде отправки с миссией, равносильной самоубийству? — спросил Стилет стальным голосом.

— Это неплохой способ.

— Значит, нас послали на верную смерть... «Но это не сработало»! Молись, вонючий ларшник, сейчас ты встретишься со своим создателем!

— Создатель? Молись? Вы что — выжили из ума? Все ларшники остаются атеистами до самого конца своих...

И это действительно был «конец» — ларшник исчез в сверкающем столбе пара, так и не договорив своих подлых слов, впрочем, лучшего он все равно не заслуживал.

— А что теперь? — спросил Стилет.

— Вот что, — ответил Джакс, пригвоздив его к полу неотра-

зимым парализующим лучом из оружия, которое он все еще держал в руке. — Хватит с меня вторых ролей. Я по горло сыт моторным отсеком, в то время как ты стоишь на мостике. Теперь «моя» партия, отныне и навсегда.

— Ты в своем уме? — пролепетал Стиллет парализованными губами.

— Да, в своем — впервые в жизни. Суперларш умер, да здравствует новый суперларш! Это все мое, вся галактика, МОЕ!

— А что будет со мной?

— Мне следовало бы убить тебя, но это слишком легкий путь. Когда-то ты делился со мной плитками шоколада. Тебя будут судить за весь этот погром, за смерть полковника фон Грудта и «даже» за уничтожение главной базы ларшников. Руки всех будут на тебе, ты станешь изгоем и, спасаясь бегством, достигнешь самых дальних пределов галактики, где будешь жить в вечном страхе.

— Вспомни про плитки шоколада!

— Помню. Мне всегда доставались только лежалые. А теперь... ПШЕЛ ВОН!

Ты хочешь знать мое имя? Достаточно Старины Сержанта. Рассказывать дальше? И так слишком много для твоих нежных ушей, малыш. Давай-ка лучше наполним стаканы, вот так, и произнесем тост. Хватит-хватит, вполне достаточно для бедного старика, который слишком много повидал на своем долгом веку. Так пусть же счастье изменит ему, чтоб ему пусто было, чтобы Великий Крамддл навеки проклял его имя — имя человека, которого иные знают как Джентльмена Джакса. Что, голоден? Я? Нет, я не голоден. Нет. НЕТ! Только не шоколад!!!

ДРЕВО ЖИЗНИ¹

Иногда рассказы пишут по заказу. Чаще всего редактор или напишет, или скажет, что он ищет рассказы на определенную тему, написанные в определенном стиле: нет ли у тебя, мол, какой-нибудь идеи в этом направлении?

¹ The Ever-branching Tree, 1969. © Перевод на русский язык, «Полярис», 1994.

Энтони Читэм, мой друг и редактор, написал, что он нуждается в рассказах по научной тематике, которые он мог бы поместить как в юношеский научный журнал, так, позднее, и в сборник рассказов. Это был как раз тот журнал, который я уже написал для своего сына Тода. «Молодой ученый» — прекрасный журнал, ни в чем не уступающий своему прародителю, журналу «Современный ученый». Я заинтересовался, согласился с предложением и решил, что действительно мог бы написать рассказ об эволюции. Недостатка в материале не было. Но трудность заключалась в том, чтобы написать его в форме фантастического рассказа, увлекательного и доступного для юных читателей, — и одновременно интересного для взрослой аудитории, когда он выйдет в составе сборника.

Писательство — это большей частью искусство подсознательное или бессознательное, это мысли вслух и все такое прочее. Другим важным компонентом является вполне осознанный выбор техники или способа написания рассказа, то есть как спланировать его, с чего начать, в какую форму облечь. Я давно был поклонником Энтони Берджесса, писателя для писателей (если такие бывают), и начальная глава его «Эндерби» вызывает у меня искреннее восхищение. Это прекрасный и простой способ задать тон всему роману, к тому же способ научно-фантастический. А поскольку в романе содержится тонкая пародия Берджесса на писательские излишества Грэма Грина, то я решил, что автора не обидит мое самовольное заимствование его же приема. (Когда я спросил его об этом, он не только не обиделся, но, по-моему, даже развеселился.)

Вот он — мой фантастический рассказ, который, возможно, расскажет вам об эволюции немного больше, чем вам хотелось бы узнать.

Дети разбрелись по отмели, а некоторые даже отважились войти в прибрежную морскую пену, где высокие зеленые волны с грохотом обрушивались на них. Ослепительно сверкая с темно-голубого неба, солнце обжигало желтый песок. Далеко от берега волны вздымались в беззвучном разбеге и разбивались в пену. Учитель резко хлопнул в ладоши, нарушив тишину солнечного дня.

— Перерыв закончен — одевайтесь, Гросбит-9, занятия начинаются.

Дети медленно и неохотно побрели к Учителю. Купальщики

выходили из океана сухими, и ни одна песчинка не прилипла к одежде или коже детворы. Они собрались вокруг Учителя, их болтовня постепенно затихла, а он театрально указал на крошечное создание, извивающееся на песке.

— Фи, червяк! — сказала Манди-2 и очаровательно вздрогнула, встряхнув рыжими кудряшками.

— Правильно, червяк. Первый червяк, древний червяк, прототип червя. Важный червяк. Хотя непосредственно он и не указывает на путь эволюции, который мы изучаем, но мы задержимся и поглядим на него. Побольше внимания, Чед-3, у тебя глаза слипаются. Вот здесь впервые мы видим деление на сегменты — важный шаг в развитии жизни; таким образом шло развитие многоклеточных. Видите? Взгляните внимательно на ряд колец на теле этого существа. Выглядит так, будто оно состоит из маленьких колечек ткани, сплавленных воедино, — впрочем, так оно и есть.

Они нагнулись ближе, сомкнув склоненные головы кружком над коричневым червем, оставившим на песке извилистый след. Он медленно продвигался к Гросбиту-9, который поднял ногу и с силой наступил на существо. Школьники захихикали. Червяк выполз сбоку от ботинка и продолжил свой путь.

— Гросбит-9, мне не нравится ваше поведение, — строго сказал Учитель. — Было потрачено много энергии, чтобы ваш класс смог отправиться в путешествие во времени и воочию увидеть чудеса эволюции. Мы не можем почувствовать, потрогать, услышать или изменить прошлое, но мы можем перемещаться в нем и лицезреть его своими глазами. Так что мы должны быть благодарны за возможность совершить это путешествие, оказаться на Земле, какой она была миллионы лет тому назад, взглянуть на океан, в котором зародилась жизнь, увидеть одну из первых форм жизни на вечном древе эволюции. И какова же ваша реакция на этот внушающий благоговейный трепет эксперимент? Вы *наступили* на кольчатого червя! Стыдитесь, Гросбит-9, стыдитесь!

Гросбит-9 без малейших признаков раскаяния откусил заусеницу на большом пальце, искоса глядя на Учителя с насмешливой улыбкой на губах. Учитель уже не в первый раз удивлялся, каким образом «9» сумел попасть в этот класс. Без сомнения, благодаря отцовским связям с высокопоставленными друзьями.

— Наверное, придется мне повторить для тех, кто слушал меня невнимательно. — Он пристально смотрел на Гросбита-9,

но не дождался никакой реакции. — Эволюция — это путь к той высокой ступени существования, которой мы достигли. Это развитие жизни от одноклеточных к многоклеточным, к человеку мыслящему. Кто придет после нас, мы не знаем; что существовало до нас, мы видим сейчас перед собой. Вчера мы наблюдали, как молния угодила в первобытную химическую жижу морей и как образовались более сложные химические соединения, из которых развились простейшие формы жизни. Мы видели победу жизни одноклеточных над временем и вечностью, когда они впервые разделились на две клетки и стали развиваться в более сложные многоклеточные формы жизни. Что вы помните о вчерашнем?

— Расплавленная лава влилась в океан!

— Земля поднялась из моря!

— Молния ударила в воду!

— Извивающиеся как черви твари были так безобразны!

Учитель кивнул, улыбнулся и проигнорировал последний комментарий. Он не понимал, зачем Манди-2 записалась на этот учебный курс, и сильно подозревал, что надолго она здесь не задержится.

— Очень хорошо. А теперь перейдем к беспозвоночным — к нашему кольчатому червю. Он разделен на сегменты, и каждый сегмент живет почти самостоятельной жизнью. Вот первые кровеносные сосуды, которые эффективно питают все ткани. Вот первый гемоглобин, который несет кислород ко всем клеткам. Вот первое сердце, маленький насос, проталкивающий кровь по этим сосудам. Но чего-то здесь недостает. Вы знаете — чего?

Обращенные к нему лица детей, их широко открытые в нетерпении глаза ждали ответа.

— Подумайте. Что бы случилось, если бы Гросбит-9 действительно наступил на этого червяка?

— Он бы раздавил, — простодушно ответил восьмилетний Эгон-1. Манди-2 поежилась.

— Правильно. Его бы убили. Он мягкий, без раковины или скелета. Что приводит нас к следующей ветви на эволюционном древе.

Учитель нажал кнопку на пульте управления у себя на поясе, компьютер подхватил их и перебросил через время к месту следующей остановки. На мгновение все заволочло серой пеленой — без малейшего ощущения движения, — а затем пелена

внезапно спала, сменившись влажной зеленью. В двадцати футах над их головами солнечные лучи сверкали на поверхности океана, а вокруг них быстрыми зигзагами сновала безмолвная рыба. Огромный монстр, весь сплошная броня и блестящие зубы, рванулся к ним и промчался сквозь них. Манди-2 взвизгнула от удивления.

— Пожалуйста, посмотрите сюда. Рыбы будут позже. Сначала мы должны изучить первого эхинодерма. Фил-4, покажите нам эхинодерма и поясните, что означает это название.

— Эхинодерм, — сказал мальчик, сосредоточенно роясь в памяти. Техника тренировки памяти, которую все дети изучали в начальных классах, сработала, и слова слетели с его губ. Как и у других детей, у него была прекрасная память. — Это — «иглокожее» по-гречески. Вот она — большая колючая морская звезда.

— Правильно. Важный шаг в эволюции. Животные были либо совсем незащищенными, как наш кольчатый червяк, либо имели наружный скелет, как улитки, или омары, или насекомые. Это очень неудобно и неэффективно. А внутренний скелет обеспечивает гибкую поддержку и облегчает вес. В эволюции был сделан важный шаг. Мы у цели, ребята, почти у цели! Этот простейший внутренний скелет эволюционировал в более практичный, хордовый, с одной спинной осью по всей длине тела, защищающей основные нервные волокна. А хордовые живые существа сделали лишь один шаг в эволюции — *и все!*

Учитель широко развел руками, и море вокруг них забурило стремительной жизнью. Серебристая стайка рыб длиной в ярд пронеслась мимо и сквозь школьников, и тут же острозубые хищники вроде акул врезались в середину косяка. Учитель сделал паузу как раз в этот драматический момент. Младшие дети испуганно отпрянули от бурного потока жизни и смерти, а Гросбит-9 двинул кулаком одному из гигантов, проплывавших мимо.

— Мы у цели, — повторил взволнованно Учитель, захваченный своим собственным энтузиазмом. — Хордовые дали дорогу позвоночным, то есть привычной для нас форме жизни. Сильный, гибкий внутренний скелет защищает мягкие внутренние органы и в то же время поддерживает их. Мягкие хрящи у этих акул — из той же самой ткани, что и наши ушные раковины, — превратились в жесткий позвоночник у этих рыб.

До человека уже рукой подать! В чем дело, Чед-3? — спросил он, почувствовав, как его дергают за тогу.

— Мне нужно выйти...

— Хорошо, нажми кнопку возврата на поясе, но не задерживайся там.

Чед-3 нажал кнопку и исчез, умчавшись в классную комнату с прекрасно оборудованным туалетом.

Учитель причмокнул губами с досады; вокруг кипело, кише-ло жизнью обильное подводное царство. Да, порой с детьми бывает трудно.

— А как эти животные догадались, что им нужны хорды и кости? — спросил Эгон-1. — Как они узнали правильный путь, который в итоге привел их к позвоночным, а затем к нам?

Учитель чуть было не погладил его по головке, но сдержался и улыбнулся в ответ.

— Хороший вопрос, очень хороший. Сразу видно, что человек слушает и думает. А ответ прост: они ничего не знали и не планировали. Эволюция древа жизни не имеет цели. Ее изменения случайны, мутации вызываются изменениями в зародышевой плазме, обусловленными естественной радиацией. Удачные изменения выживали, неудачные — вымирали. Хордовые животные передвигались легче других существ, и им повезло. Они выжили, чтобы эволюционировать дальше. И тут я хочу, чтобы вы запомнили новое слово. Слово это — экология, и мы сейчас ведем речь об экологических нишах. Экология — это весь мир, все сущее, это наука о том, как растения и животные уживаются вместе и как они взаимосвязаны друг с другом. Место, где обитает живое существо в этом мире, специальное место, где оно может хорошо развиваться, уцелеть и размножиться, и называется экологической нишей. Все живые создания, которые находят себе экологическую нишу, прекрасно выживают.

— Выживание наиболее приспособленных? — спросил Эгон-1.

— Вы уже читали некоторые древние книги. Так когда-то определяли эволюцию, но это неправильно. Все живые организмы приспособлены, потому что они живые. Причем все в одинаковой степени. Можем ли мы сказать, что мы, человечество, более приспособлены, чем устрица?

— Да, — сказал Фил-4 с абсолютной уверенностью, глядя во все глаза на Чеда-3, который только что вернулся, появившись из бока одной из акул.

— Вот как? Иди сюда, Чед-3, и слушай внимательно. Живем мы, и живут устрицы. Но что бы случилось, если бы мир вдруг покрылся мелководьем?

— Как такое может произойти?

— Как — это неважно, — отрезал Учитель и сделал глубокий вдох. — Давайте просто представим, что это случилось. Что бы произошло со всеми людьми?

— Они бы утонули, — сказала печально Манди-2.

— Правильно. Наша экологическая ниша пропала бы. А устрицы чувствовали бы себя прекрасно и заполнили бы весь мир. Но раз мы выжили, значит, мы все одинаково пригодны в глазах природы. А теперь давайте посмотрим, как наши позвоночные животные поживают в новой нише. На суше.

Нажатие кнопки, бездвижное перемещение — и они оказались на илистом заболоченном берегу. Учитель указал на след от перистого плавника, рассекающего плавучие водоросли.

— Подкласс кроссоптерий; у них по краям плавников бахрома. Стараясь выжить в стоячей воде, маленькие рыбки адаптировали свои воздушные пузыри, чтобы вдыхать воздух напрямую, получая таким образом кислород. Такие пузыри, позволяющие плавать на определенной глубине, есть у многих рыб, но теперь они приспособили их для других нужд. Посмотрите!

Рыба выбралась на мелководье: вот над водой показалась ее спина, затем и глаза навывкате. Широко раскрытые, круглые глаза испуганно оглядывали незнакомую окружающую среду. Крепкие плавники, усиленные костью, молотили по грязи и продвигали рыбу вперед, все дальше и дальше от родного моря. И вот она уже вылезла из воды, пробиваясь через подсохший ил. Над ней зависла в воздухе стрекоза, села на землю — и тут же поглотилась открытым ртом рыбы.

— Земля завоевывается, — сказал Учитель, указывая на горбообразную спину рыбы, исчезнувшую среди тростника. — Сначала растениями, затем насекомыми — и теперь животными. Вот как все изменилось за несколько миллионов лет, хотя до наших дней осталось еще более 255 миллионов...

И вновь они пронеслись сквозь время и очутились в другом болотистом месте, сплошь покрытом перистым папоротником ростом с деревья. Жаркое солнце, обжигающее сквозь низко нависшие облака.

И жизнь. Рычащая, дерущаяся, пожирающая, убивающая жизнь. Ученые очень тщательно подобрали именно это место и

время, этот момент мировой истории. Никаких слов и объяснений не требовалось.

Эра рептилий. Маленькие рептилии быстро сновали взад-вперед, удирая от зубов страшных хищников. Скелощерус, со шкурой, покрытой наростами, твердой, как броня, словно маленький танк, продирался через тростниковые заросли, а его хвост с шипами оставлял борозду в грязи. Огромный бронтозавр вздымался до самого неба; его крошечная глупая головка с мозгом в чайную чашку покачивалась на конце длинной шеи, оборачиваясь, чтобы увидеть, что же беспокоит его, поскольку в его индифферентную нервную систему поступил какой-то сигнал. В покатую спину бронтозавра — настоящую гору из костей, хрящей и мяса — вцепилось сзади дьявольское страшное лицо, тиранозавр. Его крошечные передние лапки беспомощно царапали по жесткой шкуре добычи, а длинные, в несколько ярдов, челюсти с острыми, как бритва, зубами, рвали тяжело дышащую гору плоти. Бронтозавр, все еще не понимая, что же с ним случилось, зачерпнул четверть тонны грязи, воды, растений и с удивлением стал жевать свою жвачку. А наверху над ними кружился, хлопая кожаными крыльями, птеранодон, раззявив длинные челюсти.

— Ему же больно, — сказала Манди-2. — Вы не могли бы остановить их?

— Мы только наблюдатели, дитя. То, что вы видите, происходило очень давно, и ничего нельзя изменить.

— Убил! — прошептал Гросбит-9, впервые захваченный зрением.

Дети наблюдали за сценой с разинутыми ртами, в безмолвной ярости.

— Это рептилии, первые животные, которые успешно завоевали Землю. До них были амфибии, наподобие наших теперешних лягушек, неразрывно связанные с водой, где они откладывают яйца и выращивают молодняк. А рептилии откладывают яйца уже на суше, прервав связь с морем и наконец завоевав землю. Им недоставало лишь одного свойства, которое могло позволить им выжить во всех частях земного шара. Вы все готовились к этому путешествию. Кто-нибудь может сказать, чего недоставало рептилиям?

В ответ — молчание. Бронтозавр упал, из его тела были выдраны большие куски мяса. Птеранодон улетел прочь. Беспредельный шквальный дождь закрыл солнце.

— Я говорю о температуре. Тела рептилий получают основную часть тепла от солнечных лучей. Они могут жить только в теплом климате, потому что, когда окружающая среда становится холоднее, их тела тоже охлаждаются...

— Теплокровные! — взволнованно крикнул Эгон-1.

— Правильно. Хотя один из вас подготовился к уроку. Я вижу, как ты высунул язык, Чед-3. Понравится ли тебе, если ты не сможешь убрать его назад и останешься в таком виде? Регулирование температуры тела — последняя главная вставка эволюции. Первый класс животных, так сказать, с центральным отоплением — это млекопитающие. Млекопитающие. Если мы немного углубимся в лес, то вы поймете, что я имел в виду. Не отставайте, подтягивайтесь все сюда, на полянку. Вот сюда, в сторонку. Теперь посмотрите на те кусты. Смотрите внимательно, отсюда в любую минуту может...

Они застыли в ожидании. Листья зашевелились, дети подались вперед. Свинообразное рыло протиснулось, обнюхивая воздух, и два подозрительных, близко посаженных глаза деловито осмотрели поляну. Удостоверившись, что ему ничто не угрожает, животное вылезло из кустов.

— Лысуха! И до чего же уродливая! — сказал Фил-4.

— Красота — понятие относительное, молодой человек, поэтому попридержи свой язык! Перед вами прекрасный образчик подкласса яйцекладущих млекопитающих, первых зверей — тритилодон собственной персоной. Много лет не утихают споры: относятся ли эти животные к млекопитающим или рептилиям? У них гладкая кожа и блестящие чешуйки, как у рептилий, но взгляните: между чешуйками пробиваются пучки волос. У рептилий же волос не бывает. Тритилодон, как и рептилия, откладывает яйца. И в то же время это замечательное создание вскармливает своих детенышей молоком, как млекопитающее. Смотрите же с благоговением на этот мост между древним классом рептилий и возникающим классом млекопитающих.

— Ой какие лапочки! — провизжала Манди-2, когда четыре крошечных розовых отпрыска неуверенно выползли из кустов вслед за матерью. Тритилодон тяжело шлепнулся на бок, и потомство начало кормиться.

— А вот вам и еще одно явление, которое млекопитающие принесли с собой в мир, — сказал Учитель, в то время как школьники зачарованно смотрели на зверей. — Материнская любовь. Отпрыски рептилий, живородящих или яйцекладу-

щих, с момента рождения сами заботятся о себе. Но теплокровным млекопитающим необходимо тепло, защита, корм, пока они подрастают. Они нуждаются в материнской опеке и, как видите, получают ее в достатке.

Какой-то звук, должно быть, встревожил тритилодона, потому что самка оглянулась, затем поднялась на ноги и вкатилась в кустарник, а за ней, падая и спотыкаясь, потрусило ее потомство. Не успела поляна опустеть, как на нее ввалился огромный неуклюжий трицератопс с большими рогами на голове — мясистая тридцатифутовая туша, за которой сзади, подрагивая кончиком, тянулся здоровенный хвост.

— Огромные ящеры еще здесь, но они уже обречены на вымирание. Выживут млекопитающие, они размножатся и расселятся по земле. Позже мы поговорим о дорогах, по которым странствовали млекопитающие, но сегодня мы совершим прыжок через миллионы лет к отряду приматов, которые могут показаться вам знакомыми.

Они очутились в более глухих, заросших и запущенных джунглях — в настоящем лабиринте, кишашем плодами, цветами и живыми существами. Кругом порхали разноцветные птицы, в воздухе висели тучи насекомых, по ветвям карабкались какие-то коричневые фигуры.

— Обезьяны, — сказал Гросбит-9 и поискал, чем бы в них швырнуть.

— Приматы. Довольно примитивная группа, которая заселила эти деревья приблизительно пятьдесят миллионов лет назад. Видите, как они адаптировались к жизни на деревьях? Они должны видеть зорко, далеко вперед и правильно рассчитывать расстояние, поэтому их глаза расположены в передней части головы и у них развилось бинокулярное зрение. Чтобы надежно цепляться за ветки, их ногти укоротились и стали плоскими, а большой палец стал отклоняться под прямым углом, дабы усилить хватку. Эти приматы будут продолжать развиваться до тех пор, пока в один прекрасный день не спустятся с деревьев и не рискнут выйти из-под защитной сени леса.

— Африка, — продолжил Учитель, и машина времени вновь перенесла их через века. — Она и в наши дни выглядит так же, тут мало что изменилось за относительно короткий срок, с той поры как высшие приматы отважились спуститься с деревьев.

— Я ничего не вижу, — сказал Чед-3, оглядываясь на равни-

ну, поросшую выжженной солнцем травой, и на зеленые джунгли, примыкающие к ней.

— Терпение. Спектакль начинается. Посмотрите — к нам приближается стадо оленей. Ландшафт изменился, стало суше, появились степи, они оттесняют джунгли назад. В джунглях еще много пищи, здесь есть фрукты и орехи, но соревнование за добычу становится все более жестким. Эту экологическую нишу заполняют ныне многие виды приматов, им становится тесно. Есть ли где-нибудь свободная ниша? Если и есть, то только не здесь, в степи. Тут царят быстроногие травоядные: посмотрите, как они бегают, ведь их выживание зависит от скорости. Потому что у них есть враги — плотоядные животные, хищники, которые питаются их мясом.

Поднялась пыль — легкими скачками навстречу к детям двинулись олени, поскакали между ними, вокруг них, через них. Широко раскрытые глаза, стук копыт, солнечные блики на рогах — и стадо умчалось прочь. Следом показались львы. Они окружили самца, отрезанного львицей от стада, и принялись терзать его когтями. Затем когтистая лапа подрезала оленю коленное сухожилие, загнанный зверь упал и тут же умер с прокушенным горлом. Горячая кровь вытекала в песок; львиная стая уселась обедать. Дети наблюдали, затаив дыхание, а Манди-2 шмыгнула носом.

— Львы так мало поели, потому что они уже насытились другой добычей. Солнце почти в зените, они осоловели от жары. Они найдут тень и улягутся спать, а труп оставят мусорщикам, едокам падали.

Пока Учитель говорил, с неба опустился первый стервятник, сложил крылья и подобрался к жертве. Потом опустились еще два, стали раздирать тушу, ссорясь и хрипло крича друг на друга.

На опушке джунглей появилась обезьяна, за ней — еще две. Щурясь от солнечного света и боязливо оглянувшись по сторонам, они побежали к свежеебитому оленю, опираясь о землю кистями рук. Окровавленные стервятники взглянули на них со страхом и взметнулись в воздух, когда одна из обезьян бросила в них камнем. Обезьяны кинулись к жертве и тоже стали терзать тушу.

— Дети, посмотрите и полюбуитесь. Бесхвостые обезьяны вышли из леса. Это ваши далекие предки.

— Только не мои!

— Они ужасны!

— Я думаю, меня сейчас стошнит.

— Дети! Остановитесь, задумайтесь! Хотя раз в жизни подумайте не кишками, а мозгами. Эти обезьяночеловеки, или человекообезьяны, заняли новую экологическую нишу и уже адаптировались в ней. Они почти безволосые, а потому потеют и не перегреваются, тогда как другие животные должны искать укрытия. Они уже используют орудия труда. Они швыряли камнями, чтобы прогнать стервятников. Посмотрите сюда: у одного из них в руках острый кусок отколотого камня, которым он отрезает куски мяса. Они выпрямляются, становятся на ноги, освобождают руки для добычи пищи и самозащиты. Это на свет появляется человек, и у вас есть уникальная возможность увидеть его первые робкие шаги из джунглей. Зафиксируйте эту сцену в вашей памяти — это триумф. А вы, Манди-2, запомните все гораздо лучше, если откроете глаза.

Старшеклассники обычно реагировали более восторженно. А из этих разве только Эгон-1 наблюдает не без интереса. Зато Гросбит-9 так и пожирает сцену глазами. Что ж, говорят, даже один толковый ученик стоит всех усилий, затраченных преподавателем.

— Сегодняшний урок окончен, но я скажу вам кое-что о завтрашнем занятии.

Африка исчезла, и появилась какая-то северная, дождливая страна. Высокие горы неясно вырисовывались в туманной дали, тонкая струйка дыма поднималась от низкого, обложеного дерном, наполовину врытого в землю дома.

— Мы увидим, как из примата возник человек, как он становился все более уверенным и сильным. Как из родовых групп образовались первобытные общины каменного века, как они использовали орудия и подчиняли природу своей воле. Мы узнаем, кто живет в этом доме и чем он занимается. Думаю, вы с нетерпением будете ждать следующего урока.

Не получив практически никакого подтверждения высказанному предположению, Учитель нажал на кнопку. Они очутились в знакомом классе, где звонок сладкой музыкой оповещал об окончании занятий. С громким криком дети выбежали из класса, а Учитель, вдруг почувствовав навалившуюся усталость, открепил от пояса пульт управления и запер его в столе. Это был очень долгий день. Учитель выключил свет и вышел.

У выхода на улицу он оказался позади молодой, очень при-

влекательной женщины в розовом миниатюрном мини, с ярко-рыжими волосами. Мать Манди-2, понял он, узнавая эти волосы, в то время как она потянулась к крошечной, розовой ручке дочери. Они вышли прямо перед ним.

— Ну, что ты узнала нового сегодня в школе, дорогая? — спросила мать.

И хотя Учитель отнюдь не желал подслушивать, он невольно услышал вопрос. Да, что же она узнала? Интересно, каким будет ответ.

Манди-2 скакала вниз по ступенькам, подпрыгивая от счастья, что снова свободна.

— Да так, ничего особенного, — сказала она, и они скрылись за углом.

Учитель, не сознавая этого, устало вздохнул, повернул в другом направлении и пошел домой.

ДОВРОСОВЕСТНАЯ РАБОТА¹

Я всегда сожалел о том, что научная фантастика традиционно не затрагивает тему рабочего класса. Не то чтобы мне хотелось читать в основном на эту тему — просто я убежден, что каждая экологическая ниша должна быть заполнена. Почти всех фантастов, начиная с Уэллса, можно отнести к среднему классу: это означает, что главные действующие лица НФ занимают то же общественное положение, что и их создатели. Встречались, конечно, и такие герои, которые становились правителями галактических империй или управляли феодальными планетами. Но не воплощают ли такие герои мечты и устремления среднего класса?

А что же пренебрегаемый нами рабочий человек? Мы довольно быстро завладеваем его деньгами, когда продаем ему свои журналы, — но дали мы ему хоть один шанс показать себя в качестве героя? По этому поводу я высказал свои соображения одному весьма серьезному социологу, Брайану Олдису, который, выслушав, задумчиво кивнул в знак согласия.

— Почему бы не быть рассказу об ассенизаторе, который спасает мир, — хотя бы для разнообразия? — спросил я.

Он крепко сжал мое плечо и посмотрел мне прямо в глаза.

¹ An Honest Day's Work, 1972. © Перевод на русский язык, «Полярис», 1994.

— Действительно, — сказал он. — И вы как раз тот самый человек, который напишет его.

Так я и сделал.

— Я просто делаю свою работу, и все. Ничего больше, — непреклонно сказал Джерри и впился зубами в изгрызенный мундштук своей старой трубки; нижняя челюсть его при этом выражала такую же непреклонную решимость, как и голос.

— Я это знаю, мистер Кранчер, — сказал лейтенант. — Никто и не просит вас работать сверх положенного или делать что-либо предосудительное. — Лейтенант был весь в пыли, лацкан одного из карманов на его униформе оторвался, а во взгляде горел какой-то дикий огонек. И говорил он, пожалуй, слишком быстро. — Чтобы попасть к вам, мы шли через Бу-РекЦентр, а это было нелегко — там мы потеряли отличных солдат... — Лейтенант сорвался на крик, но тут же — не без труда — взял себя в руки. — Мы были бы рады сотрудничать с вами, если вы согласитесь.

— Не по душе мне ваше предложение. Все это может обернуться большими неприятностями.

Но таких неприятностей никто не ожидал, а те, кто ожидал, ожидали чего-то совсем другого и соответствующим образом составили планы действий и ввели их в компьютер, который выдал им программы, предусмотревшие все возможные варианты предполагаемого исхода событий. Однако у бетельгейзианцев был совершенно иной план; именно поэтому они настолько преуспели в осуществлении задуманного, как им самим, возможно, и не мечталось в самых дерзновенных помыслах. Торговый пункт, который они развернули в кратере Тихо на Луне, был просто торговым пунктом и ничего общего не имел с последующими событиями. Записи о Великом Бедствии запутаны, что, возможно, объясняется сложившимися обстоятельствами; число пришельцев, вовлеченных в первый этап вторжения, составляло, несомненно, всего лишь малую часть от трех завышенных цифр, что всячески раздувались возбужденными репортерами или озабоченными военными, которые считали: причинить подобный ущерб должно было именно такое количество атакующих пришельцев. Вероятнее всего, что во вторжении участвовало не более двух — максимум трех —

кораблей, что, в лучшем случае, означало несколько сотен бегельгейзианцев. Всего несколько сотен, чтобы поработить целую планету, — и им едва это не удалось.

— Полковник, это мистер Кранчер, который добровольно вызвался...

— *Штатский!* Гони его отсюда ко всем чертям, да прежде завяжи ему глаза, болван! Данная штаб-квартира в целях строжайшей безопасности глубоко законспирирована...

— Сэр, в конспирации больше нет смысла. Все наши коммуникации перекрыты, и мы полностью отрезаны от войск.

— Тише ты, идиот! — Полковник воздел сжатые в кулак руки. Лицо его покраснело, глаза загорелись бешеным огнем. Он все еще не хотел верить в то, что произошло; скорее всего, не мог поверить. Лейтенант, офицер запаса, был моложе его, но какая бы буря негодования ни поднималась в его душе по отношению к происшедшим событиям, он мог смело смотреть фактам в лицо.

— Полковник, вы должны поверить мне. Наше положение отчаянно, а отчаянные времена требуют отчаянных решений...

— *Сержант!* Отведи этого лейтенанта и этого штатского на стрельбище и расстреляй их там за подрывную деятельность во время чрезвычайного положения.

— Но, полковник...

— Это *приказ*, сержант!

Сержант, которому оставалось служить лишь четыре месяца, о чем свидетельствовал его довольно объемистый живот, переводил взгляд с одного офицера на другого. Он колебался, не зная, на что решиться, да и вообще ему не очень-то хотелось принимать какие-либо решения. И все же надо было что-то делать. Наконец сержант встал и направился в туалет; войдя в него, он запер за собой дверь. Полковник, который, выпучив глаза, молча следил за каждым его движением, вдруг судорожно глотнул воздух и схватился за кобуру на боку. Но только он вытащил оружие, как внезапно издал странный булькающий звук и упал лицом вниз на письменный стол. Затем медленно соскользнул на пол.

— Санитара! — крикнул лейтенант и, подбежав к полковнику, расстегнул на нем воротник.

Подошедший санитар бросил взгляд на распростертое на полу тело и мрачно покачал головой.

— Обширный. И не в первый раз. У него всегда барахлил мотор.

Сержант вышел из туалета и помог лейтенанту накрыть труп защитной накидкой. Джерри Кранчер стоял в стороне и, посаывая трубку, молча наблюдал за происходящим.

— Прошу вас, мистер Кранчер, — умоляюще произнес лейтенант, — вы должны помочь нам. Теперь вы — наша последняя надежда.

Сейчас, когда мы оглядываемся на Черное Воскресенье — день начала Великого Бедствия, мы уже способны изумляться простоте бетельгейзианского плана и понимать, почему он был так близок к успешному осуществлению. Наши армии и космотанки находились в состоянии полной боевой готовности; все их внимание, все орудия и аппаратура были направлены в сторону массивного здания так называемого торгового пункта, каковым он, в сущности, и являлся. Сложнейшая паутина коммуникационных сетей на Земле связала вместе соим защитников, многоуровневую сеть радиорелейных и лазерных линий, наземные линии и спрятанные под землей коаксиальные кабели, микроволновые и гелиографические средства связи. Эта паутина была надежно защищена от неумелого с ней обращения и от помех при передачах и вообще являлась совершенной во всех отношениях — за исключением того, что абсолютно вся связь осуществлялась только по трем каналам: через две подстанции и КомЦентр во Всемирной Столице. Эти три станции, удивительно продуктивные, отвечали за всю связь с вооруженными силами Земли — на земле, под землей, на Луне и в космосе.

Их вывели из строя. Бетельгейзианские десантно-диверсионные бронеполки сбросили на каждый из этих трех узлов по одному анти-G. Бой продолжался не более получаса, да иначе и не могло быть. По завершении боя все три коммуникационных узла были захвачены, и война была проиграна прежде, чем началась. Штаб-квартиры оказались отрезаны от войсковых частей, отдельные части — друг от друга, танки — от своих командиров, звездолеты — от баз. Радарная служба на невидимой стороне Луны зафиксировала на экранах отраженные сигналы военно-космических сил вторжения, устремившихся к Земле со стороны Сатурна. Но передать об этом на Землю уже не представлялось возможным.

— Я должен спросить об этом своего шефа, — произнес Джерри Кранчер и важно кивнул при одной только мысли о подобном разговоре. — Ведь у меня сегодня выходной, и все такое. К тому же у вас нет допуска на проход в туннели. Не могу сказать, что ему это сильно понравится.

— Мистер Кранчер, — сказал лейтенант, стиснув зубы. — К вашему сведению, сейчас идет война. Вы только что видели человека, который умер из-за этой войны. Вы не можете позвонить своему шефу, потому что в связи с военными действиями гражданская видеофонная сеть перестала действовать.

— Не могу сказать, что мне это нравится.

— И нам тоже. Вот почему мы нуждаемся в вашей помощи. Враждебные нам чужаки захватили наши коммуникационные узлы, и необходимо выбить их оттуда. Через посыльного мы связались с ближайшей войсковой частью, и сейчас она пытается овладеть коммуникационными узлами, но, по правде, эти узлы абсолютно непреступны.

— Неужели? Как же тогда их захватили бетельгейзианцы?

— Ну, сегодня, как вы знаете, воскресенье, минимум персонала, а в 8.00 как раз уезжали церковные тренеры и ворота были раскрыты...

— А вы, конечно, не успели даже штаны натянуть, как те нагрянули, да? — Джерри Кранчер громко чмокнул трубкой, показывая всему миру свое отношение к такой боеспособности. — Значит, фортуна отвернулась от вас, а вы хотите, чтобы было наоборот. Тогда зачем беспокоить рабочего человека в его законный выходной?

— Затем, мистер Кранчер, что война не различает дней недели. А вы — старейший служащий фирмы по обслуживанию городских подземных коммуникаций и, вероятно, единственный человек, который сможет разрешить этот вопрос. Наши коммуникационные узлы имеют свои собственные, резервные источники энергии, но обычно они используют городские. Все наземные линии, все провода уходят под землю. А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить: сможем ли мы добраться до этих узлов под землей? Особенно до КомЦентра?

— А где это? — Мозолистым большим пальцем он утрамбовал раскаленный докрасна табак, затем с наслаждением вобрал в себя серый дым.

— На пересечении 18-го Пути и Уиган Роуд.

— Так вот почему в 104-BpL так много проводов!

— Мы можем туда добраться?!

В наступившей тишине пыхтение трубки Джерри Кранчера стало более слышным. Лейтенант стоял, крепко сжав кулаки; рядом с ним застыли сержант и санитар, а также операторы, оставившие свой пост у замолчавшей аппаратуры связи. Они ждали, что им ответит Джерри Кранчер. А тот, задумавшись, сощурился, вынул изо рта трубку и выдохнул целое облако едкого дыма. Затем он повернулся к остальным.

— Ладно, — произнес он.

Нельзя сказать, что они представляли собой превосходных солдат, и все же они были воинами: техники и операторы, военные полицейские и повара, механики подвижного состава и клерки. Они были вооружены самым лучшим оружием, которым только могли снабдить их военные заводы, и защищены броней целеустремленности. Если они и стояли навытяжку чуть напряженнее или сжимали свое оружие чуть крепче, чем было необходимо, то это объяснялось тем, что они знали: будущее мира — в их руках. С угрюмой сосредоточенностью они зашагали к пересечению дорог, где, как их проинструктировали, им следовало подождать. Через несколько минут после того, как они пришли в указанное место, появился Джерри Кранчер. На нем был непромокаемый плащ, каска, тяжелые резиновые сапоги, которые доходили ему до пояса, а на плече висел на ремне старенький и давно вышедший из моды ящик для инструментов. Его трубка потухла, но он продолжал сжимать ее в зубах. Он скользнул цепким взглядом по застывшим в ожидании солдатам.

— Одеты неправильно, — заметил он.

— На всех — полная боевая форма, — возразил лейтенант.

— Неправильно для туннелей. Они быстро промокнут...

— Мистер Кранчер, это добровольцы. Они могут умереть за этот мир, и поэтому ничего не имеют против того, чтобы промокнуть за него. Ну что, можно отправляться?

Покачивая головой в знак неодобрения, Джерри Кранчер повел их к люку на дороге, в гнездо которого он вставил какой-то блестящий инструмент и с его помощью привычным резким движением сдвинул тяжелую крышку люка.

— Так и быть, следуйте за мной — по одному. Последние два человека задвинут изнутри крышку на место, и, смотрите, осторожнее с пальцами. Ну, пошли!

Как только они начали спускаться вниз по лестнице в про-

хладный зеленоватый сумрак туннеля, автоматически вспыхнул свет. Вдоль стен и потолка тянулось бесчисленное множество проводов, кабелей и труб; в их лабиринте мог разобраться только такой человек, как Джерри Кранчер. Он нежно похлопал по ним, когда проходил мимо.

— Водопроводная магистраль, паровая магистраль, кабель в 50 000 вольт, местное питание в 220 вольт, телефонная проводка, телетайпная, коаксиальные кабели, водяное охлаждение, пневмопочта, автоматическая доставка еды, кислорода, коллектор. — Он довольно хихикнул. — Ну да, у нас здесь внизу всего понемногу.

— Санитара! — донесся голос откуда-то из конца колонны, и санитар поспешил на зов.

— Они обнаружили нас! — запричитал один из солдат, работник кухни: и тут же послышалось беспорядочное клацанье затворов ружей.

— Отставить оружие! — крикнул лейтенант. — Пока вы тут не поубивали друг друга. Срочно узнайте, в чем там дело, сержант.

Стиснув в руках оружие и с тревогой вглядываясь в глубину туннеля, они ждали возвращения сержанта. Джерри Кранчер тихонько напевал себе что-то под нос и небольшим молоточком с шаровым бойком на конце простукивал разные клапаны; на одном из них он тщательно затянул держатель прокладки.

— Ничего особенного, — доложил, вернувшись, сержант. — Берн-Смит прищемил палец, пока закрывал крышку люка.

— Они никогда не слушают, когда им говорят, — неодобрительно проворчал Джерри Кранчер.

— Двинулись дальше! — приказал лейтенант.

— Мы забыли об одной вещи, — твердо сказал Джерри Кранчер, непоколебимый, как каменная глыба. — Вы поручились, что известите моего шефа, чтобы мне оплатили эту работу.

— Разумеется, но не могли бы мы поговорить об этом, пока идем?

— Мы пойдем, когда все уладим. Я совсем забыл, что, поскольку сегодня воскресенье, я получаю по двойному тарифу, а через четыре часа — по тройному.

— Считайте, что договорились. Идемте.

— В письменном виде.

— Да, в письменном виде, конечно. — Перо лейтенанта за-

порхало по раскрытому полевому блокноту. Написав, лейтенант вырвал из него листок. — Вот, возьмите, а здесь я расписался — своим порядковым номером. За этим номером стоит армия.

— Тем лучше, — сказал Джерри Кранчер, бережно складывая полоску бумаги и пряча ее в бумажник. Процессия вновь тронулась в путь.

Путешествие по подземному лабиринту напоминало всем его участникам ночные кошмары — всем, кроме седого человека плотного телосложения, который вел их, словно козел из колена Иудина, через этот подземный ад. Идти по основным туннелям было довольно легко, хотя самые неосторожные из солдат постоянно натыкались на торчащие отовсюду вентиляционные маховики и поперечные трубы, которые будто нарочно прятались где-то до поры до времени. Если бы не защитные шлемы, половина их маленького отряда, не успев пройти и мили, была бы попросту оглушена. Как бы там ни было, до передней части колонны довольно часто доносились лягз и сдавленные крики. Вскоре они подошли к смотровому люку и к первой трубе из многих, по которым можно было передвигаться только ползком. Труба вела к шахте, падающей вертикально вниз на добрых шестьдесят футов. В нее им пришлось спускаться по скользкой от влаги лестнице. У подножия шахты начинался ровный туннель, в котором гасли любые звуки; стены его были выложены тесанными вручную каменными блоками; в нем царил кромешный мрак — ни единого огонька, и им пришлось воспользоваться своими фонариками. Туннель привел их в огромную пещеру, заполненную рокочущим гулом.

— Эта сточная труба способна выдержать шторм, — сказал Джерри Кранчер, указывая на стремительно несущуюся реку, которая бурлила водоворотами буквально под их ногами. — В другое время года она совершенно пересыхает. А тут в предместье недавно прошли дожди, и вот они где сейчас. Придерживайтесь дорожки, здесь это самый короткий путь, и смотрите не поскользнитесь. Если упадете в воду, считайте себя покойником. Ваше тело могут найти в пятидесяти милях от берега; в открытом океане; если, конечно, первыми до него не доберутся рыбы.

С этим ободряющим напутствием люди стали медленно, то и дело оскальзываясь, продвигаться вперед через весь туннель, который казался им нескончаемым. Снова очутившись в без-

опасности под сводами обычной коммуникационной трубы, они вздохнули с видимым облегчением. Вскоре после этого Джерри Кранчер остановился и указал на лестницу, уходящую в темноту высоко над головой.

— Колодец 98 ВаГ. Это тот, что вам нужен, — ведет к тому второму узлу, о котором вы говорили.

— Вы уверены?

Джерри Кранчер бросил на лейтенанта взгляд, выражавший нечто весьма схожее с отвращением, и, нащупав в кармане трубку, достал ее.

— Учитывая, что вы, мистер, человек несведущий, я не обижаюсь. Когда Джерри говорит, что туннель есть туннель, это именно тот туннель, о котором он говорит.

— Я не хотел вас обидеть.

— А я и не обиделся — умиротворенно пробормотал он сквозь клубы дыма. — Тот самый и есть. Как видите, в нем тоже идут все провода и коммуникационные кабели. Так что ничем иным он и быть не может.

— А что наверху?

— Дверь с ручкой и надпись: «ВХОД ВОСПРЕЩЕН В СООТВЕТСТВИИ С ПАР. 897а ВОЕННОГО КОДЕКСА».

— Дверь заперта?

— Да нет. Запрещено в соответствии с параграфом 45-С Кодекса Туннельного Правления. Проход должен быть свободным, знаете ли.

— Что ж, прекрасно. Сержант, возьмите восемнадцать человек и поднимайтесь по этой лестнице. Сверьте свои часы с моими. Через два часа мы начнем атаку. А вы просто пройдите через ту дверь и сразу начинайте стрелять — только осторожно, чтобы не повредить оборудование. Стреляйте до тех пор, пока не убьете этих грязных бетельгейзианских слизняков всех до одного. Вам понятно?

Сержант решительно кивнул и, выпрямившись, отдал честь:

— Мы выполним свой долг, сэр.

— Хорошо. Все остальные, за мной!

Они не прошли и десяти минут вниз по наклонному боковому туннелю, как Джерри Кранчер вдруг остановился и сел.

— В чем дело? — спросил лейтенант.

— Пора выпить чаю, — ответил тот, убирая свою еще неостывшую трубку в боковой карман и открывая коробку с завтраком.

— Но вы не можете — я хочу сказать, послушайте, ведь враг, график продвижения...

— Я всегда пью чай в это время. — Он налил себе полную кружку крепкого напитка и с наслаждением втянул носом ароматный парок, поднимавшийся над внушительной по размерам кружкой. — В графике учитывается и перерыв на чай.

Многие достали свои пайки и стали есть, запивая из фляжек; пока они ели, лейтенант нервно вышагивал взад и вперед, ударяя кулаком о ладонь. Джерри Кранчер безмятежно потягивал чай и жевал огромный кусок шоколадного бисквита.

Пронзительный крик разорвал тишину и эхом отразился от труб. Из щели в стене метнулось что-то черное и омерзительное и вцепилось прямо в шею рядового Барнса. Солдаты оцепенели. Но только не Джерри Кранчер. В воздухе просвистел тяжелый трехфутовый гаечный ключ, которым он, не промедлив ни секунды, с силой ударил по ненавистному врагу. Злое существо на глазах у ошеломленных зрителей бездыханным скатилось на пол туннеля.

— Это... это... *ужасно!* — произнес, задыхаясь, один из солдат. — Что это было?

— Хомяк-мутант, — ответил Джерри Кранчер, подняв с пола монстра, состоявшего, казалось, из одних зубов и когтей, и запихнув его в коробку, где только что лежал завтрак. — Потомки безобидных домашних зверюшек, покинувших своих хозяев несколько веков тому назад и нашедших свой приют здесь, в этой темноте; постепенно они вырождались, пока не превратились в то, что вы видите перед собой. Встречал я их и повнушительнее. Ученые-эксперты из университета дают мне за каждого по три кредита. По-моему, совсем неплохо; к тому же они не облагаются налогом. Я так полагаю, что их примеру вы не последуете. — Он немного оживился после столь выгодной для него схватки и стал разговорчивей.

Оказав помощь пострадавшему рядовому, они, не теряя времени, продолжили путь. У следующей коммуникационной станции осталась еще одна группа вооруженных людей, а остальные поспешили к самому КомЦентру.

— Осталось десять минут, — тяжело дыша, сказал лейтенант. Изнемогая под тяжестью своего снаряжения, он еле переставлял ноги.

— Не стоит беспокоиться, еще два туннеля, и все.

До назначенного часа оставалось лишь три минуты, когда они наконец подошли к широкому отверстию на потолке прямо над головой, из которого, словно из пасти некоего чудовища, высывались щупальца кабелей, что наводило на мысль о голове электронной гидры.

— Наверху — большая дверь, — сказал Джерри Кранчер, освещающая фонариком уходящую вертикально вверх шахту. — На ней переводной рычаг с двойным запорным колесом. При поворачивании колеса против часовой стрелки рычаг должен стоять в положении «Готов» и...

— Прошу вас, поднимитесь вместе с нами, — умоляюще произнес лейтенант и поглядел на часы, нервно покусывая губу. — Иначе мы не успеем их вовремя атаковать и наша атака захлебнется, так как они уже будут предупреждены нападением наших людей на другие станции.

— Лезть под пули, знаете ли, не входит в мои обязанности. Я бы им позволил подстрелить себя, если бы мне заплатили за это.

— Пожалуйста, я умоляю вас — как гражданина-патриота. — При этих словах Джерри Кранчер сильно сжал зубами мундштук трубки и лицо его словно закаменело. — Это ваш долг перед самим собой, перед вашей семьей, вашей совестью, вашей страной. И кроме того, в качестве вознаграждения я могу гарантировать вам еще сто кредитов, если вы откроете ту дверь.

— По рукам.

Пытаясь наверстать время, они что было сил карабкались вверх по лестнице; когда они достигли верхней площадки, секундная стрелка на часах лейтенанта уже наполнила на цифру двенадцать.

— Откройте ее!

Колесо повернулось, и все механизмы пришли в движение: мощный рычаг пошел вниз, огромная массивная дверь распахнулась.

— За Матушку-Землю! — воскликнул лейтенант и ринулся вперед, увлекая за собой людей.

Когда в туннеле никого не осталось и в нем снова воцарилась тишина, Джерри Кранчер зажег трубку и — скорее из любопытства, чем из каких-либо иных побуждений, — неторопливо последовал за остальными. Там он увидел вереницу бесконечных стальных коридоров, стены которых были заставлены жужжащей и гудящей электронной аппаратурой. Он остано-

вился, чтобы утрамбовать в трубке табак, и в это мгновение открылась одна из дверей и оттуда поспешно вышло маленькое волосатое существо, очертаниями своей фигуры схожее с кеглей: ростом оно было по пояс Джерри и вдобавок являлось обладателем большого количества рук. Существо, выйдя из двери, помчалось к большому красному рубильнику на противоположной стене. К рубильнику потянулось сразу пять рук; плоские пальцы уже почти коснулись его, когда в воздухе снова просвистел гаечный ключ и вонзился в голову существа. Оно мгновенно рухнуло на пол. Джерри Кранчер едва успел подобрать свой инструмент, как из той же двери выбежал белый как мел лейтенант.

— Слава богу! — выдохнул он. — Вы остановили его вовремя.

— Мне не понравилось выражение его глаз, хотя я вовсе не хотел вышибить из него мозги.

— Это их предводитель — единственный, кто уцелел; и он собирался включить механизм уничтожения. Взрывом нас бы всех приподняло на милю к небесам. Сейчас он наш пленник, и он еще, поверьте, заговорит. У бетельгейзианцев мозг располагается в диафрагме, а желудок — в голове. Так что он всего лишь потерял сознание.

— В общем дал пинка в брюхо. Рад этому, я не хотел убивать его.

— Где ты был? — крикнула Агата из кухни, когда услышала в прихожей тяжелые шаги Джерри.

— Особое задание, — прохрипел он, стягивая с себя сапоги. — На этой неделе к жалованью подкинут денег.

— Они нам пригодятся на ремонт видика. Он сегодня весь день барахлил, хотя теперь снова заработал. Но я уверена, что с ним не все ладно. Телефон тоже барахлил — поверишь ли, все в один день. Пыталась дозвониться до мамы, но наша линия словно онемела. А задание было трудным?

— Не очень, — пробормотал Джерри, извлекая трубку. — Правительственная работа; полагаю, за нее тоже будет приличное вознаграждение. Провел по туннелям нескольких парней. И до чего ж они бестолковые! Один раздавил себе крышкой палец, а другой спокойно сидел, пока хомяк-мутик подбирался к его горлу.

— О-о-о, перестань, а то у меня окончательно испортится аппетит. Чай готов.

— А вот *это* как раз то, о чем я мечтал услышать.

Он улыбнулся — впервые с того времени, как встал с постели этим утром — и пошел в кухню пить чай.

ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР

Ливермору нравился вид, открывавшийся с маленького белого балкона, примыкавшего к его кабинету, невзирая даже на то, что на такой высоте в это время года воздух был обжигающе холодным. И сейчас он стоял там, стараясь подавить дрожь и высматривая свежую весеннюю зелень на склонах холмов и на деревьях в старом городе. А над ним и под ним простирались белые ступени уровней Нового города, раскинувшегося вокруг в своей прилизанной элегантности, огромная буква А, имевшая в основании ширину полмили и сходявшаяся к вершине чуть ли не в точку. Каждый уровень был оторочен множеством балконов, а с каждого балкона открывался широкий кругозор. Замечательно придумано. Ливермор снова вздрогнул и почувствовал, как у него в груди сильно и громко забилося сердце: старые клапаны, взбодренные новыми лекарствами. Его внутренности были так же продуманно разработаны и постоянно поддерживались в таком же идеальном состоянии, как и здание Нового города. А вот внешность оставляла желать много лучшего. С бесчисленными коричневыми пятнами, морщинами и снежно-белыми волосами, он казался таким же пережитком прошлого, как и дома в Старом городе. Было чертовски холодно, а тут еще и облака закрыли солнце. Он ткнул пальцем в кнопку и, когда стеклянная стена скользнула в сторону, с радостью возвратился в помещение с его отфильтрованным и нагретым воздухом.

— Давно ждете? — спросил он у старика, который с хмурым видом сидел на стуле с противоположной стороны его стола.

— Вы сами спросили, доктор. Я никогда не стал бы жаловаться, но...

— В таком случае, не стоит сейчас начинать. Вставайте, расстегните рубашку и позвольте мне заглянуть в записи. Грэйзер, я вас помню. Вам подсадили зародыш почки, не так ли? Как вы себя чувствуете?

— Погано, другого слова не подберешь. Аппетита нет совсем, замучила бессонница, а если иногда и удается заснуть, то

каждый раз пробуждаюсь в холодном поту. А кишечник! Вы только послушайте, что происходит с моим кишечни... а-а-ах!

Ливермор шлепнул холодным кружком стетоскопа по голой груди Грэйзера. Пациенты любили доктора Ливермора, но терпеть не могли его стетоскоп и уверяли, что он специально охлаждает его перед тем, как выслушивать больных. Они были правы. В кружок стетоскопа была встроена термоэлектрическая охлаждающая пластина. Ливермор был глубоко уверен в том, что это давало пациентам повод для глубоких раздумий.

— М-м-м-м... — протянул он, нахмурившись, хотя сквозь трубки, вставленные в уши, до него не доносилось ни звука. Уже много лет назад он залепил стетоскоп воском. Систолические и диастолические шумы мешали ему сосредоточиться, к тому же ему вполне хватало того, что он слышал в своей собственной груди. Кроме того, все, что ему требовалось, имелось в записях, так как диагностические машины делали эту работу намного лучше, чем когда бы то ни было удавалось ему. Он пробежал глазами разграфленные листы.

— Застегните рубашку, сядьте и прямо сейчас примите пару вот этих таблеток. Это как раз то, что нужно при вашем состоянии.

Он вытряхнул две большие красные сахарные пилюли из пузырька, который извлек из ящика стола, и указал на пластмассовый стаканчик и графин с водой. Грэйзер нетерпеливо протянул руку за таблетками: еще бы, ведь это было настоящее лечение. Ливермор нашел самые последние рентгеновские снимки и засунул их в проектор. Изумительно. Новая почка росла, и уже напоминала по форме небольшую фасолину. Конечно, она казалась совсем крошечной рядом со старой почкой, но не пройдет и года, как они сравняются в размере. Наука превозмогла все или, по крайней мере, почти все; он со стуком бросил папку на стол. Утро сегодня выдалось трудным, и даже операция, которую он провел после обеда, не помогла ему расслабиться, как это бывало обычно. Старики, АК, такие же люди, как и он сам, — они ценили друг друга. Он получил степень доктора медицины очень и очень давно — вот и все, что они знали о нем. Иногда он задавался вопросом, ассоциировался ли он в их представлении с тем доктором Рексом Ливермором, который руководил эктогенетической программой. Если, конечно, они слышали хоть что-нибудь об этой программе.

— Большое спасибо вам за пилюли, док. Не могу больше выносить всех этих уколов. Но мой кишечник...

— Да плюнуть на ваш кишечник и растереть. Он ничуть не старше моего собственного и находится в таком же прекрасном состоянии. Вам просто скучно — и отсюда все ваши недомогания.

Грэйзер одобрительно кивнул в ответ на эти обидные слова — они хоть как-то привлекли его внимание на фоне совсем уж бессмысленного существования.

— Скучно, вот-вот, док, вы как раз в самую точку угодили. Те часы, которые я провожу сидя на горшке...

— Чем вы занимались до того, как вышли на пенсию?

— С тех пор прошло так много времени.

— Не настолько много, чтобы вы не смогли этого вспомнить. Ну, а если не сможете, то, что ж, это будет всего лишь значить, что вы слишком стары для того, чтобы впускать трахать на вас продовольствие и предоставлять вам место. В таком случае нужно будет извлечь ваш мозг из черепушки, переложить в банку и наклеить ярлык: мозг, пораженный старческим слабоумием.

Грэйзер захихикал; если бы те же самые слова произнес кто-нибудь помоложе, то он, скорее всего, раскричался бы.

— Я сказал, что это было давно, но не говорил, что забыл. Я был художником. Не из тех, что творят произведения искусства, а художником по интерьерам. Занимался этим делом восемьдесят лет, пока меня не вышвырнули из союза и не заставили выйти на пенсию.

— И как вы, прилично разбирались в этом деле?

— Лучше всех. Теперь у них вовсе не осталось художников.

— Легко могу в это поверить. А вот мне чертовски надоел не то белый, не то желтый цвет этого вечного суперпластика, которым отделаны стены моего кабинета. Как вы думаете, сможете вы перекрасить его для меня?

— Вряд ли на этот материал ляжет краска.

— А если я найду такую, которая ляжет?

— Я к вашим услугам, док.

— На это потребуются некоторое время. Уверен, что вы не собираетесь пропускать занятия по плетению корзин, собрания и вечера, просмотр телепередач.

Грэйзер в ответ только фыркнул и почти что улыбнулся.

— Вот и отлично. Я свяжусь с вами. В любом случае, прихо-

дите ко мне через месяц, чтобы я смог посмотреть, как поживает ваша почка. Что же касается всего остального, то вы находитесь в идеальной форме после гериатрических процедур. Просто вам надоел телевизор и эти проклятые корзины.

— Можете повторить это еще раз, док. Только не забудьте про покраску, слышите?

Откуда-то, будто издалека, донесся негромкий серебристый звонок. Ливермор указал пациенту на дверь и, как только старик вышел из кабинета, включил телефон. С экрана на него уставилось крохотное изображение донельзя смущенной и расстроенной Литы Крэбб.

— О, доктор Ливермор, случилась новая беда с банками. — Банками или колбами сотрудники Ливермора обычно называли специально изготовленные толстостенные сосуды, в которых выращивались эмбрионы.

Он повесил трубку и посмотрел на наручные часы. Двадцать минут до совещания — он сможет принять еще одного пациента, а то и двух. Геронтология не была его основной специальностью и на самом деле крайне мало интересовала его, зато его занимали люди. Он иногда спрашивал себя, догадываются ли они, насколько мало нуждаются в нем, так как находятся под постоянным контролем и пользуются наилучшим медицинским обслуживанием. Не исключено, что им просто нравилось встречаться и разговаривать с ним точно так же, как это нравилось ему самому. Но в любом случае от этого не могло быть никакого вреда.

Следующим пациентом оказалась тощая седовласая женщина, которая начала жаловаться, как только открыла дверь, и не прекращала до тех пор, пока не уселась с великой осторожностью на стул и поставила костыли рядом с собой. Ливермор кивал, рисовал закорючки в лежавшем перед ним блокноте и изумлялся высказываниям, критическим замечаниям и оскорблениям, прорывавшимся сквозь поток жалоб, которым она прежде так хорошо и так часто их маскировала. Вообще-то она вела речь только о своей ноге, так что тема могла показаться достаточно ограниченной — пальцы, сухожилия и тому подобное. Но у нее были странные симптомы — помимо обычных болей еще и ощущение жара и зуд, — что становилось еще интереснее, если учесть тот факт, что нога, о которой шла речь, была ампутирована более шестидесяти лет тому назад. То, что в фантомных конечностях бывают фантомные боли, в этом не

было ничего нового; в литературе сообщалось даже о полностью парализованных пациентах, имевших фантомные сексуальные импульсы, заканчивавшиеся фантомными оргазмами, но длительность данного случая, несомненно, стоило отметить. Он позволил себе отвлечься от бесконечных детальных жалоб, и, когда он наконец дал пациентке несколько своих сахарных пилюль и выпроводил ее из кабинета, оба почувствовали себя намного лучше.

Когда он вошел в зал заседаний, Кэтрин Раффин и Стертевант уже ждали его. Стертевант, как всегда нетерпеливый, барабанил покрытыми зелеными пятнами пальцами по мраморной столешнице; с губы свисала сигарета из заменителя табака, полностью исключавшая опасность ракового заболевания. Очки с круглыми толстыми стеклами и острый нос делали его похожим на сову, но тонкой линией рта он больше напоминал черепаху: это было не лицо, а самый настоящий бестиарий. А уши вполне могли бы принадлежать американскому лосю, подумал Ливермор, а вслух сказал:

— Стертевант, вы знаете, что ваши так называемые сигареты воняют, словно горящая мусорная куча?

— Вы уже говорили ему об этом, — заметила Кэтрин Раффин. Она говорила по-английски медленно, тщательно проговаривая слова, и очень странно строила фразы. В юности она эмигрировала из Южной Африки, вышла замуж за давным-давно опочившего мистера Раффина, но акцент у нее сохранился до сих пор.

Юность, проведенная среди буров. Очень скрытная и обожающая говорить вокруг да около, точь-в-точь такая, какими принято считать голландских домохозяек, она была тем не менее старшим администратором, и ее голова работала не хуже компьютера.

— Оставьте в покое мои сигареты. — Стертевант смял в пепельнице окурочек и тут же извлек следующую сигарету. — Неужели вы не можете хотя бы раз прийти на совещание вовремя?

Кэтрин Раффин постучала по столу костяшками пальцев и включила диктофон.

— Протокол совещания Совета по генетическому управлению, Сиракузы, Новый город, вторник, 14 января 2025 года. Присутствуют: Раффин, Стертевант, Ливермор. Председатель — Раффин.

— Что это я слышал о большом количестве неудач с колбами? — спросил Стертевант.

Ливермор махнул рукой, дав тем самым понять, что вопрос не заслуживает внимания.

— Несколько неудач с банками следует считать само собой разумеющимися. Немного позже я разберусь, в чем там дело, и на следующем совещании дам подробный отчет. Это чисто технический вопрос, из-за которого нам совершенно не следует волноваться. Что меня действительно беспокоит, так это наши генетические приоритеты. У меня есть список...

Он принялся рыться в карманах пиджака, а Стертевант угрюмо уставился на него, хмуро стиснув свои черепашьи челюсти.

— Ну вас вместе с вашими списками, Ливермор. Мы уже вдоволь начитались их. Приоритеты — это дело прошлого. Теперь у нас имеется готовая программа, которой мы должны неукоснительно придерживаться.

— Приоритеты несколько не устарели, а вы своими словами демонстрируете типичное невежество социолога, несколько не разбирающегося в реальных проблемах генетики.

— Вы оскорбляете меня!

— Я всего лишь сказал правду. Очень жаль, что она кажется вам обидной. — Он нашел смятый лист бумаги во внутреннем кармане, положил его на стол и старательно расправил. — Вы настолько привыкли к своим проклятым диаграммам и графикам, демографическим кривым и прогнозам, что считаете, будто они представляют собой действительное описание реального мира, а не грубые приближения, построенные на основе давно свершившихся фактов. Я не собираюсь обременять вас числами, они настолько велики, что их можно считать бессмысленными, но я хочу, чтобы вы оценили невероятную сложность нашего генетического пула. Человечество, как нам известно, существует около полумиллиона лет, постоянно мутируя, меняясь, осуществляя межвидовое скрещивание. На протяжении существования всех этих поколений каждая смерть являлась своеобразным случаем отбора, равно как и каждое спаривание. Благоприятные и отрицательные свойства, мутации, способствующие и препятствующие выживанию, массивный мозг и гемофилия — все это появлялось, закреплялось и распространялось по всей человеческой расе. Теперь мы говорим, что намерены усовершенствовать эту расу путем генетической селекции. Мы располагаем неограниченным банком свойств, из которого

можем выбирать то, что считаем нужным, яйцеклетками от каждой женщины, спермой от каждого мужчины. Мы в состоянии проанализировать их генетический состав и скормить результаты компьютеру, чтобы тот подобрал для нас благоприятные комбинации, затем соединить сперму и яйцеклетку и вырастить зародыш эктогенетическим путем. Если все сложится удачно, за девять месяцев мы высидим младенца по нашему выбору, и, благодаря этому улучшению, человеческая раса на один крохотный шаг приблизится к идеалу. Но что такое улучшение, что является благоприятной комбинацией? Темная кожа — это свойство, способствующее выживанию в тропиках, но в Северном полушарии темная кожа слишком сильно отражает ультрафиолетовое излучение, из-за чего тело не в состоянии вырабатывать витамин D, а от этого возникает рахит. Все относительно.

— Мы уже обсуждали эту тему, — заметила Кэтрин Раффин.

— Но недостаточно часто. Если мы не будем постоянно возвращаться к нашим целям, снова и снова рассматривать и уточнять их, то попадем на дорогу с односторонним движением. Как только генетические свойства отторгаются, они исчезают навсегда. В этом смысле у команды из Нового города Сан-Диего работа гораздо легче. У них есть совершенно четкая цель. Они создают новые породы людей, определенные типы, предназначенные для существования в конкретных вариантах различной окружающей среды. Скажем, космонавтов, которые могут жить, не перенося физических или душевных травм во время продолжительных — в несколько десятков лет — путешествий к внешним планетам. Людей особой выносливости, приспособленных к низким температурам и сильно пониженному атмосферному давлению — для заселения Марса. Они могут безжалостно отбрасывать те или иные гены, стремясь к ясной и известной цели. Мы просто улучшаем — и до чего же это неопределенная амбиция! А чего мы лишимся в ходе создания этой новой расы суперменов? Допустим, новый человек будет розовым, а если так, то что же будет с неграми?..

— Ради бога, Ливермор, давайте не будем начинать все это снова! — выкрикнул Стертевант. — У нас же есть документы, правила, инструкции, определяющие все дальнейшие действия.

— Я только что сказал, что вы не имеете никакого реального представления о генетике и ваша последняя реплика еще раз доказывает это. Вы никак не можете понять своей головой, что

с каждым случаем отбора игра начинается заново, причем с нуля. Как любят говорить в исторических передачах по 3-видео, совершенно новое поле деятельности. Весь мир рождается заново вместе с каждым ребенком.

— Я думаю, что вы склонны излишне драматизировать ситуацию, — бесстрастно произнесла Кэтрин Раффин.

— Ни в малейшей степени. Гены — это не кирпичи. Мы не можем планомерно выстроить ту структуру, которую хотим получить. Мы всего лишь стремимся к оптимуму, затем смотрим, что получается, и делаем следующую попытку. Никакие директивы не в состоянии определить детали каждого случая отбора или управлять каждой случайной комбинацией. Каждый технический сотрудник — это маленький бог, самым настоящим образом решающий вопросы жизни и смерти. А некоторые из этих решений, по большому счету, являются спорными.

— Это невозможно, — заявил Стертевант, и Кэтрин Раффин кивнула, выражая свое согласие.

— Нет, всего лишь дорого. Мы должны найти возможность произвести более глубокое изучение каждого совершенного изменения и прогнозировать, куда нас это заведет.

— Вы не желаете считаться с установленным порядком, доктор Ливермор, — сказала Кэтрин Раффин. — Ваше предложение уже было внесено в прошлом, оценено с точки зрения запланированных бюджетных расходов, и вопрос в целом был исключен из рассмотрения из-за чрезмерной стоимости. Как вы должны помнить, это было не наше решение, оно поступило от руководителя Совгенупра. Мы ничего не достигнем, если будем снова и снова стрелять по тем направлениям, которые уже были хорошо прострелены. Есть новые вопросы, и мы все это должны понимать, которые я хочу вынести на обсуждение данного совета.

Ливермор почувствовал, что у него разболелась голова, и вытащил лежавшую в кармане пачку таблеток. Эти двое о чем-то говорили, но он не обращал на них никакого внимания.

Выключив телефон после разговора с доктором Ливермором, Лита Крэбб почувствовала, что готова заплакать. Уже несколько месяцев она очень много работала и совершенно не высыпалась. Она ощущала жжение в глазах и немного стыдилась этой непривычной слабости: она была из тех людей, которые просто-напросто никогда не плачут, и совершенно неважно,

женщина она или нет. Но семнадцать неудач с колбами, семнадцать смертей. Семнадцать крошечных жизней, которые оборвались, даже не успев начаться. Ей было, пожалуй, так больно, словно это были настоящие дети...

— Такой маленький, что его, пожалуй, и не разглядишь, — сказал Визи. Лаборант поднял одну из отсоединенных колб, чтобы посмотреть на просвет, и взболтал находившуюся внутри жидкость. — А вы уверены, что оно мертво?

— Прекратите! — рявкнула Лита, но тут же взяла себя в руки: она всегда гордилась тем, как ровно и спокойно общается с подчиненными. — Да, они все мертвы, я проверила. Слейте жидкость, заморозьте и промаркируйте их. Я через некоторое время проведу исследование.

Визи кивнул и вышел, унося колбу. А Лита спросила себя: что же заставляет ее думать о них, как о живых детях? Должно быть, она устала. Ведь это же всего-навсего группы делящихся клеток, обладающие не большей индивидуальностью, чем те клетки, которые собрались в бородавку на тыльной стороне кисти ее руки. Она почесала ее и в который раз напомнила себе, что ее необходимо вывести. Привлекательной, хорошо сложенной молодой женщине тридцати с небольшим лет, с медовыми волосами и загорелой кожей такие украшения ни к чему. Но ее волосы были очень коротко подстрижены, на лице не было ни малейшего следа косметики, а роскошная фигура была надежно спрятана под мешковатым белым лабораторным халатом. Она была еще молода, хотя между бровями уже начала появляться озабоченная морщинка. Когда женщина наклонилась над микроскопом, разглядывая окрашенный препарат на стекле, морщинка сделалась глубже.

Неудачный ход процесса выращивания эмбрионов в колбах тревожил ее гораздо сильнее, чем она готова была сама себе в этом признаться. Несколько последних лет программа продвигалась настолько успешно, что она начала относиться к этим успехам как к чему-то естественному и все больше и больше заглядывала вперед, обдумывая генетический потенциал второго поколения. Потребуется решительное усилие, чтобы забыть обо всем этом и вернуться к простым техническим проблемам экзогенеза... Сильные руки обхватили ее сзади, ладони крепко прижались к округлому животу ниже талии, жесткие губы поцеловали шею.

— Не надо! — изумленно воскликнула она и рванулась из

объятий. Оглянулась. Ее муж. Гаст сразу же опустил руки и шагнул назад.

— Пожалуйста, не сердись, — сказал он. — Знаешь, ведь мы с тобой женаты, и никто за нами не подглядывает.

— Дело вовсе не в том, что я против того, чтобы ты меня лал. Но ведь я работаю, разве ты не видишь?

Лита повернулась к нему; что бы она ни говорила, это слишком плотское прикосновение рассердило ее. Он молча стоял перед нею, флегматичный с виду черноволосый смуглолицый мужчина с немного оттопыренной нижней губой, из-за которой у него вечно было немного обиженное выражение. Особенно сейчас.

— Ну-ну, незачем так расстраиваться. Сам знаешь: делу время, а потехе час.

— Чертовски мало теперь бывает этой самой потехи. — Он быстро оглянулся: не слышит ли его кто-нибудь. — Первое время после того, как мы поженились, все было не так. Ты была тогда довольно-таки нежной. — Он медленно протянул руку и легонько ткнул ее пальцем в живот.

— Не надо, не делай этого. — Она отстранилась, закрывшись руками. — Здесь сегодня был форменный ад. Дефектный клапан в одной из линий гормональной подкормки. Слишком поздно обнаружили. Мы потеряли семнадцать банок. К счастью, на ранней стадии.

— Так в чем же здесь потеря? В морозильниках должно быть еще несколько миллиардов доз спермы и яйцеклеток. Они соеделят сколько нужно и снова загрузят тебя работой.

— Нет, ты подумай, сколько труда, сколько усилий по подбору генов оказалось затрачено впустую.

— Именно за это лаборанты получают деньги. По крайней мере, у них снова появится какое-нибудь занятие. Знаешь что: почему бы нам не забыть обо всем этом хотя бы ненадолго и не устроить себе хороший вечер? Пойдем в Старый город. Я слышал об одном местечке. Его содержит какой-то Шарм. Там готовят настоящие культовые блюда и, говорят, бывает довольно весело.

— Разве мы не можем поговорить об этом попозже? Сейчас действительно совсем не подходящее время...

— Христос свидетель, у тебя всегда неподходящее время. Я вернусь к половине шестого. Посмотрим, сможешь ли ты к тому времени что-нибудь решить.

Он опрометью выскочил из комнаты, но механизм не позволил ему с яростным грохотом захлопнуть за собой дверь. Что-то исчезло из его жизни, вот только он не мог с уверенностью сказать что. Он любил Литу, и она любила его — в этом он был твердо уверен, — но чего-то недоставало. У них обоих была работа, которую нужно было делать, но прежде она никогда не причиняла им неприятностей. Они привыкли к этому образу жизни и даже иногда работали вместе, в одной и той же комнате, ночи напролет, держась друг с другом ровно и спокойно, по-товарищески. А потом, частенько уже на рассвете, они пили кофе, ими овладевала приятная сонливая усталость, они падали в кровать, занимались любовью. Вот только теперь такого не бывало, и он не мог понять почему. Он вошел в самый ближний лифт и скомандовал: «Пятьдесят». Двери закрылись, и кабина плавно тронулась с места. Они выберутся отсюда сегодня вечером: он твердо решил, что этот вечер будет не таким, как большинство остальных.

Только выйдя из лифта, он понял, что приехал не на тот этаж. Это был пятнадцатый, а не пятидесятый — звуковой анализатор в компьютере лифта, похоже, постоянно путал эти два слова¹. Прежде чем он успел вернуться, двери у него за спиной закрылись, и тут же он заметил двух стариков, сердито уставившихся на него.

Он оказался на одном из стариковских этажей. Вместо того чтобы подождать другого лифта, он отвернулся от их сердитых взглядов и быстро зашагал по залу. Там было много других стариков; некоторые куда-то шли, шаркая ногами по полу, некоторые разъезжали в моторных креслах, а Гаст шел вперед, глядя прямо перед собой, чтобы не встречаться с ними взглядом. Они бывали недовольны, когда сюда забредал кто-нибудь из молодых.

Ну а он был недоволен тем, что они заняли его новехонькое, с иглочки, здание. Это была нехорошая мысль, и он сразу пожалел о том, что она пришла ему в голову. Это было не его здание; он был только одним из тех участников команды проектировщиков, которые остались на строительстве. У стариков было здесь столько же прав, сколько и у него самого — даже больше, так как это был их дом. И еще это был удачный компромисс. Это здание, Новый город, было предназначено для

¹ По-английски числительные «пятнадцать» (fifteen) и «пятьдесят» (fifty) звучат очень похоже.

будущего, но будущее приближалось очень и очень неторопливо, так как можно было ускорить все на свете, кроме эмбрионального развития. Девять месяцев от зачатия до рождения, хоть в матке, хоть в колбе. Затем долгие годы детства, быстролетные годы полового созревания. Со стороны города было бы ужасным расточительством все это время держать такой дом свободным.

Это было тем местом, куда собирались старики — уцелевшие обломки перенаселенного мира. Благодаря успехам геронтологии, медики поддерживали их силы и помогали им сохранять бодрость. Они старели вместе — последние представители алчных поколений. Они были родителями, у которых было мало детей и еще меньше внуков, поскольку реальность в виде голода, болезней и отравления окружающей среды неутомимо стремилась ворваться в их жилища. Нельзя сказать, чтобы они пошли на это добровольно. Если бы им предоставили возможность поступать по собственному разумению, то они повели бы себя точно так же, как и все предшествующие поколения человечества: эгоистично. Если миру предстоит сделаться перенаселенным, то он должен быть перенаселен моими детьми. Но сделанные к этому времени крупные достижения в геронтологической науке и новые лекарства позволили повесить перед носом человека, который на протяжении всей своей истории старательно изображал из себя осла, самую привлекательную морковку из всех, к каким ему когда-либо приходилось тянуться. Чем меньше у вас детей, тем выше уровень медицинского обслуживания, на которое вы вправе рассчитывать. Коэффициент рождаемости прямо на глазах снизился почти до нуля. Бездумные борцы за перенаселенность решили перенаселить мир собой, а не своими детьми. Предоставленной жизнью они предпочли воспользоваться сами.

В результате получилось, что у ребенка, принадлежавшего к следующему поколению, могло быть, помимо матери и отца, с полудюжины живых престарелых родственников. Женатая пара могла иметь десять или пятнадцать старших родственников — одиноких! — с надеждой взирающих на одну-единственную молодую семью. Не могло идти и речи о том, чтобы вся эта орда стариков повисла на шее у нынешнего поколения, которое не имело ни места, ни денег, чтобы содержать их. Они были бременем правительства и именно им должны были остаться. Это время с каждым годом делалось все легче, требовало все меньших затрат, так как старые организмы, несмотря на все

чудеса, которые творила медицина, все-таки понемногу изнашивались. Когда начали разрабатывать новые города для будущих, создаваемых на научной основе, поколений, было принято мудрое решение — на первых порах поселить там стариков. Таким образом их можно было бы с наименьшими расходами и усилиями обеспечить наилучшим продовольствием, уходом и лекарствами. Старые города зажили бы гораздо счастливее, освободившись от такого балласта, как масса престарелых обитателей. И поскольку эффект от применения гериатрических препаратов, казалось, делался заметно слабее после того, как человек перевалил за середину второго столетия, можно было составить достаточно точный прогноз того, что эвфимистически называли постепенной убылью. Никто не любил использовать слово «смерть». А к тому времени, когда нынешние обитатели отбудут в заранее выбранное ими место окончательного убывтия, подспеют и развивающиеся поколения. Очень прилично. Очень аккуратно. До тех пор, пока вы держитесь подальше от этажей, населенных стариками.

Глядя прямо перед собой, Гаст шел по коридору, больше похожому на улицу, игнорируя злобные взгляды, не обращая ни малейшего внимания на помещения, залы с бассейнами, тропические сады и песчаные пляжи, тянувшиеся по обеим сторонам дороги. И на людей. Ему показалось, что до следующего блока лифтов идти пришлось очень долго. На сей раз он очень четко проговорил: «Пять-де-сят».

Когда он добрался до недоделанного коридора, рабочая смена уже сворачивалась. Слой полового покрытия доходил как раз досюда, а дальше тянулась только широкая полоса шершавого серого свежего бетона, из которого кое-где торчали брошенные куски поверхностной опалубки. Вокруг на сваренных из арматуры опорах стояли фонари, заливавшие место работы ярким светом.

— Какие-то неполадки с укладчиком, мистер Крэбб, — пожаловался бригадир смены. Эти люди выросли в мире безупречно работающих механизмов и очень переживали, когда те изредка их подводили.

— Я посмотрю. В бункере что-нибудь осталось?

— Наполовину полон. Разгрузить его?

— Нет, оставьте, как есть. Я попытаюсь еще раз запустить его, прежде чем вызывать ремонтников.

Двигатели механизмов один за другим выключались, и вскоре помещение наполнила гулкая тишина. Рабочие ушли — их

шаги звонко разносились в огромном пустом пространстве — и Гаст остался один. Он забрался по лестнице на самый верх громоздкой неповоротливой машины, заливавшей пол ровным слоем расплавленного пластика, и отключил блокировку управляющего компьютера. Первым делом он ввел команду провести быстрое тестирование, которое, впрочем, не выдало никаких сообщений об ошибках. Эти квазиразумные механизмы были способны самостоятельно обнаружить едва ли не все свои собственные неполадки и поставить в известность операторов, но все равно время от времени случались отдельные неполадки, которые система диагностики не могла не только идентифицировать, но даже обнаружить. Гаст переключил управление с автоматического на ручное и нажал кнопку запуска.

Послышался отдаленный грохот, и вся огромная масса машины мелко завибрировала, оживая. Вспыхнуло множество красных лампочек, впрочем, быстро сменивших цвет на зеленый, свидетельствующий о том, что двигатели вышли на нужный режим. Когда лампочка общей готовности тоже позеленела, он, скосив глаза, посмотрел на правый телевизионный экран, который показывал ход укладки пола под машиной. Слой свежего покрытия обрывался как раз там, где остановился укладчик.

Гаст подал машину на несколько футов назад, чтобы включились датчики, а затем на рабочей скорости пустил укладчик вперед. Как только распределительное устройство поравнялось с краем, процесс укладки возобновился. Машина сама управляла своим движением, перемешиванием компонентов расплава и его выпуском. На долю оператора оставалось только включение и выключение всего агрегата. Гаст, как замороженный, следил, как за машиной возникает идеально гладкий новый пол, и не мог заметить никаких неполадок. Ему было приятно сидеть здесь и выполнять эту простую, но очень важную работу.

Громко задребезжал предупреждающий зуммер, и на пульте управления замигала яркая красная лампочка. Гаст заморгал и еле-еле успел заметить на экране какое-то черное пятно. В следующее мгновение оно уже исчезло из поля зрения. Он поспешно остановил агрегат, дал задний ход, отведя машину футов на десять назад, и только после этого выключил моторы и спустился вниз. Ступая очень осторожно, так как недавно уложенный пластмассовый пол еще не успел как следует застыть, Гаст добрался до передней кромки. Там в покрытии оказалась впадина, похожая на чашу или пузырь шириной около фута.

Словно машина рыгнула, выливая расплав. Возможно, так оно и было. Причину точно определяют механики. Он сделал в карманном блокноте пометку, что нужно вызвать их, выключил все освещение, кроме дежурного, и вернулся к лифтам. Очень старательно выговорил номер нужного этажа.

Доктор Ливермор и Лита, одинаково сторбившись, сидели за рабочим столом в переднем помещении лаборатории. Оба понурили головы, как на поминках. Впрочем, может быть, это и были поминки. Гаст вошел очень тихо, присушиваясь к их разговору. Он не хотел им мешать.

— Там было несколько очень многообещающих новых линий, — сказала Лита. — Например, Рейли-Стоун. Я не знаю, сколько компьютерного времени потребовалось для предварительного подбора, но лаборанты потратили, наверно, часов сто, никак не меньше, для того чтобы оплодотворить одну яйцеклетку.

— А вам это не кажется немного необычным? — отозвался Ливермор.

— Пожалуй, что да, но ведь это же был первый опыт применения метода Бершока — перекрестно-гибридной селекции с мультиплетным разделением, — а вы же знаете, как проходят такие вещи.

— Конечно, знаю. В следующий раз все будет гораздо легче. отошлите назад отчеты, специально отметив случаи неудач. Пусть они начинают работу по подготовке замены. Привет, Гаст, я не слышал, как вы вошли.

— Я не хотел вам мешать.

— Вы нам нисколько не помешали. Все равно, мы уже закончили. Сегодня случилась авария с несколькими нашими банками.

— Да, я тоже слышал об этом. А вы не знаете, отчего она произошла?

— Если бы я все знал, то был бы богом. Скажете, не так?

Лита взглянула на старика так, будто ее шокировали его слова.

— Но, доктор, нам же известно, почему были убиты эмбрионы. Испортился клапан на линии подачи...

— Но почему испортился клапан? У каждой причины должна быть своя причина.

— Доктор, мы идем в Старый город, — сообщил Гаст. Он почему-то почувствовал себя неловко от этого беспредметного разговора и жаждал сменить тему.

— В таком случае не позволяйте мне задерживать вас. Только смотрите, не принесите оттуда никаких инфекций, слышите?

Ливермор повернулся, намереваясь выйти, но дверь открылась раньше, чем он успел подойти к ней. Незнакомый мужчина молча обвел взглядом всех троих. Он вошел в комнату, и его молчание и суровое выражение лица заставили присутствовавших тоже замолчать. Когда дверь за ним закрылась, он громко и четко произнес глубоким голосом их имена, пронзая того, чье имя называл, тяжелым взглядом.

— Доктор Ливермор, Лита Крэбб, Гаст Крэбб. Я прибыл сюда, чтобы увидеться с вами. Моя фамилия Блэйлок.

Было совершенно ясно, что Ливермору такое обращение очень не понравилось.

— Позвоните моему секретарю, чтобы вам назначили время приема. А сейчас я занят.

Он сделал было шаг по направлению к двери, но Блэйлок предупреждающе поднял руку, а другой рукой извлек из кармана тонкий бумажник.

— Я хотел бы побеседовать с вами прямо сейчас, доктор. Вот мое удостоверение.

Ливермор не мог выйти, не толкнув этого человека. Так что он остановился и, набычившись, взглянул на золотой значок.

— ФБР. Ну и чего ради вы явились сюда?

— За убийцей. — Ответом ему было изумленное молчание. — Теперь я могу сказать вам, хотя я был бы рад, если бы вы этого никому не передавали, что один из работающих у вас лаборантов является агентом бюро. И регулярно направляет в Вашингтон донесения о ходе работы.

— Это наглый шпионаж! — Ливермор не на шутку рассердился.

— Ни в коей мере. Правительство сделало крупные инвестиции в этот проект и убеждено в том, что таким образом помогает сберечь деньги налогоплательщиков. У вас здесь было много случаев гибели эмбрионов в первые недели после имплантации.

— Это случайность, всего лишь случайность! — воскликнула Лита, но тут же покраснела и снова умолкла, когда Блэйлок устремил на нее холодный, не улыбочивый пристальный взгляд.

— Неужели? А вот мы так не думаем. В Соединенных Штатах существуют еще четыре Новых города, в каждом из которых ведется свой проект, осуществляемый по тем же самым методикам, какие применяются у вас. У них тоже случались неприятности с колбами, но далеко не в таком количестве, как у вас.

— Немного больше или немного меньше в том или ином месте — это ничего не значит, — заявил Ливермор. — Закон средних величин полностью перекрывает мелкие различия.

— Несомненно, закон перекрывает. Мелкие различия, доктор. Но количество сбоев здесь в десять раз больше, чем в других лабораториях. На каждый сбой, случающийся у них, у вас приходится десять. Соответственно, на их десять — сто ваших. Я не случайно попал сюда. Поскольку вы отвечаете за этот проект, я хотел бы получить от вас письмо, в котором говорилось бы, что я имею право бывать во всех помещениях и разговаривать с кем угодно.

— Моего секретаря сейчас, по-видимому, уже нет на месте. Утром...

— Письмо у меня с собой, оно напечатано на вашем личном бланке, и требуется всего лишь ваша подпись.

Гнев Ливермора был все же, скорее, наигранным, нежели настоящим.

— Я не стану его подписывать. Подумать только — воровать мои бумаги! Нет-нет, я вам этого не подпишу!

— Не будьте грубияном, доктор. Ваши бланки были напечатаны в правительственной типографии. Они и для меня напечатаны несколько штук, чтобы облегчить работу. Постарайтесь хотя бы не осложнять ее.

В его словах звучала холодная властность, заставившая Ливермора остановиться, полезть в карман, вытащить ручку и подписать письмо. Гаст и Лита наблюдали за происходящим, не зная, что им делать. Блэйлок аккуратно сложил письмо и убрал в бумажник.

— Я хотел бы попозже поговорить со всеми вами, — сказал он и повернулся к двери. Ливермор подождал, давая ему возможность удалиться, а затем тоже вышел, не сказав ни слова.

— Какой ужасный человек, — сказала Лита.

— Не важно, ужасный он или нет, если то, что он сказал — правда. Диверсии с колбами... Разве такое возможно?

— Проще простого.

— Но зачем кому-то нужно заниматься такими вещами? — спросил Гаст. — Вот в чем вопрос. Это настолько бессмысленно, настолько глупо. Для этого просто не может быть никакой разумной причины.

— Пусть об этом беспокоится Блэйлок, за это ему платят. А у меня был длинный и трудный день, я хочу есть, и меня больше всего тревожит обед. Так что иди домой и разморозь что-ни-

будь. А я приду буквально через минуту, только закончу этот тест.

Эти слова по-настоящему рассердили его.

— Похоже, за то время, пока мы женаты, ты совсем утратила совесть. Ты что же, совсем забыла, что я пригласил тебя пообедать в Старом городе.

— Ну не то чтобы... — начала было Лита, но тут же осеклась, потому что так оно и было. Хотя Гаст был не совсем прав: ее отвлекла работа, а тут еще этот тип, Блэйлок... Она быстро сложила бумаги, оставив тест незаконченным, и сняла халат, оставшийся в темно-сером платье почти столь же строгого облика, как и лабораторная одежда, и довольно тонком, рассчитанном на постоянный температурный режим Нового города.

— Если снаружи холодно, я должна взять пальто.

— Конечно, там холодно. Ведь сейчас только март. Я уже пригнал автомобиль и положил туда твоё теплое пальто, да и мое тоже.

Они молча дошли до лифтов и спустились на нижний уровень, к стоянкам. Похожий на пузырь автомобиль уже ждал их на пандусе; как только Гаст повернул ручку, крыша поднялась, приглашая пассажиров внутрь. Они надели пальто и сели; Гаст включил обогреватель и только после этого запустил мотор. Электрический двигатель, работающий от аккумуляторов, ровно и мощно загудел, и автомобиль неторопливо двинулся к воротам, которые автоматически распахнулись, как только машина приблизилась к ним. Пришлось несколько секунд подождать, прежде чем открылись внешние двери, — а открывались они лишь после того, как закроются внутренние, — и они оказались на полого уходящей вниз дороге, ведущей в Старый город.

С тех пор как они в последний раз выбирались за пределы Нового города, снаружи все поразительно изменилось. Улицы были разбиты и выглядели очень неопрятно; из трещин торчала высохшая прошлогодняя трава. У поребриков тротуаров валялись бесчисленные клочки бумаги, а когда машина пересекала пустынную площадь, позади поднялось облако пыли. Лита вжалась в спинку сиденья и задрожала, несмотря на то, что обогреватель работал на полную мощность. У домов был нежилой, заброшенный вид, некоторые, в основном деревянные здания, начали рушиться, а серые в гаснущем свете дня деревья взметали к небу тощие, словно руки скелетов, голые ветви. Гаст пытался на ходу читать уличные вывески и даже сбился однажды с дороги, но в конце концов обнаружил яркую светя-

щуюся вывеску, на которой было написано: «У Шарма». То ли они приехали рановато, то ли заведение не пользовалось особой популярностью, но им удалось поставить автомобиль прямо перед входом. Лита не стала дожидаться на холодном ветру, пока Гаст запрет автомобиль, а быстро перебежала несколько футов, отделявших машину от двери. Внутри посетителей встречал и приветствовал Шарм собственной персоной.

— Прошу, прошу. Добро пожаловать, — произнес он с профессиональным радушием, за которым, впрочем, можно было уловить и некоторую скуку. Хозяин оказался высоким мощным негром с очень черной кожей. Он был одет в блестящий кафтан, а на голове носил красную феску. — У меня есть для вас прекрасный столик в самом первом ряду.

— Было бы очень хорошо, — сказал Гаст.

Гостеприимство Шарма было легко понять — помимо Гаста и Литы в ресторане была лишь еще одна пара. В воздухе висел тяжелый кухонный запах, казавшийся к тому же не слишком свежим. Скатерть была покрыта таким множеством застарелых, лишь частично отстиранных пятен, что походила на старинную карту.

— Любите выпить? — поинтересовался Шарм.

— Пожалуй, что да. У вас есть какие-то предложения?

— Можете не сомневаться. «Кровавая Мэри» с текилой. Наше фирменное. Я сейчас принесу кувшин.

Коктейль, судя по всему, был смешан заранее, так как вернул хозяин почти сразу же, держа в руках поднос и прижимая локтем к боку два меню. Он налил посетителям, потом себе и придвинул стул, чтобы присесть с гостями. Обстановка «У Шарма» казалась весьма непринужденной.

— Салют! — провозгласил хозяин, и все трое выпили. Лита сморщилась и поспешно поставила стакан, а вот Гасту резкий вкус напитка понравился.

— Потрясающе. Никогда не пробовал ничего подобного. А как у вас в меню — тоже есть какие-нибудь фирменные блюда?

— Все блюда фирменные. Моя жена большая мастерица по приготовлению всяческой культовой еды. Хлеб из кукурузной муки с коровьим горохом, кошерные «хот-доги», бостонские печеные бобы — у нас есть все это и многое другое. Только выберите. Сейчас заиграет музыка, а примерно через полчаса будет танцевать Айкан. Пейте-пейте, друзья, это за счет заведения.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Гаст, отхлебнув из своего стакана.

— Ни в малейшей степени. Я намерен заморочить вам голову, мистер Крэбб, и плачу вперед. Я видел вас на прошлой неделе по 3-видео, вы рассказывали о Новом городе. Довольно привлекательно, сказал я себе. А каковы могут быть шансы открыть там ресторан? — Он одним большим глотком прикончил содержимое своего стакана и тут же налил себе еще, не забыв подлить Лите и Гасту.

— Это не так-то просто сказать.

— А что просто? Разве что жить на пособие и постепенно терять рассудок от скуки. Что касается меня, то я строю большие планы. Культовую еду любят все. Старики, потому что она напоминает им о давно минувших днях, а дети считают, что такая пища делает их взрослее. Но здесь, в Старом городе, люди редко едят вне дома, очень уж мало у народа свободных песо. Пора перебираться туда, где происходят перемены. В Новый город. Ну и каковы у меня шансы?

— Я могу узнать. Но вы должны понять, мистер Шарм...

— Просто Шарм. Это имя, а не фамилия.

— Вы должны понять, что у стариков особая диета. Медики разрабатывают для каждого из них персональный рацион питания.

— Моя забегаловка вовсе не рассадник тараканов. Мы прошли множество санитарных проверок.

— Я совсем не это имел в виду. Извините, что неясно выразился, но постарайтесь понять меня правильно. Это на самом деле специальные диеты, которые важны для них ничуть не меньше, чем лекарства. Они на самом деле специальные, если вы меня понимаете, — рационы действительно разрабатывают и готовят в лабораториях.

Его перебила громкая барабанная дробь — это печальный с виду американский индеец изобразил на басовом барабане быстрый индейский военный сигнал. После этого он нажал носком ноги на клавишу магнитофона и принялся отбивать ритм на ударных, сопровождая лившуюся из динамиков израильскую народную песню. Это мало походило на искусство, зато звучало очень громко.

— В таком случае, что вы скажете о людях помоложе? — Шарму теперь приходилось кричать, чтобы собеседники могли слышать его сквозь музыкальный шум. — О таких, как вы. Вы отправились в такую даль, чтобы попробовать культовую

пищу, так почему бы ей самой не перебраться поближе к вашему дому?

— Нас там пока что слишком мало. Только техники и лаборанты, да бригады строителей. К настоящему времени родилось не более десяти процентов детей, которым предстоит населять этот город, так что я не знаю, наберется ли там достаточно народу, чтобы вы могли заработать себе на жизнь. Может быть, попозже...

— Ну да, попозже. Очень утешительно. Ждать двадцать лет. — Шарм с мрачным видом откинулся на спинку стула и замер, пошевелившись лишь для того, чтобы вылить в свой стакан остатки содержимого кувшина. Лишь когда в дверях показался следующий посетитель, он с очевидной неохотой поднялся, прервав эту неловкую интерлюдия.

Оба заказали себе понемногу всех фирменных блюд и бутылку вина, поскольку Лита была не в восторге от «Кровавой Мэри». Пока они ели, на сцене появилась смугловатая девушка, возможно гавайского происхождения, и принялась с безразличным видом исполнять танец хула. Гаст наблюдал за ней не без удовольствия, так как она была одета лишь в очень низко нацепленную травяную юбочку, в которой недоставало многих пучков, и обладала изрядным избыточным весом, отчего ее телеса тряслись, что придавало танцу особую выразительность.

— Вульгарность! — сказала Лита, вытирая салфеткой слезы, выступившие у нее после того, как она положила на кусок фаршированной рыбы слишком много хрена.

— Мне так не кажется. — Он под столом положил руку Лите на бедро, а она с каменным выражением лица оттолкнула ее.

— Не надо этого делать в публичном месте.

— А также и дома! Черт возьми, Ли, что происходит с нашим браком? Да, мы оба работаем, отлично, все прекрасно, но как насчет нашей с тобой совместной жизни? Что, если нам взять на воспитание новорожденного?

— Мы уже говорили об этом...

— Тогда ты сказала «Нет!», и на этом все закончилось. Ли, милая, пойми, я не собираюсь пытаться загнать тебя обратно в средневековье, когда женщина водила одного ребенка за ручку, другого кормила грудью, а третьего носила в животе. Женщины наконец-то освободились от всех неудобств и опасностей, связанных с рождением детей, но, видит бог, они все же остаются женщинами. А не мужчинами с несколько иным устройством. Многие пары не хотят иметь детей, ну и прекрасно.

Я согласен, выращивание младенцев в детских яслях дает массу преимуществ. Но есть семьи, в которых выращивают младенцев, а женщины после определенных инъекций могут даже выкармливать детей грудью.

— Ты же не думаешь, что я стану этим заниматься?

— Я не прошу, чтобы ты так поступала, если ты это имеешь в виду, хотя это ни в коем случае не может быть настолько отвратительным занятием, как ты считаешь, судя по твоему тону. Мне лишь хотелось бы, чтобы ты подумала о том, чтобы взять на воспитание ребенка, сына. Он проводил бы с нами вечера и уик-энды. Это было бы очень приятно.

— У меня несколько иное представление о приятном.

Ответ, который уже был готов сорваться с его языка, был резким, ожесточенным и грубым, и, конечно, вызвал бы еще худшую ссору, но прежде, чем Гаст успел произнести хотя бы слово, Лита схватила его за руку.

— Гаст, посмотри, там, в углу, за задним столиком... Это не тот ужасный человек, который приходил сегодня в лабораторию?

— Блэйлок? Да, похож на него. Хотя при этом сверхромантичном освещении трудно что-нибудь точно разглядеть. А какая разница?

— Неужели ты не понимаешь, что если он здесь, то, значит, он нас выслеживает? Наверно, он считает, что мы устраиваем эти неприятности с колбами.

— У тебя слишком богатое воображение. Может быть, он просто любит культовую пищу. Судя по его виду, он вполне может себе это позволить.

И все же, действительно, почему он оказался в ресторане? Если он хотел заставить супругов Крэбб нервничать, то он вполне смог добиться своей цели. Лита отодвинула свою тарелку, да и у Гаста тоже пропал аппетит. Он попросил счет, и они, подавленные, напялили на себя пальто и вышли в холодную ночь, провожаемые обвиняющим взглядом молчаливого Шарма, который знал, что ему не суждено жить новой жизнью в Новом городе, как бы он к тому ни стремился.

Много лет тому назад Кэтрин Раффин разработала простой план, благодаря которому уснено справлялась с делами, не входившими в список ее повседневных рутинных обязанностей. Еще на заре своей карьеры она выяснила, что обладает четким высокоорганизованным мышлением и чрезвычайно

цепкой памятью; и то, и другое было очень важно в ее работе. Но ей было необходимо изучать факты медленно и вдумчиво, не позволяя себе перерывов, а в ходе напряженного рабочего дня заниматься чем-либо подобным было совершенно невозможно. Остаться после работы? Это тоже не было выходом, так как телефон продолжал звонить, да и усталость частенько не позволяла ей полностью задействовать свои умственные способности. А взять работу домой тоже не всегда представлялось возможным. Будучи от природы «жаворонком», она довольно скоро смогла узнать, что все ее коллеги либо относятся к «совам», либо просто слишком любят поспать, и потому от них можно ожидать чего угодно, но только не того, что кто-нибудь из них явится на работу хоть на пять минут раньше положенного срока. Теперь она каждое утро приходила в свой кабинет к семи утра и успевала сделать изрядную толику работы, прежде чем появлялся кто-то еще. Это было практичное и весьма удовлетворительное решение проблемы работы, а человек, которому было очень нужно поговорить с Кэтрин без помех, тоже всегда мог застать ее на месте. Однако она настолько привыкла быть одна в эти ранние часы, что рассматривала присутствие кого бы то ни было как досадную и раздражающую помеху.

Войдя в кабинет, она сразу же заметила записку, которой там, конечно же, не было, когда она уходила накануне вечером. Она была напечатана на машинке, а ее содержание оказалось кратким и совершенно недвусмысленным:

Пожалуйста, немедленно зайдите ко мне в «баночную» лабораторию. Срочно.

Р. Ливермор.

Она была раздражена приказным тоном послания и тем, что ей придется нарушить свои планы, и, возможно, самой мыслью о том, что кто-то явился на работу раньше ее. Хотя, что более вероятно, он провел здесь всю ночь — научный персонал частенько торчал в лабораториях круглыми сутками, если только на это не было прямого запрета. Однако на листочке было написано «срочно», и она была вынуждена подчиниться требованию. Время для перебранки найдется и позже, если выяснится, что Ливермор просто раскомандовался, почувствовав себя очень большим начальником. Она убрала свою объемистую сумочку в нижний ящик стола и направилась к лифтам.

Ни в коридоре лабораторного этажа, ни в помещении, в ко-

торое вошла Кэтрин, она не встретила ни души. Впрочем, боковым зрением она уловила какое-то быстрое движение и, повернувшись, взглянула на дверь, за которой находились многочисленные колбы. Дверь была закрыта, но все же Кэтрин не могла избавиться от ощущения, что закрыли ее в тот самый момент, когда она вошла в лабораторию. Возможно, Ливермор прошел туда и теперь дожидался ее там. Но стоило ей сделать шаг в сторону двери, как из-за нее раздался резкий звук разбиваемого стекла, еще и еще раз. Одновременно где-то вдалеке громко задребезжал сигнальный звонок. Кэтрин Раффин почувствовала, что у нее перехватило дыхание, она застыла столбом от неожиданности. Впрочем, ступор длился недолго. Кто-то находился в лаборатории и разбивал аппарат. Колбы! Громко, тяжело топая по полу, она распахнула дверь и ворвалась внутрь. Пол был усыпан стеклом, со стеллажей все еще стекала жидкость из разбитых колб. Но в помещении никого не было. Она озиралась, ошеломленная свершившимся разрушением и внезапно случившегося, потрясенная тем, как резко и безжалостно были оборваны эти тщательно сконструированные жизни. С трудом различимые невооруженным глазом сгустки клеток, которые должны были превратиться в следующее поколение человечества, умирали прямо сейчас, пока она стояла, разинув рот. И она была совершенно беспомощна. Это было пугающее ощущение, из-за которого она утратила способность двигаться. Под ногами валялись осколки, а в непрерывно растающей луже жидкости валялся молоток.

Оружие убийцы? Она наклонилась, подняла молоток с пола, и когда она снова выпрямилась, то услышала за спиной чей-то незнакомый голос.

— Медленно повернитесь. Не делайте ничего такого, в чем вам пришлось бы потом раскаиваться.

Этот голос выдернул Кэтрин Раффин из овладевшей ею глубокой задумчивости. Все случилось слишком быстро, и она никак не могла заставить себя признать, что эти события на самом деле реальны.

— Что? — пробормотала она. — Что? — Повернувшись, она увидела в дверях незнакомца, наставившего на нее предмет, который, судя по всему, был револьвером.

— Медленно положите этот молоток, — приказал незнакомец.

— Кто вы такой? Молоток с грохотом упал на пол.

— Именно это я собирался спросить у вас. Моя фамилия

Блэйлок, я из ФБР. Вот мое удостоверение. — Он поднес к ее лицу значок.

— Кэтрин Раффин. Меня сюда вызвали. Доктор Ливермор. Что все это значит?

— Вы можете это доказать?

— Конечно. Вот записка, можете ее прочесть.

Он взял листок кончиками пальцев за уголок, мельком взглянул на текст, а потом положил записку в конверт и убрал в карман. Его оружие, словно само собой, исчезло.

— Это мог напечатать кто угодно, — сказал он. — Не исключено, что это сделали вы сами.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Она лежала на моем столе, когда я недавно пришла на работу. Я прочитала ее, сразу же отправилась сюда, услышала звук бьющегося стекла, вошла, увидела этот молоток и подняла его. Вот и все.

Блэйлок на секунду или две уставился ей в лицо, затем кивнул и указал жестом в сторону находящегося у него за спиной помещения.

— Возможно, так оно и было на самом деле. Мы проверим это попозже. А пока что немного посидите здесь, а я сделаю несколько звонков.

Он извлек список номеров и набрал первый из них. Ответа ему пришлось ждать довольно долго. В конце концов на экране появилось слегка отекшее спросонок лицо Литы Крэбб.

— Что вам нужно? — спросила она, ее глаза широко раскрылись от изумления, когда она разглядела, кто ей звонит.

— Мне нужен ваш муж. Я хочу поговорить с ним.

— Он... он спит. — Она тревожно взглянула куда-то в сторону, и Блэйлок не преминул уловить нотки колебания в ее голосе.

— Спит? В таком случае разбудите его и попросите подойти к телефону.

— С какой стати? Скажите мне, зачем я должна это делать.

— Если вы этого не сделаете, то я сам через несколько минут буду у вас. Это может вас как-то смутить, миссис Крэбб? Так что или сейчас же будите вашего мужа, или говорите правду.

Она потупила взгляд и чуть слышно проговорила:

— Его нет. Его не было всю ночь.

— Вы знаете, где он?

— Нет. И меня это нисколько не интересует. Мы разошлись во мнениях, и он куда-то отправился. Больше я ничего не намерена вам говорить.

Экран потемнел. Блэйлок сразу же набрал другой номер. На сей раз ответа не последовало вовсе. Агент повернулся к Кэтрин Раффин, которая сидела неподвижно, продолжая ощущать себя подавленной быстрым развитием событий.

— Мне хотелось бы, чтобы вы проводили меня в рабочий кабинет доктора Ливермора.

Все еще не веря, что весь этот кошмар происходит на самом деле, она послушалась. Дверь оказалась незапертой; Блэйлок резким движением распахнул ее и заглянул внутрь. Сквозь стеклянные стены сочился бледный солнечный свет раннего утра. В кабинете никого не было. Блэйлок втянул раздувавшимися ноздрями воздух, как будто учуял запах, обещавший стать неопровержимым доказательством, и указал на дверь в правой стене.

— Что за этой дверью?

— Не имею ни малейшего представления.

— Оставайтесь здесь.

Кэтрин Раффин очень не понравился его тон, но прежде, чем она успела сказать об этом, агент уже пересек комнату и, стоя немного в стороне, около стены, осторожно открыл дверь. За ней оказалась небольшая комната, где спал, лежа на кушетке, Ливермор, укрытый тонким одеялом, которое он придерживал одной рукой возле шеи. Блэйлок тихо вошел и взял спящего за запястье, нащупывая указательным пальцем пульс. Почувствовав прикосновение, Ливермор открыл глаза, заморгал и вырвал руку.

— Какого черта вы здесь делаете?

— Проверяю ваш пульс. Вы ведь не имеете ничего против, не так ли?

— Конечно, имею. — Он сел и отбросил одеяло в сторону. — Я здесь врач, и только я проверяю пульс. Я спросил вас, что означает такое вот в высшей степени бесцеремонное вторжение?

— Произошла очередная диверсия в лаборатории, где стоят колбы. Я услышал сигнал тревоги. И застал там эту женщину с молотком в руке.

— Кэтрин! С какой стати вам понадобилось заниматься такими глупостями?

— Да как вы смеете! Вы прислали мне записку — я ее получила, — в которой просили меня прийти туда, и я оказалась в ловушке. А что, если вы сами перебили эти банки?

Ливермор зевнул, потер кулаками глаза, нагнулся и принялся нашаривать под кушеткой ботинки.

— Так наверняка думает наш Дик Грейси. Он фыркнул и

натянул ботинок. — Обнаруживает меня здесь спящим, не верит, что я на самом деле сплю, пытается пощупать мой пульс, чтобы выяснить, не бегал ли я только что с этим молотком, потому что в таком случае пульс окажется чаще, чем у спящего. Идиот! — Последнее слово он рывкнул в полный голос, а потом поднялся на ноги. — Я отвечаю за этот проект, это мой проект. Прежде чем обвинять меня в саботаже, вам стоило бы найти более убедительную причину, чем беспочвенное подозрение. Узнайте, кто напечатал эту дурацкую записку и, возможно, узнаете, в каком направлении вам следует рыть.

— Именно это я намереваюсь сделать, — отозвался Блэйлок, и в этот момент зазвонил телефон.

— Это вас, — сказал Ливермор, передавая аппарат агенту ФБР, который некоторое время слушал молча, а потом отрывисто скомандовал:

— Приведите его сюда.

Перед тем как уйти, Кэтрин Раффин сделала официальное заявление, которое было записано на диктофон, имевшийся в кабинете Ливермора. То же самое пришлось сделать и самому Ливермору. Да, он не уходил в свою квартиру. Он допоздна работал в своем кабинете и остался ночевать в соседней комнате на кушетке. Да, он часто так поступает. Он ушел спать около трех часов ночи, и ничего не видел и не слышал с того момента до тех самых пор, когда Блэйлок разбудил. Да, он имел возможность попасть в помещение, где стоят колбы, через заднюю дверь и через приемную, но он этого не делал. Он как раз заканчивал надиктовывать свое заявление, когда незнакомец, одетый в такой же строгий костюм и с таким же суровым выражением лица, что и у Блэйлока, ввел в кабинет Гаста Крэбба. Своего помощника Блэйлок отпустил и сосредоточил внимание на Гасте.

— Вас всю ночь не было в вашей квартире. Где вы были?

— Идите к черту.

— Вы не понимаете своего положения. Ваше местонахождение неизвестно вплоть до последних нескольких минут, когда вы пришли на рабочее место. За минувшую ночь кто-то ворвался в лабораторию с колбами и при помощи молотка устроил диверсию против проекта. Я еще раз спрашиваю: где вы были?

Гаст, который был очень простым и бесхитростным человеком во всем, кроме работы, теперь исполнял пантомиму вины, тревоги и несчастья со всеми ее атрибутами, вплоть до возведения глаз к небу и выступивших на лбу крупных капель пота.

Ливермору стало жалко его, он отвернулся и, бормоча что-то себе под нос, нашел галстук и принялся сосредоточенно завязывать его.

— Говорите! — рявкнул Блэйлок. Несомненно, таким обращением он пытался нагнать страху и на Ливермора.

— Это совсем не то, что вы думаете, — тусклым голосом сказал Гаст.

— Дайте мне исчерпывающее объяснение, или я немедленно арестую вас теперь за преднамеренную диверсию против правительственного проекта.

Снова наступило продолжительное напряженное молчание, которое прервал Ливермор.

— Ради бога, Гаст, скажите ему. Вы никак не могли совершить такую вещь. Что это было? Какая-нибудь девушка? — Увидев, что молодой человек густо покраснел, он негромко хмыкнул. — Ну, да, так оно и есть. Признайтесь в этом; ваши слова не выйдут за пределы этой комнаты. Правительство нисколько не интересуется вашей половой жизнью, а я давно уже вышел из возраста, когда таким вещам придавали какое-то значение.

— Это никого не касается, — пробормотал Гаст.

— Правительства касается все, имеющее отношение к преступным... — загремел было Блэйлок, но Ливермор оборвал его столь же громким голосом:

— Но только не любовные интриги, так что попрошу вас заткнуться! Скажите ему правду, Гаст, скажите, иначе у вас могут быть серьезные неприятности. Это была женщина?

— Да, — с трудом выдавил из себя Гаст, смущенно уставившись в пол.

— Так я и думал. Вы провели с нею ночь. Несколько подробностей вполне хватит для того, чтобы подтвердить ваши слова, зато с вас снимут подозрение.

Подчиняясь этому деликатному, но твердому нажиму, преодолевая болезненное смущение, Гаст кое-как сумел рассказать необходимые подробности. Девушка была секретарем инженерной комиссии. Он давно был с нею знаком, знал, что нравится ей, но между ними совершенно ничего не было до минувшей ночи, когда он после ссоры с Литой побрел сам не зная куда и вдруг оказался перед дверью Жоржетты — вы ведь никому не скажете, да? — она впустила его, а потом сначала одно, потом другое... Вот и все.

— Вот и все, — повторил Ливермор. — Занимайтесь своим

делом, Блэйлок, Гаст пока что побудет здесь, у меня, на тот случай, если он вам понадобится. Разыщите девушку, допросите ее, а нас оставьте в покое. Изучайте таинственную записку, снимите отпечатки пальцев с молотка, одним словом, делайте все, что должны делать в подобных случаях. Но только покиньте нас. До тех пор пока у вас не будет убедительных доказательств, на основании которых вы захотите арестовать меня, я не желаю видеть вас в моем кабинете.

Когда они остались одни, Ливермор приготовил на кофеварке, стоявшей у него в приемной, две чашки кофе и подал одну Гасту, который с печальным видом разглядывал склон холма, закрытый кое-где низкими облаками, из которых сыпался мелкий дождь.

— Вы думаете, что я дурак, — сказал Гаст.

— Ни в коей мере. Я думаю, что вы с Литой поругались и что вы еще больше усугубили положение вместо того, чтобы исправить его.

— Но что я могу сделать?!

Ливермор сделал вид, что не заметил умоляющей потки в голосе своего собеседника и с преспокойным видом помешал кофе ложечкой, чтобы немного остудить его.

— Вы должны сами знать, как себя вести, и не обременять меня таким вопросом. Это ваша собственная проблема. Вы взрослый человек. Ну так решайте ее. Посоветовавшись с женой, или с родственниками, или как хотите. А у меня в данный момент тоже есть несколько довольно серьезных проблем, о которых следует подумать: скажем, диверсии в лаборатории, ФБР и все такое прочее.

Гаст сел поудобнее, расправил плечи и, казалось, был готов улыбнуться.

— Вы правы. Моя проблема не из тех, которые потрясают мир, и я разберусь с ней. Но вы понимаете, что вы, я и Лита, похоже, главные подозреваемые для ФБР? Он, наверно, позвонил в квартиру, уже зная или догадываясь, что меня там нет. А вчера вечером он следил за нами, когда мы поехали в ресторан. Но почему мы?

— Думаю, по причине возможности совершать диверсии. Мы и лаборанты — вот и все, кто может когда угодно войти в «баночную» комнату. А один из лаборантов — шпион ФБР, этот тип сказал нам об этом, так что за ними ведется наблюдение, можно сказать изнутри. Значит, остаемся мы.

— Я вообще ничего здесь не понимаю. Почему кому бы то ни было может прийти в голову портить банки?

Ливермор медленно кивнул.

— Это как раз тот вопрос, на который должен ответить Блэйлок. Пока он не узнает, почему творятся все эти беды, он ни за что не доберется до того, кто их устраивает.

Лита тихо вошла в его кабинет и, не говоря ни слова, закрыла за собой дверь. Гаст удивленно поднял глаза от разложенных на столе бумаг: она никогда прежде не приходила к нему на работу.

— Почему ты это сделал, почему? — хриплым голосом проговорила она, ее лицо было уродливо перекошено от переполнявших женщину эмоций. Гаст настолько опешил, что в первый момент не нашелся, что сказать.

— Не думай, что я ничего не знаю, — этот Блэйлок пришел, чтобы допросить меня, и все мне рассказал. Рассказал, где ты был вчера вечером, кто она такая, так что даже не пытайся отпираться. Я точно знаю, что он не лгал.

Гаст чувствовал себя ужасно усталым и не собирался вступать в перепалку.

— Но зачем ему понадобилось рассказывать все это тебе? — спросил он.

— Зачем? Я думаю, это совершенно очевидно. Его не интересуешь ни ты, ни я, а одна только его работа. Наверняка он подозревает меня, считает, что я могла перебить колбы. Он хотел, чтобы я разозлилась, и я действительно разозлилась, только ему это ничего не дало. А теперь скажи мне, свинья: почему ты это сделал? Это все, что я хочу знать: почему?

Гаст взглянул на свои крепко сжатые кулаки, лежавшие на столе перед ним.

— Думаю, потому, что мне так захотелось.

— Ему захотелось! — яростно выкрикнула Лита. — Теперь совершенно ясно, что ты за человек, — тебе захотелось, и ты взял и пошел! Думаю, мне не нужно спрашивать тебя, что там было, — у меня достаточно хорошее воображение.

— Ли, сейчас не время и не место, чтобы говорить об этом.

— Да неужели? Мне не требуется какого-нибудь особого места, чтобы сказать, что я о тебе думаю. Ты — ты предатель!

Его сдержанность и молчание лишь еще больше раздражали ее. На небольшом столике рядом стояла сделанная в разрезе

модель Нового города, изготовленная еще на начальной стадии разработки проекта. Лита схватила модель обеими руками, подняла над головой и швырнула в мужа. Но предмет оказался слишком легким и, перевернувшись в воздухе, бессильно зацепил Гаста по руке, рухнул на пол и разбился на множество маленьких кусочков пластмассы.

— Зря ты это сделала, — сказал Гаст, присев на корточки, чтобы собрать обломки модели. — Видишь, сломала, а она стоит денег. Я за нее отвечаю.

Единственным ответом оказался хлопок двери. Подняв голову, Гаст увидел, что Лита ушла.

Ее переполнял гнев, какого она не испытывала ни разу в жизни и даже не подозревала, что такое может быть. Ей сдавило грудь, дышать было тяжело. Как он мог поступить с ней таким образом? Она быстро шла, почти бежала по коридорам Нового города, пока в конце концов не была вынуждена остановиться, прислонившись к стенке, и перевести дух. Ей казалось, что она идет совершенно бесцельно, и, лишь увидев надпись над входом в служебные помещения, она поняла, что стремилась к совершенно определенной цели. ЦЕНТРИНЖКОМ, отвратительное сокращение, обозначавшее Центральную инженерную комиссию. Стоило ли ей входить туда, а если да, то что она могла сказать или сделать? Из помещения вышел незнакомый мужчина и придержал дверь перед нею. Она не собиралась объяснять, что стоит здесь, не зная, что ей делать, поэтому ей оставалось только войти. Прямо перед нею на стене оказался план учреждения. Она нажала кнопку с надписью «Секретариат» и отправилась в ту сторону, куда указала светящаяся линия.

Действительно, это оказалось очень легко. В большом зале, где негромкие звуки, издаваемые канцелярскими механизмами и диктофонами, сливались в ровный мощный гул, работало множество молодых и совсем юных женщин. То и дело входили и выходили разные люди, а она стояла не менее минуты, пока перед нею не возник молодой человек с толстенной папкой, набитой бумагами. Лита заговорила с ним, и он сразу же остановился.

— Вы не могли бы мне помочь? Я ищу э-э-э... мисс Жоржетт Букер. Насколько я знаю, она работает здесь.

— Жоржи? Да, конечно. Вон за тем столом у дальней стены, одетая в белую рубашку или как там она называется. Может быть, мне стоит сказать ей, что к ней пришли?

— Нет, я вам очень благодарна, но не стоит. Я сама поговорю с ней.

Лита выждала, пока он ушел, а затем посмотрела поверх согнутых над столами голов в противоположный конец зала, и у нее вновь перехватило дыхание. Да, это, несомненно, была та самая женщина, в белой блузке с темными волосами и кожей теплого шоколадного цвета. Лита быстро вошла в зал и пошла между столами, выбрав такое направление, которое позволило бы ей пройти рядом с этой женщиной. Подходя ближе, она замедлила шаг.

Она была хорошенькой, этого у нее никак нельзя было отнять. Тонкое лицо с красивыми и четкими, словно сделанными руками искусного скульптора, чертами и тонким прямым носом, только вот слишком уж много косметики, да и губы чересчур густо намазаны лиловой помадой. И крошечные серебряные блески, усеивавшие одну щеку и спускавшиеся на шею и грудь, просвечивавшие сквозь легкую, тонкую, почти прозрачную ткань блузки.

Почувствовав устремленный на нее взгляд, Жоржетт подняла голову и приветливо улыбнулась Лите, которая поспешно отвернулась и пошла прочь, все время ускоряя шаг.

Когда день начал клониться к вечеру, доктор Ливермор почувствовал, что очень устал. Он очень мало спал минувшей ночью, а тут еще этот визит агента ФБР, который, что ни говори, сильно расстроил и утомил его. А ему еще нужно было следить за лаборантами, наводившими порядок в «баночной» лаборатории. Безусловно, этим людям можно было доверять, они всегда работали на совесть, но все равно, он хотел лично все проверить, когда они закончат. Он сделает это, а потом можно будет немного подремать. Он отодвинул листы бумаги, покрытые сложными схемами генетических кодов, и с усилием поднялся. Он начинал ощущать свои годы. Возможно, пришла пора подумать о том, чтобы присоединиться к своим пациентам, обитающим в тепле и уюте геронтологических этажей. Он улыбнулся этой мысли и не спеша пошел в лабораторию.

В коллективе, которым он руководил, мало задумывались о формальностях, так что, когда он обнаружил, что дверь кабинета Литы закрыта, ему даже не пришло в голову постучать. Его мысли были заняты колбам. Он распахнул дверь и обна-

ружил, что его помощница рыдает, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки.

— Что случилось? — спросил он, прежде чем успел понять, что, по-видимому, самым мудрым решением было бы бесшумно выйти. До него внезапно дошло, какого рода беды могли так расстроить эту обычно уравновешенную женщину.

Она подняла залитое слезами покрасневшее лицо, и Ливермор закрыл за собой дверь.

— Извините, что я вот так ворвался к вам. Мне следовало постучать.

— Нет-нет, доктор Ливермор, ничего. — Она промокнула глаза платком. — Это вы извините, что вам приходится видеть меня в таком состоянии.

— Ничего особенного. Я думаю, что понимаю, в чем дело.

— Нет, это не по поводу банок.

— Я знаю. Это из-за той девушки, не так ли? Я-то надеялся, что вы ничего не узнаете.

Лита, по-видимому, не слишком хорошо соображала, так как вместо того, чтобы спросить его, откуда ему это известно, снова принялась рыдать при этом напоминании. Ливермор хотел уйти, но никак не мог придумать, как сделать это без неловкости. В данный момент он не испытывал ни малейшего интереса к этой семейной трагедии.

— Я видела ее, — сообщила Лита. — Я пошла туда, бог знает почему, сама не понимая, что делаю. А когда я увидела, кого он мне предпочел... Это было настолько оскорбительно. Растрепанная, вульгарная, наверно как раз из таких, какие нравятся мужчинам. Да еще и цветная. Как он мог так поступить?..

Слова снова сменились рыданиями, и Ливермор остановился, держась за дверную ручку. Он хотел уйти, прежде чем она втянет его в эту историю. Увы, не удалось.

— Я помню, вы как-то рассказывали мне об этом, — сказал он. — О том, откуда вы приехали. Откуда-то с юга, если я не ошибаюсь.

От этого вопроса, не имевшего никакого отношения к ее беде, Лита даже перестала плакать.

— Да, из Миссисипи. Из Билокси — это такой маленький рыбацкий городок.

— Я так и думал. И вы выросли с хорошим запасом расовых предрассудков. Самое худшее, что вы можете найти в этой девушке, — то, что она черная.

— Я никогда не говорила ничего подобного. Но бывают такие вещи...

— Нет, никаких таких вещей не существует, если вы имеете в виду расу, или цвет кожи, или религию, или что-нибудь еще в этом роде. Я потрясен тем, что вы, генетик, можете хотя бы предполагать, что расовая принадлежность может иметь хоть какое-то отношение к вашим проблемам. Глубоко потрясен. Хотя, к несчастью, совершенно не удивлен.

— Мне нет до нее никакого дела. Это он, Гаст, это он такое сделал со мной.

— Он не сделал ровным счетом ничего. Помилуй бог, женщина, вы же боролись за равенство, за одинаковую оплату труда, за свободу от рождения детей — и вы все это получили. Так что теперь вам в общем-то нечего жаловаться на то, что мужчина, если вы выкидываете его из своей постели, идет к кому-нибудь еще.

— Что вы хотите сказать? — почти беззвучно спросила она, потрясенная этими словами старика.

— Извините. У меня нет никакого права говорить вам такие вещи. Я рассердился. Вы взрослая женщина и должны сами принимать решения насчет вашей семейной жизни.

— Нет. Вы не можете вот так уйти. Вы начали говорить и теперь должны четко и ясно сказать мне, что имеете в виду.

Ливермор был все так же сердит. Поэтому он опустил на стул и постарался привести мысли в порядок, и лишь после этого снова заговорил.

— Я старомодный медик, и, пожалуй, будет лучше, если постараюсь рассуждать с медицинской точки зрения. Вы молодая, очень здоровая женщина в самом расцвете молодости. Если бы вы пришли ко мне, чтобы посоветоваться по поводу своей семейной жизни, то я сказал бы вам, что ваша семейная жизнь, похоже, подвергается серьезной опасности, и что именно вы эту опасность породили — изначально породили. Хотя теперь это зашло настолько далеко, что ответственность лежит на вас обоих. Мне кажется, что за своей увлеченностью работой, за своими главными интересами, лежащими за пределами семьи, вы утратили свою сексуальность. У вас просто нет времени на такие пустяки. Причем я говорю сейчас не о физиологических половых различиях, а о всех тех вещах, которые делают женщину женщиной. То, как вы одеваетесь, пользуетесь косметикой, ведете себя, как вы сами себя воспринимаете. Те-

перь ваша работа занимает главное место в вашей жизни, а вашему мужу приходится довольствоваться вторым. Вы должны понять, что некоторые из достижений, завоеванных женщинами в борьбе за свободу, лишили мужчину ряда очень важных для него вещей. У женатого мужчины теперь нет ни детей, ни матери его детей. У него нет никого, кто интересовался бы прежде всего им самим и его потребностями. Я не утверждаю, что браки должны строиться по принципу «хозяин — рабыня», но в браке должно быть куда больше взаимной самоотдачи, чем, похоже, наблюдается в вашем случае. Спросите себя вот о чем: что ваш муж получает от вашего брака, кроме сексуальной неудовлетворенности? Если вы для него всего лишь эпизодический компаньон, то ему было бы куда лучше делить комнату с кем-нибудь из мужчин, его коллег-инженеров, с которым он мог бы беседовать о работе.

Наступило молчание. Через несколько секунд Ливермор громко откашлялся и встал.

— Еще раз извините за мое непрошеное вмешательство.

Он вышел за дверь и увидел Блэйлока, который решительными шагами удалялся через зал. Ливермор секунду-другую постоял, провожая недовольным взглядом спину агента, а потом направился в лабораторию, чтобы проверить, как установлены колбы.

Агент ФБР вошел в кабинет Кэтрин Раффин, даже не постучав. Она вскинула на него холодный взгляд и сразу же вернулась к работе.

— Я сейчас занята и не желаю говорить с вами.

— Я прибыл к вам, чтобы попросить помощи.

— Помощи? У меня? — В ее смехе не было ни капли веселья. — Вы обвинили меня в том, что я расколотила колбы; и как же вы после этого можете обращаться ко мне за помощью?

— Вы единственный человек, у которого я могу получить необходимую информацию. Если вы ни в чем не повинны, как вы постоянно утверждаете, то вы должны быть рады возможности помочь расследованию.

Этот аргумент имел смысл для ее высокоорганизованного разума. У нее не было никакой веской причины — кроме глубокой личной неприязни — для отказа этому человеку. А ведь он был агентом, официально направленным сюда для расследования саботажа.

— Что я могу сделать? — спросила она.

— Помогите мне определить мотив преступлений.

— Я никого не подозреваю и не располагаю никакой информацией, которой не было бы у вас.

— Напротив, располагаете. У вас есть доступ ко всей документации о ходе работы и к компьютеру. К тому же вы владеете программированием. Я хочу, чтобы вы собрали все данные, какие удастся, о содержании колб. Я просмотрел отчеты о потерях и, кажется, заметил там некоторую закономерность, но она совершенно не является очевидной. Факт в том, что уничтожались содержимое части колб, скажем трех из пяти, а в других случаях — подряд все колбы какой-то определенной последовательности. В главных документах должен быть ключ к этой информации.

— Это будет довольно-таки серьезная работа.

— Я могу получить для вас все разрешения, которые могут потребоваться.

— Тогда я этим займусь. Я могу провести сопоставления и проверку и запрограммировать компьютер на поиск релевантной информации. Но я не могу пообещать вам, что вы получите тот самый ответ, который ищете. Уничтожение эмбрионов могло производиться случайно, и если это так, то поиск ничего вам не даст.

— У меня есть причины считать, что это не случайно. Займитесь этим и сообщите мне, как только получите результаты.

Для проведения анализа потребовалось два дня упорного труда. У Кэтрин Раффин получилась работа, которой она осталась очень довольна. Впрочем, не результатами: она так и не смогла заметить в статистических рядах никакой взаимосвязи. Но вдруг ее увидит федеральный агент. Она позвонила ему, сообщила, что работа закончена, и снова принялась изучать колонки чисел. Занималась она этим до тех пор, пока Блэйлок не появился у нее в кабинете.

— Я так и не смогла заметить ничего примечательного, — сказала она, пододвигая агенту компьютерные распечатки.

— Это уже мне решать. Вы можете объяснить мне, что тут что обозначает?

— Вот перечень разрушенных или поврежденных колб. Она указала на первый лист в пачке. — Кодовой номер в первой колонке, следом идентификация по имени.

— Что она означает?

— Фамилии доноров; таким образом легче всего запомнить и идентифицировать определенные линии. Вот, например, Уилсон — Смит: сперма от Уилсона, яйцеклетка от Смит. В других колонках содержатся сведения об отборе, о том, какие свойства были выбраны, и тому подобное. Вместо номеров по общему списку я при обработке использовала для идентификации наименования линий. А на остальных листах — результаты моих попыток найти значимые корреляции; я применяла различные математические методы. Но мне так и не удалось увидеть сколько-нибудь весомой корреляции. Сами названия и то говорят больше.

Блэйлок пробежал глазами напечатанные колонки.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего конкретного. Моя собственная глупая, но давняя привычка. Я происхожу из семьи буров¹ и выросла в одной из резерваций для белых, созданных в Южной Африке после революции. Пока мы не эмигрировали сюда, когда мне было одиннадцать лет, я говорила только на африкаанс. Так что у меня имеется эмоциональная связь с теми людьми — вы назвали бы их этнической группой, — среди которых я родилась. Это малочисленная группа, и в этой стране очень редко удается встретить бура. Так вот, когда мне попадается какой-нибудь список имен, я по старой привычке смотрю, нет ли в нем буров. За всю жизнь мне удалось встретить лишь несколько человек, с которыми можно было бы поговорить о давних днях, проведенных за колючей проволокой. Вот что я имела в виду.

— И как это связано со списками?

— В них нет ни одного бура.

Блэйлок пожал плечами и снова сосредоточился на бумагах. Кэтрин Раффин, урожденная Катерина Бекинд, держала перед собой список фамилий и, поджав губы, снова просматривала его.

— Вообще ни одного африканера. Англо-ирландские имена все до одного.

Блэйлок резко вскинул голову.

¹ Бур ы (а ф р и к а н е р ы) — представители говорящего на языке африкаанс белого населения Африки. В частности, так называют потомков семей, эмигрировавших из Нидерландов (собственно бур ы), Германии и Франции, колонизировавшие, начиная с XVII в., Южную Африку. В 1902 г. после нескольких войн южноафриканские республики буров — Оранжевая и Трансвааль — были присоединены к британским колониям в Южной Африке

— Повторите, пожалуйста, — сказал он.

Она была права. Агент дважды внимательно прочел список имен и убедился в том, что в нем были лишь откровенно англосаксонские или ирландские фамилии. В этом, казалось, не было никакого смысла, как, впрочем, и в том факте, открытом тоже Кэтрин Раффин, продолжавшей анализ списка, используя в качестве ключа подход с точки зрения фамилий, что негров в списке тоже не оказалось.

— В этом нет смысла, ровно никакого смысла, — заявил Блэйлок, стиснув пачку листов в руке и сердито потрясая ею в воздухе. — Какая может быть причина для того, чтобы проводить именно такие преднамеренные акции?

— Может быть, вы неправильно ставите вопрос? Что, если вместо того, чтобы спрашивать, почему некоторые имена оказываются в списке устранившихся, задать вопрос по-другому: почему в этом списке не появляются другие фамилии. Например, африканеров.

— А они вообще есть в списках доноров оплодотворенных эмбрионов?

— Конечно. И африканеры, и итальянцы, и немцы, и многие другие.

— Да, пожалуй, нужно будет задать этот вопрос, — сказал Блэйлок, снова склоняясь над списками.

Это оказался тот самый вопрос, который требовалось отыскать.

Экстренное совещание руководства Совета по генетическому управлению созвали в одиннадцать часов вечера. Как всегда, Ливермор опоздал. Возле большого мраморного стола поставили дополнительный стул, на который уселся Блэйлок, аккуратно стопкой положив перед собой компьютерные распечатки. Кэтрин Раффин включила диктофон и сразу же объявила дату и время проведения совещания, а Стертевант громко закашлялся, погасил свою безвредную травяную сигарету и тут же закурил новую.

— Этот горящий компост когда-нибудь все же прикончит вас, — сказал Ливермор. Кэтрин Раффин поспешила вмешаться, чтобы не дать начаться традиционной перепалке.

— Это совещание собрали по требованию мистера Блэйлока, представителя Федерального бюро расследований, прибывшего сюда, чтобы разобраться в причинах многочисленных

аварий с колбами и очевидном вредительстве. В данный момент он готов сделать сообщение.

— Как раз вовремя, — сказал Ливермор. — И как же, удалось вам узнать, кто же вредитель?

— Да, — бесцветным голосом ответил Блэйлок. — Вы, доктор Ливермор.

— Ну-ну, похоже, мальчик расхвастался. Но вам придется сначала представить какие-нибудь доказательства и только потом пытаться выжать из меня признание.

— Я думаю, что мне удастся это сделать. С тех пор, как началось вредительство, и даже раньше, чем оно было замечено, несчастные случаи происходили с каждой десятой колбой. Этот процент известен под названием десятины, что показательно, так как говорит о состоянии умов и настроений. Он также в десять раз выше, чем в других лабораториях, где количество неудач обычно ограничивается одним процентом. И в качестве следующего доказательства приведу тот факт, что все пострадавшие колбы содержали эмбрионы от доноров ирландского или англосаксонского происхождения.

Ливермор громко фыркнул.

— Довольно несерьезное доказательство. А какое отношение оно имеет ко мне?

— У меня имеется множество расшифровок стенограмм заседаний этого совета, на которых вы недвусмысленно выступали против того, что называли дискриминацией в процессе отбора. Вы, похоже, считаете себя защитником меньшинств, высказывая в разное время обвинения по поводу предвзятого отношения к неграм, евреям, итальянцам, индейцам и многим другим группам. Из документов о ходе работы становится ясно, что ни одна колба, поименованная фамилиями доноров, принадлежащих к какой-либо из этих групп, ни разу не пострадала от несчастного случая или преднамеренного повреждения. Связь с вами кажется столь же очевидной, как и тот факт, что вы являетесь одним из немногих людей, имеющих свободный доступ к колбам, а также специфические знания, которые позволяют вам совершать вредительские действия.

— Лично мне кажется, что это гораздо больше походит на случайные совпадения, чем на факты. Вы намерены вынести эти данные на публичные слушания или открытый судебный процесс, неважно, как это будет называться?

— Да, намерен.

— В таком случае ваши данные укажут также и на случайную или сознательную дискриминацию, практикующуюся при осуществлении применяемых в настоящее время методик генетического отбора, поскольку из них станет ясно, сколько из этих групп-меньшинств не включено в отобранный материал.

— Мне ничего об этом не известно.

— Зато мне известно. В таком случае, учитывая все перечисленные вами факты, я могу признаться во всех действиях, в которых вы меня обвинили. Я сделал все это.

После его слов в зале воцарилась тишина. Кэтрин Раффин помотала головой, пытаясь привести в порядок мысли.

— Но почему? Я не понимаю, зачем вы все это делали, — сказала она.

— Неужели, Кэтрин? Я всегда считал вас гораздо умнее. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы изменить порочную политику верховного руководства нашего совета и всех остальных таких советов по всей стране. Нигде мне не удалось ничего добиться. После того как естественная рождаемость почти полностью ушла в прошлое, все будущие граждане этой страны будут получены из генетического фонда, образованного донорскими яйцеклетками и спермой. При существующих в настоящее время методиках отбора мы будем лишаться меньшинств, одного за другим, а с их исчезновением и бесчисленное множество генов, потерять которые мы просто не имеем права, все же окажутся утраченными навсегда. Возможно, вашим представлениям об идеальном обществе отвечает мир белокожих, голубоглазых, белокурых и мускулистых англосаксонских протестантов. Но это не является моим идеалом, и вряд ли такой мир должен показаться очень уж привлекательным людям, имеющим цветную кожу, потешные обычаи, необычно звучащие имена и носы странной формы. Они заслуживают выживания в ничуть не меньшей степени, чем мы, причем именно в этой стране, называемой Соединенными Штатами Америки. Так что не говорите мне о генофондах итальянцев и израильтян, созданных в их родных странах. Единственными настоящими американцами, полностью заслуживающими этого наименования, являются американские индейцы, но они тоже выброшены из генетического фонда. Совершается преступление. Я знал об этом, но так и не смог никого убедить в его наличии. До тех пор пока не выбрал этот чрезвычайно драматичный способ, чтобы обострить ситуацию. В ходе судебного процесса надо

мной эти факты будут оглашены, а после этого вся политика должна будет подвергнуться пересмотру и изменению.

— Да вы же просто старый глупец, — сказала Кэтрин Раффин, но тепло, прозвучавшее в ее голосе, совершенно не соответствовало резкости ее слов. — Вы погубили себя. На вас наложат разорительный штраф, вы можете попасть в тюрьму, а в самом лучшем случае вас отстранят от должности и отправят на пенсию. Вы никогда больше не сможете работать.

— Кэтрин, дорогая, я сделал то, что должен был сделать. В моем возрасте увольнение с работы не является чем-то страшным. Честно говоря, я предвидел такую возможность и вполне готов к ней. Заброшу генетику и буду в качестве хобби заниматься практической медициной с такими же, как и я сам, живыми ископаемыми. Сомневаюсь, что судьи отнесутся ко мне очень уж сурово. Я думаю, что самое большее, что мне грозит, — это принудительная отставка. Что ж, на это стоит пойти ради того, чтобы вынести факты на публичное обсуждение.

— А вот тут вы заблуждаетесь, — холодно сказал Блэйлок. Он сложил бумаги аккуратной стопкой и теперь убирал их в портфель. — Никакого публичного судебного процесса не будет — просто тихое увольнение с работы. Для всех это окажется наилучшим выходом. Поскольку вы признали свою вину, ваше руководство может в закрытом порядке принять решение о том, как поступить с вами.

— Но это же несправедливо! — запротестовал Стертевант. — Ведь он пошел на это только для того, чтобы получить возможность придать гласности сложившееся положение. Вы не имеете права лишить его такой возможности. Это несправедливо.

— Справедливость здесь совершенно ни при чем, мистер Стертевант. Генетическая программа будет продолжаться в своем нынешнем виде. — Блэйлок, казалось, был готов улыбнуться этой мысли. Ливермор смотрел на него с отвращением.

— Вам этого хотелось бы, не так ли? Не раскачивать лодку. Устранить неloyальных служащих и одновременно избавить эту страну от диссидентствующих меньшинств.

— Это ваши слова, доктор, а не мои. И, поскольку вы признали свою вину, вы ничего не сможете с этим поделать.

Ливермор медленно поднялся и пошел к выходу из зала. Немного не дойдя до двери, он остановился и повернулся.

— Как раз напротив, Блэйлок, потому что я добьюсь полномасштабного публичного слушания. Вы в присутствии моих

партнеров обвинили меня в преступлении, и я желаю очистить свое имя, так как не виновен ни в одном из тех поступков, которые вы мне приписываете.

— Не прохиляет, — Блэйлок забыл о своих холодных официальных манерах, и теперь открыто, издевательски ухмылялся. — Ваше признание записано на пленку, содержащую протокол этого заседания.

— Я этого не думаю. Сегодня, немного раньше, я совершил еще одну вредительскую акцию. Против этого самого диктофона. В нем находится совершенно чистая пленка.

— От этого вам будет только хуже. Есть свидетели вашего заявления.

— Вы так думаете? Оба моих коллеги в совете — честные и глубоко преданные своему делу люди. Невзирая на имеющиеся у нас разногласия, я думаю, что они пожелают, чтобы факты были обнародованы, поскольку я говорю чистую правду. Скажите, Кэтрин, я прав?

— Я не слышал, чтобы вы сознавались в каких-либо преступлениях, Ливермор.

— Я тоже, — поддержал ее Стертевант. — Я буду настаивать на проведении открытого ведомственного слушания, на котором с вас будут сняты все обвинения.

— Увидимся в суде, Блэйлок, — бросил Ливермор и вышел.

— Я думал, что ты будешь на работе. Никак не рассчитывал застать тебя здесь, — сказал Гаст, обращаясь к Лите, которая сидела на подоконнике в гостиной их квартиры. — Я пришел только для того, чтобы забрать свои вещи...

— Не делай этого.

— Я сожалею о том, что случилось в ту ночь. Я просто...

— Давай поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

Последовала пауза, напряжение которой оба ощущали почти физически, а в следующий момент Гаст впервые с того момента, как вошел в комнату, обратил внимание на одежду жены. На ней было платье, которого он никогда прежде не видел легкое, облегающее, с глубоким вырезом. И волосы у нее, хотя и также же короткие, выглядели как-то иначе, чем прежде, и помалы было больше, чем обычно, подумал он. Она выглядела очень привлекательной, и он подумал, стоит ли говорить ей об этом.

— Почему бы нам не выбраться в тот же ресторанчик в Ста

ром городе? — предложила Лита. — Мне кажется, что это может быть очень мило.

— Наверняка будет, я просто уверен, — неожиданно сказал он, вдруг почувствовав себя счастливее, чем когда бы то ни было.

Жоржетта Букер взглянула на часы и обнаружила, что ей уже почти пора выходить. Вот и прекрасно. Этим вечером Дейв снова поведет ее куда-то, а это означало, что он намерен снова сделать ей предложение. Он такой милый. Она могла бы даже выйти за него замуж, но только не теперь. Жить так весело, так занятно, так приятно общаться с разными людьми. А свадьба никуда не денется. Стоит только захотеть, и она окажется замужем, но пока что ей этого как раз не хотелось. Она улыбнулась. Она была совершенно счастлива.

Шарм улыбнулся и съел еще один кусок тонкого рулета, порезанного кружочками.

— Высший класс, — сказал он. — Действительно, просто здорово. Как ты сказала это называется?

— Рогалик, — ответила жена. — Их полагаются подавай к копченой лососине или творогу, или брынзе. Я найти рецепт в той старинной книге по культовой пище. Мне казаться, они очень даже ничего себе.

— Я думаю, что они намного, намного лучше, чем ничего себе. Мы будем печь их помногу, и я буду продавать их в Новом городе, потому что они там едят хлеб, похожий по вкусу на жеваную бумагу, и людям понравятся рогалики. Они должны без памяти полюбить их. Потому что мы с тобой вскоре переберемся в Новый город. Они любят эти рогалики или что-нибудь еще из того, что мы будем им продавать, потому что мы с тобой собираемся поселиться в этом новом месте.

— Шарм, ты уже говорить им об этом.

— Я говорю об этом. Старина Шарм намерен ухватить и для себя кусок хорошей новой жизни.

— Моя говорить тот же самый вещь, так что это должно звучит одинаково на всех языках. Не приготовить ли ты миска спагетти, дорогой? Сегодня вечером моя хотеть приготовить хороший старый эфиопский домашний кухня из Аддис-Абебы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОПАВШИЙ ЛАЙНЕР. Роман	
<i>Перевод В. Вебера</i>	5
ПАРНИ ИЗ С.В.И.Н.Т.У.С.А. И Р.О.Б.О.Т.А. Повесть	
<i>Перевод Д. Громова и О. Ладыженского</i>	257
ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ. Повесть	
<i>Перевод Н. Михайлова</i>	343
РАССКАЗЫ	
ДЕНЬ ПОСЛЕ КОНЦА СВЕТА. <i>Перевод В. Вебера</i>	411
КВИНТЗЕЛЕНЦИЯ. <i>Перевод В. Вебера</i>	423
СКОРОСТЬ ГЕПАРДА, РЫК ЛЬВА. <i>Перевод В. Вебера</i>	441
ПОСЛЕ ШТОРМА. <i>Перевод В. Вебера</i>	444
РАДУШНАЯ ВСТРЕЧА. <i>Перевод В. Вебера</i>	460
Я ДЕЛАЮ СВОЮ РАБОТУ. <i>Перевод В. Вебера</i>	464
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ. <i>Перевод В. Вебера</i>	467
ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА. <i>Перевод В. Вебера</i>	481
ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ. <i>Перевод В. Вебера</i>	497
ЗАРЯ БЕСКОНЕЧНОЙ НОЧИ. <i>Перевод В. Вебера</i>	511
К-ФАКТОР. <i>Перевод В. Вебера</i>	525
ДОРОГА В 3000 ГОД. <i>Перевод В. Вебера</i>	550
СОСУДИ. <i>Перевод А. Корженевского</i>	552
У ВОДОПАДА. <i>Перевод А. Мельникова</i>	576
ПРЕСТУПЛЕНИЕ. <i>Перевод И. Почитайкина</i>	585

ПРОНИКШИЙ В СКАЛЫ. <i>Перевод И. Почиталина</i>	599
НАКОНЕЦ-ТО ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ФРАНКЕНШТЕЙНА. <i>Перевод А. Мельникова</i>	610
КАК УМЕР СТАРЫЙ МИР. <i>Перевод А. Волнова</i>	617
КОСМИЧЕСКИЕ КРЫСЫ ДДД. <i>Перевод В. Бабенко и В. Баканова</i>	621
ДРЕВО ЖИЗНИ. <i>Перевод С. Багрянской</i>	634
ДОБРОСОВЕСТНАЯ РАБОТА. <i>Перевод И. Зивьевой</i>	646
ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР. <i>Перевод А. Гришина</i>	658

Литературно-художественное издание

ВЕСЬ ГАРРИСОН

Гарри Гаррисон

ПРОПАВШИЙ ЛАЙНЕР

Ответственный редактор *Д. Байкалов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Домбровская*
Корректор *С. Игнатова*

Иллюстрация на переплете *Sarah Brown Agency / M. Salwowski*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 17.03.2010. Формат 84×108 ¹/₁₂
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,96
Доп. тираж 3000 экз. Заказ 5767

Отпечатано с электронных носителей издателя тира
ОАО «Творческий полиграфический комбинат» 140024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5
Телефон: (4822) 44 52 03, 44 50 34, факс/чел. (4822) 44 42 15
Home page: www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 9 78 5 699 38890 5

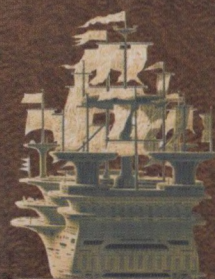

9 785699 388905 >

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Весь
ГАРРИСОН
ПРОПАВШИЙ
ЛАЙНЕР

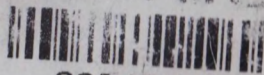

ISBN 978-5-699-38890-5

9 785699 388905 >

ОЦЕНКА

33545091

ЭКСМО